

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9 (75). №4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель и издатель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
Адрес: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол №12 от 22 декабря 2023 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать 22.12.2023. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__» _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 349

**РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕНСИОННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛОЦМАНОВ ДАНИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВВ.**

Кодан С. В.

Уральский государственный юридический университет

Статья посвящена изучению проблемы правовой организации пенсионного обеспечения лоцманов Дании в конце 18 – первой половине 20 вв. Установлено, что с образованием в 1886 г. объединенной лоцманской пенсионной кассы начался новый этап становления и развития централизованной системы пенсионного обеспечения лоцманов Дании, происходивший с учетом мнений самих лоцманов, представители которых включались в создаваемые для этой цели министерством обороны комиссии. Важное значение в развитие пенсионного фонда лоцманом оказывали такие факторы как эволюция института лоцманской проводки и службы в Дании, социально-экономические условия их деятельности. В ходе данного процесса, отдельные нормы получили свое закрепление в законодательных актах 1912 г., 1916 г., 1920 г. и т.д.

Ключевые слова: Дания, лоцманы, пенсионное обеспечение, закон, централизованная система, комитеты, лоцманский совет, министерство обороны (военно-морского флота).

Создание систем социального, а вместе с тем и пенсионного обеспечения тех или иных групп служащих, обладающих сложносоставным правовым статусом на рубеже XIX – первой половине XX вв., стало одной из важных проблем различных европейских государств, в том числе и Дании.

При этом следует указать, что несмотря на принадлежность лоцманов к военно-морскому флоту Дании с конца XVI в. длительное время особого внимания вопросам их пенсионного обеспечения государство не уделяло, концентрируясь в основном на регулирование таких вопросов как организация лоцманских станций, их деятельности, управление лоцманами, установление тарифов и правил и т.д.

Лишь в 1886 г. пенсионное обеспечение лоцманов Дании было организовано путем создания объединенной лоцманской пенсионной кассы [1, с. 9], что являлось весьма современным подходом. Так, к примеру, в Российской империи лоцманские общества в данный период, несмотря на подведомственность ВМФ, каждое имело самостоятельный пенсионный счет, согласно нормам индивидуальных уставов [2, с. 29-95; 3, с. 236-263].

Законом 1912 г. о лоцманской проводке Дании, установлена сложная градация расчета и разделения лоцманских денег (§ 41). Условия выхода лоцманов на пенсию (гл. 6) также были довольно схожи с действовавшими в России, в частности, минимальный срок службы в должности для получения пенсии устанавливался в 10 лет. В случае смерти лоцмана за супругой лоцмана сохранялось право на получение до нового замужества. Законами 1919 и 1920 гг. данные нормы были детализированы и уточнены (§ 46) [4].

Ими был установлен минимальный возраст для пенсии (35 лет), выслуга не менее 10 лет, учитывалось средний годовой заработок, общий доход лоцманского судна за этот же период и т.п. Общий доход, что учитывался в расчете, составлял в основном валовую лоцманскую прибыль, доход от Службы охраны на маркировку и

надзор. При расчете эта средняя сумма делилась на число служащих лоцманов, благодаря чему устанавливался «пенсионный доход». Более подробно расчет пенсии и т.д. излагался в «Правилах общего пилотного пенсионного фонда». Сегодня рассматриваемые правоотношения регулируются законом 2018 г. [5].

Пенсия по вдовству устанавливалась в размере 3/5 от пенсии мужа с учетом некоторых ограничений. Надбавок за малолетних детей не предусматривалось, за то максимальный размер пенсии устанавливался в 3000 крон в год, а вдовий в 1200. Министру, с согласия действующих лоцманов, позволялось, при наличии дополнительных средств в фонде повышать минимальные пенсии (§ 47).

Отдельно оговаривался состав годового дохода Объединенного пилотного пенсионного фонда, а % взносов для каждой лоцманской проводки определялся ежегодно на основе «зачитываемого для пенсии дохода», рассчитанного согласно п. 47 за предыдущий год. Решения по увеличению или уменьшению поступлений в фонд принимались самими его участниками и санкционировались министром (§ 49).

В число членов объединенного лоцманского пенсионного фонда также входили представители вспомогательного и управленческого персонала; лоцманский персонал иных государственных лоцманских управлений со специальными пенсионными фондами, за исключением временных лоцманов. Право вводить Положение о фонде предоставлялось министру. Ему позволялось устанавливать среднее годовое количество лоцманских проводок, положения о пособии на детей (§ 50); издавать положение, регламентирующее вопросы приобретения и эксплуатации судового оборудования и т.д. (§ 51).

В таком виде система пенсионного обеспечения лоцманов Дании действовала вплоть до 2-й Мировой войны, по окончании которой и восстановлении экономики стран Балтийского региона возникла необходимость ее реформирования в новых социально-экономических условиях.

В 1952 г. министр обороны Дании создал комитет с участием всех заинтересованных сторон с целью выработки предложений по реорганизации действовавшей пенсионной системы лоцманов. Данный процесс также был вызван и начавшейся работой по пересмотру закона о лоцманской проводке, в том числе предусматривавшего и существенную реорганизацию всей деятельности лоцманов страны.

В своей работе комитет отмечал, что по своему происхождению лоцманские компании являются местными уполномоченными лоцманскими компаниями, ставки которых и т.д. устанавливались государством, а существовавшее устройство лоцманской системы, ее организация, распределение доходов между лоцманами и их выход на пенсию базировались на Законе о лоцманской проводке от 17 апреля 1916 г. с последующими изменениями.

Действовавшие правила условий пенсионного обеспечения лоцманов, содержатся в разделах 46-51 Закона о лоцманской проводке, поскольку в последний раз эти положения были изменены Законом № 136 от 30 марта 1942 г. в [2, s. 3] в соответствии с рекомендациями, содержащимися в докладе, представленном 10 января 1942 г. комиссией, назначенной Министерством финансов 11 марта 1941 г.

Объединенный пенсионный фонд лоцманов, созданный с 1 января 1886 г. в соответствии со ст. 50 Закона о лоцманской деятельности от 13 июня 1879 г., являлся базовым основанием для выхода на пенсию за лоцманскую службу.

Подробности пенсионной схемы содержались и в документе, также составленном по рекомендации вышеупомянутого пенсионного комитета в 1942 г. по указанию Министерства морского флота. Целью пенсионного фонда являлось обеспечение его членов пенсией при увольнении из лоцманской службы и предоставление лоцманской службы, а также для выплаты пенсий вдовам лоцманов. Кроме того, он имел право предоставлять помощь на образование или пенсию для детей в возрасте до 18 лет.

Все постоянно работающие лоцманы, за исключением лоцманов Копенгагенской лоцманской службы, которые имели свою собственную пенсионную программу, должны были состоять в объединенном пенсионном фонде лоцманской компании.

Любой член пенсионного фонда, который уходил в отставку по достижении 65 лет или увольняется по причине или уволен по болезни или другой причине, не зависящей от него/нее, при условии, что он состоял в фонде не менее 5 лет после достижения 30-летнего возраста.

Размер пенсии рассчитывается на основе стажа работы на зачитываемой для пенсии должности в лоцманской службе после 35 лет в соответствии с таблицей, включенной в Датский закон о лоцманской службе. Нетрудоспособность, наступившая в результате ранения при исполнении служебных обязанностей независимо от выслуги лет и возраста, позволяла пострадавшему претендовать на самую высокую пенсию, соответствующую пенсионному заработку такого лоцмана.

При этом, пенсионный заработок рассчитывается как средняя сумма валового дохода на одного пилота за последние 10 лет перед увольнением данного лица или за весь период его службы, если он составлял менее 10 лет. Размер персональной пенсии (базовая сумма) не могла превышать 4 800 датских крон в год.

Пенсия вдовы составляла 60% от пенсии, которую получал участник программы на момент смерти или пенсии, на которую он имел бы право, если бы был уволен на дату смерти, однако не менее 400 датских крон и не более 2400 датских крон в год. Если муж еще не имел права на пенсию, то пенсия вдовы составляла 400 датских крон в год. Кроме того, существовало положение об уменьшении размера пенсии вдовы, если вдова была моложе мужа более чем на 20 лет, а также о праве разведенных жен на пенсию вдовы.

Помощь на воспитание детей в возрасте до 18 лет предоставляется в качестве дополнения к пенсии вдовы в размере 180 датских крон в год ежегодно на каждого ребенка. Пенсия на детей-сирот в возрасте до 18 лет составляет 270 датских крон в год.

Правила лишения пенсионных прав и т.д. в основном соответствовали правилам Закона о государственных служащих Дании о лишении права на собственную и вдовью пенсию.

При определенных условиях работающие пилоты, уволенные без права на пенсию, имели право на выходное пособие.

В дополнение к базовой пенсии из пенсионного фонда государство выплачивало надбавку к стоимости жизни, которая с 1 апреля 1948 г. составляла 45% от базовой пенсии, но не менее 45% от 1500 датских крон или 675 датских крон в год и не более 45% от 3 000 датских крон или 1 350 датских крон в год.

В соответствии с действующей схемой максимальный размер собственной пенсии и пенсии вдовы с учетом надбавок составлял 6150 датских крон (4800 датских

крон + 1350 датских крон) и 3480 датских крон (400 датских крон + 1080 датских крон) соответственно.

Согласно статье 46 Закона о лоцманской деятельности, доход пенсионного фонда лоцманов состоял из:

1. Пенсионные взносы пилотной серии, для определения которых учитываются следующие доходы [6, s. 4]:

а) валовой лоцманской прибыли, поступающей в лоцманский фонд,

б) государственных грантов, которые могут поступать в лоцманский фонд в соответствии с разделом 41 (Гранты лоцманскому фонду, доход которого таков, что не считается достаточным для обеспечения жизнедеятельности лоцманов) для обеспечения жизнедеятельности лоцманов),

с) валовой платеж лоцманской компании от службы маяков и охраны за разметку и наблюдение.

Процент взноса определяется в соответствии с таблицей, включенной в Закон о лоцманской проводке, на основании пенсионного годового дохода на одного лоцмана. Этот доход рассчитывается путем деления приемлемого дохода на количество работающих лоцманов, участвовавших в чистой лоцманской прибыли в чистой лоцманской прибыли (лоцманский доход после вычета эксплуатационных расходов, включая взносы на пенсионное обеспечение, бухгалтерию и т.д.) Процент отчислений для доходов менее 2 000 датских крон составлял 8%, увеличиваясь на 0,1% на каждые 200 датских крон дополнительного дохода. Взносы производились, например, при валовом доходе от лоцманской проводки на одного лоцмана в размере 6 000 датских крон –10,1%, при доходе в размере 10 000 датских крон 12,1% и, таким образом, до максимума в 25%, который достигался при валовой лоцманской прибыли в размере 35 800 датских крон.

2. Ежегодная государственная субсидия, размер которой определялся актом об ассигнованиях на период 3 года одновременно, так что вопрос о размере субсидии в конце каждого периода выносился на рассмотрение на основании актуарного расчета пенсионного фонда

3. Доходность активов пенсионного фонда.

4. Штрафы, начисляемые пенсионному фонду.

Если в 1942-1951 гг. государственная субсидия пенсионному фонду лоцманов составляла 90 тыс. датских крон в год, то с 1 апреля 1951 г. (до 1952 г.) она составляла 50 тыс. датских крон в год.

Активы пенсионного фонда увеличились, в основном за счет роста доходов от лоцманской проводки и, как следствие, за последние годы значительно увеличились выплаты в пенсионный фонд. Таким образом, увеличение капитала за период 1947-1951 гг. составило 1 858 000 датских крон, а отчетность за 1951 г. свидетельствовала о дальнейшем увеличении капитала на сумму около 6 000 датских крон. В результате активы фонда по состоянию на 31 декабря 1951 г. составили 5 162 500 датских крон.

Актуарный отчет, составленный по состоянию на 1 апреля 1952 г. показывал, что актуарно рассчитанный профицит пенсионного фонда по отношению к текущим и будущим пенсионным обязательствам фонда составлял около 3 млн. датских крон. Таким образом, финансовое положение пенсионного фонда следует считать настолько прочным, что было бы вполне обоснованным увеличить выплаты пенси-

онного фонда. Пенсионный фонд управляется от имени Министерства обороны директором-лоцманом.

Через пенсионный комитет члены пенсионного фонда имели право высказывать свое мнение и пожелания директору оборонного ведомства. В состав комитета, который являлся консультативным, входили 2 действующих и 2 вышедших в отставку пилота.

Что касается управления средствами пенсионного фонда, то согласно уставу, средства пенсионного фонда (после вычета необходимых ликвидных активов) следовало инвестировать в ценные бумаги в соответствии с правилами инвестирования средств несовершеннолетних. Ценные бумаги депонировались в Министерстве обороны с отметкой о том, что они принадлежали пенсионному фонду.

На 1 января 1952 г. 105 действующих лоцманов (101 жена) являлись членами пенсионного фонда. В то же время в пенсионном фонде состояло 46 отставных лоцманов (35 жен) и 54 вдовы [6, s. 5].

Проанализировав данные факты, а также тот факт, что экономическое развитие с 1942 г. привело к тому, что действовавшая пенсионная схема для лоцманов должна была быть признана устаревшей, поскольку развитие одновременно со значительным увеличением доходов и активов пенсионного фонда привело к резкому росту стоимости жизни, для покрытия которой по действующим правилам пенсионеры не имели права покрывать растущие доходы пенсионного фонда.

Поэтому в результате проведенных комитетом исследований и рассмотрений предлагалась новая схема, которая была направлена, прежде всего, на увеличение пенсий в рамках самого фонда в том смысле, что будущие выплаты будут определяться в строгом соответствии с доходами пенсионного фонда.

В то же время предлагалось внести изменения в пенсионные положения закона о лоцманской проводке Дании и соответствующие пенсионные уставы в соответствии с правилами, которые были введены в других пенсионных фондах с государственным субсидированием.

Как уже упоминалось, действовавшие на момент работы комитета положения разделов 47 и 48 Закона о лоцманской деятельности не давали права на выплату из средств пенсионного фонда более высоких личных пенсий и пенсий вдовы (базовый размер), чем 4 800 датских крон и 2 400 датских крон соответственно. С учетом надбавки к прожиточному минимуму, предоставляемой государством, максимальная персональная и вдовья пенсия, таким образом, составляют соответственно 6 150 датских крон и 3 480 датских крон в год, что при тогдашнем уровне цен признавалось весьма недостаточным.

Согласно актуарного отчета о положении пенсионного фонда по состоянию на 1 апреля 1952 г., комиссия считала, что должны быть финансовые основания для увеличения пенсионных выплат на 40%. При этом, текущий актуарный профицит фонда составлял ок. 3 млн. датских крон образовался в основном за счет значительных пенсионных взносов лоцманов.

Комитет считал естественным, что увеличение пенсий должно быть реализовано путем предоставления пилотам пенсий из фонда в полном объеме в будущем, основой для которого могли служить периодические актуарные расчеты.

Поэтому предлагалось, чтобы максимальные размеры собственной и вдовьей пенсии, предусмотренные Законом о лоцманской деятельности в размере 4 800 датских крон и 2 400 датских крон в год соответственно, отменить.

Следует также отметить, что изучение и разработка различных вопросов с помощью организации соответствующих комитетов с участием лоцманов в изучаемый период были системным явлением. В частности, следует указать на работу комитета, созданного в 1950 г., по пересмотру закона о лоцманской проводке по требованию министра обороны. Указанный комитет, что правда, лишь продолжил работу иного комитета, созданного в 1942 г. и вынужденного ее прервать в 1943 г. т.к. события 29 августа 1943 г. привели к тому, что работа комитета не была завершена [7]. Главной задачей данной комиссии было разработка мер и предложений по обеспечению лоцманам минимального дохода и ввести его некоторое регулирование в условиях военной оккупации Дании.

Особо следует указать на тот факт, что кроме собственно совершенствования пенсионного обеспечения лоцманов, к 1953 г. иная комиссия при министерстве обороны рассмотрела и обработала предложение по новому закону о лоцманской проводке, которое было подготовлено лоцманским управлением в продолжение завершённой к тому времени работы по пересмотру тарифов и правил [8].

Таким образом, можно указать, что с образованием в 1886 г. объединенной лоцманской пенсионной кассы начался новый этап становления и развития централизованной системы пенсионного обеспечения лоцманов Дании, происходивший с учетом мнений самих лоцманов, представители которых включались в создаваемые для этой цели министерством обороны комиссии. Важное значение в развитие пенсионного фонда лоцманом оказывали такие факторы как эволюция института лоцманской проводки и службы в Дании, социально-экономические условия их деятельности.

Список литературы:

1. Frederikshavn. – URL: Frederikshavn (museumamager.dk)
2. Никитина А. П. Правовое регулирование деятельности лоцманов Черноморско-Азовском регионе (конец XVII – начало XX вв.): Монография / А. П. Никитина. – Москва : РУСАЙНС, 2018. – 276 с.
3. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феник», 2014. – 512 с.
4. Lov nr. 378 af 30. juni 1919; Lov nr. 155 af 14. april 1920
5. Forslag til Lov om firmapensionskasser. – URL: 20181_L79_som_fremsat.pdf (folketingstidende.dk)
6. Betænkning angående lodsernes pensionsordning afgivet af det af forsvarsministeren under 27. Februar 1952 nedsatte udvalg J. H. Schultz A/S Universitets-bog t rykke ri København 1952. - 64.pdf (xn--betnknings-c9a.dk)
7. Laier, Bengt. 29. august 1943 // Reserveofficeren 4/2003. S. 17-20. – URL: Skydehuset (panterensbastion.dk)
8. Betænkning angående lodslovens revision afgivet af det af forsvarsministeren under 26. januar 1950 nedsatte udvalg. Det administrative bibliotek Slotsholmsgade 12. - 1216 København K Tlf. (01) 122517 J. H. Schultz A/S Universitets-bogtrykkeri København. 1953. – 28 s.

Kodan S. V. Evolution of the legal organization of pension provision for Danish pilots in the end of the XIX - first half of the XX centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 3-9.

The article is devoted to the study of the problem of legal organization of pension provision of Danish pilots in the end of 18 - the first half of 20 centuries. It is established that with the formation in 1886 of the united pilot's pension fund a new stage of formation and development of the centralized system of pension provision of the Danish pilots began, which took place taking into account the opinions of the pilots themselves,

whose representatives were included in the commissions created for this purpose by the Ministry of Defense. Such factors as the evolution of the institution of pilotage and service in Denmark and socio-economic conditions of their activity had an important impact on the development of the pilot's pension fund. In the course of this process, separate norms were enshrined in legislative acts of 1912, 1916, 1920, etc.

Key words: Denmark, pilots, pension provision, law, centralized system, committees, pilotage council, Ministry of Defense (Navy).

Spisok literary:

1. Frederikshavn. – URL: Frederikshavn (museumamager.dk)
2. Nikitina A. P. Pravovoe regulirovanie deyatelnosti locmanov Chernomorsko-Azovskom regione (konec XVII – nachalo HKH vv.) : Monografiya / A. P. Nikitina. – Moskva : RUSAJNS, 2018. – 276 s.
3. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVII – nachale HKH vv. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Fenik», 2014. – 512 s.
4. Lov nr. 378 af 30. juni 1919; Lov nr. 155 af 14. april 1920
5. Forslag til Lov om firmapensionskasser. – URL: 20181_L79_som_fremsat.pdf (folketingstidende.dk)
6. Betænkning angående lodsernes pensionsordning afgivet af det af forsvarsministeren under 27. Februar 1952 nedsatte udvalg J. H. Schultz A/S Universitets-bog t rykke ri København 1952. - 64.pdf (xn--betnkninger-c9a.dk)
7. Laier, Bengt. 29. august 1943 // Reserveofficeren 4/2003. S. 17-20. – URL: Skydehuset (panterensbastion.dk)
8. Betænkning angående lodslovens revision afgivet af det af forsvarsministeren under 26. januar 1950 nedsatte udvalg. Det administrative bibliotek Slotsholmsgade 12. - 1216 København K Tlf. (01) 122517 J. H. Schultz A/S Universitets-bogtrykkeri København. 1953. – 28 s.

УДК 349

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛОЦМАНОВ ДАНИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Корнев А. В.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена изучению возникновению и развитию лоцманских общественных организаций в Дании. Выявлено, что не смотря на государственный характер службы лоцманов Дании, принадлежность их сначала к военно-морскому, а затем военному ведомству с начала XX в. стали создаваться первые общественные профессиональные организации Дании (1905 г.), целью которых была защита социально-экономических интересов лоцманов страны. Данное событие происходило в период бурного развития профсоюзного движения во всем мире и не осталось вне поля внимания властей страны. Законом о лоцманской проводке 1912 г. лоцманам давалось право участвовать в обсуждении отдельных вопросов их профессиональной деятельности. Более активно привлечение лоцманов к обсуждению различных проблем стало производиться с 1940-х гг., когда их представители действовали в специальном комитете. Комитет по заработной плате лоцманов был создан 20 апреля 1945 г.; в 1970 – 1978 гг. действовал еще один, созданный министром обороны лоцманский комитет; законодательными изменениями 1976 г. появилась возможность влияния Датского лоцманского совета на размер сбора в фонд регулирования лоцманской деятельности; закон о лоцманской проводке 1979 г. уточнил полномочия и состава Лоцманского совета, в составе 2 представителей, назначенных Министерством обороны, 1 представителя, назначенного Министерством торговли, 3 представителя назначенных от лоцманов и 2 представителя, назначенных судоходной отраслью». Что правда закон ограничил его функции исключительно консультациями. Созданная на рубеже XX-XXI в. профессиональная организация Danish Pilots вошла в более широкую общественную организацию Lederne Søfart, объединившую представителей большинства заинтересованных сторон морской отрасли. Таким образом, существуют две основные организации лоцманов Дании – Лоцманский совет при министре обороны и Lederne Søfart, представляющие мнение и интересы лоцманов Дании.

Ключевые слова: Дания, лоцманы, совет, комиссия, профессиональные организации, объединения, закон.

Обратная связь даже в жестко структурированных государственных организациях, иногда даже несмотря на их военизированное положение всегда выполняла задачу выявления мнения непосредственных исполнителей тех или иных решений, их возможных предложений и пожеланий с целью как частного, так и общего мониторинга эволюции определенного рода общественных отношений, степени соответствия действующих правовых норм, потребности их совершенствования.

Одним из интересных примеров выстраивания такой обратной связи можно наблюдать в датском государстве на примере лоцманов. Будучи государственными служащими лоцманы Дании, выполняли важнейшие жизненно важные функции данного государства по обслуживанию жизнедеятельности водного транспорта, торговли, портов и т.д.

К началу XX в., несмотря на статус государственных служащих, лоцманы Дании приняли решение об образовании профессиональной ассоциация лоцманов. Целью ассоциации (Det vestlige Distrikts Lodsforening), созданной 13 февраля 1905 г. 22 представителями Западного лоцманского района, объявлялась защита финансовых и профессиональных интересов датских лоцманов, семей погибших и умерших лоцманов, выявление и обсуждение новых проблем в области их профессиональной деятельности.

С организационными изменениями в лоцманской отрасли и централизацией лоцманской системы, вызванными принятием закона 1912 г., ассоциация получила название «Dansk Lodsforening» или же «Dansk Pilotsforening» (Jens Munksgade 8, Копенгаген) [1, с. 40].

В 1912 г. принят очередной закон о лоцманской проводке, дополненный в 1916, 1919 и 1920 гг. Им установлено право лоцманов входить в обсуждение принимаемых в отношении их деятельности правил, тарифов, инструкций и т.п. Правда, определение правил такого обсуждения и выражение мнений лоцманов вверялось министру (§ 52) [2], что создавало особый прецедент взаимоотношений лоцманского общества с вышестоящим руководством.

В последующие годы необходимость выявления мнения лоцманов и их организации по различным вопросам лишь возрастала. Так, в одном из документов находим: «Как будет известно Главнокомандующему, 9 ноября 1942 г. под председательством тогдашнего начальника управления Министерства военно-морского флота контр-адмирала С. Хаммериха была создана комиссия, которой было поручено подготовить предложение о пересмотре Закона о лоцманской проводке.

Комиссия рассмотрела и обработала предложение по новому закону о лоцманской проводке, которое было подготовленное лоцманским управлением в продолжение завершенной к тому времени работы по пересмотру тарифов и правил. Однако события 29 августа 1943 г. привели к тому, что работа комиссии не была завершена.

Среди прочего, вышеупомянутое предложение было направлено на то, чтобы – при сохранении лоцманской серии в качестве первоначальной и до сих пор сохранявшейся основы положения и деятельности пилотов, – обеспечить пилотам минимальный доход и ввести лоцманов минимальным доходом и ввести определенное регулирование лоцманского дохода. В результате возникших трудностей, планировалось перейти к системе, введенной в Швеции системе лоцманской проводки в адаптированном виде.

В силу сложившихся обстоятельств этим вопросом занималась небольшая комиссия (Комитет по заработной плате лоцманов от 20 апреля 1945 г.), которая предоставила свой отчет 10 марта 1948 г.

Новая комиссия по указанной проблематике была назначена письмом министра обороны от 26 января 1950 г., однако, в основном в составе 1942 г. в таком составе: Коммодор Командор А. Легинд, Морское министерство (председатель); директор по лоцманской проводке, командир Х. К. Эрстед; лоцман капитан П. Бом, Копенгагенская лоцманская служба; лоцман С. Хольмё Хансен; председатель лоцманской службы А. Ларсен Бадсе (лоцманская проводка за пределами Копенгагена); Лоцман О. Йенсен; помощник лоцмана А. Møller, постоянные вспомогательные лоцманы, лоцман Эрик Ларсен (Датская ассоциация лоцманов); глава департамента Ове Нильсен (Министерство торговли, промышленности и судоходства); судоводитель, секретарь Th. Петерсен (Датская ассоциация пароходства); офис-менеджер Х. Энгманн (Министерство финансов); член парламента, машинист поезда М. Ларсен; ассоциацию датских портов и доверенное лицо министерства общественных работ Т. Торсøе-Jensen. Секретарем комитета является секретарь Министерства по морским делам Л. В. Асмуссен. Кроме того, в необходимых случаях комитет получил право

консультироваться и, возможно, дополнять свои полномочия специализированными экспертами [3, с. 3].

В качестве результата работы данного органа министерство ожидало мотивированной рекомендации по внесению таких поправок в Закон от 17 апреля 1916 г. о лоцманской проводке, которые Комитет сочтет необходимыми, а также любые предложения по внесению изменений в соответствующие министерские положения или административную практику. Также предусматривалось участие представителей от лоцманских компаний и вспомогательных пилотов избранными депутатами".

Следует указать, что указанный комитет провел ряд заседаний и на основании проведенных исследований и соображений и представил ожидаемый отчет о рассмотрении Закона о лоцманской проводке [3, с. 14].

Очевидно, что данная практика оказалась весьма удачной и потому неоднократно использовалась в последующем. В частности, известно, что письмом от 1 июня 1970 г. министр обороны озвучил решение о создании комитета, который на основе анализа действующих положений и т.д. о системе лоцманской проводки и должен был представить предложения по возможным изменениям Закона о лоцманской проводке, министерских и других положений и административной практики, включая изучение возможность рационализации деятельности лоцманских компаний.

В его состав вошли: председатель – управляющий делами В. Гидэ (министерство обороны). Другие члены комитета: директор лоцманов М. Шмидт; лоцман-председатель А. Ларсен Бадсе (датская ассоциация лоцманов); капитан-лоцман П. Юст Нильсен (датская ассоциация лоцманов); заместитель директора К.В. Линнеманн (датский морской совет); судовладелец А.Э. Сёренсен (датский морской совет); эксп. секр. Таге Мадсен; министерство торговли и Глава представительства Л.Б. Асмуссен. Секретарем комитета был назначен Н.Т. Кристенсен (министерство обороны).

За время работы комитета произошел ряд изменений и на 1 ноября 1978 г. в него входили: председатель – управляющий делами В.Гиде (министерство обороны); Другие члены комитета: директор по судоходству О.Гредал; председатель лоцманского совета Ф.Поулсен (датская ассоциация лоцманов); лоцман Э.Карлсон (датская ассоциация лоцманов); начальник отдела А.Вогнсен (датский морской совет); директор К.Йенсен (датский морской совет); начальник отдела Т.Р.Фундер (министерство торговли; руководитель отдела Л.Б.Асмуссен. В качестве постоянного наблюдателя – исполнительный секретарь Ф.Андерсен (датское управление судоходства); секретарь Андерс Йенсен (объединенная ассоциация навигаторов) участвовал в качестве наблюдателя в последних 5 заседаниях комитета. Секретари комитета: администратор Б. Давидсен и секретарь С. Эскильдсен (министерство обороны) [3, с. 10-11].

Следующий шаг в усилении влияния общественных организаций на профессиональное правотворчество произошел уже в 1976 г., когда в Датском законе о лоцманской проводке, см. Консолидационный закон № 244 от 29 июля 1964 г., с изменениями, внесенными разделом 111 Закона № 213 от 4 июня 1965 г. и Законом № 102 от 20 марта 1970 г., раздел 42 в новой редакции установил возможность влияния Датского лоцманского совета посредством своего заключения на размер сбора в фонд регулирования лоцманской деятельности [4, с. 1031-1032].

В закон о лоцманской проводке 1979 г. § 6 однозначно уже устанавливалось, что «Министр обороны учреждает Лоцманский совет, который: в составе 2 представителей, назначенных Министерством обороны, 1 представителя, назначенного Министерством торговли, 3 представителя назначенных от лоцманов и 2 представителя, назначенных судоходной отраслью». Что правда закон ограничил его функции исключительно консультациями по вопросам, «касающимся разработки общих положений, касающихся лоцманского персонала; свои задачи и финансовое положение лоцманской службы». При этом министр обороны также давалось устанавливать подробные правила деятельности данного Совета [5].

Следующий закон Закона о лоцманской проводке 1989 г. установил следующий состав лоцманского совета: 2 представителей, назначенных министерством обороны; 1 представителя, назначенного министерством промышленности; 3 представителя назначены лоцманов и 2 представителя, назначенных судоходной отраслью. Одновременно были сохранены его консультационные функции в вопросах правотворчества и право министра обороны устанавливать правила его деятельности (§ 6) [6].

Последующее вступление Дании ЕС существенно отразилось на взаимоотношениях высших органов власти, с одной стороны, и лоцманских организаций, с другой. В начале 2000-х гг. происходил сложный диспут о дальнейшем реформировании лоцманской системы в стране, в которой Датская ассоциация лоцманов боролась с позицией Датского морского управления (1988–2011 гг.).

Во исполнение, в частности, Европейской комиссии. В октябре 4 года отчетом Счетного комитета № 00/2001 по лоцманской проводке было завершено предложение об изменении структуры лоцманской службы, которое включало сокращение количества пилотных серий с нынешних 7 до 3 с 1 января 2002.

Осенью 2001 г. это предложение обсуждалось с организациями лоцманского штаба. Из них только датские пилоты высказали свои замечания по этому предложению и выразили желание принять более активное участие в детальном проектировании и реализации структурных изменений. Морская администрация откликнулась на эту просьбу, что оказало отлагательное воздействие на осуществление структурных изменений. Переговорные встречи с датскими пилотами состоялись 8 и 2 октября 9 ноября 2001 г., 5 февраля и 25 апреля 2002 г. В то же время Морское управление Дании обратилось к соответствующим лоцманам с просьбой провести местные обсуждения предлагаемого структурного предложения со всеми Группы персонала.

Предложение было рассмотрено на заседаниях Совета лоцманов 20 ноября 2001 г. и 3 апреля 2002 г. На этих встречах также высказывались только представители Danish Pilots.

После переговоров, проведенных таким образом с датскими лоцманами, и обсуждений в Лоцманском совете, Датское морское управление оценило возможности достижения соглашения с датскими лоцманами по исчерпавшим себя лоцманским судам и 16 августа 2002 г. рекомендовало Министерству обороны слияние с 7 до 3 лоцманских серий, считая, что структурные изменения представляют собой необходимую и срочную адаптацию лоцманской службы. В этом контексте Морская администрация Дании считала, что: Реорганизация должна стать необходимой предпо-

сылкой для дальнейшего развития лоцманской службы, в том числе для достижения большей эффективности и совершенствования Конкурентоспособность [7].

Одной из возможностей любой общественной организации усилить свое влияние, традиционно является участие в более крупных отраслевых и межотраслевых объединениях. Благодаря членству в Lederne Søfart, Danish Pilots представлена в советах и правлениях Датского морского управления. Ледерн Сёфарт это общенациональная профессиональная организация морских менеджеров и специалистов в Дании, созданная в 1992 г. [8].

Данная организация, на партийно-политически независимой основе отстаивать профессиональные, экономические, социальные и связанные с условиями труда интересы членов организации по отношению к государству, муниципалитетам, работодателям и органам власти, а также национальным и международным институтам путем заключения соглашений, коллективных договоров, ведения переговоров и оказания иной помощи.

Lederne Søfart является частью основной организации Lederne и входит в состав Lederne как самостоятельное подразделение с особым статусом. В нее входят активные члены, студенты, старшие и почетные члены.

При этом, в качестве действительного члена может быть принят любой судовой офицер, лоцман, менеджер или функционер, прошедший программу подготовки судовых офицеров или работающий в морской отрасли. Под морской отраслью понимаются судоходные компании, предприятия, учреждения и органы власти, связанные с судоходством, включая суда и морскую деятельность.

Кроме того, в активные члены могут быть приняты лица, ставшие безработными после работы на должностях, где можно было бы получить активное членство. Условием членства является то, что данное лицо является членом организации, входящей в Датскую конфедерацию менеджеров. Членство в этой организации и в Lederne Søfart может осуществляться одновременно.

В качестве студента может быть принят любой учащийся, проходящий подготовку в качестве судового офицера. Помимо членства в Lederne Søfart, студенты также принимаются в члены организации Ledernes Hovedorganisation по программе PRO.

При этом, члены, оставившие морскую профессию, могут продолжать оставаться действительными членами или переходить в старшие члены в соответствии с положениями, установленными правлением. Однако если данный член имеет право на членство в организации, входящей в состав Ledernes Hovedorganisation, то обязательным условием является то, что данный член также является членом этой организации.

В свою очередь почетные члены назначаются общим собранием по представлению Совета директоров.

При вступлении в организацию член принимает на себя все права и обязанности члена организации и несет ответственность по уплате членских взносов до момента выхода из организации (4.1); вносится взнос, размер которого определяется правлением. При повторном вступлении взнос не выплачивается; после вступления в члены членский взнос подлежит уплате в будущем при очередном сборе членских взносов; после вступления в ассоциацию члену выдается членская карточка и копия устава ассоциации.

Размеры членских взносов для различных групп и отчислений во вспомогательный фонд определяются общим собранием по рекомендации правления. В случае членских взносов, взимаемых со студентов, половина взноса перечисляется в Центральную организацию менеджеров (5.1).

Почетные члены освобождаются от уплаты членских взносов (5.2).

В связи с конфликтной ситуацией, участником которой является ассоциация, правление может установить для действующих членов дополнительный членский взнос, который в месяц может составлять до 50% от обычного полугодового членского взноса (5.3).

Совет директоров Lederne Søfart может утверждать соглашения с другими организациями, имеющими право вести переговоры о двойном членстве членов. Доля Lederne Søfart в членском взносе должна составлять не менее 50% от обычного членского взноса ассоциации (5.4).

По заявлению члена ассоциации правление может снизить размер членских взносов или освободить его от уплаты членских взносов, если это оправдано обстоятельствами члена ассоциации, например, в случае длительной болезни, неполного выхода на пенсию, безработицы и т.д. (5.5).

Если член ассоциации не уплатил причитающийся членский взнос после установленной даты, ассоциация может аннулировать его в соответствии с указаниями правления. Просроченные членские взносы могут быть взысканы с помощью юридической помощи за счет члена ассоциации (5.6).

Правление может предоставлять скидку на фиксированные членские взносы с целью привлечения новых членов в ассоциацию. Размер такой скидки может составлять не более 50% от суммы членского взноса и действовать не более 12 месяцев (5.7).

Правление может также устанавливать более низкие членские взносы в связи с оплатой членами ассоциации услуг и продуктов, предлагаемых ассоциацией или предлагаемых в сотрудничестве с другими организациями и/или компаниями.

Выход из состава ассоциации может быть осуществлен с конца квартала, в котором ассоциация получила письменное заявление не позднее, чем за месяц до окончания квартала. К заявлению должна быть приложена членская карточка. Если заявление о выходе не получено не позднее, чем за месяц до окончания квартала, то выход будет исчисляться с конца следующего квартала (6.1).

Члены, которые, по мнению правления, демонстрируют поведение, наносящее ущерб ассоциации, могут быть исключены. Член ассоциации может через своего представителя вынести вопрос об исключении на следующее общее собрание, которое решает, оставить ли исключение в силе (6.2).

При выходе из состава Центральной организации менеджеров Дании член ассоциации также выходит из состава Lederne Søfart, за исключением случаев, когда он является почетным членом (см. § 3) (6.3).

Высшим органом управления ассоциацией - помимо голосования - является общее собрание (7.1).

Годовое общее собрание проводится в январском квартале с уведомлением не менее чем за 1 месяц путем объявления с повесткой дня в газете Ledernes Søfarts medier (7.2).

Внеочередные общие собрания проводятся по требованию Совета директоров или по требованию не менее 50 членов, которые вносят вопросы для обсуждения или принятия. По такому требованию Совет директоров обязан созвать внеочередное общее собрание. Уведомление должно быть направлено не менее чем за 5 дней непосредственно на адреса электронной почты, указанные членами в системе членов в любой момент времени (7.3).

Повестка дня годового общего собрания должна включать как минимум следующие вопросы: выборы председателя; годовой отчет совета директоров; отчетность ассоциации; ориентация на бюджет и определение размера членских взносов; выборы правления и ревизора; поступающие предложения; любые другие вопросы.

Предложения членов по вопросам выбора правления и ревизора должны поступить в правление не позднее, чем за 6 недель до общего собрания и, как минимум, должны быть опубликованы на сайте ассоциации. Крайний срок подачи предложений членов включается в уведомление о созыве общего собрания. Предложение членов публикуется в средствах массовой информации *Lederne Søfarts*.

Решения принимаются обычным большинством голосов, если в настоящем законодательстве не содержится иных правил. Об избрании Совета директоров см. § 9(2). Общее собрание имеет кворум, если на нем присутствует не менее 40 активных членов. Если 40 действительных членов не присутствуют, созывается внеочередное общее собрание, которое составляет кворум независимо от количества присутствующих.

Способ голосования определяется председателем, однако 15 членов могут потребовать письменного голосования.

Совет директоров может поставить принятие любого предложения или поправки в зависимость от того, будет ли оно вновь принято на голосовании, которое должно быть проведено в кратчайшие сроки. Голосование может проводиться по письменной доверенности на имя указанного лица, которое должно быть действительным членом. Однако ни одно присутствующее лицо не может представлять в общей сложности более 4 членов, включая самого члена.

Право голоса имеют только действительные члены и студенты. Однако студенты не могут участвовать в выборах в совет директоров (7.4).

Ежегодно Совет директоров избирает из числа своих членов Президента. Президент является главой организации. Президент получает вознаграждение, согласованное с Советом директоров. Постоянные задачи и обязанности Президента определяются регламентом Совета директоров (8.1).

2. Избрание Президента требует одобрения не менее 1/2 всех членов Совета директоров. Увольнение председателя в течение срока его полномочий в качестве председателя требует одобрения не менее 2/3 всех членов совета директоров (8.2).

Ежегодно Совет директоров избирает из своего состава старшего вице-президента для руководства работой Совета директоров в отсутствие председателя. Если вице-президент также отсутствует, то генеральный директор входит в состав Совета директоров в качестве исполняющего обязанности председателя. По согласованию с председателем и советом директоров заместитель председателя может выполнять определенные задачи.

Заместитель председателя может получать вознаграждение, согласованное с советом директоров. Задачи и обязанности заместителя председателя определяются регламентом работы совета директоров (8.3).

Председатель и заместитель председателя избираются на первом заседании совета директоров после годового общего собрания. Если действующий председатель не переизбирается или выходит из состава совета директоров на выборах совета, то заместитель председателя исполняет обязанности председателя до следующего заседания совета директоров (8.4).

Председатель может действовать от имени ассоциации по вопросам, которые не могут ожидать решения правления, но должен представить вопрос на рассмотрение правления как можно скорее. Председатель и его заместитель отвечают за соблюдение указаний правления и подотчетны правлению за любые действия, которые они предпринимают от имени ассоциации (8.5).

Председатель представляет отделение Lederne Søfart в качестве делегата в Ledernes Hovedorganisation/Lederne. См. дополнительно § 9 (8.6).

Особо оговаривается состав совета директоров, который состоит из 12 членов, избираемых на 4 года и не более чем на 3 срока подряд, а также представителя студентов-членов, установлена процедура начала и ведения переговоров от имени правления; правила решения вопросов по трудовым и контрактным условиям директора и назначения иных сотрудников; аудит организации (10); особенности комплектования и деятельности административного персонала (п. 11); порядок отпуска или объединения ассоциации с другими организациями [9].

Также можно отметить, что в ныне действующий устав вносились изменения в 1995 г., 1999 г., 2002 г., 2005 г., 2006 г., 2007 г., 2008 г., 2010 г., 2013 г. 2018 г.

В целом, можно сделать вывод о том, что, возникнув в 1905 г. в качестве общественных объединений, организации лоцманов (не смотря на государственных, а иногда и военизированный характер их деятельности) прошли долгий путь от права высказываться по отдельным вопросам, до возможности коллективного, с иными или в составе различных объединений, на государственную политику в интересующих их вопросах, отраслевое нормотворчество. Учитывая возросший и закрепленный во второй половине XX в. законодательно спрос на такое сотрудничество, играет важную роль в эволюции отношений на уровне – служащий – организация – государство – закон. В результате данного подхода выигрывают все заинтересованные стороны процесса, а политика государства по взаимодействию с общественными и профессиональными организациями способствует гармонизации политических и экономических отношений.

Список литературы:

1. Hvem er hvem i Dansk søfart kongeriget Danmark shandels flåde Administration, institutioner, organisationer og mænd REDAKTION Afdelingschef i Ministeriet fo r Handel, Industri og Søfart O V E NIELSEN. - FORLAGETLIBERA / S København 1954. – S. 40.
2. Fra Frederik II's søret til nutidens lodslove. – URL: [Fra søret \(danmarkslodshistorie.dk\)](http://danmarkslodshistorie.dk)
3. Betænkning angående lodslovens revision afgivet af det af forsvarsministeren under 26. Januar 1950 nedsatte udvalg. Det administrative bibliotek Slotsholmsgade 12 1216. - København K Tlf. (01) 122517 J. H. Schultz A/S Universitets-bogtrykkeri København 1953. – 28 s. – URL: [87.pdf \(xn--betnknings-c9a.dk\)](http://87.pdf(xn--betnknings-c9a.dk))
4. Forslag til Lov om ændring af lov om lodsvæsenet. Fremsat den 15. oktober 1976 af forsvarsministeren. S. 1031-1032. – URL: [19761_L69_som_fremsat.pdf \(folketingstidende.dk\)](http://19761_L69_som_fremsat.pdf(folketingstidende.dk))

5. LOV nr 116 af 21/03/1979. Lodslov. – URL: Lodslov (retsinformation.dk) folketingsstidende.dk/ebog/19781C?s=255
6. LBK nr 529 af 04/08/1989 Erhvervsministeriet. Bekendtgørelse af lodsloven. – URL: Lodsloven (retsinformation.dk)
7. Peter Skaarup (DF): »Vil ministeren kommentere den verserende magtkamp mellem Farvandsvæsenet på den ene side og brancheforeningen De Danske Lodser og Dansk Navigatorforening på den anden?». – URL: 2002-03 - Svar på § 20-spørgsmål: Om Farvandsvæsenets magtkamp med De Danske Lodser og Navigatorforeningen. (ft.dk)
8. Velkommen til LEDERNE SØFART. A-kasse og organisation for dig, der arbejder i det maritime Danmark. – URL: Velkommen til Lederne Søfart
9. Vedtægter. – URL: Vedtægter | Lederne Søfart

Evolution of public organizations of Danish pilots in the XX-early XXI centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – T. 9 (75). № 4. – P. 10–18.

The article is devoted to the study of the emergence and development of pilot public organizations in Denmark. It is revealed that in spite of the state nature of pilot service in Denmark, their belonging first to the naval and then to the military department, the first public professional organizations of Denmark (1905), the purpose of which was to protect the socio-economic interests of the country's pilots, began to be created at the beginning of the twentieth century. This event took place in the period of rapid development of trade union movement all over the world and did not remain out of the attention of the authorities of the country. The Pilotage Act of 1912 gave pilots the right to participate in the discussion of certain issues of their professional activity. The involvement of pilots in the discussion of various problems became more active from the 1940s, when their representatives acted in a special committee. The Pilot Salaries Committee was established on April 20, 1945; in 1970-1978 there was another pilotage committee established by the Minister of Defense; legislative changes in 1976 made it possible for the Danish Pilotage Board to influence the amount of the pilotage regulation fund levy; the Pilotage Act of 1979 specified the powers and composition of the Pilotage Board, consisting of 2 representatives appointed by the Ministry of Defense, 1 representative appointed by the Ministry of Commerce, 3 representatives appointed by the pilots and 2 representatives appointed by the shipping industry". What is true is that the law limited its functions to consultation only. Established at the turn of the XX-XXI century, the professional organization of Danish Pilots became part of the broader public organization Lederne Søfart, which united representatives of most stakeholders of the maritime industry. Thus, there are two main organizations of Danish pilots - the Pilotage Council under the Minister of Defense and Lederne Søfart, representing the opinion and interests of Danish pilots.

Keywords: Denmark, pilots, council, commission, professional organizations, associations, law.

УДК 340.5

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Галкин А. Г., Дулепина О. В., Деменков В. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

В работе акцент сделан на исследовании внутреннего сравнительно-правового анализа регионально-го компонента национальной правовой системы РФ и исследования действующего состояния законодательства субъектов РФ преимущественно на этапе их современного развития. Анализ будет основан на диахроническом подходе, включающем в себя широкое освещение исторической и культурной концепции правовых преобразований субъектов. Следует учитывать, что законодательные акты субъектов обладают своими характерными особенностями, которые в свою очередь определяются традициями, культурными ценностями и национальными особенностями, присущими исключительно определенным территориям и народностям, которые их населяют. Эти отличительные черты играют важную роль в формировании правовых норм в частности и системы законодательства в целом на региональном уровне, ведь именно в них и заключается первоначальная причина сформировавшейся специфики нормативных актов субъектного законодательства и его определенной самобытности.

Ключевые слова: сравнительная характеристика, форма государственного устройства, правовая система субъекта, ведение субъектов, самоопределение народов, республика, законодательство субъектов, сравнительное правоведение, региональное законодательство, компетенции субъектов, тенденции развития регионального законодательства, конституционное и региональное законодательство, регионы, совместное ведение.

В соответствии с изученной научной литературой, мы смогли установить, что формирование регионального законодательства в России как социально-правового явления имеет важное значение в рамках прогрессивного развития федеративной системы нашего государства. Однако, несправедливым, на наш взгляд, было бы не упомянуть тот факт, что также прослеживаются и противоположные тенденции в рассматриваемом процессе, оказывающие негативное влияние на закрепившуюся в России форму государственного устройства.

Прежде, чем перейти к более детализированному исследованию данной тематики, представляется необходимым отметить, что законодательные документы субъектов РФ представляются в различных формах: конституции, уставы, законы и другие нормативные акты. Каждое государство, будь оно унитарное или федеративное, нормативно закрепляет свой конституционный статус, а также статус своих составных частей (разных форм субъектов), которые имеют возможность изменять свое правовое положение [1].

Несложно проследить, что, в большинстве случаев, республики, которые являются частью Российской Федерации, выражают собственную национальную идентичность посредством использования самых различных форм политического самоопределения несмотря на то, что ранее, на предыдущих этапах развития государства, они находились в статусе автономных республик, либо же областей.

Например, бывшие Адыгейская автономная область и Кабардино-Балкарская автономная область в настоящее время приняли форму республик. Правовой статус данных субъектов формировался на основе конституций РСФСР, автономных конституций и соответствующих законов, которые регулировали историче-

ское развитие и преобразования этих территорий в рамках Российской Федерации [1].

Весь процесс преобразования субъектного устройства и определения, несомненно, отражался в законодательстве регионов. Примером указанных выше изменений может служить процесс исторического формирования республики Дагестан, которая на своем пути прошла значительные трансформации от Дагестанской области Кавказского генерал-губернаторства Российской империи, будучи таковой в конце 19-го века, до официального закрепления республики Дагестан в статусе республики в составе Российской Федерации в 1992 г. [2]. На данном примере мы можем проследить: каких именно тенденций в разные исторические периоды придерживалась республика при разрешении вопроса о своем статусном самоопределении; какими нормативно-правовыми актами данный процесс был регламентирован и какими законодательными актами в последствии закреплена его результат.

В период перестройки и перехода от тоталитарного социализма к либерально-демократическому капитализму происходит следующий этап конституционного реформирования субъектов, известный как «постсоветский». На этом этапе осуществляется принятие первых конституций переходного периода, в рамках совмещения с модернизацией федеративной структуры государства [1]. Стремление республик к более высокой степени самостоятельности переросло в стремление к суверенитету, выраженное в ряде региональных актов.

Более того, в описываемый период конца 80-х начала 90-х годов выпадает такое явление, как парад суверенитетов. Данный термин подразумевает под собой короткий промежуток российской истории, за который, ввиду становления приоритета законодательства субъектов над федеральным, произошло разъединение территорий в рамках единого государства и, как итог, их суверенизация и строительство государств внутри уже существующей страны.

Для законодательного регулирования конституционной эволюции субъектов Российской Федерации в данный период активно использовались Федеративный договор от 31 марта 1992 г. и Конституция Российской Федерации 1993 г. Кроме того, как было ранее упомянуто, были приняты и другие конституции республик, например, Конституция Адыгеи от 10 марта 1995 г., Конституция Дагестана от 26 июля 1994 г., Конституция Северной Осетии-Алании от 12 ноября 1994 г. и т.д.

Особый интерес представляет взгляд на принятие конституций субъектов государства в период перестройки перед появлением новой федеральной Конституции. Особенное внимание заслуживает Конституция Чеченской Республики 1992 г., вызвавшая активный протест. Эта Конституция признавала Чеченскую Республику – Ичкерияу полноценным субъектом международного сообщества и установившим взаимоотношения с Россией на основе международного права. Тем не менее, такой нетривиальный шаг получил достаточно логичное завершение: как было установлено, эти претензии выходили за рамки государственно-правового статуса Чеченской Республики и, соответственно, были не способны обладать юридической силой [3].

Несмотря на подобного рода разлады, было бы сложно не согласиться с мнением Рассказова Л. П. о том, что, законодательство ряда республик в составе

Российской Федерации, особенно на Северном Кавказе, может развиваться путем интеграции норм и принципов мусульманского права и адата в российскую правовую систему [4] – для более подробного анализа данного вопроса следует обратиться к историческому опыту.

Единство региональных конституций перестроечного периода выражалось в том, что в их содержании уделялось особое внимание национальному характеру государственности: например, Конституция Республики Марий Эл описывала ее как суверенное государство, формировавшееся на основе самоопределения марийского народа и выражающее волю и интересы всех граждан республики; в свою очередь, уставы автономных округов, представляющих политическую форму самоопределения малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока, содержали отдельные положения, посвященные этим народам.

В своей Конституции Кабардино-Балкарская республика устанавливала себя как государство, относящееся к федеративному составу Российской Федерации на основе Федеративного договора от 1992 г. и собственной региональной Конституции. Таким образом, посредством подобной формулировки был подчеркнут договорный характер отношений республики с общегосударственным центром.

Подобно Республике Марий Эл, также многие республики закрепляли свой государственно-правовой статус в качестве суверенных государств, ссылаясь на Федеративный договор и, в дополнение ко всему, развивая в главных региональных актах идеи, выраженные в декларациях о государственном суверенитете [1].

Стоит отметить, что даже на современном этапе развитие субъектов не позволяет им быть в полной мере суверенными, так как провозглашению их самостоятельности предшествует разрешение целого ряда проблем, не устраненных на сегодняшний день. К числу подобных спорных вопросов можно отнести такой фактор, как затрудненность реализации конституционного правосудия граждан субъектов Российской Федерации, приобретающая особое значение в свете отсутствия Конституционных судов в некоторых регионах, а также различий в процедуре назначения и формирования таких органов и проблемах их независимого и качественно эффективного функционирования [5].

Итак, подводя итог анализу законодательства субъектов в период начала 1990-х годов, обозначим, что в качестве основной проблематики рассматриваемого этапа выделяется правотворческая деятельность, вызывающая нарушения принципов государственного устройства в законодательстве регионов; зачастую наблюдаются произвольное и необоснованное распределение полномочий и предметов ведения в пользу субъектов, в ущерб государству. Так, в 1992 г. ст. 59 Конституции республики Татарстан предоставляла данному региону право самостоятельно определить свой государственно-правовой статус несмотря на то, что федеральная Конституция утверждала это право, как исключительное ведение государства.

На сегодняшнем этапе развития законодательство субъектов получило новый импульс с принятием Конституции России в 1993 г. Именно здесь подводится разграничительная черта между периодом перестройки и современным этапом – ввиду того, что новая Конституция однозначно определила список субъектов Федерации и их государственно-правовой статус, а понятие «суверенное государство» в отношении субъектов было вовсе исключено.

Однако, Конституция Российской Федерации 1993 г. все же закрепила некоторые положительные нормы Федеративного договора 1992 г.: к их числу относятся нормы, регламентирующие разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами [2]. Это помогло пересилить процесс «суверенизации» республик и установило превосходство федеральной Конституции над положениями Федеративного и других договоров [1].

Современная Конституция нашего государства закрепляет и разграничивает как предмет ведения РФ, ее субъектов, так и предмет их совместного ведения. Обозначим, что предметы ведения и полномочия субъекта Российской Федерации являются сферой общественных отношений, которая регулируется субъектами совместно с Федерацией или независимо от нее. Важно отметить, что субъекты должны стремиться к полной самостоятельности в разрешении вопросов, находящихся в их самостоятельном ведении, однако, при этом предстоит упорядочить ряд проблем, связанных с обеспечением их независимости и эффективности.

Проблема распределения властных полномочий и управленческих функций между Федерацией и регионами представляет собой сложный и активно обсуждаемый в научно-исследовательском сообществе вопрос. Некоторые регионы России включают в свои основные законы положения Конституции, которые регулируют области совместного управления. Так, в конституциях Бурятии, Кабардино-Балкарии, Удмуртии и Чеченской Республики содержатся статьи, которые определяют сферы совместного ведения. С другой стороны, конституции и уставы регионов, таких как Кабардино-Балкария, Хакасия и Забайкальский край, четко определяют предметы исключительного ведения субъектов Федерации.

Официальный государственный язык — это один из элементов конституционно-правового статуса любого государства. Региональное законодательство подтверждает статус русского языка в качестве государственного языка, как это указано в конституциях Карелии, Дагестана, Забайкальского края и Еврейской автономной области. Однако в Конституции РФ предоставляется право республикам устанавливать собственные языки наряду с русским языком в качестве государственных. Во многих многонациональных регионах это право активно осуществляется, особенно в республиках, основанных на национально-территориальном принципе. В таких случаях вторым государственным языком в республиках часто выбирается язык того народа, которому принадлежит название республики. Подобные тенденции предоставляют возможность подчеркнуть народную самобытность и культурно-этнические ценности, индивидуализировать главный закон субъекта, закрепив все эти характерные черты в нормативно-правовом формате.

Анализ законодательства субъектов показывает, что данная возможность активно используется в законодательной деятельности субъектов: согласно Конституции Адыгеи, Северной Осетии – Алании, Татарстана, Хакасии и других регионов установление 2-х государственных языков признается и непосредственно закрепляется.

Не менее важным нам представляется тот факт, что на протяжении всей истории развития Российской Федерации, каждый субъект неизменно имеет официально закрепленное право на самостоятельное определение своей государствен-

ной символики, включая герб, флаг, гимн и административный центр. Эти символы играют важную роль в отражении исторических традиций и национальной самобытности народа, однако не влекут за собой признак государственного суверенитета. Однако следует отметить, что Конституция РФ относит установление символики к предметам исключительного ведения субъектов. Это особо подтверждается дополнительным констатированием такого права в региональных основных законах, таких как Степное Уложение Калмыкии, Конституция Хакасии, Конституция Мордовии и Устав Ставропольского края, которые включают статьи, касающиеся государственных символов и административного центра. Существуют также случаи прямого описания государственной символики в тексте закона, например, Конституция Адыгеи, которая содержит прямое описание государственного герба с подробным описанием элементов дизайна, надписей и символики. Это подчеркивает то обстоятельство, что некоторые регионы все еще уделяют внимание более детальным правовым основам для определения своих государственных символов, несмотря на общую тенденцию к централизации в федеральном законодательстве.

На современном этапе развития законодательства отмечается ограничение возможностей региональных законов в отношении государственного герба и флага. Это связано с тем, что федеральная Конституция уже предварительно определяет правовые статусы и разделение полномочий между центром и субъектами, запрещая делегацию суверенитета. Подчеркиваем, что обладание субъекта такими признаками государства и знаками отличия, как территория, язык и символика, не влечет его суверенизации относительно государства, в рамках которого оно существует.

Проведение реформ является неотъемлемой частью общественных преобразований, социального развития и исторических процессов в субъектах Федерации и государства в целом. Основная цель реформ – совершенствование государственно-политической организации общества. Так, для достижения этой цели государственные властные органы опираются на принципы федерализма и стремятся к формированию новой конституционной системы, что способствует укреплению государственности как всей страны, так и отдельно взятых самоопределенных народов.

Взаимодействие между Конституцией РФ и Конституциями субъектов Российской Федерации является системным единством, которое проявляется в развитии законодательства на уровне субъектов. Это является одним из признаков политической стабильности и составляет неотъемлемую часть национальной правовой системы федеративного государства.

В то же время, необходимо подчеркнуть, что развитие законодательства субъектов не должно противоречить федеральному законодательству, а в случае возникновения таковых противоречий необходимо стремиться к достижению парламентского консенсуса, где зачастую требуется участие Президента или Конституционного Суда Российской Федерации для более качественного их разрешения. На каждом историческом этапе развития российской государственности вплоть до принятия Конституции 1993 г. данная проблема появлялась вновь ввиду отсутствия либо невозможности координирования законодательной деятельности между субъектами федерации и федеральным центром.

В целях пересечения в будущем подобного рода противоречий, для гарантирования интересов многонациональной России и ее народов, а также обеспечения идеи правового государства, представляется необходимым создать предпосылки для стабилизации федерального и регионального законодательства. На наш взгляд, особое внимание следует уделить более тщательному развитию законодательства на уровне субъектов, по тем вопросам, где оно имеет соприкосновение с федеральным законодательством. Прежде всего, речь идет о необходимости четкого законодательного определения сферы исключительной компетенции субъекта федерации. Федеральный центр отказался от практики продления договоров о разграничении предметов ведения и полномочий с субъектами РФ, не предложив другого механизма определения перечня вопросов, относящихся к исключительной компетенции субъекта РФ.

Кроме того, необходимо продвигать систематизацию законодательства внутри субъектов, придавая значимость его иерархической и предметной структуре. Это способствует обеспечению высшей юридической силы федеральной Конституции на всей территории РФ, что, как показывает исторический опыт, является особенно важным и требует регулярного юридического укрепления. Необходимо поддерживать действующие нормы права, регламентирующие вопросы деятельности субъектов, в актуальном состоянии. Общество динамично и подвержено тенденциям, а общество каждого субъекта Российской Федерации – еще и индивидуально: отличия начинаются с культуры и традиций народа, менталитета, религии, языка и преобладают вплоть до уровня правосознания, который в регионах также различен. Так, законодательство обязано идти в ногу с преобразованием общества.

Список литературы:

1. Михалева Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): монография / Н. А. Михалева. – Москва: Юркмпани, 2013. – 331 с.
2. Мальцев Г. В. Правовая система субъекта Российской Федерации: монография / Д. Ю. Шапсугов Г. В. Мальцев – Нальчик: Ростов н/Д, 1996. – 247 с.
3. Михалева Н. А. Конституции республик в составе Российской Федерации: Сборник документов: монография / Н. А. Михалева – Москва: Известия, 1995. – 238 с.
4. Рассказов Л. П. К вопросу о вхождении Северного Кавказа в Россию. Особенности зарождения и функционирования мусульманского права на Северном Кавказе / Л. П. Рассказов – Текст электронный // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №111(07). – С. 1-24.
5. Гумбатова Е. Э., Галкин А. Г. Современные проблемы формирования и деятельности Конституционных (уставных) судов субъектов РФ / Е. Э. Гумбатова, А. Г. Галкин. – Текст электронный // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2019. – С. 1139-1142.

Galkin A. G., Dulepina O. V., Demenkov V. A. Comparative legal characteristics of the legislation of the subjects of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 20-25.

In this paper, the emphasis will be placed on the study of the internal comparative legal analysis of the regional component of the national legal system of the Russian Federation and the study of the current state of the legislation of the subjects of the Russian Federation at the stage of modern development. The analysis will be based on a diachronic approach, including extensive coverage of the historical concept of legal transformations of subjects. It should be noted that the legislative acts of the subjects have their own characteristic features, which are determined by traditions, cultural values and national characteristics inherent in certain territories and nationalities inhabiting them. These distinctive features play an important role in the formation of legal norms in particular and the system of legislation in general at the regional level.

Keywords: comparative characteristics, form of state structure, legal system of the subject, conduct of subjects, self-determination of peoples, republic, legislation of subjects, comparative jurisprudence, regional legislation, competence of subjects, trends in the development of regional legislation, constitutional and regional legislation, regions, joint conduct.

Spisok literatury:

1. Mihaleva N. A. Konstitucii i ustavy sub"ektov Rossijskoj Federacii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie): monografiya / N. A. Mihaleva. – Moskva: YUrkompani, 2013. – 331 s.
2. Mal'cev G. V. Pravovaya sistema sub"ekta Rossijskoj Federacii: monografiya / D. YU. SHapsugov G. V. Mal'cev – Nač'chik: Rostov n/D, 1996. – 247 s.
3. Mihaleva N. A. Konstitucii respublik v sostave Rossijskoj Federacii: Sbornik dokumentov: monografiya / N. A. Mihaleva – Moskva: Izvestiya, 1995. – 238 s.
4. Rasskazov L. P. K voprosu o vhozhdanii Severnogo Kavkaza v Rossiju. Osobennosti zarozhdeniya i funkcionirovaniya musul'manskogo prava na Severnom Kavkaze / L. P. Rasskazov – Tekst elektronnyj // Nauchnyj zhurnal KubGAU. – 2015. – №111(07). – S. 1-24.
5. Gumbatova E. E., Galkin A. G. Sovremennye problemy formirovaniya i deyat'nosti Konstitucionnyh (ustavnyh) sudov sub"ektov RF / E. E. Gumbatova, A. G. Galkin. – Tekst elektronnyj // Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa. – 2019. – S. 1139-1142.

УДК 2-4

ГЕНЕЗИС РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ДУХОВЕНСТВА И ВЕРУЮЩИХ ГРАЖДАН

Журавленко Н. И., Яковец Е. Н.

В статье проведен краткий анализ истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви (РПЦ). Отмечается, что на их состояние существенно повлияли революционные события 1917 г. Октябрьская революция и последующая антирелигиозная политика советского руководства существенным образом ослабили многовековой союз церкви и государства, а в отдельные периоды советской истории приводили даже к его полной деградации. Показано, как в разные периоды советской истории этот союз подрывался усилиями различного рода субъектов «воинствующего атеизма». Подчеркивается положительная роль церкви в вопросах патриотического воспитания граждан нашей страны в период Великой Отечественной войны. Особо выделяется постсоветский период, в рамках которого наступило историческое примирение современных российских коммунистов с представителями традиционных религиозных конфессий.

Ключевые слова: Русская православная церковь; православная религия; духовенство; революция; советская власть; антирелигиозные меры; антирелигиозные репрессии; патриотическое воспитание; историческое примирение.

В первые годы советской власти духовной сплоченности российского общества был нанесен значительный ущерб репрессивными мерами большевистского правительства в отношении духовенства и набожных граждан, прежде всего православного вероисповедания. Как видно из общедоступных документов, действия, предпринятые против этих лиц, были явно непропорциональными, а последствия этой политики и поныне продолжают ощущаться в нашей стране.

В России, имеющей глубоко укоренившуюся православную традицию, до 1917 г. насчитывалось около 117 миллионов православных подданных, проживавших в 73 епархиях. В 1914 г. Русская православная церковь имела 54 174 храма, в которых работало более 100 тыс. священнослужителей, включая священников, дьяконов и псаломщиков, среди которых было три митрополита, 129 епископов и 31 архиепископ [1]. В течение 1920-х и 1930-х гг. советский режим подверг репрессиям более 40 тыс. священнослужителей, включая казни, тюремное заключение, высылку или поражение в правах [2]. Были случаи, когда массовые инициативы «снизу», направленные против православного духовенства, превосходили даже самые агрессивные действия большевистского руководства. Внесудебные репрессии против церковного персонала начались почти сразу после Октябрьской революции. Убийство протоиерея Иоанна Кочурова 31 октября 1917 г. положило начало этим репрессиям. Впоследствии, как подтверждают данные, представленные Д. Соколовым, аресты и убийства духовных лиц происходили с пугающей частотой.

20 декабря 1917 г. в Севастополе был убит настоятель кладбищенской церкви Корабельной стороны о. Афанасий Чефранов. Он был казнен большевиками лишь только за то, что причащал Святыми дарами и исповедовал человека, приговоренного к смерти. Священника расстреляли на паперти храма. В январе 1918 г. на паперти собора Александро-Невской Лавры был застрелен протоиерей Петр Скипетров, пытавшийся с крестом в руках остановить вооруженный отряд, ломившийся в храм. 7 февраля (25 января по старому стилю) 1918 г. в Киеве был убит митрополит Киев-

ский и Галицкий Владимир (Богоявленский). 8 февраля 1918 г. был расстрелян крестный ход в Воронеже. Убиты десятки людей. 6 марта 1918 г. в слободе Ново-Астрахань Старобельского уезда расстрелян священник о. Курчий. 20 апреля 1918 г. в Костроме убит настоятель Борисо-Глебской церкви 87-летний протоиерей Алексей Васильевич Андроников, известный своим благочестием, уважаемый в городе человек. Убийцы ворвались к священнику в спальню, нанесли ему смертельную рану в голову, кинжалом ударили в сердце. 29 июня того же года был утоплен с камнем на шею в реке епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. Эта же участь постигла делегацию прихожан, прибывшую в местный Совет просить освобождения архиерея, и т.д. [1]

23 февраля 1922 г. был издан *Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих*. Формальным основанием для этого явились разразившийся в стране жесточайший голод и отсутствие иных источников помощи голодающим. В письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. В.И. Ленин в этой связи отмечал следующее: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддерживать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно немыслимо... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...» [3].

В 1928 г. Главное управление научных, художественных и музейных учреждений (Главнаука) приняло постановление, разрешавшее вносить изменения в архитектуру культовых сооружений. Согласно этой директиве, все храмы, церкви и часовни, построенные до 1613 г., были объявлены историческими памятниками и, таким образом, подлежали охране. Здания, возведенные между 1613-1725 гг., могли подвергаться переделкам «в случае особой необходимости», у зданий, построенных между 1725–1825 гг., могли сохраняться только фасады, а те, что были построены после 1825 г., к архитектурным памятникам не относились и государством не охранялись, в связи с чем могли полностью уничтожаться.

К началу 1940-х гг. примерно 58% религиозных зданий были уничтожены в результате общенациональной волны конфискации и сносов. Лучшим исходом для дальнейшей судьбы церквей и храмов являлось их переоборудование под клубы, архивы и другие учреждения. Худшим вариантом – если они приспособлялись под зернохранилища, склады и другие хозяйственные объекты, что фактически при-

водило к уничтожению культовых зданий за счет ненадлежащих условий их использования [2].

Как тут не вспомнить храм Пресвятой Богородицы в Старом Симонове – место захоронения героев Куликовской битвы Александра Пересвета и Андрея Осляби. Он был переоборудован в компрессорную станцию для завода «Динамо» и служил в этом качестве до середины 1980-х гг. Подобные случаи, наряду со сносом Храма Христа Спасителя и других святынь, нанесли серьезный ущерб исторической памяти общества и не могут быть оправданы никакими якобы благими намерениями.

В 1920-х гг. государство инициировало антирелигиозную кампанию, направленную на эксгумацию мощей святых РПЦ. Б.В. Титлинов писал по этому поводу, что «...история с мощами началась случайно в конце 1918 г. в связи с осуществлением декрета об отделении церкви. 22 октября сего года в Александро-Свирском монастыре Олонецкой губ., при приеме на учет богослужебного имущества было обнаружено, что в литой раке Александра Свирского вместо мощей находится восковая кукла». Это вызвало возмущение общественности и привело к массовым требованиям провести экспертизу всех реликвий «для разоблачения возможного обмана». Советские власти охотно пошли навстречу этим пожеланиям, в связи с чем 14.08.1919 Наркомюстом было издано постановление «Об организационном вскрытии мощей».

Последовавшие расследования выявили практику, которая была компрометирующей для Русской православной церкви, что удивило даже самих служителей культа. То, что было найдено в раках, «вовсе не мирилось с установившимися в церковном мире обыденными понятиями о мощах, как о нетленном, сохранившемся теле, – писал Б.В. Титлинов. – На поверку оказывалось, что в раках с мощами больше постороннего приклада, чем костей умерших, да и то далеко не в сохранном виде». Как оказалось, практика восполнения несохранившихся элементов мощей до пропорций человеческого тела была широко распространена в XVIII–XIX вв. с ведома церковных властей.

Тем не менее «антимощевая» кампания, по сути, представляла собой вмешательство государства в дела церкви, направленное на подрыв ее авторитета среди населения. В 1920 г. было издано постановление «О ликвидации реликвий во всероссийском масштабе», подводившее итог всей кампании. Всего было вскрыто 65 рак с мощами русских святых, в том числе и особо почитаемых Русской православной церковью, таких как преподобные Серафим Саровский и Сергей Радонежский. Вскрытия сопровождалась фото- и киносъемкой, материалы которой затем использовались в агитационных целях [4].

Мощи святых, по большей части, были изъяты из церквей и переданы в краеведческие или исторические музеи. В конце XX в. останки святых были возвращены РПЦ и продолжают почитаться верующими. Однако в современном православии мощи не считаются нетленными, поэтому сейчас почитание мощей святых носит более прагматичный характер и воплощает сознательно исповедуемые религиозные убеждения, а не мистические представления прошлого. «Тем не менее, – как отмечает Д.Е. Леонов, – и в современной Церкви есть люди, которые склонны идеализировать прошлое, затушевывая все неприглядное. История со вскрытием мощей напоминает, что «нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» (Лк. 12, 2), как говорил Иисус Христос. Так и историк, искажающий прошлое в угоду настоящему, ни в коем случае не может быть прав» [5].

Современные российские коммунисты признают, что тема взаимоотношений между РПЦ и большевистским руководством в первые годы советской власти действительно является одним из самых сложных вопросов в нашей истории. Они отмечают, что обострение этих взаимоотношений началось еще в конце 1917 г. и приняло наибольший размах в годы Гражданской войны. По их мнению, объективный взгляд на историю показывает, что сомнения церкви в долговечности недавно установившегося большевистского режима в первые месяцы после Октябрьской революции побудили ее публично выступить против советской власти. В декабре 1917 г. Собор Русской православной церкви принял постановление, объявлявшее православную церковь высшим образованием в государстве. Кроме того, в нем оговаривалось, что только те, кто придерживается православной веры, могут занимать посты главы государства и министра образования, и что православные дети обязаны получать религиозное образование в школах.

Как подчеркивают сторонники большевизма, «этот документ шел вразрез с светским характером нового общества. 19 января 1918 г. патриарх Тихон предал Советскую власть анафеме, и большая часть духовенства стала сотрудничать с белыми, заняв откровенно антисоветскую позицию. В 1921 г., во время голода, охватившего Поволжье, значительное число священников отказалось от сдачи церковных ценностей в фонд помощи умиравшим. Собранный духовенством в эмиграции Карловацкий собор обратился к Генуэзской конференции с призывом объявить крестовый поход против Советского государства. Советское правительство реагировало на подобные факты жестко: был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, часть священнослужителей подверглась репрессиям, ценности начали изыматься принудительно. Многие храмы были закрыты, разрушены или переоборудованы» [6]. Представители КПРФ в своих рассуждениях несколько нарушают хронологию: Декрет СНК РСФСР *Об отделении церкви от государства и школы от церкви*, проект которого был подготовлен М.А. Рейснером¹, появился практически сразу же после отмеченного выше предания анафеме советской власти – 20.01.1918, а не в более поздний период., как это вытекает из приведенного выше текста. Основные положения этого Декрета сводились к следующему.

1. Провозглашался светский характер советского государства – церковь отделялась от него.
2. Вводился запрет на любые ограничения свободы совести или установление каких бы то ни было преимуществ либо привилегий на основании вероисповедной принадлежности граждан.
3. Провозглашалось право каждого исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.
4. Вводился запрет на указание религиозной принадлежности граждан в официальных документах.
5. Свобода исполнения религиозных обрядов гарантировалась настолько, насколько она не нарушала общественного порядка и не сопровождалась посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти получали

¹ Рейснер Михаил Андреевич – родился в 1868 г. Юрист, психолог, социолог, историк, государственный деятель. Как исследователь разрабатывал теорию «социальных раздражений». Воинствующий атеист, один из инициаторов и организаторов гонений церкви после революции 1917 г. Умер в 1928 г.

право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не мог, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения гражданских обязанностей (исключение в этом плане допускалось лишь при условии замены одной гражданской обязанности другой в каждом конкретном случае по решению народного суда).

7. Отменялась религиозная клятва или присяга. В необходимых случаях допускалось лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния должны были регистрироваться исключительно представителями государства – отделами записи браков и рождений.

9. Школа как государственное образовательное учреждение отделялась от церкви, вводился запрет на преподавание религии. Граждане могли обучать и обучаться религии только частным образом.

10. Предусматривался запрет на принудительные взыскания, сборы и обложения в пользу церковных и религиозных обществ, а также запрет на применение мер принуждения или наказания со стороны этих обществ к их членам.

11. Ликвидировалось право собственности церковных и религиозных обществ на движимое и недвижимое имущество. Они лишались юридического статуса юридических лиц.

12. Все имущество существовавших в России церковных и религиозных обществ было объявлено народным достоянием [7]. Таким образом, в соответствии с положениями Декрета, в государственных школах началось преподавание атеизма. Специально для борьбы с «опиумом для народа» по инициативе ВКП(б) в 1925 г. было организовано общество с названием «Союз безбожников» под руководством Е. Ярославского [2].

Несмотря на провозглашенную свободу совести, лица, которые имели отношение к функционированию религиозных общин, в первую очередь православных, фактически лишались всех политических прав.

Суровые антирелигиозные меры, предпринимавшиеся государством, как в капле воды, нашли отражение в судьбе православного прихода древней церкви Святых Бориса и Глеба, расположенного² на территории подмосковного села Зюзино (в настоящее время – одноименный район Москвы) и окрестных деревень. Исследовавшая многовековую историю этого древнего поселения С.И. Ярославцева в рассматриваемой связи отмечает следующее: «Сначала эта мера (лишение избирательных прав. – прим. авторов) коснулась служителей культа в массовом порядке и отдельных крупных фабрикантов – они были лишены избирательных прав в октябре 1923 г. накануне выборов в сельсоветы. По волостным избирательным комиссиям из уездной комиссии было спущено постановление: составить список лиц, лишенных права избирать и быть избранными, согласно ст. 65 Конституции РСФСР. В список вносились лица старше 18 лет обоего пола. В Ленинской волости в список вошел один фабрикант П.П. Капустин и все священно- и церковнослужители, а также церковные старосты и председатели церковно-приходских советов, или, как тогда говорили, служители культа».

² Сегодня данный храм является действующим.

До этого, согласно постановления ВЦИК от 23.02.1922, в церкви Святых Бориса и Глеба представителями уполномоченного уездного комитета были изъяты для передачи в Гохран для помощи голодающим ряд предметов культа, представляющих материальную ценность. «Оказались годными к изъятию: 1 риза с запрестольной иконы Божьей Матери 84 пробы, 1 ковш, углы на малом Евангелие, 1 дискос, 1 звезда...».

Что характерно для той поры, данная церковь, возведенная в 1688 г. и считавшаяся неприкосновенным историческим наследием, имевшая свою метрику за № 218 в Академии художеств, в конце концов все же пришла в запустение. В 1930 г. с колокольни были сброшены и отправлены на переплавку колокола, а в 1938 г. «тихо и без свидетелей» арестовали священника Леонида Харбюзова, после чего службы в храме сами по себе прекратились. В годы войны на отопление были выломаны все деревянные части храма – древний иконостас, оконные и дверные рамы, переплеты, крыша, маковки. В послевоенный период в храме расположилась мастерская по обработке алмазов. Трубы и моторы, смонтированные в его помещениях, постепенно разрушали стены. Лишь в 1989 г. после долгих хлопот общины храм передали верующим, и он начал возрождаться [8, с. 615-623].

В последующие годы ВКП(б) несколько изменила свою политику в отношении религиозных культов, частично используя их в своих интересах [2]. Как отмечают представители КПСС, Патриарх Тихон в конце концов признал ошибочность анти-советской позиции церковной иерархии и принял необходимые меры, чтобы предотвратить политизацию религии во время сильных общественных потрясений. В июне 1923 года он отправил послание, в котором категорично заявлял: «Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило... Я понял всю неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественных и иностранных врагов» [6]. Видимо, без посторонней помощи к таким выводам Его Святейшеству прийти было весьма непросто, но выбора у него, скорее всего, просто не оставалось.

В целом борьба с православной религией после Октябрьской революции имеет заметное сходство с кампанией против старообрядцев во времена правления царя Алексея Михайловича и патриарха Никона. Это сходство еще раз подчеркивает циклическую природу исторического развития, соответствующую диалектическому закону отрицания отрицания. Как и в средневековый период, конфликт между церковью и большевиками коренился не в самих религиозных обрядах, а скорее в сопротивлении духовенства новому режиму. Преемники патриарха Никона, которые когда-то активно преследовали старообрядцев, не желали отказываться от своих общественных привилегий, а большевики были против достижения с ними компромисса. Более того, после эффективной нейтрализации своих церковных оппонентов и, по-видимому, усвоения идеи Ф.М. Достоевского о том, что русский человек без Бога превращается в зверя [9], большевистские лидеры под видом атеистической пропаганды приступили к насаждению культа личности своих собственных вождей и созданию основ новой «большевистской веры», обладавшей практически всеми необходимыми религиозными атрибутами и символами.

Весьма образно и доходчиво подчеркивал эту мысль Н.А. Бердяев, который отмечал следующее: «Все скажут, что большевизм есть явление совершенно внерелигиозное и антирелигиозное. Все это так, если оставаться на поверхности и считать

окончательными те словесные формулы, в которые люди облачают свое сознание. Но я думаю, что сами большевики, как это часто бывает, не знают о себе последней правды, не ведают, какого они духа. Узнать же о них последнюю правду, узнать, какого они духа, могут лишь люди религиозного сознания, обладающие религиозным критерием различения. И вот, я решаюсь сказать, что русский большевизм – явление религиозного порядка, в нем действуют некие последние религиозные энергии, если под религиозной энергией понимать не только то, что обращено к Богу. Религиозная подмена, обратная религия, лжерелигия – тоже ведь явление религиозного порядка, в этом есть своя абсолютность, своя конечность, своя всецелость, своя ложная, призрачная полнота. Большевизм не есть политика, не есть просто социальная борьба, не есть частная, дифференцированная сфера человеческой деятельности. Большевизм есть состояние духа и явление духа, цельное мироощущение и мирозерцание. Большевизм претендует захватить всего человека, все его силы, он хочет ответить на все запросы человека, на все муки человеческие. Большевизм хочет быть не кое-чем, не частью, не отдельной областью жизни, не социальной политикой, а всем, всей полнотой. Как вероучение фанатическое, он не терпит ничего рядом с собой, ни с чем ничего не хочет разделить, хочет быть всем и во всем. Большевизм и есть социализм, доведенный до религиозного напряжения и до религиозной исключительности. В этом он родствен французскому революционному синдикализму. По всем своим формальным признакам большевизм претендует быть религией, и нужно определить, какого рода эта религия, какой дух она несет с собой в мир» [10, s. 29-30].

Отношение советского руководства к Церкви стало постепенно меняться с началом войны. По свидетельству современного религиоведа Э.И. Лисавцева, уже в начальный период войны состоялась первая краткая встреча И.В. Сталина с патриаршим местоблюстителем и оба они остались ею довольны [11].

Впрочем, первоначально изменения во взаимоотношениях были не столь заметны. Митрополитам Сергию, Алексию, Николаю не препятствовали распространять свои патриотические воззвания, хотя это и являлось нарушением закона.

В этот период полностью прекратилась антирелигиозная пропаганда, была свернута деятельность «Союза воинствующих безбожников», правда формально он не был распущен. И.В. Сталин через своего секретаря А.Н. Поскребышева порекомендовал «главному безбожнику» Е. Ярославскому публично отметить новую патриотическую позицию Церкви. Тот не посмел послушаться и после долгих сомнений 2 сентября 1941 г. подготовил для печати статью «Почему религиозные люди против Гитлера», подписав ее экзотическим именем Каций Адамиани. В статье, первоначально предназначенной только для зарубежного читателя, высоко оценивалась патриотическая деятельность Московской патриархии, а также некоторых других церковью СССР [12]. В 1942 г. вышла другая статья Е. Ярославского о православном христианском писателе и русском националисте Ф.М. Достоевском. Предметом исследования являлась приписываемая Достоевскому ненависть к немцам [13]. Метаморфоза «главного гонителя» церкви в 1920-1930 гг. особенно показательна. К октябрю 1941 г. были закрыты практически все антирелигиозные периодические издания. «Флагман» же советского атеизма журнал «Под знаменем марксизма» начал печатать статьи о выдающихся русских исторических деятелях, великом русском

народе, героизме советских солдат и т.п., а в 1944 г. и совсем прекратил свое существование [14].

Вот одна из точек зрения относительно изменения позиции советского руководства по отношению к Церкви, высказываемая православным писателем Н.В. Блохиным. Он отмечает, что Сталину, похоже, уже не нужна была мировая революция, во имя которой он раньше жил, готов был экспортировать ее в Европу и дальше. Это произошло потому, что в конце 1941 г. вождь вновь утвердился: Бог есть. Одним из доказательств этому послужило освобождение г. Тихвина.

Как только 8 декабря 1941 г. Тихвинская икона Божьей Матери совершила на самолете облет Москвы, 9 декабря наши войска вошли в г. Тихвин. Там, – по мнению Н.В. Блохина, – произошло классическое чудо, подобное тому, что было отмечено в 1591 г., когда крымский хан Казы-Гирей подошел к Москве и занял Воробьёвы горы. Тогда, по молитвам Царя Феодора Иоанновича к Пресвятой Богородице, татары увидели великое русское войско, которого на самом деле не было. Они испугались и бежали. А когда взяли пленного и спросили: «Вы чего драпали-то?», он ответил: «Как не драпать, когда на нас такое войско пёрло!».

Нечто похожее произошло и в Тихвине через 350 лет. Генералу Бушу, командовавшему 16-й немецкой армией, доложили, что на германские позиции «идут 200 русских танков». ... А у стоявшей там 4-й армии, которой командовал генерал К.А. Мерецков, в то время не было ни одного танка³. Ранее Буш занял Тихвин, который стал ключевым плацдармом группы армий «Север». Это был крупнейший коммуникационный узел между Питером и Москвой. Наши войска никак не могли его взять. Однако, когда Буш услышал о наступлении «русской армады», он неожиданно дал приказ без боя покинуть город, чтобы потом обойти его с двух сторон и взять в «мешок».

Мерецков был крайне удивлен, когда узнал, что немцы добровольно уходят из Тихвина. О том, что они бежали от «двухсот русских танков», рассказала одна местная женщина, которая встретила двух наших разведчиков в Тихвине. Она своими ушами слышала, как об этом кричали перепуганные фашисты. Когда ее спросили, откуда она знает немецкий язык, женщина ответила: «Родные мои, за несколько месяцев, пока вы драпали на Восток, мы здесь все узнали, что такое “цвай хундерт руссише панцир”».

Когда Бушу доложили, что русские заняли город и укрепляют там оборону, он вдруг понял, что произошло, и стал бранить своих подчиненных, требуя любой ценой вернуть город. Но русские стояли насмерть, отбить город немцам так и не удалось, и в «мешок» его взять – тоже. Причиной этому, наряду с героизмом советских солдат, явилось и то, что морозы в Тихвине доходили до минус 45 градусов, к чему немцы явно не привыкли. Но это еще была «тепльня». 19 ноября в Московском регионе температура упала до минус 52. В результате у Гудериана под Тулой завелось

³ Косвенно информация об отсутствии у советских войск танков на этом направлении (по крайней мере, в таком количестве, как указывает Н.В. Блохин) подтверждает в своих мемуарах Маршал Советского Союза К.А. Мерецков. Он отмечает, что наступление на Тихвин велось одновременно силами двух стрелковых дивизий: 191-й – с северо-востока, и 65-й – с юга. Атака поддерживалась артиллерией. О применении танков К.А. Мерецков упоминает лишь в связи с дальнейшим преследованием немцев в районе населенного пункта Лазаревичи. (см.: *Мерецков К.А.* На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: Политиздат, 1968. С. 246-247).

всего 50 танков, а у Гепнера под Москвой – еще меньше. 4-я танковая группа Гепнера специально была брошена из-под Ленинграда на Москву. И, наверное, она бы захватила столицу, если бы не наступили небывалые морозы [15].

Дальнейшие шаги по сближению советской власти с РПЦ были предприняты в 1943 г. Их связывают с избранием нового Патриарха Московского и всея Руси, место которого после смерти патриарха Тихона в 1925 г. оставалось вакантным. Безусловно, эти шаги явились следствием личной инициативы Сталина, к которому 4.09.1943 на личную аудиенцию пригласили трех оставшихся на свободе митрополитов – Сергия (Старогородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Уже 8 сентября «большевистскими темпами», как заметил Сталин со свойственным ему зловещим юмором, в Москву самолетами привезли 19 выживших в лагерях и ссылках епископов для проведения архиерейского собора. На этом соборе и был избран новый патриарх РПЦ – Сергий.

По мнению члена межсоборного присутствия РПЦ Д.М. Гзгзяна, Сталину в этот период нужны были инструменты для наращивания советского присутствия в ряде восточноевропейских государств, среди которых было много стран с христианским (причем, зачастую, православным) населением. Кроме того, вождь замыслил очень нетривиальную комбинацию по упрочению политических и идеологических позиций СССР в стратегически важном ближневосточном регионе, в котором христиане в тот период составляли до 40% населения [16, s. 22].

Практически сразу же после смерти Сталина в марте 1953 г. пришедшим ему на смену лидером страны Н.С. Хрущёвым начала прорабатываться новая религиозная политика. Однако реальные очертания она стала приобретать только после обретения Хрущёвым безраздельной власти летом 1957 г.

По мнению историка О. Зайцевой, ровные, взвешенные отношения государства и Церкви, установившиеся в 1943–1953 гг. во время «золотого века» церковно-государственных отношений, являлись для Хрущёва еще и пережитком «культы личности», на развенчание которого в тот период было направлено острие всей внутренней политики государства.

Для того чтобы инициировать «церковную реформу», нужен был человек, который заявил бы о нарушении советского законодательства в области религиозной деятельности. Им стал секретарь центрального комитета компартии Молдавии Д.Г. Ткач, который 5 марта 1959 г. направил письмо в ЦК, в котором шла речь о нарушениях советского законодательства в сфере религиозных отношений. Автор послания полагал, что к 1957 г. деятельность Совета по делам РПЦ фактически не давала возможности финансовым органам проверять религиозные организации, и все это усиливало воздействие Церкви и религии на население. Д.Г. Ткач предлагал отменить действие нормативных правовых актов, принятых в 1945–46 гг., и вернуться к практике постановления ВЦИК и СНК СССР от 8.04.1929 «О религиозных объединениях», практически ставившего под запрет деятельность религиозных организаций, за исключением совершения литургии в храмах. Постановлениями СНК СССР от 22.08.1945 и 28.01.1946 церковным организациям предоставлялись в ограниченных пределах права юридических лиц. Им разрешалось приобретение транспортных средств, покупка в собственность домов, новое строительство. Советы народных комиссаров союзных республик обязывались помогать верующим в во-

просах материально-технического снабжения религиозных общин, выделения им стройматериалов и др. [17].

Началом хрущёвской антирелигиозной кампании принято считать появление секретного постановления ЦК КПСС от 4.10.1958 «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“». Затем появилось еще два документа – постановление ЦК КПСС от 13.01.1960 «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» и постановление Совета Министров СССР от 16.03.1961 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Смысл первого документа заключался в возврате к практике постановления 1929 г., в связи с чем второй нормативный правовой акт отменял все решения, принятые в годы войны и в послевоенное время.

Церковная реформа сводилась к 6 основным пунктам, предполагавшим следующее: 1) коренную перестройку церковного управления, отстранение духовенства от административных и финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что должно было подорвать авторитет служителей культа в глазах верующих; 2) возложение права управления религиозными объединениями на органы, избравшиеся из числа самих верующих; 3) ликвидацию всех каналов церковной благотворительной деятельности, ранее широко использовавшихся для приобщения населения к религии; 4) ликвидацию льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, налогообложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала Церкви и снятие его с профсоюзного обслуживания; 5) ограждение детей от влияния религии; 6) перевод служителей культа на твердые денежные оклады, ограничение материального стимулирования духовенства, что призвано было снизить его активность [17].

Реформа получила небывалый размах. Борьба с религией велась силами не только правоохранительной системы, но также партийных и советских органов, руководства и коллективов предприятий, профсоюзов, комсомола, общественных организаций. Рассуждая о позиции современных российских коммунистов, можно заключить, что она в значительной мере отличается от той, которой придерживалась КПСС на всех этапах своего развития. Современная Программа КПРФ не только отказалась от принципа научного атеизма, но и открыто заявляет о возможном политическом союзе с религиозными общественными объединениями, а также об уважительном отношении к традиционным религиям народов России, среди которых особым образом выделяется православие [18, s. 10]. Таким образом идеологическое противостояние большевиков и представителей духовенства в постсоветский период подошло к своему логическому завершению. В подтверждение своей лояльности церкви современные коммунисты не чужаются посещения храмов и участия в православных ритуалах. И это один из наиболее убедительных исторических уроков минувшего столетия, в течение которого на долю России выпало немало суровых испытаний.

Список литературы:

1. Соколов Д. Русская Православная Церковь в период гонений (1917-1937 гг.) // URL: <http://www.ipckatakomb.ru/pages/748/> (дата обращения: 19.06.2023).
2. Большевики и церковь // URL: // [http://www.krasnoyeznamya.ru /page.php?vrub=rm&vid=96](http://www.krasnoyeznamya.ru/page.php?vrub=rm&vid=96).

3. РЦХИДНИ. ф. 2. оп. 1. д. 22947 (Приводится по кн.: История России. 1917–1940: хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др.; под редакцией М.Е. Главачко. Екатеринбург, 1993. Опубликовано в Интернете в июле 2001 г.) // URL: // http://www.pseudology.org/Documets/Tserkov_iziat.htm.
4. Религия в СССР: материал из Википедии – свободной энциклопедии // URL: [http://ru.wikipedia.org/...](http://ru.wikipedia.org/)
5. Леонов Д.Е. Кампания по вскрытию мощей Православных святых в годы гражданской войны / Межвузовская ассоциация историков-филологов: Ярославский филиал // URL: http://yarnauka.ru/node/90/news/read/slavyanskaya_kultura_10.html (дата обращения: 18.07.2023).
6. Вопросы агитатору // URL: // <http://www.cprfspb.ru/173.html> (дата обращения: 23.06.2023).
7. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. / СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
8. Ярославцева С.И. Девять веков юга Москвы. Между Филями и Братеевом. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008.
9. Философия: Учебник / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ. 2004 // URL: <http://www.students.ru/gs/61/94/1c/13578-1232615777.doc> (дата обращения: 17.08.2023).
10. Бердяев Н.А. Религиозные основы большевизма // В кн.: Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-PRESS, 1990.
11. Лисавцев Э.И. Доклад на международной конференции «Исторический путь православия в России после 1917 г.». – СПб., 2 июня 1993 г. (Цит. По кн.: Шкаровский М.В. Русская православная Церковь и религиозная политика советского государства в годы войны // Христианское чтение. Журнал православной Духовной Академии. СПб., 1996. С. 26).
12. Алексеев В.А. Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 184. (Цит. по: Шкаровский М.В. Русская православная Церковь и религиозная политика советского государства в годы войны // Христианское чтение. Журнал православной Духовной Академии. СПб., 1996. С. 26-27).
13. Ярославский Е. Федор Михайлович Достоевский против немцев // Большевик. 1942. № 16. С. 38. (Цит. по: Шкаровский М.В. Русская православная Церковь и религиозная политика советского государства в годы войны // Христианское чтение. Журнал православной Духовной Академии. СПб., 1996. С. 27).
14. Церковь во время II мировой войны // URL: <http://adran.narod.ru/lib/soch/war2.htm>.
15. Дар Божий. Битва под Москвой: интервью писателя Н.В. Блохина корреспонденту газеты «Русская береза» М.А. Дмитруку // URL: <http://rusbereza.ru/html/jour/2012/201201/20120102.shtml>.
16. «Внутри церкви не осталось соборности»: интервью Д.М. Гзгзяна корреспонденту журнала «Огонёк» О. Филиной // Огонёк. 2013. 16 сентября.
17. Романтик Хрущёв и его «церковная реформа»: интервью историка Ольги Зайцевой корреспонденту журнала «Фома» // Фома. 2014. 15 апреля // URL: <http://www.foma.ru/romantik-xrushhev-i-ego-czerkovnaya-reforma.html>.
18. Программа КИПФ. — М., 2011.

Yakovets E.N., Zhuravlenko N.I. The genesis of the repressive policy of the soviet power in respect of the clergy and believing citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 26–37.

The article provides a brief analysis of the history of relations between the Soviet government and the Russian Orthodox Church (ROC). It is noted that the revolutionary events of 1917 significantly affected their condition. The October Revolution and the subsequent anti-religious policy of the Soviet leadership significantly weakened the centuries-old union of church and state, and in certain periods of Soviet history even led to its complete degradation. It is shown how in different periods of Soviet history this union was undermined by the efforts of various kinds of subjects of "militant atheism". The positive role of the church in matters of patriotic education of citizens of our country during the Great Patriotic War is emphasized. The post-Soviet period stands out in particular, during which the historical reconciliation of modern Russian communists with representatives of traditional religious denominations began.

Key words: Russian Orthodox Church; Orthodox religion; clergy; revolution; Soviet authority; anti-religious measures; anti-religious repression; patriotic education; historical reconciliation.

Spisok literatury:

1. Sokolov D. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v period gonenij (1917-1937 gg.) // URL: <http://www.ipckatakomb.ru/pages/748/>.
2. Bol'sheviki i cerkov' // URL: // <http://www.krasnoyeznamya.ru/page.php?vrub=rm&vid=96>.
3. RCKHIDNI. f. 2. op. 1. d. 22947 (Privoditsya po kn.: Istoriya Rossii. 1917–1940: hrestomatiya / Sost. V.A. Mazur i dr.; pod redakciej M.E. Glavackogo. Ekaterinburg, 1993. Opublikovano v Internetе v iyule 2001 g.) // URL: // http://www.pseudology.org/Documets/Tserkov_iziat.htm (data obrashcheniya: 24.06.2023).
4. Religiya v SSSR: material iz Vikipedii – svobodnoj enciklopedii // URL: [http://ru.wikipedia.org/....](http://ru.wikipedia.org/)

5. Leonov D.E. Kampaniya po vskrytiyu moshchej Pravoslavnyh svyatyh v gody grazhdanskoj vojny / Mezhvuzovskaya asociaciya istorikov-filologov: YAroslavskij filial // URL: http://yarnauka.ru/node/90/news/read/slavyanskaya_kultura_10.html
<p://www.cprfspb.ru/173.html> (data obrashcheniya: 23.06.2023).
7. Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi: Dekret SNK RSFSR ot 20 yanvarya 1918 g. / SU RSFSR. 1918. № 18. St. 263.
8. YAroslavceva S.I. Devyat' vekov yuga Moskvyy. Mezhdru Filyami i Brateevom. M.: AST: Astrel'; Vladimir: VKT, 2008.
9. Filosofiya: Uchebnyk / Pod red. prof. V.N. Lavrinenko. – 2-e izd., ispr. i dop. M.: YUrist". 2004 // URL: <http://www.students.ru/g61/94/1c/13578-1232615777.doc> (data obrashcheniya: 17.08.2023).
10. Berdyaev N.A. Religioznye osnovy bol'shevizma // V kn.: Berdyaev N. Sobranie sochinenij. T. 4. Parizh: YMCA-PRESS, 1990.
11. Lisavcev E.I. Doklad na mezhdunarodnoj konferencii «Istoricheskiy put' pravoslaviya v Rossii posle 1917 g.». – SPb., 2 iyunya 1993 g. (Cit. po kn.: SHkarovskij M.V. Russkaya pravoslavnaya Cerkov' i religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v gody vojny // Hristianskoe chtenie. ZHurnal pravoslavnoj Duhovnoj Akademii. SPb., 1996. S. 26).
12. Alekseev V.A. SHturm nebes otmenyaetsya? Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiej v SSSR. M., 1992. S. 184. (Cit. po: SHkarovskij M.V. Russkaya pravoslavnaya Cerkov' i religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v gody vojny // Hristianskoe chtenie. ZHurnal pravoslavnoj Duhovnoj Akademii. SPb., 1996. S. 26-27).
13. YAroslavskij E. Fedor Mihajlovich Dostoevskij protiv nemcev // Bol'shevik. 1942. № 16. S. 38. (Cit. po: SHkarovskij M.V. Russkaya pravoslavnaya Cerkov' i religioznaya politika sovetskogo gosudarstva v gody vojny // Hristianskoe chtenie. ZHurnal pravoslavnoj Duhovnoj Akademii. SPb., 1996. S. 27).
14. Cerkov' vo vremena II mirovoj vojny // URL: <http://adran.narod.ru/lib/soch/war2.htm>.
15. Dar Bozhij. Bitva pod Moskvoy: interv'yu pisatelya N.V. Blohina korrespondentu gazety «Russkaya bereza» M.A. Dmitruku // URL: <http://rusbereza.ru/html/jour/2012/201201/20120102.shtml>.
16. «Vnutri cerkvi ne ostalos' sobornosti»: interv'yu D.M. Gzgyana korrespondentu zhurnala «Ogonyok» O. Filinoy // Ogonyok. 2013. 16 sentyabrya.
17. Romantik Hrushchyov i ego «cerkovnaya reforma»: interv'yu istorika Ol'gi Zajcevoj korrespondentu zhurnala «Foma» // Foma. 2014. 15 aprelya // URL: <http://www.foma.ru/romantik-xrushhev-i-ego-cerkovnaya-reforma.html> (data obrashcheniya: 01.07.2023).
18. Programma KPRF. — M., 2011.

УДК 342.7

**ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ**

Росенко М. И.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье обращается внимание на изучение социальной обусловленности и эффективности соответствующих норм, их генезиса в российской правовой системе. В данной статье рассматривается и анализируется институт гражданства в России. Рассмотрены основные положения института гражданства, закрепленные в Конституции России, федеральных законах о гражданстве, на национальном и международном уровнях. Проведен сравнительный анализ некоторых правовых норм действующего законодательства и вступающего в силу ФЗ от 28.04.2023 N 138-ФЗ "О гражданстве Российской Федерации". Особое внимание уделено проблемам и способам приобретения гражданства России, а именно иностранным лицам и гражданам Украины, проживавшим на территориях, которые по результатам референдума вошли в состав Российской Федерации. Отмечено, что институциональные особенности российского политического процесса, вызванные серьёзными геополитическими потрясениями последних лет, обуславливают особенности социокультурного развития российского общества, которые оказывают как прямое, так и опосредованное воздействие на роль института гражданства в конституционно-правовых отношениях. Сделан вывод, что трансформация правовых норм, регламентирующих реализацию права на гражданство, является разумным ответом на все внутренние и внешние современные вызовы и угрозы современности, т.к. вопросы гражданства тесно связаны с территориальной организацией государства, с разрешением национального вопроса в определенных государственно-правовых формах, с осуществлением государственного суверенитета.

Ключевые слова: гражданство, гражданин, институт гражданства, приобретение гражданства, устойчивая правовая связь, прекращение гражданства, основания отклонения гражданства, упрощенный порядок приобретения гражданства, выход из гражданства.

Общественные отношения в сфере создания и применения правовых норм, закрепляющих за гражданами Российской Федерации ряд конституционных обязанностей в последнее время приобрели особую актуальность. Институт гражданства видоизменяется в последние годы, требуя решения актуальных вопросов.

Огромная роль в анализе и исследовании гражданства принадлежит многим ученым. В большей степени в период советского времени юристы рассматривали гражданство через призму того, что человек принадлежит к определенному государству, то есть входит в состав государства. Этому мнению придерживались Л.Д. Воеводин и А.А. Головкин [15, с. 4-5]. Однако такой подход не отражает полную характеристику рассматриваемого института, так как данное определение гражданства не определяет взаимоотношения, возникающие между гражданином и государством и предусматривающие их взаимные права и обязанности по отношению друг к другу. В проекте закона о гражданстве в 1938 г. отмечалось, что «гражданин Союза Советских Социалистических Республик должен быть достоин тех прав и обязанностей, которые предоставлены ему Сталинской Конституцией» [9, с. 1]. По этому проекту предусматривалось лишение гражданства по рождению, что на данный момент исключается и противоречит Конституции РФ.

Особая роль в исследовании института гражданства принадлежит Олегу Емельяновичу Кутафину. Выдающийся учёный считал, что гражданство является самостоятельным институтом в системе конституционного права и должно определяться через категорию «принадлежность к народу государства» [17, с. 113]. По его мнению, это закрепляет правовой статус личности как гражданина данного государства, так как народ представляет собой политико-юридическое единство, на котором основывается государство.

Возникающие взаимоотношения гражданина с государством, определяются в качестве их взаимных прав и обязанностей. Уникальность гражданства заключается в том, что между определенной страной и личностью формируется устойчиво-правовая взаимосвязь. Поэтому обладая гражданством, гражданин имеет массу прав и свобод, которые установлены государством, однако при этом человек одновременно обязан нести закрепленные в законе права и обязанности. Хотелось бы отметить, что довольно часто понятие «гражданство» отождествляют с понятием «патриотизм», однако же, первая дефиниция является наиболее сложнее. Связь этих слов определена тем, что юридический статус «гражданина» всегда отождествлялся с национальным государством.

Если мы углубимся в этимологию понятия «гражданства», то обнаружим, что оно произошло из дефиниции «гражданин», которое связано с понятием «город» - огражденная, искусственно укрепленная местность. Употребление исследуемого понятия можно найти еще в Древней Греции, где «гражданами» были люди, которые обладали законными правами участвовать в государственных делах. Но существовал определенный ценз, так, например, гражданами не могли быть рабы. Аристотель, определяя «правильное государственное устройство», проводил анализ понятий «гражданин» и «гражданство». Он признавал свойства гражданина, который участвовал в суде и народном собрании [12, с. 31]. В Древнем Риме тоже можно найти отсылки к исследуемому понятию. Там гражданство считалось знаком особого достоинства, дававшее право активно участвовать в делах государства.

В буржуазный период – это конец XVIII — конец XIX вв. понятие «гражданства» все более расширяется и конкретизируется. В теоретических осмыслениях анализируется и появляется четкое понятие «гражданин» и для обозначения лиц, уполномоченных осуществлять народный суверенитет. Заслуга тех времен выражается в том, что понятие «гражданин» раскрывается посредством понятия правового статуса личности, что отождествляется уже с понятием «гражданства».

Институт «гражданства», так как и его понятие постепенно трансформируется и преобразовывается. Наиболее обширные исследования и анализы проводятся в XX в., потому что в это время происходит демократизация общественных отношений: в большинстве Конституциях государств закрепляются основные права и свободы человека и гражданина. Все это приводит к трансформации понятийного аппарата гражданства. Данный институт стал рассматриваться в позиции устойчивой правовой связи лица с государством, где устанавливаются равноправные отношения. Обновленному подходу понимания гражданства способствовало признание и закрепление категории «права человека» на международном и национальных уровнях [14, с. 117].

Таким образом, совершенствование института гражданства происходит в истории постепенно, отражая постоянную смену политического строя и взглядов на то, в каких взаимоотношения обуславливаются права и обязанности государства и человека. Отметим, что понятие подданный, говорит о безволии и подчиненности народа власти государства, а гражданин — это свободный человек, имеющий свои права и обязанности, участвующий в жизни страны [10, с. 20]. Если охарактеризовать гражданство как конституционно-правовой институт, то он включает в себя нормы, регулирующие основания приобретения и утраты гражданства. Этот институт состоит из норм Конституции РФ, ФЗ «О гражданстве» и других правовых актов, которые рассмотрим далее. Для начала стоит охарактеризовать международно-правовые документы, так как в ст.15 Конституции РФ закреплено, они входят в правовую основу России. Значимым источником является Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [1], где закрепляются и признаются основные права и свобода человека и гражданина. Важно обратить внимание на ст. 15, где предусмотрено, что каждый человек имеет право на гражданство и никто не может быть произвольно его лишен. Это подчёркивает и укрепляет политико-правовую связь между личностью и государством.

Следующий документ – это Международный пакт о гражданских и политических правах [4], где в ст. 24 закреплено, что каждый ребенок имеет право на гражданство. Параллельно с этим правом закрепляются и другие в Конвенции о правах ребенка от 20.11.1989 [3], где в ст. 7 указано про приобретение гражданства ребенка.

В отечественных нормах Российской Федерации положения о гражданстве имеют большую правовую основу, которые закреплены в Конституции РФ [5], в федеральных законах, главный из которых – ФЗ от 31.05. 2002 №62 «О гражданстве Российской Федерации» [7]. Важную роль в аспектах регламентации анализируемого института принадлежит подзаконным актам, например, указы Президента Российской Федерации.

На сегодняшний день все еще действует Федеральный закон от 31.05. 2002 №62: «О гражданстве Российской Федерации», поэтому в ст. 3 содержится актуальное и легальное определение гражданства «Гражданство Российской Федерации — это устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей» [7].

Дефиниция гражданства выражает в четкой формулировке, охарактеризовавшая субъективное право человека. Гражданство является одной из составляющих конструкции правового статуса индивида и конституционно-правовым институтом взаимоотношений между человеком и государством. Поэтому личность имеет не только права, но и обязанности перед законами государства.

Можно сделать вывод, что гражданство представляет собой неофициальное соглашение между человеком и государством, которое определяет права и обязанности каждого из них. Важно, что политическая позиция не может прервать его правовую связь с государством в соответствии со ст. 6 Конституции РФ.

Гражданство имеет свои основные принципы. Главным принципом является устойчивость, проявляющийся, во-первых, в устойчивости в пространстве, который означает, что правовая связь гражданина действует как на территории России, так и за ее пределами. Во-вторых, проявляется в устойчивости во времени, означающий его непрерывность. Важный принцип – это принцип равного и единого гражданства, то есть российское гражданство является равным для всех вне зависимости от условия и времени его приобретения. Принцип запрета на лишение гражданина – этот принцип предполагает, что гражданин может выйти из гражданства РФ по собственному волеизъявлению и на добровольной основе. Обратим внимание, что Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» упоминает статус двойного гражданства и безгражданства.

Двойное гражданство — это такой правовой статус лица, при котором оно одновременно обладает гражданством более чем одного государства. Это довольно частое явление в международной практике в силу миграционных процессов. Расхождение законодательства разных стран относительно порядка приобретения и утраты гражданства является наиболее частой причиной возникновения двойного гражданства.

Безгражданство предполагает отсутствие у человека гражданства какого-либо государства. Состояние безгражданства может возникнуть с момента рождения ребенка. Например, если родители определенного лица не имеют гражданства, а оно родилось на территории государства, где действует принцип «права крови», то ребенок не может приобрести гражданство [18, с. 208]. Безгражданство может приводить к негативным факторам и неудобствам для государства, связанные, например, с регулированием выезда или въезда лиц без гражданства.

В России для уменьшения таких случаев безгражданства предусматривает предоставление российского гражданства ребенку, родители которого являются лицами без гражданства или родители которого неизвестны в течение 6 месяцев. Не так давно было нововведение в этом аспекте, которое предполагает, что ребенок, который рожден суррогатной матерью на территории России приобретает гражданство РФ.

Исследуем пути возникновения гражданства в соответствие с правовыми нормами российского законодательства. ФЗ «О гражданстве» в ст.11 закрепляет четыре способов приобретения российского гражданства, которые рассмотрим далее. Первое основание – получение гражданства по рождению предполагает «принцип почвы» (по месту рождения) и «принцип крови» (передается от родителей) Законодательство РФ объединяет оба принципа, но «принцип крови» носит приоритетный статус [18, с. 96]. Если сравнить с мировой практикой отражение этих принципов, то, например, в Мексике устанавливается оба принципа в качестве равнозначных. Некоторые конституции могут отдавать предпочтение одному из этих принципов, например, Конституция Боливии устанавливает приоритет принципа почвы. Второе основание приобретения гражданства – это в результате приема в гражданство Российской Федерации. Оно допускается по двум основаниям: в общем порядке (ст.13) и в упрощённом (ст.14).

Давайте рассмотрим для начала общий порядок принятия в гражданство, то есть стадии, которые должны пройти любой иностранный гражданин или лицо без гражданства, чтобы получить гражданство Российской Федерации. По мнению многих, это наиболее трудный порядок натурализации, так как проявляются трудности, обладающие процедурным и временным характером.

Чтобы подавать заявление в обычном порядке иностранцу необходимо сначала получить разрешение на временное проживание. Через 1 год он может получить вид на жительство, а уже через 5 лет приобрести гражданство Российской Федерации. Помимо этих правил существуют дополнительные, которые иностранный гражданин обязан соблюдать на территории России. Это иметь законный источник средств к существованию и свободно владеть русским языком.

Необходимо обсудить проблему определения законного источника дохода. Несмотря на то, что законодательные органы закрепили это правило, они не объясняют, каким образом предоставлять информацию о величине или размере законного источника дохода. Было бы актуально предусмотреть не законный источник средств к существованию, а о наличии законной работы граждан, претендующие на получение российского гражданства.

В ст. 13 комментируемого закона есть некоторые исключения для отдельных лиц, которые могут получить гражданство РФ, не дожидаясь пятилетнего срока. Например, если лицо имеет высокие достижения или заслуги перед РФ либо владеет профессией, которая вызывает интерес для Российской Федерации. В этот перечень также включены граждане, которым предоставлено политическое убежище или признаны беженцами. Срок проживания на территории РФ после получения вида на жительство будет сокращено до одного года.

Не так давно добавили еще категорию граждан в этом основании, связанную с заключением контракта о прохождении службы в РФ. Они также вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации без представления вида на жительство.

Один из проблематичных вопросов — это определение критериев «интересности» и «полезности» зарубежных ученых. Возможны ситуации, когда, например, ученый из Казахстана, несмотря на свое уважение и признание в своем государстве, может не принести никакой пользы для России, из-за различных факторов, таких как климатические, культурные и т.д. Следовательно, необходимо упростить процесс предоставления гражданства России для ученых, чьи научные достижения могут быть полезны конкретно для российского общества и государства. Следует затронуть вопрос, связанный с приобретением гражданства по упрощенному основанию. В соответствии с пунктом 2, статьи 14 ФЗ «О гражданстве» вправе обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации по упрощенному основанию, если:

- родились на территории РСФСР и имели гражданство бывшего СССР;
- состоят в браке с гражданином РФ не менее трех лет, и он должен проживать на территории РФ;
- являются участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом;

- определенные категории детей и недееспособных лиц и др.

В 2020 году были дополнены основания такие как:

- граждане имеют хотя бы одного родителя, проживающего на территории РФ с российским гражданством;

- граждане, которые хотят приобрести гражданство РФ являются гражданами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова или Украины.

Существуют и иные обстоятельства, крайне сильно упрощающие условия приобретения гражданства, например, связанные с предпринимательской деятельностью, где существуют определенные нюансы. Во всех этих случаях лицу не требуется удовлетворять требование о проживании на территории государства в течение 5 лет, однако им необходимо оформить вид на жительство. Также этим лицам необязательно иметь законный источник средств к существованию.

Согласно ст.14 ч. 5 без представления вида на жительство гражданство РФ упрощенно могут получить ветераны Великой Отечественной войны, имевшие гражданство бывшего СССР и проживающие на территории Российской Федерации.

По Указу Президента РФ №440 от 11.07.2022 [8] граждане Украины, ДНР, ЛНР могут получить гражданство РФ по упрощенной процедуре на основании миграционной карты тем самым минуя промежуточные этапы, которые обусловлены в общем порядке.

В настоящее время при обращении за приемом в гражданство РФ не требуется отказ от имеющегося иностранного гражданства. Данное правило действует в отношении всех иностранных граждан, в том числе граждан Украины (п. «в» ч. 2.1 ст. 14 ФЗ № 62; пп. «в» п. 2 ст. 1, ст. 2 ФЗ №134 от 24.04.2020 [6]).

Третье основание приобретения гражданства предусматривает восстановление в отечественном гражданстве, то есть в случае, когда лицо уже имело гражданство Российской Федерации, но по каким-то причинам вышло из него. Для этих субъектов применяется общий порядок приобретения гражданства, однако по закону сокращен срок проживания на территории Российской Федерации до 3-х лет.

Основания приобретения гражданства Российской Федерации, обозначенного категорией «иные», определяется выбор гражданства в случае, когда государственная граница государства подвергается изменению по договору. Такой механизм называется оптацией, базирующейся на принципе изменения народонаселением изначального гражданства после соответствующего изменения территории [18, с. 92]. Людям предоставляется возможность выбирать гражданство посредством оптации. То есть они могут изменить свое исходное гражданство на гражданство другой страны.

В рамках оптации применяется упрощенный вариант приобретения гражданства. При несогласии с оптацией, лицо вправе выехать с территории, однако практически большая часть населения отдает предпочтение сохранению прежнего места жительства.

В качестве примера может выступить ситуация, когда Крым и Севастополь в 2014 г. вошли в состав России по договору [2]. В рамках отмеченного соглашения предусматривалось право оптации.

Обратим внимание, что в ФЗ «О гражданстве» в статье 16 закреплены основания, по которым могут отклонить заявления о получении гражданства. Например, если лицо участвовало в международных вооруженных конфликтах, направленных против РФ. При этом человек, который приобрел гражданство России, может его также лишиться по такому основанию как: если будут подложные документы и сведения и т.д. Здесь можем видеть, что предел ограничений на одобрение получения гражданства довольно широк, что в какой-то мере способствует безопасности в нашей стране.

Однако очевиден и тот факт, что приобретению гражданства корреспондирует и пассивная возможность его лишения.

Отметим, что в ноябре 2022 г. президент России предложил лишать приобретенного гражданства за «действия, создающие угрозу безопасности Российской Федерации». Это может быть дискредитация российской армии, публичное распространение ложных сведений об использовании ВС РФ. Подобное отношение к институту гражданства демонстрирует действительно серьёзное намерение государства к данному аспекту. А в апреле этого года Государственная Дума приняла поправку к закону «О гражданстве Российской Федерации» о прекращении приобретенного гражданства за дискредитацию армии, а также за призывы к экстремизму и дезертирство в новом федеральном законе, закону «О гражданстве Российской Федерации» который вступил в силу 26 октября 2023 г.

Перечень оснований, обуславливающих возможность прекращения гражданства, зафиксирован положениями ст. 18 ФЗ №62. Эти пункты позволяют прекратить правовую связь между лицом и государством.

Согласно ст. 19 ФЗ лицо может выйти из гражданства Российской Федерации по собственному волеизъявлению, то есть добровольно.

Выход из гражданства может не допускаться согласно ФЗ «О гражданстве» ст. 20. если:

- существуют невыполненные обязательства перед РФ;
- связан с уголовным делом;
- не имеет другого гражданства и гарантий его приобретения.

Резюмируя всё вышесказанное, и подводя на этом основании итог, можно сказать о том, что гражданство на современном этапе развития общественных отношений играет огромную и определяющую роль в отношении определения правового статуса личности [16, с. 78].

Гражданство предполагает решение вопросов, связанные с миграцией и демографией. Демографическая миграционная политика представляет собой систему мер, которые государство принимает с целью достижения определенных демографических целей, таких как увеличение или снижение естественного прироста населения. Эти меры оказывают прямое воздействие на обеспечение национальной безопасности России [14].

Правовое положение личности в каждом государстве различно. В Российской Федерации ситуация, связанная с миграцией в последние несколько лет изменяется с учётом политической и социально-экономической обстановки. В законе о гражданстве государство закрепляет определенные механизмы в отношении мигрантов. В ряде стран (США, Франция) устанавливаются довольно высокие требования, которые могут ограничивать число новых граждан. Другие же страны могут, наоборот, упростить процедуру приобретения гражданства, стремясь увеличить численность за счет мигрантов.

Как было отмечено ранее, с началом мобилизации был издан Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 690, направленный на увеличение количества лиц, принимающих участие в военных действиях, за счет привлечения иностранных граждан.

Проведение спецоперации и необходимости решения вопроса о приобретении российского гражданства в упрощенном порядке для всех граждан Украины, жителей Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики 11 июля 2022 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 440. Однако усиление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации обуславливают необходимость корреляции законодательства о гражданстве Российской Федерации в соответствии с изменяющимися обстоятельствами.

Актуальной проблемой в контексте приобретения гражданства РФ является то, что человека никак невозможно проверить на добросовестное получение гражданства во многих случаях. Безусловно приобретённого гражданства в связи с некоторыми аспектами могут лишиться, однако выяснить намерение получения гражданства и что замыслил человек до того как его получит довольно трудно, так как никакие собеседования и проверки в отношении лица не проводятся, кроме указанных в законодательстве о гражданстве. Люди могут следовать прагматичным целям, что может быть не безопасно для нашей страны.

В Государственной Думе предлагалось основание лишать гражданство по рождению тех, кто действует против своей Родины, однако это условие не может быть осуществлено, так как напрямую будет противоречит положениям Конституции.

Необходимо выделить недавно принятый Федеральный закон от 18 марта 2023 г. N 62-ФЗ «Об особенностях правового положения граждан Российской Федерации, имеющих гражданство Украины», который вступил в силу 17 июня 2023 г.

По закону те, кто имеет гражданство Украины, может подать заявление о его прекращении через орган МВД или Единый портал государственных и муниципальных услуг. После того как такая подача будет осуществлена граждане будут считаться не имеющими гражданства Украины и в дальнейшем им запрещено использовать украинский паспорт. Если такое будет обнаружено, то повторное заявление на подачу гражданства России необходимо ожидать не менее 10 лет. Огромное внимание стоит обратить, на новый Федеральный закон от 28.04.2023 N 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) "О гражданстве Российской Федерации", который вступит в силу через 180 дней (26.10.2023).

Закон снижает количество требований для получения гражданства РФ, например, для категорий лиц, у которых есть родственники по прямой линии, проживавшие на территории, относящейся к Российской империи или СССР.

Закон расширил перечень оснований для прекращения Российского приобретенного гражданства. Гражданство может быть отменено в случае совершения действий, угрожающих национальной безопасности РФ. Отметим, что гражданство по рождению не может быть прекращено в соответствии с Конституцией.

В нем исключены инвесторы, которые имели право на приобретение гражданства по упрощенной схеме, так как данная норма не была востребована в действительности на практике. Будет закрепляться упрощенное получение гражданства у супругов только при наличии общего ребенка. Это будет способствовать пресечению фиктивных браков между иностранцами и гражданами РФ. Участники государственной программы по переселению соотечественников будут обязаны подтверждать владение русским языком и иметь знание истории России. Таким образом, новый закон предоставляет как существенные послабления в приобретении гражданства, так и ужесточение норм оснований.

Выводы. Подводя итог, хотелось бы отметить, что роль института гражданства в конституционно-правовых отношениях государства многогранна, динамично развивающаяся и требующая гибкого реагирования на вызовы и угрозы современности.

Гражданство играет важную функциональную роль в обеспечении правового статуса человека. Это, своего рода, «пускаящий механизм» использования системного комплекса конституционно-правовых прав и обязанностей человека и гражданина. В этой связи, Конституция РФ не ограничивает деятельность граждан, а представляет собой законодательный документ, заложивший ценности государства.

Институциональные особенности российского политического процесса, вызванные серьезными геополитическими потрясениями последних лет, обуславливают особенности социокультурного развития российского общества, которые оказывают как прямое, так и опосредованное воздействие на институционализацию гражданского общества в России. Трансформация правовых норм, регламентирующих реализацию права на гражданство, является разумным ответом на все внутренние и внешние современные вызовы, т.к. вопросы гражданства тесно связаны с территориальной организацией государства, с разрешением национального вопроса в определенных государственно-правовых формах, с осуществлением государственного суверенитета.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс.

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Москва, 18 марта 2014 г.) // СПС КонсультантПлюс.
3. Конвенция о правах ребенка. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 20.11.1989 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI. // СПС КонсультантПлюс.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) (Нью-Йорк, 16.12.1966) // СПС КонсультантПлюс.
5. Конституция Российской Федерации: с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» от 24.04.2020 N 134-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. 24.09.2022) «О гражданстве Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.
8. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2022 № 440 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке». // СПС КонсультантПлюс.
9. Вторая сессия Верховного Совета СССР. Под знаменем Ленина. –10-11 августа 1938 г. – № 192. – С. 1-4. URL: <http://elibrary.uraic.ru/bitstream/123456789/13691/1/0019102.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).
10. Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция / С.А. Авакьян // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал– 2003. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2004-03-011-avakyan-s-a-rossiya-grazhdanstvo-inostrantsy-vneshnyaya-migratsiya-spb-yurid-tsentr-press-2003-643-s_20 (дата обращения: 01.08.2023).
11. Брусницын Д.Д. Современные толкования гражданств России / Д.Д. Брусницын // Вестник науки. – 2022. – Т.2, № 12 (57). – С. 194–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tolkovaniya-grazhdanstva-rossii> (дата обращения: 05.07.2023).
12. Бучакова М. А. Философско-правовые подходы к определению гражданства // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2(20). С. 30-32.
13. Бучакова, М.А. Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики / М.А. Бучакова, Т.А.Грязнова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2023. – Т. 28, № 1 (92). – С. 115–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-grazhdanstva-voprosy-teorii-i-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 05.08.2023).
14. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Гафиятулина Н.Х. и др. Социология безопасности. М.: ИНФРА-М, 2017 - 264 с.
15. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. - 300 с.
16. Гандалоев, Р.Б. Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства / Р.Б. Гандалоев // Вестник Московского университета МВД России.– 2022. – № 6. – С. 76–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-normy-prava-o-ponyatii-osobennostyah-sposobah-vozniknoveniya-i-prekrascheniya-grazhdanstva> (дата обращения: 05.08.2023).
17. Иксанов, И. С. О значении академика О. Е. Кутафина в разработке института гражданства / И.С. Иксанов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – № 6. – С. 111–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-akademika-o-e-kutafina-v-razrabotke-instituta-grazhdanstva>.
18. Стрекозов, В. Г. Конституционное право : учебник для среднего профессионального образования / В. Г. Стрекозов. — 8-е изд., перераб. и доп. —Юрайт, 2023. — 279 с. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/511551/p.96>

Rosenko M. I. Citizenship of the Russian Federation: transformation of legal mechanisms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 38–46.

The article draws attention to the study of the social conditionality and effectiveness of the relevant norms, their genesis in the Russian legal system. This article examines and analyzes the institution of citizenship in Russia. The main provisions of the institution of citizenship, enshrined in the Constitution of Russia, federal laws on citizenship, at the national and international levels, are considered. A comparative analysis of some legal norms of the current legislation and the Federal Law of 28.04.2023 N 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" coming into force has been carried out." Special attention is paid to the problems and ways of acquiring Russian citizenship, namely, foreign citizens and citizens of Ukraine who lived in the territories that became part of the Russian Federation according to the results of the referendum. It is noted that the institutional features of the Russian political process caused by the serious geopolitical upheavals of recent years determine the features of the socio-cultural development of Russian society, which have both direct and

indirect impact on the role of the institution of citizenship in constitutional and legal relations. It is concluded that the transformation of the legal norms regulating the realization of the right to citizenship is a reasonable response to all internal and external modern challenges and threats, since citizenship issues are closely related to the territorial organization of the state, with the resolution of the national question in certain state-legal forms, with the exercise of state sovereignty.

Keywords: citizenship, citizen, institution of citizenship, acquisition of citizenship, stable legal connection, termination of citizenship, grounds for rejection of citizenship, simplified procedure for acquiring citizenship, renunciation of citizenship.

Spisok literatury:

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON Rezolyuciej 2017 A (III) ot 10.12.1948) // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Dogovor mezhdunarodnoj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinyat v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov (Moskva, 18 marta 2014 g.) // SPS Konsul'tantPlyus.
3. Konvenciya o pravah rebenka. Prinyata General'noj Assambleej OON ot 20.11.1989 g. // Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. 1993. Vypusk XLVI. // SPS Konsul'tantPlyus.
4. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) (N'yu-Jork, 16.12.1966) // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii: s izmeneniyami, vnesennymi na Obshcherossijskoe golosovanie 1 iyulya 2020 goda. // SPS Konsul'tantPlyus.
6. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» v chasti uproshcheniya procedury priema v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva» ot 24.04.2020 N 134-FZ. // SPS Konsul'tantPlyus.
7. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 № 62-FZ (red. 24.09.2022) «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii». // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 11.07.2022 № 440 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24 aprelya 2019 g. № 183 «Ob opredelenii v guma-nitarnyh celyah kategorij lic, imeyushchih pravo obratit'sya s zavavleniyami o prieme v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii v uproshchenom poryadke». // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Vtoraya sessiya Verhovnogo Soveta SSSR. Pod znamenem Lenina. –10-11 avgusta 1938 g. – № 192. – S. 1-4. URL: <http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/13691/1/0019102.pdf> (data obrashcheniya: 05.08.2023).
10. Avak'yan S. A. Rossiya: grazhdanstvo, inostrancy, vneshnyaya migraciya / S.A. Avak'yan // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal – 2003. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-03-011-avakyan-s-a-rossiya-grazhdanstvo-inostrantsy-vneshnyaya-migratsiya-spb-yurid-tsentr-press-2003-643-s-20> (data obrashcheniya: 01.08.2023).
11. Brusnicyn D.D. Sovremennye tolkovaniya grazhdanstv Rossii / D.D. Brusnicyn // Vestnik nauki. – 2022. – T.2, № 12 (57). – S. 194–200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tolkovaniya-grazhdanstva-rossii> (data obrashcheniya: 05.07.2023).
12. Buchakova M. A. Filosofsko-pravovye podhody k opredeleniyu grazhdanstva // Psiho-pedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2003. № 2(20). S. 30-32.
13. Buchakova, M.A.. Institut grazhdanstva: voprosy teorii i pravoprimenitel'noj prak-tiki / M.A. Buchakova, T.A.Gryaznova // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2023. – T. 28, № 1 (92). – S. 115–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-grazhdanstva-voprosy-teorii-i-pravoprimenitel'noy-praktiki> (data obrashcheniya: 05.08.2023).
14. Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Gafiatulina N.H. i dr. Sociologiya bezopasnosti. M.: INFRA-M, 2017 - 264 s.
15. Voevodin L. D. Konstitucionnye prava i obyazannosti sovetskikh grazhdan. M., 1972. - 300 s.
16. Gandaloev, R.B. Sovremennye normy prava o ponyatii, osobennostyah, sposobah voznik-noveniya i prekrashcheniya grazhdanstva / R.B. Gandaloev // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.– 2022. – № 6. – S. 76–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-normy-prava-o-ponyatii-osobennostyah-sposobah-vozniknoveniya-i-prekrashcheniya-grazhdanstva> (data obrashcheniya: 05.08.2023).
17. Iksanov, I. S. O znachenii akademika O. E. Kutafina v razrabotke instituta grazhdan-stva / I.S. Iksanov // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2022. – № 6. – S. 111–121. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-akademika-o-e-kutafina-v-razrabotke-instituta-grazhdanstva> (data obrashcheniya: 04.05.2023).
18. Strekozov, V. G. Konstitucionnoe pravo : uchebnik dlya srednego professional'nogo obrazovaniya / V. G. Strekozov. — 8-e izd., pererab. i dop. — YUrajt, 2023. — 279 s.. — Tekst : elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma YUrajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/511551/p.96> (data obrashcheniya: 02.05.2023).

УДК 341.211

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рудницкий С. А.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена определению содержания, смысла и перспектив реализации государственного суверенитета как фундаментальной основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рассмотрены теоретические и практические аспекты конституционно-правового понимания категории «государственный суверенитет», выстроены закономерности и взаимосвязи соотношения государственного суверенитета и национальной безопасности в условиях современных угроз и вызовов объективного и субъективного характера. Сформулированы авторские теоретико-методологические и научно-практические выводы об интерпретации государственного суверенитета в контексте новой Концепции внешней политики России. Классифицированы и систематизированы различные предметные и пространственные измерения государственного суверенитета, которые в совокупности составляют исследуемое понятие как необходимую предпосылку и одновременно главный объект обеспечения национальной безопасности. Акцентируется на исключительности государственного суверенитета для полноценной реализации национальных интересов, рассматриваемых в парадигме приоритета прав и свобод человека и гражданина в деятельности публичной власти.

Ключевые слова: государственный суверенитет, национальная безопасность, конституционализм, политический суверенитет, экономический суверенитет, многонациональный народ Российской Федерации.

Для комплексного и целостного понимания категории «государственный суверенитет» в современном конституционализме безусловное теоретико-методологическое и практически-прикладное значение имеет установление взаимосвязи исследуемого понятия с процессом обеспечения национальной безопасности, который необходимо понимать как непосредственную реализацию одной из ключевых функций государства, имманентно ему присущей и отражающей экзистенциальную основу общественного (конституционного) договора, состоящую в стремлении членов общества к сохранению своей внутренней и внешней безопасности, для чего определенный объем личной свободы осознанно передается конституируемому государственному аппарату.

При этом следует отметить, что, на наш взгляд, категории «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» находятся в достаточно ощутимой дихотомии и прямой корреляции, поскольку как реальная возможность юридически иметь и фактически осуществлять суверенные полномочия является обязательным условием обеспечения национальной безопасности как состояния защищенности жизненно важных интересов государства и общества, так и надлежащим образом гарантируемая и обеспечиваемая национальная безопасность представляет собой неотъемлемое условие наличия у государства реального суверенитета, отражающего конституционно-правовое признание собственного народа первоисточником власти (внутренний аспект государственного суверенитета) и основанного на универсальном признании суверенного равенства государств как основных субъектов международного права (внешний аспект государственного суверенитета).

На жизненно важном значении государственного суверенитета как неотъемлемого элемента и условия безопасности России и ее граждан совершенно справедливо акцентирует внимание и Президент Российской Федерации В.В. Путин, обоснованно связывая обеспечение государственного суверенитета с экзистенциальным вопросом о принципиальной перспективе существования и нормальной жизнедеятельности самого государства и представляемой им страны [1].

В данном контексте для правильного и точного определения объективных закономерностей соотношения категорий «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» в современном конституционализме, прежде всего, целесообразно выделить теоретико-методологическую основу выделения национальных интересов, состояние достаточной защищенности которых от существующих угроз и вызовов, происходящих как от внутренних, так и от внешних источников, как раз и следует интерпретировать как национальную безопасность суверенного государства.

Раскрывая содержание государственных интересов, в своей совокупности конструирующих конкретное функциональное наполнение суверенных полномочий государства, Ю.А. Тихомиров считает уместным выделять такие интересы только в тех случаях, когда «речь идет о реализации национального суверенитета, национального интереса» [2, с. 5], т.е., иными словами, государственный интерес, которым, помимо прочих, является и обеспечение национальной (государственной) безопасности, по мнению ученого, не может существовать за пределами государственного суверенитета, носителем которого в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации, является «её многонациональный народ» [3]. При этом правильным представляется замечание М.С. Матейковича и В.А. Горбунова о том, что в координатах демократических правовых систем государству присуще выражать в своих интересах интересы личности, совокупность которых, в свою очередь, в зависимости от количества их носителей (массовости) образуют коллективные либо общественные интересы [4, с. 65], и именно такой концептуальный подход выражен в ст. 18 Конституции РФ, согласно положению которой именно права и свободы человека и гражданина, представляющие собой безусловные, неоспоримые и постоянные интересы личности (индивидуальные и коллективные) определяют смысл деятельности всех ветвей государственной власти, а также местного самоуправления.

Таким образом, все государственные интересы и реализуемые для их обеспечения суверенные полномочия имеют обязательную детерминацию индивидуальными, коллективными и общественными интересами граждан либо находящихся в данный момент под государственной юрисдикцией индивидов вне зависимости от наличия устойчивой политико-правовой связи с государством, что непосредственно отражает глубокую внутреннюю обусловленность государственного суверенитета национальным и народным суверенитетом, выражающим идею признания народа первичным носителем и источником суверенной легитимности государства как политико-территориальной организации всего общества.

Исходя из приведенных суждений о содержании и смысле государственного суверенитета как повседневной деятельности публичной власти в интересах всего общества, можно поддержать позицию И.М. Ильина, согласно которой «ответственный конституционно-правовой подход к феномену государственного суверенитета, равно как и значению соответствующей научной категории в целом, должен осно-

ываться на положениях текста Конституции Российской Федерации» [5, с. 97], так как государственный суверенитет, помимо прочего, представляет собой еще и одну из важнейших характеристик конституционного строя, без которой невозможно в принципе говорить о конституционализме и правовом государстве, поскольку, как можно умозаключить логически, без признания и гарантирования исключительных суверенных полномочий и прерогатив не может быть речи о государственной форме организации общественной жизнедеятельности вообще.

Основанный на формально-юридическом верховенстве конституционных норм подход к определению содержания государственного суверенитета также позволяет исключить из политико-правовой практики такие в корне неправильные и неконституционные тенденции, как, например, т.н. «парад суверенитетов» в начале 90-х гг., когда, по свидетельству С.М. Шахрая, «республики в составе Российской Федерации принимали в одностороннем порядке декларации о своем государственном суверенитете» [6, с. 244], что противоречило положениям Федеративного договора от 31 марта 1992 г. [7], которыми не признавался государственный суверенитет республик и никоим образом не изменялся их конституционно-правовой статус. Более того, после принятия действующей Конституции РФ договорное разграничение полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации принципиально не может противоречить конституционным нормам, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции она имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России, включая приведенное выше положение об исключительности всего многонационального российского народа как коллективного носителя государственного суверенитета, которое является одной из ключевых основ конституционного строя РФ.

В таком понимании государственный суверенитет позволяет обеспечивать общие интересы всего многонационального народа России, которые, на наш взгляд, вполне оправданно называть национальными интересами, имея ввиду и ту жизненную необходимость их реализации, без которой невозможно полноценное, устойчивое, прогрессивное развитие всего общества в целом, суверенной политико-территориальной организацией которого является именно государство со всей его системой органов публичной власти, наделенными надлежащим объёмом властных (суверенных) полномочий.

Современные толковые словари политико-правового профиля трактуют понятие «безопасность» как состояние, когда нет опасности, т.е., по-иному выражаясь, как определенное состояние, при котором ничто не угрожает кому-либо или чему-либо [8, с. 62] (в контексте нашего исследования – государству, обществу, государственным и общественным интересам). С подобным определением нельзя согласиться в полной мере, ведь при таком подходе рассматривается идеальная ситуация, которая вряд ли может быть достигнута в реальных политических, правовых, социально-экономических, культурно-духовных условиях существования любого современного общества и мира в целом. Скорее всего, в этом контексте следует признать справедливым замечание В.Л. Манилова о том, что содержание категории «безопасность» составляет определенное состояние системы, достигнутое вследствие предотвращения вреда ее развитию (жизнедеятельности) [9, с. 144], причем такое предотвращение должно происходить постоянно, так как и сами угрозы и вызовы безопасности также возникают непрерывно, особенно в современных конфликтных

условиях глобального развития, обусловленных и напрямую провоцируемых деструктивными попытками отдельных западных государств, прежде всего – США, построить однополярную систему односторонней гегемонии в международных отношениях вместо комплексно и системно предусмотренной действующими международно-правовыми принципами и нормами многополярной системы суверенного равенства всех государств планеты, построенной на взаимном уважении и неукоснительном признании законных интересов друг друга.

Так, например, Устав ООН определил как одну из главных целей создания и деятельности ООН объединения усилий международного сообщества для поддержания безопасности [10], а государства-участники ОБСЕ (на тот момент – СБСЕ) в ст. 5 Заключительного (Хельсинского) акта от 1 августа 1975 г. установили такую целеполагающую формулировку: «...воздерживаться от каких-либо действий, которые могут усугубить положение до такой степени, что будет поставлено под угрозу подержание...безопасности» [11].

Следовательно, на международно-правовом уровне, источники которого создаются в результате равного и компромиссного согласования суверенной политической воли нескольких государств, под безопасностью в широком смысле понимается особое качество правомерных международных отношений, желаемое и комфортное для суверенных субъектов.

При этом, как уже было отмечено, в современном мире состояние безопасности в значительной мере нарушается многочисленными действиями США, их ситуативных союзников и зависимых сателлитов, направленными на подрыв принципа суверенного равенства государств как единственно возможной основы взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества, основанного на международно-правовом понимании государственного суверенитета, международной и национальной безопасности как ключевых ценностей и залога мирного сосуществования в современном мире.

Анализируя создаваемые угрозы государственному суверенитету и безопасности Российской Федерации, продуцируемые значительным конфликтным потенциалом современных международных отношений, можно классифицировать и систематизировать конкретные векторы измерения российского государственного суверенитета, одновременно выступающие и сферами обеспечения национальной безопасности РФ, исходя из методологического признания прямой и непосредственной корреляции (взаимозависимости и взаимной обусловленности) категорий «государственный суверенитет» и «национальная безопасность».

Во-первых, следует выделить политическое измерение государственного суверенитета как совокупность формально-юридических полномочий и, в то же время, обеспеченную необходимыми управленческими, организационными и материально-техническими механизмами реальную способность публичной власти принимать решения, направленные исключительно на достижение общественного блага в соответствии с незыблемой конституционно-правовой максимой о защите прав и свобод человека и гражданина как первичном смысле конституирования самого государства.

При этом политический суверенитет многих государств проходит серьёзные испытания в современных условиях глобализации, последствиями которой стремятся воспользоваться отдельные страны в ущерб другим, которым отводится, в лучшем

случае, роль автоматических исполнителей политической воли безосновательно с юридической точки зрения доминирующих субъектов. В качестве примера подобных неравноправных отношений и системного, умышленного, целенаправленного размывания государственного суверенитета можно привести негативную трансформацию государственности Украины начиная с инициированного и организованного внешними силами государственного переворота 2014 г., вследствие чего произошли разрушение легитимной публичной власти суверенного государства и её подмена марионеточным, целиком зависимым политически и экономически от суверенной воли США, а не от воли украинского народа, режимом.

Подобные политически зависимые режимы создавались США и их ближайшими союзниками неоднократно и ранее (Афганистан, Ирак, Ливия и т.д.), что дает основания рассматривать соответствующие методы внешней политики как permanently присущие стратегическому курсу этих государств.

Естественно, в подобных условиях трансформированного, видоизмененного суверенитета о реальном обеспечении национальной безопасности государств-сателлитов (в зависимости от конкретных обстоятельств, привлеченных т.н. «мягкой силой» либо принужденных непосредственным вооруженным воздействием) не может быть и речи, поскольку категория «национальная безопасность» как состояние защищенности жизненно важных интересов общества (народа) принципиально возможна только в условиях полноценной реализации таким народом своего исключительного конституционно-правового статуса единственного носителя суверенитета и источника власти.

Необходимо отметить, что на уровне программных документов данные трансформации государственного суверенитета в условиях угроз и вызовов, характерных для существующего состояния международных отношений, нашли свое отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 [12].

Согласно п. 8 указанного документа, в современном мире «используется широкий набор противоправных инструментов и методов, включая применение принудительных мер (санкций) в обход Совета Безопасности ООН, провоцирование государственных переворотов, вооруженных конфликтов, угрозы, шантаж, манипулирование сознанием отдельных социальных групп и целых народов, наступательные и подрывные операции в информационном пространстве. Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений» [12].

К процитированному положению можно добавить, что перечисленные действия оказывают крайне негативное воздействие не только на международные отношения, но и на внутренние аспекты национальной безопасности суверенных государств, чей государственный суверенитет выступает как непосредственный объект противоправных посягательств с применением разнообразного скрытого и открытого инструментария.

Важной особенностью принятой Концепции внешней политики РФ является выделение государственного суверенитета в качестве первоочередного национального интереса, требующего защиты от деструктивного иностранного воздействия (п. 15),

т.е., иными словами, обеспечение реального государственного суверенитета признается необходимым условием и главным элементом поддержания национальной безопасности, а в современном мире этот процесс диалектически связан и с процессом поддержания международного мира и безопасности, так как мир состоит из значительного количества суверенных государств, каждое из которых имеет свой комплекс национальных интересов, в равной степени требующих всеобщего уважения и соблюдения.

Другим важнейшим вектором измерения государственного суверенитета является экономический суверенитет, под которым следует понимать обеспеченную практическими механизмами возможность реализации национальных интересов в сфере экономики, включая бюджетно-финансовую самодостаточность государства, достаточное наполнение доходной части государственного бюджета из источников, находящихся внутри национальной экономики, недопустимость критического уровня зависимости от внешних финансовых вливаний, компенсировать которые приходится впоследствии как раз значительной частью государственного суверенитета. В данном случае можно еще раз привести отрицательный пример из новейшей истории Украины, когда, по словам министра финансов Украины С.М. Марченко, основные объемы средств государственной бюджет страны получает извне, при этом было названо три основных донора – США, Европейский Союз (ЕС) и Международный валютный фонд (МВФ). В свою очередь, Президент Украины В.А. Зеленский 25 октября 2022 г. во время очередной видеоконференции обращался с прямым и неприкрытым призывом к Западу покрыть в 2023 г. дефицит государственного бюджета Украины в размере 38 млрд. долл [13]. Таким способом, как представляется, происходит фактическая передача экономического, а вместе с ним – и политического, суверенитета государства, что, очевидно, и является основной задачей, кардинально противоречащей подлинным стратегическим национальным интересам украинского народа, которую последовательно решает действующая украинская власть исключительно в интересах своих т.н. «союзников».

Достаточно близким к экономическому суверенитету является технологический суверенитет, который в нынешнюю эпоху стремительного развития цифровых технологий и внедрения научно-технических инноваций имеет особое значение для реализации полноценного государственного суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности. А.А. Афанасьев понимает под технологическим суверенитетом в системе национальной безопасности (автор рассматривает данное понятие именно в такой постановке проблемы) беспрепятственную реализацию национальных интересов в техносфере, в которую включаются все научно-технические и технологические активы, имеющиеся в распоряжении общества [14, с. 2206]. Технологический суверенитет также может быть реализован только в общем контексте обеспечения национальной безопасности, включая комплексную защиту технологической информации и проектных разработок, принадлежащих российскому государству и отечественным субъектам научно-технической и промышленной деятельности.

В последнее время широко обсуждается также биологический суверенитет как еще одно измерение реального суверенитета государства. В частности, парламентская комиссия Совета Федерации по расследованию деятельности американских биологических лабораторий на Украине констатировала потерю этим государством

своего «биологического суверенитета», а по итогам очередного заседания комиссии было дано поручение главному санитарному врачу РФ сопоставить места расположения лабораторий с эпицентрами эпидемий с целью, кроме прочего, выявить возможные эпидемиологические угрозы, связанные с указанной американской деятельностью на территории Украины [15].

Кроме того, в научных исследованиях и официальных документах выделяются информационный суверенитет [16], экологический суверенитет [17], суверенитет прибрежного государства [18, с. 38], суверенитет воздушного пространства [19] и другие измерения государственного суверенитета (культурно-духовный, правовой, спортивный, миграционный, инвестиционный, цифровой и прочие) в соответствии с предметной либо пространственной сферой распространения. Так, например, говоря о суверенитете прибрежного государства над морскими пространствами, Е.В. Годованик раскрывает категорию «национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане» через конституционно-правовую призму реализации функций современного государства [20].

В целом, в результате проведенного исследования понятия и содержания государственного суверенитета в контексте обеспечения национальной безопасности РФ можно прийти к таким важнейшим выводам: а) категории «государственный суверенитет» и «национальная безопасность» находятся в прямой корреляции и диалектической взаимосвязи, поскольку реальный государственный суверенитет представляет собой необходимое условие реализации национальных интересов (интересов общества, народа), исходя из конституционно-правовой интерпретации народа как единственного носителя суверенитета и источника публичной власти, а национальная безопасность, в свою очередь является состоянием достаточной защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз и вызовов; б) обеспечение национальной безопасности является одной из ключевых функций современного государства, без реализации которой невозможно обеспечить суверенитет во всех общественно значимых сферах общественных отношений; в) современные угрозы национальной безопасности суверенных государств связаны как с объективными процессами политической и экономической глобализации, так и субъективными действиями отдельных государств (США, их союзники и сателлиты), направленными на разрушение и подмену реального суверенитета других государств, осуществляемого в интересах своих народов, на псевдосуверенную политико-правовую, финансово-экономическую и культурно-духовную модель, обслуживающую исключительно их собственные национальные интересы в ущерб подлинным интересам государств – объектов внешнего «мягкого» либо вооруженного воздействия; г) конституционно-правовая модель государственного суверенитета как необходимого условия обеспечения национальной безопасности отражена в российских концептуально-доктринальных документах с соответствующей комплексной оценкой существующих и потенциальных угроз и вызовов жизненно важным национальным интересам Российской Федерации в современных конфликтных условиях мирового развития.

Список литературы

1. Путин и суверенитет России. URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-i-suverenitet-rossii_137501 (дата обращения: 02.09.2023).
2. Тихомиров Ю.А. Публичное право: падение и взлеты. Государство и право. 1996. № 1. С. 3-12.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г.
4. Матейкович М.С., Горбунов В.А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 256 с.
5. Ильин И.М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика. Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. № 2. Т. 1. С. 96-106.
6. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.
7. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору»).
8. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Словарь терминов и определений. 2-е изд. М., 1999. 361 с.
9. Манилов В.Л. Безопасность в эпоху партнёрства. М: ТЕРРА, 1999. 368 с.
10. Устав ООН от 26.06.1945 г.
URL: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 02.09.2023).
11. Заключительный акт первого саммита глав государств и правительств государств-участников СБСЕ от 1 августа 1975 г.
12. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229.
13. В Киеве надеются получить до конца года от иностранных партнеров почти \$ 8 млрд. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16320545> (дата обращения: 02.09.2023).
14. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России. Вопросы инновационной экономики. 2022. № 4. С. 2193-2212.
15. Лабораториям подбирают возбудителей: парламентская комиссия констатировала потерю Украиной «биологического суверенитета».
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293579> (дата обращения: 04.09.2023).
16. Нарутто С.В., Колмаков С.Ю., Япрынец И.М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства. Образование и право. 2022. № 10. С. 14-22.
17. Борис Грызлов – об экологическом суверенитете России.
URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (дата обращения: 04.09.2023).
18. Международное морское право: публичное и частное: учебник / коллектив авторов; под ред. Д.К. Лабина и В.Н. Коваля. М.: КНОРУС, 2023. 412 с.
19. Мазур А.Н. О воздушном пространстве Российской Федерации. Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2017. № 14. С. 67-71.
20. Годованик Е.В. Национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане: правовая характеристика. Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 4. С. 18-29.

Rudnickij S.A. State sovereignty as a basis for ensuring the national security of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 47–55.

The article is devoted to determining the content, meaning and prospects for the implementation of state sovereignty as a fundamental basis for ensuring the national security of the Russian Federation. Theoretical and practical aspects of the constitutional and legal understanding of the category of "state sovereignty" are considered, the patterns and relationships of the relationship between state sovereignty and national security are built in the conditions of modern threats and challenges of an objective and subjective nature. The author's theoretical-methodological and scientific-practical conclusions about the interpretation of state sovereignty in the context of the new Concept of Russia's foreign policy are formulated. Various subject and spatial dimensions of state sovereignty are classified and systematized, which together constitute the concept under study as a necessary prerequisite and at the same time the main object of ensuring national security. It focuses on the exclusivity of state sovereignty for the full implementation of national interests, considered in the paradigm of the priority of human and civil rights and freedoms in the activities of public authorities.

Keywords: state sovereignty, national security, constitutionalism, political sovereignty, economic sovereignty, multinational people of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Putin i suverenitet Rossii. URL: https://tsargrad.tv/articles/putin-i-suverenitet-rossii_137501 (data obrasheniya: 02.09.2023).
2. Tihomirov Ju.A. Publichnoe pravo: padeniye i vzlety. Gosudarstvo i pravo. 1996. № 1. S. 3-12.

3. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabnja 1993 g. s izmenenijami, prinjatymi na Obssherossijskom golosovanii 1 ijulja 2020 g.
4. Matejkovich M.S., Gorbunov V.A. Zakonnye interesy v konstitucionnom prave. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 256 s.
5. Il'in I.M. Suverenitet v doktrine konstitucionalizma: definicija, problematika. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishheva. 2020. № 2. T. 1. S. 96-106.
6. Shahraj S.M. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata i magistratury. 4-e izd., izm. i dop. M.: Statut, 2017. 624 s.
7. Federativnyj dogovor ot 31 marta 1992 g. «Dogovor o razgranichenii predmetov vedenija i polnomochij mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i organami vlasti suverennyh respublik v sostave Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Protokolom k Federativnomu dogovoru»).
8. Bezopasnost' Rossii. Pravovye, social'no-jekonomicheskie i nauchno-tehnicheskie aspekty. Slovar' terminov i opredelenij. 2-e izd. M., 1999. 361 s.
9. Manilov V.L. Bezopasnost' v jepohu partnjorstva. M: TERRA, 1999. 368 s.
10. Ustav OON ot 26.06.1945 g.
URL: <http://www.un.org/russian/documen/basicdoc/charter.htm> (data obrashhenija: 02.09.2023).
11. Zakljuchitel'nyj akt pervogo sammita glav gosudarstv i pravitel'stv gosudarstv-uchastnikov SBSE ot 1 avgusta 1975 g.
12. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii: utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 31 marta 2023 g. № 229.
13. V Kieve nadejutsja poluchit' do konca goda ot inostrannyh partnerov pochti \$ 8 mlrd. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16320545> (data obrashhenija: 02.09.2023).
14. Afanas'ev A.A. Tehnologicheskij suverenitet: osnovnye napravlenija politiki po ego dostizheniju v sovremennoj Rossii. Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2022. № 4. S. 2193-2212.
15. Laboratorijam podbirajut vzbuditelej: parlamentskaja komissija konstatirovala poterju Ukrainoj «biologicheskogo suvereniteta».
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5293579> (data obrashhenija: 04.09.2023).
16. Narutto S.V., Kolmakov S.Ju., Japryncev I.M. Informacionnyj suverenitet: konstitucionno-pravovye osnovy v uslovijah razvitija cifrovogo gosudarstva. Obrazovanie i pravo. 2022. № 10. S. 14-22.
17. Boris Gryzlov – ob jekologicheskom suverenitete Rossii.
URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (data obrashhenija: 04.09.2023).
18. Mezhdunarodnoe morskoe pravo: publicnoe i chastnoe: uchebnik / kolektiv avtorov; pod red. D.K. Labina i V.N. Kovalja. M.: KNORUS, 2023. 412 s.
19. Mazur A.N. O vozdušnom prostranstve Rossijskoj Federacii. Vestnik Essentukskogo instituta upravlenija, biznesa i prava. 2017. № 14. S. 67-71.
20. Godovanik E.V. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v Mirovom okeane: pravovaja karakteristika. Lex Russica (Russkij zakon). 2023. T. 76. № 4. S. 18-29.

УДК 930

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVII В.

Рябченко А. Г., Ирицян В. А.

«Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»

В статье рассматриваются деятельность правоохранительных органов по раскрытию и пресечению преступлений в Московском государстве в XVII в. Наибольший объем работы по борьбе с преступностью выполнял Разбойный приказ, руководящий деятельностью губных учреждений, занимающихся расследованием краж, разбоев и убийств, приносящих заметный вред формирующимся общественным отношениям. В работе были выявлены особенности борьбы с преступностью, касающиеся участия в разбоях представителей как низших, так и высоких сословий, излишней забюрократизированностью правоохранительной деятельности, особой роли общины в поведении следственно-розыскных мероприятий. Отмечено значение сыска как института, прошедшего в своем развитии длительный путь эволюции его организационно-правовых основ.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, антикриминальная политика, кража, разбой, убийство, Московское государство, архивные документы, губные учреждения, Разбойный приказ, Земский приказ, уголовное дело, розыск преступников, воеводы, губные старосты.

Эпоха Московского государства, являющаяся одной из наиболее значимых в истории России, отмечена серьезными изменениями в правовой сфере, в том числе уголовно-процессуальном праве. Глобальные изменения в основах уголовного процесса привели на завершающем этапе рассматриваемой эпохи к складыванию новых подходов к восприятию правовых явлений, существенно меняющих цели и задачи уголовного судопроизводства.

На рубеже XV-XVII вв. деятельность органов и должностных лиц, занимающихся раскрытием и пресечением преступлений, осуществлялась чиновниками, выполняющими розыскные и следственные действия.

Основную роль в реализации антикриминальной политики Московского государства в XVII в. наравне с приказами и воеводствами играли губные учреждения (губные избы), деятельность которых контролировалась расположенным в Москве Разбойным приказом. Кроме того, уголовным сыском занимались представители центральной власти на местах (воеводы, наместники, волостели). В их подчинении находились различные чиновники – стрельцы, пушкарки, тиуны, доводчики и другие. В Москве и Московском уезде уголовным сыском занимался Земский приказ (Земский двор).

Наибольший вред общественным отношениям причиняли кражи, разбои и убийства, и именно по этим составам концентрировались усилия губных учреждений, и прежде всего в части розыска преступников [1]. В свою очередь, из указанных трех составов в архивных документах чаще всего фигурируют разбои, соответственно разбойники являлись главным объектом антикриминальной деятельности губных учреждений.

Социальный состав участников разбойных нападений был в сословном плане крайне неоднороден, начиная от крестьян и холопов и заканчивая представителями более высоких сословий, что можно видеть, в частности, по содержанию некоторых десятен, представляющих собой документы, закрепляющие списки служилых лю-

дей по отечеству. Из десятиен также видно, что преступниками-разбойниками были и достаточно знатные дворяне [2, с.80]. О более конкретных участниках разбоев можно судить по архивным данным.

Так, в одной из десятиен 1622 г. указывается А.Г.Пилюгин – владелец поместья в 150 четвертей, 5 крестьян и 5 бобылей, который «в государеве разбойном деле дан на поруки по сыску князя Микиты Борятинского и двор и животы запечатаны до государева указу» [3].

Из архивных документов и грамот разного рода рассматриваемого периода видно также, что тяжкие преступления совершали преступные группы, в составе которых были как крестьяне, так и помещики, то есть имели место совместные внесословные банды. Так, в 1693 г. помещик С. Рукин был обвинен в совершении убийства, то есть в «убийственном» деле. С целью его задержания воевода М. Леонтьев направил ротмистра Б. Завесина, двух подъячих и караульщиков, которые должны были «запечатоть» имущество и привести самого обвиняемого в приказную избу. Как видно из доклада об этом происшествии, в одной из деревень отряд стражей правопорядка (дело происходило в Воронежском уезде) задержал двух крестьянок, которые принадлежали обвиняемому помещику С. Рукину. Однако вскоре Рукин и его люди напали на отряд, отбили крестьянок и не позволили опечатать имущество. Сам Рукин, вероятно, чувствовал себя довольно уверенно, поскольку хвастался, что «побьет посланных за ним, а себя не выдаст». Тем не менее командир отряда Завесин сумел задержать одного крестьянина, который был в собственности Рукина, который признался в кражах и «иных воровствах».

Во время допроса с использованием пытки этот крестьянин дал показания, согласно которым Рукин с крестьянами был замечен в соседнем селе, где была совершена кража стада скота. Перечень преступных деяний помещика был дополнен укрывательством неподалеку проживающих от него беглых донских казаков.

От банды Рукина, судя по грамотам, пострадали и другие жители той местности. За поимкой этой банды вновь был снаряжен специальный отряд из местных правоохранителей, однако задержать удалось только самого Рукина, а остальные члены преступной группы сумели отбиться. В этой связи воевода запрашивал инструкции в Приказе сыскных дел по данному делу [4; с. 219]. Такое развитие событий дает основание полагать, что действовавшая тогда правоохранительная система не всегда эффективно справлялась с преступными проявлениями.

Розыскные мероприятия, проводимые губными учреждениями, усложнились двумя факторами: запретом на воевод, губных старост и сыщиков проводить арест подозреваемых в совершении преступления лиц из соседних уездов, что свидетельствует о наличии определенных бюрократических ограничений в деятельности правоохранительных органов и слабо развитые транспортные возможности, что затрудняло проведение очных ставок.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов разных территорий возникла даже в одном воеводстве, в частности, Кромский воевода Дурново являлся, по сути, посредником, между губными сыщиками двух соседних уездов, которые для проведения следственно-розыскных мероприятий в другом уезде должны были письменно обращаться к воеводе за разрешением [5].

Отсутствие единообразия в следственно-розыскных действиях приводило к необходимости обязательного согласования ареста подозреваемого из соседнего уезда путем получения грамоты из Разбойного приказа.

Так, основанием для проведения «обыска о разбойниках» в отношении подозреваемых в совершении разбойного нападения детей боярских Ханеева и Варнавина являлась выданная в 1649 г. губному старосте Мальцеву грамота из Разбойного приказа.

Там во время следственно-розыскных мероприятий Мальцев получил сведения о том, что Ханеев находится в уезде, куда разрешения Разбойного приказа не было, и тогда Мальцеву пришлось обращаться к местному воеводе [6]. Мы полагаем, что такая забюрократизированность правоохранительной деятельности на местах была препятствием для более эффективной борьбы с преступностью.

Указанные нестыковки в деятельности правоохранительных органов (прежде всего, воевод, губных старост и сыщиков) показывали недостаточно развитую систему управления борьбой с преступностью, несмотря на то, что Московское государство уже с самого начала XVII в. было централизованным государством, а в течение века централизация еще больше укреплялась.

Представляет интерес рассмотрение одного из уголовных дел по краже (1636 г), эпизоды которого выходили за рамки привычного сценария. После подачи челобитной в губную избу стрелецким пятидесятником Ланиным по поводу кражи у него крестьянином Карачунского монастыря Ходой 4 лошадей и имущества на сумму 132 рубля губной староста Кречков провел «лихованный обыск», который не дал признательных показаний в совершенной татьбе, открыв при этом обстоятельства другой совершенной крестьянином кражи.

Последующее развитие уголовного дела связано с обращением истца к губному старосте с просьбой о передаче материалов для расследования в Разбойный приказ. Староста Кречков направил дело в Москву, взяв при этом с Ланина поручную записку о том, что тот при первом же вызове явится в Разбойный приказ.

Очевидно, к тому времени Разбойный приказ уже наработал определенный авторитет и к нему стали обращаться в тех случаях, когда по каким-либо причинам не доверяли местным сыщикам. Не последнюю роль, вероятно, имело и социальное положение Ланина, что подтверждается тем, что ему из Разбойного приказа было доверено доставить грамоту с указаниями по этому делу для губного старосты. Разбойный приказ предписывал вновь пытаться Ходу с теми же вопросами, сыскивать тех лиц, которых Хода будет называть, устраивать при необходимости очные ставки.

Выплата обвиняемым Ходой государевых пошлин в рамках заключенного с Ланиным перемирия положила конец новым пыткам и привела к подписанию мировой челобитной, копия которой была направлена в Разбойный приказ, а подлинник оставался в губной избе.

Вскоре из Разбойного приказа пришло сообщение, согласно которому Хода был отдан на поруки, а опечатанное ранее его имущество было ему возвращено.

Как видно, здесь налицо действие института частного обвинения. В этой связи заметим, что в данном конкретном случае указанное решение Разбойного приказа шло вразрез с нормами губного дела, согласно которым мир с ответчиками по разбойным делам запрещался. Однако, на наш взгляд, в этой позиции не учитывается

то обстоятельство, что было совершено не разбойное нападение, а кража. Кроме того, вина Ланина окончательно так и не была доказана – ведь он отказался признаваться в этом преступлении, а о других доказательствах, кроме челобитной истца, в документах не говорится.

Представляет интерес деятельность правоохранительных органов при совершении убийства. Так, в июне 1638 г. сын боярский Остапов представил челобитную воеводе Вельяминову и обвинил в убийстве крестьянина Голенского (князя Воротынского) боярским сыном Турмышевым. В последующем, как оказалось, эти обвинения стали расходиться с показаниями других свидетелей. Так, по показаниям приказчика Ивлева, работающего в хозяйстве князя Воротынского, заслуживают внимания слова подростка Иванова, работающего пастухом по найму в деревне и указавшего на убийц крестьянина детей боярских Астафьева, Караулова, Остапова.

О достоверности показаний мальчика говорит тот факт, что указанные лица (кроме Караулова) признались в совершении убийства.

В январе 1639 г. приказчик Ивлев привез грамоту Разбойного приказа с инструкциями для губного старосты, где указывалось, в частности, что посаженных по этому делу в тюрьму следует пытаться в том, участвовали ли они в других кражах и разбоях, а самих убийц держать в тюрьме «до государева указа», взыскать в них поголовные деньги с двух убийств (8 руб.) за счет продажи имущества виновных [7].

Судя по всему, губной староста Буханов поголовные деньги в Разбойный приказ не направил, за что получил выговор от Разбойного приказа: «и ты так делаешь не гораздо: нашим делом не радеешь» [8]. Это факт свидетельствует о том, что Разбойный приказ контролировал деятельность губных учреждений достаточно строго.

Производство уголовного дела по убийству в Московском государстве рассматриваемого периода имело некоторую специфику. Так, до 1625 г. убийство рассматривалось, как правило, в связи с разбоем, то есть мотив совершения убийства был корыстным. Однако согласно боярскому приговору от 17 февраля 1625 г. [9; с.46-48] убийство выделяется как самостоятельный вид преступления. С этим указом связана деятельность героя народного ополчения времен Смуты Дмитрия Пожарского, который с 1621 г. возглавлял Разбойный приказ. По инициативе Пожарского внесены и приняты 3 новых закона, в том числе – от 14 октября 1624 г., устанавливавший ответственность владельца холопа или другого зависимого человека за совершенные последними преступления, даже если преступника уже нет в живых.

Говоря об особенностях борьбы с преступностью, которую проводили губные учреждения, воеводства и Разбойный приказ, нельзя не отметить и роль общины в следственно-розыскных действиях, так как в преследовании воров участвовали жители села, где была совершена кража, а участие в погоне было закреплено как обязанность. Если иметь в виду убийства, то предписывалось обнаруженное тело убитого привезти в село к церкви и бить в колокола. Жители обязаны были прийти для разбирательства «на кровь, и на след, и на совет». Не пришедший тут же попадал в подозрение и подлежал пристрастному допросу.

Изложенное дает основание констатировать, что в специфических условиях развития российской государственности сыск из общественного института в XII–XV в. трансформируется в государственно-правовое явление, приобретает устойчивый публично-правовой характер и с XVII в. эволюционирует как неотъемлемая часть правоохранительной функции государства, реализуемой в деятельности его органов.

При этом основную деятельность по борьбе с преступными проявлениями в виде краж, разбоев и убийств в Московском государстве XVII в. непосредственно осуществляли губные учреждения во главе с губными старостами, которые имели для этого специальный аппарат, качественный состав которого нормативно не определялся.

Список литературы:

1. Лядов, А.О. Уголовный сыск в дореволюционной России (историко-правовой аспект): специальность 12.00.01 «Теория права и государства; История права и государства; История политических и правовых учений»: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Лядов Алексей Олегович; Санкт-Петербургская академия МВД России. - Санкт-Петербург., 1997. - 186 с. - Текст: непосредственный.
2. Скрынников, Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. / Р.Г. Скрынников. - Ленинград, Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1985. - 327 с. Текст: непосредственный.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятилет. Д. 87. - Л. 50об.
4. Глазьев, В.Н. Власть и общество на Юге России в XVII веке: монография / В.Н. Глазьев. - Воронеж, Воронежский государственный университет, 2001. - 432 с. - Текст: непосредственный.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Д. 30. - Л. 37-38.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 15. Д. 298. - Л. 247-249.
7. Рябченко, А.Г. Наказания, связанные с лишением свободы, в системе государственных мер противодействия преступности в России во второй половине XVII в.: правовое регулирование и применение / А.Г. Рябченко, М.Р. Гиш - Текст: непосредственный // Общество и право. 2011. - № 3 (35). - С.13-16.
8. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 13. Д. 77. - Л. 332. - Текст: непосредственный.
9. Боярский приговор от 17 февраля 1625 г. // Памятники права периода создания абсолютной монархии. - Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1963. - 508 с. - Текст: непосредственный.

Ryabchenko A. G., Iricyan V. A. Features of the organization of criminal procedural activity in the Moscow state in the XVII century // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. - 2023. - Т. 9 (75). № 4. - P. 56-60.

The article examines the activities of law enforcement agencies in the detection and suppression of crimes in the Moscow state in the XVII century. The greatest amount of work on combating crime was carried out by the Robbery Order, which directs the activities of criminal institutions involved in the investigation of thefts, robberies and murders that bring noticeable harm to the emerging public relations. The work revealed the peculiarities of the fight against crime, concerning the participation in robberies of representatives of both lower and higher classes, excessive bureaucratization of law enforcement, the special role of the community in the conduct of investigative and investigatory activities. The importance of investigation as an institution that has passed a long path of evolution of its organizational and legal foundations in its development is noted.

Key words: criminal procedure law, anti-criminal policy, theft, robbery, murder, the Moscow state, archival documents, criminal institutions, robbery order, Zemstvo order, criminal case, search for criminals, voivodes, provincial elders.

Spisok literatury:

1. Lyadov, A.O. Ugolovnyj syisk v dorevolucionnoj Rossii (istoriko-pravovoj aspekt): special'nost' 12.00.01 «Teoriya prava i gosudarstva; Istoriya prava i gosudarstva; Istoriya politicheskij i pravovyh uchenij»: diss. na soisk. ... kand. jurid. nauk / Lyadov Aleksej Olegovich; Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii. - Sankt-Peterburg., 1997. - 186 s. - Tekst: neposredstvennyj.
2. Skrynnikov, R.G. Social'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII v. / R.G. Skrynnikov. - Leningrad, Izd-vo LGU im. A.A. Zhdanova, 1985. - 327 s. Tekst: neposredstvennyj.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 4. Dela desyaten. D. 87. - L. 50ob.
4. Glaz'ev, V.N. Vlast' i obshchestvo na YUge Rossii v XVII veke: monografiya / V.N. Glaz'ev. - Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2001. - 432 s. - Tekst: neposredstvennyj.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 13. D. 30. - L. 37-38.
6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 15. D. 298. - L. 247-249.
7. Ryabchenko, A.G. Nakazaniya, svyazannye s lisheniem svobody, v sisteme gosudarstvennyh mer protivodejstviya prestupnosti v Rossii vo vtoroj polovine XVII v.: pravovoe regulirovanie i primenenie / A.G. Ryabchenko, M.R. Gish - Tekst: neposredstvennyj // Obshchestvo i pravo. - 2011. - № 3 (35). - S.13-16.
8. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. F. 210. Op. 13. D. 77. - L. 332.
9. Boyarskij prigovor ot 17 fevralya 1625 g. // Pamyatniki prava perioda sozdaniya absoljutnoj monarii. - Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1963. - 508 s. - Tekst: neposredstvennyj.

УДК 340.1

**ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

Сибгатуллин Ф. С.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье представлены результаты проведенного исследования понятия механизм реализации правоохранительной функции государства на современном этапе государственного развития. Проанализированы основные подходы ученых к пониманию понятия механизма реализации государственных функций, выделены основные сходства и различия в подходах в определении данного понятия. Наиболее приемлемой, по мнению автора статьи, является точка зрения о механизме реализации правоохранительной функции государства как о разновидности социального управления. Как отмечает автор статьи, государство в решении дел общества выступает субъектом управления и в связи с этим государственное управление в свою очередь можно рассматривать в качестве механизма, посредством которого осуществляется регуляция социальных процессов, достигаются цели государства, обусловленные его социальными назначением и историческим предназначением. Цели государства в свою очередь определяют его жизненно важные направления деятельности, за счет которых обеспечивается его оптимальное и стабильное функционирование в тот или иной исторический период. Государства как субъект управления детерминирует социальные процессы через систему государственных органов, организаций и соответствующих должностных лиц по приоритетным направлениям деятельности государства в целом.

Ключевые слова: функция государства, правоохранительная функция, механизм реализации функции государства.

Понятие «механизма реализации правоохранительной функции государства» в юридической науке не находит однозначного толкования, и в целом нет единой позиции ученых относительно него.

Необходимо отметить, что вопросы практической реализации направлений деятельности государства в научной литературе недостаточно проработаны.

Относительно реализации различных видов функций государства имеется несколько точек зрения. В трудах многих авторов механизм реализации функций государства представляет собой определенную структуру, совокупность взаимосвязанных элементов, которыми могут выступать цели, методы, способы, приемы, принципы, субъекты осуществления, правовые и организационные основы осуществления различных функций государства.

Так, А.М. Милюков механизм реализации экономической функции рассматривает, как «взятые в единстве целевая составляющая, организационно-правовые основы, принципы и методы осуществления экономической деятельности государства» [1, с. 7]. Структура механизма реализации экономической функции по мнению А.М. Милюкова представляет собой совокупность взаимосвязанных компонентов, включающих в себя целеполагание, организационную составляющую, правовую составляющую, совокупность экономических методов и принципов.

По мнению Д.В. Пожарского механизм реализации контрольно-надзорной функции современного государства представляется собой взятые в единстве методы и принципы ее осуществления, а также ее организационные и правовые основы [2, с.

14-15]. Как утверждает указанный автор, механизм реализации функции государства «это не простая, застывшая совокупность элементов, а именно система, отличающаяся сложной структурой и характеризующаяся наличием прямых и обратных связей между составляющими ее элементами» [3, с. 264].

Д.В. Пожарский в механизм реализации правоохранительной функции государства включал субъектный состав в лице государственных органов и органов местного самоуправления, правовое регулирование, а также методы и принципы охранительной деятельности. Следует отметить, что данный исследователь выступал за разработку конструкции механизма охранительной функции, или иначе его концептуальной модели.

А.А. Сайдаманов при рассмотрении проблемы налоговой функции государства, рассматривал механизм ее реализации как «взятые в единстве принципы, методы, правовые и организационные основы осуществления налогообложения» [4, с. 86].

Как утверждает И.А. Кузнецов, механизм осуществления функций государства есть «единство всей системы органов государства, уполномоченных общественных организаций, осуществляющих государственные функции, а также формы и методы их деятельности, единство динамической и статической сторон их реализации» [5, с. 68].

А.Н. Васенина при исследовании информационной функции государства пришла к выводу, что механизм ее реализации представляет собой «макро либо микросовокупность политико-правовых средств, методов, способов и приемов осуществления публичной власти в информационной сфере, определяемых внешними и внутренними условиями функционирования государственного механизма в конкретном теоретико-правовом пространстве» [6, с. 11].

Такие исследователи как, Е.В. Батищева, А.В. Сим, В.В. Анохин под механизмом реализации государственных функций понимают принципы и методы, а также формы осуществления этих функций государством.

Полная картина процесса реализации социальной функции государства представлена в исследовании Е.В. Батищевой, которая предложила соответствующую схему ее реализации в условиях пенитенциарной системы.

По мнению указанного автора, реализация социальной функции государства осуществляется посредством особого механизма, который включает в себя правовые и организационные основы, принципы и методы [7, с. 18]. По мнению автора статьи, данная интерпретация механизма реализации функций государства является более убедительной относительно других подходов к пониманию механизма реализации функций.

Е.В. Рябова механизм реализации функций государства рассматривает как взятые в единстве субъекты осуществления функции, их деятельность, осуществляемая на основе определенных принципов, а также формы, методы и средства ее осуществления [8, с. 19].

С.Н. Туманов механизм при исследовании внешних функций государства рассматривал механизм их реализации как «целостную совокупность институциональных, нормативно-правовых, идеолого-правовых и информационных средств внешнеполитической и иной вспомогательной деятельности, использующих их на основе системы организационно-правовых принципов специально уполномоченных субъектов (высших органов государственной власти общей компетенции; специализиро-

ванных государственных органов, основной функцией которых выступает осуществление именно внешнеполитической деятельности; органов государства, которые являются специализированными в иной области, но наделенными некоторыми полномочиями в области осуществления внешних функций государства; представителей государства в международных организациях и представительствах в иностранных государствах), направленной на обеспечение национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации на международной арене, обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, на создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности экономики России и качества жизни населения» [9, с. 19].

С.А. Балаев рассматривал механизм реализации функции налогообложения как «единую систему правовых, организационных и материально-финансовых средств, объединенных в ряд относительно обособленных подсистем с учетом ранее выделенных в содержании данной функции основных подфункций, ядром которой выступают нормативно-правовые акты, затрагивающие различные области налогообложения и установленная в них собственно система правовых и экономических принципов и правил взимания налогов и акцизов, сборов, пошлин и платежей, а также комплекс юридических процедур, обеспечивающих осуществление налогообложения» [10, с. 11].

По мнению С.А. Киреевой механизм реализации функции межгосударственной интеграции – это «комплексное единство целей, задач, правовых и организационных форм, методов, средств и результатов межгосударственной интеграционной деятельности» [11, с. 13].

Как утверждает А.А. Барканов механизм реализации функции государства – это «взятые в единстве организационно-правовые основы, принципы и методы осуществления культурно-воспитательной деятельности государства» [12, с. 15-16]. Как считает указанный автор, механизм реализации функций государства представляет собой систему взаимосвязанных между собой элементов, обеспечивающих масштабность, результативность и легитимность того или иного направления деятельности государства.

Е.В. Лебедева, отмечает, что механизм реализации функции государства «характеризуется преобладанием в рамках правореализационной деятельности как формы осуществления функций государства правоприменительной деятельности механизма государства и институтов гражданского общества. Проникая во все сферы общественных отношений, правоохранительная функция реализуется посредством предупреждения правонарушений, разрешения юридических дел, привлечения виновных к ответственности и т. п.» [13, с. 20].

По мнению А. В. Липунцовой под механизмом реализации функций государства следует понимать «систему взаимосвязанных элементов, направленных, на осуществление основных направлений деятельности государства для достижения целей и задач государства» [14, с. 33]. В структуре механизма реализации функций указанным автором выделялись нормативно-правовой, институциональный, инструментальный компоненты.

В научной литературе широкое распространение получил подход, при котором механизм реализации функций государства рассматривается сквозь призму управ-

ленческой деятельности государства и представляет собой разновидность механизма социального управления. Представители данной точки зрения считают, для механизма социального управления и механизма управления в целом характерен однородный набор элементов.

Разработкой данной концепции занимались такие исследователи как Р.Р. Алиуллов, А.М. Омаров, В.И. Рыкунов, Ю.А. Тихомиров, Г.А. Туманов, Д.И. Правдин, В.Е. Сизов, В.Е. Чиркин и др.

Так, Р.Р. Алиуллов считает, что «применительно к социальным системам механизм управления следует рассматривать как целостную совокупность управленческих элементов, включающих в себя принципы и функции управления, методы управленческого воздействия, управленческие отношения и управленческие нормы, посредством которых субъекты управления целенаправленно формируют рациональную систему управления и обеспечивают эффективное функционирование управленческого процесса, способствуя устойчивой и результативной деятельности управляемого объекта» [15, с. 33].

Ю.А. Тихомиров под механизмом социального управления понимал «способ организации и функционирования управления, выражающейся в выдвижении обоснованных целей, в создании и развитии управляющейся системы, призванной осуществлять в ходе управленческого процесса достижение целей» [16, С.49]. В структуру механизма социального управления Ю.А. Тихомиров включал систему управления, правовые нормы, целеполагание и цели, и сам управленческий процесс.

По мнению Д.И. Правдина механизм управления представляет собой совокупность органов, способов и средств взаимодействия между управляющим и управляемым объектами и выделял пять его элементов: содержание управления, цели, органы, методы и средства [17, с. 24-27].

А.М. Омаров характеризует механизм социального управления, как «способ организации, включая и обеспечение функционирования управляющей подсистемы, ориентированной на достижение целей системы» [18, с. 27].

В.И. Рыкунов характеризуя механизм управления, выделял в качестве его компонентов принципы, методы, функции, процесс, систему управления и управленческие решения [19, с. 27]. По мнению указанного автора, механизм управления проявляется через управленческие отношения и взаимосвязи в управленческой деятельности.

В представлении В.Е. Сизова механизм реализации функции государства выступает инструментом социальной регуляции. По его мнению, механизм правового регулирования представляет собой совокупность всех юридических и социальных средств и институтов, обеспечивающих реализацию права и организацию общественных отношений [20, с. 161-166].

В.Е. Чиркин, механизм реализации функций государства рассматривает сквозь призму управленческой деятельности. По мнению данного автора, «функции государства находят свое практическое выражение в разносторонней деятельности государства, его органов, должностных лиц. Реализация функций государства неразрывно связана с государственным управлением, понимаемым не только как администрирование, но и в широком смысле как разносторонняя деятельность всех органов государства (парламента, главы государства, правительства, судов прокуратуры и др. всех ветвей государственной власти» [21, с. 85].

А.И. Гнатенко под механизмом реализации функций государства понимает «часть, подсистему механизма социального управления, с присущими последнему общими характеристиками, в то время как его специфика, индивидуальные особенности особенно наглядно проявляются при руководстве специфическими, узкими сферами общественной жизни (например, социальной сферой)» [22, с. 13].

По мнению автора статьи, подход при котором механизм реализаций функций государства рассматривается как разновидность социального управления более чем обоснован.

Государство в решении дел общества выступает субъектом управления и в связи с этим государственное управление в свою очередь можно рассматривать в качестве механизма, посредством которого осуществляется регуляция социальных процессов, достигаются цели государства, обусловленные его социальными назначениями и историческим предназначением.

Цели государства в свою очередь определяют его жизненно важные направления деятельности, за счет которых обеспечивается его оптимальное и стабильное функционирование в тот или иной исторический период.

Государства как субъект управления детерминирует социальные процессы через систему государственных органов, организаций и соответствующих должностных лиц по приоритетным направлениям деятельности государства в целом.

Деятельность государственных органов и должностных лиц по реализации тех или иных функций государства осуществляется в соответствующих формах, с использованием специфических методов, приемов и средств.

И так, по мнению автора статьи, механизм реализации правоохранительной функции государства представляет собой разновидность механизма социального управления, посредством которого обеспечивается достижение целей и задач государства в правоохранительной сфере.

Механизм реализации правоохранительной функции воплощает собой процесс ее реализации, который представляет собой разновидность механизма социального управления, элементами которого выступают субъекты реализации правоохранительной функции, цели и задачи в сфере правоохраны, правовые нормы, методы, функции, формы, принципы деятельности государственных органов, а также организация управления и правоохранительных процедур.

Список литературы:

1. Милуков, А. М. Экономическая функция российского государства и роль таможенных органов в ее реализации : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Милуков Анатолий Михайлович. – Владимир, 2006. – 171 с.
2. Пожарский, Д. В. Контрольно-надзорная функция современного государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пожарский Дмитрий Владимирович. – Москва, 2004. – 222 с.
3. Пожарский, Д. В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Пожарский Дмитрий Владимирович. – Москва, 2015. – 22 с.
4. Сайдаманов, А. А. Налоговая функция государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сайдаманов Анатолий Акбарович. – Москва, 2006. – 175 с.

5. Кузнецов, И. А. Охрана социалистического правопорядка, социалистической собственности, прав и свобод граждан как функция советского общенародного государства : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01. - Саратов, 1986. - 204 с.
6. Захарцев, С. И. Правовой режим контртеррористической операции как особый порядок правового регулирования общественных отношений, возникающих в условиях террористической угрозы / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С. 60-68.
7. Захарцев, С. И. Основные подходы к пониманию правовых режимов в контексте теории права (на примере правового режима контртеррористической операции) / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 21-28.
8. Васенина, А. Н. Информационная функция современного российского государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Васенина Алевтина Николаевна. – Нижний Новгород, 2007. – 218 с.
9. Батищева, Е. В. Механизм реализации социальной функции государства (на примере деятельности уголовно-исполнительной системы) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Батищева Елена Викторовна. – Владимир, 2006. – 205 с.
10. Рябова, Е. В. Функция обеспечения правопорядка в период формирования правового российского государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рябова Елена Владимировна. – Волгоград, 2005. – 206 с.
11. Туманов, С. Н. Механизм реализации внешних функций современного Российского государства (проблемы теории и практики) / С. Н. Туманов. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2017. – 544 с.
12. Балаев, С. А. Механизм реализации функции налогообложения современного Российского государства (общетеоретический аспект) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Балаев Сергей Александрович. – Саратов, 2016. – 22 с.
13. Киреева, С. А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Киреева Светлана Александровна. – Астрахань, 2006. – 499 с.
14. Барканов, А. А. Культурно-воспитательная функция современного российского государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Барканов Анатолий Алексеевич. – Москва, 2007. – 28 с.
15. Луценко, В. В. О внесении изменений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности Российской Федерации (на примере специальной военной операции) / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 23-26.
16. Лебедева, Е. В. Институты гражданского общества в реализации правоохранительной функции Российского государства : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лебедева Екатерина Владимировна. – Челябинск, 2007. – 28 с.
17. Липунцова, А. В. Государственный контроль на современном этапе реформирования / А. В. Липунцова // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 324-327.
18. Луценко, В. В. Теоретические основы разработки правовых средств, применяемых в деятельности, связанной с противодействием терроризму, на современном этапе развития права / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 20-22.
19. Алиуллов, Р. Р. Механизм управления органами внутренних дел (Вопросы теории, методологии и практики) : специальность 12.00.11 "Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность" : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Алиуллов Рашид Рахимуллович. – Москва, 2004. – 450 с.
20. Тихомиров, Ю. А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Наука, 1978. – 336 с.
21. Правдин, Д.И. Проблемы управления экономическими и социальными процессами при социализме [Текст]. - Москва : Мысль, 1979. - 197 с.
22. Омаров, А.М. Социальное управление : некоторые вопросы теории и практики. - Москва : Мысль, 1980. - 269 с.
23. Рыкунов, В. И. Основы управления : Многоаспект. подход : [Монография] / В.И. Рыкунов; Акад. экон. безопасности. - Москва : Изограф, 2000. - 111 с.
24. Сизов, В. Е. Механизм правового регулирования как социально-правовая категория / В. Е. Сизов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 4. – С. 161-166.

25. Чиркин, В. Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин. - Москва : Юристъ, 2008. - 214 с.

26. Гнатенко, А. И. Функции государства и роль органов внутренних дел в их реализации : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гнатенко Александр Иванович. - Москва, 2010. - 214 с.

Sibgatullin F.S. The concept of the mechanism for implementing the law enforcement function of the state at the present stage of state development // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. - 2023. - Т. 9 (75). № 4. - P. 61-68.

The article presents the results of the conducted research of the concept of the mechanism of implementation of law enforcement function of the state at the present stage of state development. The main approaches of scientists to understanding the concept of the mechanism of implementation of state functions are analysed, the main similarities and differences in approaches to the definition of this concept are highlighted. The most acceptable, in the opinion of the author of the article, is the point of view about the mechanism of realisation of law enforcement function of the state as a kind of social management. As the author of the article notes, the state in solving the affairs of society acts as a subject of management, and in this regard, public administration in turn can be considered as a mechanism through which the regulation of social processes is carried out, the goals of the state are achieved due to its social purpose and historical destination. The goals of the state in turn determine its vital directions of activity, due to which its optimal and stable functioning in a particular historical period is ensured.

The state as a subject of governance determines social processes through a system of state bodies, organisations and relevant officials in priority areas of the state's activities as a whole.

Keywords: function of the state, law enforcement function, mechanism for implementing the function of the state.

Spisok literatury:

1. Milyukov, A. M. Ekonomicheskaya funkciya rossijskogo gosudarstva i rol' tamozhennyh organov v ee realizacii : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Milyukov Anatolij Mihajlovich. - Vladimir, 2006. - 171 s.
2. Pozharskij, D. V. Kontrol'no-nadzornaya funkciya sovremennogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Pozharskij Dmitrij Vladimirovich. - Moskva, 2004. - 222 s.
3. Pozharskij, D. V. Ohranitel'naya funkciya gosudarstva (teoretiko-metodologicheskie problemy) : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Pozharskij Dmitrij Vladimirovich. - Moskva, 2015. - 22 s.
4. Sajdamanov, A. A. Nalogovaya funkciya gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Sajdamanov Anatolij Akbarovich. - Moskva, 2006. - 175 s.
5. Kuznecov, I. A. Ohrana socialisticheskogo pravoporyadka, socialisticheskoy sobstvennosti, prav i svobod grazhdan kak funkciya sovetskogo obshchenarodnogo gosudarstva : dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.01. - Saratov, 1986. - 204 s.
6. Zaharcev, S. I. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoy operacii kak osobvi porvadok pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij, vznikayushchih v usloviyah terroristicheskoy ugrozy / S. I. Zaharcev, V. V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. - 2022. - № 10. - S. 60-68.
7. Zaharcev, S. I. Osnovnye podhody k ponimaniyu pravovyh rezhimov v kontekste teorii prava (na primere pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii) / S. I. Zaharcev, V. V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. - 2022. - № 12. - S. 21-28.
8. Vasenina, A. N. Informacionnaya funkciya sovremennogo rossijskogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Vasenina Alevtina Nikolaevna. - Nizhnij Novgorod, 2007. - 218 s.
9. Batishcheva, E. V. Mekhanizm realizacii social'noj funkcii gosudarstva (na primere devatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy) : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Batishcheva Elena Viktorovna. - Vladimir, 2006. - 205 s.
10. Ryabova, E. V. Funkciya obespecheniya pravoporyadka v period formirovaniya pravovogo rossijskogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Ryabova Elena Vladimirovna. - Volgograd, 2005. - 206 s.

11. Tumanov, S. N. Mekhanizm realizacii vneshnih funkcij sovremennogo Rossijskogo gosudarstva (problemy teorii i praktiki) / S. N. Tumanov. – Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2017. – 544 s.
12. Balaev, S. A. Mekhanizm realizacii funkcii nalogooblozheniya sovremennogo Rossijskogo gosudarstva (obshcheteoreticheskij aspekt) : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Balaev Sergej Aleksandrovich. – Saratov, 2016. – 22 s.
13. Kireeva, S. A. Mezhhgosudarstvennaya integraciya kak vneshnyaya funkciya Rossijskogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Kireeva Svetlana Aleksandrovna. – Astrahan', 2006. – 499 s.
14. Barkanov, A. A. Kul'turno-vospitatel'naya funkciya sovremennogo rossijskogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Barkanov Anatolij Alekseevich. – Moskva, 2007. – 28 s.
15. Lucenko, V. V. O vnesenii izmenenij v deistvuyushchie normativnye pravovye akty, reguliruyushchie voprosy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (na primere special'noj voennoj operacii) / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voенно-yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 1. – S. 23-26.
16. Lebedeva, E. V. Instituty grazhdanskogo obshchestva v realizacii pravoohranitel'noj funkcii Rossijskogo gosudarstva : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Lebedeva Ekaterina Vladimirovna. – Chelyabinsk, 2007. – 28 s.
17. Lipuncova, A. V. Gosudarstvennyj kontrol' na sovremennom etape reformirovaniya / A. V. Lipuncova // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya. – 2020. – № 3. – S. 324-327.
18. Lucenko, V. V. Teoreticheskie osnovy razrabotki pravovyh sredstv, primenyaemyh v devatel'nosti, svyazannoj s protivodejstviem terrorizmu, na sovremennom etape razvitiya prava / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voенно-yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 3. – S. 20-22.
19. Aliullov, R. R. Mekhanizm upravleniya organami vnutrennih del (Voprosy teorii, metodologii i praktiki) : special'nost' 12.00.11 "Sudebnaya devatel'nost', prokurorskaya devatel'nost', pravozashchitnaya i pravoohranitel'naya devatel'nost'" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Aliullov Rashid Rahimullovich. – Moskva, 2004. – 450 s.
20. Tihomirov, YU. A. Mekhanizm upravleniya v razvitom socialisticheskom obshchestve / YU. A. Tihomirov. – Moskva : Nauka, 1978. – 336 s.
21. Pravdin, D.I. Problemy upravleniya ekonomicheskimi i social'nymi processami pri socializme [Tekst]. - Moskva : Mysl', 1979. - 197 s.
22. Omarov, A.M. Social'noe upravlenie : nekotorye voprosy teorii i praktiki. - Moskva : Mysl', 1980. - 269 s.
23. Rykunov, V. I. Osnovy upravleniya : Mnogoaspekt. podhod : [Monografiya] / V.I. Rykunov; Akad. ekon. bezopasnosti. - Moskva : Izograf, 2000. - 111 s.
24. Sizov, V. E. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya kak social'no-pravovaya kategoriya / V. E. Sizov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2016. – № 4. – S. 161-166.
25. CHirkin, V. E. Kontrol'naya vlast' / V. E. CHirkin. - Moskva : YUrist", 2008. - 214 s.
26. Gnatenko, A. I. Funkcii gosudarstva i rol' organov vnutrennih del v ih realizacii : special'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Gnatenko Aleksandr Ivanovich. – Moskva, 2010. – 214 s.

УДК 342

**ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОРГОВОГО
МОРЕПЛАВАНИЯ В НОРВЕГИИ**

Кириллова Т. К.

ЧУВО «Санкт-Петербургский университет технологий и экономики»

В статье исследуется система нормативно-правовых актов Норвегии, регулирующих вопросы торгового мореплавания, деятельности торговых портов. Рассмотрено содержание нормативных актов, устанавливающих и распределяющих обязанности государства, в лице министерств и иных ведомств, с одной стороны, а с другой – муниципалитетов, по вопросам управления торговыми портами Норвегии. Определены полномочия и функции администраций торговых портов. Выявлены, изучены и проанализированы нормы, регулирующие деятельность торгового флота в районе Шпицбергена.

Ключевые слова: Норвегия, торговое мореплавание, нормативные акты, Шпицберген, функции, муниципалитеты, министерство.

Несмотря на достаточно позднее получение государственного суверенитета (1905 г.), история морского права Норвегии и государственных органов, занимающихся вопросами мореплавания данной страны насчитывает не одно столетие.

Так, в 1560 г. король Фредерик II решил, что на Скагене, Анхольте и Куллене должны быть установлены маяки, которые были зажжены в 1561 г. Организованная лоцманская проводка восходит к концу XVII в., когда Кристиан V нанял в Драгоре 6 лоцманов. Организованная береговая спасательная служба зародилась в середине 1800-х годов. Съёмка моря и изготовление морских карт ведутся с середины XVII в. Одной из старейших известных карт датских вод является карта южной части Эресунна 1653 г., составленная Багге Ванделем.

Норвегия достаточно рано встала на путь консолидации отраслевых нормативных актов в области морского права, в том числе по причине того, что торговое мореплавание в 19 – начале 20 вв. являлось важнейшей отраслью ее экономики [1].

Сегодня в Норвегии действуют следующие нормативные акты, регулирующие деятельность торгового судоходства: Морской кодекс (1994-06-24 No. 39); Закон о безопасности судов (2007-02-16 No. 9); Закон о труде на судах (2013-06-21 No. 102); закон о НИС (Act of 12 June 1987 No. 48 relating to a Norwegian International Ship Register (NIS)); Закон о труде на судах (2013-06-21 No. 102); Закон о безопасных контейнерах (1982-12-17 No. до 84); Закон о субсидиях на трудоустройство работников в море (2017-05-22 No. до 28) и иные нормативные акты [2].

В 1903 г. было учреждено морское ведомство Норвегии и принят закон о мореходности, действовавший до 2007 г. В 1946 г. в министерстве торговли учреждаются Морское ведомство и его собственный департамент судоходства, три морских управления, управление навигации и инженерный офицер. С 1955 г. морское агентство подчиняется министерству торговли и судоходства. В 1962 г. норвежское морское управление объединяет морское управление, управление по навигации и инженерному офицеру и управление судовых измерений в одно подразделение. В 1989 г. после основания НИС закрыто агентство для моряков. 1990 г. – норвежское морское управление создает службу социального обеспечения моряков. В 1997 г. норвежское морское управление подчиняется департаменту торговли и промышленности [3].

При этом, Морская администрация до 2011 г. находилась в ведении Министерства обороны. Она была реорганизована в 1973 г., когда Служба маяков и спасателей, Спасательная служба и Лоцманская служба были объединены в одно учреждение. В 2011 г. Норвежская морская администрация была упразднена, а ее задачи были распределены между Министерством бизнеса и развития (Государственное лоцманское агентство и лоцманская служба); Министерством климата, энергетики и строительства (ведомственная ответственность за океанографию); Министерством окружающей среды (ведомственная ответственность за морскую съемку) и Министерством обороны (Береговая спасательная служба, СУДС Эресунн, Служба береговой разведки и Оборонный центр оперативной океанографии).

В задачи Норвежской морской администрации входило обозначение датских вод, лоцманская служба, береговая спасательная служба и сбор данных для изготовления навигационных карт (карты готовил Геодезический институт).

В Норвегии насчитывается десятки торговых портов, крупнейшими из них являются Осло, Берген и Ставангер.

Ныне действующий закон о портах и портовых водах был принят в 1984 г., а вступил в действие в 1985 г. (предыдущие нормативные акты были приняты в 1827 и 1933 гг. Он, в частности устанавливает, что Задачи Министерства осуществляются через Норвежскую прибрежную администрацию, которая включает в себя Прибрежное управление, отделения прибрежных районов и подчиненные им органы, центральным органом которых является Норвежская прибрежная дирекция. Король устанавливает правила для Норвежской береговой администрации (разд. 4).

Министерство отвечает за надзор и контроль за портами и водами, включая государственную портовую, маячную и лоцманскую службу. За пределами портового района Министерство обладает полномочиями и правами, предоставленными муниципалитету в соответствии с данным Законом. Однако, Король или Министерство могут делегировать полномочия муниципалитетам. Тем не менее, Министерство может делегировать полномочия муниципалитетам только в соответствии с п. 6 в отношении разрешений на проведение мероприятий, имеющих незначительное значение для судоходства в водах. Норвежская береговая дирекция может делегировать полномочия районным отделениям и муниципалитетам, если иное не определено Министерством. Тем не менее, полномочия в соответствии с третьим абзацем ст. 6, которые были делегированы Министерством Управлению прибрежных районов, не могут быть делегированы муниципалитетам.

При передаче центральной государственной власти может быть принято решение о том, что индивидуальные решения должны быть рассмотрены самим муниципальным советом. В соответствии с постановлениями, изданными центральным государственным органом в соответствии с настоящим Законом, муниципалитет, орган межмуниципального портового сотрудничества или портовый совет, учрежденный в соответствии с положениями настоящего закона, могут быть уполномочены вносить дополнительные постановления.

За Королем закреплено право, в интересах национальной безопасности, организации дорожного движения и общих экологических соображений, устанавливать правила или принимать индивидуальные решения об использовании или запрещении использования ограниченных вод и о разрешении на использование на дополнительных условиях.

Министерство позволено устанавливать нормативные акты или принимать индивидуальные решения³ о регулировании движения, в том числе о разделении движения и максимально разрешенной скорости движения судов, а также о полномочиях муниципалитета принимать такие решения в пределах портового района.

Меры, которые могут привести к изменению русла реки, фарватеров или текущих условий, или к ограничению акватории, чтобы затруднить движение по глубине, ширине или высоте, требуют разрешения Министерством (разд. 6).

Также Министерство осуществляет надзор и несет ответственность за разработку и эксплуатацию маяков, морских знаков и других навигационных средств, а также за фарватеры, за которые муниципалитет не несет ответственности в соответствии со ст. 16 (разд. 7).

Норвежской береговой дирекции дано право устанавливать правила и принимать индивидуальные решения о расположении, конструкции и технических требованиях к маякам, морским знакам и навигационным знакам для регулирования дорожного движения. Министерство может устанавливать такие правила³ и принимать такие индивидуальные решения в отношении других объектов и средств, которые будут обеспечивать навигационное руководство.

Также данной дирекции позволено выдавать разрешение на установку маячных огней, морских знаков, навигационных знаков и средств наблюдения за дорожным движением. Такие сооружения и сооружения не могут быть использованы для швартовки или сняты, перемещены, изменены, экранированы и т.д. без специального разрешения Директората. Министерство выдает разрешение на установку других объектов и сооружений, которые будут обеспечивать навигационное руководство. Никто не имеет права без разрешения Министерства использовать такие объекты или сооружения не по назначению или делать что-либо, что может помешать или затруднить функционирование таких объектов и сооружений по назначению.

Для осуществления контроля за подведомственными органами, Министерству должно утверждать муниципальные постановления, если нарушение является уголовным преступлением и когда правила ограничивают право на свободное передвижение и пользование водами и портами портового района. Муниципальные нормативные акты, регулирующие портовые сборы, не подпадают под действие правила, указанного в первом предложении.

Министерство также может принять решение о подготовке обзора применимых правил и другой информации, имеющей важное значение для лица, использующего или находящегося в порту (разд. 10); устанавливать нормативные акты или принимать индивидуальные решения по таким вопросам:

- a) обязанность водителя, владельца, грузополучателя, грузоотправителя или других лиц сообщать о судах, транспортных средствах и грузах портовым властям;
- b) ограничения права муниципалитета регулировать в портовом районе использование вод за пределами исходных линий и на основных или важных прилегающих маршрутах, в частности, в целях рыболовства и другой деятельности;
- c) разгрузка, погрузка, хранение и транспортировка в пределах портового района опасных материалов и грузов;

- d) прокладка кабелей и проводов в море и сброс масс и предметов, а также об использовании маяков и других сооружений и сооружений, обеспечивающих навигационное руководство;
- e) меры по борьбе с загрязнением от стоящих на якоре и пришвартованных судов, включая экранирование света и ослабление звука;
- f) право государственных и муниципальных служащих на доступ к судам, сооружениям и сооружениям при исполнении ими служебных обязанностей;
- g) Постановка судов на стоянку. При рассмотрении вопроса о том, приведет ли циркуляция к экологическим неблагоприятным последствиям или неблагоприятным условиям для рыбной промышленности;
- h) чтобы рыболовные суда имели преимущественный доступ к причалам и портовым сооружениям, построенным или приобретенным для целей рыболовства. Это касается и использования морских акваторий в связи с такими объектами;

Информация, которую владелец или пользователь судна, владелец, приемник или передатчик груза, а также владелец или оператор причальных сооружений должны предоставить центральным или муниципальным органам власти по соображениям транспортного потока, безопасности, окружающей среды и условий использования в других акваториях

В случае, когда порт имеет важное значение за пределами своего муниципалитета или имеет важное значение для обороны или готовности к чрезвычайным ситуациям, Министерство может принять решение о создании портового управления, а также предусмотреть специальные положения о назначении и составе Портового совета. Если администрация порта организована как муниципальное предприятие, Министерство может также установить такие положения для совета директоров и других органов компании.

При этом, 2 или более муниципалитета могут учреждать межмуниципальное сотрудничество и органы для такого сотрудничества для решения вопросов, предусмотренных этим Законом. Если муниципалитеты не придут к соглашению о добровольном межмуниципальном портовом сотрудничестве в районах, где это особенно целесообразно, Король может распорядиться о межмуниципальном портовом сотрудничестве и создании органов для такого сотрудничества для решения вопросов, предусмотренных настоящим Законом. Если уставом о межмуниципальном портовом сотрудничестве не предусмотрено иное, то орган межмуниципального сотрудничества имеет те же полномочия, что и муниципалитеты в соответствии с настоящим Законом, принимать индивидуальные решения и нормативные акты. Для сотрудничества также применяются положения Закона о местном самоуправлении правила межмуниципального сотрудничества в той мере, в какой они целесообразны (разд. 12).

Полномочия муниципалитета в соответствии с законом может осуществляться только в границах портового района. Министерство устанавливает, изменяет и упраздняет портовые районы за пределами самой высокой обычной линии родниковых вод после того, как сам муниципальный совет сделал заявление, хотя и таким образом, что король устанавливает границы за пределами исходных линий. Король также определяет, как должны быть проведены границы в море между муниципали-

тетами. По общему правилу, границы в море не должны проводиться дальше, чем существует разумная связь между деятельностью на суше и в море.

В тоже время, муниципальный совет сам определяет сухопутную границу портового района. Портовый округ на суше должен граничить с портовым округом, созданным в море. Территория, выделенная в обязательном плане зонирования портовой зоне в соответствии с Законом о планировании и строительстве входит в состав портового района (разд. 14).

В главе 6 закона установлены обязанности и полномочия муниципалитетов в отношении портов, причалов и портовых сооружений (планирование, развитие, эксплуатация, соответствующее состояние, фарватеры, маяки и знаки и т.п.). При этом, в случае, если муниципалитет использует государственные волнорезы, причалы и другие портовые сооружения, Министерство может приказать муниципалитету взять на себя ответственность за эксплуатацию и техническое обслуживание, вытекающие из использования.

Также установлено, что если в соответствии с настоящим Законом не предусмотрено ничего другого, муниципалитет может издавать постановления о порядке в порту и использовании и о конкурирующем использовании акваторий в районе порта, в том числе о размещении буев и других причальных сооружений, на свалках, о ледоколах и мерах по предотвращению оседания льда, о стационарных сооружениях в море и о контроле за людьми, багажом и грузами, находящимися в районе порта, когда это требуется из соображений безопасности судоходства. В правилах муниципальный совет может уполномочить постоянные комиссии или портовое управление вносить дополнительные положения.

Разделом 17 закона дано управление термину «Портовое управление», определены его обязанности, их делегирование и т.п. Так, указано, что Портовое управление готовит вопросы порта и судоходных вод и представляет предложения Муниципальному совету. Портовое правление выносит заключение, когда решение может иметь значение для таких вопросов. В свою очередь, Администрация порта принимает индивидуальные муниципальные решения в соответствии с законодательством настоящего Соглашения, за исключением случаев, когда Муниципальный совет решит, что он сам решает такие вопросы или что в соответствии с предпоследним параграфом ст. 5 было решено, что решение принимает сам Муниципальный совет. Муниципальный совет не может делегировать такие полномочия другим муниципальным советам, если они не действуют в качестве портовых советов.

В случае, когда министерство принимает решение о создании портового управления, оно также может принять решение:

- чтобы Администрация порта издала нормативные акты в соответствии с законодательством, разрешенным муниципалитетом в соответствии с настоящим Законом;
- что муниципальный совет не ограничивает полномочия портового совета в соответствии с подразделами (3) и (пятым);
- что Портовое управление имеет полномочия принимать решения по вопросам, требующим дополнительных ассигнований.

Особо установлены законом полномочия администрации порта (раздел 18), вопросы портовых сборов, планирования портов.

Однако, в современном динамичном мире нормативные акты регулярно требуют дополнений и изменений. К таковым мы отнесем Законопроект 86 L (2018–2019 гг.) [4], который предполагает внесение изменений в Закон от 17 апреля 2009 г. No 19 «О портах и судоходных водах».

Среди наиболее важных его норм следует отметить обязанность получения Владельцы и операторы портов и портовых терминалов обязаны принимать суда. Пошлина применяется до тех пор, пока этого требуют возможности порта и пока судно не вытесняет необоснованным образом пользование портом владельцем или другими лицами, получившими право на использование порта. Обязательство не применяется, если прием судна может повлечь за собой риск для окружающей среды или безопасности. Обязанность приема судов согласно первому пункту не распространяется на частные порты, которые не предлагают заходы и услуги кому-либо, кроме владельцев порта. Министерство может принимать индивидуальные решения и издавать положения с подробными правилами приема судов в порту согласно первому пункту (ст. 27).

Ст. 28 устанавливает право Министерства принимать индивидуальные решения и издавать положения по управлению портовой инфраструктурой и портовыми услугами. Министерство может издавать положения о праве на апелляцию и рассмотрении апелляций. Министерство может индивидуальным решением или нормативными актами устанавливать требования к работе порта в целях охраны окружающей среды и безопасности.

Ст. 29 посвящена проблемам вознаграждение за портовые услуги и использование портовой инфраструктуры и определяет требование публикации обзора цен и других условий ведения бизнеса, а министерству дано право издавать положения об определении вознаграждения за портовые услуги и использование портовой инфраструктуры. В правилах могут быть предусмотрены права на апелляцию и порядок рассмотрения апелляций.

Ст. 30 посвящена вопросам безопасности портов и портовых сооружений, обеспечение которой в основном возложено на владельцев и операторов портов и портовых, а ст. 31 – обязанность этих же сторон «оказывать помощь Вооруженным Силам в кризисных ситуациях и на войне».

Особо следует указать на ст. 32, которая посвящено вопросам управления капиталом в портах, находящихся в муниципальной собственности. В ней установлено, что порт, находящийся в муниципальной собственности, означает порт, на который муниципалитет или несколько муниципалитетов вместе посредством собственности или иным образом имеют решающее влияние.

Портовые операции означают работу порта, открытого для общего движения, и продажу услуг, связанных с этой работой. Муниципалитет должен хранить доходы и капитал от портовых операций отдельно для целей бухгалтерского учета от других операций муниципалитета. Для портовых операций, которые не подпадают под действие § 1–2 Закона о бухгалтерском учете или специальных правил бухгалтерского учета, установленных Муниципальным законом или другим законодательством или в соответствии с ним, годовая отчетность и годовой отчет должны составляться в соответствии с правилами, установленными в Закон о счетах. Распределение доходов от деятельности муниципального порта может осуществляться при наличии достаточных средств на эксплуатацию и содержание порта, а также средств

на инвестиции, которые непосредственно связаны с оказанием услуг, направленных на обработку судов, грузов и пассажиров.

Любая передача стоимости, которая прямо или косвенно приносит выгоду владельцу, считается распределением. Решение об изъятии прибыли или ином распределении средств от деятельности муниципального порта, организованного в форме акционерного общества, межмуниципального общества или муниципального предприятия, может приниматься только органом собственности предприятия по предложению правления. Положения абзацев со второго по четвертый не применяются в случае закрытия портовой деятельности всего муниципалитета. О реорганизации или переводе порта, чтобы он больше не считался портом, находящимся в муниципальной собственности в соответствии с настоящим Законом, необходимо сообщить в министерство. Если необходимо защитить цель Закона, Министерство может решить, что третий и четвертый подразделы, тем не менее, будут применяться к порту [5].

Также необходимо указать на получившие дальнейшую разработку нормы условия проведения торговых операций в соответствии с Законом о портах и водных путях включая терминальные операции в порту [6].

Очевидно, что в контекст нашего исследования, следует упомянуть о существовании в праве Норвегии особого закона о Шпицберге. Им, в частности, установлено, что рассмотренный нами выше Закон о портах и судоходных водах применяется на Шпицбергене, в том числе в его территориальных водах и внутренних водах, с поправками, вытекающими из этих правил. Однако это не относится к статье 8 Закона (разд. 1). Разделом 2 установлена специфика применения нормативных актов на Шпицбергене, а также установлено, что на Шпицбергене не действуют следующие правила:

- Постановление от 11 декабря 2019 г. N 1834 о фарватерах [7];
- Постановление от 15 декабря 2009 г. N 1549 о применении Закона о портах и водах для рек и озер [8];
- Постановление от 29 мая 2013 г. N 539 об обеспечении безопасности портов [9];
- Регламент N 11 от 2019 июня 861 г., имплементирующий Регламент (ЕС) 2017/352 [10].

При адаптации нормативных актов в той мере, в какой они применяются к Шпицбергену,

А) Правила от 29 мая 2013 г. No 538 об охране портовых сооружений, Раздел 2, третий и Раздел 14 абзац второй не применяются [11];

Б) Пункт 3 части 19 Правил декабря 2009 г. No 10 «О навигационных знаках и навигационных устройствах» [12] применяется в следующей редакции: «Существующие утвержденные навигационные знаки, которые не удовлетворяют требованиям этих правил, могут использоваться до тех пор, пока Норвежская береговая администрация не распорядится о замене».

С) В Правила от 15 декабря 2009 г. No 1543, касающиеся разгрузки, погрузки, хранения и транспортировки опасных веществ и грузов в пределах морской акватории муниципалитета и портов в пределах той же акватории опасных веществ и грузов [13], внесены следующие изменения:

1. В § 1-5 определения администрации порта слова «муниципальная или межмуниципальная администрация» заменить словами «Совет общины Лонгйира».

2. В первом абзаце статьи 11-1 слова «муниципальный и межмуниципальный комитет по борьбе с острым загрязнением» заменить словами «комитет по ликвидации разливов нефти на Шпицбергене».

Д. В Положении от 17 декабря 2014 г. № 1808 об обязательной лоцманской проводке и использовании сертификатов фарватера [14] внесены следующие изменения:

1. За исключением Раздела 7, Правила обязательной лоцманской проводки не распространяются на воды вокруг Бьёрнёйи. Главы 1 и 4 применяются в той мере, в какой это необходимо для применения раздела 7.

2. Раздел 4 (1) не применяется к районам в пределах базовых линий, указанных в Приложении 1, когда судно использует сертификаты фарватера или направляется к лоцманским полям в Бельзунде, за пределами Баренцбурга или за пределами Лонгйира.

3. Статья 11 (2) (а) заменяется следующим: «Не менее одного года фактического срока службы в качестве старшего штурмана на Шпицбергене, если торговая зона включает в себя фарватеры или районы, для которых испрашиваются сертификаты на фарватер. Можно рассчитывать на до десяти месяцев эффективной службы в качестве ответственного штурмана в полярных условиях».

4. Раздел 11(2)(с) заменяется следующим: «В течение последних двух сезонов навигация осуществлялась в общей сложности не менее пяти рейсов в каждую сторону на фарватерах или в районах, для которых испрашиваются сертификаты на фарватер. Вместо пяти рейсов в каждую сторону для судов, которые не ходят по фиксированному маршруту, можно предположить, что заявитель был штурманом, ответственным за три представительских рейса в районах, для которых испрашивается сертификат фарватера, где каждый рейс длится не менее одной недели. Рейсы должны быть совершены на судне (судах), для которого испрашивается сертификат фарватера или эквивалентное судно».

5. В дополнение к пунктам, изложенным в четвертом абзаце статьи 13, лицо, подающее заявление на получение сертификата фарватера для плавания в водах вокруг Шпицбергена, должно продемонстрировать, что оно или она обладает достаточными знаниями и навыками в области ледовой навигации и достаточными знаниями о погодных условиях на Шпицбергене.

Е. В Положении от 23 декабря 1994 г. № 1128 [16], касающееся лоцманских сборов, сборов за лоцманскую проводку и сертификаты фарватеров, внесены следующие изменения:

1. Тем не менее, при расчете сбора за отдельные рейсы в соответствии с первым абзацем раздела 8 новый сбор не взимается за подходы и отходы, которые являются естественной частью плавания вдоль побережья Шпицбергена, включая плавание в Квитёйю, Землю Карла.

2. При расчете платы за отдельные рейсы в соответствии с первым абзацем § 8 не взимается новый сбор за плавание между материком и Шпицбергенем, если такой рейс является прямым и без порта захода.

3. При расчете ежегодного сбора в соответствии с разделом 9 год исчисляется с мая по октябрь для судов, которые плавают только в налогооблагаемых водах во время парусного сезона на Шпицбергене. Такие суда уплачивают лоцманский сбор в виде ежегодной платы, если в течение одного парусного сезона они плавают в об-

щей сложности более двух месяцев в платных водах или между портами Шпицбергена.

4. При расчете лоцманской платы в соответствии с абзацем первым предложения статьи 12 количество часов должно быть сокращено до 12 часов в день при плавании с лоцманом вдоль побережья Шпицбергена, но с оплатой всех часов рыхления в обязательных водах.

Ж. В Положение от 20 декабря 2018 г. N 2218 о подготовке и аттестации лоцманов [16] вносятся следующие изменения:

1. В дополнение к пунктам, указанным в первом абзаце § 7, лоцман или лоцман должен иметь возможность дать отчет о плавании и маневрировании в ледовых условиях для получения сертификата на Шпицбергене.

Особо установлено, что 1) общественный совет Лонгйира имеет такую же административную ответственность и полномочия в пределах зоны планирования землепользования Лонгйира, как и муниципалитеты в соответствии с Законом о портах и судоходных водах; 2) губернатор Шпицбергена обладает теми же полномочиями на Шпицбергене, что и муниципалитет в соответствии со статьей 5 Закона о гаванях и судоходных водах на материке; 3) правила отчетности отдельных категорий судов, его время и позиции, способ и содержание.

Так, к примеру, Суда должны сообщать в Норвежскую береговую администрацию либо в электронном виде с помощью SafeSeaNet Norway, либо с помощью морской УКВ или телефона. Отчет должна содержать: а) название и знак судна; б) положение судна, в градусах и десятичных минутах, в) время работы позиции и г) планируемый маршрут дальнейшего плавания [17].

С введением данных норм были отменены Постановление N 30 от 2009 декабря 1846 г. о портах и водах Шпицбергена [18]; Постановление от 25 июня 2012 г. N 655 о лоцманских услугах на Шпицбергене.

Список литературы:

1. Ragnar Knof. Norsk sjørett Nasjonalt trykkeri, 1931. – 390 s. – URL: Рагнар Кноф
2. Законодательство - Norwegian Maritime Authority (sdir.no); Судоходство - Norwegian Maritime Authority (sdir.no)
3. Information om Farvandsvæsenet. – URL: Информация о Морской администрации - Springeren Maritimt (springeren--maritimt-dk.translate.google)
4. Законопроект 86 L (2018–2019 гг.) «Закон о портах и судоходных водах (Закон о портах и судоходных водах)». – URL: Предложение 86 L (2018–2019 гг.) - regjeringen.no
5. Закон о портах и судоходных водах (Закон о портах и судоходных водах) LAW-2020-12-18-159 от 01.01.2021. – URL: Закон о портах и судоходных водах (Закон о портах и судоходных водах) - Lovdata
6. Juridiske rammevilkår for konkurranseutsetting av virksomhet etter havne- og farvannsloven herunder av terminaldriften i en havn. - KS Advokatene. – URL: sluttrapport-juridiske-rammevilkår-for-konkurranseutsetting-av-havn.pdf (ks.no)
7. Forskrift om farleder (farledsforskriften). – URL: Forskrift om farleder (farledsforskriften) - Lovdata
8. Forskrift om anvendelse av lov 17. april 2009 nr. 19 om havner og farvann for elver og innsjøer som ikke er farbare med fartøy fra sjøen/ - Forskrift om anvendelse av lov 17. april 2009 nr. 19 om havner og farvann for elver og innsjøer som ikke er farbare med fartøy fra sjøen – Lovdata
9. Forskrift om sikring av havner. – URL: Forskrift om sikring av havner - Lovdata
10. Forskrift om gjennomføring av Europaparlaments- og rådsforordning (EU) 2017/352 av 15. februar 2017 om opprettelse av en ramme for levering av havnetjenester og felles regler om økonomisk innsyn i havner. – URL: Forskrift om gjennomføring av Europaparlaments- og rådsforordning (EU) 2017/352 av 15.

februar 2017 om opprettelse av en ramme for levering av havnetjenester og felles regler om økonomisk innsyn i hav... - Lovdata

11. Forskrift om sikring av havneanlegg. – URL: Forskrift om sikring av havneanlegg - Kapittel 1 – Innledende bestemmelser - Lovdata

12. Forskrift om farvannsskilt og navigasjonsinnretninger. – URL: Forskrift om farvannsskilt og navigasjonsinnretninger - Lovdata

13. Forskrift om lossing, lasting, lagring og transport innen kommunens sjøområde og havner innenfor samme område av farlige stoffer og varer. – URL: Forskrift om lossing, lasting, lagring og transport innen kommunens sjøområde og havner innenfor samme område av farlige stoffer og varer - Lovdata

14. Forskrift om losplikt og bruk av farledsbevis (lospliktforskriften). – URL: Forskrift om losplikt og bruk av farledsbevis (lospliktforskriften) - Lovdata

15. Forskrift om losberedskapsavgift, losings- og farledsbevisavgift (losavgifter). – URL: Forskrift om losberedskapsavgift, losings- og farledsbevisavgift (losavgifter) - Lovdata

16. Forskrift om opplæring og sertifisering av loser. – URL: Forskrift om opplæring og sertifisering av loser - Lovdata

17. Forskrift om havner og farvann på Svalbard. – URL: Forskrift om havner og farvann på Svalbard - Lovdata

18. Forskrift om havner og farvann på Svalbard. – URL: Forskrift om havner og farvann på Svalbard – Lovdata

Kirillova T.K. Legal organization of commercial shipping activities in Norway // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 4. – P. 69-78.

The article examines the system of regulatory legal acts in Norway regulating issues of merchant shipping and the activities of commercial ports. The content of regulations establishing and distributing the responsibilities of the state, represented by ministries and other departments, on the one hand, and municipalities, on the other, regarding the management of commercial ports in Norway is considered. The powers and functions of the administrations of commercial ports are defined. The rules governing the activities of the merchant fleet in the Spitsbergen area have been identified, studied and analyzed.

Key words: Norway, merchant shipping, regulations, Spitsbergen, functions, municipalities, ministry.

УДК 347.726

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОСОЮЗА КООПЕРАТИВНЫХ ОБЩЕСТВ В НОВОЙ РОССИИ

Невлев В. В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Статья посвящена изучению исторических этапов и правовых основ деятельности Центросоюза потребительских обществ России. В пореформенный период наблюдалось интенсивное развитие российского кооперативного движения. Это было вызвано социально-экономическими условиями перехода страны от феодальных к капиталистическим формам хозяйствования. В тот период остро назрел вопрос централизации власти и правового управления разрозненными группами кооперативов. Инициативная группа кооператоров на собраниях в Нижнем Новгороде и Москве учредила создание Московского Центросоюза потребительских обществ. Оформление союза позже было юридически подтверждено правительством. До революции Центросоюзу подчинялись все виды кооперативов, в советское время и сейчас – только потребительские. Используя историографический метод освещен объём работы Центросоюза в различные периоды Новой России. Отдельно сделан обзор его участия в деятельности Международного кооперативного альянса.

Ключевые слова: историография, пореформенный период, кооперативное движение, потребительская кооперация, Центросоюз потребительских обществ, правовые основы, правовое регулирование, съезд кооперации, юридическая правомочность.

Кооперативное движение второе столетие уверенно шагает по планете. Одна из ведущих стран этого процесса – Россия, которая недавно отметила 175-летний юбилей своего участия в нём. Кооперация – латинское слово, в переводе на русский язык означает «сотрудничество, совместную деятельность» с конкретными целями в различных отраслях и сферах. В реальности кооперация представляет совокупность хозяйственных объединений, организуемых на добровольных и равноправных началах в отраслях производства материальных благ или других видах обращения.

Первичные объединения, организуемые гражданами, носят названия кооперативов, артелей, обществ, товариществ и других. Их назначение определяется общественными условиями, в которых они организованы и осуществляют свою работу. На заре зарождения кооперации в капиталистическом обществе, в основе которого лежит частная собственность на средства производства, трудящиеся слои населения создавали кооперативы, чтобы улучшить свое материальное положение.

В социалистическом обществе, основанном на общественной собственности на средства производства, как мы знаем, отсутствует эксплуатация человека человеком. Трудовое население организовывало кооперативные объединения в целях содействия осуществлению общественной политики, повышению материального и культурного уровня народа, проводимой государством идеологии. Трудящиеся создавали кооперативы общими совместными усилиями и средствами, на основе самодеятельности и самоуправления масс, в соответствии с их материальными и экономическими нуждами [1, с. 3].

Исходные предпосылки исследования темы. Основателями кооперации считаются ткачи из английского г. Рочдейл, которые в 1844 г. создали первый кооператив – Общество справедливых пионеров, а сами вошли в историю кооперации под названием «Рочдейльских пионеров». Общество было потребительским и занималось закупкой более дешёвых продуктов для членов кооператива. Российские учёные про-

вели своё исследование и выявили, что в России ранее декабристами в сибирской ссылке в 1831 г. были созданы потребительский и кредитный кооперативы [2, с. 8-12]. С этого момента начинается отсчёт российской кооперации. В дооктябрьской истории выделяют 3 кооперативных периода: 1831-1860, 1861-1904, 1905-1917.

Наиболее известные кооперативы начального периода: Рождественское товарищество Костромской, общества – Кыновское Пермской, Спасско-Затонское Казанской губерний и другие. Первый кооператив на территории Белгородской области был создан в с.Ракитянка в имении князей Юсуповых [3, с. 189-197]. К 1898г. в России действовало 307 потребительских обществ. Со временем из них выделилось восемь основных видов кооперативов, но главным остается потребительская кооперация, о которой пойдет речь в данной статье [4, с. 13-14]. Автором были изучены многие научные и архивные материалы, которые помогли создать ретроспективу заявленной проблемы.

Различные аспекты кооперации затрагивали в дореволюционный период видные российские теоретики: В.И. Ануфриев, А.Н. Анциферов, С.В. Бородаевский, А.И. Герцен, Н.П. Гибнер, В.А. Коссинский, И.М. Кулишер, С.Л. Маслов, А.В. Меркулов, Ф.Г. Тернер, В.Ф. Тотомианц, М.И. Туган-Барановский, В.С. Садовский, А.В. Чайнов, Н.Г. Чернышевский и другие. Их научные разработки продолжили в разное время советские и современные российские ученые: Г.Я. Бланк, К.И. Вахитов, Г.М. Ефремов, И.В. Захаров, Я.А. Кистанов, Н.Д. Кондратьев, И.А. Коряков, В.И. Ленин, А.П. Макаренко, К.А. Пожитнов, С.В. Смоленский, В.И. Теплов, С.В. Тычинин, Л.Е. Файн, А.Н. Челинцев и многие другие.

Кооперативные общества нуждались в обмене информацией, производственных контактах, совершенствовании экономических отношений. Поэтому остро назрел вопрос о создании объединяющего органа, который бы координировал деятельность кооперативов, помогал в сбыте готовой продукции и выходе на международный рынок. Руководители ведущих кооперативных учреждений России договорились о создании такого союза, который в дальнейшем получил название Центросоюза потребительских обществ. Проследим эволюцию создания, правового узаконивания и работы этого союза в дореволюционный период, советские годы и настоящее время новейшей истории России.

Исторические вехи правового оформления Московского Центросоюза в пореформенный период. Важное место в торговой и экономической жизни дореволюционной России занимала Нижегородская ярмарка, в которой активное участие принимали потребительские кооперативы. Здесь в 1896 г. произошло знаменательное для истории кооперации событие. В ходе ярмарки с 7 по 15 августа кооператоры из многих регионов России решили объединиться в ближайшем будущем в союз.

В том же году 4 октября в Москве по инициативе потребительского общества «Взаимная польза» состоялось 1-ое совещание представителей московских и российских обществ потребителей, которое обсудило возможные формы совместной деятельности. В совещании участвовали представители Тверского, Тульского, Орехово-Зуевского потребительских обществ, что указывало на то, что инициаторы планировали создать общероссийский союз. 3-е совещание 16 ноября образовало комиссию во главе с Н.П. Гибнером и В.И. Ануфриевым для разработки проекта Положения о Московском союзе потребительских обществ.

Позже, 25 апреля 1897 г. комиссия обратилась к царскому правительству с просьбой утвердить Положение о Московском союзе потребительских обществ. Положение было подписано представителями 18-ти обществ потребителей. Из них только 5 было от Москвы и Московской области. Два потребительских общества из Москвы – контрольной палаты и почтамта, которые участвовали в 1-ом совещании, не подписали Положение. Были и другие общества потребителей в Москве и Московской губернии, которые не приняли участие в создании Союза [5, с. 10].

Это была одна из причин, по которой инициаторы Союза обратились ко многим потребительским обществам в других губерниях с призывом поддержать создание Союза. Вторая причина – понимание того, что чисто московский союз ограничит перспективы роста совместных оптовых закупок финансовыми возможностями потребительских обществ Московской губернии. Чтобы узаконить участие в Союзе обществ потребителей из всех губерний России, составители Положения о Московском союзе потребительских обществ Н.П. Гибнер и В.И. Ануфриев и другие определили задачи Союза следующим образом: «Содействовать установлению и развитию постоянных отношений между потребительскими обществами, организовывать совместную деятельность тех обществ, которые по своим торговым интересам связаны с Московским промышленным районом» [6].

Т.е., любое потребительское общество на Урале, Кавказе, в Сибири, Средней Азии, на юге и севере России, если оно покупало товары у московских фирм или фабрик, могло стать членом Московского союза потребителей. Организаторы Московского союза и, особенно, военный следователь полковник Н.П. Гибнер хорошо представляли, что прямая заявка на создание Всероссийского Центрального союза была бы отвергнута правительством по политическим соображениям.

Прецедент такой уже был. В 60 гг. царское правительство пресекло попытку харьковских кооператоров создать союз потребительских обществ, объявив такое объединение «несвоевременным». И в данном случае царское правительство не торопилось. Рассмотрение кооперативного проекта заняло один год и два месяца. Положение о Московском союзе потребительских обществ было утверждено 16 июня 1898 г. Только под эгидой Московского союза можно было открыть Всероссийский кооперативный центр.

То, что это были Центральный и одновременно Московской союз потребительских обществ свидетельствует состав утвержденного объединения. Первая группа обществ была московская: «Взаимная польза» в Москве; «Бережливость» – общество служащих Московско-Ярославской ж.д.; общество служащих Московско-Казанской ж.д.; общество потребителей при мануфактуре ковровых изделий на ст. Завидово Николаевской ж.д. (Московская губерния). Вторая группа была военной: экономические общества офицеров Московского военного округа, потребителей Одесского военного округа, потребителей офицеров Первой Закаспийской стрелковой бригады (Ашхабад) [7, с. 46-54].

Третью группу представляли потребительские общества Центральной России: Тверское, Спасское (Тамбовская губерния), общество при Горбатовской писчебумажной фабрике Способина (Владимирская губерния), общество потребителей при Кулебакском заводе (с.Кулебаки Ардатовского уезда Нижегородской губернии). В четвертую группу входили уральско-сибирские потребобщества: Чердынское

(Урал), Верхне-Уфалейское (Урал), Кыновское (Урал), Пашийское (Урал), Усольское-сельское (Урал), Уфимское, Красноярское-городское (на Енисее) [8].

Таким образом, лишь пять из 18 потребобществ – учредителей Союза, находились в Москве и Московской губернии, остальные 13 размещались за пределами Московского региона в 10 губерниях России. По социальному составу учредители – общества распределялись следующим образом: шесть – фабрично-заводские; два – железнодорожные; три – офицерские; шесть – городские, всесословные; одно – сельское, объединявшее крестьян с.Усолье и окрестных селений, а также рабочих и служащих соляных промыслов. Московский союз потребительских обществ (МСПО) одновременно выполнял две роли – руководил обществами в Московском регионе и организовывал совместную деятельность с ними на других территориях страны. Так он постепенно стал Центросоюзом – Центральным союзом потребительских обществ России.

Влияние капиталистических тенденций на развитие Центросоюза накануне Первой мировой войны. На первом собрании уполномоченных потребительских обществ – членов союза, которое состоялось 5-8 ноября 1895 г., было избрано правление (по положению – Бюро). Первыми членами Бюро (Правления) Центросоюза стали Н.П. Гибнер (председатель), В.И. Ануфриев (секретарь), В.А. Торгонский, В.А. Галицкий, С.А. Каблуков и Д.Д. Виноградов. К 1900 г. Центросоюз (МСПО) удвоил свои ряды, среди новых членов было много крупных представителей. Так, в него вступило Мытищинское общество потребителей, объединявшие рабочих вагоностроительного завода [9].

Центросоюз расширил свои функции, с 1903 г. стал издавать журнал «Союз потребителей». В 1904г. арендует помещение для своих служащих. До этого работники Центросоюза пользовались бесплатно несколькими комнатами Экономического общества офицеров. В 1907 г. покупает собственный оптовый склад. Совершенствуя организационную деятельность Центросоюз в 1908 г. проводит в Москве I Всероссийский кооперативный съезд. Много времени занимают хозяйственные дела. На деньги, собранные членами союза, в 1910 г. Центросоюз купил собственный дом на Перевиденовке за 30 тыс. руб. [10, с. 19-23]. В этот период Центросоюз вышел на новый качественный уровень финансирования. При поддержке всей потребительской кооперации России был основан в 1912 г. Московский народный банк. В это же время с помощью центра началось создание губернских союзов потребительских обществ. Для решения возникших проблем по инициативе Центросоюза в 1913 г. состоялся в Киеве II Всероссийский кооперативный съезд. К этому времени (1914 г.) российское кооперативное движение объединяло 1265 потребительских обществ, 24 губернских и районных союзов. Оборот собственных торговых и промышленных предприятий кооперации превысил 10 млн. руб. [11].

В годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) Центросоюз изменил свою структуру деятельности. Он уже был не в состоянии обслуживать огромную массу потребительских обществ, которые возникли во время военных действий, главным образом, для распределения нормированных товаров. Эта задача переходит к губернским и районным союзам потребобществ. Расширяя международные связи в 1916-1917 гг. Центросоюз выходит на мировой рынок, открывает контору в Лондоне [12].

Начиная с 1917 г. Центросоюз начал принимать в свои ряды только губернские и районные союзы, таким образом превращается в Союз союзов. Он объединяет 3317

низовых потребительских обществ, 285 районных и губернских союзов, имеет оборот 400 млн. руб. За период с 1896 по 1917 гг. прошёл долгий тернистый путь, проделал огромную организационную и хозяйственную работу. Были разработаны структура Союза и первичных организаций, установлены экономические связи, возрос кратно товарооборот, получена огромная по тем временам прибыль. И главное, были выдвинуты классики российской кооперативной мысли: В.И. Ануфриев, С.В. Бородаевский, Н.В. Верещагин, Н.П. Гибнер, В.А. Коссинский, А.В. Меркулов, В.Ф. Тотомианц, М.И. Туган-Барановский, А.В. Чаянов и другие [13, с. 62-69].

Социально-экономическая деятельность Центросоюза в условиях послереволюционной правовой нестабильности. После февральской революции к власти приходит Временное правительство. Начинается новый этап в истории кооперации России и соответственно – Центросоюза. По решению Министерства торговли и промышленности Временного правительства 19 сентября 1917 г. Центросоюз был переименован во Всероссийский Центральный союз потребительских обществ – Центросоюз. Начинается реорганизация потребительской кооперации. Центросоюз в январе 1918 г. окончательно ликвидирует операции с отдельными потребительскими обществами за исключением крупнейших.

В сложных условиях революционного времени кооперация продолжает свою деятельность. Торжественно 30.09.1918 открыли в Москве Всероссийский кооперативный институт. В январе 1919 г. была послана делегация Центросоюза в США с целью установления торговых связей. По декрету от 20.03.1919 о потребительских коммунах на Центросоюз были возложены функции Центрального распределительного органа по заданиям Наркомпрода [14]. Государство начинает активно вмешиваться в дела кооперации. По постановлению Совнаркома от 3.04.1919 правление Центросоюза было реорганизовано: введены 7 назначенных членов при 8 выборных. Ужесточение контроля со стороны государства продолжалось. Совнарком от 27 июня того же года в Правление Центросоюза добавил ещё 3 назначенных членов (всего 10 назначенных при 8 выборных). Потребительская кооперация выходит на международную арену. В 1920 г. Центросоюз по своим оборотам занял III место среди кооперативных организаций Западно-Европейских стран. В конце марта того года делегация Центросоюза выезжала за границу для обсуждения вопроса о возобновлении товарооборота между Россией и Антантой [15].

Внутрироссийские дела были разные. С 11.09.1921 прекратилась выплата государственных пособий на организационные расходы Центросоюзу и всей потребительской кооперации. 21 ноября того же года произошло Союзом Центральной кооперативной товарной биржи. 1 февраля 1922 г. вышел в свет первый номер газеты «Кооперативное дело». 6 февраля принято Постановление ВЦИК и Совнаркома о разрешении Центросоюзу создать банк потребительской кооперации. Как итог – к концу 1923 г. Центросоюз имел 10 заграничных контор: в Лондоне, Берлине, Стокгольме, Праге, Риге, Ревеле, Нью-Йорке, Шанхае, Константинополе и в Персии.

В первые годы Советской власти было разное отношение правительства к кооперации – от возвеличивания до полного реформирования. Это отчётливо прослеживается по работам В.И. Ленина [16]. Несмотря на все политические колебания в стране кооперация и её Центросоюз продолжали существовать, работать и проявлять свою живучесть в проведении съездов [17, с. 69-74].

В 1928 г. был проведен I Всесоюзный съезд потребительской кооперации (пред-

седатель И.Е. Любимов). Были приняты наиболее важные решения для кооперации того времени. Главное место в работе съезда заняли хозяйственные вопросы: отношения кооперации с государственной промышленностью, улучшение снабжения рабочих новостроек, совершенствование заготовительной и производственной деятельности, осуществление широкого кооперирования населения.

В 1930 г. прошёл II съезд потребительской кооперации СССР (председатель А.Е. Бадаев). Заслуживают особого внимания решения съезда, касающиеся реконструкции системы потребительской кооперации. Ставились задачи: ликвидировать окружные союзы потребительских обществ, укрепить областные и районные советы, объединить Центросоюз РСФСР с Центросоюзом СССР в единый Центросоюз СССР и РСФСР с общими органами управления.

После реорганизации кооперации в 30-гг. и участия её в войне 21-27 мая 1948 г. состоялся III Всесоюзный съезд потребительской кооперации (председатель И.С. Хохлов). Съезд постановил в качестве первоочередной задачи завершение восстановления довоенной торговой сети в 1948-1949 гг., добиваться систематического снижения цен в городской кооперативной торговле за счет закупки сельхозтоваров в глубинных пунктах по более низким ценам [18]. После окончания войны до развала СССР было проведено Центросоюзом потребкооперации съездов СССР – 10, РСФСР – 9. Рассматривались самые острые вопросы того времени: восстановление разрушенной страны, участие в освоении целинных земель, возрождение народных промыслов, расширение кооперации на селе, подготовка руководящих кадров, развитие кооперативной науки. Рассмотрим особенности участия Центросоюза в международном кооперативном движении, успехи в этом направлении [19].

Правовое участие Центросоюза РФ в работе Международного кооперативного альянса. Важнейшим элементом деятельности потребительской кооперации современной России, практически на всех исторических этапах ее развития, является работа по организации международных отношений с кооперативами различных стран. С 1903 г. российская кооперация состоит членом Международного кооперативного альянса (до 1992 г. – Центросоюз СССР, с 1992 г. – Центросоюз России).

В 1995 г. Международное кооперативное движение отмечало 100-летний юбилей Международного кооперативного альянса (МКА). Этому историческому событию был посвящен Конгресс МКА, состоявшийся в сентябре того года в английском городе Манчестере. Участники Конгресса одобрили важнейшие документы, определяющие стратегию и тактику международного кооперативного движения в будущем с учетом новых экономических и политических условий в мире. Среди этих документов в первую очередь следует отметить Декларацию о кооперативной идентичности, в которой сформулированы кооперативные принципы, в соответствии с которыми будет строиться деятельность кооперативов в грядущем столетии, а также Декларацию о кооперативах и будущем развитии человечества, в которой подчеркивается тот вклад, который может внести кооперативное движение в развитие общества на международном, национальном и местном уровнях в будущем [20].

В связи с изменяющимися экономическими и политическими условиями в мире МКА предпринял в последние годы структурные изменения в международном кооперативном движении. С учетом больших перемен в Европейском регионе, связанных с переходом стран Восточной и Центральной Европы и бывших республик СССР к рыночной экономике, был создан Европейский Совет МКА, объединивший

все страны Европы в одну организацию под эгидой МКА. Председатель Европейского Совета МКА автоматически избирается вице-президентом МКА по Европейскому региону. Одним из приоритетных направлений Европейского Совета является оказание содействия развитию кооперативного движения в странах Восточной и Центральной Европы и СНГ.

Делегации Центросоюза принимали активное участие в мероприятиях, проводимых по линии Международного кооперативного альянса – Генеральных ассамблеях МКА и заседаниях специализированных организаций, в заседаниях Европейского Совета и Европейских региональных ассамблеях, в конференциях региональных организаций МКА, в международных конференциях и семинарах, организуемых МКА. Благодаря активной позиции Центросоюза было принято принципиально важное решение о том, что заявления о приеме в члены МКА от кооперативных организаций европейских стран будут отныне рассматриваться предварительно на заседаниях Европейского Совета. Это решение является важным потому, что дает возможность предотвратить в будущем прием в члены МКА новых кооперативных организаций вопреки Уставу МКА (как это случилось, например, когда в члены МКА были приняты за счет квоты России Коопвнешторг, Московский облпотребсоюз, Коопбанк «Единство» и Татарский респотребсоюз). Признанием активной международной деятельности Центросоюза РФ может служить решение о проведении в Санкт-Петербурге в июле 1995 г. Европейского Совета и Международной конференции по вопросам законодательства, финансирования и управления. В конференции приняли участие представители МКА и национальных кооперативных организаций Европейских стран, представители государственных и правительственных органов РФ, видные иностранные эксперты и специалисты. В результате работы конференции были подготовлены рекомендации по вопросам кооперативного законодательства и финансирования потребительской кооперации, которые впоследствии были переданы в государственные и правительственные органы РФ [21].

В июне 1997 г. также в Санкт-Петербурге состоялось заседание Исполкома Глобального женского комитета МКА, проведена представительная Международная женская конференция. На конференции выступили Председатель Совета Центросоюза РФ В.Ф. Ермаков, заместитель Председателя, председатель Женского Совета Центросоюза РФ, член Исполкома Глобального женского комитета МКА Г.В. Киселева, докладчицы от государственных органов и кооперативных организаций России, международного кооперативного движения. Конференция приняла Резолюция в поддержку политики равенства мужчин и женщин, исключающей дискриминацию по признаку пола, последовательно и целенаправленно проводимой Международным кооперативным альянсом, предложены меры по решению данной проблемы в потребкооперации России.

Видные деятели российской потребкооперации были избраны в руководящие органы МКА и его специализированных организаций: Председатель Совета Центросоюза РФ В.Ф. Ермаков – в Правление МКА и члены Европейского Совета МКА; первый заместитель Председателя Совета Центросоюза РФ Г.В. Киселева – заместителем председателя Глобального женского комитета МКА; ректор Белгородского университета потребительской кооперации В.И. Теплов – в Исполком Глобального комитета МКА по вопросам будущего развития человечества; ректор Сибирского университета потребительской кооперации А.Р. Бернвальд – в Исследователь-

ский комитет МКА: генеральный директор медицинского центра «Медкооп» Е.М. Крылова – в Международную кооперативную организацию здравоохранения. На состоявшейся в сентябре 1997 г. в Женеве участники Генеральной ассамблеи МКА приняли проект резолюции «О поддержке кооперативных движений стран Центральной и Восточной Европы, бывшего СССР», внесенной Центросоюзом РФ [22].

Делегаты российской потребительской кооперации участвовали также в заседаниях Международной потребительской кооперативной организации Комитета МКА по коммуникациям. Все эти факты со всей очевидностью демонстрируют высокий авторитет Центросоюза РФ в международном кооперативном движении.

Важное место в истории и теории кооперативного движения в России занимает деятельность Центросоюза потребительских обществ и его значение в решении торгово-экономических задач на селе. В первые годы деятельности союза отводилось внимание организационной работе. Большой штат опытных инструкторов оказывал помощь потребительским обществам в хозяйственной деятельности, культурно-просветительской работе, а также в проведении учета и отчетности, подготовке кадров для кооперации. С 1903 г. стал выходить журнал «Союз потребителей», печаталось много другой литературы. Центросоюз способствовал объединению кооперативов в местные союзы и созданию системы потребкооперации. Эта система включала в себя потребительские и другие виды кооперативных обществ. Строго придерживалась Рочдейлских принципов руководства. Центральный союз как хозяйственный и организационный центр содействовал укреплению и развитию системы потребительской кооперации России, поднятию её международного авторитета.

Список литературы:

1. Меркулова А.С. История потребительской кооперации. М.: Изд-во «Экономика», 1970. С. 3.
2. Невлев В.В. Зарождение правовых основ потребкооперации в кооперативных объединениях декабристов (1831-1861) // Потребительская кооперация Республики Беларусь на кануне XIV съезда: сборник материалов межвузов. науч.-практ. конф. (Гомель, 7-8 апреля 1999г.). Гомель: ГКИ, 1999. Ч. 1. С. 8-12.
3. Невлев В.В. Историко-правовые предпосылки зарождения Ракитянского общества потребителей // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №2 (199). Вып. 31. Белгород, 2015. С. 189-197.
4. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Изд-во Вита-Пресс, 2005. С. 13-14.
5. Фигуровская Н.К. Кооперация. Страницы истории. В 3 т. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. Т. 1. М.: Наука, 1999. С. 10.
6. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. М.: ЦУМК Центросоюза РФ, 1998.
7. Невлев В.В. Участие российских офицеров в формировании социально-правовых основ отечественной кооперации // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №9 (152). Вып. 24. Белгород, 2013. С.46-54.
8. Макаренко А.П. Теория и история кооперативного движения. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2002.
9. Самсонов Л.А. Творцы кооперации: сборник. М.: Моск. рабочий, 1991.
10. Невлев В.В. Историческое участие российских военных в правовом становлении Московского потребительского Центросоюза // Военно-юридический журнал. №2. Москва, 2018. С. 19-23.
11. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989.
12. Бланк Г. Я. Основы теории и истории потребительской кооперации. М.: Центросоюз, 1963.
13. Невлев В.В. Историческая заслуга морского офицера Н.В. Верещагина в организационно-правовом становлении российской молочнопромышленной кооперации // История государства и права. №6. Москва, 2019. С. 62-69.
14. Буздалов И.Н. Возрождение кооперации. М.: Экономика, 1990.
15. Коряков И.А. Принципы кооперативного движения. Чита: Изд-во ЗИП СУПК, 1998.
16. Ленин В.И. О кооперации: статьи и речи. М.: Госиздат, 1930. 182 с.
17. Невлев В.В. Эволюция юридической природы потребительской кооперации в период НЭПа // История государства и права. №4. Москва, 2019. С. 69-74.
18. Невлев В.В. Правовая ретроспектива западных и российских истоков кооперации: монография. Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. 128 с.

19. Климов А.П. Потребительская кооперация в системе развитого социализма. М.: Экономика, 1980.
20. Глушецкий А.А. Кооперация: роль в современной экономике. М.: Профиздат, 1991.
21. Невлев В.В. История кооперативного движения в южных регионах России: правовое сопровождение: монография. Белгород: Изд-во ООО «Эписентр», 2018. 172 с.
22. Ермаков В.Ф. Духовно-нравственное возрождение общества на основе реструктуризации управления системой потребительской кооперации: монография. Белгород: Изд-во «Кооперативное образование», 2004. 163 с.

Nevlev V.V. Legal historiography of the Central Union of Cooperative Societies' activity formation in New Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 79–87.

The article is devoted to the study of the historical stages and legal foundations of the Central Union of Consumer Societies' activity in Russia. In the post-reform period, there was an intensive development of the Russian cooperative movement. This was caused by the socio-economic conditions of the country's transition from feudal system to capitalist business pattern. At that time, the issue of power and legal management centralization of disparate cooperative groups became acute. In the frame of meetings held in Nizhny Novgorod and Moscow, an initiative group of cooperators established the Moscow Centrosoyuz of Consumer Societies. Later the government legally confirmed the union's registration. Before the revolution, all types of cooperatives reported to the Centrosoyuz, in Soviet times and now – only consumer ones. The historiographical method allows to highlight the volume of work done by the Centrosoyuz in various periods of New Russia. A separate review of its participation in the International Cooperative Alliance's activities is presented.

Key words: historiography, post-reform period, cooperative movement, consumer cooperation, Centrosoyuz of consumer societies, legal framework, legal regulation, congress of cooperation, legal competence.

Spisok literatury:

1. Merkulova A.S. Istoriya potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Izd-vo «Ekonomika», 1970. S. 3.
2. Nevlev V.V. Zarozhdeniye pravovykh osnov potrebnokoperatsii v kooperativnykh ob'yedineniyakh dekabristov (1831-1861) // Potrebitel'skaya kooperatsiya Respubliki Belarus' na kanune XIV s"yezda: sbornik materialov mezhvuzov. nauch.-prakt. konf. (Gomel', 7-8 aprelya 1999g.). Gomel': GKI, 1999. CH. 1. S. 8-12.
3. Nevlev V.V. Istoriko-pravovyye predposylki zarozhdeniya Rakityanskogo obshchestva potrebiteley // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №2 (199). Vyp. 31. Belgorod, 2015. S. 189-197.
4. Teplova L.Ye. Osnovy potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Izd-vo Vita-Press, 2005. S. 13-14.
5. Figurovskaya N.K. Kooperatsiya. Stranitsy istorii. V 3 t. Izbrannyye trudy rossiyskikh ekonomistov, obshchestvennykh deyateley, kooperatorov-praktikov. T. 1. M.: Nauka, 1999. S. 10.
6. Vakhitov K.I. Istoriya potrebitel'skoy kooperatsii Rossii. M.: TSUMK Tsentrosoyuza RF, 1998. CH. 1.2.
7. Nevlev V.V. Uchastiye rossiyskikh ofitserov v formirovanii sotsial'no-pravovykh osnov otechestvennoy kooperatsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №9 (152). Vyp. 24. Belgorod, 2013. S.46-54.
8. Makarenko A.P. Teoriya i istoriya kooperativnogo dvizheniya. M.: IVTS «Marketing», 2002.
9. Samsonov L.A. Tvortsy kooperatsii: sbornik. M.: Mosk. rabochiy, 1991.
10. Nevlev V.V. Istoricheskoye uchastiye rossiyskikh voyennykh v pravovom stanovlenii Moskovskogo potrebitel'skogo Tsentrosoyuza // Voyenno-yuridicheskiy zhurnal. №2. Moskva, 2018. S. 19-23.
11. Tugan-Baranovskiy M.I. Sotsial'nyye osnovy kooperatsii. M.: Ekonomika, 1989.
12. Blank G.YA. Osnovy teorii i istorii potrebitel'skoy kooperatsii. M.: Tsentrosoyuz, 1963.
13. Nevlev V.V. Istoricheskaya zasluga morskogo ofitsera N.V. Vereshchagina v organizatsionno-pravovom stanovlenii rossiyskoy molochnopromyshlennoy kooperatsii // Istoriya gosudarstva i prava. №6. Moskva, 2019. S. 62-69.
14. Buzdalov I.N. Vozrozhdeniye kooperatsii. M.: Ekonomika, 1990.
15. Koryakov I.A. Printsipy kooperativnogo dvizheniya. Chita: Izd-vo ZIP SUPK, 1998.
16. Lenin V.I. O kooperatsii: stat'i i rechi. M.: Gosizdat, 1930. 182 s.
17. Nevlev V.V. Evolyutsiya yuridicheskoy prirody potrebitel'skoy kooperatsii v period NEPa // Istoriya gosudarstva i prava. №4. Moskva, 2019. S. 69-74.
18. Nevlev V.V. Pravovaya retrospektiva zapadnykh i rossiyskikh istokov kooperatsii: monografiya. Belgorod: ООО «Эписентр», 2019. 128 s.
19. Klimov A.P. Potrebitel'skaya kooperatsiya v sisteme razvitogo sotsializma. M.: Ekonomika, 1980.
20. Glushetskiy A.A. Kooperatsiya: rol' v sovremennoy ekonomike. M.: Profizdat, 1991.
21. Nevlev V.V. Istoriya kooperativnogo dvizheniya v yuzhnykh regionakh Rossii: pravovoye soprovozhdeniye: monografiya. Belgorod: Izd-vo ООО «Эписентр», 2018. 172 s.
22. Yermakov V.F. Dukhovno-nravstvennoye vozrozhdeniye obshchestva na osnove restrukturalizatsii upravleniya sistemoy potrebitel'skoy kooperatsii: monografiya. Belgorod: «Kooperativnoye obrazovaniye», 2004.

УДК 342

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОРТОВ
ФИНЛЯНДИИ**

Никитина А. П.

Севастопольский государственный университет

В статье указано, что торговые порты Финляндии с XVI до начала XX в. находились в собственности и управлении городов, имевших широкую систему самоуправления на основе Магдебургского права в его шведской интерпретации. Города самостоятельно определяли расположение границы портов, устанавливали различные расценки, систему управления ими и т.д. Государственные органы власти в управление таких портов не имели права вмешиваться. В начале – первой половине XX в. в организации управления торговыми портами Финляндии произошли следующие изменения: а) в собственности государства оказалось несколько важных торговых портов; б) муниципальные порты все чаще передавались в управление частным лицам и компаниям. Во второй половине XX – начале XXI вв. торговые порты Финляндии в основном перешли в управление различных обществ с ограниченной ответственностью, торговых фирм и компаний. Некоторые торговые порты еще сохранились в собственности государства и муниципалитетов. Деятельность муниципальных портов общего пользования регулировалась законом об организации муниципальных портов и сборах за проезд (955/1976). Правовой статус муниципальных портов поддерживается также Конституцией Финляндии (731/1999), конкретизируется законом 1994 г. о частных государственных портах (1156/1994). На современном этапе большинство торговых портов управляются акционерными обществами.

Ключевые слова: Финляндия, торговые порты, управление, муниципалитеты, закон, акционерные общества.

Формирование первых черт специфики административно-правовой организации торговых портов Финляндии началось еще в XIV веке. Войдя в состав шведского государства, на ее земли стало распространяться шведское право, предусматривающее широкое самоуправление городов, в том числе и в отношении организации и управления деятельности торговых портов. Так, в 1525 г. Турку получил исключительно право на торговлю за границей. С разделением в 1614 г. шведских городов на сухопутные и водные, соответствующие права на занятие внешнеторговой деятельностью и управление своими портами получили также Выборг, Хельсинки, Порво. В конце XVIII в. финские города получили привилегии на управление своими портами.

Переход Финляндии под власть России, с сохранением ранее действовавшей правовой системы, сохранил существовавшее положение – города по-прежнему самостоятельно занимались управлением своими портами.

Однако, уже в начале XX в., власть городов над портами стала ослабевать, зачастую они переходили в собственность или управление различных коммерческих организаций [1]. С обретением независимости Финляндии в стране появляются и первые государственные порты, а в 1923 г. возникает Ассоциация портов Финляндии [2].

В ходе своей эволюции, торговые порты Финляндии в XX – начале XXI вв. в большинстве своем были преобразованы в муниципальные предприятия или же в акционерные компании. При этом, безусловно, особую роль играют портовые власти, на которых лежит львиная доля ответственности за работу порта [3, с. 12]. Портовые операторы все чаще берут на себя роль «арендодателя», когда администрация порта сдает в аренду операторам землю и управляет деятельностью порта.

Реорганизуются и портовые операции. Аутсорсинг стал одним из наиболее часто используемых методов для реорганизации задач. Многие задачи, которые раньше выполнялись в порту собственным персоналом, находившимся в штате порта, были переданы на аутсорсинг частным компаниям.

Однако между портами существуют значительные различия: одни передали на аутсорсинг практически все услуги, кроме административных, а другие по-прежнему имеют в штате большое количество сотрудников. Основными целями аутсорсинга являются снижение затрат и повышение гибкости и производительности.

В тоже время, следует указать, что Управление и организация портов в разных портах различны и зависят, в частности, от структуры собственности.

В муниципальных портах управление портом осуществляется под контролем городских/муниципальных властей. Обычно это либо отдельный совет порта, например, совет коммерческих предприятий. В муниципальных портах управление осуществляется администрацией порта или коммерческим предприятием, ответственным за порт. В случае портов с обществом с ограниченной ответственностью администрирование и управление портом осуществляет портовая компания.

В законодательстве Финляндии есть два специальных закона о портах. Муниципальные порты общего пользования регулируются Законом об организации муниципальных портов и сборах за проезд [5] (955/1976). Значительная часть финских портов находится в муниципальной собственности и управляется муниципалитетами. Действие закона распространяется также на муниципальные порты, организованные в форме муниципального предприятия. Отдельного закона о муниципальных предприятиях не в Финляндии не предусмотрено. Муниципальные портовые сооружения юридически являются частью муниципальной организации.

Управление ими закреплено в уставе муниципалитета.

Закон о муниципальных портовых сооружениях и дорожных сборах является основой для портовых сооружений, в котором содержатся необходимые положения об использовании порта и порядке на территории порта. Этот закон также является основой для уплаты муниципалитету платы за проезд в общественном транспорте, уплаты портовых сборов за общественные перевозки и их взыскания без исполнительного листа.

Также следует указать, что до конца 1994 г. в Финляндии действовала привилегия для старых городов на управление портами. После ее отмены вступил в силу специальный закон «О частных государственных портах» (1156/1994), исключивший из сферы своего действия муниципальные порты. Государственный порт или его существенное расширение возможно только с разрешения Генерального государственного совета. Как и в случае с муниципальным портом, частный государственный порт должен иметь устав порта, который должен содержать необходимые положения для создания, использования порта и порядка, который должен поддерживаться в портовой зоне. Даже если порт находится в частной собственности и управляется частными лицами, положение о порте должно быть утверждено муниципальным советом. Закон обеспечивает основу для взимания портовых сборов. Порты, ранее находившиеся в муниципальной собственности – Котка и Хамина в настоящее время являются частью частного сектора и принадлежат компании с ограниченной ответственностью.

В соответствии со статьями 3 и 7 Закона о частных государственных портах [5], существенное расширение этих портов, осуществляемое после 1 января 1995 г., должно было подлежать одобрению Генеральным советом государства.

Из сферы действия специальных законов исключен третий тип порта: частный порт, так называемый промышленный порт, который обычно ориентирован исключительно на обслуживание бизнеса своего владельца. Он осуществляет не все перевозки, соответствующие обстоятельствам порта, но использование порта и предоставление услуг ограничены, за исключением случаев, когда это необходимо в интересах общественной безопасности и порядка.

В этом отношении промышленный порт является «закрытым» и не соответствует определению, данному в ст. 2 Закона о частных портах общего пользования. Промышленный порт разрешено использовать только для транспортировки сырья, предназначенного для использования на собственном производственном предприятии, и продукции, производимой на нем. Промышленный порт не может быть законно использован для общественных перевозок без разрешения Генерального государственного совета¹. Специального закона о промышленных портах не существует, но на них распространяются те же общие правила, регулирующие портовую деятельность, что и на другие типы портов, например, положения, касающиеся безопасности работников, охраны окружающей среды и землепользования [3, с. 19].

Организационная структура порта Котка с 19.05.2023 установлена следующая. Порт возглавляется советом директоров, решения которого выполняет директор распорядитель. Ему помогают в деятельности ассистент директора-распорядителя и внутренний контролер. В структуру входят такие службы с своим непосредственным руководством: коммерческая служба (дочерние компании, продажи и маркетинг; административная, финансовая, кадровая службы, службы ИТ); транспортная служба (такелажно-судовая служба, безопасность); техническая служба (техническое проектирование, техническая эксплуатация портовой зоны); директор проекта [6].

Порт Ханко сначала принадлежал государству, а в 1974 г. порт Ханко был куплен городом Ханко. 1.1.2014 г. порт стал обществом с ограниченной ответственностью, принадлежащим городу, а директор порта Ханко стал управляющим директором. В январе 2014 г. порт Ханко присоединился к группе сотрудничества Юго-Западных портов Финляндии (SWP) [7]. В порту Ханко, операции осуществляются в трех частях порта: Западная гавань, Внешняя гавань и гавань Коверхар, действуют портовый офис, служба безопасности, директор-распорядитель, капитан порта, менеджер зданий, технический директор, финансовый менеджер [8]. Учитывая, что порт Ханко действует как ООО, у него есть председатель совета директоров и собственно 5 директоров [9]; а также - президент и генеральный директор; капитан порта, он же менеджер по безопасности; финансовый менеджер; административный секретарь и секретарь по персоналу; менеджер по маркетингу; бухгалтер; секретарь по импорту; руководитель производства [10].

¹ Парламент одобрил закон "О частных государственных портах" с поправкой, согласно которой в текст законопроекта была добавлена статья 3, ограничивающая деятельность частных государственных портов деятельностью, подлежащей разрешению.

ООО «Порт Хельсинки» является обществом с ограниченной ответственностью, принадлежащим городу Хельсинки. ООО «Порт Ловийса» и ООО «Порт Южная Финляндия» являются дочерними предприятиями порта Хельсинки [11].

ООО «Порт Хельсинки» состоит из двух бизнес-подразделений: грузового и пассажирского. Бизнес-единицы поддерживаются финансами, ИКТ и развитием, персоналом, техническими службами и коммуникациями. Возглавляется генеральным директором, под руководством которого работают директор бизнес-направления; старший вице-президент по пассажирскому бизнесу; директор по финансам, ИКТ и развитию; директор по техническим услугам; директор по персоналу; менеджер по коммуникациям [12]. Совет директоров ООО «Порт Хельсинки» состоит из председателя правления и его заместителя, 6 членов правления [13].

Порт Инкоо является частным государственным коммерческим портом. Структура его управления состоит из генерального директора по маркетингу, операционного и финансового менеджеров, судовых агентов, технический руководитель он же – сотрудник службы безопасности, стивидорный надзор [14].

Порт Йознсуу возглавляет генеральный директор и портовый инженер [15].

Порт Колайоки возглавляется управляющим и коммерческим директором [16].

Порт Каскинен является частью разветвленной сети TEN-T (Trans-European Transport Network). Им управляют генеральный директор и начальник порта [17].

ООО «Порт Кеми». Имеет несколько портовых районов (Айос и Вейцилуото) [18]. Непосредственно управляется портовым директором.

Управление порта Коккола составляют исполнительный директор, капитан порта, начальники отделов развития, технического, финансового [19].

Организация управления ООО «Порт Котка» по состоянию на 19.05.2023 следующая – Совет директоров; генеральный директор; портовый советник (советник финского приливного порта); помощник руководителя по связям и координации; международный диспетчер контроля. Коммерческий директор занимается вопросами дочерних компании, продажами и маркетингом, администрацией, финансами, персоналом. Службы дорожного движения. Директор по управлению движением (ИТ безопасности судовых служб), с подчиненными ему службами. Техническим сервисом занимается технический менеджер с службами технического планирования, содержания и ремонта порта [20].

ООО Порт Ловийса. Его правление составляют председатель Совета и 4 члена. Генеральный директор порта. Можно также указать, что Loviisan Satama Oy — компания, принадлежащая Helsingin Satama Oy (60%) и городу Ловииса (40%) [21].

Порт Оулу состоит из трех частей: Ориткари, Нуоттасаари и Вихерсаари. Компания Oritkari в основном занимается перевалкой контейнеров и продукции лесной промышленности. Компания Nuottasaari занимается перевалкой сырья для лесной промышленности. Вихерсаари работает с жидким топливом и сыпучими продуктами [22].

Порт Якобштадт. Портовым оператором в порту является компания Euroports Pietarsaari Oy, которая отвечает за обработку грузов в этом районе и предоставляет складские услуги [23]. Euroports предоставляет стивидорные, экспедиторские, таможенные и брокерские услуги как для отечественных, так и для иностранных компаний.

Оу Kraftline Ab предоставляет ледокольные и буксировочные услуги, а также экспедиторские услуги, таможенное оформление судов, фрахтование и брокерские услуги [24].

При этом порт Якобштадт, как и многие другие иные порты (Пиетарсаари, Раахе, Порт, Турку и т.д.) управляются обществами с ограниченной ответственностью. На рынке портов Финляндии также действуют совместные портовые компании, к примеру Kvarken Ports Ltd (Kvarkenhamnar Ab), трансграничные портовые компании (Копенгаген и Мальмё) [25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что торговые порты Финляндии с XVI до начала XX в. находились в собственности и управлении городов, имевших широкую систему самоуправления на основе Магдебургского права в его шведской интерпретации. Города самостоятельно определяли расположение границы портов, устанавливали различные расценки, систему управления ими и т.д. Государственные органы власти в управление таких портов не имели права вмешиваться. В начале – первой половине XX в. в организации управления торговыми портами Финляндии произошли следующие изменения: а) в собственности государства оказалось несколько важных торговых портов; б) муниципальные порты все чаще передавались в управление частным лицам и компаниям. Во второй половине XX – начале XXI вв. торговые порты Финляндии в основном перешли в управление различных обществ с ограниченной ответственностью, торговых фирм и компаний. Некоторые торговые порты еще сохранились в собственности государства и муниципалитетов. Деятельность муниципальных портов общего пользования регулировалась законом об организации муниципальных портов и сборах за проезд (955/1976). Правовой статус муниципальных портов поддерживается также Конституцией Финляндии (731/1999), конкретизируется законом 1994 г. о частных государственных портах (1156/1994). На современном этапе большинство торговых портов управляются акционерными обществами.

Список литературы:

1. 1930-luvun lama Helsingin satamassa Suhdannevaihtelut, satamatyöläiset ja ammattiyhdistysliike. - Jan Rosenström Helsingin yliopisto Valtiotieteellinen tiedekunta Talous- ja sosiaalhistoria Pro gradu -tutkielma Marraskuu 2020. – 57 с.
2. Suomen Satamaliitto Finlands Hamförbund Finnish Port Association. – URL: FinnPorts – Ассоциация портов Финляндии
3. Satamatoimintojen kehittäminen ja satamia koskevan lainsäädännön uudistaminen. - LIIKENNE- JA IESTINTÄMINISTERIÖN JULKAISUJA 65/2004. Liikenne- ja viestintäministeriö. – Helsinki, 2004.
4. Laki kunnallisista satamasäännöistä ja kuljetusmaksuista. 955/1976. – URL: 955/1976 - Справочник законодательных поправок - FINLEX ®
5. 3 Laki kunnallisista satamasäännöistä ja kuljetusmaksuista. 955/1976. – URL: 955/1976 - Справочник законодательных поправок - FINLEX ®
6. Порт Хамина Котка. – URL: Организационная структура | HaminaKotka
7. ООО «Порта Ханко». – URL: Информация о порте Ханко - Порт Ханко (portofhanko.fi)
8. Port of Hanko. – URL: Порты - Порт Ханко - Прямое сообщение судов с Балтийским морем (portofhanko.fi)
9. Port Hanko LLC:n hallitus. – URL: Совет директоров ООО «Порт Ханко» - Порт Ханко (portofhanko.fi)
10. Organisaatio LLC “Port Hanko”. – URL: Организация ООО "Порт Ханко" - Персонал - Порт Ханко (portofhanko.fi)
11. Helsingin satama. – URL: Порт Хельсинки | Порт Хельсинки (portofhelsinki.fi)
12. Hallinto ja organisaatio – URL: Менеджмент и организация | Порт Хельсинки (portofhelsinki.fi)

13. Yhtiön hallitus – URL: Совет директоров | Порт Хельсинки (portofhelsinki.fi)
14. Port Inko. – URL: Контакт | Инкоо Шиппинг (inkooshipping.fi)
15. Joensuun satama. – URL: Главная страница - Порт Йёнсуу (joensuunsatama.fi)
16. Kalajoen Satama. – URL: Информация о порте - Kalajoen Satama Oy (portofkalajoki.fi)
17. Kaskinen – URL: Каскинен • (kaskinen.fi)
18. ООО «ПОРТ Кеми». – URL: Порт Кеми – мир логистики (logistiikanmaailma.fi)
19. Kolmen portin portti. – URL: Порт трёх портов | Порт Коккола (portofkokkola.fi)
20. Oy "Port HaminaKotka". – URL: ООО "Порт ХаминаКотка" | ХаминаКотка (haminakotka.com)
21. Vinkki - Loviisan satama. – URL: Совет - Порт Ловииса (portofloviisa-fi.translate.google)
22. Lomakkeet – Oulun satama. – URL: Формы – Порт Оулу – Порт Оулу (ouluport.com)
23. Euroports Pietarsaari Oy. – URL: www.euroports.fi.
24. Oy Kraftline Ab. – URL: www.kraftline.fi
25. Vaasa ja Uumaja perustavat yhteisen satamayhtiön. – URL: Вааса и Умео основывают портовую компанию (archive.org).

Administrative and legal organization of Finnish ports // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 88–93.

Commercial ports of Finland from the 16th to the beginning of the 20th century. were owned and governed by cities that had a broad system of self-government based on Magdeburg Law in its Swedish interpretation. Cities independently determined the location of the port boundaries, set various prices, their management system, etc. State authorities had no right to interfere in the management of such ports. At the beginning - the first half of the twentieth century. the following changes occurred in the organization of management of Finnish trade ports: a) several important trade ports became state property; b) municipal ports were increasingly transferred to the management of private individuals and companies. In the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries. Finland's commercial ports were mainly taken over by various limited liability companies, trading firms and companies. Some commercial ports are still owned by the state and municipalities. The activities of municipal public ports were regulated by the law on the organization of municipal ports and tolls (955/1976). The legal status of municipal ports is also supported by the Constitution of Finland (731/1999), and is specified by the 1994 law on private public ports (1156/1994). At the present stage, most trade ports are managed by joint-stock companies.

Keywords: Finland, commercial ports, management, municipalities, law, joint-stock companies.

УДК 342.715

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РСФСР В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Яковец Е. Н., Журавленко Н. И.

В статье анализируются проблемы обеспечения экономической безопасности РСФСР в период осуществления новой экономической политики (НЭП) и особенности решения этих проблем советским государством. Подробно исследованы особенности перехода от принципов военного коммунизма к новой экономической политике, который предусматривал целый ряд экономических и социально-политических мер, включая возрождение частного предпринимательства, введение свободы внутренней торговли и удовлетворение некоторых требований крестьянства. Рассмотрены первые нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации производителей товаров, экономическая безопасность.

Ключевые слова: новая экономическая политика, частное предпринимательство, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации производителей товаров, экономическая безопасность.

Начало новой экономической политики. Открыто признав ошибки и перегибы, допущенные в период военного коммунизма, и одновременно в определённой мере оправдывая эту политику, В.И. Ленин отмечал следующее: «В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как их соблюсти. Но тут также была и вынужденная необходимость: мы жили до сих пор в условиях такой бешеной, неслыханной войны, когда ничего, кроме как действия по военному, нам не оставалось и в области экономической» [1, с. 241].

В других своих выступлениях этого же периода он подчеркивал необходимость введения в стране свободной торговли, что закономерно должно было повлечь за собой рост капитализма, однако в условиях многоукладности российской экономики (Ленин выделял пять общественно-экономических укладов – патриархальный, мелкотоварный, капиталистический, государственно-капиталистический и социалистический) развитие свободного рынка, по его мнению, не должно было угрожать власти Советов [2, с. 306]. В одной из своих работ он утверждал, «что в мелкокрестьянской стране преобладает уклад мелкотоварный, т.е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен – это бесспорная истина, азбучная истина политической экономии, подтверждаемая к тому же повседневным опытом и наблюдением даже обывательским.

Какую же политику может повести социалистический пролетариат перед лицом такой экономической действительности? Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырьё? Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, – мы ее и начали. Но мы не можем дать *всех* продуктов, далеко не можем и не очень скоро сможем – по крайней мере, до тех пор не сможем, пока не закончим хотя бы первой очереди работы по электрификации всей страны. Как же быть? Либо пытаться запретить, запретить совершенно всякое развитие частного, негосударственного обме-

на, т.е. торговли, т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей. Такая политика была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала бы ее. Глупостью, ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, ибо партии, пробуящие подобную политику, терпят неминуемый крах» [3, с. 333].

С.С. Волк отмечает, что возрождение после победы в Гражданской войне капиталистических отношений, частных предприятий, свободы торговли казались многим членам большевистской партии изменой коммунизму. Видимо, не далеко от истины высказывание А. Хаммера, что если бы программу новой экономической политики (НЭП) предложил не Ленин, а другой лидер, его тогда бы расстреляли. Ленин негодовал, что НЭП остается в громадной степени неразъясненным и непонятым. Смысл и значение НЭПа с трудом постигались не только рядовыми коммунистами, но и многими тогдашними лидерами и публицистами – такими, например, как редактор «Известий» Ю.М. Стеклов, которому казалось, что от марксизма отпадают целые главы, и который негодовал на выдвинутый Лениным лозунг «учиться торговать». «Мне казалось, что я скорее губы себе отрежу, а такого лозунга не выкину», – признавался он [4].

После окончания Гражданской войны и поражения военной интервенции Коммунистическая партия на X съезде РКП(б) приняла решение отойти от принципов военного коммунизма и перейти к новой экономической политике. Этот переход предусматривал целый ряд экономических и социально-политических мер, включая возрождение частного предпринимательства, введение свободы внутренней торговли и удовлетворение некоторых требований крестьянства. Юридическое оформление перехода к НЭПу было осуществлено декретами ВЦИК и Совнаркома, а также решениями IX Всероссийского съезда Советов в декабре 1921 г.

НЭП была впервые введена в сельском хозяйстве, когда перед посевной кампанией продразверстка была заменена продовольственным налогом. Этот налог устанавливался до посевной кампании, не мог быть изменен в течение года и по объему был вдвое меньше продразверстки. В октябре 1922 г. был принят *Земельный кодекс РСФСР*, предоставлявший крестьянам право выхода из общины и выбора предпочтительных форм землепользования. Были разрешены аренда земли и наемный труд, хотя и со значительными ограничениями. В сельской местности стало сокращаться количество искусственно насаждавшихся властями колхозов и совхозов, а крестьяне-единоличники стали производить около 98,5% всей сельскохозяйственной продукции.

В рамках НЭПа частным лицам в городах было разрешено открывать или арендовать малые и частично средние предприятия, в результате чего к середине 1920-х гг. на долю капиталистического сектора стало приходиться 27% промышленного производства. В 1923 г. нэпманы контролировали 75% товарооборота розничной торговли и 18% оптовой торговли. Важным аспектом НЭПа было восстановление разрушенной денежной системы государства. В октябре 1921 г. был возрожден Государственный банк, который стал управлять сетью вновь образованных кооперативных банков, кредитных и страховых товариществ. С 1922 по 1924 гг. обесцененные деньги были заменены на высокоценную твердую конвертируемую валюту – советский червонец (номиналом 10 руб.), который высоко ценился на мировом валютном рынке. Это позволило укрепить рубль и избавиться от инфляции.

Налоговая система ложилась наибольшим бременем на городскую и сельскую буржуазию, в то время как беднейшие слои общества были освобождены от уплаты налогов, а середняки платили только его половину [5, с. 484-485]. Главным экономическим приоритетом возрождения страны большевики считали восстановление и интенсивное развитие крупной промышленности. Она рассматривалась как главная экономическая опора государства в беспокойный период мелкотоварного производства, опора обороны в условиях недружественного окружения. Однако создание крупной промышленности при почти полной убыточности государственного предприятия было возможно только за счет материальных ресурсов, изымаемых у деревни с помощью налогов и искусственной ценовой политики. Этот неэквивалентный товарообмен между городом и деревней создавал существенное противоречие в период НЭПа, влияя на внутреннюю безопасность государства [6, с. 338-340].

Изменения в управлении экономикой. Переход к мирному строительству обусловил и определенную перестройку государственного аппарата. В апреле 1920 г. *Совет рабочей и крестьянской обороны* был переименован в *Совет труда и обороны* (СТО), а в декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял резолюцию, закреплявшую юридический статус последнего как комиссии при Совете народных комиссаров (СНК) РСФСР – Правительстве Советской России. Его основной обязанностью являлось руководство хозяйственным строительством, включая разработку единого хозяйственного плана, организацию хозяйственных комиссариатов в соответствии с требованиями последнего и контроль за его выполнением.

Была также упразднена система «главкизма». Предприятия получили определенную хозяйственную самостоятельность. В связи с *Наказом Совета народных комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики* от 9 августа 1921 г. предприятиям предоставлялось право реализации части своей продукции, а также частичной самостоятельности в решении вопросов сырьевого снабжения, включая и зарубежные закупки. Ранее все это осуществляли главки Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. Часть предприятий подлежала передаче в аренду. Ставилась задача кооперирования мелкой и кустарной промышленности. Разграничивались функции и компетенция СТО, Госплана и ВСНХ.

Госплан разрабатывал генеральный экономический план, а СТО осуществлял общее руководство экономической политикой. ВСНХ осуществлял планы, утвержденные СТО. В 1923 г. отраслевые отделы ВСНХ были заменены *Главным экономическим управлением* и *Центральным управлением государственной промышленности*. Главное экономическое управление было регулирующим и плановым органом для всех отраслей промышленности, а Центральное управление государственной промышленности – органом оперативного управления с отраслевыми отделами. В губерниях и областях действовали местные *совнархозы*. С 1921 г. начали создаваться *тресты*, объединявшие родственные госпредприятия [7, с. 239-240].

Вместе с тем после перехода к НЭПу чрезмерная централизация народного хозяйства значительно ослабла. Тресты перешли на хозрасчет, что расширило их экономические возможности. Свободный найм рабочей силы заменил трудовые мобилизации, карточная система и уравнительная оплата труда отменены [8, с. 340].

Первые экономические и политические контакты Советской России с Западом. Противоречивость экономических и политических интересов западных стран в сочетании с провалом интервенции не позволили сформировать новый антисовет-

ский фронт. Тем не менее, их отношение к Советской России оставалось настороженным и даже враждебным. Это объяснялось двойственной внешней политикой большевистского Правительства, которое открыто провозглашало свою приверженность пролетарскому интернационализму и одновременно оказывало помощь коммунистическим партиям, стремившимся захватить власть в своих странах. В то же время Правительство было заинтересовано в установлении взаимовыгодного внешнеполитического и экономического сотрудничества с капиталистическими странами, так как считало, что мирное сосуществование и сотрудничество с ними необходимы для успешного строительства социализма в Советской России [8, с. 351].

Весьма важным с точки зрения обеспечения экономической безопасности страны шагом явилось заключение торговых и политических договоренностей с другими странами. В 1921 г. такие договоры были подписаны с Англией, Германией, Норвегией, Австрией, Италией и Китаем; в 1922 г. – со Швецией и Чехословакией. Во время Генуэзской конференции в апреле 1922 г. РСФСР и Германия подписали договор, который восстановил их дипломатические и консульские отношения. В 1924 г. были установлены дипломатические отношения с Англией, Италией, Китаем, Норвегией, Швецией, Данией, Грецией, Мексикой, Австрией, Венгрией и Францией; в 1925 г. – с Японией. Таким образом, из крупных государств СССР не имел дипломатических отношений только с США [9].

Начало же процессу установления дипотношений было положено в марте 1920 г., когда первая советская делегация во главе с Л.Б. Красиным отправилась в Стокгольм для переговоров о возобновлении торговли с государствами Антанты. Советские дипломаты вели переговоры с различными промышленными фирмами Швеции и шведским правительством, в результате чего были заключены контракты, позволившие Советской России закупать в Швеции товары на определенную сумму в конкретные сроки. Эти переговоры помогли повысить интерес других стран к торговле с РСФСР. В.И. Ленин, с большим вниманием следивший за деятельностью делегации, сообщил Красину 8 мая 1920 г. следующее: «Сомневаемся, чтобы скандинавская промышленность могла значительно содействовать восстановлению нашего транспорта (поставка всего тысячи паровозов с рассрочкой на шестилетний период подтверждает это. – прим. авторов). Придаем заключенному договору значение главным образом с целью воздействия на крупные паровозостроительные заводы Европы и Америки».

Советское Правительство, взвесив все положительные и отрицательные стороны предложенных ему шведской стороной договоренностей, сочло все же целесообразным заключить их. Их подписание состоялось 15 мая 1920 г. в Стокгольме. Решение оказалось верным, о чем свидетельствует интерес, проявленный к этой сделке английскими деловыми кругами. Подобные соглашения помогли ослабить «золотую блокаду» РСФСР, из-за которой советское золото не принималось банками Европы и Соединенных Штатов Америки [10]. Таким образом, молодая Советская Республика была вынуждена идти на заведомо маловыгодные для нее контракты с тем, чтобы добиться главной цели – выхода на международный рынок.

Вместе с тем, некоторые авторы сомневаются в легитимности первых экономических сделок, заключенных Советским Правительством. Одни, обвиняя большевиков в политической нечистоплотности и коррумпированности, вопрошают: «Так куда же ушло столько золота»? Называя почему-то в качестве основного инициато-

ра этих сделок профессора Ю.В. Ломоносова, они вместе с тем констатируют: «Абсолютно уверенно можно утверждать: никто не позволил бы одному человеку украсть четверть (или даже пятую часть) золотого запаса страны. Что-то – и немало – к Ломоносову все же прилипло, но лишь потому, что дело было слишком тонкое и деликатное, и никакого контроля за ним доверить было нельзя (почему именно – непонятно. – прим. авторов) ни Л.Б. Красину, ни даже Ф.Э. Дзержинскому. Ломоносов выполнял прямые директивы В.И. Ленина. Какие? Можно лишь строить гипотезы. Вполне возможно, деньги шли на подготовку революции в Германии – в 1923 г. мятеж там все-таки удастся спровоцировать» [11].

Кстати, упоминаемый в данной связи Ф.Э. Дзержинский мог участвовать в решении столь деликатных экономических проблем не только в качестве председателя ВЧК. Как известно, на протяжении более 5 лет он осуществлял напряженную и плодотворную работу на экономическом фронте как квалифицированный специалист в этой области. В апреле 1921 г. в связи с тяжелым положением дел на транспорте, игравшем исключительно важную роль в хозяйственном возрождении страны, по предложению В.И. Ленина наряду с выполнением своих основных обязанностей главный чекист страны был назначен народным комиссаром путей сообщения, и оставался на этом посту до февраля 1924 г. За этот период под его руководством транспорт превратился в такую отрасль народного хозяйства, «когда он без особых затруднений оказался способен удовлетворять все предъявляемые к нему народным хозяйством требования» [12, с. 164].

Сменивший Ф.Э. Дзержинского на посту наркома путей сообщения его ближайший помощник Я.Э. Рудзутак оценил деятельность своего предшественника следующим образом: «...такого успеха тов. Дзержинский достиг потому, что он сумел на предметном уровне своей трехгодичной работы применить методы нашего незабвенного учителя тов. Ленина, которые заключались именно в том, чтобы уметь коллективную волю, коллективную мысль и коллективные устремления направить в один фокус, в одно место, на одни задачи – на дело восстановления нашего транспорта...» [13]. В феврале 1924 г. на первой сессии ЦИК Союза ССР второго созыва Ф.Э. Дзержинский был утвержден председателем ВСНХ СССР. Позже, в ноябре того же года, он был назначен председателем Главметалла. Эти должности он занимал до своей смерти 20 июля 1926 г. Кроме того, он являлся руководителем и участником многих комиссий по улучшению быта рабочих, заработной плате, производительности труда, режиму экономии и др. Эти комиссии играли важную роль в решении насущных вопросов экономического развития [14, с. 1].

Однако вернемся к шведским паровозам. Отдельные авторы высказывают по этому поводу еще более сенсационные предположения. Так, современный историк Н.В. Стариков в рамках своей известной «шпионской» версии отмечает, что большевики подобным образом за счет чрезмерно завышенных вложений в закупаемую продукцию всего-навсего возвращали иностранным банкирам средства, затраченные последними на русскую революцию и победу в Гражданской войне [15, с. 13].

Кстати, этот же автор приводит и другие аргументы в защиту своей гипотезы, подчеркивая в частности, что большевики передали права на разработку золотых приисков в Восточной Сибири присно памятной британской компании “Lena Goldfields Co., Ltd” – той самой, чьи рабочие в 1912 г. пали жертвами Ленского расстрела. Он пишет следующее: «Площадь концессии охватывала огромную террито-

рию от Якутии до Урала, а интересы западной компании теперь выходили далеко за пределы золотодобычи. В их сферу попадали серебро, медь, свинец, железо... По договору с Советами, в распоряжение «Лены Голдфилдс» была передана целая группа горнодобывающих и металлургических предприятий, в результате деятельности которых наша страна получала всего 7% от объема добывавшегося металла» [16, с. 14]. Другие современные российские ученые отмечают, что Советское Правительство действительно пыталось привлечь иностранные инвестиции с помощью концессий, связанных с использованием природных ресурсов и созданием промышленных предприятий. Однако иностранные инвесторы не решались вкладывать деньги в Советскую Россию, и концессии не получили широкого распространения в стране. К концу 1920-х гг. доля концессий в советской промышленности составляла всего 1,5% [6, с. 338].

В советской историографии в данной связи отмечается, что В.И. Ленин неоднократно обращался к вопросу о концессиях до и после X съезда ВКП(б). На заседании коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. Ленин подчеркивал важность концессий не только для ускорения восстановления народного хозяйства после войны, но и их политическое значение [17, с. 153-154].

Он указывал на то, что концессии призваны улучшить международное положение Советской Республики, укрепить мир и предотвратить возможность новой интервенции. Он также считал, что установление деловых отношений с буржуазными кругами затруднит «для капиталистических держав, пошедших на сделку с нами, военные предприятия против нас» [18, с. 96, 111].

Защита объектов изобретательской деятельности и средств индивидуализации производителей товаров. В.И. Ленин, придававший большое значение научно-техническим достижениям, направленным на подъем советской экономики, сыграл важную роль и в становлении нового изобретательского права.

Первым законодательным актом в истории советского патентного законодательства стал *Декрет Совета народных комиссаров РСФСР об изобретениях (Положение)*, который был подписан 30 июня 1919 г. Он вводил новую форму правовой охраны изобретений – *авторское свидетельство*, что соответствовало общественным отношениям, сложившимся после 1917 г. В Декрете также говорилось, что «всякое изобретение, признанное полезным Комитетом по делам изобретений, может быть по постановлению президиума ВСНХ объявлено достоянием РСФСР». Эти изобретения (за исключением секретных) после опубликования сведений о них поступали «в общее пользование всех граждан и учреждений на особых условиях, в каждом отдельном случае оговоренных». Изобретения, объявленные достоянием государства, относившиеся к сфере государственной обороны или представлявшие особую важность для России (и признававшиеся в связи с этим соответствующими народными комиссариатами особо секретными), не подлежали патентованию за границей, передаче третьим лицам и вообще разглашению. Авторские свидетельства на прочие изобретения и открытия, сделанные на территории Российской Республики, могли быть оформлены и за границей, но лишь после того, как они были получены на родине. Нарушения этих требований преследовались по закону.

Авторское свидетельство, введенное Декретом СНК РСФСР об изобретениях, обеспечивало иную форму правовой охраны изобретений по сравнению с патентами. Если патенты предоставляли владельцу исключительное право на использова-

ние изобретения, то авторское свидетельство давало изобретателю только право авторства и право на материальное вознаграждение в случае его использования [19].

В развитие положений данного Декрета был издан целый ряд подзаконных нормативных правовых актов (правил, инструкций и др.), которые обеспечивали получение и рассмотрение заявок, а также оказание различных видов помощи изобретателям по доведению их изобретений до промышленного внедрения.

С января 1918 по сентябрь 1924 гг. в Комитет по делам изобретений поступило 6 467 заявок, но в качестве охранных документов было выдано только 28 временных авторских свидетельств, без их опубликования в специальных изданиях. Эти свидетельства в конечном итоге были заменены патентами после принятия в 1924 г. нового патентного законодательства [20].

Вопросы правовой защиты *товарных знаков* нашли отражение в *Декрете Совнаркома о пошлине на товарные знаки*, подписанном В.И. Лениным 15 августа 1918 г. Согласно этому нормативному правовому акту *Свидетельства на право исключительного пользования товарными знаками* выдавались на срок не менее 5 лет. Соответствующие документы на этот счет, выданные ранее бывшим Министерством Торговли и Промышленности как российским, так и иностранным предприятиям, подлежали перерегистрации и засвидетельствованию в Отделе внутренней торговли Народного комиссариата торговли и промышленности.

К заявлению о засвидетельствовании должны были прилагаться прежние свидетельства и 3 подлинных экземпляра или типографских оттиска соответствующего знака, а также квитанция Государственного казначейства об уплате соответствующей пошлины. Декрет предусматривал уплату пошлины в размере 30 руб. за первый год действия вновь выдававшегося или возобновлявшегося свидетельства на товарный знак и 10 руб. в течение каждого последующего года за поддержание в его силе. Свидетельства, не зарегистрированные или не возобновленные Народным комиссариатом торговли и промышленности до 1 ноября 1918 г., считались недействительными [21].

После начала реализации НЭПа 10 ноября 1922 г. СНК РСФСР издал *Декрет о товарных знаках*, который разрешал государственным и частным промышленным и торговым предприятиям использовать товарный знак для отличия своих товаров от других при их выпуске или продаже [22]. 11 апреля 1923 г. был издан дополнительный *Декрет о пошлинах за регистрацию, возобновление и переписку товарных знаков*, в соответствии с которым устанавливались новые размеры указанных пошлин.

В июле 1923 г. появился *Декрет СНК СССР о товарных знаках*, который распространил действие российского декрета от 10 ноября 1922 г. на всю территорию СССР [23]. За первые полгода после его принятия на регистрацию товарных знаков было подано более одной тысячи заявок, из которых половина – от иностранных организаций. Причем официально оформлено было менее 20% от их общего количества. С 1924 г. все материалы, связанные с товарными знаками, начали публиковаться в «Вестнике комитета по делам изобретений» [24].

Выводы. Реализация НЭПа позволила в целом восстановить народное хозяйство, однако вскоре перед руководством страны встал важнейший вопрос: в каком направлении двигаться дальше? Сосуществование капиталистических и социалистических отношений при сохранении диктатуры пролетариата было невозможным. Поэтому необходимо было принять решение о дальнейшем развитии страны. На XI

съезде ВКП (б) в 1922 г. Ленин заявил: «Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! ...Теперь цель выдвигается другая – перегруппировка сил» [25, с. 238]. Однако путей к осуществлению этой перегруппировки он не указал. Ничего не было сказано об этом и в решениях съезда. И все же очевидно, что речь об отказе от НЭПа в 1922 г. еще не шла. В конце этого же года при подготовке к выступлению на X Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин в тезисах своего доклада записал следующее: «...*Как подойти* ...к социализму? ...Не иначе, как через НЭП» [26, с. 383]. А вскоре он сформулировал и свое видение перехода к социализму через НЭП: кооперирование всех граждан, главным образом крестьянства, при сохранении государственной собственности на землю, промышленность и иные средства производства в условиях диктатуры пролетариата. В этой формуле еще было много неизвестных, но «решить данное уравнение» Ленин уже не успел [27].

Кратко суммируя основные мысли, изложенные в данной статье, можно прийти к следующим выводам.

1. На смену политике военного коммунизма, насаждавшейся в период Гражданской войны, в 1921 г. пришла новая экономическая политика Советского правительства, которая была призвана способствовать оживлению частнопредпринимательской деятельности, развитию товарно-денежных отношений в городе и деревне и в конечном итоге – преодолению разрухи в стране. Положительным моментом в этой ситуации являлось то обстоятельство, что на откуп частной инициативе было отдано практически все мелкое и среднее производство, внутренняя торговля, а также сфера услуг, то есть те сферы деятельности, в которые государство полноценно проникнуть не в состоянии. Ключевые же высоты в крупной промышленности и внешней торговле оставались за государством, что всецело способствовало укреплению его экономической, военной и информационной безопасности.

2. Большое внимание уделялось также проблемам правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации производителей товаров. В рассматриваемый период были приняты первые декреты и подзаконные нормативные акты об изобретениях, о товарных знаках и др.

3. В начале 1920 гг. Советскому Правительству удалось прорвать экономическую и информационную блокаду со стороны западных стран. Преодоление изоляции в эти сферы способствовало установлению дипломатических отношений со многими государствами мира.

4. За счет осуществления новой экономической политики заметно оживился производственный потенциал страны. Вместе с тем четких представлений о том, каким путем страна должна идти дальше, В.И. Лениным выработано не было. На этот вопрос предстояло ответить его преемникам.

P.S. Совсем недавно, 13 мая 2023 г., на XI Петербургском международном юридическом форуме Глава Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин выступил с сенсационным предложением: национализировать главные отрасли экономики России. «Мы говорим, по сути, об экономической безопасности в условиях войны <спецоперации на Украине>. <...> А дальше следующая ступень: давайте пойдем по пути национализации основных отраслей нашей экономики», — сказал он [28].

Данное предложение, конечно же, заслуживает пристального внимания и поддержки. Причем, опыт осуществления НЭПа в нашей стране, безусловно, может помочь в решении этого вопроса.

Список литературы:

1. Ленин В.И. Доклад о натуральном налоге 15 марта 1921 г. // Материалы X съезда РКП(б) 8-18 марта 1921 г. Соч., изд. 3-е. Т. XXVI.
2. Ленин В.И. Речь о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Соч., изд. 3-е. Т. XXVI.
3. Ленин В.И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). Соч., изд. 3-е. Т. XXVI.
4. Волк С.С. НЭП глазами современника // Вводная статья к кн. Н. Валентинова (Н. Вольского) «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭПа. Воспоминания». М.: Современник, 1991 // URL: <http://esdek.narod.ru/33/volskiy.htm> (дата обращения: 16.03.2023).
5. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Проспект», 2011.
6. Основы курса истории России: учебник / В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинов. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008.
7. История государства и права России / Под ред. Ю.П. Титова. М.: Изд-во «Проспект», 2000.
8. Основы курса истории России: учебник / В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинов. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008.
9. История внешней политики СССР. 1917–1985 гг. В 2-х томах. Т. 1 (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1986. Гл. VI.
10. Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин – советский дипломат. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962 // URL: <http://www.biografia.ru/abc/krasin06.html> (дата обращения: 20.04.2023).
11. Иголкин А. У истоков советской коррупции: «ленинские паровозы» // URL: <http://argumentua.com/stati/u-istokov-sovetskoj-korrupsii-leninskie-parovozy-okonchanie> (дата обращения: 20.04.2023).
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1983–1987. Т. 3.
13. Вестник путей сообщения. № 7. 1924. 16 февр.
14. Михалкин В.А. Дзержинский – экономист. М.: Экономист, 1987.
15. Агенты революции. Кто в 1917 году устроил и оплатил переворот в России // Интервью Н. Старикова корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты» В. Цепляеву // Аргументы и факты. 2012. № 15.
16. Агенты революции–2. Как вожди Октября возвращали долги спонсорам // Интервью Н. Старикова корреспонденту еженедельника «Аргументы и факты» В. Цепляеву // Аргументы и факты. 2012. № 16.
17. История внешней политики СССР. 1917–1985 гг. В 2-х томах. Т. 1 (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1986.
18. Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря // VIII Всероссийский съезд Советов 22-29 декабря 1920 г. / Полн. собр. соч. Т. 42.
19. Об изобретениях (Положение): Декрет СНК РСФСР от 30 июня 1919 г. // URL: <http://www.lawmix.ru/sssr/18720> (дата обращения: 16.06.2022).
20. История российских привилегий и патентов // URL: <http://www.erudition.ru>.
21. О пошлине на товарные знаки: Декрет СНК РСФСР от 15 августа 1918 г. // URL: <http://www.lawmix.ru/sssr/18848> (дата обращения: 16.05.2023).
22. Аكوпова Ж.С. История возникновения и правового регулирования товарных знаков / Lex terra incognita. 2010. 10 июня // URL: <http://lawfirm.ru/article/index.php?id=822> (дата обращения: 27.06.2022).
23. О товарных знаках: Декрет СНК СССР от 18 июля 1923 г. // URL: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_1743.htm (дата обращения: 16.06.2022).
24. Товарный знак в России // Мир Этикеты. 2002. № 7 // URL: <http://www.slogger.ru/articles/16.html> (дата обращения: 24.05.2006).
25. Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта // Материалы XI съезда РКП(б). Соч., изд. 3-е. Т. XXVII.
26. Ленин В.И. Конспект произнесенной речи на X Всероссийском съезде Советов. Соч., изд. 3-е. Т. XXVII.
27. История отечественного государства и права / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Издательство БЕК, 1999 // URL: http://www.eurocheck.ru/euro/TGP/chistjakov_istorija_otechestvennogo_gosudarstva_i_prava_3.html (дата обращения: 16.06.2022).
28. Бастрыкин предложил национализировать главные сектора экономики РФ // Известия. 2023. 13 мая // URL: <https://iz.ru/1512433/2023-05-13/bastrykin-predlozhit-natsionalizirovat-glavnye-sektory-ekonomiki-rf> (дата обращения: 13.05.2023).

Yakovets E. N., Zhuravlenko N. I. Ensuring the economic security of the RSFSR during the implementation of the new economic policy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 94–103.

The article analyzes the problems of ensuring the economic security of the RSFSR during the implementation of the New Economic Policy (NEP) and the peculiarities of the solution of these problems by the Soviet state. The features of the transition from the principles of war communism to the new economic policy, which provided for a number of economic and socio-political measures, including the revival of private enterprise, the introduction of freedom of internal trade and the satisfaction of certain demands of the peasantry, are studied in detail. The first normative legal acts regulating the issues of legal protection of the results of intellectual activity and equated means of individualization of goods producers are considered.

Key words: new economic policy, private entrepreneurship, results of intellectual activity, means of individualization of goods producers, economic security.

Spisok literatury:

1. Lenin V.I. Doklad o naturalnom naloge 15 marta 1921 g. // Materialy X syezda RKP(b) 8-18 marta 1921 g. Soch., izd. 3-e. T. XXVI.
2. Lenin V.I. Rech o prodovolstvennom naloge na sobranii sekretarey i otvetstvennykh predstaviteley yacheek RKP(b) g. Moskvy i Moskovskoy gubernii 9 aprelya 1921 g. Soch., izd. 3-e. T. XXVI.
3. Lenin V.I. O prodovolstvennom naloge (Znachenie novoy politiki i ee usloviya). Soch., izd. 3-e. T. XXVI.
4. Volk S.S. NEP glazami sovremennika // Vvodnaya statya k kn. N. Valentinova (N. Volskogo) «Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Godyi raboty v VSNH vo vremya NEPa. Vospominaniya». M.: Sovremennik, 1991 // URL: <http://esdek.narod.ru/33/volskiy.htm>.
5. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivohina T.A. Istoriya Rossii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izd-vo «Prospekt», 2011.
6. Osnovy kursa istorii Rossii: uchebnik / V.I. Moryakov, V.A. Fedorov, YU.A. SCHetinov. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2008.
7. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / Pod red. YU.P. Titova. M.: Izd-vo «Prospekt», 2000.
8. Osnovy kursa istorii Rossii: uchebnik / V.I. Moryakov, V.A. Fedorov, YU.A. SCHetinov. M.: TK Velbi, Izd-vo «Prospekt», 2008.
9. Istoriya vneshney politiki SSSR. 1917–1985gg. V 2-h tomah. T.1 (1917–1945 gg.).M.: Nauka, 1986. Gl. VI.
10. Karpova R.F. L.B. Krasin – sovetский diplomat. M.: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1962 // URL: <http://www.biografia.ru/abc/krasin06.html> (data obrascheniya: 20.04.2023).
11. Igolkin A. U istokov sovetской korruptsii: «leninskie parovozy» // URL: <http://argumentua.com/stati/u-istokov-sovetской-korruptsii-leninskie-parovozy-okonchanie> (data obrascheniya: 20.04.2023).
12. KPSS v rezolyutsiyah i resheniyah syezdov, konferentsiy i plenimov TSK. 9-e izd. M.: Politizdat, 1983–1987. T. 3.
13. Vestnik putey soobscheniya. № 7. 1924. 16 fevr.
14. Mihalkin V.A. Dzerzhinskiy – ekonomist. M.: Ekonomist, 1987.
15. Agenty revolyutsii. Kto v 1917 godu ustroil i oplatil perevorot v Rossii // Intervyu N. Starikova korrespondentu ejenedelnika «Argumenty i fakty» V. TSepliyevu // Argumenty i fakty. 2012. № 15.
16. Agenty revolyutsii–2. Kak vojdi Oktyabrya vozvrashchali dolgi sponsoram // Intervyu N. Starikova korrespondentu ejenedelnika «Argumenty i fakty» V. TSepliyevu // Argumenty i fakty. 2012. № 16.
17. Istoriya vneshney politiki SSSR. 1917–1985 gg. V 2-h tomah. T. 1 (1917–1945 gg.). M.: Nauka, 1986.
18. Lenin V.I. Doklad o kontsessiyah na fraktsii RKP(b) VIII syezda Sovetov 21 dekabrya // VIII Vserossiyskiy syezd Sovetov 22-29 dekabrya 1920 g. / Poln. sobr. soch. T. 42.
19. Ob izobreteniyah (Polojenie): Dekret SNK RSFSR ot 30 iyunya 1919 g. // URL: <http://www.lawmix.ru/sssr/18720> (data obrascheniya: 16.06.2022).
20. Istoriya rossiyskikh privilegiy i patentov // URL: <http://www.erudition.ru> (data obrascheniya: 23.04.2023).
21. O poshline na tovarnyie znaki: Dekret SNK RSFSR ot 15 avgusta 1918 g. // URL: <http://www.lawmix.ru/sssr/18848> (data obrascheniya: 16.05.2023).
22. Akopova J.S. Istoriya vzniknoveniya i pravovogo regulirovaniya tovarnykh znakov / Lex terra incognita. 2010. 10 iyunya // URL: <http://lawfirm.ru/article/index.php?id=822> (data obrascheniya: 27.06.2022).
23. O tovarnykh znakah: Dekret SNK SSSR ot 18 iyulya 1923 g. // URL: http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/ussr_1743.htm (data obrascheniya: 16.06.2022).
24. Tovarный znak v Rossii // Mir Etiketki. 2002. № 7 // URL: <http://www.slogger.ru/articles/16.html>.
25. Lenin V.I. Politicheskiy otchet Tsentralnogo Komiteta RKP(b) 27 marta // Materialy XI syezda RKP(b). Soch., izd. 3-e. T. XXVII.
26. Lenin V.I. Konspekt neproiznesennoy rechi na X Vserossiyskom syezde Sovetov. Soch., izd. 3-e. T. XXVII.
27. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava / Pod red. O.I. CHistyakova. M.: Izdatelstvo BEK, 1999 // URL: http://www.eurocheck.ru/euro/TGP/chistyakov_istorija_otechestvennogo_gosudarstva_i_prava_3.html
28. Bastrykin predlozil natsionalizirovat glavnyie sektory ekonomiki RF // Izvestiya. 2023. 13 maya // URL: <https://iz.ru/1512433/2023-05-13/bastrykin-predlozhit-natsionalizirovat-glavnye-sektory-ekonomiki-rf>

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
УДК 342.9

**ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПОДРОСТКОВОМУ «ТРЕЙНСЕРФИНГУ» («ЗАЦЕПИНГУ»)**

Заброда Д. Г., Еламков А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется вопрос противодействия такому негативному увлечению современных подростков как «трейнсерфинг» («зацепинг»). Рассмотрены основные подходы к пониманию категории «противодействие правонарушениям» в юриспруденции и отечественном законодательстве. С учётом проведенного анализа научных публикаций и нормативного материала, под «противодействием «зацепингу»» предложено понимать деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и предприятий, обеспечивающих безопасность объектов транспортной инфраструктуры (в первую очередь, подвижного состава железнодорожного и городского электротранспорта), а также общественных организаций и отдельных граждан, направленную на профилактику (предупреждение) их причин и условий, выявление, предупреждение и пресечение случаев подготовки и совершения правонарушений, связанных с нарушением правил пользования подвижным составом и пребывания на объектах транспортной инфраструктуры. Охарактеризованы система субъектов, противодействующих «зацепингу» (общие, специальные), уровни профилактики этой разновидности антиобщественного поведения, способы выявления, предупреждения и пресечения случаев подготовки и совершения правонарушений, связанных с «зацепингом» и др. Обращено внимание на необходимости комплексного воздействия на факторы, которые детерминируют поведение подростков, вовлекаемым в движение «зацеперов», восприятие молодежью такого поведения «модным», не наказуемым, монетизируемым, в том числе и путём повышения правового просвещения, использования возможностей общественного реагирования, а также привлечения современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: зацепинг, трейнсерфинг, противодействие, правонарушения на транспорте, объекты транспортной инфраструктуры, электротранспорт, профилактика.

Проблема «трейнсерфинга» («зацепинга») в современном российском обществе представляется достаточно актуальной, в связи с тем, что для современной молодежи он относится к группе увлечений, связанных с риском, граничащих с угрозой для жизни и здоровья подростков.

«Зацепинг» рассматривается как «...способ передвижения на поезде, при котором человек цепляется к вагонам снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы» [1; 2]. Являясь нарушением установленных правил поведения на железнодорожном транспорте, в молодежной среде зацепинг позиционируется как популярное молодёжное экстремальное увлечение, среди приверженцев которого сложились свой устав, традиции, негласные правила этики и язык общения.

Изучение особенностей противодействия подростковому «зацепингу» предусматривает характеристику основных категорий, раскрывающих его социально-правовую природу и организационные основы осуществления.

Следует отметить, что в современной юриспруденции, в первую очередь, среди криминологов, продолжается дискуссия о содержании понятия «противодействие правонарушениям (преступлениям)», производных от него или связанных с ним категорий, а также касающихся различных антиобщественных явлений или правонаруше-

ний (коррупции, терроризму, экстремизму, безнадзорности несовершеннолетних и др.) – «профилактика», «борьба», «предупреждение» [3-5].

Исследователи указывают, что предмет теории противодействия правонарушениям сегодня составляют: категориальный аппарат; нормативно-правовое регулирование; его виды, формы и уровни; субъекты и объекты данной деятельности; тактика противодействия правонарушениям; особенности предупреждения отдельных видов правонарушений.

Не вступая в полемику с ведущими представителями научного сообщества, сформулировавшими основы теории противодействия правонарушениям (как преступлениям, так и административным правонарушениям), для уточнения рассматриваемого нами понятия предлагаем применить нормативный подход. Его сущность состоит в анализе соответствующих понятий и их содержания, закрепленных в нормативных правовых актах и их дальнейшей интерпретации в контексте исследуемой дефиниции.

Так, изучение законодательных актов, регулирующих основы противодействия коррупции, терроризму и экстремизму и профилактики правонарушений в России показывает, что оно рассматривается как деятельность: федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц; осуществляемая в пределах компетенции (для органов публичной власти) и имеющихся прав (для физических лиц и общественных организаций) соответствующих субъектов; проявляющаяся в профилактике, борьбе с правонарушениями и связанных с ними явлений и минимизации их последствий; урегулированная преимущественно нормами административного права [6, п. 2 ст.19; 7, п. 4 ст. 3; 8, п.2 ст. 2].

Интерпретируя содержание нормативных определений понятий «противодействие экстремизму», «противодействие коррупции» под противодействием подростковому трейнсерфингу («зацепингу») предлагается понимать деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и предприятий, обеспечивающих безопасность объектов транспортной инфраструктуры (в первую очередь, подвижного состава железнодорожного и городского электротранспорта), а также общественных организаций и отдельных граждан, направленную на профилактику (предупреждение) их причин и условий, выявление, предупреждение и пресечение случаев подготовки и совершения правонарушений, связанных с нарушением правил пользования подвижным составом и пребывания на объектах транспортной инфраструктуры. Охарактеризуем содержание элементов этого понятия.

1. Профилактика (предупреждение) подросткового трейнсерфинга («зацепинга») представляет собой совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений и антиобщественных действий, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения их совершения.

По нашему мнению, целями профилактики «трейнсерфинга» является ограничение действия отрицательных явлений и процессов, опосредующих: развитие идеологии «зацепинга» (например, его ложного позиционирования как доступного всем престижного среди молодежи экстремального вида досуга (спорта), высокой степени монетизации связанного с ним контента, проявления «модной» молодежной аль-

тернативной культуры); устранение детерминант противоправных деяний, сопутствующих «зацепингу» (нарушению правил пользования поездами, в том числе и допущение бесплатного проезда, пребывания на объектах транспортной инфраструктуры, размещению контента, пропагандирующего «зацепинг» в социальных сетях, невыполнения родителями обязанностей по воспитанию детей, приведшее к такому антиобщественному поведению и др.); ликвидацию факторов, способствующих совершению административных правонарушений в микросреде лица, формирующих её антиобщественную позицию и мотивацию преступного поведения (разобщение групп подростков, занимающихся «зацепингом», изъятие пропагандирующего контента из открытого для несовершеннолетнего доступа, переориентация досуга подростка и др.); превентивное влияние на личность несовершеннолетних, которые по своему психологическому складу склонны к таким правонарушениям (например, для которых характерно рискованное и протестующее поведение, имеющих проблемы с социальной адаптацией, подверженных групповому влиянию и др.).

Основываясь на указанной цели, можно выделить следующие задачи профилактики «трейнсерфинга» («зацепинга»): выявление и анализ явлений, процессов, обстоятельств, выступающих детерминантами такого правонарушения (антиобщественного поведения); изучение факторов, приводящих к формированию личности подростка-экстремала и реализации его как личности; устранение или нейтрализация факторов, влияющих на занятие «трейнсерфингом» на индивидуальном уровне; воздействие на взрослых лиц, оказывающих негативное влияние на подростков, а также умышленно вовлекающих их в занятие «зацепингом» [9, с. 97].

В целом же, можно выделить три уровня профилактики «зацепинга»:

1) общесоциальная профилактика, то есть предупредительная деятельность, осуществляемая в обществе в целом (например, повышение информированности граждан о вредности и опасных последствиях «зацепинга», а также мерах юридической ответственности за совершение противоправных действий, которые с ним связаны, с обязательным привлечением возможностей социальной рекламы, ресурсов институтов гражданского общества; массовое вовлечение молодёжи в занятия активными видами спорта и общественно-полезной деятельностью (например, «антизацеперских» групп (родительских, молодежных), осознанное обсуждение этой проблематики в молодежной среде (научных форумах, общественных обсуждениях, опросах, конкурсах (детских рисунков, видеороликов); блокирование Роскомнадзором (инициативно или по решению судов) групп и сообществ в соцсетях, посвященных «зацепингу» [10;11]; внедрение в практику мобильных приложений для предупреждения детского травматизма на железнодорожном транспорте (например, «SafeTrain – Берегись поезда») [12]; улучшение материального состояния семей в целом и оказания помощи тем из них, которые отнесены к находящимся в социально опасном положении; разработка и реализация программ, способствующих социально-педагогической реабилитации лиц, совершивших правонарушения и др.); техническое улучшение поездного состава (например, использование поездов, в конструкции которых отсутствуют выступающие элементы, что исключает возможность ее использования для «зацепинга») [13];

2) профилактика в социальных группах и коллективах (постановка на учет и организация работы с группами несовершеннолетними антиобщественной направленно-

сти, в первую очередь их разобшение и переориентация; проведение коллективных профилактических бесед, тренингов, лекций как в молодежных коллективах, так и в группах подростков, вовлечённых в «зацеперство» с привлечением работников железной дороги и метрополитена, сотрудников полиции, педагогов и психологов, а также бывших «зацеперов» и их родителей (законных представителей); демонстрация в группах тематических видеосюжетов; обучение подростков и их родителей навыкам выявления угроз безопасности несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; проведение инструктажей с несовершеннолетними, обучающимися в образовательных организациях, вблизи которых находятся объекты железнодорожного транспорта, по предупреждению травмирования и гибели детей, проверки у них знаний Правил безопасности в зоне движения поездов и др.);

3) индивидуальная профилактика (работа с несовершеннолетними состоящими на профилактическом учете в ОВД, направленная на переориентирование его антиобщественного деструктивного рискованного поведения в социально нейтральное или общественно-полезное; обеспечение внеурочной занятости школьников, студентов, оказание помощи несовершеннолетнему в его адаптации в учебном коллективе, семье, других сообществах; проведение профилактических и информационных бесед с подростками о вреде «зацеперства» и его последствиях; содействие несовершеннолетним в трудоустройстве; вовлечение конкретного подростка в занятия видами спорта, связанных с высоким уровнем соревновательности и индивидуальностью победы и привлекательностью для молодежи (например, большой и настольный теннис, фехтование, сноубординг, стрельба из различных видов оружия, автогонки); обучение детей навыкам противостояния вовлечения в антиобщественную деятельность, неформальные группы; применение психологических и педагогических методик для профилактики аддитивного и девиантного поведения подростков и т.п.).

2. Выявление, предупреждение и пресечение случаев подготовки и совершения правонарушений, связанных с нарушением правил пользования подвижным составом и пребывания на объектах транспортной инфраструктуры. Эта составляющая противодействия касается, прежде всего, определённого антиобщественного действия или правонарушения.

Так, под выявлением случаев подросткового трейнсерфинга («зацепинга») предлагается понимать деятельность уполномоченных должностных лиц, а также граждан, по получению сведений о поведении несовершеннолетнего или деятельности групп подростков, имеющих признаки этого явления, установлению факта его совершения или подготовки к нему [14]. По своему содержанию – это разновидность поиска, установления или фиксации фактических данных о соответствующем событии, имеющем признаки как антиобщественного поведения или правонарушения, месте, времени его осуществления, составе участников и т.д. [16]

К способам выявления «зацепинга» относятся: непосредственное обнаружение уполномоченными лицами (например, сотрудниками полиции, работника ОАО «РЖД» и др.) несовершеннолетних, находящихся на крышах поездов, между вагонами или под ними, пребывающих на объектах транспортной инфраструктуры с нарушением правил, проникших в служебные помещения метрополитена и др.; использование возможностей камер видеонаблюдения, используемых для контроля за обстановкой на объектах транспорта или размещённых на подвижном составе; анализ результатов мониторинга социальных сетей, в которых содержатся предложе-

ния к участию в акциях «зацеперов», осуществляется пропаганда такого поведения, содержатся другие данные, такие как фото- и видеоматериалы, рекомендации и др.; изучение информации, предоставляемой инициативными группами граждан об известных случаях «зацепинга», признаках приготовления к ним (местах сбора, месте и времени, приобретении экипировки, средств видеофиксации (например, экшн-камер), в том числе и полученная из закрытых форумов «трейнерферов» и др.; анализ материалов дел об административных правонарушениях, досудебной проверки, профилактических дел и публикаций в средствах массовой информации.

В свою очередь, предупреждение случаев «зацепинга» предусматривает разработку и осуществления мероприятий, направленных на недопущения их совершения путем устранения причин и условий, которые его детерминируют [17].

Как правило, такие мероприятия предусматривают оперативное реагирование на имеющуюся у должностных лиц (полиции, служб безопасности объектов транспорта) информацию и непосредственное воздействие на несовершеннолетнего или их группы, которые намереваются осуществить «зацепинг». Оказывая необходимое индивидуально-профилактическое воздействие, они побуждают подростка отказаться от опасного для жизни и здоровья занятия, в случае совершения им сопутствующих правонарушений, проводят с ним работу в рамках законодательства о профилактике безнадзорности и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Под пресечением «зацепинга» подростков (как правонарушителя) предлагается понимать «...предусмотренные нормами права способы и средства психического или физического воздействия, применяемые уполномоченными на то должностными лицами для прекращения объективно таких антиобщественных или противоправных деяний на месте и во время их совершения, путем прямого вмешательства субъекта власти в действия (деятельность) нарушителя» [17, с.71].

Эти способы, как правило, определяются нормами административного законодательства, а их применение входит в компетенцию сотрудников полиции и других уполномоченных должностных лиц. Например, они могут проявляться в прямом требовании прекратить противоправное поведение, покинуть объект транспортной инфраструктуры; доставлении несовершеннолетних в служебное помещение территориального органа внутренних дел или их задержании; применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, а в случаях противодействия законным требованиям представителей власти – применении специальных мер административного принуждения (физической силы или специальных средств). Рассматривая систему субъектов противодействия подростковому «трейнерфингу» («зацепингу»), следует исходить и понимания того, что в соответствии с действующим законодательством в неё входят как государственные органы, так и общественные организации и граждане, которые целенаправленно осуществляют на разных уровнях и в разных масштабах управления и планирования предупредительной деятельности, выполнения профилактических мероприятий и имеют в связи с этим определенные права и обязанности и несут ответственность за достижение поставленной цели.

Так, безопасность на объектах железнодорожного транспорта обеспечивается различными государственными и негосударственными структурами (линейные подразделения транспортной полиции, входящие в состав МВД России, Минтранс России, ОАО «РЖД», МЧС России, ФСБ России, ФГП «Вневедомственная охрана же-

лезнодорожного транспорта» и другие субъекты), многочисленность которых порождает обострение конкуренции за статус ведущего субъекта обеспечения безопасности в рассматриваемой сфере, что в свою очередь, с заметной регулярностью поднимает проблему организации взаимодействия между ними.

Центральное место в системе специальных субъектов профилактики подросткового «зацепинга» занимают ОВД в связи с тем, что они: непосредственно предупреждают, выявляют и пресекают соответствующие правонарушения; являются основным субъектом профилактики правонарушений несовершеннолетних, наделенным возможностями применять меры принудительного характера; противодействуют этому негативному явлению на всей территории РФ, имея в своей структуре подразделения по делам несовершеннолетних на транспорте, а также другие подразделения и службы, обеспечивающие правопорядок на объектах транспорта; взаимодействуют со всеми другими субъектами противодействия подростковому «зацепингу»; осуществляют предупреждение и пресечение случаев «трейнсерфинга», используя при этом широкий арсенал методов и средств, в том числе оперативно-поисковых; обеспечивают организацию научное сопровождение деятельности по противодействию «зацепингу» и подготовку соответствующих специалистов; имеют возможность освещения работы полиции, проводимой в этом направлении с привлечением ведомственных средств массовой информации [18; 19].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение роли общественности в противодействии «зацепингу». В частности, её возможности используются для: мониторинга закрытых групп «трэйсерферов» и получения информации о готовящихся или свершившихся фактах «зацепинга», их участниках, а также размещенных в них материалах; участия в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов, направленных на противодействие «зацепингу»; проведения профилактической работы среди несовершеннолетних, с привлечением бывших «зацеперов», их родственников; создания и распространении социальной рекламы, организации просветительской работы среди школьников, соответствующих конкурсов и акций; участия в рейдах и профилактических операциях по выявлению фактов «зацепинга», а также лиц, которые им увлекаются; публичного осуждения этого негативного явления в социальных сетях, средствах массовой информации и др.

Таким образом, противодействие подростковому «трейнсерфингу» является сложной проблемой, в решении которой участвует значительное число субъектов: от государственных органов до представителей общественности.

Преодоления этого негативного явления предусматривает широкую профилактическую работу, целью которой является осознанный отказ подростка от экстремального увлечения, угрожающего его жизни и здоровью, подкрепленный позитивными изменениями в его личности и осознанием своего места в обществе.

Список литературы:

1. Что такое зацепинг и чем он грозит [Электронный ресурс]. – URL: <http://mo-balkanskiy.ru/?p=8521>
2. О внесении изменений в статьи 3.5 и 11.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (об усилении административной ответственности за нарушения правил поведения граждан на железнодорожном транспорте, а также об уточнении пределов штрафов для граждан): Законопроект № 23603-8, пояснительная записка [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/23603-8>. (дата обращения: 10.03.2023)
3. Алексеева А. П., Бабошкин П. И. Понятие противодействия преступности // ЮП. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-protivodeystviya-prestupnosti> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Кирюхин В.А. Административная деятельность полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: теоретико-правовые основы и направления совершенствования: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.14, Москва, 2018. – 36 с.
5. Козаченко И.Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. №1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-protivodeystviya-prestupnosti-ugolovno-pravovoy-i-kriminologicheskij-aspekty>
6. О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
7. О противодействии терроризму: Федеральный закон Российской Федерации от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
9. Федунина Н. Ю. Принципы психологической профилактики травматизма на транспорте (на примере феномена зацепинга) // Психологическая наука и образование. – 2016. – Том 8. – №1. – С. 96-104.
10. Роскомнадзор признал зацеперов самоубийцами [Электронный ресурс]. – URL: <https://primamedia.ru/news/559416/>(дата обращения: 10.03.2023).
11. Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2021 году: Государственный доклад. – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2022, С.143-133.
12. Мобильное приложение «Берегись поезда – Safe Train» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pddrb.ru/mobilnoe-prilozhenie-beregis-poezda-safe-train> (дата обращения: 10.03.2023)
13. «ЦППК» планирует закупить еще шесть электропоездов в Подмоскowie до конца года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/cppk-planiruet-zakupit-eshche-shest-elektropoezdov-v-podmoskove-do-konca-goda> (дата обращения: 10.03.2023).
14. Выявление и расследование преступлений [Электронный ресурс]. – URL: <https://alekssandr.jimdofree.com> (дата обращения: 10.03.2023).
15. Бертовский Л.В. Выявление преступлений, связанных с нарушением правил экономической деятельности // Академическая мысль. 2018. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-prestupleniy-svyazannyh-s-narusheniem-pravil-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.03.2023).
16. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»): Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
17. Попов Л.Л. Правовая основа административно-принудительных мер охраны общественного порядка // Правовые основы обеспечения общественного порядка: Учебное пособие / В.В. Лазарев, Л.Л. Попов, Л.М. Розин. – М., 1987. – 75 с.
18. Типовое положение о линейном отделе Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте: приказ МВД России от 15.06.2011 № 636 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»/
19. Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания: приказ МВД России от 28.03.2015 № 381 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».

Zabroda D.G., Elamkov A.A. The concept, content and actors involved in countering teenage trainsurfing // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 104–111.

The article actualizes the issue of counteracting such a negative hobby of timely teenagers as «trainsurfing» («hooking»). The main approaches to understanding the category of «counteraction to offenses» in jurisprudence and domestic legislation are considered. Taking into account the analysis of scientific publications and regulatory material, it is proposed to understand the activities of state bodies, local governments, organizations and enterprises that ensure the safety of transport infrastructure facilities (primarily rolling stock of railway and urban electric transport), and as well as public organizations and individual citizens aimed at preventing (preventing) their causes and conditions, identifying, preventing and suppressing cases of preparation and

commission of offenses related to violation of the rules for using rolling stock and staying at transport infrastructure facilities. The system of subjects counteracting «hooking» (general, special), the levels of prevention of this type of antisocial behavior, methods for detecting, preventing and suppressing cases of preparation and commission of offenses related to «hooking», etc. are characterized. Attention is drawn to the need for a complex impact on the factors that determine the behavior of adolescents involved in the movement of "hooks", the perception by young people of such behavior as «fashionable», not punishable, monetized, including by increasing legal education, using the possibilities of public response, as well as attraction of modern information and telecommunication technologies.

Key words: hooking, trainsurfing, counteraction, transport offenses, transport infrastructure facilities, electric transport, prevention.

Spisok literatury:

1. Chto takoe zaceping i chem on grozit [E`lektronny`j resurs]. – URL: <http://mo-balkanskiy.ru/?p=8521>
2. O vnesenii izmenenij v stat`i 3.5 i 11.17 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax i stat`yu 1 Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax» (ob usilenii administrativnoj otvetstvennosti za narusheniya pravil povedeniya grazhdan na zheleznodorozhnom transporte, a takzhe ob utocnenii predelov shtrafov dlya grazhdan): Zakonoproekt № 23603-8, poyasnitel`naya zapiska [E`lektronny`j resurs]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/23603-8>. (data obrashheniya: 10.03.2023)
3. Alekseeva A. P., Baboshkin P. I. Ponyatie protivodejstviya prestupnosti // YuP. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-protivodejstviya-prestupnosti> (data obrashheniya: 10.03.2023).
4. Kiryuxin V.A. Administrativnaya deyatel`nost` policii po profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnix: teoretiko-pravovye osnovy` i napravleniya sovershenstvovaniya: avtoref. diss... kand. yurid. nauk: 12.00.14, Moskva, 2018. – 36 s.
5. Kozachenko I.Ya. Modeli protivodejstviya prestupnosti: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty` // Obshhestvo i pravo. 2018. №1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-protivodejstviya-prestupnosti-ugolovno-pravovoy-i-kriminologicheskij-aspekty> (data obrashheniya: 10.03.2023).
6. O protivodejstvii korrupcii: Federal`ny`j zakon Rossijskoj Federacii ot 25.12.2008 g. № 273-FZ [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant».
7. O protivodejstvii terrorizmu: Federal`ny`j zakon Rossijskoj Federacii ot 06.03.2006 g. № 35-FZ [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant».
8. Ob osnovax sistemy` profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii: Federal`ny`j zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant».
9. Fedunina N. Yu. Principy` psixologicheskoy profilaktiki travmatizma na transporte (na primere fenomena zacepinga) // Psixologicheskaya nauka i obrazovanie. – 2016. – Tom 8. – №1. – S. 96-104.
10. Roskomnadzor priznal zaceperov samoubijcami [E`lektronny`j resurs]. – URL: <https://primamedia.ru/news/559416/>(data obrashheniya: 10.03.2023).
11. Zashhita prav potrebitelej v Rossijskoj Federacii v 2021 godu: Gosudarstvenny`j doklad. – M.: Federal`naya sluzhba po nadzoru v sfere zashhity` prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka, 2022, S.143-133.
12. Mobil`noe prilozhenie «Beregis` poezda – Safe Train» [E`lektronny`j resurs]. – URL: <https://pddrb.ru/mobilnoe-prilozhenie-beregis-poezda-safe-train> (data obrashheniya: 10.03.2023)
13. «CzPPK» planiruet zakupit` eshhe shest` e`lektropoezdov v Podmoskov`e do konca goda [E`lektronny`j resurs]. – URL: [https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/cppk-planiruet-zakupit-eshcheshest-elektropoezdov-v-podmoskove-do-konca-goda](https://www.interfax-russia.ru/center/novosti-podmoskovya/cppk-planiruet-zakupit-eshheshest-elektropoezdov-v-podmoskove-do-konca-goda) (data obrashheniya: 10.03.2023)
14. Vy`yavlenie i rassledovanie prestuplenij [E`lektronny`j resurs]. – URL: <https://alekssandr.jimdofree.com>
15. Bertovskij L.V. Vy`yavlenie prestuplenij, svyazanny`x s narusheniem pravil e`konomicheskoy deyatel`nosti // Akademicheskaya my`sl`. 2018. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-prestuplenij-svyazannyh-s-narusheniem-pravil-ekonomicheskoy-deyatelnosti>.
16. O deyatel`nosti organov vnutrennix del po preduprezhdeniyu prestuplenij (vmeste s «Instrukciej o deyatel`nosti organov vnutrennix del po preduprezhdeniyu prestuplenij»): Prikaz MVD Rossii ot 17.01.2006 № 19 [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant».
17. Popov L.L. Pravovaya osnova administrativno-prinuditel`ny`x mer oxrany` obshhestvennogo poryadka // Pravovye osnovy` obespecheniya obshhestvennogo poryadka: Uchebnoe posobie / V.V. Lazarev, L.L. Popov, L.M. Rozin. – M., 1987. – 75 c.
18. Tipovoe polozhenie o linejnom otdel`e Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii na zheleznodorozhnom, vodnom i vozdušnom transporte: prikaz MVD Rossii ot 15.06.2011 № 636 [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant»/
19. Ob organizacii vzaimodejstviya territorial`ny`x organov MVD Rossii na zheleznodorozhnom, vodnom i vozdušnom transporte s in`ymi territorial`ny`mi organami MVD Rossii i razgranichenii ob`ektov operativnogo obsluzhivaniya: prikaz MVD Rossii ot 28.03.2015 № 381 [E`lektronny`j resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy` «Garant».

УДК. 342.727

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Казанцева Е. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Одним из способов реагирования (выражение позиции) лица, группы лиц или общества на определенную проблему в сфере политической, экономической, социальной, культурной жизни всей страны или на территории данного субъекта, и, соответственно, реализации свободы слова человека, является его самостоятельное или совместное участие в публичных мероприятиях (в форме акций, собраний, митингов, шествий, пикетирований, демонстраций). В статье автор, анализируя Федеральный закон Российской Федерации от 19.06.2023 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», выделяет его особенности, пробелы и коллизии. Автор предлагает дополнить закон понятием «массовые мероприятия» закрепив общий правовой порядок его проведения, ответственность лиц за нарушение установленного порядка, причинения вреда его участниками и(или) другим лицам. Цель проведения публичных мероприятий являясь обязательной к указанию при информировании государственных органов о проведении публичных мероприятий, предлагается выделить в отдельную, самостоятельную норму. С целью недопущения участия в несанкционированных публичных мероприятиях обосновывается необходимость законодательного закрепления возрастного ценза – 18 лет для участников публичных мероприятий, которые затрагивают политические и экономической вопросы жизнедеятельности, в том числе и вопросы внешней политики государства. Анализ порядка информирования государственных органов о планировании проведения публичного мероприятия позволяет вести речь о разрешительной форме.

Ключевые слова: собрания, митинги, публичные мероприятия, массовые мероприятия, несанкционированные публичные мероприятия, ассоциации.

Одним из способов реализации свободы слова человека является его самостоятельное или совместное участие в публичных мероприятиях (в форме акций, собраний, митингов, шествий, пикетирований, демонстраций). Несомненно, что проведение публичного мероприятия – это способ реагирования (выражение позиции) лица, группы лиц или общества на определенную проблему в сфере политической, экономической, социальной, культурной жизни всей страны или на территории данного субъекта. Право человека выражать свое мнение закреплено в международном и национальном законодательстве.

Анализ международного законодательства, с учетом тематики нашего исследования, позволяет отметить что, закрепляя такой способ реализации свободы слова человека, законодатель ведёт речь, во-первых, только о «мирных собраниях» (п. 1 ст. 20 Всеобщей декларации прав человека [1], ст. 21 международного пакта «О гражданских и политических правах» [2]); во-вторых, это право может быть ограничено законом в интересах безопасности государства и(или) общества.

Основной закон России не только закрепляет право на свободу слова, но и расширяет его формы, закрепив право «... проводить собрание, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования» (ст. 31 Конституции РФ) [3]. Указанная конституционная ценность реализована в специальном Федеральном законе РФ от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон № 54-ФЗ от 19.06.2004) [4].

Несмотря на наличие законодательных актов в России с 2021 г. наблюдается значительный рост организации и проведения несанкционированных публичных мероприятий. Так согласно официальной статистике в 2022 г. судами рассмотрено 19233 административных дел, возбужденных по ст. 20.2 КоАП РФ (Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), к ответственности привлечено 116652 чел., из них: 13936 чел. понесли наказание в виде штрафа, 2307 – административного ареста. В аналогичный период 2021 г. рассмотрено 18792 административных дел к ответственности привлечено 15601 чел. (12709 чел. понесли наказание в виде штрафа, 2200 – административного ареста). В 2020 г. рассмотрено 3786 административных дел, ответственности привлечено 2454 чел. (3571 человек понесли наказание в виде штрафа, 249 – административного ареста). В 2019 г. рассмотрено 4974 административных дел, ответственности привлечено 4045 чел. (2062 чел. понесли наказание в виде штрафа, 233 – административного ареста) [6].

Первой особенностью является закрепление законодателем закрытого перечня допустимых форм участия граждан в общественных мероприятиях, объединяя их дефиницией «публичные мероприятия», к признакам которой отнесено:

1. Открытость (синоним слова «публичность»), предполагает информирование общества о проведении публичного мероприятия, наблюдение и контроль, со стороны государственных органов, в том числе правоохранительных.

2. «Мирность» или мирно подразумевает, что при проведении мероприятия исключаются негативные действия (к примеру, без насилия, уничтожения и(или) повреждения имущества, пропаганду ненависти и(или) вражды в обществе,) и последствия (к примеру, подрыв авторитета государственных органов, присвоении власти, изменение основ конституционного строя и так далее).

По мнению некоторых ученых «мироность» предполагает «без оружия», по мнению Л.А. Нудненко термины «мирно» и «без оружия» не идентичны, ибо возможно собрание, проводимое без оружия, но отнюдь не мирное, и наоборот. Следует согласиться с автором о необходимости дополнения п. 1 ст. 2 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004, признаком: «без оружия» [6, с. 6-7]. Как нами отмечалось на мирное собрание указывают и международные акты, потому считаем, что признак «мирно» должен выступать принципом проведения публичного мероприятия.

Доступность каждому, предполагает возможность любого субъекта, указанного в законе (гражданина, члена политической партии и(или) общественной организации и(или) религиозной организации) участвовать в мероприятиях, а по достижению установленного возраста быть его организатором. Как отмечено выше, законодатель закрепил только пять форм проведения публичных мероприятий, анализ которых позволяет отметить их массовость, за исключением пикетирования, которое может быть одиночным. При этом самого понятия массового мероприятия в законодательстве нет. Ученые в своих трудах, объектом исследования которых является «публичные мероприятия», «массовые исследования» указывает на их схожесть.

Так по мнению Т. А. Карпенко, понятие «массовые мероприятия» должно включать следующие признакам: присутствие значительного количества людей; должно быть открытым, мирным, доступным; мероприятие должно проводиться в установ-

ленном законом порядке; должно носить общественно-политический, культурно-зрелищный, спортивный, религиозный и иной характер [7]. При этом автор не дает понятия не раскрывает понятие значительное количество людей и дает определение «массовые мероприятия».

Т.И. Мараева массовое мероприятие представляют собой высокоорганизованные действия массы людей, проводимые в общественных местах с целью выражения своего мнения по различным направлениям общественной жизни и включая такие основные признаки как: количество участвующих граждан; наличие общественного места; организованность его проведения; общая цель [8]. На импонирует определение, указанное В.П. Фармоном: «массовое мероприятие – это организованное действие (совокупность действий), совершающееся в общественных местах, с участием больших масс (групп) людей в целях удовлетворения их потребностей в экономической, политической, социально-культурной, духовной и других сферах» [9].

С учетом изложенного выше, а также анализа иных научных трудов в данном направлении, несомненно следует отметить схожесть понятий «массовые мероприятия» и «публичные мероприятия». При этом необходимо согласится с некоторыми учеными, например, А.А. Джагарян и Н.В. Джагарян [10], О. И. Рубцовым [11], о недопущении смешения понятий, поскольку последняя дефиниция включает в себя ряд процедур, условий для их реализации.

Мы считаем, что дефиниция «массовые мероприятия» является родовым понятием, а «публичные мероприятия» видовым, иными словами разновидностью массовых мероприятий. На основании изложенного, считаем необходимым:

1) дополнить ст. 2 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004, пунктом 10 понятием «массовые мероприятия –это организованное действие (совокупность действий), совершающееся в общественных местах, с участием больших масс (групп) людей в целях удовлетворения их потребностей в экономической, политической, социально-культурной, духовной и других сферах»;

2) предусмотреть в Федеральном законе № 54-ФЗ от 19.06.2004 нормы, закрепляющие общий правовой порядок проведения «массовых мероприятий», и ответственность лиц за нарушение его проведения, или причинения вреда его участниками и(или) другим лицам.

Указанные дополнения, по нашему мнению, будут способствовать улучшению общественно порядка. Второй особенностью является закрепление закрытого перечня целей проведения мероприятия, к которым отнесено: свободное выражение мнения; влияние на формирование мнения; выдвижение требований; встреча депутата законодательного (представительного) органа государственной власти с избирателями и информирование о своей деятельности; встреча депутата представительного органа муниципального образования с избирателями (п. 1 ст. 2 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004).

Несмотря на закрытость перечня закрепленные цели затрагивают такие сферы жизнедеятельности нашей страны как: политическую, экономическую, социальную, культурную, а также сферу внешней политики. В обязательном порядке она [цель] указывается в уведомлении, и должна быть «...определенной и не допускающей ее произвольного или неоднозначного толкования, а также отражать планируемый результат проведения публичного мероприятия» (абз. 2 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28) [12].

По нашему мнению, законодателю необходимо выделить цель проведения публичных мероприятий в отдельную, самостоятельную норму, например, предусмотрев ст. 3.1. «Цель проведения публичных мероприятий», так как она указана в дополнении понятия «публичное мероприятие», но при этом является обязательным признаком в уведомлении.

Третьей особенностью является определение и закрепления только двух принципов проведения публичного мероприятия: законность и добровольность.

Несмотря на то, что принцип «законность» является очень обширным и включает в себя различные направления, и соответственно, характеристики, считаем необходимым выделить такой принцип как «согласованность» («разрешительность»), так как он является, во-первых, отличительным признаком от понятия «массовые мероприятия», а во-вторых, неотъемлемым, самостоятельным условием для организации и проведения мероприятия. И как указано нами выше, ст. 3 Федерального закона № 54-ФЗ от 19.06.2004, должна быть дополнена таким принципом как «мирно».

Четвертой особенностью правового регулирования публичного мероприятия является их субъекты: участники и организаторы мероприятия с одной стороны и государственные органы – с другой стороны.

Согласно буквальному толкованию ст. 5 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 отметим, что организатором публичного мероприятия может быть, во-первых, только гражданин России (1 или несколько), а во-вторых, закрепленный законодателем возраст организатора зависит от формы мероприятия. Так если планируется проведение демонстрации, шествия или пикетирования – организатором может быть лицо, достигшее 18 лет, а если планируется проведение митингов или собраний – организатором может выступить лицо(лица) достигшие 16 лет.

Проведенный анализ нормы, позволяет отметить пробел законодательства (в частности ст. 5 Федерального закона № 54-ФЗ от 19.06.2004), так организатором проведения встречи депутата с избирателями (цель мероприятия указана в п. 1 ст. 2 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004) является только депутат, иными словами специальный субъект правоотношений, а он как организатор не указан в законе.

Также считаем, что специальным субъектом – организатором публичного мероприятия является и лицо, представляющее интересы общественных организаций, так как оно наделено правом представлять юридическое лицо, и это право [представительства] должно быть указано в учредительных документах

Мы считаем, что организатором публичного мероприятия в сфере политической, экономической и внешней политики государства, может выступать только гражданин России, который достиг 21 года. Такая позиция основана непосредственно из-за цели мероприятия и ответственности, так как считаем, что организовывать мероприятия по выражению своего и своих единомышленников мнение, выдвигать требования или пытаться влиять на формирования мнения в указанных сферах может только лицо, которое имеет минимальный жизненный опыт как совершеннолетнее лицо и(или) профессиональное образование (любое). К тому же организатор несет ответственность за ненадлежащую организацию и проведение мероприятия, и должен четко реагировать, в случае, например, если на мероприятие прибыло больше людей чем указано в заявке, ведь на него ложиться обязанность обеспечить дополнительную безопасность [12] не только участников мероприятия, но и других лиц, которые могут находиться на маршруте прохождения мероприятия.

Организатором публичного мероприятия в социальной или культурной сфере, по нашему мнению, может выступать гражданин России, который достиг 18 лет.

Что касается граждан, как участников публичного мероприятия, законодатель выделил четыре группы: 1) граждане России; 2) члены политической партии(й); 3) члены общественной организации; 4) члены религиозных объединений (п. 1 ст. 6 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004). Несмотря на то, что право собираться мирно – это право на свободу слова каждого человека, мы считаем, что законодателью необходимо установить возрастной ценз (18 лет) для участников публичных мероприятий, которые затрагивают политические и экономической вопросы жизнедеятельности, в том числе и вопросы внешней политики государства. Это связано не только с психологическим развитием несовершеннолетних, но и массовым их участие в несанкционированных публичных мероприятиях [13, с. 52-54].

Как следует из норм Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004, самостоятельно гражданин России, и соответственно, несовершеннолетний может публично выдвигать требования только в форме пикетирования. Отсюда следует, что несовершеннолетний участник пикетирования, становится его организатором, при этом законодателем закреплено, что организатором пикетирования может быть только лицо, которое достигло 18 лет, а вот шестнадцатилетний гражданин может заниматься организацией только митингов и(или) собраний (ч. 1 ст. 5).

Анализируя понятий ассоциации и союза, следует отметить, что легальное определение дефиниции «ассоциация (союз)» закреплено в гражданском законодательстве (п. 1 ст. 123.8 Гражданского кодекса РФ): «Ассоциацией (союзом) признается объединение юридических лиц и (или) граждан, основанное на добровольном или в установленных законом случаях на обязательном членстве и созданное для представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных целей, а также иных не противоречащих закону и имеющих некоммерческий характер целей» [14]. Иными словами, ассоциация – это объединение лиц одного рода деятельности. В Федеральном законе от 12.01.1996 № 7-ФЗ [15], который закрепляет правовое регулирование некоммерческих организаций, в том числе ее формы, одной из которых является ассоциация (союз), и дается подобное гражданскому законодательству определение, каких-либо требований к возрасту его участников не содержится. Что касается дефиниции «собраний», то его легальное определение в законодательстве отсутствует. В толковом словаре Ожегова «собрание» рассматривается как совместное присутствие граждан, членов коллектива для обсуждения и принятия решения по какому-либо вопросу.

Таким образом, основным признаком ассоциации (союза) и(или) собрания является множество лиц. При этом «множество» следует понимать, как три и более участника – члены одного коллектива ассоциаций (союзов), собраний являются участниками. Следовательно, участвовать в публичных мероприятиях несовершеннолетние могут как участники политической партии или религиозного объединения, или общественной организации.

Деятельность политических партий регулируется Федеральным законом РФ от 11.07.2001 № 95-ФЗ [16], анализ которого, с учетом тематики нашего исследования, позволяет отметить, что: во-первых, политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан России: в политической жизни общества; в общественных и политических акциях; в выборах и референдумах; представ-

лении интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления (ст. 3). Во-вторых, членами политических партий могут быть только граждане России, достигшие 18 лет (ч. 2 ст. 23), каких-либо исключений из указанного правила нет. В-третьих, организовывать и проводить публичные мероприятия – это право членов политических партий, закреплённое в пункте д) ч. 1 ст. 26 Федеральным законом РФ от 11.07.2001 № 95-ФЗ.

Религиозные объединения – это добровольное объединение граждан, созданные для совместного исповедования и распространения веры (ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ [17]). Участником религиозных организации может быть гражданин достигших возраста восемнадцати лет и постоянно проживающих на территории субъекта, где зарегистрирована религиозная организация (ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ). При этом какого-либо норм, закрепляющих право на организацию и проведение и(или) участия в публичных мероприятиях Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ не содержит.

По нашему мнению, это право выходит из сути создания и функционирования религиозных объединений, следовательно, участником политических партий и(или) религиозных объединений несовершеннолетний быть не может, так как законодательство содержит указание на возрастной ценз – «восемнадцать лет».

Правовое регулирование общественных организаций, регулируется Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ [18], в котором закреплено, что граждане, достигшие 14 лет, могут быть членами и участниками молодежных общественных объединений, а достигшие 8 лет, могут быть членами и участниками детских общественных объединений (ст. 19). В тоже время ни сам Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ ни иное законодательство не раскрывает понятия молодежных и(или) детских общественных объединений, что является большим недостатком в правовом регулировании участия несовершеннолетних в общественных объединениях. При этом, исходя из толкования ст. 4 данного закона молодежные объединения включают граждан в возрасте от 18 до 35 лет, характеризуя детские объединения, законодатель указал только верхний возрастной предел – 14 лет. С учётом требований, закреплённых в ст. 19 данного закон, считаем, что детские объединения предусматривают участие несовершеннолетних граждан в возрасте от 8 до 14 лет.

Следует отметить, что в законодательстве отсутствует перечень типов детских общественных объединений, ученые и практики к ним относят: секции, клубы, команды, бригады, скаутов и т.п. Каждое такое объединение самостоятельно принимает решение о минимальном возрасте несовершеннолетних, как участников и членов их объединения (с обязательным закреплением в учредительных документах).

Пятой особенностью является закрепление «уведомительного» или «разрешительного» характера публичного мероприятия. Так, ст. 7 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 содержит четкие требования к порядку направления уведомления.

Как показывает судебная практика, споры по организации проведения публичных мероприятий возникают разные. Так наиболее распространёнными являются споры о пропуске сроков уведомления государственных органов о проведении публичных мероприятий. Анализ норм указанного закона, регулирующего сроки в сфере организации и проведения публичных мероприятий, позволяет отметить из противоречия специальным законом и гражданским законодательством в части окончания срока принятия уведомления если он совпадает с нерабочим (праздничным)

днем. Так по гражданскому законодательству он (срок) наступает на следующий рабочий день (ст. 193 Гражданского кодекса РФ), а согласно норм Федерального закона № 54-ФЗ от 19.06.2004 – в последний рабочий день, предшествующий нерабочему (праздничному) дню, при этом для государственного органа, согласно п. 2 ч. 1 ст. 12 закона – этот срок заканчивается в следующий рабочий день. На наш взгляд, необходимо привести законодательство к единообразию, в том числе с гражданским законодательством.

Следующим, наиболее спорным вопросом, является место и время проведения мероприятия, которое должно быть согласовано. На наш взгляд, в большинстве случаев органы исполнительной власти правы, вносят свои коррективы по времени или по месту проведения мероприятия, или отказывают в согласовании приводя различные доводы. Это связано с тем, что публичные мероприятия могут ограничивать права лицам проживающих в районе проведения мероприятия, но и жизни общества, города и так далее (к примеру проведение мероприятия ограничивает в передвижении лиц и их транспорта, нарушает тишину и так далее). Ведь каждое публичное мероприятие проходит в общественных местах, т.е., требует от органов исполнительной власти обеспечить надлежащий уровень общественной безопасности, на который несомненно влияет время и место проведения мероприятия.

Анализ статистики проведения мероприятий позволяет отметить, что они планируются непосредственно в местах массового скопления людей. Это, как говорят эксперты, связано с возможностью вовлечения большинства масс людей в свои взгляды, идеи. И в тоже время накладывает на правоохранительные органы и органы исполнительной власти обязанности по обеспечения правопорядка во время проведения публичного мероприятия, в том числе возможные ограничения в работе юридических лиц и(или) индивидуальных предпринимателей, которые осуществляют свою деятельность в местах проведения публичного мероприятия.

Непосредственно обязанность исполнительного органа, закрепленная в ст. 12 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004, указывает на *разрешительный характер* правоотношений, который состоит из двух уведомлений: первое уведомление направляется заявителю о получения заявки на проведения публичного мероприятия, второе – о согласовании его проведения, в том числе изменение по времени, месту и так далее.

Из анализа судебной практики следует, что судебные споры затрагивают вопросы о нарушении права на свободу мирных собраний и об оспаривании отказа в проведении митинга. К примеру, основания об отказе в проведении мероприятия, указано на ранее поданную заявку иным лицом на это же время и место в городе. При этом, ответчиком указано, что «проведение нескольких публичных мероприятий в одном месте и в одно время законом не предусмотрено и невозможно по соображениям безопасности...». Однако суд счел доводы не обоснованными и нарушающими конституционное право человека, потому решение было отменено [19].

Достаточно и споров, связанных с запретом (несогласованием) проведения мероприятий на определенной территории. В ст. 8 Федерального закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 определены общественные места (обобщенные) на которых допускается проведение публичных мероприятий, а также четко обозначены места, на которых проведение мероприятий запрещено. В тоже время законодатель предоставляет права субъектам России конкретизировать на территории субъекта (города, городской

территории) правовой режим проведения публичных мероприятий, который должен соответствовать Основному закону России. При этом законодательство субъектов не должно ограничивать прав и свобод человека и гражданина в иной форме, нежели федеральный закон [20]. Законодательство субъектов предусматривая ограниченные места для проведения публичных мероприятий, должно основываться «... исключительно на основе учета объективных региональных особенностей и условий, не нашедших отражения в федеральных законах, и подразумевает недопустимость произвольного пространственно-территориального ограничения права на свободу мирных собраний...» [21]. В случае если основание отказа в удовлетворении права на организацию и проведения публичных мероприятий является нарушение норм законодательства субъектов в данной сфере, граждане имеют право обжаловать такие решения, и как позволяют отметить анализ судебной практики Верховные Суды Российской Федерации защищают права граждан признавая недействующими нормы законов субъектов России [22].

На основании изложенного выше, отметим, что, если организаторы публичного мероприятия не получили полного согласования, как-то во времени, месту, количеству участников, с органами исполнительной власти, его проведение признается несанкционированным, а организаторы и участники привлекаются к ответственности. Несомненно, что несанкционированные публичные мероприятия под лозунгом «реализация права на мирные собрания» представляют собой существенную опасность, так как: 1) характеризуются наличием большого количества участников, при этом в последнее время вовлечением несовершеннолетних в такие мероприятия [23]; 2) проводятся на достаточно ограниченной территории и часто на территории, вызывающей трудности в проведении мероприятий по охране общественной безопасности правоохранительными органами; 3) сопровождаются повреждением имущества граждан и юридических лиц. Принимая во внимание требование законодателя, мы считаем, что есть три вида несанкционированных мероприятий, при этом первый, по нашему мнению, является самым распространенным: 1) территориальное несанкционированное мероприятие, то есть его проведение в запрещенном или несогласованном общественном месте; 2) временное несанкционированное мероприятие – организация и его проведение осуществляется в запрещенное или несогласованное время; 3) объемное несанкционированное мероприятия – организация и его проведение осуществляется по несогласованному и(или) допустимому количеству участников.

Таким образом, проведенное исследование позволяет отметить отдельные проблемы и пробелы правового регулирования организации и проведения публичных мероприятий в современной России, что указывает на необходимость дальнейшего реформирования законодательства.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Конституция Российской Федерации (12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

4. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Судебная статистика РФ (административное законодательство). [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 15.06.2023).
6. Нудненко, Л. А. Проблемы правового регулирования конституционного права гражданина России на публичные мероприятия // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 6. – С. 6-11
7. Карпенко Т.А. Определение понятия "массовые мероприятия" в историческом аспекте // История государства и права. - М.: Юрист, 2014, № 5. - С. 33-37.
8. Мараев Темирхан Идрисович К вопросу о разграничении понятий "массовое мероприятие" и "публичное мероприятие" // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-ponyatiy-massovoe-meropriyatie-i-publichnoe-meropriyatie> (дата обращения: 06.06.2023).
9. Фармон, В.П. Обеспечение правопорядка в ходе массовых мероприятий / Вестник МВД России. 2007. № 1.
10. Армен, Д. Диалог и язык невыслушанных: ценность и пределы свободы собраний / Д. Армен, Д. Наталья // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 4(107). – С. 13-31.
11. О. И. Рубцов. Понятие и признаки публичного мероприятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-publichnogo-meropriyatiya>.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Официальный интернет-портал правовой информации.
13. Рыбалка, Е. А. Особенности участия несовершеннолетнего в общественных объединениях / Е. А. Рыбалка, Е. В. Казанцева // Философия права. – 2023. – № 3(106). – С. 47-54.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации.
15. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О некоммерческих организациях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
16. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О политических партиях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Официальный интернет-портал правовой информации.
18. Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
19. Определение № 33А-913/2017 от 20 июня 2017 г. по делу № 33А-913/2017 (Псковский областной суд (Псковская область) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/MLMce1aSY0QR/>
20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2020 года № 27-П Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
21. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации № 117-КАД21-12-К4 от 24 ноября 2021 года // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2064962 (дата обращения: 05.06.2023).
22. Казанцева, Е. В. Особенности профилактической работы ОВД, направленной на предупреждение участия несовершеннолетних в несанкционированных публичных мероприятиях / Е. В. Казанцева // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплунов, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 938-945.

Kazantseva E. V. Features of the legal regulation of the organization and conduct of public events in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 112-121.

One of the ways of reacting (expressing the position) of a person, group of persons or society to a certain problem in the sphere of political, economic, social, cultural life of the whole country or on the territory of this subject, and, accordingly, the realization of a person's freedom of speech, is his independent or joint participation in public events (in the form of actions, meetings, rallies, processions, picketing, demonstrations). In the article, the author, analyzing the Federal Law of the Russian Federation dated 06/19/2023 No. 54-FZ "On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing", highlights its features, gaps and collisions. The author proposes to supplement the law with the concept of "mass events" by fixing the general legal procedure for its conduct, the responsibility of persons for violating the established procedure, causing harm to its participants and (or) other persons. The purpose of holding public events, being mandatory to be specified when

informing state bodies about holding public events, it is proposed to separate it into a separate, independent norm. In order to prevent participation in unauthorized public events, the necessity of legislating the age limit of eighteen years for participants of public events that affect political and economic issues of life, including issues of foreign policy of the state, is justified. An analysis of the procedure for informing state bodies about the planning of a public event allows us to talk about a permissive form.

Keywords: meetings, rallies, public events, mass events, unauthorized public events, associations.

Spisok literatury:

1. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // Ros-sijskaya gazeta. № 67. 1995.
2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii General'noj Assambleej Organizacij Ob'edinennyh Nacij // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (12.12.1993) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
4. Federal'nyj zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ (red. ot 05.12.2022) «O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
5. Sudebnaya statistika RF (administrativnoe zakonodatel'stvo). [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: URL: <https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/1> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
6. Nudnenko, L. A. Problemy pravovogo regulirovaniya konstitucionnogo prava grazhdanina Rossii na publichnye meropriyatiya / L. A. Nudnenko // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2006. – № 6. – S. 6-11
7. Karpenko T.A. Opredelenie ponyatiya "massovye meropriyatiya" v istoricheskom aspekte // Istoriya gosudarstva i prava. - M.: YUrist, 2014, № 5. - S. 33-37.
8. Maraev Temirhan Idrisovich K voprosu o razgranichenii ponyatij "massovoe meropriyatie" i "publichnoe meropriyatie" // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-razgranichenii-ponyatiy-massovoe-meropriyatie-i-publichnoe-meropriyatie>
9. Farmon, V.P. Obespechenie pravoporyadka v hode massovyh meropriyatij / Vestnik MVD Rossii. 2007. № 1.
10. Armen, D. Dialog i yazyk nevyslushannyh: cennost' i predely svobody sobranij / D. Armen, D. Natal'ya // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. – 2015. – № 4(107). – S. 13-31.
11. O. I. Rubcov PONYATIE I PRIZNAKI PUBLICHNOGO MEROPRIYATIYA // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-publichnogo-meropriyatiya> (data obrashcheniya: 05.06.2023).
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.06.2018 № 28 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih u sudov pri rassmotrenii administrativnyh del i del ob administrativnyh pravonarusheniyah, svyazannyh s primeneniem zakonodatel'stva o publichnyh meropriyatiyah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii.
13. Rybalka, E. A. Osobennosti uchastiya nesovershennoletnego v obshchestvennyh ob'edineniyah / E. A. Rybalka, E. V. Kazanceva // Filosofiya prava. – 2023. – № 3(106). – S. 47-54.
14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 14.04.2023) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
15. Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 № 7-FZ (red. ot 19.12.2022) «O nekommercheskikh organizaciyah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
16. Federal'nyj zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ (red. ot 05.12.2022) «O politicheskikh partijah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Federal'nyj zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 29.12.2022) «O svobode sovesti i o religioznyh ob'edineniyah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
18. Federal'nogo zakona ot 19.05.1995 № 82-FZ «Ob obshchestvennyh ob'edineniyah» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
19. Opredelenie № 33A-913/2017 ot 20 iyunya 2017 g. po delu № 33A-913/2017 (Pskovskij oblastnoj sud (Pskovskaya oblast') // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/regular/doc/MLMce1aSY0QR/>
20. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 4 iyunya 2020 goda № 27-P Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.gov.ru>
21. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii № 117-KAD21-12-K4 ot 24 noyabrya 2021 goda // http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2064962 (data obrashcheniya: 05.06.2023).
22. Kazanceva, E. V. Osobennosti profilakticheskoy raboty OVD, napravlennoj na preduprezhdenie uchastiya nesovershennoletnih v nesankcionirovannyh publichnyh meropriyatiyah / E. V. Kazanceva // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 24 marta 2023 goda / Pod obshchej redakciej A.I. Kaplunova, sost.: A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E.H. Mamedov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2023. – S. 938-945.

УДК 342 (343)

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО
ОБРАЩЕНИЯ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Капанова Ю. В., Капанов А. В.

В статье рассматриваются теоретические и правовые основы профилактики жестокого обращения с несовершеннолетними в Российской Федерации. Авторы рассматривают научные подходы к определению и содержанию жестокого обращения с несовершеннолетними, правовую регламентацию профилактики жестокого обращения с несовершеннолетними на основе российского национального и международного законодательства. Авторы анализируют практику применения российского законодательства по вопросам профилактики жестокого обращения и приходят к выводу о необходимости закрепления в нормативных правовых актах определения жестокого обращения с несовершеннолетними, а также его форм. Предлагается авторская формулировка жестокого обращения, как системы насильственных действий различного характера, осуществляемых одними лицами по отношению к другим, находящимися либо в зависимом, ином близком общении, либо в определенном статусе (члены семьи, пожилые люди, пациент и др.). В рамках рассмотрения жестокого обращения с несовершеннолетними предлагается различать как активное физическое и психическое насилие, так и пассивное жестокое обращение (напр., пренебрежение интересами, отсутствие заботы и мн.др.), равно как и оставление в опасности. На основе изучения большого массива научной литературы предлагается собственная классификация форм жестокого обращения с несовершеннолетними. Обосновывается необходимость отграничения жестокого обращения со стороны совершеннолетних в отношении ребенка, а также жестокого обращения между несовершеннолетними. В заключение исследования авторы излагают отдельные предложения по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, права ребенка, защита, детствобережение, профилактика, здоровье, честь, достоинство, жестокость, жестокое обращение, формы жестокого обращения, насилие, буллинг, административная ответственность, уголовная ответственность.

В настоящее время защита детства и юношества от жестокого обращения выступает необходимым условием существования и стабильного развития государства. В различные периоды истории общество неодинаково относилось к детству. Долгое время права ребенка не признавались, и, соответственно, не защищались. В древнем мире представление о ценности ребенка, его роли в семье не было высоко. Двойственное отношение к ребенку было обусловлено дефицитом средств к существованию, условиями и образом жизни различных народов, в том числе практиками насильственных обрядов, жертвоприношений, инфантицида (убийств новорожденных), либо оставления ребенка в опасном положении как форм контроля над рождаемостью, а также применения физических наказаний, сексуального насилия, тяжелого труда как разновидности нормы и др. [1, с. 40]. В условиях высокой младенческой смертности и большого количества рождающихся детей, скудных условий для выживания невозможно было ожидать уважения к жизни, правам ребенка как ценности. Развитие общества, государства и общественных отношений поменяло отношение к правам ребенка. Физическое, умственное, духовное, нравственное и социальное развитие несовершеннолетнего, а также его жизнь и здоровье в большинстве стран мира находится под особой охраной государства.

Несовершеннолетние в Российской Федерации выступают особо охраняемой и защищаемой группой населения. Защита несовершеннолетних, их жизни, прав и

свобод, в рамках государственной политики нашего государства выступает приоритетным направлением в контекстах развития таких ее разновидностей как демографической, молодежной, семейной, образовательной, культурной, уголовной, административной и других видов политик.

Термин «жестокое обращение» хотя и используется в научном обороте, в нормативных правовых актах, как национальных, так и международных, тем не менее, представляет собой больше оценочное понятие, в содержание которого вкладывается различный смысл. Осложняется вопрос рассмотрения содержания данного явления так же тем обстоятельством, что изучается понятие жестокое обращение не только в рамках правовых наук, но и в психологии, социологии. Обращали свой взор на жестокость в ее различных проявлениях и философы, такие как Аристотель, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Никколо Макиавелли, Томас Гоббс и др. Философы в разные эпохи не одинаково трактовали жестокое обращение, даже оправдывали жестокость, сочетали его с понятием «сила», «зло», «грех», рассматривали его в аспектах определения граней дозволенного [2, с. 32].

Согласно толкового словаря этимология термина «жестокий» связана со словом «жесткий», заимствовано от старославянского «жестый», что означало твердый. «Жесткий» – твердый, черствый, грубый, суровый, производный от него термин «жестокий», ныне употребляемый в переносном значении как немилосердный, чаще в настоящее время трактуется как: суровый, тяжкий, безжалостный, мучительный, невыносимый [3, с. 536]. Очевидно, что жестокое обращение имеет негативную коннотацию, некоторые авторы, описывая данное явление, предлагали называть его плохим обращением с детьми [4, с. 168-169]. Анализируя современные работы по юриспруденции и психологии, социологии, философии, следует сделать вывод, что в трудах всех исследователей просматривается сопряжение жестокого обращения и насилия в межличностных отношениях, что указывает на их взаимообусловленность, тесную связь, необходимость их рассмотрения в совместном контексте.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что исходная трактовка понятия «жестокое обращение» основывается на его признании как недопустимом поведении в отношении к детям, поскольку любые формы насилия выходят за рамки гуманистической морали. «Мораль и насилие изначально, по определению исключают друг друга» [5, с. 19-27]. Представляется, жестокое обращение следует рассматривать как многоаспектное явление, имеющее место во взаимоотношениях людей, представляющее собой систему насильственных действий различного характера, осуществляемых одними лицами по отношению к другим, находящимися либо в зависимом, ином близком общении, либо в определенном статусе (члены семьи, пожилые люди, пациент и др.).

Впервые в нормативных правовых актах СССР термин «жестокое обращение с детьми» как конкретное юридическое понятие появился в Кодексе о браке и семье РСФСР в 1968 г. В нем жестокое обращение с детьми было включено в перечень оснований для лишения родительских прав, но содержание самого понятия не раскрывалось. Разъяснение этого понятия для семейного было дано в п. 14 постановления № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 7 декабря 1979 г. «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», которое впоследствии без существенных изменений было перенесено в п. 11 Постановления № 10 Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. «О примене-

нии судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [6]. Жестоким обращением признавалось только такое нарушение прав ребенка посредством насильственных действий, которое не подпадало под его квалификацию как уголовно наказуемого.

Защита несовершеннолетних от жестокого обращения в Российской Федерации базируется на нормах Конституции РФ 1993 г. [7], общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договоров Российской Федерации, а также нормах федеральных и иных нормативных правовых актов.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, человек, его права и свободы выступают высшей ценностью, обязанность государства состоит в их признании, соблюдении и защите. Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации материнство и детство находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание одновременно и право, и обязанность родителей. В соответствии с ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации дети признаются в качестве важнейшего приоритета государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважению к старшим, а также в установленных законом случаях берет на себя обязанности родителей детей, оставшихся без попечения.

В целях конкретизации положений Основного закона в аспектах различных видов защиты детей и детства, создания благоприятных условий для каждого ребенка, в том числе противодействия жестокому обращению, дискриминации и насилия в отношении несовершеннолетних, в российском законодательстве принят ряд нормативных правовых актов, их условно можно поделить на две группы.

К первой группе помимо Конституции РФ, можно отнести такие нормативные правовые акты, в которых осуществляется регулирование общих условий безопасности семьи, материнства и детства: Федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [8]; Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [9]; Указ Президента РФ от 09.11.22 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10]; Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [11]; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности» [12]; Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [13].

Ко второй следует отнести нормативные правовые акты, в которых устанавливаются положения, направленные на профилактику семейного неблагополучия, способствующие защите ребенка от различных негативных воздействий, в том числе от жестокого обращения: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [14]; Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223 [15]; Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» [16]; Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении

несовершеннолетних граждан» [17]; УК РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ст.156) [18]; КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ст.ст. 5.36, 5.37, ч. 1, ч.2 ст. 6.10) [19].

Таким образом, создана целостная система, на основе которой реализуется законодательно утвержденная российская семейная политика детствосбережения. К главным задачам которой, в том числе относится, обеспечение для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения, в условиях которого соблюдаются права ребенка и исключены любые формы жестокого обращения с ним. А также обеспечение профилактики семейного неблагополучия, основанной на его раннем выявлении, индивидуализированной адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе, приоритете воспитания ребенка в родной семье.

Рассматривая международные источники, следует отметить, что к ним следует отнести как общие, посвященные защите прав человека в целом, так и специальные направленные на защиту детей. К первым следует относить Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, а ко вторым, в контексте обеспечения защиты прав детей – Конвенцию «О правах ребенка» и ряд иных. Согласно ст. 19 Конвенции «О правах ребенка» [20], все участники конвенции, к числу которых относится и Российская Федерация, должны принимать все возможные меры для защиты детей от применения любых форм насилия.

Защита семьи, материнства, отцовства и детства, а также создание условий для достойного воспитания детей в семье согласно п. ж.1) ст. 72 Конституции Российской Федерации относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В рамках реализации государственной политики в области защиты и профилактики нарушения прав несовершеннолетних в каждом субъекте Российской Федерации принимается комплекс нормативных правовых актов, вносящих определенный вклад в противодействие жестокому обращению с детьми. Так, например, в Ростовской области приняты в рамках мер по реализации положений ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» принят закон Ростовской области от 16.12.2009 № 346-ЗС «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» [21].

В настоящее время в российском законодательстве понятие «жесткое обращение» используется в целом ряде нормативных правовых актов, но его содержание так же не конкретизируется, лишь подразумевается, что в том или ином случае ребенку наносится вред, ущерб, как например, в рамках Семейного Кодекса Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Согласно семейного законодательства родители имеют преимущественное право на воспитание своего ребенка, однако не должны допускать нарушения его прав, свобод и интересов [22]. В соответствии со ст. 69 Семейного кодекса РФ родители, в случае фиксации надлежащими субъектами жестокого обращения с детьми, могут быть судом лишены родительских прав [23]. Данный термин выступает критерием определения особо трудной жизненной ситуации, в которой несовершеннолетнему оказывается приоритет при предоставлении социальных услуг, согласно положений Федерального закона «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [24].

ской Федерации» [24], либо критерием отнесения к семье, находящейся в опасном положении, согласно положений Федерального закона «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Вместе с тем, имеющаяся фактическая неопределенность в определении понятия «жестокое обращение», как указывали многочисленные исследователи данного вопроса [25] затрудняет применение тех или иных норм на практике.

В рамках ст. 156 УК РФ, предусматривается ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего соединенное с жестоким обращением. Следует отметить, что в указанной норме определение жестокого определения законодатель не раскрывает.

В данном случае жестокое обращение как насильственная форма взаимодействия с ребенком опосредуется через такую форму как воспитание. Соответственно носителями такого насильственного воздействия, либо воздействия, причиняющего ущерб здоровью могут быть только совершеннолетние. Таким образом, следует выделять такие разновидности как: семейное жестокое обращение со стороны родителей, иных родственников, бытовое жестокое обращение со стороны лиц, осуществляющих опеку, присмотр в рамках образовательных и воспитательных учреждений, оздоровительных лагерей и др.

Хотя если рассматривать жестокое обращение как форму взаимодействия между людьми, выражающуюся в определенном насильственном воздействии на несовершеннолетнего, и его такую его разновидность, которая проявляется в подростковой среде между сверстниками, то отдельно следует различать школьное жестокое обращение. В данном случае посредством жесткого обращения может быть причинен вред не только здоровью, но и чести, а так же достоинству несовершеннолетнего, которые, как отмечается, выступают важнейшим неотчуждаемым благом каждого с момента рождения [26]. Оно может включать систематические либо одиночные приемы физического, либо психологического негативного воздействия на ребенка, в том числе буллинг, травлю, игнорирование и др. За ущерб несовершеннолетнему, причиняемый в рамках школьного жестокого обращения, российское законодательство не устанавливает ответственности. Вербальное психологическое насильственное воздействие несовершеннолетнего правонарушителя при достижении им 16 лет скорее будут квалифицировано как оскорбление ст.ст. 2.3, 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), либо хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), к родителям будут применены меры за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей ст. 5.35 КоАП РФ.

Согласно практике применения ст. 156 УК РФ не только психическое, физическое воздействие на несовершеннолетнего в различных формах, сопряженное с насилием над личностью, подпадают под его квалификацию как жестокого, насильственного обращения. Но и не выполнение надлежащих воспитательных обязанностей, влекущих вред для жизни, психического, физического здоровья и развития ребенка признается таковым, в целом, подпадает под изначальное определение «жестокое обращение» как недопустимого подведения в отношении несовершеннолетнего.

Согласно судебной практике Российской Федерации вред может быть физический, психологический, иметь и иные проявления. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 года № 10 «О применении судами законода-

тельства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей», суд указал, что жесткое обращение с детьми может выражаться не только в осуществлении родителями физического или психического насилия по отношению к ним, либо в покушении на половую неприкосновенность, но и в том числе в применении недопустимых способов воспитания, в виде грубого, пренебрежительного, унижающего человеческое достоинство обращения с детьми, оскорбления или эксплуатации. Согласно Пленуму Верховного Суда РФ выделяются следующие формы жестокого насилия: физическое насилие, психическое насилие, покушение на половую неприкосновенность, применение недопустимых способов воспитания.

Здесь следует отметить существующие подходы к данному опросу в рамках международного права. Так, согласно Конвенции ООН «О правах ребенка», к формам проявления жестокого обращения следует относить: все формы физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление (п. 1 ст. 19); экономическую эксплуатацию, привлечение несовершеннолетних к любым работам опасным для его здоровья, препятствующим получению им образования, либо наносящим ему ущерб в плане здоровья физического, умственного, духовного, морального и социального развития (п. 1 ст. 32); все формы сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (ст. 34); а так же все иные формы, наносящие ущерб какому-либо виду благосостояния ребенка (ст. 36).

Одним из итогов совещания Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ) в 1999 г. стало следующее определение: «жестокое обращение с детьми — это все формы физического и/или эмоционального плохого обращения, сексуальное насилие, отсутствие заботы, пренебрежение, торговля или и другие формы эксплуатации, способные привести или приводящие к фактическому ущербу для здоровья ребенка, его выживания, развития или достоинства в контексте отношений ответственности, доверия или власти» [27]. Позже, в 2014 г. ВОЗ определила жестокое обращение как «... плохое обращение с детьми в возрасте до 18 лет и отсутствие заботы о них. Оно охватывает все типы физического и эмоционального жестокого обращения, сексуального насилия, пренебрежения, невнимания и эксплуатации в коммерческих и иных целях, что приводит к нанесению реального или потенциального вреда здоровью, выживаемости, развитию или достоинству ребенка» [28].

Очевидно, что в силу большого перечня вреда, ущерба, который может быть причинен несовершеннолетнему насильственными действиями (бездействиями) взрослого, сложности определения ущерба, который, например, в случае психического насилия может быть отсрочен, определять понятие «жестокое обращение с детьми» только лишь с учетом общественной опасности неэффективно. В рамках недопустимого отношения к несовершеннолетнему в виде семейного, бытового, школьного жестокого обращения предлагаем различать как активное физическое и психическое насилие, так и пассивное жестокое обращение (напр., пренебрежение интересами, отсутствие заботы др.), равно как и оставление в опасности. В случае пассивного жестокого обращения его акторами могут быть только совершеннолетние, поскольку в обязанности детей уход, присмотр и воспитание не входит. Представляется любой ущерб наносимый несовершеннолетнему, сопряженный с насилием, либо сопровождаемый ненадлежащим уходом за ребенком, должен квалифици-

роваться как жестокое обращение. Однако, как указывалось, все эти моменты оценочные и требующие четкого законодательного закрепления.

Представляется, учитывая материалы практики лишения родительских прав, судебной практики, можно выделять отдельные формы с описанием тех или иных признаков, в целом оставляя их перечень открытыми, поскольку жизнь развивается, появляются, в том числе, и новые формы жестокого обращения. На основе проведенного анализа научной литературы и нормативных источников, предлагаем выделять следующие формы жестокого обращения: физическое насилие (признаки травм: укусы, раны, синяки, ожоги, синяки, тошнота, рвота, потеря сознания, кровоизлияния и др.); психическое насилие (признаки: унижение достоинства ребенка, брань, крики, принуждение к одиночеству, совершение насилия по отношению к другим членам семьи, животным и др.); оставление в опасности (признаки: не принятие мер заботы, присмотра, иных мер безопасности по уходу в отношении ребенка); ненадлежащее воспитание, уход, в результате которого страдают физическое и психическое здоровье, благополучие ребенка (признаки: невнимание к нуждам ребенка в пище, одежде, медицинском обслуживании и др.); посягательство на половую неприкосновенность, сексуальную эксплуатацию (признаки: пропаганда, любые формы контактов или взаимодействия на сексуальной почве) и иные.

Таким образом, считаем целесообразным установить административную ответственность за действия, подпадающие под школьное жестокое обращение, в том числе его организацию, осуществление и вовлечение, как для взрослых, так и для несовершеннолетних, с учетом всех особенностей административной ответственности несовершеннолетних [29]. Указав, что под жестоким обращением в данном случае понимаются любые формы недопустимого общения между несовершеннолетними, в виде действий, бездействий, причиняющих физические или психические, нравственные, иные виды страданий личности несовершеннолетнего. В уголовном законодательстве в рамках статьи 156 УК РФ указать, что под жестким обращением следует понимать недопустимые способы взаимодействия с детьми, выражающиеся в действиях и бездействиях, причиняющих любые формы физических, психических, нравственных, иных страданий унижающих человеческое достоинство, а равно как оставление в опасности, ненадлежащий уход сопряженный с причинением вреда здоровью и развитию, посягательство на половую неприкосновенность, различные виды эксплуатации, включая сексуальную.

Список литературы:

1. Микиртичан Г.Л. Взгляды на ребенка, его права и защиту от жестокого обращения в Древнем мире/ Г.Л. Микитичан, О.А. Джарман//Медицина и организация здравоохранения. Т. 5 № 3, 2020. – С. 40.
2. Шульга В.С. Философское осмысление понятия «жестокость»/ В.С. Шульга // The Newman In Foreign Policy. – № 42 (86). – 2018. – С. 32-34.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 1: А – З/ В.И. Даль. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – С. 536.
4. Шитова Л.А. Барнаул Основные характеристики проблемы жестокого обращения с детьми/ Л.А. Шитова// Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8-2. С. 168-169.
5. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия?/ А.В. Гусейнов// Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19-27.
6. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изменениями на 4 октября 2022 г.) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
8. Федеральный закон РФ от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
9. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
10. Указ Президента РФ от 09.11.22 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
11. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
13. Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
14. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
15. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 26.10.2023) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
16. Указ Президента Российской Федерации от 01.06.2012 № 761 «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
17. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009 № 423 (ред. от 10.02.2020) «Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
18. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.10.2023) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
19. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
20. Конвенция ООН «О правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для ССР 15.09.1990) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
21. Закон Ростовской области от 16.12.2009 № 346-ЗС «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
22. Аблятипова Н.Я. Воспитание детей при раздельном проживании родителей: отдельные проблемы правоприменительной практики/ Н.Я. Аблятипова, Д.С. Цыганова// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2023. Т. 9 (75). – № 1. – С. 265.
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
24. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
25. Дьяченко А. Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России/ А. Дьяченко, Е. Цымбал, А.П. Дьяченко// Уголовное право. – 1999. – № 4 – С. 75-79; Коваль Н.В. К

- вопросу о необходимости определения понятия «Жестокое обращение с ребенком»/ Н.В. Коваль//Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17) . – С. 16-25 и др.
26. Трифонова К.В. Особенности защиты чести и достоинства в зарубежных странах: системный анализ/ К.В. Трифонова, И.Ю. Волкова// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 245.
27. Насилие и его влияние на здоровье: доклад о ситуации в мире /под ред. Этьенна Г. Круга: пер. с англ. – М., 2003. – С. 63.
28. Жестокое обращение с детьми. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. – № 150. – Январь 2014 [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 08.11.2023).
29. Дорофеева Ж.П. Особенности административной ответственности несовершеннолетних/ Ж.П. Дорофеева, А.А. Кваша, Д.В. Меняйло// Юрист-Правоведь. – 2014. – № 1 (62). – С. 50-53.

Kapranova Yu.V., Kapranov A.V. Theoretical and legal foundations of prevention of abuse of minors in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 122–131.

The article discusses the theoretical and legal foundations of the prevention of abuse of minors in the Russian Federation. The authors consider scientific approaches to the definition and content of abuse of minors, legal regulation of the prevention of abuse of minors on the basis of Russian national and international legislation. The authors analyze the practice of applying Russian legislation on the prevention of ill-treatment and come to the conclusion that it is necessary to consolidate the definition of ill-treatment of minors in regulatory legal acts, as well as its forms. The author's formulation of ill-treatment is proposed as a system of violent actions of various nature carried out by some persons in relation to others who are either in dependent, other close communication, or in a certain status (family members, elderly people, patient, etc.). As part of the consideration of the abuse of minors, it is proposed to distinguish between both active physical and mental violence and passive abuse (e.g., neglect of interests, lack of care, etc.), as well as abandonment in danger. Based on the study of a large body of scientific literature, a proprietary classification of forms of abuse of minors is proposed. The necessity of delineating abuse by adults against a child, as well as abuse between minors, is substantiated. At the conclusion of the study, the authors present individual proposals for improving Russian legislation.

Keywords: minors, child rights, protection, child-care, prevention, health, honor, dignity, cruelty, ill-treatment, forms of ill-treatment, violence, bullying, administrative responsibility, criminal responsibility.

Spisok literatury:

1. Mikirtichan G.L. Vzglyady na rebenka, ego prava i zashchitu ot zhestokogo obrashcheniya v Drevnem mire/ G.L. Mikirtichan, O.A. Dzharman//Medicina i organizaciya zdravoohraneniya. – Т. 5 № 3. 2020. S. 40.
2. SHul'ga V.S. Filosofskoe osmyslenie ponyatiya «zhestokost'»/ V.S. SHul'ga // The Newman In Foreign Policy. – № 42 (86). – 2018. – С. 32-34.
3. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tt. T. 1: A – Z/ V.I. Dal'. – Spb.: TOO «Diamant», 1996. – S. 536.
4. SHitova L.A. Barnaul Osnovnye karakteristiki problemy zhestokogo obrashcheniya s det'mi/ L.A. SHitova// Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo. 2016. № 8-2. S. 168-169.
5. Gusejnov A.A. Vozmozhno li moral'noe obosnovanie nasiliya?/ A.V. Gusejnov// Voprosy filosofii. 2004. № 3. S. 19-27.
6. Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.05.1998 № 10 (red. ot 26.12.2017) «O primeneniі sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s vospitaniem detej» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g., s izmeneniyami na 4 oktyabrya 2022 g.) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
8. Federal'nyj zakon RF ot 24.07.1998 № 124-FZ (red. ot 28.04.2023) «Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj semejnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
10. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.22 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniі i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2012 № 599 «O merah po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovaniya i nauki» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).

12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O strategii nacional'noj bezopasnosti» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
13. Ukaz Prezidenta RF ot 29.05.2017 № 240 «Ob ob"yavlenii v Rossijskoj Federacii Desyatiletiya detstva» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
14. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ (red. ot 21.11.2022) «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
15. «Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 26.10.2023) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.06.2012 № 761 «Nacional'naya strategiya dejstvij v interesah detej na 2012 – 2017 gody» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.05.2009 № 423 (red. ot 10.02.2020) «Ob otдел'nyh voprosah osushchestvleniya opeki i popechitel'stva v otnoshenii nesovershennoletnih grazhdan» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
18. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 12.10.2023) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
19. «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 19.10.2023) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
20. Konvenciya OON «O pravah rebenka» (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSR 15.09.1990) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
21. Zakon Rostovskoj oblasti ot 16.12.2009 № 346-ZS «O merah po preduprezhdeniyu prichineniya vreda zdorov'yu detej, ih fizicheskomu, intellektual'nomu, psihicheskomu, duhovnomu i nravstvennomu razvitiyu» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
22. Ablyatipova N.YA. Vospitanie detej pri razdel'nom prozhivanii roditel'ej: otдел'nye problemy pravoprimitel'noj praktiki/ N.YA. Ablyatipova, D.S. Cyganova// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). – № 1. – S. 265.
23. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.11.2017 № 44 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva pri razreshenii sporov, svyazannyh s zashchitoj prav i zakonnyh interesov rebenka pri neposredstvennoj ugroze ego zhizni ili zdorov'yu, a takzhe pri ogranichenii ili lishenii roditel'skih prav» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
24. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 № 442-FZ (red. ot 28.04.2023) «Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
25. D'yachenko A. Aktual'nye problemy zashchity detej ot zhestokogo obrashcheniya v sovremennoj Rossii/ A. D'yachenko, E. Cymbal, A.P. D'yachenko// Ugolovnoe pravo. – 1999. – № 4 – S. 75-79; Koval' N.V. K voprosu o neobhodimosti opredeleniya ponyatiya «ZHestokoe obrashchenie s rebenkom»/ N.V. Koval'/Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2015. – № 1(17). – S. 16-25 i dr.
26. Trifonova K.V. Osobennosti zashchity chesti i dostoinstva v zarubezhnyh stranah: sistemnyj analiz/ K.V. Trifonova, I.YU. Volkova// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2023. – T. 9 (75). – № 1. – S. 245.
27. Nasilie i ego vliyanie na zdorov'e: doklad o situacii v mire /pod red. Et'enna G. Kruga: per. s angl. – M., 2003. – S. 63.
28. ZHestokoe obrashchenie s det'mi. Informacionnyj byulleten' Vsemirnoj organizacii zdavoohraneniya. – № 150. – YAnvar' 2014 [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
29. Dorofeeva ZH.P. Osobennosti administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih/ ZH.P. Dorofeeva, A.A. Kvasha, D.V. Menyajlo// YUrist"-Pravoved". – 2014. – № 1 (62). – S. 50-53.

УДК 343.9

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Каранова Д. А.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В работе рассматривается влияние информатизации на формирование антисоциального поведения несовершеннолетних. Тотальная информатизация отражается на изменениях образа жизни людей, наиболее ярко это появляется на более уязвимой категории пользователей – несовершеннолетних. Это обусловлено как психологическими особенностями, связанными с незавершенным процессом социализации, так и определенными свойствами информационного пространства, предоставляющие несовершеннолетнему широкий спектр возможностей для реализации потребностей. Установлено, что с развитием информационного общества появляются риски и угоры, связанные с распространением деструктивного воздействия на несовершеннолетних, возникновением игромании и различных форм аддикций. Широкое влияние информационных технологий на общественные процессы инициировало появление новых способов совершения преступлений, в том числе и появление новых преступных деяний. Рассмотрено, что все чаще субъектами данных деяний становятся несовершеннолетние. Подчеркивается необходимость в оценке криминогенного потенциала глобальной информатизации и рисков использования информационных технологий в преступной деятельности.

Ключевые слова: информатизация, информационное пространство, криминогенное влияние, несовершеннолетние, информационно-коммуникационные технологии, кибербуллинг, кибераддикция, криминализация.

В современных реалиях человечества общество характеризуется глобальной информатизацией и ее воздействием на множество общественных процессов. Информационное пространство комбинирует в себе широкий спектр возможностей для современного человека, направленных на улучшение качества жизни и отвечающих требованиям эффективности, оперативности, экономичности, доступности и достаточности. Широкое применение продуктов технического прогресса влечет за собой глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности. На сегодняшний день посредством информационных технологий осуществляется и обеспечивается получение и предоставление государственных и других услуг, профессиональная деятельность, процессы обучения, организация общения, досуга и удовлетворение различных потребностей. Однако такое воздействие информационной среды содержит в себе многочисленные угрозы.

Несмотря на положительные тенденции построения информационного общества, стоит отметить появление рисков, ставящих под угрозу безопасность граждан, общества и государства. Об этом свидетельствует рост числа преступлений в сфере компьютерной информации, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет». По данным правовой статистики за шесть месяцев 2023 г. зарегистрировано 318,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 27,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года, удельный вес таких преступлений в общем числе зарегистрированных преступлений составляет 32,4% (24,8% за аналогичный период 2022 г.) [1]. Кроме того, стоит отметить, что в силу особенностей информационного

пространства, таких как анонимность, удаленность доступа, неограниченность возможностей, связанные с получением, хранением, обменом, обработкой или распространением информационных ресурсов, появляются новые способы совершения традиционных преступлений, в том числе преступлений против личности. Примером криминализации деяний, совершаемых посредством использования информационно-коммуникационных технологий является внесение изменений в ст. ст. 110, 110.1, 110.2, 128.1, 133 УК РФ в виде квалифицирующих признаков, предусматривающих возможность дистанционного совершения преступления. Кроме того, появляются иные формы негативного воздействия, не регулируемые законодательством, при этом ставящие под угрозу не только физическое, но и психическое здоровье человека.

Востребованность информационного пространства, в том числе сети «Интернет» подтверждается ежегодными отчетами о состоянии статистики использования цифровых устройств и сети «Интернет». Так по данным исследования в среднем 88,2% населения России пользуются сетью «Интернет», что составляет около 127,6 миллионов человек; в январе 2023 года в Российской Федерации насчитывалось около 106 миллионов пользователей социальных сетей; наиболее популярной социальной сетью среди российских пользователей является «ВКонтакте» (около 75% пользователей имеют аккаунты на данной платформе), далее WhatsApp – 71,5%, Telegram – 64,4%, Одноклассники – 43,5%, TikTok – 42,6% другие [2]. Как отмечает А.Н. Игнатов, постоянно возрастает зависимость людей от непрерывного потока социально значимой информации, поступающей посредством средств массовой информации, средств массовой коммуникации (СМИ, СМК), при развитии и активном использовании технологий манипулирования их сознанием [3, с.39; 4, с. 86]. Информационное пространство и технологии меняют представления людей об общении, о проведении досуга, о ведении образа жизни, а также на личностные характеристики пользователей. С развитием информационных технологий возрастает число людей с признаками кибераддикции, сетеголизма или кибернетической лудомании [5, с. 56-57]. Кибераддикция – вид зависимости от компьютерных игр; термин впервые был описан в середине 1990-х годов психиатром Айвенгом Голдбергом и клиническим психологом Кимберли Янг. Сетеголизм – болезненная зависимость от интернета, социальных сетей. Кибернетическая лудомания – форма психологической зависимости, проявляющейся в навязчивом увлечении компьютерными играми.

Одной из самых уязвимых категорий среди пользователей признаются несовершеннолетние. В первую очередь специалисты обосновывают данный факт возрастающим количеством времени, которое проводят несовершеннолетние в информационном пространстве [6, с. 4-11]. Не менее важным фактором, детерминирующим уязвимость несовершеннолетних к негативному воздействию информационной среды, является незавершенный процесс становления и развития личности. Говоря о криминогенном влиянии информационного пространства на несовершеннолетних, следует рассматривать свойства виртуальной среды, источники информации и материалы, содержащиеся в ней. Особенности информационного пространства такие как доступность, анонимность, удаленность, минимальная затрата ресурсов, предоставляют несовершеннолетним широкий спектр возможностей для удовлетворения потребностей и реализации потенциала.

Одной из основных целей использования информационного пространства для несовершеннолетних является получение информации. Однако стоит отметить, что как правило, подростки не используют официальные источники, а предпочитают мессенджеры и социальные сети в качестве средств массовой информации. Стоит заметить, что информация, публикуемая на страницах социальных сетей, не всегда соответствует действительности, в том числе может содержать сведения, неприемлемые для просмотра или прочтения. Вторым аспектом, актуализирующим использование информационного пространства несовершеннолетними, является потребность в коммуникации. Такое свойство информационного пространства как анонимность создает для пользователей возможность примерять на себя различные роли при общении, в том числе вести диалог, не идентифицируя себя. При этом, у несовершеннолетних складывается ложное ощущение безопасности, которое также поддерживается определенными свойствами информационного пространства, при этом данная категория становится наиболее уязвимой для негативного воздействия. Третьим аспектом является поиск развлечения и проведения досуга. На первом месте при выборе развлечения находятся игры, далее просмотр видео-контента, онлайн кинотеатры, прослушивание музыки, использование различных площадок и программ. При этом, даже при поиске средств досуга подростки нередко обращаются к запрещенному контенту (участие в азартных играх онлайн, просмотр роликов, содержащих насилие и т.д.), доступ к которому также неограничен.

Рассмотренные аспекты являются на сегодняшний день достаточной острой проблемой в контексте криминогенного влияния информационного пространства и технологий на несовершеннолетних. Многие мессенджеры и онлайн-площадки используют определенные алгоритмы, которые могут ограничить доступ к неприемлемому контенту для лиц, не достигших совершеннолетия или используют механизмы предупреждения распространения таких материалов. Следует согласиться с авторами, полагающими, что защита несовершеннолетних от негативных факторов воздействия глобальной сети должна иметь первостепенное значение [7, с. 296-297]. Однако, безграничные глобальные потоки информации в сети Интернет не поддаются комплексному регулированию. Необходимо признать, на первоначальном этапе защита подростков от криминогенного воздействия информационного пространства, зависит от контроля родителей и близкого окружения за действиями несовершеннолетних в сети Интернет, использованием тех или иных программ и источников получения информации, количеством времени, проведенного с гаджетами и т.д.

С развитием технологий, как было отмечено ранее, меняется облик преступности. В данной связи следует отметить рост числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними в информационном пространстве. Рост числа преступности несовершеннолетних в целом наравне с другими факторами также связывают и с криминогенным влиянием информационного пространства. По мнению ряда ученых, актуализация исследований негативного влияния виртуального пространства на личность несовершеннолетних определяется именно значительным ростом ювенальной преступности во всем мире [7, с. 296].

Стоит отметить рост популярности в молодежной среде субкультурных сообществ, пропагандирующих демонстрацию насилия, убийств, публичное совершения самоубийств и призывы к его совершению [8, с. 29]. Ежедневно в различных социальных сетях регистрируется около 5 сообществ, пропагандирующих анархические

движения, идеологию «Колумбайна», криминальный образ жизни, распространяющих материалы суицидального характера, культ подростков-убийц и другие сведения о совершении действий, представляющих угрозу для их жизни и здоровья, а также для жизни и здоровья иных лиц [9, с. 186]. Пагубное влияние, оказываемое информацией, размещенной в средствах массовой информации и в сети Интернет, не только деструктивно воздействует на формирование и развитие детской психики, но и становится отправной точкой формирования криминальной мотивации и реализации самых разнообразных форм преступного поведения.

Не менее острой проблемой на сегодняшний день является наркотизация молодежи. Информационное пространство в данной проблеме выступает в качестве способа пропаганды потребления наркотических средств, а информационные технологии используются как инновационный способ совершения преступлений в сфере оборота наркотиков. Практика показывает, что для распространения наркотиков задействуют различные интернет-площадки. К примеру, в феврале 2023 г. стало известно, что в крупнейшем в России интернет-магазине «Wildberries» под видом растворителя для красок продавали наркотические вещества. В отзывах под данным «товаром» продавец давал рекомендации по эксплуатации «товара», а покупатели просили удалить данный заказ из истории покупок [10]. Таким образом сеть Интернет является прямой угрозой распространения наркомании среди молодежи и предоставляет для этого широкий круг возможностей. Кроме проблемы потребления наркотических средств, несовершеннолетние являются объектами вовлечения в незаконную деятельность, связанную с оборотом наркотиков посредством информационного пространства. Данные действия осуществляются анонимно, дистанционно, бесконтактно и практически бесследно, что также актуализирует данный способ.

Вызывает опасение проявление групповой или индивидуальной агрессии среди подростков, также связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий. Возможность дистанционного воздействия на человека может быть осуществлена различными способами, например, такими как кибербуллинг, включая его многочисленные виды, имеющие самостоятельные наименования: флейминг, троллинг, хейтинг, харассмент, киберсталкинг, диссинг, аутинг грифинг, секстинг и др. Кибербуллинг представляет собой способ психологической травли и запугивания, т.е. систематические агрессивные действия, выражающиеся в оскорблении, унижении, распространении компрометирующих материалов и информации, публичных высказываниях в отношении жертвы, осуществляемые конкретным лицом или группой лиц посредством технических устройств, сети Интернет или иных каналов связи. Целью совершения указанных действий является умышленное подавление психоэмоционального состояния жертвы и разрушение социальных связей. Данные действия представляют реальную угрозу жизни, здоровью и безопасности человека, оказывают негативное влияние на его личную жизнь, психическое и физическое состояние, становятся причинами появления, психических расстройств и заболеваний, суицидального поведения.

Кибербуллинг и множество его видов имеют схожие признаки с некоторыми преступлениями против жизни и здоровья. Последствия кибербуллинга, также как и последствия некоторых преступных деяний, влекут за собой негативные изменения психического состояния жертвы, изменения и нарушения ее физического здоровья,

в том числе проявления аутоагрессивного поведения. Несмотря на исключительно негативное содержание кибербуллинга и подобных деяний, возможность наступления общественно опасных последствий, на сегодняшний день законодатель не предусматривает прямого запрета и уголовную ответственность за их совершение, равно как и отсутствуют эффективные способы противодействия данному явлению.

Подводя итог стоит отметить, что развитие информационного общества, несмотря на многочисленные положительные аспекты, призванные улучшить качество жизни человечества, все же несет в себе риски и угрозы, в первую очередь, для молодежной среды. С развитием информационного пространства и технологий, получением доступа ко многим ресурсам несовершеннолетние стремятся модернизировать практически все процессы, необходимые им для развития и социализации. При этом актуализируются угрозы деструктивного воздействия на личность, связанные с потребностью в непрерывном и неограниченном использовании гаджетов, возникновением игромании и иных форм аддикций, а также с формированием преступного поведения. С развитием информационных технологий появляются новые и видоизменяются имеющиеся способы совершения преступлений, появляются способы негативного воздействия не только на психическое, но и физическое здоровье человека. Принимая во внимание масштабность информатизации и связанных с криминогенных угроз, актуальной проблемой является решение таких основных задач, как всеобъемлющая оценка криминогенного потенциала процесса информатизации и рисков использования информационных технологий в преступной деятельности, а также выработка эффективных правовых, организационных, технических и иных мер противодействия.

Список литературы:

1. Официальный сайт МВД России. Статистика и аналитика. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/>.
2. Статистика интернета и социальных сетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России. [Электронный ресурс] URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>.
3. Игнатов А.Н. Криминогенность техногенности // Общество и право. – 2019. – № 2. – С. 34-40.
4. Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2. – С. 82-89.
5. Лебедев И. Б., Филатова Т. П. Кибернетическая лудомания - новая область психологических исследований криминальной агрессии подростков / И. Б. Лебедев, Т. П. Филатова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 1(52). – С. 55-59.
6. Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Пережогин Л.О., Ошевский Д.С., Сыровашина К.В., Терехина С.А., Нуцкова Е.В., Федонкина А.А. Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: Аналитический обзор. — М.: Ф ГБУ “НМИЦПН им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2021. — 56 с.
7. Слесарев А. В., Казымов Д. А., Мальцева В. А. Интернет-преступность несовершеннолетних: юридический и социологический аспекты // Право и правопорядок: приоритетные направления развития: сборник научных трудов. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2019. – С. 295-300.
8. Бабанина Д.В. Характеристика проявлений криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. – № 4(58). – С. 28-32.
9. Родивилина В. А., Сизова М. С. Несовершеннолетний и преступление. Влияние информационной среды / В. А. Родивилина, М. С. Сизова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2(93). – С. 184-193.
10. Новости сегодня: самые свежие и последние новости России и мира - Рамблер/новости. [Электронный ресурс] URL: https://www.iguides.ru/main/other/wildberries_zapodozrili_v_prodzazhe_narkotikov/.
11. Бочавер А.А., Хломов Д. К. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШУ. – 2014. – № 3 (11). – С. 177–191.

Karanova D.A. Information as a factor of criminalization of minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 132–137.

The work examines the influence of informatization on the formation of antisocial behavior of minors. Total informatization is reflected in changes in people's lifestyles, most clearly in the more vulnerable category of users – minors. This is due both to psychological characteristics associated with the incomplete process of socialization, and to certain properties of the information space, which provide the minor with a wide range of opportunities to fulfill his needs. It has been established that with the development of the information society, risks and embarrassment appear associated with the spread of destructive influence on minors, the emergence of gambling addiction and various forms of addictions. The widespread influence of information technology on social processes has initiated the emergence of new ways of committing crimes, including the emergence of new criminal acts. It is considered that minors are increasingly becoming subjects of these acts. The need to assess the criminogenic potential of global informatization and the risks of using information technologies in criminal activities is emphasized.

Key words: informatization, information space, criminogenic influence, minors, information and communication technologies, cyberbullying, cyberaddiction, criminalization.

Spisok literatury:

1. Oficial'nyj sajt MVD Rossii. Statistika i analitika. [Elektronnyj resurs] URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/>.
2. Statistika interneta i social'nyh setej na 2022 god – cifry i trendy v mire i v Rossii. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>.
3. Ignatov A.N. Kriminogenost' tekhnogenosti // Obshchestvo i pravo. – 2019. – № 2. – S. 34-40.
4. Ignatov A.N. Informacionno-kognitivnye tekhnologii v arsenale sposobov soversheniya prestuplenij // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2020. – № 11-2. – S. 82-89.
5. Lebedev I. B., Filatova T. P. Kiberneticheskaya ludomaniya - novaya oblast' psihologicheskikh issledovanij kriminal'noj agressii podrostkov / I. B. Lebedev, T. P. Filatova // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2013. – № 1(52). – S. 55-59.
6. Makushkin E.V., Badmaeva V.D., Dozorceva E.G., Perezhogin L.O., Oshevskij D.S., Syrokvashina K.V., Terekhina S.A., Nuckova E.V., Fedonkina A.A. Prestupleniya v internet-srede s uchastiem nesovershennoletnih i ih mediko-psihologicheskaya profilaktika: Analiticheskij obzor. — M.: FGBU "NMICPN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2021. — 56 s.
7. Slesarev A. V., Kazymov D. A., Mal'ceva V. A. Internet-prestupnost' nesovershennoletnih: yuridicheskij i sociologicheskij aspekty // Pravo i pravoporyadok: prioritetye napravleniya razvitiya: sbornik nauchnyh trudov. – Habarovsk: Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet putej soobshcheniya, 2019. – S. 295-300.
8. Babanina D.V. Harakteristika proyavlenij kriminal'noj subkul'tury v srede nesovershennoletnih // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2022. – № 4(58). – S. 28-32.
9. Rodivilina V. A., Sizova M. S. Nesovershennoletnij i prestuplenie. Vliyanie informacionnoj sredy / V. A. Rodivilina, M. S. Sizova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2(93). – S. 184-193.
10. Novosti segodnya: samye svezhie i poslednie novosti Rossii i mira - Rambler/novosti. [Elektronnyj resurs] URL: https://www.iguides.ru/main/other/wildberries_zapodozrili_v_prodzazhe_narkotikov/.
11. Bochaver A.A., Hlomov D. K. Kiberbulling: travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij // Psihologiya. ZHurnal VSHU. – 2014. – № 3 (11). – S. 177–191.

УДК 323.28(075.8)

ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ, ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Косовский В. Б., Косовская Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Современная молодежная среда сталкивается с растущей угрозой экстремизма, что вызывает серьезное беспокойство. Анализируется проблема экстремизма среди молодежи, выявляя его корни и факторы, способствующие его распространению. В ней также обсуждаются различные методы противодействия этому явлению, включая образовательные программы, сотрудничество с молодежными сообществами и медиа-кампании. Подчеркивается важность содействия здоровому общественному диалогу, формированию критического мышления и воспитанию молодежи в духе толерантности и уважения к разнообразию. Эффективное противодействие экстремизму среди молодежи требует совместных усилий со стороны государства, образовательных учреждений и общественных организаций.

Ключевые слова: экстремизм, молодежная среда, проблемы, противодействие, факторы, образование, толерантность, медиа-кампании, критическое мышление, общественный диалог.

Экстремизм среди молодежи становится все более острым и актуальным для современного общества. Необходимость понимания причин и последствий этого явления и разработки эффективных методов его предотвращения и борьбы с ним является неотъемлемой частью общественной и политической дискуссии.

На индивидуальном уровне подростки могут подвергаться воздействию экстремистских убеждений из-за различных факторов, включая идентичность, стремление к принадлежности и роли в обществе, а также желание привлечь внимание к своим убеждениям. Психологические аспекты, такие как восприятие общества как несправедливого или дискриминационного, также могут способствовать формированию экстремистских убеждений.

Социальные факторы, такие как вступление в радикальные группы или общества с экстремистскими взглядами, могут сильно повлиять на молодежь. Групповая динамика, практика идеологической обработки и обмен идеями в таких сообществах способствуют укреплению экстремистских убеждений. Социокультурный контекст, включая политические обстоятельства и религиозные дискуссии, может заложить основу для экстремистских мотивов у молодежи. Неконтролируемое распространение радикальных идей через СМИ и социальные сети также является важным фактором [1]. Экономическое и социальное неравенство может вызвать недовольство и агрессию у молодежи, что может побудить их найти радикальные ответы на эти проблемы. Экстремистские идеологии могут стать своего рода «выходом из сложной ситуации» для некоторых молодых людей.

Как упоминалось ранее, экстремизм среди молодежи представляет собой растущую проблему, вызывающую серьезную обеспокоенность в обществе и среди исследователей. Молодежь, как одна из наиболее уязвимых социальных групп, часто находится под влиянием радикальных и экстремистских идей, что может иметь серьезные последствия, как для отдельных людей, так и для общества в целом.

Религиозный экстремизм среди молодежи – ограниченное, но значимое явление, требующее серьезного анализа и борьбы. Этот тип экстремизма часто начинается с

изменений в мировоззрении и убеждениях молодых людей, которые не всегда проявляются в явных действиях. Это затрудняет выявление потенциальных экстремистов, поскольку позволяет им скрывать свои убеждения и действовать осторожно [2]. И в последнее время это только усилилось в контексте культурных и религиозных конфликтов. Неравенство, дискриминация и недостаточная терпимость могут способствовать радикализации молодежи. Статистика свидетельствует о росте случаев религиозного экстремизма среди молодежи в некоторых регионах. Например, исследования показывают, что в странах с религиозными конфликтами доля молодых людей, вовлеченных в экстремистские группы, значительно выше.

Анализ мотивации молодых людей, вступающих в религиозные экстремистские группы, подчеркивает роль идеологических убеждений, желания выразить свою религиозную идентичность, а также чувства социальной несправедливости. Статистика также показывает, что многие из них моложе 30 лет, и чаще всего это мужчины.

Религиозный экстремизм среди молодежи проявляется различными способами, включая участие в радикальных организациях, призывы к насилию и даже участие в террористических актах. Статистика показывает рост числа нападений и инцидентов, связанных с религиозным экстремизмом, среди молодежи.

Политический экстремизм – это явление, при котором отдельные лица или группы выражают радикальные и часто жестокие взгляды на политику и готовы прибегать к экстремистским действиям для достижения своих целей.

Число молодых людей, проявляющих интерес к политическому экстремизму, в последние десятилетия увеличилось. Это проявляется в их симпатиях к радикальным идеологиям и их готовности поддерживать экстремистские группы. С развитием Интернета и социальных сетей молодежь все больше подвергается политической пропаганде и вербовке экстремистов. Многие случаи радикализации начинаются в онлайн-пространстве.

Молодые люди активно участвуют в экстремистской деятельности. Статистика показывает, что около 30% экстремистских действий в определенных регионах совершаются лицами в возрасте до 25 лет. Уровень политического экстремизма среди молодежи варьируется от региона к региону. В странах с политической нестабильностью или конфликтами риск радикализации молодежи может быть выше [3].

Анализ мотивации молодежи, вовлеченной в политический экстремизм, выявляет ряд факторов. К ним относятся политическая дезориентация, недовольство политической системой, стремление к переменам и вовлеченность в определенные идеологические движения. Таким образом, политический терроризм среди молодежи представляет серьезную угрозу и требует внимания со стороны общества и государства. Будучи уязвимой категорией, молодежь находится под влиянием радикальных идеологий и организаций. Идеологический экстремизм среди молодежи представляет серьезную угрозу для общества и национальной безопасности. Этот тип экстремизма основан на радикальных идеологиях и политических убеждениях, и молодежь часто становится уязвимой группой для их влияния.

Статистика показывает, что молодежь часто привлекает идеологический экстремизм. Например, в некоторых странах число молодых людей, вовлеченных в радикальные политические движения или экстремистские группы, значительно выше, чем в других возрастных группах. Это отражается в увеличении числа арестов и су-

дебных разбирательств в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в экстремистской деятельности.

Молодые люди могут быть вовлечены в идеологический экстремизм по разным причинам. Одна из основных мотиваций – поиск смысла и идеалов в жизни. Например, молодые люди могут искать убеждения и движения, которые предлагают им четкие идеологические рамки и цели [4]. Это может быть особенно актуально в периоды политической и экономической нестабильности. Примером идеологического экстремизма среди молодежи может быть вовлечение молодых людей в радикальные политические движения или экстремистские организации. Например, в некоторых странах молодежь присоединяется к радикальным политическим партиям с радикальными идеями, призывающими к насилию и подрыву стабильности. Борьба с идеологическим экстремизмом среди молодежи и его выявление представляют собой сложную задачу, связанную с несколькими ключевыми проблемами [5]:

1. Сложность идентификации. Идеологический экстремизм часто проявляется в форме скрытых убеждений и не всегда находит отражение в явных действиях. Это затрудняет выявление потенциальных экстремистов, т.к. они могут скрывать свои убеждения и вести активную деятельность в закрытых сообществах или в Сети.

2. Свобода слова и выражения мнений. Достижение баланса между борьбой с идеологическим экстремизмом и защитой свободы слова и выражения мнений является сложной задачей. Ограничения на высказывания могут вызвать обеспокоенность в связи с нарушением гражданских свобод.

3. Социокультурные и экономические факторы. Проблемы экономического неравенства и социально-культурной дискриминации могут способствовать радикализации молодежи. Борьба с этими факторами требует широкого участия общественности и политических изменений.

4. Проблемы в образовании. Системы образования не всегда готовы обучать молодежь критическому мышлению и анализу информации, что делает их более уязвимыми для идеологического экстремизма.

5. Глобализация и онлайн-пространство. Интернет предоставляет экстремистам мощное средство борьбы с пропагандой и радикализацией. Онлайн-пространство не имеет географических ограничений, что затрудняет его регулирование и контроль.

6. Недостаточное сотрудничество. Многие страны и организации не всегда эффективно сотрудничают в борьбе с идеологическим экстремизмом. Недостаточное международное сотрудничество может облегчить экстремистам передвижение через границы и усилить угрозу.

Преодоление этих проблем требует совместных усилий государств, образовательных учреждений, гражданского общества и международных организаций. Эффективная борьба с идеологическим экстремизмом и его выявление должны быть многомерными и учитывать контекст и особенности каждой страны и общества [6].

Идеологический экстремизм среди молодежи остается актуальной проблемой, но эффективные контрмеры, включая образование, интеграцию и медиа-образование, могут помочь предотвратить радикализацию и обеспечить стабильность в обществе.

Борьба с экстремизмом среди молодежи является одной из самых актуальных и сложных задач в современном обществе. Будучи одной из самых динамичных и влиятельных социальных групп, молодежь становится объектом пристального внимания радикальных идеологий и экстремистских движений. Экстремизм, будь то

религиозный, идеологический или политический, представляет серьезную угрозу миру, национальной безопасности и будущему молодежи [7].

В связи с этим методы борьбы с экстремизмом среди молодежи играют решающую роль в предотвращении радикализации и обеспечении стабильности в обществе. Образовательные программы и просвещение являются эффективными методами противодействия экстремизму среди молодежи. Эти методы направлены на развитие критического мышления, повышение уровня образования и развитие навыков, необходимых для принятия сознательных решений и участия в общественной жизни. Образовательные учреждения могут включать в свои учебные программы курсы по толерантности, межкультурному взаимопониманию и предотвращению экстремизма. Эти курсы помогут молодежи развить навыки анализа информации, критического мышления и различения рациональных и радикальных идей.

Организация молодежных форумов, семинаров и дискуссий на актуальные темы может способствовать открытому обмену мнениями и стимулировать диалог. Это помогает молодежи лучше понять разнообразие взглядов и ценностей. Создание онлайн-ресурсов, которые предоставляют информацию о том, как распознавать экстремистские идеологии и пропаганду, может помочь молодежи стать более информированной и самостоятельной в области цифровой информации.

Образовательные программы могут быть созданы за пределами школьных помещений, которые включают обучение управлению конфликтами, культурному разнообразию и сотрудничеству. Такие программы могут понравиться подросткам и помочь им развить навыки, способствующие социальной гармонии.

Однако стоит упомянуть то, что вышеописанный метод противодействия экстремизма среди молодежи имеет ряд проблем и вызовов при реализации [8]: 1. Финансирование: создание и поддержание образовательных программ требует финансирования. Недостаточное финансирование может ограничить доступ молодежи к таким программам. 2. Качество образования: важно, чтобы образовательные программы были качественными и отвечали потребностям молодежи. Программы низкого качества могут быть неэффективными. 3. Мониторинг и оценка: эффективность образовательных программ требует постоянного мониторинга и оценки. Оценка может быть сложной задачей, поскольку результаты не всегда могут быть видны сразу. 4. Непрерывное развитие экстремистских идей: экстремистские группы постоянно приспосабливаются к меняющимся обстоятельствам и используют новые методы пропаганды. Образовательные программы должны быть гибкими и готовыми адаптироваться к новым вызовам.

Образовательные программы и образование по-прежнему являются важными инструментами борьбы с экстремизмом среди молодежи, но их успешная реализация требует внимания к этим проблемам и соблюдения высоких стандартов.

Сотрудничество с молодежными сообществами является одним из важнейших методов противодействия экстремизму среди молодежи. Будучи активной и влиятельной социальной группой, подростки обладают огромным потенциалом для внесения позитивных изменений в общество, но они также могут стать восприимчивыми к радикальным идеологиям. Поэтому важно наладить с ней партнерские отношения и вовлечь ее в диалог по предотвращению радикализации и насилия [9].

Сотрудничество с молодежными сообществами – это стратегия вовлечения молодежи в разработку и реализацию программ и инициатив по борьбе с экстремиз-

мом. Этот метод основан на идее, что подростки с большей вероятностью будут воспринимать информацию и рекомендации от своих сверстников и общественных организаций, которые находятся ближе к их культурному и социальному контексту.

Сотрудничество с молодежным сообществом может происходить в виде различных форм: 1. Молодежные организации: организации, ориентированные на молодежь, могут стать важными партнерами в борьбе с экстремизмом. Они могут проводить образовательные мероприятия, дискуссии и кампании для своих членов и общества в целом. 2. Социальные проекты: совместные социальные проекты могут объединить молодежь из разных сообществ и сфер интересов для достижения общей цели, такой как улучшение социальной интеграции или предотвращение экстремизма.

Данный метод так же, как и предыдущий, при реализации на практике сталкивается с определенным кругом проблем: 1. Дифференциация и сегрегация: молодежь может быть разнообразной и может быть разделена на разные подгруппы с разными интересами и ценностями. 2. Координация и управление: эффективное управление и координация работы с различными молодежными сообществами могут быть затруднены. 3. Финансирование и ресурсы: предоставление необходимых ресурсов для работы с молодежью может быть сложной задачей, особенно для некоммерческих организаций.

Сотрудничество с молодежными сообществами остается важным методом борьбы с экстремизмом среди молодежи. Такой подход учитывает особенности молодежной культуры и способствует более эффективному взаимодействию. Однако успешное сотрудничество с молодежными сообществами требует тщательной подготовки и учета трудностей.

Кампании в СМИ и информационная безопасность являются важными инструментами борьбы с экстремизмом среди молодежи. Современное информационное общество представляет собой мощный источник влияния на молодежь, и использование кампаний в СМИ для предотвращения радикализации и продвижения альтернативных ненасильственных идей приобретает все большее значение [10].

Медиа-кампании принимают различные формы, включая теле- и радиорекламу, социальные сети, печатные СМИ и онлайн-ресурсы. Они направлены на формирование общественного сознания и мнений, а также на изменение восприятия молодежью экстремистских идей. Важным аспектом медиа-кампаний является их способность охватывать широкую аудиторию, в т.ч. тех, кто входит в группы риска.

Медиа-кампании в противодействии экстремизму включают в себя следующие элементы: 1. Просвещение и образование: разработка информационных материалов, направленных на повышение осведомленности о механизмах радикализации и последствиях экстремизма. 2. Больше терпимости и межкультурного взаимопонимания: кампании в СМИ могут подчеркнуть ценности терпимости, уважения к разнообразию и межкультурного диалога. 3. Поддержка четкого голосования: поддержка деятелей, молодежных лидеров и представителей молодежных сообществ, выступающих против экстремизма и пропагандирующих позитивные ценности. 4. Поддержка альтернативных сообществ: кампании в СМИ также могут помочь продвигать альтернативные сообщества и инициативы, которые способствуют социальной интеграции и удовлетворению потребностей молодежи.

Информационная безопасность означает обеспечение того, чтобы информационные ресурсы не использовались для распространения экстремистской пропаганды. Это включает в себя мониторинг, который включает отслеживание онлайн-среды и обнаружение экстремистского контента. Технологические средства могут использоваться для автоматического обнаружения и блокировки такого контента: после обнаружения экстремистских материалов их необходимо заблокировать или удалить с онлайн-платформ [11].

Однако существует ряд проблем и вызовов, связанных с использованием кампаний в СМИ и обеспечением информационной безопасности: 1. Свобода выражения мнений: необходимо найти баланс между борьбой с экстремизмом и защитой свободы слова и выражения мнений. 2. Анонимность и шифрование: экстремисты могут использовать анонимные учетные записи и шифрование для обхода слежки. 3. Глобализация: экстремисты могут действовать через границы, что делает необходимым международное сотрудничество.

Кампании в СМИ и информационная безопасность играют важную роль в борьбе с экстремизмом. Они способствуют изменению восприятия и формированию общественного мнения, ограничивая доступность экстремистской пропаганды.

В статье рассмотрены методы борьбы с экстремизмом среди молодежи, включая образовательные программы, сотрудничество с молодежными сообществами и кампании в СМИ, ориентированные на информационную безопасность. Эти методы оказывают значительное влияние на формирование мировоззрения и ценностей молодых людей, а также помогают предотвратить радикализацию. Каждый из этих методов имеет свои преимущества и проблемы, и успешная борьба с экстремизмом требует комплексного подхода. Эффективное сотрудничество с молодежью, образовательные программы, кампании в СМИ и информационный контроль должны быть взаимосвязаны и скоординированы для достижения наилучших результатов.

В конечном итоге, борьба с экстремизмом среди молодежи – это длительный и многогранный процесс, требующий усилий как со стороны государственных органов, так и со стороны общественных организаций. Учитывая меняющийся характер экстремистских угроз, методы и стратегии должны постоянно совершенствоваться, чтобы обеспечить безопасное и стабильное будущее молодому поколению и обществу в целом.

Список литературы:

1. Куликов И. В. Экстремизм среди молодежи // Социально -экономические явления и процессы. 2013. №7 (053). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-sredi-molodezhi> (дата обращения: 13.09.2023)
2. Демидова Е. В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-ponyatie-i-suschnost>.
3. Нагорный А. П., Попов А. Н. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma-sredi-molodezhi-rossii> (дата обращения: 13.09.2023).
4. Мусаева Г.М. Актуальные проблемы молодежного экстремизма и терроризма//Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 32. № 1. С. 68.
5. Макеева И.А., Агаркова Е.Ю. Противодействие распространению идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде // В сборнике: Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы всероссийской научно-практической конференции . Сост. А.А. Сарсенова. 2021. С. 136.
6. Кочесокова М.К. К вопросу о профилактике терроризма в молодежной среде//В сборнике: Молодежь России в XXI веке. Материалы студенческой научно-практической конференции, проводимой в рамках VI Всероссийского студенческого форума "Россия - наш общий дом". 2019. С. 140.

7. Сажина Н.М., Ступенко Т.Н. Теоретические аспекты педагогической профилактики экстремизма и терроризма в студенческой среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. №1. С.155.
8. Капустина А.А., Фараджеева Н.А. Проблемы профилактики терроризма и экстремизма в молодежной среде // В сборнике: Инновационные технологии в технике и образовании. VI Международная научно-практическая конференция. Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет». 2015. С. 225.
9. Горфина М.Н., Горфин В.Л. Сущностные характеристики экстремизма и терроризма среди молодежи в России // В сборнике: Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции: в 3 ч. 2018.
10. Тямина О.А. Экстремизм в современном молодежном обществе // Вестник науки. 2023. №6 (63).
11. Корнеева О. Т., Самыгин С. И., Кротов Д. В. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности общества: причины распространения и меры противодействия // Журнал: Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 76–80.

Kosovsky V.B., Kosovskaya D.V. Extremism among young people, problems and methods of counteraction // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 138–144.

The modern youth environment is facing a growing threat of extremism, which causes serious concern. This article analyzes the problem of extremism among young people, identifying its roots and factors contributing to its spread. She also discusses various methods of countering this phenomenon, including educational programs, cooperation with youth communities and media campaigns. The article emphasizes the importance of promoting a healthy public dialogue, the formation of critical thinking and the education of young people in the spirit of tolerance and respect for diversity. Effective counteraction to extremism among young people requires joint efforts on the part of the state, educational institutions and public organizations.

Keywords: extremism, youth environment, problems, counteraction, factors, education, tolerance, media campaigns, critical thinking, public dialogue.

Spisok literatury:

1. Kulikov I. V. Ekstremizm sredi molodezhi // Social'no -ekonomicheskie yavleniya i processy. 2013. №7 (053). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-sredi-molodezhi> (data obrashcheniya: 13.09.2023)
2. Demidova E. V. Ekstremizm: ponyatie i sushchnost' // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-ponyatie-i-suschnost>.
3. Nagornyy A. P., Popov A. N. Profilaktika ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekstremizma-i-terrorizma-sredi-molodezhi-rossii>.
4. Musaeva G.M. Aktual'nye problemy molodezhnogo ekstremizma i terrorizma // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2017. T. 32. № 1. S. 68.
5. Makeeva I.A., Agarkova E.YU. Protivodejstvie rasprostraneniya ideologii terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede // V sbornike: Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovaniy. Materialy vserejskoy nauchno-prakticheskoy konferencii. Sost. A.A. Sarsenova. 2021. S. 136.
6. Kochesokova M.K. K voprosu o profilaktike terrorizma v molodezhnoj srede // V sbornike: Molodezh' Rossii v XXI veke. Materialy studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, provodimoy v ramkah VI Vserossijskogo studencheskogo foruma "Rossiya - nash obshchij dom". 2019. S. 140.
7. Sazhina N.M., Stupenko T.N. Teoreticheskie aspekty pedagogicheskoy profilaktiki ekstremizma i terrorizma v studencheskoj srede // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2016. № S1. S. 155.
8. Kapustina A.A., Faradzheva N.A. Problemy profilaktiki terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede // V sbornike: Innovacionnye tekhnologii v tekhnike i obrazovanii. VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoy Federacii, FGBOU VPO «Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet». 2015. S. 225.
9. Gorfina M.N., Gorfin V.L. Sushchnostnye harakteristiki ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi v Rossii // V sbornike: Dinamika vzaimootnoshenij razlichnyh oblastej nauki v sovremennyh usloviyah. sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 chastyah. 2018. S. 109.
10. Tyamina O.A. Ekstremizm v sovremennom molodezhnom obshchestve // Vestnik nauki. 2023. №6 (63).
11. Korneeva O. T., Samygin S. I., Krotov D. V. Molodezhnyj ekstremizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti obshchestva: prichiny rasprostraneniya i mery protivodejstviya // ZHurnal: Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 10. S. 76–80.

УДК 342

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРОЦЕДУРЫ
РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР Внесудебной ЗАЩИТЫ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Мирзоян М. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Актуальность темы настоящей статьи определяется тем, что несовершеннолетние являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Они не всегда в состоянии эффективно защитить свои права и интересы, особенно в ситуациях, когда они сталкиваются с нарушениями со стороны взрослых или государственных органов. Внесудебная защита прав несовершеннолетних (далее – ВЗПН) играет важную роль в обеспечении их защиты и обеспечении справедливости. Данная статья исследует проблемы правового регулирования и процедуры реализации отдельных процедур внесудебной защиты прав несовершеннолетних. В работе анализируются основные проблемы, возникающие при защите прав несовершеннолетних, а также предлагаются пути их решения. Работа основана на анализе существующих нормативных актов. Целью данного исследования является анализ проблем правового регулирования и процедуры реализации отдельных процедур ВЗПН.

Ключевые слова: проблемы, правовое регулирование, процедура, внесудебная защита, права, несовершеннолетние, реализация, защита прав, нормативные акты, медиация, консультации, поддержка.

Во-первых, в рамках настоящей статьи рассмотрим некоторые позиции авторов в отношении рассматриваемой категории. По мнению М. Н. Игнатовича внесудебная защита «составляет неотъемлемую часть системы права, направленной на защиту нарушенных прав» [5, с. 15]. П. В. Федоров считает, что под «внесудебным» способом защиты права корректнее было бы называть некие «альтернативные» способы урегулирования спора, которые не препятствуют дальнейшей досудебной и судебной процедуре разрешения спора, которые существуют не «до», а параллельно, вместе с действующей, установленной государством, досудебной и судебной процедуре [7, с. 142]. Таким, образом, резюмируя указанное, можно заключить, что ВЗПН — это комплекс мер, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних лиц в ситуациях, когда они сталкиваются с нарушениями со стороны взрослых или государственных органов. Она осуществляется вне судебных инстанций и предполагает использование различных механизмов и процедур для восстановления нарушенных прав и урегулирования конфликтов.

Сущность ВЗПН заключается в обеспечении доступности, эффективности и справедливости процедур, которые позволяют защитить права и интересы детей. Она направлена на предотвращение дальнейших нарушений, восстановление нарушенных прав и устранение негативных последствий для несовершеннолетних. ВЗПН также способствует повышению осведомленности о правах детей и формированию культуры уважения к ним.

Процедуры ВЗПН могут включать различные действия и меры, такие как консультации и содействие в получении юридической помощи, медиация, альтернативные способы разрешения конфликтов, психологическая поддержка, образовательные программы и т.д. Они могут осуществляться через различные организации и

учреждения, такие как центры социального обслуживания, некоммерческие организации, правозащитные организации, школы и т.д.

ВЗПН имеет ряд преимуществ по сравнению с судебной защитой.

1. Является более доступной для детей и их родителей, поскольку не требует формальных процедур и высоких затрат на юридическую помощь.

2. Позволяет более гибко реагировать на конкретные потребности и интересы детей, учитывая их возрастные особенности.

3. Способствует разрешению конфликтов в более мирном и справедливом формате, учитывая интересы всех сторон.

Однако, несмотря на преимущества, внесудебная защита прав несовершеннолетних также имеет свои ограничения и проблемы. Некоторые из них могут быть связаны с недостаточной осведомленностью о правах детей, недостаточным финансированием и ресурсами, неэффективностью механизмов и процедур, а также с недостаточным уровнем координации и сотрудничества между различными организациями и учреждениями, занимающимися внесудебной защитой прав несовершеннолетних.

Во-вторых, следует определить законодательный фреймворк и нормативные акты, регулирующие ВЗПН. Так, один из основных международных документов, регулирующих права детей, — это Конвенция ООН «О правах ребенка», принятая в 1989 году [1]. В ней содержатся основные принципы и стандарты, касающиеся защиты прав несовершеннолетних. Конвенция признает несовершеннолетних лицами, которые нуждаются в особой защите и заботе, и устанавливает их основные права, такие как право на жизнь, выживание и развитие, право на защиту от насилия, эксплуатации и дискриминации, право на образование, здоровье и др. Конвенция также предусматривает механизмы для обеспечения и защиты этих прав, включая внесудебную защиту.

Во многих странах существуют национальные законы и нормативные акты, которые регулируют ВЗПН. Например, в России основным законом в этой области является Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (далее – ФЗ «О правах ребенка») [3]. Он определяет основные принципы и положения, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, и устанавливает механизмы и процедуры для их реализации. Закон также предусматривает создание специальных органов и учреждений, таких как комиссии по делам несовершеннолетних, центры социального обслуживания, которые занимаются ВЗПН. Кроме того, в различных странах могут существовать другие законы и нормативные акты, которые касаются ВЗПН. Например, в некоторых странах могут быть приняты законы о медиации, альтернативных способах разрешения конфликтов, о правах ребенка и др. Эти законы могут устанавливать особые правила и процедуры для внесудебной защиты прав детей.

В целом, законодательный фреймворк и нормативные акты, регулирующие внесудебную защиту прав несовершеннолетних, направлены на обеспечение и защиту основных прав и интересов детей, предотвращение нарушений и урегулирование конфликтов. Они определяют основные принципы и положения, устанавливают механизмы и процедуры для реализации этих прав и обязанностей различных органов и учреждений, занимающихся ВЗПН.

В-третьих, следует определить основные проблемы, связанные с правовым регулированием ВЗПН.

По выражению М. В. Немытиной, «механизм защиты прав ребенка в России «хромает» прежде всего по 2-м причинам. Первая в том, что в различных отраслях права существует огромный массив нормативных актов, так или иначе связанных с регулированием прав ребенка, накоплен большой объем знаний, содержащих рекомендации относительно реализации прав несовершеннолетних в различных сферах жизни общества, совершенствования институтов, связанных с детством. Но в современном российском праве слабо представлена межотраслевая и межпредметная связь, что в свою очередь мешает совершенствованию правового регулирования, восполнению пробелов и преодолению коллизий, реализации на практике декларированных в законодательстве в интересах детей подходов» [6, с. 59].

Проблемы, связанные с правовым регулированием ВЗПН, могут быть разнообразными и зависят от конкретной страны или юрисдикции. Ниже приведены некоторые из основных проблем, с которыми сталкиваются законодатели и органы, занимающиеся ВЗПН:

1. Недостаточная осведомленность и понимание. Основные субъекты рассматриваемых правоотношений могут не знать о своих правах и обязанностях в отношении внесудебной защиты. Это может привести к тому, что нарушения прав детей остаются незамеченными или недостаточно эффективно рассматриваются.

2. Сложности в определении нарушений. Определение нарушений прав детей может быть сложным заданием. Некоторые виды нарушений, такие как физическое или сексуальное насилие, могут быть более очевидными, но другие виды нарушений, такие как психологическое или экономическое насилие, могут быть менее видимыми и сложными для доказательства.

3. Ограниченные ресурсы и доступность услуг. В некоторых странах, может быть, ограниченное количество специализированных органов и учреждений, которые занимаются ВЗПН. Это может привести к тому, что дети не получают необходимую помощь и поддержку в случае нарушения их прав.

4. Недостаточная координация и сотрудничество: ВЗПН часто требует сотрудничества различных органов и учреждений, таких как полиция, суды, социальные службы и другие. Однако, недостаточная координация между ними может привести к тому, что дети не получают необходимую помощь или что различные органы принимают противоречивые решения.

5. Сложности в процессе рассмотрения дел: процесс рассмотрения дел о нарушении прав детей может быть сложным и требовать много времени, ресурсов. Это может привести к тому, что дети не получают своих прав вовремя или в полной мере.

6. Недостаточная эффективность санкций: в некоторых случаях, когда права детей нарушены, санкции и наказания могут быть недостаточно строгими или эффективными. Это может не обеспечить должного отпора нарушителям и не предотвратить повторные нарушения.

7. Культурные и социальные преграды: В некоторых культурах и обществах могут существовать определенные предубеждения и стереотипы, которые мешают эффективной защите прав детей. Например, некоторые формы насилия над детьми могут быть традиционно принятыми и не осуждаться в обществе.

Таким образом, регулирование ВЗПН является сложным и многогранным вопросом, требующим постоянного улучшения и развития. Необходимо обеспечить доступность и эффективность механизмов защиты, повысить осведомленность об этой проблеме и сотрудничество между различными органами и учреждениями, чтобы обеспечить полноценную защиту прав детей.

Далее, в рамках настоящей статьи следует провести анализ процедуры реализации отдельных процедур внесудебной защиты прав несовершеннолетних.

Во-первых, рассмотрим вопросы идентификации и классификации отдельных процедур ВЗПН, которые представляют собой важный шаг для обеспечения эффективной защиты и поддержки детей, помогая определить и решить проблемы, связанные с нарушениями их прав, а также предлагают инструментарий для борьбы с такими нарушениями.

Одной из основных процедур ВЗПН является идентификация нарушений прав. Это включает в себя определение и документирование случаев нарушения прав детей, таких как физическое, психологическое, сексуальное насилие, торговля людьми, эксплуатация, дискриминация и другие формы нарушения прав. Идентификация может осуществляться различными способами, включая жалобы детей, сообщения от третьих лиц, а также систематический мониторинг и анализ данных. После идентификации нарушений прав детей происходит классификация этих нарушений. Классификация позволяет определить характер и серьезность нарушений, а также установить приоритеты в решении проблем. Например, нарушения могут быть классифицированы по типу (физическое насилие, сексуальное насилие, эксплуатация и т.д.), по возрастным группам детей, по половому признаку, по месту происхождения (семья, школа, общество) и другим параметрам.

После классификации нарушений прав детей проводятся различные процедуры внесудебной защиты. Они могут включать в себя следующие:

1. Консультации и поддержка: детям и их семьям предоставляются консультации и поддержка со стороны специалистов, таких как психологи, социальные работники, юристы и другие профессионалы. Они помогают детям и их семьям разобраться в своих правах, предлагают психологическую помощь, консультации по юридическим вопросам и другую необходимую поддержку. Указанное регулируется в рамках ст. 7. ФЗ «О правах ребенка» [3].

2. Медиация и урегулирование конфликтов: в некоторых случаях, когда возникают конфликты и споры, между детьми и их родителями или другими лицами, проводятся процедуры медиации и урегулирования конфликтов. Они помогают сторонам найти взаимоприемлемое решение проблемы и достичь соглашения без необходимости обращения в суд. Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Законодатель непосредственно указывает, что такой способ разрешения споров как «медиация» является альтернативной процедурой урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (п. 1 ст. 1 Федеральный закон от 27.07.2010 № 93-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ «О медиации») [4]). При этом законодатель указывает, что процедура медиации может применяться даже после возникновения споров, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства и судопроизводства в ар-

битражных судах (п. 4 ст. 1 ФЗ «О медиации» [4]). Очевидно, данное обстоятельство подчеркивает особый, именно внесудебный характер данной процедуры, который может существовать не только на ранних стадиях зарождения спорного правоотношения, но уже и после обращения одной из сторон к государственному посреднику в лице судебных органов. Примечательно, что положительным результатом обращения к процедуре медиации является медиативное соглашение, которое, несмотря на внесудебный характер предшествующей ему процедуре, может быть приравнено к мировому соглашению и утверждено в соответствии с процессуальным законодательством, законодательством о третейских судах или законодательством о международном коммерческом арбитраже.

3. Процедуры альтернативного разрешения споров: в некоторых случаях, когда нарушены права детей, проводятся процедуры альтернативного разрешения споров, такие как арбитраж, посредничество или судебное разбирательство вне суда. Это позволяет решить споры эффективно и быстро, с участием специализированных экспертов.

4. Предоставление информации и образование: Детям и их родителям предоставляется информация о правах детей, процедурах внесудебной защиты, доступных услугах и ресурсах. Также проводятся образовательные программы и тренинги для повышения осведомленности детей и их родителей о правах и способах защиты.

5. Мониторинг и наблюдение: Органы и учреждения, занимающиеся ВЗПН, проводят мониторинг и наблюдение за соблюдением прав детей. Они следят за ситуацией, реагируют на сигналы о нарушениях и предпринимают необходимые меры для их прекращения.

Важно отметить, что эти процедуры могут различаться в разных странах и юрисдикциях, и их применение зависит от конкретной ситуации и потребностей детей. Однако, общая цель всех этих процедур – обеспечить эффективную защиту прав детей и помочь им восстановить свои права и благополучие.

Во-вторых, проведем анализ проблем, возникающих при реализации отдельных процедур ВЗПН. Так, несмотря на все усилия, прикладываемые государством и международным сообществом, несовершеннолетние лица остаются одной из самых социально незащищенных категорий населения в современном обществе. Рассматривая различные взаимодействия несовершеннолетнего с определенными правоотношениями, можно выявить их несовершенство, проблемы, а в некоторых случаях даже противоречия. Отдельно следует отметить, что нерешенным и проблемным вопросом в России является учреждение ювенальной юстиции. Согласно замечанию Комитета ООН по правам ребенка от 8.10.1999 государствам следует предпринимать меры для ускорения процесса реформирования законодательства, особенно касающегося ювенального уголовного правосудия по делам несовершеннолетних. Несовершеннолетний имеет право на рассмотрение его дела особым ювенальным судьей, который имеет специальную подготовку для рассмотрения дел, связанных с несовершеннолетними, и будет специализироваться только на таких делах [2].

Анализ проблем, возникающих при реализации отдельных процедур ВЗПН, является важным шагом для определения причин и поиска эффективных решений. В процессе анализа выявляются сложности и препятствия, с которыми сталкиваются дети, их семьи, а также специалисты, работающие в области защиты прав детей.

Одной из основных проблем, которая может возникать при реализации процедур ВЗПН, является недостаток информации и осведомленности. Дети и их родители могут не знать о своих правах и о доступных им механизмах защиты. Это может приводить к тому, что нарушения прав остаются незамеченными или не получают должного реагирования. Поэтому важно предоставлять информацию о правах детей и процедурах защиты, проводить образовательные программы и тренинги для повышения осведомленности.

Еще одной проблемой может быть недостаток доступных услуг и ресурсов. В некоторых случаях, дети и их семьи могут столкнуться с трудностями в получении необходимой поддержки и помощи. Недостаток специалистов, ограниченность финансирования и отсутствие соответствующих услуг могут затруднять реализацию процедур внесудебной защиты. Для решения этой проблемы необходимо развивать и улучшать систему поддержки и услуг для детей и их семей, а также обеспечивать доступность этих услуг. Возникают проблемы в области координации и сотрудничества между различными организациями и учреждениями, занимающимися ВЗПН и отсутствие эффективных механизмов реагирования на случаи нарушения прав детей. Недостаточное взаимодействие и согласованность действий может привести к дублированию или пропуску мер по защите прав детей. Поэтому важно укреплять сотрудничество между различными структурами, проводить совместные тренинги и обучение, а также разрабатывать механизмы координации и обмена информацией.

Отдельной проблемой в рассматриваемом вопросе является обеспечение конфиденциальности информации о детях и их семьях, а также защита таковых от несанкционированного доступа и использования.

В-третьих, отметим, что для улучшения процедуры реализации отдельных процедур ВЗПН можно предпринять следующие пути: 1) повышение осведомленности и информированности. Важно проводить информационные кампании и образовательные программы для детей, их родителей и специалистов, работающих в области защиты прав детей. Это поможет им ознакомиться с правами детей, доступными механизмами защиты и процедурами, а также научиться распознавать и реагировать на нарушения прав; 2) развитие и улучшение системы поддержки и услуг для детей и их семей. Необходимо обеспечить доступность и качество услуг, таких как юридическая помощь, психологическая поддержка, медицинская помощь и социальная поддержка. Для этого может потребоваться увеличение финансирования, развитие сети специализированных учреждений и обучение специалистов; 3) укрепление сотрудничества и координации между организациями и учреждениями, занимающимися ВЗПН. Важно разработать механизмы координации и обмена информацией, проводить совместные тренинги и обучение специалистов. Это поможет избежать дублирования мер по защите прав и обеспечить эффективное реагирование на нарушения; 4) разработка и улучшение механизмов реагирования на нарушения прав детей. Необходимо разработать процедуры и инструменты для реагирования, а также обеспечить доступность и качество услуг. Это может включать обучение специалистов, повышение их квалификации и расширение сети специализированных учреждений; 5) обеспечение конфиденциальности и защиты данных. Важно разработать соответствующие политики и процедуры, которые гарантируют конфиденциальность информации о детях и их семьях, а также защиту данных от несанкцио-

нированного доступа и использования. Специалисты должны быть обучены в области защиты данных и соблюдения конфиденциальности.

В целом, улучшение процедуры реализации отдельных процедур ВЗПН требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны государства, организаций и общественности. Это позволит обеспечить эффективную защиту и поддержку детей, а также создать безопасную и справедливую среду для их развития.

Список литературы:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Заключение Комитета ООН по правам ребенка по 2-му Государственному докладу РФ р реализации Россией Конвенции о правах ребенка // Официальный сайт НП «Родительский комитет». – URL: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/sp-004.htm (дата обращения: 17.07.2023).
3. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 28.04.2023). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.09.2023).
4. Российская Федерация. Законы. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2023).
5. Игнатович, Н. М. Внесудебные способы защиты субъективных гражданских прав / Н. М. Игнатович // JSRP. – 2014. – №6 (10). – С. 11-16.
6. Немытина, М. В. Защита прав несовершеннолетних в России: Системный подход / М. В. Немытина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2004. – № 2. – С. 58-67.
7. Федоров, П. В. Понятие «внесудебный» и «досудебный» способ защиты прав / П. В. Федоров // Право и государство: теория и практика. – 2018. – №1 (157). – С. 141-144.

Mirzoyan M. A. Problems of legal regulation and procedures for the implementation of certain procedures for the extrajudicial protection of minors' rights // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 145–151.

The relevance of the topic of this article is determined by the fact that minors are one of the most vulnerable categories of the population. They are not always able to effectively protect their rights and interests, especially in situations where they face violations by adults or government bodies. Non-judicial protection of minors' rights plays an important role in ensuring their protection and justice. This article explores the problems of legal regulation and procedures for implementing certain procedures of non-judicial protection of minors' rights. The paper analyzes the main problems that arise in protecting the rights of minors, as well as proposes ways to solve them. The work is based on the analysis of existing regulatory acts. The aim of this study is to analyze the problems of legal regulation and procedures for implementing certain procedures of non-judicial protection of minors' rights.

Keywords: problems, legal regulation, procedure, non-judicial protection, rights, minors, implementation, rights protection, regulatory acts, mediation, consultations, support.

Spisok literatury

1. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990). – Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 05.09.2023)
2. Zaklyuchenie Komiteta OON po pravam rebenka po 2-mu Gosudarstvennomu dokladu RF r realizatsii Rossiye Konventsii o pravakh rebenka // Ofitsial'nyy sayt NP «Roditel'skiy komitet». – URL: http://www.r-komitet.ru/s_i_d/sp-004.htm (data obrashcheniya: 17.07.2023).
3. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ (red. ot 28.04.2023). – Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 05.09.2023).
4. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob alternativnoy procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatzii): Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ (red. ot 26.07.2019). – Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 17.07.2023).
5. Ignatovich, N. M. Vnesudebnye sposoby zashchity sub'ektivnykh grazhdanskikh prav / N. M. Ignatovich // JSRP. – 2014. – №6 (10). – S. 11-16.
6. Nemytina, M. V. Zashchita prav nesovershennoletnikh v Rossii: Sistemnyy podkhod / M. V. Nemytina // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2004. – № 2. – S. 58-67.
7. Fedorov, P. V. Ponyatie «vnesudebnyy» i «dosudebnyy» sposob zashchity prav / P. V. Fedorov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2018. – №1 (157). – S. 141-144.

УДК 342.1

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИЯХ С ОСОБЫМ СТАТУСОМ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ СТРАН СНГ**

Мокроусова К. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Территории с особым статусом представляют научный и практический интерес в силу их специфики, связанной с установлением и организацией в них власти, способствующей формированию и поддержанию определенных параметров на основе интересов субъектов различной правовой природы.

В статье, исходя из анализа текстов конституций, а также специального законодательства стран Содружества независимых государств, раскрыта организация власти на территориях с особым статусом. Закономерности и особенности легализации заявленных территорий позволили автору выявить, поименовать и охарактеризовать формализованные модели организации власти на территориях с особым статусом в странах Содружества независимых государств. В их числе: рамочно-законодательная (Российская Федерация), столично-акцентная (Армения), исходно-автономизирующая (Азербайджан, Молдова, Узбекистан) и законодательно-автономизирующая (Молдова).

Ключевые слова: столица, автономная территория, административно-территориальная единица, местное самоуправление, местная государственная власть.

В современном Российском государстве сохраняется тенденция образования и развития территорий с особым правовым статусом. Такие территории «создают специфические особенности управления в системе территориального устройства государства, что в свою очередь, играет определённую роль в реализации публичной власти в стране» [12, с. 125-132].

В России рамочным нормативным правовым актом, определяющим базовые положения о статусе особых территорий, выступает Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10]. В его Главе 11 постоянно пополняется состав заявленных территорий с легализацией особенностей организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения (ст. 79), в закрытых административно-территориальных образованиях (ст. 80), в наукоградах (ст. 81), на приграничных территориях (ст. 82), в муниципальных образованиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) (ст. 82.1), на территории инновационного центра «Сколково» (ст. 82.2), на территориях опережающего развития (ст. 82.3), на территориях инновационных научно-технологических центров (ст. 82.4), на территории свободного порта Владивосток (ст. 82.5), в муниципальных образованиях, территории которых относятся к Арктической зоне Российской Федерации (ст. 82.6), в федеральных территориях (ст. 82.7), на территории Военного инновационного технополиса «Эра» Министерства обороны Российской Федерации (ст. 82.8). При этом, надлежит уточнить, что на конституционном уровне в России отсутствует конкретизированная формализация статуса особых территорий, хотя отдельные термины упоминаются (например, ч. 1 ст. 67 [1]). Подчеркнем, в связи с федеративным политико-территориальным статусом РФ, организация власти на территориях с особым статусом осуществляется на местном уровне.

В связи с динамикой развития правового феномена, определением направлений его дальнейшего совершенствования представляется необходимым обратиться к опыту стран Содружества независимых государств. Целесообразность сравнительного правоведения, в частности, сравнительного конституционного права заключается в том, что они «имеют отношение к обоснованию легитимности тех или иных норм» и носят «энциклопедический характер знания того, как функционируют другие правовые системы» [11, с. 51-52]. Здесь мы солидарны с А. Бланкенагелем, считающим, что компаративистика экономит время «в поиске того, не предлагается ли другой правовой системой удовлетворительное и убедительное решение тех проблем, которые еще предстоит решить в собственной правовой системе; если такие решения конкретных проблем находятся, с полки готовых правовых решений берется наиболее подходящее» [11, с. 51-52].

Осуществленный анализ показал, что только в конституциях Армении и Таджикистана наличествует упоминание об организации власти на территориях с особым статусом [13].

Так, в Главе 9 «Местное самоуправление» Конституции Армении указано, что Ереван является общиной (общность жителей одного или нескольких населенных пунктов со статусом юридического лица публичного права), а особенности местного самоуправления в нем устанавливаются законом (ст. 187). Таким нормативным правовым актом выступает Закон Республики Армения о местном самоуправлении в городе Ереване (от 26.12.2008 г. [6]). Несмотря на то, что конституционно Ереван закреплен в качестве общины, согласно названного закона «территориальное управление в Ереване осуществляет Министерство территориального управления Республики Армения в рамках полномочий, отведенных марзпетам (губернаторам) другими законами, правовыми актами Республики Армения, в той мере, в какой они не противоречат настоящему Закону» (ч. 1 ст. 9) [6]. Вместе с тем, в организации территориального управления имеет место быть отсылка и к местному самоуправлению, поскольку «в целях эффективного осуществления в Ереване местного самоуправления и территориального управления, большей доступности органов местного самоуправления Еревана для населения город Ереван делится на 12 административных округов (Ачапняк, Аван, Арабкир, Давиташен, Эребуни, Кентрон, Малатия-Себастья, Нор-Норк, Норк-Мараш, Нубарашен, Шенгавит, Канакер-Зейтун)» (ч. 1 ст. 86 Закона Республики Армения о местном самоуправлении в г. Ереване) [6].

Таким образом, в Конституции Армении в качестве территории с особым статусом формализована столица государства. Организация власти в ней исходит из комбинации государственного управления и местного самоуправления.

Далее выделим нормы Конституции Таджикистана, которые мы сопоставляем с регулированием организации власти на особых территориях. В частности, такими территориями являются автономии. Глава седьмая Конституции Таджикистана определяет правовой статус Горно-Бадахшанской автономной области (является составной и неделимой частью Республики Таджикистан, ст. 81). В бланкетной ст. 83 отмечено, что полномочия Горно-Бадахшанской автономной области в социальной, экономической, культурной сферах жизни и другие полномочия области определяются конституционным законом. Таким нормативным правовым актом является Конституционный закон Республики Таджикистан «О Горно-Бадахшанской автономной области» [5].

В интересующем нас ключе ст. 5 указанного закон «Местные органы государственной власти, органы самоуправления и судебные органы в Горно-Бадахшанской автономной области». В ее опять же бланкетной по характеру ч. 2 сказано, что «деятельность органов самоуправления, поселков и дехотов (джамоатов) – в Горно-Бадахшанской автономной области регулируется Законом Республики Таджикистан «Об органах самоуправления поселка» [5].

Заглянув в ст. 1 «Основные понятия» приведенного закона, следует, что соответствующими самоуправляемыми единицами в Горно-Бадахшанской автономной области являются посёлки и сёла. Самоуправление в них реализует непосредственно население или через органы самоуправления поселков и сёл под свою ответственность «в целях решения социальных, экономических и культурных вопросов, имеющих местное значение, с учетом общесоциальных интересов, национальных традиций и местной специфики. В данной же норме перечислены органы самоуправления поселков и сёл (Джамоат поселка и Джамоат села), в состав которых входят совет, председатель и депутаты» [5]. Основной формой деятельности Джамоата, на котором решаются вопросы его компетенции, является собрание.

Интересны вопросы местного значения, закрепленные за посёлками и сёлами Горно-Бадахшанской автономной области: «повседневные вопросы населения посёлка и села, за решение которых Джамоат несет полную ответственность и самостоятельно осуществляет их в пределах государственных стандартов в соответствии с нормативными правовыми актами, с использованием собственных средств» [5]. Таким образом, в Горно-Бадахшанской автономной области на уровне посёлков и сёл реализуется именно самоуправление, поскольку, иные территориальные единицы относятся к разновидности административно-территориальных, что подтверждает Конституционный закон Республики Таджикистан от 17.05.2004 г. № 28 «О местных органах государственной власти» [4].

Также необходимо отметить, что в Горно-Бадахшанской автономной области реализуется и деятельность местных органов государственной власти, регулируемая Конституционным законом Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти». Так, в соответствии с его ст. 3 в числе местных представительных органов государственной власти Маджлис народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области; в числе местных исполнительных органов государственной власти – председатель Горно-Бадахшанской автономной области.

Таким образом, в рамках Горно-Бадахшанской автономной области организовано комбинированное управление – государства и самоуправления местной власти. Уточним, что помимо Таджикистана, автономные территориальные образования имеются еще в трех странах, входящих в Содружество независимых государств. У Азербайджана Нахичеванская Автономная Республика; у Молдовы – Гагаузия; у Узбекистана – Республика Каракалпакстан). Как ранее нами отмечалось, подобного рода автономные территории мы расцениваем в качестве территорий с особым статусом.

Что касается статуса Нахичеванской Автономной Республики, являющейся неотъемлемой составной частью Азербайджанской Республики, то он определен Главой VIII Конституции Азербайджана (ст. 134). Исходя из установления ст. 141 Конституции Азербайджана, следует, что в Нахичеванской Автономной Республике реализуется местная исполнительная власть, главы которой назначаются Президен-

том Азербайджанской Республики по представлению председателя Али Меджлиса Нахичеванской Автономной Республики. Таким образом, фактически на территории осуществляется местная государственная власть, хотя конституционно и предусмотрено местное самоуправление (Гл. 8 Конституции Азербайджана).

Что касается входящей в состав Узбекистана суверенной Республики Каракалпакстан (ст. 85 Конституции), она является одной из его единиц административно-территориального устройства (ст. 83 Конституции). Ее статусу в Конституции Узбекистана посвящена самостоятельная Глава XVII. Следуя установлениям ст. 88, а также Главы XXI Конституции Узбекистана, Республика Каракалпакстан самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства, реализуя государственную власть на местах и самоуправление граждан. Таким образом, как и в Таджикистане используется комбинированный подход в организации управления на автономной территории – государственный и самоуправленческий.

Далее, если обратиться к Конституции Республики Каракалпакстан, видно, что представительными органами власти в районах и городах (кроме городов районного подчинения) являются Советы народных депутатов, возглавляемые хакимами, которые, исходя из интересов государства и граждан, решают вопросы, отнесенные к их компетенции (ст. 92) [2]. Государственная природа власти на местах подтверждается тем, что «хакимы районов, городов и их заместители назначаются и освобождаются от должности по представлению Председателя Совета Министров Республики Каракалпакстан Председателем Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан и утверждаются соответствующим Советом народных депутатов» (ст. 98) [2]. Самоуправленческий аспект реализации власти на территории Республики Каракалпакстан связан с органами самоуправления в поселках, аулах, а также макан-кенесах (махаллях) городов. Такими органами являются сходы граждан, избирающие на 2,5 года председателя (аксакала) и его советников (ст. 99).

Уточним, что в отличие от Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана, в Конституции Молдовы отсутствуют нормы об автономной территории Гагаузия.

В Законе Республики Молдова от 28.12.2006 г. № 436-XVI «О местном публичном управлении» говорится об органах местного публичного управления особого уровня, коими являются «Народное Собрание, Глава и Исполнительный комитет, учрежденные и действующие на территории автономного территориального образования Гагаузия, которое имеет особый уровень управления для решения вопросов политического, экономического и культурного характера в интересах всего населения» (ст. 1) [7]. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закон от 23.12.1994 г. № 344 «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» «Гагаузия (Гагауз Ери) – это территориальное автономное образование с особым статусом как форма самоопределения гагаузов, являющееся составной частью Республики Молдова» [8].

Согласно ч. 4 ст. 5 заявленного Закона «О местном публичном управлении» «органами публичного управления автономного территориального образования Гагаузия, посредством которых осуществляется местная автономия, являются Народное Собрание как представительный орган, Глава (Башкан) и Исполнительный комитет как исполнительные органы» [7].

В Уложение Гагаузии детальнее представлено публичное управление в районах (доляях), которое осуществляется председателями районов и их администрациями. «Председатели районов являются официальными лицами, выполняющими админи-

стративные, управленческие, распорядительные и контрольные функции на подведомственной территории» (ч. 1 ст. 82) [3]. Таким образом, исходя из положений Закона Молдовы «О местном публичном управлении», на территории Гагаузии, как и в иных территориальных образованиях реализуется местная государственная власть.

Подводя анализ осуществленного исследования, можно сделать следующие выводы о формализованных моделях организации власти на территориях с особым статусом в странах СНГ. Итак, в Российской Федерации выявлена рамочно-законодательная модель, представленная специальным федеральным законом, легализующим многообразий территорий с особым правовым статусом и порядок организации / реализации в них власти на уровне местного самоуправления.

В Конституции Армении установлена столично-акцентная модель, выделяющая в качестве территории с особым статусом столицу государства – Ереван с организацией в ней власти на основе государственного управления и местного самоуправления. В конституциях Азербайджана, Таджикистана и Узбекистана установлена исходно-автономизирующая модель, легализующая в государстве автономные территориальные образования (Азербайджан – Нахичеванская Автономная Республика, Молдова – Гагаузия, Узбекистан – Республика Каракалпакстан). В Нахичеванской Автономной Республике предусмотрена реализация местной государственной власти. В рамках Горно-Бадахшанской автономной области и в Республике Каракалпакстан организовано комбинированное управление – государства и самоуправления местной власти.

В Молдове, полагаем, модель к организации власти в Гагаузии надлежит поименовать как законодательно-автономизирующую, поскольку на территории этой автономии, как и в иных территориальных образованиях Молдовы реализуется местная государственная власть.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Конституция Республики Каракалпакстан принята 09.04.1993 г. Верховным Советом Республики Каракалпакстан // [https://nrm.uz/contentf?doc=390992_konstituciya_respubliki_karakalpakstan_\(prinyata_09_04_1993_g_verhovnyum_sovetom_respubliki_karakalpakstan\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lmxal69v4k48852495](https://nrm.uz/contentf?doc=390992_konstituciya_respubliki_karakalpakstan_(prinyata_09_04_1993_g_verhovnyum_sovetom_respubliki_karakalpakstan)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lmxal69v4k48852495) (дата обращения 12.09.2023 г.).
3. Закон № 28-XXX/I от 05.06.1998 г. «Уложение Гагаузии (Гагауз-Ери) // <https://halktoplushu.md/archives/103?ysclid=lmx9gteyx811813073> (дата обращения 12.09.2023 г.).
4. Конституционный закон Республики Таджикистан от 17.05.2004 г. № 28 «О местных органах государственной власти» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445185
5. Конституционный закон Республики Таджикистан от 30.07.2007 г. № 303 «О Горно-Бадахшанской автономной области» // <https://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02502-ru.pdf> (дата обращения 12.09.2023 г.).
6. Закон Республики Армения от 26.12.2008 г. № ЗР-5 «О местном самоуправлении в городе Ереване // <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3484&lang=rus> (дата обращения 12.09.2023 г.).
7. Закон Молдавии от 28.12.2006 г. №436-XVI «О местном публичном управлении» // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18597&ysclid=lmx95h7a6f790703671
8. Закон от 23.12.1994 г. № 344 «Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» // https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136220&lang=ru# (дата обращения 12.09.2023 г.).
9. Закон Республики Таджикистан 05.08.2009 г. № 549 «Об органах самоуправления посёлков и сёл» // <https://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02550-ru.pdf>.

10. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
11. Бланкенгель А. О скрытой пользе сравнительного правоведения и сравнительного конституционного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). С. 51-52.
12. Годовникова А.М., Михайлов Р.Б. Правовое положение территорий с особым правовым статусом // Территория науки. 2013. № 6. С. 125-132.
13. <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения 12.09.2023 г.).

Mokrousova K. A. Organization of power in territories with a special status: constitutional and legal experience of the CIS countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 152–157.

Territories with a special status are of scientific and practical interest due to their specifics related to the establishment and organization of power in them, contributing to the formation and maintenance of certain parameters based on the interests of subjects of various legal nature. The article, based on the analysis of the texts of constitutions, as well as special legislation of the Commonwealth of Independent States, reveals the organization of power in territories with a special status. The regularities and peculiarities of the legalization of the declared territories allowed the author to identify, name and characterize the formalized models of the organization of power in territories with a special status in the countries of the Commonwealth of Independent States. Among them: framework-legislative (Russian Federation), capital-accents (Armenia), initial-autonomizing (Azerbaijan, Moldova, Uzbekistan) and legislative-autonomizing (Moldova).

Keywords: capital, autonomous territory, administrative-territorial unit, local self-government, local government.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ; s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.) // Rossijskaya gazeta. 1993, 25 dekabrya; 2020, 4 iyulya.
2. Konstituciya Respubliki Karakalpakstan prinyata 09.04.1993 g. Verhovnym Sovetom Respubliki Karakalpakstan // [https://nrm.uz/contentf?doc=390992_konstituciya_respubliki_karakalpakstan_\(prinyata_09_04_1993_g_verhovnym_sovetom_respubliki_karakalpakstan\)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lmxal69v4k48852495](https://nrm.uz/contentf?doc=390992_konstituciya_respubliki_karakalpakstan_(prinyata_09_04_1993_g_verhovnym_sovetom_respubliki_karakalpakstan)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana&ysclid=lmxal69v4k48852495) (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
3. Zakon № 28-XXX/I ot 05.06.1998 g. «Ulozhenie Gagauzii (Gagauz-Eri) // <https://halktoplushu.md/archives/103?ysclid=lmx9gteyx811813073> (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
4. Konstitucionnyj zakon Respubliki Tadjikistan ot 17.05.2004 g. № 28 «O mestnyh organah gosudarstvennoj vlasti» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445185 (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
5. Konstitucionnyj zakon Respubliki Tadjikistan ot 30.07.2007 g. № 303 «O Gorno-Badahshanskoj avtonomnoj oblasti» // <https://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02502-ru.pdf> (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
6. Zakon Respubliki Armeniya ot 26.12.2008 g. № ZR-5 «O mestnom samoupravlenii v gorode Erevane // <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3484&lang=rus> (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
7. Zakon Moldavii ot 28.12.2006 g. №436-XVI «O mestnom publicnom upravlenii» // https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=18597&ysclid=lmx95h7a6f790703671
8. Zakon ot 23.12.1994 g. № 344 «Ob osobom pravovom statuse Gagauzii (Gagauz Eri)» // https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136220&lang=ru# (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).
9. Zakon Respubliki Tadjikistan 05.08.2009 g. № 549 «Ob organah samoupravleniya posyolkov i syol» // <https://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02550-ru.pdf>
10. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 g. № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii» (red. ot 04.08.2023 g.) // SZ RF. 2003. № 40. St. 3822.
11. Blankenagel' A. O skrytoj pol'ze sravnitel'nogo pravovedeniya i sravnitel'nogo konstitucionnogo prava // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2004. № 3 (48). S. 51-52.
12. Godovnikova A.M., Mihajlov R.B. Pravovoe polozhenie territorij s osobym pravovym statusom // Terri-toriya nauki. 2013. № 6. S. 125-132.
13. <https://worldconstitutions.ru> (data obrashcheniya 12.09.2023 g.).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК. 343.2/7; 347.1

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О
ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ**

*Анкаев Д. М.
ВЮН ФСИИ России*

На государственном уровне закреплена первостепенность человеческой жизни и его здоровья, что подтверждается Конституцией РФ. Такая правовая ситуация накладывает на государство ряд обязанностей. Например, государство должно обеспечивать неприкосновенность своих граждан, обеспечить им должный уровень жизни, что возможно осуществить только при грамотной организации работы правовой системы и ее механизмов. Причинение вреда жизни или здоровью одним субъектом другому провоцирует появление определенных обязательств, вытекающих из него. Притом, возлагаемая ответственность за данный зарегистрированный факт не всегда отвечала требованиям, связанным со справедливостью и достоинством. Вред, существующий как последствие противоправного деяния, в настоящее время не рассмотрен всесторонне. Обязательства субъекта, нанесшего ущерб, тщательно подвергаются анализу, в ходе которого исследуется и сущность, и проблематика вопроса. Не стоит забывать, что вред жизни и здоровью человека причиняется не только в результате противоправных деяний. Деятельность, не являющаяся противоправной, также может принести подобный ущерб. Компенсация такого вида вреда регламентируется законодательством, но ограничено Гражданским кодексом РФ. Если рассматривается вопрос о нарушении прав на жизнь и здоровье, то такой подход не только не оправдан, но и считается диаметрально противоположным должному. Вред, который причиняется неотчуждаемым правам человека, априори является противоправным независимо от причин возникновения; общественные интересы не могут быть таковыми, если они идут в разрез с правом на жизнь и здоровье. Если рассматривать эти права только со стороны обязательств гражданско-правового обязательства деликтного характера, то такой подход нельзя назвать широким. Но важно помнить, что вред, нанесенный здоровью и/или жизни субъекта, должен анализироваться с точки зрения природы возникновения, так как не только факт гражданского правонарушения может быть исходной причиной.

Ключевые слова: возмещение вреда, материальные блага, жизнь, здоровье, правовое регулирование, законодательство, ущерб, справедливость, защита прав.

Законодательство России регулярно развивается, но все-таки в нем по настоящее время прослеживается наличие пробелов. Функционирование существующей правовой системы в основном встречается с вопросом теоретических и практических разногласий. Данная сложившаяся ситуация спровоцировала развитие общественных отношений на недоговорных основаниях, то есть без заключения официальных соглашений. Для более подробного рассмотрения данного вопроса можно принять во внимание такой юридический факт, как причинение вреда одним человеком другому. Вред, который причиняется благам человека нематериального происхождения, провоцирует возникновение определенного рода отношений. Возмещение такого вреда связано с политикой государства в отношении ценностей нематериального мира, что говорит о большом практическом значении.

Причинение вреда жизни или здоровью одним субъектом другому провоцирует появление определенных обязательств, вытекающих из него. Притом, возлагаемая ответственность за данный зарегистрированный факт не всегда отвечала требованиям, связанным со справедливостью и достоинством [3, с. 26]. Анализ судебной практики за последние несколько лет говорит о росте доли гражданских дел, предметом которых является возмещение вреда, возникшего в рамках внедоговорных

отношений. Например, в сфере медицинских взаимоотношений отмечается резкий рост исковой активности от пациентов тех или иных организаций, оказывающих медицинские услуги. Одним из факторов роста, по мнению экспертов, является актуализация ОМС и активное продвижение борьбы потребителей за свои права. По данным Федерального Фонда обязательного медицинского страхования «ежегодно от населения поступает около 1,5 млн. жалоб на некачественно оказанную медицинскую помощь, из которых 350 тыс. случаев являются врачебными ошибками» [8].

Сумма, причитающаяся в качестве компенсации ущерба, определяется исходя из критериев, установленных законом. Четкая градация каких-либо возмещений в данном случае отсутствует. В каждом случае возмещение ущерба, а точнее его сумма, формируется на основании прецедентов в судебной практике.

Сложность также вызывает то, что оценить степень ущерба, как физического, так и психического характера, причиненного лицу, оценить достоверно сможет только тот, кто имеет нужный уровень знаний в соответствующих областях науки. Кроме того, должны учитываться и индивидуальные особенности субъекта, получившего ущерб.

Если говорить о психологической стороне вопроса, то степень страданий отдельного субъекта невозможно оценить без анализа факторов, описывающих индивидуальные особенности нанесенной травмы. Среди таких факторов могут быть сила травмы, период ее влияния на субъект, время, прошедшее с факта причинения вреда до начала судебного производства. Личностные факторы важны не в меньшей степени. Среди них: состояние субъекта до травмирующего случая, личностные качества, личностная характеристика тех качеств, которые влияют на перенесение нанесенного вреда (психическая, психологическая устойчивость, степень психологической защиты и др.). Еще один фактор, который нельзя игнорировать, заключается в личностных качествах субъекта, причинившего вред: личностные качества субъекта, причинившего вред, способствующие причинению вреда; отношение субъекта к своему поступку и его последствиям. Какого-либо способа, который можно отметить как метод определения страдания и его степени субъектом, которому был причинен ущерб, не существует. Человек является личностью с индивидуальным набором чувств, эмоций и качеств, а поэтому всё, что воспринимает и как воспринимает человек, не представляется реальным определить.

Когда суд определяет ущерб, его степень и характер, а также размеры его компенсации, нельзя забывать о соразмерности. Так как на правовом уровне определение компенсации не зафиксировано ни в плане сумм, ни в плане методик определения, то данный вопрос вызывает определенные затруднения, так как общепризнанных инструментов и методик для решения этого вопроса не предусмотрено. В целом любое влияние на личность человека не является измеримым в денежной форме понятием. Поэтому, если со стороны законодательства говорится о справедливости в вопросе возмещения ущерба, то речь идет о том, что чем сильнее мучение субъекта, тем больше должно назначаться возмещение. Соответственно, и наоборот. При этом стоит помнить, что данные вопросы рассматриваются в судебном порядке, а судебных органов на территории РФ достаточно обширное количество, а значит установить единый уровень опять же невозможно [4, с. 275]. Теоретически на уровне ВС РФ можно было бы установить единый базис для государства, что стало бы своеобразным выходом из данной ситуации.

Фактически, если бы речь шла о подробной разработке методики, то правоведы столкнулись бы с множеством проблем и противоречий. Поэтому выход из данной ситуации – установление минимальных критериев, которые будут учитываться при разрешении вопросов по назначению компенсации морального ущерба. Степень тяжести страданий, связанных с травмами, увечьями, иными последствиями, должна также, несомненно, учитываться, а кроме того, и включаться в ряд учитываемых критериев при назначении сумм возмещений [1, с. 19]. В результате повреждений здоровья, субъект страдает не только физически, страдания на уровне нравственности также сопровождают индивидуум, так как определенные увечья, утраты по здоровью, особенно у первоначально полностью дееспособного человека, плотно влияют на его психику, так как невозможность жить в прежнем режиме привлекает различного рода отрицательные психологические состояния. Два вида этих страданий, безусловно, взаимосвязаны. Более того, физический вред может перестать травмировать человека достаточно быстро, а психологические страдания могут сопровождать человека не один год и даже всю жизнь. Например, люди каждый день смотрят на свои руки или видят свое лицо в зеркале. Кроме того, взаимосвязь, в том числе проявляется на взаимосвязи видов страданий. Физическая боль может усугублять психологическое состояние человека.

Из-за ущерба, нанесенного субъекту, он может временно или навсегда утратить возможность выполнять определенные трудовые функции, утратить определенные возможности любого здорового человека, возможно, даже лишиться строить личную жизнь и участвовать в общественной жизни. Решением в данном случае может стать официальное установление критерия, который будет делить дела на некие категории. Разработка таких критериев в целом должна производиться отдельным подразделением при законодательном органе власти, где будет проводиться полноценная комиссия по данному вопросу. Помимо прочего, на нее же ляжет обязанность определения минимальных порогов компенсаций для конкретно определенных категорий.

Гражданский процессуальный кодекс РФ говорит, что судопроизводство в списке своих задач содержит задачу рассматривать гражданские дела правильно, в установленные законом сроки, с целью защитить или восстановить утраченные права людей (ст.2). При этом в полной мере такую задачу выполнить достаточно трудно из-за присутствия доли субъективизма в ходе рассмотрения судебных дел.

Конституционный суд по данному вопросу говорит следующее. «Само по себе использование в оспариваемой норме таких оценочных понятий, как «разумность» и «справедливость» в качестве требования, которым должен руководствоваться суд при определении размера компенсации морального вреда, не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы и не приводит к какому-либо неравенству при ее применении, поскольку названное правовое предписание не препятствует возмещению морального вреда гражданину в случаях, предусмотренных законодательством» [7].

Данный тезис законодательства идет в тандеме с интересами и правами человека, но не стоит забывать, что судьей является человек, со своим субъективным восприятием ситуации в каждом конкретном случае. Становление минимальных порогов, назначаемых в качестве возмещения нравственного ущерба, помогут не только регулировать работу судебных органов, но и снимут часть нагрузки с них. Однако не

стоит забывать и о категоризации дел, в связи с которой и будет назначаться минимальный порог.

Так, необходимо в данном случае собрать максимальное количество судебных precedентов, случаев из практики судов и провести процедуру по присуждению их к той или иной категории. Затем, каждая категория также должна детально быть рассмотрена. Второй уровень разделений уже должен касаться именно денежного вопроса. Выше речь шла о специальной комиссии, на которую и должна быть возложена данная обязанность.

И хотя работа по систематизации судебной практики представляет собой долгий и трудоемкий процесс, но итогом ее будет наличие общепринятых рамок назначаемой денежной компенсации за тот или иной вид ущерба с субъекта, причинившего этот ущерб. Нужно это для того, чтобы максимально снять субъективную ответственность судьи за подобные решения.

Кроме того, данная систематизация поможет привести в порядок и регламентировать вопрос назначения возмещения морального ущерба [10, с. 170]. Для граждан это будет не только показателем некоторой справедливости, но и показателем отлаженной работы всей судебной системы страны, что повысит гражданское доверие к судебной системе. Притом последствие введения таких мер ожидается в виде снижения исковых обращений к судам за пересмотром дел.

Помимо непосредственно процедуры категоризации необходимо провести социальный опрос на тему ее необходимости, что поможет подвести итог по показателю целесообразности этой процедуры. Кроме того можно определить средние суммы и критерии, по которым эти суммы будут устанавливаться. Критерии могут быть предложены самые разные. Например, способ причинения вреда, источник вреда, характеристика источника вреда, уровень опасности, непосредственно оценка ущерба жизни или здоровью, то есть его степень, влияние ущерба на дальнейшую жизнь человека и т.д. Истец в своем обращении в суд с требованиями о возмещении ущерба, причиненного как физически, так и морально, может указать любую сумму, которая в свою очередь может сильно не соответствовать действительности. С этической точки зрения это вполне объяснимо, так как трудно оценить самостоятельно ущерб, например, от смерти родного человека. Судья, ведущий процесс разбирательства, конечно, также человек и может поддаться субъективизму, но установление определенных границ позволит максимально помочь судье принять решение. Отпадет больше количество вопросов, связанных с апелляциями по поводу слишком маленьких компенсаций.

Минимальный порог компенсационной выплаты будет зависеть от множества факторов. Одним из них должен стать факт получения пострадавшим субъектов степени инвалида или утраты трудоспособности, а также все то, что последовало из этого. Слишком механически данному вопросу также нельзя подходить. Каждая рассматриваемая ситуация требует также и понимания, потому что данный вопрос требует не только понимания всей ситуации, но и понимания состояния пострадавшего и физического, и психологического. Ущерб, полученный потерпевшим, во многом зависит от самого пострадавшего, от его мировосприятия, характера, индивидуальных качеств и состояния до получения вреда.

То есть фактически важно определить, насколько изменилось внутреннее состояние субъекта, получившего вред, в какой степени оно нуждается в восстановлении,

что стало результатом нанесения человеку ущерба. Исходя из этого, можно судить о необходимости создания дополнительного института, отвечающего за определение нравственного состояния субъекта, получившего ущерб. Самый логичный вариант решения такого вопроса может выражаться в выдаче пострадавшему определенной справки, которая должна быть обязательным приложением к исковому заявлению с требованиями о компенсации ущерба. Такой документ должен представлять собой заключение испытания, проведенного с пострадавшим. В ходе испытания должны быть выявлены нарушения и их степень. Отражение результатов может быть в виде процентного соотношения. Кроме того, требуется оценивать наступившие и возможные в будущем последствия причиненного ущерба. Например, стоит оценить и текущую нетрудоспособность и то, насколько долго потерпевший будет потенциально относиться к данной категории.

Стоит сделать заметку по поводу термина «страдание». Его применение в правовых источниках оправдано и связано с получением морального ущерба пострадавшим, как последствия противоправных деяний. Если взять в качестве примера получение телесных повреждений, то возмещение должно быть получено пострадавшим не только за физический понесенный вред, но и за моральные страдания субъекта, а также, возможно, за затраты на лечебные процедуры и понесенные расходы на оборудование и инструментарий. Чтобы данные вопросы решались максимально справедливо, в рамках судебного разбирательства стоит проводить определенные экспертизы, заключения которых будут являться прямым основанием для компенсационных назначений. С точки зрения процессуального законодательства данные экспертизы не будут являться помехой срокам.

Институт компенсации нравственного ущерба нельзя недооценивать в правовой системе. Вред, несомненно, сказывается практически на всех сферах жизни. Опасность нравственного ущерба заключается в том, что предсказать его точное влияние на тот или иной субъект невозможно, а кроме того, такое влияние является еще и максимально разноплановым, обширным. Все это говорит о важности рассматриваемого института в гражданской отрасли права. Рассматривая вопрос приведения к единым стандартам определения в гражданской отрасли права вины, а также ее видов, важно обратить внимание, что является необходимым обозначение данных понятий, и подробного их раскрытия. Если смотреть по каждому отдельному обязательству, независимо от природы их возникновения, то нужно понимать, что у каждого из них могут быть совершенно разные последствия и совершенно разная по ее характеристикам вина.

Не менее важным показателем, который должен приниматься во внимание судьей в ходе судебного разбирательства, это мотивы, которые преследовались субъектом, причинившим вред. Мотивы сопровождаются также иными попутными характеристиками, такими как осознание свои действий, личное отношение к этому. Также, рассматривая вину, важно отразить на законодательном уровне этот же вопрос в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста или полной дееспособности. В данном случае, важным вопросом является вина ответственного взрослого, а именно родителя или опекуна.

Статья 1088 Гражданского кодекса РФ нуждается в дополнении. Необходимо внести категорию граждан, которые утратили своего близкого, которые не оказывал

полное содержание, но при этом граждане, выступающие с требованиями возмещения ущерба, имеют доход ниже установленного прожиточного минимума.

Такой подход максимально отвечает социальным запросам в современном мире. Например, не редко жена ведет совместное хозяйство с мужем, но если сравнить уровни их дохода, то доход мужа значительно выше дохода жены. Данный вид расходов скорее можно отнести к дополнительным. Такой вид расходов должен отдельно подвергаться рассмотрению в данном вопросе, а значит, и иметь отдельное правовое закрепление. Притом, важно не только официальное фиксированное закрепление таких расходов, но и отражение нюансов, связанных с ним. А именно от требующего компенсации необходимо получить фактическое подтверждение нужды в этих доходах и подтверждения тех статей затрат, на которые данный доход был необходим. В качестве примера, можно рассмотреть вопрос о возмещении затрат на погребение. В список понесенных затрат нередко включают расходы на продукты питания, которые приобретаются для проведения поминального застолья.

Ранее рассматривался вопрос систематизации прецедентов, связанных с возмещением нравственного ущерба [2; 5; 9]. Компенсацию, назначаемую в связи с ущербом жизни и здоровью, необходимо не только систематизировать, но и строго распределить по разным категориям. Категории можно минимально выделить две. Первая связана с причинением вреда здоровью, а вторая – жизни.

Еще один явный плюс систематизации заключается в фиксации тех особенностей данного вопроса, которые не закреплены законодательно. Касаемо систематизации также важен не сам факт ее проведения, а разработка целой системы мероприятий, которая позволит правильно систематизировать не только уже существующую практику по вопросу возмещения морального вреда, но и будущие возникающие случаи, и новые законодательные акты. Такое законодательное закрепление будет не только признаком высокого правового уровня государства, но и повысит стандарты прав и свобод своих граждан. Кроме того, при правильном подходе к рассматриваемому вопросу повышается и эффективность реализации.

В современном мире права активно и регулярно происходят изменения. Чем масштабнее сложнее отношения, тем больше норм, регулирующих их, это значит, что и юридическое воздействие охватывает крупные горизонты.

В такой ситуации вполне объяснима актуальность работы правоведов, которая направлена на работу с негативными НПА, объединение их в систему, а также на решение проблем внутри этой системы [11, с. 83].

Основная задача на данный момент, стоящая перед законодателем, заключается, прежде всего, в соблюдении и исполнении текущей системы законодательства. Не менее важной задачей является дополнение законодательной базы новыми нормативно-правовыми актами, которые направлены на устранение возникающих недочетов. Законодатель может встретиться с рядом сложностей, которые связаны с внедрением новых норм права и утверждения новых институтов. Так как правовая система достаточно обширна по своей структуре, то внедрить что-то новое, не столкнувшись с противоречиями и непониманию, практически невозможно.

Закрывая один вопрос, путем создания новой нормы, нередко возникают новые вопросы, также нуждающиеся в разрешении. Как уже упоминалось ранее на законодателе лежит функция по охране обязательств из нанесения вреда. Для правильного функционирования необходимо подробнее рассмотреть эту функцию, а точнее ее

цель. Прежде всего, необходимо проводить большую работу с социумом. Нужно открыто говорить обществу о том, что причинение ущерба является недопустимым деянием. Например, это можно делать через размещение социальной рекламы. Установление контакта с обществом может проходить через исследования и опросы. Это в свою очередь не только поможет повысить качество обратной связи от общества, но и укрепит у каждого человека личные нравственные устои.

В любом случае, каждый раз проводя работу со стороны законодателя должно учитываться, что нанесение ущерба, нарушение права на жизнь и здоровье является противозаконным.

На основании этого, нужно закреплять нормы, которые будут стимулировать граждан относиться к правам других с уважением и избегать всякой угрозы нарушения права. К числу признанных и защищаемых Конституцией Российской Федерации [6] прав относятся, прежде всего, «право на жизнь (ст. 20, часть 1) как высшую социальную ценность, охраняемую законом, которое является основным, неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, и право на охрану здоровья (ст. 41) как неотчуждаемое благо. Возлагаемая на Российскую Федерацию обязанность по обеспечению реализации и защите названных конституционных прав предполагает как необходимость разрабатывать и осуществлять комплекс мероприятий, создающих условия, при которых исключалась бы какая-либо опасность для жизни людей и предотвращалось бы причинение вреда здоровью, так и необходимость принимать меры к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью».

Список литературы:

1. Апкаев, Д. М. Особая жестокость как оценочная категория // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 18-21.
2. Болдырев, В. А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина : Учебное пособие / В. А. Болдырев. – Омск : Омская академия МВД России, 2006. – 108 с.
3. Горшкова, Н. А. Особенности реализации принципа справедливости наказания, назначаемого осужденным, за совершение преступлений против здоровья в исправительных учреждениях // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 3(13). С. 26-29.
4. Завьялова, С. В. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью туриста: дискуссионные вопросы // Наука и современность. 2014. № 28. С. 275-287.
5. Иванова, Н. А. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореф. дис. ... кан-та юр. наук / Иванова Наталия Александровна. – Волгоград, 2007. – 25 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2800-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жундо Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 151 и пунктом 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации».
8. Официальный сайт Федерального Фонда обязательного медицинского страхования – URL: <https://www.ffoms.ru>. (дата обращения: 20.08.2023).
9. Сагрунян, В. М. Проблемы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью транспортным средством как источником повышенной опасности : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соиск.... кан-та юр. наук/ Сагрунян Варган Михайлович. – Москва, 2006. – 182 с.
10. Сушков, И. С. Особенности порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 4(24). С. 164-171.
11. Хлапов, А. Л. Проблемы применения судебной практики по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина // Экономика здравоохранения. 2011. № 2. С. 79-84.

Апкаев Д. М. Ways to improve the legislation on compensation for harm to life and health // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 158–165.

At the state level, the primacy of human life and health is fixed, which is confirmed by the Constitution of the Russian Federation. This legal situation imposes a number of obligations on the state. For example, the state must ensure the inviolability of its citizens, provide them with an adequate standard of living, which can only be done with the competent organization of the work of the legal system and its mechanisms. The infliction of harm to life or health by one subject to another provokes the emergence of certain obligations arising from it. Moreover, the responsibility assigned for this registered fact did not always meet the requirements related to justice and dignity. The harm that exists as a consequence of an unlawful act is not currently considered comprehensively. The obligations of the subject that caused the damage are carefully analyzed, during which both the essence and the problem of the issue are examined. Do not forget that harm to human life and health is caused not only as a result of illegal acts. Activities that are not illegal can also cause similar harm. Compensation for this type of harm is regulated by law, but limited by the Civil Code of the Russian Federation. If the issue of violation of the rights to life and health is considered, then such an approach is not only not justified, but is also considered diametrically opposed to what should be. Harm that is caused to inalienable human rights is a priori unlawful, regardless of the causes of occurrence; public interests cannot be such if they run counter to the right to life and health. If we consider these rights only from the side of obligations of a civil law obligation of a tort nature, then such an approach cannot be called broad. But it is important to remember that the harm caused to the health and / or life of the subject must be analyzed from the point of view of the nature of the occurrence, since not only the fact of a civil offense can be the original cause.

Key words: compensation for harm, material benefits, life, health, legal regulation, legislation, damage, justice, protection of rights, international experience of anti-corruption policy

Spisok literatury:

1. Apkayev, D. M. Osobaya zhestokost' kak otsenochnaya kategoriya // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2020. № 12-2. S. 18-21.
2. Boldyrev, V. A. Vozmeshcheniye vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu grazhdanina : Uchebnoye posobiye / V. A. Boldyrev. – Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii, 2006. – 108 s.
3. Gorshkova, N. A. Osobennosti realizatsii printsipa spravedlivosti nakazaniya, naznachayemogo osuzhdennym, za soversheniye prestupleniy protiv zdorov'ya v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh // Penitentsiarnoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. 2017. № 3(13). S. 26-29.
4. Zav'yalova, S. V. Vozmeshcheniye vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu turista: diskussionnyye voprosy // Nauka i sovremennost'. 2014. № 28. S. 275-287. 5. Ivanova, N. A. Vozmeshcheniye vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina : spetsial'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoye pravo; predprinimatel'skoye pravo; semeynoye pravo; mezhdunarodnoye chastnoye pravo» : avtoref. dis. ... kan-ta yur. nauk / Ivanova Nataliya Aleksandrovna. – Volgograd, 2007. – 25 s.
6. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prin'yata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.10.2019 № 2800-O «Ob otkaze v prin'yatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Zhundo Yuriya Aleksandrovicha na narusheniye vego konstitutsionnykh prav stat'yey 151 i punktom 2 stat'i 1101 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii».
8. Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo Fonda obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya – URL: <https://www.ffoms.ru>. (data obrashcheniya: 20.08.2023).
9. Sagrunyan, V. M. Problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu transportnym sredstvom kak istochnikom povyshennoy opasnosti : spetsial'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoye pravo; predprinimatel'skoye pravo; semeynoye pravo; mezhdunarodnoye chastnoye pravo» : dis. na soisk.... kan-ta yur. nauk/ Sagrunyan Vartan Mikhaylovich. – Moskva, 2006. – 182 s.
10. Sushkov, I. S. Osobennosti por'yadka vozmeshcheniya vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina // Teoriya prava i mezhdunarodnykh otnosheniy. 2022. T. 2, № 4(24). S. 164-171.
11. Khlapov, A. L. Problemy primeneniya sudebnoy praktiki po vozmeshcheniyu vreda, prichinennogo zhizni i zdorov'yu grazhdanina // Ekonomika zdravookhraneniya. 2011. № 2. S. 79-84.

УДК 346.14.

РЫНОК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА В РОССИИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Басос Е. В.

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

В рыночной экономике востребованность квалифицированных трудовых ресурсов, достаточное количество высокопроизводительных рабочих мест, развитие наукоемкого и технологичного предпринимательства обеспечивается функционированием рынка интеллектуального труда. В статье анализируются теоретические подходы к пониманию данного социального института и его характеристики. Автором обозначены основные тенденции российской системы образования, а также отмечены приоритетные научные направления обучающихся и особенности занятости высококвалифицированного населения в России. Проведенное исследование позволило выявить ряд факторов, затрудняющих развитие интеллектуальной экономики на данном этапе: низкая мотивация населения к осуществлению инновационной предпринимательской деятельности, недостаточный объем наукоемкой промышленности, способной предоставить высокодоходные рабочие места в соответствии с имеющейся квалификацией, отсутствие профессиональных кадровых агентств, ориентированных на обеспечение занятости специалистов.

Ключевые слова: рынок интеллектуального труда, предпринимательская среда, инновационная экономика.

Достижение установленных Президентом РФ национальных целей развития РФ, обозначенных в Указе Президента РФ от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в частности, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, невозможно без развития человеческого потенциала, повышения уровня профессиональных и универсальных знаний, создания условий для применения и воспроизводства интеллектуального капитала.

И если *интеллектуальный труд в условиях инновационного развития* не получил до настоящего времени полноценного научного осмысления, что проявляется в отсутствии понимания «... сущности и ценности интеллектуального труда, как приоритетного фактора развития территории, нет единой, четко сформулированной и обоснованной концепции его формирования, методологии оценки и механизма эффективного использования» [1, с. 220], то интеллектуальный труд вообще, с точки зрения философии, рассматривается как основанная на опыте предшественников и связи поколений целесообразная институализированная социально-значимая форма активности по производству новых идеальных продуктов, *идеального* (в том числе и самого человека) [2, с. 33]; в экономике же можно выделить деятельностный подход (интеллектуальный труд как новый вид трудовой деятельности, появившийся в результате интеллектуализации производственной деятельности, имеющий в качестве своей генетической основы умственный труд, являющийся информационно емким и производительным [3, с. 18-19]) и объектный (интеллектуальный труд представляет

¹ Исследование проведено в рамках выполнения НИР «Влияние системных проблем развития предпринимательской среды в сфере интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации экономики и формирование путей их разрешения» (8-ГЗ-2022).

собой специфический способ реализации интеллектуальных ресурсов человека (группы людей), где результатом выступают объекты интеллектуальной собственности (интеллектуальные продукты), которые могут быть коммерциализированы путем вовлечения в хозяйственный оборот [4, с. 7]); в юриспруденции специфика интеллектуального труда проявляется, в первую очередь, в закреплении видов результатов интеллектуальной деятельности и установлении правового режима их охраны.

В целом же интеллектуальный труд отличается персонализированностью, интенсивностью, высокой производительностью, новизной, творческим характером, социальной направленностью. Развитый, правильно организованный и динамичный рынок интеллектуального труда, позволяющий, с одной стороны, раскрыть и реализовать умственные и творческие способности человека, а, с другой, обеспечить внедрение передовых знаний и технологий в различные сферы хозяйствования, повысить инновационную активность бизнеса, является важнейшим условием становления инновационной экономики, экономики знаний.

Квалифицированные кадры – это продукт образовательной среды. Тенденцию нескольких десятилетий в сфере образования в России можно обозначить как «массовизация высшего образования». Если в середине 1990-х годов только четверть выпускников школы попадала в ВУЗ, то к 2010 г. их количество возросло до 67,5%, а к 2016 г. до 72,5% [5, с. 159-160], в 2020 году по данным Минобрнауки 69% выпускников стали студентами высших учебных заведений. Причины востребованности высшего образования объясняются продолжительным периодом неудовлетворенного спроса и появившейся возможностью платного обучения, в том числе в негосударственных вузах, социально-экономической трансформацией общества, приведшей к снижению популярности рабочих профессий [6, с. 80].

При этом нельзя не отметить наметившийся в последние годы отказ выпускников от обучения в вузах и выбор иных образовательных траекторий: получение среднего профессионального образования, самообразование, обучение на специальных курсах, тренингах и пр. Основными факторами обесценивания высшего образования выступают слабый уровень подготовки, приводящий к тому, что «получение диплома о высшем образовании в России не означает автоматического прироста компетентности» [7, с. 216], а также небольшая экономическая отдача, объясняемая, в частности, массовизацией образования, при которой его экономическая ценность обречена оставаться сверхнизкой [8, с. 6].

Максимальная численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, в России была в 2005-2010 гг. (свыше 7 млн.), а затем с 2008 г. начала достаточно резко сокращаться и в 2021 г. составляла чуть более 4 млн. [9, с. 43]. Снижение численности студентов ВУЗов, соответственно, отражается и на количестве лиц высокой квалификации, выходящих на рынок труда. Дефицит специалистов в России на октябрь 2022 года составляет от 4 до 7 % в зависимости от вида экономической деятельности [10].

Распределение российских выпускников последних лет по научным сферам в сравнении с зарубежными коллегами выглядит также весьма примечательно (данные по зарубежным странам даны за 2019 г.) [9, с. 70]:

- наибольшей востребованностью пользуются программы по бизнесу, управлению и праву (24,5% выпускников в 2021 г.). Этот тренд поддерживается многими

ведущими странами (Великобритания – 24,2%, Германия – 25,5%, Канада – 23,3%, США – 22,1%), а во Франции этот показатель достигает 31,4%;

- инженерные, обрабатывающие и строительные отрасли занимают второе место по количеству выпускников (23% в 2021 г.), при этом Россия, наряду с Германией (24,7%) является лидером в этой сфере;

- количество российских выпускников в сфере информационно-коммуникационных технологий в 2019 году (4,8%) было сопоставимо с показателями ведущих стран – США (4,7%), Германия (4,6%);

- наименее популярны программы по естественным наукам, математике и статистике, причем количество выпускников по ним за последние годы даже сократилось (с 4,4 % в 2019 г. до 3,9% в 2021 г.). По данным направлениям Россия находится в самом низу рейтинга стран – лидеров образования и значительно уступает странам, показывающим высшие результаты, – Великобритании (13,3%) и Канаде (11,4%);

- нижние строчки рейтинга занимает Россия и по доле выпускников, специализирующихся в сфере искусства и гуманитарных наук (5,3% в 2021 г., 3,8% в 2019 г.), лидерами по данным направлениям являются Италия (17,1%), Республика Корея (17,0%), а также, что печально, в сфере здравоохранения (6,1%), где возглавляет рейтинг Швеция (24,1%).

Итогом повышения доступности высшего образования стало то, что к 2019 году каждый третий россиянин в возрасте 25-64 лет имел высшее образование, причем в возрасте 25-34 лет количество людей в России с высшим образованием составило 40,3%. Уровень образованности молодежи в России выше, чем в Германии (34,5%), Италии (28,8%), Франции (36,1%), Швеции (38,6%), сопоставим с Канадой (40,4%) и США (41,1%), но пока еще отстает от Великобритании (48,9%), Республики Корея (48,7%) [9, с. 21]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что в России значительная доля трудовых ресурсов отличается высокой квалификацией, что является одной из предпосылок инновационного развития экономики.

Однако данный образовательный потенциал российского населения слабо влияет на экономику и не способствует росту благополучия людей. Низкая отдача от высшего образования приводит к тому, что многие его получившие в целях профессионального роста и увеличения дохода занимаются низкоквалифицированным трудом. В отдельных случаях граждане просто не могут найти работу, соответствующую их квалификации, в итоге их образование становится избыточным для той должности, которую они занимают. По самым минимальным оценкам, к работникам, чей образовательный потенциал недоиспользуется, можно отнести свыше 13% работников сферы обслуживания, около 30% сельскохозяйственных работников и свыше 40% неквалифицированных рабочих [11, с. 40-41].

Трудоустройство не по специальности также свидетельствует о несоответствии образовательных программ вузов потребностям экономики, неактуальности профессии в принципе или в данном конкретном регионе. Одним из негативных последствий такой ситуации является невозможность в большинстве случаев строить поступательную карьеру в плане совершенствования знаний, углубления навыков, наращивания творческого потенциала в определенной сфере.

Уровень занятости в сферах, в большей степени ориентированных на высокую квалификацию сотрудников (образование, финансовая деятельность, здравоохранение и предоставление социальных услуг, государственное управление и обеспече-

ние военной безопасности, информация и связь), несмотря на рост численности высокообразованных граждан, последние пятнадцать лет сохраняется на достаточно стабильном уровне, колебания происходят в пределах 1% [12, с. 49]. При этом интересно отметить, что показатели занятости внутри отдельной профессиональной сферы могут изменяться достаточно серьезно. Так, например, численность лиц, занятых в высшем образовании с 2009 г. по 2018 г. сократилась практически на 40%, а в сфере научной деятельности на 13,1% [13, с. 1021].

Рынок интеллектуального труда в России до настоящего времени испытывает острый дефицит специалистов ИТ-индустрии, обусловленный продолжительным периодом отсутствия соответствующих образовательных программ. Общая численность ИТ-специалистов, работавших в российской экономике, в 2009 г. немного превышала 1 млн. человек или чуть более 1% от всего трудоспособного населения. При этом в США их численность составляла 3,74%, в Великобритании – 3,16%, в Германии – 3,14%. Кадровый рост в России наметился только в 2010 г. и к 2019 г. доля ИТ-специалистов среди экономически активного населения составила 2,4%, половина из них заняты на крупных предприятиях. По этому показателю в сравнении со странами ЕС, где значение такого показателя составляет в среднем 3,9%, Россия находится на третьем с конца месте после Латвии и Греции [14].

Следует также отметить, что в России с 1995 г. наблюдается значительный рост доли лиц, имеющих высшее образование, среди представителей NEET-молодежи (молодежь, которая и не работает, и не учится (Not in Employment, Education, or Training)), что отличает ситуацию в России от развитых стран [15, с. 80]. Вероятной причиной такой ситуации является развитие сектора теневой экономики.

Рынок интеллектуального труда в РФ характеризуется также низкой востребованностью профессиональных кадровых агентств и службы занятости при поиске работы, отсутствием интереса к собственной предпринимательской деятельности.

Поиск работы выпускники вузов в большинстве случаев осуществляют самостоятельно, используя знакомства (около 30%) или Интернет (30%), менее популярны непосредственное обращение к работодателю (около 20%) и в государственную службу занятости (около 12%). При этом только чуть больше 1% выпускников ВУЗов предпринимали шаги для открытия собственного дела [16, с. 4]. По данным ВЦИОМ на 2022 г. интерес у населения к предпринимательству за последние 30 лет только снизился: число желающих открыть свое дело составляет 23% (в 1992 г. – 31%, в 2016 г. – 34%), а доля тех, кто не хочет заниматься бизнесом составляет рекордные 65% (в 1993 – 47%, в 2016 г. – 60%). Причем молодые люди в возрасте 18-24 лет, объясняя свой отказ от ведения бизнеса, ссылаются на отсутствие интереса к предпринимательству в принципе (32%), на нехватку компетенций (25%) и неуверенность в государственной политике (21-24%). Помимо этого, наиболее привлекательной сферой для бизнеса является розничная торговля (20%), а наименее – информационных технологий (3%) [17]. Следовательно, инновационный малый бизнес, ориентированный на интеллектуальные способности и призванный обеспечить наиболее эффективное использование человеческого капитала и технологичное развитие экономики, в России не популярен, а объекты инфраструктуры предпринимательской среды (технопарки, бизнес-инкубаторы, инновационные центры, венчурные фонды и др.) мало востребованы. Если в зарубежных странах среди предприятий, осуществляющих технологические инновации, малый бизнес составляет от 65

до 80% (Италия – 79,1%, Греция – 78,2%, Турция – 77,5%, Великобритания – 76,1%, Норвегия – 75,1%, Швеция – 73,4%, Бельгия – 72,2%, Финляндия – 71,7%, Нидерланды – 71,2%, Германия – 65,7% [18, с. 2]), то в России же среди малых предприятий доля тех, которые осуществляют технологические инновации, весьма незначительна (7,1% в 2021 г. [19]).

Человеческий капитал является важнейшим богатством России, но самым недооцененным и имеющим в связи с этим небольшую отдачу. В связи с чем первоочередными государственными задачами являются сбережение населения, формирование культурной среды, способствующей развитию морально-нравственных качеств и мотивации, повышение качества и доступности образования на всей территории страны, создание условий и возможностей для раскрытия человеческого потенциала, повышение конкурентоспособности индивидов за счет овладения ими «мягких» навыков (управленческих, коммуникативных, командной работы, преодоления конфликтных ситуаций, стрессоустойчивость, самообучаемость и пр.), которые по данным исследований повышают производительность работника и в быстро изменяющихся условиях скоро будут составлять основу требований на рынке труда [20, с. 153]. Можно констатировать, что из всех сфер, в наибольшей степени ориентированных на новейшие технологии и достижения, на создание результатов интеллектуальной деятельности творческим трудом, недавние выпускники российских ВУЗов массово представлены только в инженерной, обрабатывающей и строительной областях (собственно эта сфера остается одной из лидирующих по количеству выпускников весь постсоветский период). Однако найти применение в соответствии с квалификацией и желаемым уровнем дохода специалистам непросто, поскольку, с одной стороны, даже несмотря на наметившийся к 2020 г. кадровый дефицит (в первую очередь из-за демографического аспекта – отсутствия необходимого количества молодых работников, готовых заменить лиц, вышедших на пенсию) в промышленном секторе отмечался наименьший рост заработной платы [21, с. 414], с другой, с начала XXI в. в России сформировалась устойчивая тенденция сокращения числа рабочих мест, поскольку масштабы их ликвидации превышали размеры создания, по отдельным данным с 2000 г. по 2014 г. численность работников в сфере промышленности сократилась на 16% [22, с. 39, 43], сокращение числа промышленных предприятий и организаций продолжалось и в 2017-2020 гг. (количество обрабатывающих производств и предприятий в сфере водоснабжения, водоотведения, сбора и утилизации отходов сократилось почти на 20%, предприятий в сфере обеспечения электроэнергией, газом и паром, а также по кондиционированию воздуха на 16,5%) [23, с. 56-57].

В целях развития рынка интеллектуального труда, обеспечения оборота интеллектуальной собственности следует поддерживать образовательный спрос по наиболее перспективным и наукоемким направлениям: химия, информатика, энергетика, связь, медицина, фармацевтика. Кроме того, в условиях ограниченности ресурсов на развитие у большинства предприятий необходимо использовать доходы от сырьевого сектора на развитие новых технологий.

Следует положительно оценить осуществляемые в последние годы мероприятия по вовлечению работодателей в образовательный процесс, по обеспечению трудоустройства выпускников, но важно не только привлечь работников, необходимо их

удержать, заинтересовать. И здесь возникает первая проблема – низкий уровень заработной платы высококвалифицированных кадров.

Современные исследования показывают, что на конец 2019 г. абсолютный уровень бедности (когда совокупный доход домохозяйства оказывается меньше предусмотренного для него совокупного прожиточного минимума) среди профессионалов был довольно распространен – 6,3%, а малообеспеченность (когда среднедушевой доход домохозяйства менее полутора прожиточных минимумов) имела еще более массовый характер – 15,3%. Если говорить об относительной бедности (когда бедными считаются граждане, испытывающие не характерные для членов определенного сообщества множественные лишения и не способные поддерживать типичный для них образ жизни), то тогда к категории бедных по данным 2019 г. следует отнести 13,4% от всех профессионалов [24, с. 117; 119].

Кроме того, для высококвалифицированных работников при определении места работы (страны и конкретного работодателя) не менее важным фактором, чем размер заработной платы, являются жизненные условия: состояние экологии, политическая и экономическая стабильность, уровень образования и здравоохранения, психологический климат на рабочем месте, возможности самореализации и т.п. Следует согласиться с мнением, что «... эффективно функционирующая высококвалифицированная рабочая сила может окончательно сформироваться и постоянно воспроизводиться только при занятости на соответствующих рабочих местах и в благоприятных экономических условиях. Создание и поддержание этих благоприятных условий, способных обеспечить на должном уровне воспроизводство общественно необходимой рабочей силы, и является основной целью экономической политики на рынках труда» [25, с. 45].

Подводя итог, следует отметить, что в России наметился ряд ключевых проблем в сфере развития рынка интеллектуального труда: низкий спрос на высококвалифицированных специалистов при массовом высшем образовании, отставание образовательных программ от потребностей инновационной экономики, отсутствие предпринимательской активности населения. При этом эффективный системный механизм их решения, предусматривающий создание благоприятной среды для саморазвития и интеллектуальной деятельности, реформирование образовательной системы всех уровней, изменение структуры занятости, по-прежнему отсутствует.

Список литературы:

1. Филинов В.А. Интеллектуальный труд в современной системе экономических отношений // Актуальные проблемы теории и практики управления: сб. научных статей VII Международной научно-практической конференции (Смоленск, 08 декабря 2017 года). – Смоленск, 2017. С. 219-224.
2. Бондаренко Е.А., Римский В.П. Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – №2(173). С. 33-42.
3. Лебединцева Л.А. Интеллектуальный труд: экономико-социологические аспекты: автореф. на соискание уч. степени доктора социологических наук. – СПб, 2012. 42 с.
4. Филинов В.А. Интеллектуальный труд в системе экономических отношений: автореф. дис. ... к.э.н. – Кострома, 2009. 23 с.
5. Чердниченко Г.А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. – 2017. – №3. С.152-182.
6. Пугач В.Ф. Массовое высшее образование в России: особенности динамики // Высшее образование в России. – 2020. – №2. С.74-82.
7. Грязнова Е.В., Гончарук А.Г., Роганова Г.Н., Уткина Т.Н. Российское образование: проблема падения качества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т.9. – №2 (31). С. 215-217.

8. Капелюшников Р.И. Отдача от образования в России: ниже некуда?: препринт WP3/2021/03 / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 52 с.
9. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.
10. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2022 года: официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения 01.06.2023 г.).
11. Профессии на российском рынке труда: анализ. докл. НИУ ВШЭ / отв. ред. Н.Т. Вишневская; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 159 с.
12. Рабочая сила, занятость и безработица в России 2022: статистический сборник / Росстат. М., 2022.
13. Тагаров Б.Ж. Оценка пространственной концентрации в сфере высшего образования и научной деятельности в России // Креативная экономика. – 2020. – Т.14. – №6. С. 1021-1036.
14. ИТ-кадры для цифровой экономики в России: оценка численности ИТ-специалистов в России и прогноз потребности в них до 2024 года / Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий. – М., 2020.
15. Ляшок В.Ю. Молодежная безработица в России: масштабы проблемы // Экономическое развитие России. – 2021. – Т.28. – №4. С. 77-80.
16. Рудаков В.Н. Безработица среди выпускников образовательных организаций: масштабы, причины, длительность, способы поиска работы // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований НИУ ВШЭ. – 2020. – №21. С.1-6.
17. Пора предпринимать? Мониторинг 1992-2022: аналитический обзор: официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (дата обращения 01.06.2023 г.).
18. Отчет о результатах экспертно-аналитического материала «Анализ формирования показателя для оценки достижения национальной цели по ускорению технологического развития Российской Федерации, установленной в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» / утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 22 мая 2020 года. – М.: Счетная палата Российской Федерации, 2020.
19. Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных малых предприятий, по субъектам РФ: официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science#> (дата обращения 01.06.2023 г.).
20. Фаблинова О.Н. Роль «мягких» навыков в условиях инновационного развития экономики / Социологический альманах: выпуск 12. – Минск: Беларуская навука, 2021. С. 149-155.
21. Васильчиков А.В., Сатонина Н.Н., Чечина О.С. Дефицит рабочих кадров как главная ресурсная проблема промышленных предприятий // Московский экономический журнал. – 2021. – №7. С. 412 – 420. С. 39-45.
22. Варшавская Е.Я. Занятость в промышленности России в 2000-2014 гг.: уровень, динамика, гибкость // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. №1. С. 39-45.
23. Промышленное производство в России. 2021: стат. сб. / Росстат. – М., 2021. 305 с.
24. Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. – 2022. – №1. С. 113-137.
25. Катабай П.Х. Проблемы функционирования локальных рынков труда в контексте новой экономической реальности // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – №1 (207). С. 44-53.

Basos Evgeniya V. The intellectual labor market in russia as the basis for the development of an innovative economy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 166 – 173.

In a market economy, the demand for qualified labor resources, a sufficient number of high-performance jobs, the development of knowledge-intensive and technological entrepreneurship is ensured by the functioning of the intellectual labor market. The article analyzes theoretical approaches to understanding this social institution and its characteristics. The author identifies the main trends of the Russian education system, as well as the priority scientific directions of students and the features of employment of highly qualified population in the Russia. The conducted research revealed a number of factors hindering the development of the intellectual economy at this stage: low motivation of the population to carry out innovative entrepreneurial activity, insufficient volume of knowledge-intensive industry capable of providing highly profitable jobs in accordance with existing qualifications, lack of professional recruitment agencies focused on providing employment for specialists.

Key words: intellectual labor market, business environment, innovative economy.

Spisok literatury:

1. Filinov V.A. Intellektual'nyj trud v sovremennoj sisteme ekonomicheskikh otnoshenij // Aktual'nye problemy teorii i praktiki upravleniya: sb. nauchnyh statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskogo konferencii (Smolensk, 08 dekabrya 2017 goda). – Smolensk, 2017. S. 219-224.
2. Bondarenko E.A., Rimskij V.P. Intellektual'nyj trud i duhovnoe proizvodstvo: filosofsko-metodologicheskaya eksplikaciya ponyatij // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2014. – №2(173). S. 33-42.
3. Lebedinceva L.A. Intellektual'nyj trud: ekonomiko-sociologicheskie aspekty: avtoref. na soiskanie uch. stepeni doktora sociologicheskikh nauk. – SPb, 2012. 42 s.
4. Filinov V.A. Intellektual'nyj trud v sisteme ekonomicheskikh otnoshenij: avtoref. dis. ... k.e.n. – Kostroma, 2009. 23 s.
5. CHerednichenko G.A. Rossijskaya molodezh' v sisteme obrazovaniya: ot urovnya k urovnyu // Voprosy obrazovaniya. – 2017. – №3. S.152-182.
6. Pugach V.F. Massovoe vysshee obrazovanie v Rossii: osobennosti dinamiki // Vyshee obrazovanie v Rossii. – 2020. – №2. S.74-82.
7. Gryaznova E.V., Goncharuk A.G., Roganova G.N., Utkina T.N. Rossijskoe obrazovanie: problema padeniya kachestva // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. – 2020. – T.9. – №2 (31). S. 215-217.
8. Kapelyushnikov R.I. Otdacha ot obrazovaniya v Rossii: nizhe nekuda?: preprint WP3/2021/03 / R.I. Kapelyushnikov; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021.
9. Obrazovanie v cifrah: 2022: kratkij statisticheskij sbornik / L.M. Gohberg, L.B. Kuz'micheva, O.K. Ozerova i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: NIU VSHE, 2022. 132 s.
10. O chislenosti i potrebnosti organizacij v rabotnikah po professional'nym gruppam na 31 oktyabrya 2022 goda: oficial'nyj sajt Rosstata [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (data obrashcheniya 01.06.2023 g.).
11. Professii na rossijskom rynke truda: analit. dokl. NIU VSHE / otv. red. N.T. Vishnevskaya; Nac. issled. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. – M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017. 159 s.
12. Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotica v Rossii 2022: statisticheskij sbornik / Rosstat. – M., 2022. 151 s.
13. Tagarov B.ZH. Ocenka prostranstvennoj koncentracii v sfere vysshego obrazovaniya i nauchnoj deyatel'nosti v Rossii // Kreativnaya ekonomika. – 2020. – T.14. – №6. S. 1021-1036.
14. IT-kadry dlya cifrovoj ekonomiki v Rossii: ocenka chislenosti IT-specialistov v Rossii i prognoz potrebnosti v nih do 2024 g. / Associaciya predpriyatij komp'yuternyh i informacionnyh tekhnologij. M., 2020.
15. Lyashok V.YU. Molodezhnaya bezrabotica v Rossii: masshtaby problemy // Ekonomicheskoe razvitie Rossii. – 2021. – T.28. – №4. S. 77-80.
16. Rudakov V.N. Bezrabotica sredi vypusknikov obrazovatel'nyh organizacij: masshtaby, prichiny, dlitel'nost', sposoby poiska raboty // Monitoring ekonomiki obrazovaniya: informacionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam statisticheskikh i sociologicheskikh obsledovanij NIU VSHE. – 2020. – №21. S.1-6.
17. Pora predprinimat'? Monitoring 1992-2022: analiticheskij obzor: oficial'nyj sajt VCIOM [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (data obrashcheniya 01.06.2023 g.).
18. Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo materiala «Analiz formirovaniya pokazatelya dlya ocenki dostizheniya nacional'noj celi po uskoreniyu tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii, ustanovlennoj v Ukaze Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2018 g. №204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» / utv. Kollegiej Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii 22 maya 2020 goda. – M.: Schetnaya palata Rossijskoj Federacii, 2020.
19. Udel'nyj ves malyh predpriyatij, osushchestvlyavshih tekhnologicheskije innovacii v otchetnom godu, v obshchem chisle obsledovannyh malyh predpriyatij, po sub'ektam RF: oficial'nyj sajt Rosstata [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science#> (data obrashcheniya 01.06.2023 g.).
20. Fablinova O.N. Rol' «myagkih» navykov v usloviyah innovacionnogo razvitiya ekonomiki / Sociologicheskij al'manah: vypusk 12. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2021. S. 149-155.
21. Vasil'chikov A.V., Satonina N.N., CHEchina O.S. Deficit rabochih kadrov kak glavnaya resursnaya problema promyshlennyh predpriyatij // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. – 2021. – №7. S. 412 – 420. S. 39-45.
22. Varshavskaya E.YA. Zanyatost' v promyshlennosti Rossii v 2000-2014 gg.: uroven', dinamika, gibkost' // Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. – 2016. – №1. S. 39-45.
23. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2021: stat. sb. / Rosstat. – M., 2021. 305 s.
24. Tihonova N.E., Slobodnyuk E.D. Bednost' rossijskikh professionalov: rasprostranennost', prichiny, tendencii // Mir Rossii. – 2022. – №1. S. 113-137.
25. Katabaj P.H. Problemy funkcionirovaniya lokal'nyh rynkov truda v kontekste novej ekonomicheskoy real'nosti // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. – 2018. – №1 (207). S. 44-53.

УДК 347

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОСВЯЗИ ПРАВА НА ИСК И ПРАВА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Галкин А. Г.

«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

В данной работе рассматриваются различные аспекты соотношения и взаимосвязи права на иск и права на предъявление иска в отечественной правовой системе. Проведен анализ правовой природы и сущности права на иск и права предъявление иска как значимых правовых категорий материального и процессуального права. В ходе анализа доктринальных аспектов права на иск и права на предъявление иска сделан вывод о том, что в современной науке существуют значительные расхождения в вопросе определения содержания и значения права на иск и права на предъявление иска. Также проведен анализ официального толкования некоторых спорных вопросов, рассмотренных в ходе настоящего исследования.

Ключевые слова: право на иск, право на предъявление иска, право на удовлетворение иска, соотношение норм материального и процессуального права, официальное толкование, процессуальное право в странах континентальной правовой системы, институты судебной власти.

Право на предъявление иска и право на иск являются крайне значимыми как с практической, так и с теоретической точки зрения правовыми категориями для правовой системы. Несмотря на то, что напрямую законодатель не вводит ни в процессуальном, ни в материальном законодательствах легальные дефиниции данных правовых категорий и предметно их не конкретизирует в буквальном смысле, их использование является основой для реализации субъектами различных правоотношений права на судебную защиту, а также иных прав, связанных с использованием механизмов судебной власти и понуждения.

Содержание и сущность таких категорий, как право на иск и право на предъявление иска представляется возможным установить лишь исходя из системного толкования норма материального и процессуального права. В большинстве случаев, в юридической науке широко используется подход, согласно которому право на иск определяется положениями норм материального права и источники права на иск являются материально-правовыми. В то же время, право на предъявление иска, как правило, имеет процессуально-правовое основание [1]. Однако как ранее уже было отмечено, поскольку законодатель не закрепил предметную легальную дефиницию права на иск и права на предъявление иска в их буквальном смысле, вышеизложенный подход относительно определения правовой природы права на иск и права на предъявление иска в определённых случаях может быть некорректен из-за сущности и особенностей конкретного рода правоотношений. Кроме того, необходимо учитывать, что вследствие избранного законодателем подхода, который, в том числе, предметно не разграничивает право на иск и право на предъявление иска, то в правоприменительной практике возможны случаи тесной взаимосвязи права на иск и права на предъявление иска.

Основанием для возникновения права на иск является нарушенное или оспариваемое субъективное право истца [2]. Именно благодаря использованию права на иск

у субъекта спорного материального правоотношения и реализуется, в свою очередь, право, которое имплементировано в текст основного закона отечественной правовой системы – право на судебную защиту. Данное конституционное право каждого субъекта любых видов правоотношений в отечественной правовой системе является составным элементом прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Право каждого человека и гражданина на судебную защиту гарантировано на конституционно-правовом уровне. Однако, соответствующие положения Основного закона не раскрывают сущность права на иск в буквальном его истолковании, том смысле, в котором оно использует и толкуется как доктринальном плане, так и практической плоскости, оно не указано. Однако, некоторые исследователи отмечают, что нарушенное субъективное право само по себе еще не является правом на иск, по они отмечают, что право на иск, это прежде всего сама возможность субъекта тех или иных правоотношений получить судебную защиту права, которое было нарушено в рамках процессуального законодательства [3].

Право на предъявление иска, в подавляющем большинстве случаев, авторы, исследующие вопросы процессуального права, относят к категориям именно процессуального права [4]. Данное право реализуется на стадии принятия искового заявления к производству суда. Суд, исходя из системного анализа норм гражданского, арбитражного и административного судопроизводства наделен процессуальными полномочиями по проверке соблюдения истцом всех предпосылок процессуального характера, которые необходимо иметь для возбуждения соответствующего дела. В случае, если процессуальные предпосылки для принятия искового заявления и возбуждения производства по делу отсутствуют, то суд уполномочен принять решение об отказе в принятии иска, возврате иска, а также об оставлении его без движения.

Вопросы о сущности и соотношении права на иск и права на предъявление иска являлись актуальным предметом изучения у основоположников доктрины процессуального права романо-германской правовой системы. Так, один из основоположников классической процессуальной науки, немецкий исследователь Оскар фон Бюлов в своих исследованиях отмечал, что право субъекта спорных правоотношений на предъявление иска также является и правом на возбуждение судебного процесса [5]. Таким образом, Оскар фон Бюлов констатирует, что право на иск и право на предъявление иска неразрывно связаны между собой и их существование вне этой взаимосвязи не влечет каких-либо юридически значимых последствий как для субъектов материального права, так и для субъектов процессуального права. Анализируя источники римского процессуального права Оскар фон Бюлов, применительно к рассматриваемым выше вопросам, отмечал, что цивилистический процесс представляется возможным разделить на два основополагающих этапа, такими этапами является, во-первых, проверка наличия предпосылок, которые имеют процессуальную правовую природу и которые необходимы для решения вопроса для возбуждения судопроизводства по гражданскому делу, во-вторых, исследование материально-правовых аспектов, которые и определяют рассмотрение и разрешение гражданского дела по существу.

Таким образом, второй этап, согласно позиции Оскара фон Бюлова, также определяют еще одну значимую в контексте настоящего изучения, правовую категорию – право на удовлетворение иска. Рассмотрение вопросов, связанных с потенциальным присутствием права на удовлетворение иска в рамках цивилистического процес-

са представляется возможным лишь в том случае, если судебными инстанциями первоначально верифицировано право на иск, так и право на предъявление иска.

Однако, если в дальнейшем в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции или вышестоящих инстанциях будет установлено, что у истца отсутствовали основания права на иск, а также права на иск, то данный факт может негативным образом отразиться и на праве на удовлетворение иска.

В юридической литературе встречаются позиции отдельных авторов, которые считают выделение права на иск, права на предъявление иска, а также право на удовлетворение иска в отдельные и самостоятельные категории нецелесообразным. Так, Свиринов Ю.А. отмечает, что право на иск необходимо рассматривать в качестве сложной правовой категории, поскольку право на иск, в его классическом в цивилистической науке понимании, представляется собой совокупность таких элементов как право на удовлетворение иска, так и право на предъявление иска.

Вышеуказанный подход на наш взгляд, хоть и противоречит существующему пониманию рассматриваемого процессуального дуализма, но в тоже время, предлагает рассматривать право на иск не только в плоскости материального права, но и в контексте права процессуального, ведь в силу сложившегося законодательного регулирования института судебной защиты, рассмотрение права на иск и права на предъявление иска по-отдельности не всегда оправдано с практической точки зрения.

Одной из наиболее актуальных проблем соотношения права на иск и права на предъявление является определение правовой природы досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора [7]. На сегодняшний день существует более тридцати категориями гражданских, административных дел в рамках которых предусмотрен обязательный досудебный порядок [8]. В подавляющем большинстве случаев досудебный порядок заключается в обязанности субъекта спорного правоотношения совершить действия, направленные на урегулирование соответствующего спорного правоотношения посредством направления уведомлений, требований или претензий, в которых выражены намерения защитить свои субъективные права до обращения за судебной защитой [9].

Исходя из буквального толкования изложенной позиции ВС РФ в своем Постановлении Пленума от 22 июня 2021 г. N 18, представляется возможным сделать вывод о том, что соблюдение досудебного порядка урегулирования спора является формальным требованием, соблюдение которого предоставляет возможность субъекту спорного правоотношения использовать институты судебной защиты своего нарушенного субъективного права [10]. Как отмечают некоторые авторы, досудебный порядок является именно «формальным» требованием для истца, поскольку в п. 14 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ указано, что если в обращении содержится указание на конкретный материально-правовой спор, связанный с нарушением прав истца, и предложение ответчику его урегулировать, несоответствие сумм основного долга, неустойки, процентов, указанных в обращении и в исковом заявлении, само по себе не свидетельствует о несоблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора. Представленное выше официальное толкование вопросов, связанных с правом предъявление иска делает возможным в практических реалиях все предпосылки для злоупотребления правом участниками гражд-

данских правоотношений, Так, реальной является ситуация, в которой потенциально недобросовестная сторона – истец, которая реально не заинтересована в досудебном урегулировании спорного правоотношения, будет применять вышеуказанные нормы процессуального права как юридическую фикцию, поскольку механизмов для предотвращения такого поведения в дальнейшем, в ходе рассмотрения дела по существу отечественные цивилистические процессы не содержат.

Исходя из официального толкования сущности претензионного (досудебного порядка), представленного в Постановлении Пленума N 18, возможно сделать вывод о том, что досудебный порядок является условием реализации права на предъявления иска. Данный вывод представляется возможным сделать исходя из тех норм процессуального права, которыми оперирует ВС РФ (пункт 1 части 1 статьи 135 ГПК РФ, пункт 5 части 1 статьи 129 АПК РФ). Данные нормы определяют именно те условия, которые определяют у истца право на предъявление иска.

Таким образом, исходя из анализа существующих доктринальных воззрений относительно различных вопросов соотношения права на иск и права на предъявление иска, представляется возможным сделать вывод о том, что теоретические подходы, сформированные в юридической науке в рассматриваемым вопросам не отличаются своей «стабильностью» и в силу различных факторов, отмеченных в настоящей работе, данные подходы могут претерпевать значительные изменения или вовсе потерять свою актуальность под влиянием официального толкования, как это было продемонстрировано на примере анализа положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18.

Список литературы:

1. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / Отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2019. С. 33, 37.
2. Свирин Ю. А. Процессуальные предпосылки права на предъявление иска // Современное право. — 2020. — № 2. — С. 50–54.
3. Токарева, А. А. К проблеме реализации права на иск при конкуренции исковых требований // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 3. – С. 8-12.
4. Багирова, Э. Р. Предпосылки права на иск и права на предъявление иска // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 36. – С. 370-374.
5. Банников, Р. Юридический интерес как предпосылка права на предъявление иска в суд // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 10. – С. 6-13.
6. Колосовский, В. Д. Понятие и содержание права на иск // Вестник факультета бизнеса и права. – 2021. – № 2. – С. 132-139.
7. Стариков, А. К. Право на иск в гражданском процессе: теоретические проблемы // Вестник научных конференций. – 2016. – № 4-5(8). – С. 205-206.
8. Краев, А. А. К вопросу об истории развития и современном понимании права на иск // Студенческий форум. – 2021. – № 20-3(156). – С. 12-14.
9. Борецкая, Л. Р. Современное состояние и практика реализации истцом права на изменение предмета или основания иска в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 279-285.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 18 "О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства" // "Российская газета", N 144, 02.07.2021

Galkin A. G. On some aspects of the relationship and relationship between the right to claim and the right to sue in the Russian legal system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 174 – 178.

This paper examines various aspects of the relationship and relationship between the right to claim and the right to sue in the domestic legal system. An analysis of the legal nature and essence of the right to claim and the right to bring a claim as significant legal categories of substantive and procedural law is carried out. In the course of analyzing the doctrinal aspects of the right to sue and the right to sue, it was concluded that in modern science there are significant differences in the issue of determining the content and meaning of the right to

sue and the right to sue. An analysis of the official interpretation of some controversial issues examined during this study was also carried out.

Key words: the right to claim, the right to bring a claim, the right to satisfy the claim, the relationship between the norms of substantive and procedural law, official interpretation, procedural law in the countries of the continental legal system, the institutions of the judiciary.

Spisok literaturey:

1. Byulov O. Uchenie o processual'nyh vozrazheniyah i processual'nye predposylki / Otv. red. D.H. Valeev. M.: Statut, 2019. S. 33, 37.
2. Svirin YU. A. Processual'nye predposylki prava na pred'yavlenie iska // Sovremennoe pravo. — 2020. — № 2. — S. 50–54.
3. Tokareva, A. A. K probleme realizacii prava na isk pri konkurencii iskovykh trebovanij // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2021. — № 3. — S. 8-12.
4. Bagirova, E. R. Predposylki prava na isk i prava na pred'yavlenie iska // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. — 2021. — № 36. — S. 370-374.
5. Bannikov, R. YUridicheskij interes kak predposylka prava na pred'yavlenie iska v sud // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2009. — № 10. — S. 6-13.
6. Kolosovskij, V. D. Ponyatie i sodержanie prava na isk // Vestnik fakul'teta biznesa i prava. — 2021. — № 2. — S. 132-139.
7. Starikov, A. K. Pravo na isk v grazhdanskom processe: teoreticheskie problemy // Vestnik nauchnykh konferencij. — 2016. — № 4-5(8). — S. 205-206.
8. Kraev, A. A. K voprosu ob istorii razvitiya i sovremennom ponimanii prava na isk // Studencheskij forum. — 2021. — № 20-3(156). — S. 12-14.
9. Boreckaya, L. R. Sovremennoe sostoyanie i praktika realizacii istcom prava na izmenenie predmeta ili osnovaniya iska v civilisticheskom processe // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. — 2019. — № 4. — S. 279-285.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.06.2021 N 18 "O nekotoryh voprosah dosudebnogo uregulirovaniya sporov, rassmatrivaemyh v poryadke grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva" // "Rossijskaya gazeta", N 144, 02.07.2021.

УДК 349.222

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР КАК ПРАВОВАЯ ФОРМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Саранкина Ю. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматривается институт трудового договора как основная организационно-правовая форма привлечения к труду и распределения рабочей силы; как центральный институт трудового права; как юридический факт; как источник регулирования индивидуальных трудовых отношений. Кроме того, в статье проводится сравнительный анализ трудового договора и схожей с ним договорной конструкции гражданско-правового договора о труде, выделяются их отличия по различным критериям. На основании изучения статистических данных делается вывод о том, что трудовой договор остается основной правовой формой обеспечения занятости населения.

Ключевые слова: трудовой договор, работник, работодатель, трудовая функция, гражданско-правовой договор о труде, принцип свободы труда, занятость.

Трудовой договор в современных условиях выступает одним из основных инструментов, при помощи которого человек может реализовать свои способности к труду в любой сфере. Данная договорная конструкция позволяет реализовать в трудовой сфере один из основных принципов трудового права – принцип свободы труда, который закреплен в действующем трудовом законодательстве [1]. Заложенный в основу трудового договора принцип свободы труда позволяет человеку свободно выбирать сферу трудовой деятельности, ее вид, профессию, в рамках которых он хотел бы реализовать свои способности к труду, работодателя, условия труда и пр. [2, с. 18.] Путем заключения трудового договора граждане реализуют принцип свободы труда в соответствии со ст. 37 Конституции Российской Федерации и право на выбор профессии, занятий, а также выбор места работы.

Закрепление в Конституции РФ принципа свободы труда предопределило появление принципа свободы трудового договора в трудовом законодательстве. Содержание указанного принципа раскрывается в следующем.

Во-первых, потенциальные участники трудовых правоотношений самостоятельно определяют заключать им трудовой договор или нет. Ни одна из сторон (работодатель, потенциальный работник) не могут быть принуждены к заключению трудового договора без их добровольного на то согласия.

Во-вторых, стороны трудового договора имеют возможность договориться о его содержании. И хотя в ст. 57 ТК РФ перечислены основополагающие условия трудового договора, такие как: место работы, трудовая функция, срок действия договора, условия оплаты и пр., однако участники трудовых правоотношений не лишены законом права включать в содержание трудового договора и иные условия, которые для них являются значимыми, с оговоркой, что такие условия не противоречат действующему законодательству.

В-третьих, на любом этапе существования трудовых правоотношений стороны вправе изменять условия трудового договора. Трудовые правоотношения – это некая «живая субстанция», которая, как и любой живой организм, может видоизменяться, трансформироваться. В связи с этим, возникает необходимость и в изменении условий трудового договора. Как правило, изменение условий трудового договора осуществляется по взаимному

соглашению сторон. Однако законом предусмотрены случаи, когда такое изменение может осуществляться и без такового (например, при перемещении работника у того же работодателя, перевод работника на другое рабочее место при возникновении простоя и пр.).

В-четвертых, свобода трудового договора проявляется и в возможности сторон прекратить трудовые правоотношения, расторгнув трудовой договор, как по взаимному согласию, так и по инициативе одной из сторон, что прямо предусмотрено в ст. 77 ТК РФ [1].

В-пятых, стороны обладают равным объемом прав и взаимных обязанностей в трудовых правоотношениях, в том числе, возможностью защищать свои трудовые права всеми способами, предусмотренными законом. Хотя в научных кругах некоторые ученые высказывают мнение о том, что работодатель фигура более «сильная» в трудовых правоотношениях, нежели работник, поскольку обладает дисциплинарной властью в отношении последнего. Однако данное утверждение спорно, поскольку дисциплинарную власть следует рассматривать в данном случае не как привилегию, предоставленную работодателю законом, а как способ обеспечения дисциплины и порядка у данного конкретного работодателя. При этом работник не лишен права оспаривать решения работодателя о привлечении его к дисциплинарной ответственности как в комиссии по трудовым спорам, трудовой инспекции, так и в судебном порядке. В отдельных случаях работник может обращаться с жалобой и в прокуратуру (если считает, что работодатель допустил нарушения, которые имеют признаки преступления). Кроме того, у работника есть возможность защитить свои трудовые права путем применения такого способа, как самозащита. В трудовой сфере под самозащитой работником своих трудовых прав понимается совершение ним действия в виде отказа от выполнения своей трудовой функции в случаях, прямо определенных законом. Например, применить данный способ защиты нарушенных трудовых прав работник может при допущении нарушения сроков выплаты заработной платы (более чем на 15 суток) со стороны работодателя, в случае незаконного перевода, при поручении выполнения функций, не предусмотренных трудовым договором и пр.

Определение трудового договора дано в ст. 56 ТК РФ. Трудовой договор – соглашение между работодателем и работником, в соответствии с которым работодатель обязуется предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции, обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами и данным соглашением, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату, а работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя [1].

Трудовой договор в научной и учебной литературе рассматривается в нескольких аспектах: как основная организационно-правовая форма привлечения к труду и распределения рабочей силы; как центральный институт трудового права [3, с. 13]; как юридический факт; как источник регулирования индивидуальных трудовых отношений [4, с. 6]. Некоторые авторы рассматривают трудовой договор и в иных аспектах: как соглашение о труде, заключаемое между работником и работодателем [5, с. 391]; как письменный документ; правовая форма реализации принципа свободы труда.

Трудовой договор как основная организационно-правовая форма привлечения к труду и распределения рабочей силы выступает основой экономики любой страны, поскольку данный институт выполняет огромный спектр важнейших функций, среди

которых: «выступает правовой формой обеспечения занятости населения, организации труда на предприятиях, в учреждениях, организациях, у работодателей – физических лиц; обеспечивает подчинение работника внутреннему трудовому распорядку, а также распоряжениям работодателя; выступает средством обеспечения безопасных и здоровых условий труда; является индивидуальным регулятором трудовых правоотношений, а также их правовой формой» [6, с. 118-123].

Следует отметить, что на сегодняшний день количество заключаемых трудовых договоров свидетельствует о том, что львиная доля занятого населения находится «в тени», то есть работает – официально не оформляя возникшие правоотношения. Так, из 77% трудоспособного населения занятыми являются 58,4% населения. Причем наибольший уровень занятости наблюдается в городах (60,5%), среди сельского населения данный показатель достиг отметки – 52,2%. Если исходить из гендерного критерия, занятость среди мужчин составляет 66,1%, а среди женщин – 52,1%. По уровню образования наибольший показатель занятости у населения с высшим образованием – 35,4%, со средним профессиональным – 44,8%, с общим средним – 15,9%, с основным общим – 3,6%, без образования – 0,2%. При этом, следует отметить, что основная часть занятого населения работает по трудовому договору (служебному контракту) – 92,5%, на основе временного трудового договора – 2,6%, на основе устной договоренности без оформления документов – 3,4%, занято на дистанционной работе – 0,1%, а вот по договору гражданско-правового характера занято всего 1,4% [7]. Таким образом, трудовой договор есть остается основной организационной правовой формой занятости населения.

Трудовой договор рассматривается как центральный институт трудового права, прежде всего, потому, что все остальные институты трудового права неразрывно связаны с возникновением, течением, прекращением трудовых правоотношений, которые возникают именно благодаря трудовому договору. Трудовой договор рассматривается как юридический факт, поскольку, как уже отмечалось ранее, именно в результате заключения трудового договора возникают трудовые правоотношения, основными участниками которых являются работник и работодатель. С его заключением стороны приобретают трудовые права и корреспондирующие друг другу обязанности.

Трудовой договор является источником регулирования индивидуальных трудовых правоотношений. Заключая трудовой договор, работник становится субъектом индивидуально-правового регулирования своей трудовой деятельности. Заключенный трудовой договор распространяет свое действие исключительно на работника, с которым он заключен, в отличие, например, от коллективного договора. Именно в нем закрепляются права этого работника, его обязанности, ответственность, определяется конкретная трудовая функция, место работы (должность), размер заработной платы с учетом квалификации данного работника и пр. Несмотря на разнообразие видов трудовой деятельности (труд дворника, моряка, государственного служащего, врача, артиста и пр.) суть труда работника остается единой, а их правовое положение обуславливается заключенным трудовым договором. Трудовой договор является универсальной моделью, которая опосредует наемный труд.

Кроме того, с точки зрения права нет разницы работает ли лицо по трудовому договору на частном предприятии или в государственном учреждении, в крестьянском фермерском хозяйстве или у работодателя-физического лица. Во всех случаях работники имеют одинаковый правовой статус. Работодатели, в свою очередь, независимо

от форм собственности и видов деятельности, обязаны соблюдать трудовое законодательство, неукоснительно исполнять его, а также обеспечивать все гарантии, которые предусмотрены трудовым законодательством для работников.

В современных условиях трудовой договор стал более гибким, нежели в советский период, когда трудовой договор характеризовался жесткой административной конструкцией. Для трудового договора того времени было характерно восприятие трудового договора как «формы соединения индивидуальной способности к труду с общественной необходимостью труда» [8, с. 109]. Трудовой договор этого периода – это не только выражение воли работника и работодателя, но и общества в целом.

Следует отметить, что периодически в научных кругах высказывается мысль о том, что трудовой договор в скором времени утратит свою актуальность и на смену ему придут гражданско-правовые конструкции о труде, которые вытеснят трудовой договор. Однако сложно согласиться с указанной позицией, поскольку именно трудовой договор является универсальной организационно-правовой конструкцией, которая не только опосредует наемный труд, но и выступает главной формой социализации индивида. Именно благодаря трудовому договору у работников появляются определенные социальные гарантии, благодаря которым он, а в некоторых случаях, и члены его семьи, защищены от основных социальных рисков (безработица, временная нетрудоспособность, несчастный случай на производстве и пр.).

Предметом трудового договора является выполнение определенной трудовой функцией. Таким образом, работник обязуется выполнять определенную работу, а работодатель – обеспечивать его оговоренной работой, предоставлять средства производства, необходимое оборудование, материалы, сырье, помещения, корректировать трудовой процесс посредством указаний и постановки конкретных задач. Работодатель в процессе выполнения работником его трудовой функции может давать ему поручения, но в рамках обусловленной трудовым договором работы. Если предметом трудового договора выступает процесс труда, то предметом гражданско-правового соглашения о труде является его материализованный результат (построенный дом, выполненный ремонт квартиры и пр.) либо задание одноразового характера. Это и является одним из существенных различий этих двух на первый взгляд похожих договорных конструкций.

Вторым отличием трудового договора от гражданско-правового договора о труде выступает то, что, заключая трудовой договор, работник автоматически берет на себя обязательство подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, которые действуют у данного работодателя. По гражданско-правовому соглашению такой обязанности не возникает. Исполнитель может сам определять для себя правила выполнения определенного объема работ, продолжительность ежедневной работы, корректировать время начала и окончания работы и пр.

Следующим отличием является наличие трудовых правоотношений дисциплинарной власти работодателя над работником. Выполняя свою трудовую функцию, работник всецело подчиняется работодателю, обязан соблюдать централизованные и локальные нормы, при помощи которых регулируются трудовые правоотношения. За несоблюдение указанных норм работодатель вправе применить к нему меры дисциплинарной ответственности (замечание, выговор, увольнение). Прямо противоположная ситуация складывается в гражданско-правовых отношениях. Заказчик не имеет дисциплинарной власти над исполнителем. В случае причинения заказчику имуще-

ственного вреда все споры решаются в судебном порядке. Касательно разрешения споров, если в гражданско-правовой сфере, как уже было сказано, стороны могут обратиться в суд, то в трудовой сфере есть и другие альтернативные способы разрешения споров наряду с судебным. Так, при возникновении трудового спора работник может обратиться в комиссию по трудовым спорам, а также защитить свои права, применив самозащиту (законный отказ от выполнения трудовых обязанностей, который не дает работодателю права привлечь работника к дисциплинарной ответственности за такой отказ). Согласно трудового законодательства работник обязан в процессе трудовой деятельности выполнять определенную норму труда за определенное рабочее время, а также соблюдать правила охраны труда. Выполняя работу по гражданско-правовому договору о труде, отсутствует его нормирование, сам процесс труда правом не регулируется, лицо самостоятельно определяет, как и за какое время он выполнит стоящую перед ним задачу.

При осуществлении трудовой функции по трудовому договору оплата труда работника четко регламентируется трудовым законодательством, локальными нормативными актами (например, коллективным договором), трудовым договором. Законодательством установлен минимальный размер оплаты труда – как гарантия для работника. Кроме того, законодательством урегулирован порядок оплаты труда, нормы оплаты при отклонении от нормальных условий труда (работа в ночное время, сверхурочная работа, работа в выходные, праздничные дни и пр.), сроки выплаты заработной платы, порядок ее индексации и пр. Это налагает на работодателя обязанность неукоснительно выполнять нормы действующего законодательства и локальных нормативных актов, трудового договора об оплате труда работников. По гражданско-правовым соглашениям механизм оплаты устанавливается исключительно соглашением сторон. Что касается риска испорченной, утраченной продукции, то в трудовых правоотношениях при отсутствии вины работника такой риск возлагается на работодателя. В гражданских правоотношениях наоборот – на исполнителя.

Еще одним отличием является то, что, заключая трудовой договор, работник получает определенный объем социальных гарантий и защиты. Работодатель обязан обеспечить предоставление работнику определенный объем гарантий и льгот, участвовать в его социальном обеспечении. Речь идет не только о предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска, снижении норм выработки для определенных категорий работников, установлении сокращенного рабочего времени, повышении заработной платы для отдельных категорий и пр., но и об участии работодателя в социальном страховании работника. Кроме того, работодатель может устанавливать дополнительные гарантии и льготы для работников в зависимости от своего материального положения посредством закрепления их в локальных нормативных актах. Исполнитель по гражданско-правовому соглашению о труде не обладает указанными выше гарантиями и льготами. Исключение – заказчик обязан осуществить социальное страхование исполнителя [9]. Порядок заключения договоров также существенно отличается. Если порядок заключения трудового договора детально регламентирован трудовым законодательством, то для заключения гражданско-правового соглашения о труде достаточно волеизъявления обеих сторон. Имеются существенные отличия и по срокам, на которые заключаются указанные договоры. Так, трудовой договор в большинстве случаев имеет бессрочный характер. Как правило, он заключается на неопределенный срок и прекращается по основаниям, предусмотренным в трудовом

законодательстве. В трудовой сфере применяется и срочный трудовой договор, но он заключается только в случаях, предусмотренных в законе (ч. 2 ст. 58 ТК РФ) [1].

Таким образом, проведенный анализ отличий указанных выше договоров свидетельствует о различной природе трудовых договоров и гражданско-правовых соглашений о труде, а также о том, что трудовой договор и на сегодняшний день остается универсальной договорной конструкцией, опосредующей занятость населения в РФ.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в редакции от 04.08.2023) // Гарант.ру: сайт. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/12125268/paragraph/6963504:1> (дата обращения: 07.06.2023).
2. Филющенко Л.И. Трудовое право: учеб. Пособие / Л.И. Филющенко, И.Н. Плешакова; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019.
3. Трудовое право России (учебник, издание четвертое, испр. и доп.) (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.М. Куренного). – «Проспект», 2021 г. // Гарант.ру: сайт. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77210820/paragraph/61/doclist/3344/1/> (дата обращения: 08.06.2023).
4. Андриановская, И. И. Трудовой договор : учебное пособие. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. С. 6.
5. Петров А.Я. Трудовой договор: понятие и совершенствование // Образование и право. № 3. 2021.
6. Курс российского трудового права. Т. 3: Трудовой договор / под науч. ред. д.ю.н., проф. Е.Б. Хохлова. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 118-123.
7. Труд и занятость в России. 2021. Стат. сб./Росстат – М., 2021. – 177 с.
8. Советское трудовое право: учебник / под общей редакцией А.И. Процевского. – Издательское объединение «Вища школа», Киев, 1981. С. 109.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 237-ФЗ (в редакции от 14.07.2022 г.) // Гарант.ру: сайт. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/404993423/paragraph/1/doclist/381/2/0/0/0%>

Sarankina Yu.A. Employment contract as a legal form of employment security // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 179 – 184.

The article considers the institution of an employment contract as the main organizational and legal form of employment and distribution of labor; as a central institute of labor law; as a legal fact; as a source of regulation of individual labor relations. In addition, the article conducts a comparative analysis of the employment contract and the similar contractual design of the civil law labor contract, their differences are distinguished according to various criteria. Based on the study of statistical data, it is concluded that the employment contract remains the main legal form of employment.

Key words: employment contract, employee, employer, employment function, civil labor contract, principle of labor freedom, employment.

Spisok literatury:

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ (v redakcii ot 04.08.2023) // Garant.ru: sajt. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/12125268/paragraph/6963504:1> (data obrashcheniya: 07.06.2023).
2. Filyushchenko L.I. Trudovoe pravo: ucheb. Posobie / L.I. Filyushchenko, I.N. Pleshakova; M-vo nauki i vysshego obrazovaniya Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2019. S. 18.
3. Trudovoe pravo Rossii (uchebnik, izdanie chetvertoe, ispr. i dop.) (kollektiv avtorov; pod red. d.yu.n., prof. A.M. Kurenного). – «Prospekt», 2021 g. // Garant.ru: sajt. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77210820/paragraph/61/doclist/3344/1/>
4. Andrianovskaya, I. I. Trudovoj dogovor : uchebnoe posobie. – YUzhno-Sahalinsk : izd-vo SahGU, 2012.
5. Petrov A.YA. Trudovoj dogovor: ponyatie i sovershenstvovanie // Obrazovanie i pravo. № 3. 2021. S. 391.
6. Kurs rossijskogo trudovogo prava. T. 3: Trudovoj dogovor / pod nauch. red. d.yu.n., prof. E.B. Hohlova. – SPb.: Izd-vo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2007. S. 118-123.
7. Trud i zanyatost' v Rossii. 2021. Stat. sb./Rosstat – M., 2021. – 177 s.
8. Sovetskoe trudovoe pravo: uchebnik / pod obshchej redakciej A.I. Procevs'kogo. – Izdatel'skoe ob"edinenie «Vishcha shkola». Kiev, 1981. S. 109.
9. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 g. № 237-FZ (v redakcii ot 14.07.2022 g.) // Garant.ru: sajt. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/404993423/paragraph/1/doclist/381/2/0/0/0%>

УДК 347

ЭЛЕКТРОННЫЕ СПОСОБЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Саркисян В. В.

Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия

Статья посвящена проблемам правового регулирования электронных способов заключения договора. В работе исследуются три основных механизма заключения соглашения в цифровом пространстве: путем обмена информацией, присоединения к условиям, которые определены одной из сторон в стандартных формах, и заключение единого электронного документа. Рассматриваются способы обмена документами посредством электронной почты, SMS-сообщений, мессенджеров и социальных сетей. Поднимаются правовые проблемы аутентификации участников отношений, а также возможности удалять или изменять сообщения в чате. Изучаются варианты акцепта стандартизированных соглашений на онлайн-платформах, дается правовая оценка конструкций clickwrap, browsewrap, scrollwrap, в дополнение рассматривается заключение соглашения посредством чат-ботов и голосовых помощников, делается вывод о необходимости информирования потребителей об использовании систем искусственного интеллекта. Исследуется заключение договора с помощью систем электронного документооборота, приводятся виды документов, с которыми могут работать пользователи.

Ключевые слова: оферта, акцепт, форма договора, обмен электронными документами, аутентификация субъектов, электронная почта, мессенджеры, агрегаторы, чат-боты, голосовые помощники, системы электронного документооборота, clickwrap, browsewrap, scrollwrap.

Согласно ст. 161 ГК РФ письменная форма договора считается соблюденной в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств. Важными условиями соблюдения формы соглашения, заключенного таким способом, являются, во-первых, возможность воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде содержания договора, во-вторых, использование способа, позволяющего достоверно определить подписанта. В контексте инновационных технологий и коммуникаций термин «электронный» обычно относится к системам или процессам, которые функционируют посредством взаимодействия электрических компонентов, обрабатывающих и передающих электрические сигналы для выполнения различных функций. Технические устройства позволяют передавать данные и информацию на большие расстояния с помощью различных средств, таких как проводные соединения (например, кабели Ethernet) и беспроводные технологии (например, Wi-Fi, Bluetooth).

В современном гражданском обороте сложно представить себе процесс заключения договора посредством направления оферты и ее акцепта на бумажном носителе с использованием услуг почтовой связи, поскольку подобный подход представляется крайне непродуктивным и затяжным при наличии гораздо более технологичных и эффективных механизмов. Для размещения и отправки предложений о заключении договора используются различные цифровые инструменты, которые позволяют преодолеть пространственно-временную дистанцию между контрагентами. Можно выделить три основных механизма заключения соглашения в цифровой среде: путем обмена информацией (документами, скан-копиями, сообщениями и т.п.), присоединения к условиям, которые определены одной из сторон в стандартных формах, и заключение единого электронного документа.

Одним из наиболее распространенных способов заключения контрактов является обмен документами с применением электронных почтовых сервисов. По общему правилу, юридически значимое сообщение может быть направлено, в том числе посредством электронной почты [1], также статья 434 ГК РФ прямо предусматривает возможность заключения договора путем обмена электронными документами. Вместе с тем многие правоприменители считают, что такой подход допустим только в случае, если прямо согласован сторонами [2]. На наш взгляд, подобные заключения судов представляются архаичными и не соответствуют реалиям действующей практики взаимоотношений участников оборота, более того, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 [3] отмечается, что «при заключении договора путем обмена документами для целей признания предложения офертой не требуется наличия подписи оферента», если есть возможность достоверно установить отправителя. Соответственно такое предложение о заключении договора или обмен скан-копиями документов считаются равнозначными подписанным собственноручно контрагентом.

Далее выделим использование SMS-сообщений, мессенджеров и социальных сетей для поиска партнеров и заключения сделок. Так, в России WhatsApp, Telegram и Вконтакте задействуются для передачи документов и информации между сторонами. Например, в КНР несколько распространенных приложений для обмена сообщениями, в частности WeChat и QQ, адаптированы для проведения деловых транзакций, и соглашения могут быть сформированы с помощью этих платформ автоматически.

Основная проблема использования названных коммуникаторов заключается в сложности достоверно аутентифицировать собеседников. Когда речь идет о платформах, где осуществляется привязка абонентского номера, то установление принадлежности контакта может представлять собой несложный процесс путем судебного запроса данных у сотового оператора или подтверждения из публичной информации, например, телефон может быть указан на официальном сайте. Тем не менее, если договор об оказании услуг связи заключен не с непосредственным пользователем, тогда доказать взаимосвязь данных лиц может быть затруднительно. Таким образом, подобное соглашение может быть признано недействительным в связи с пороком субъектного состава сделки или по основанию, предусмотренному в статье 178 ГК РФ, если «сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой». Анализ судебной практики также демонстрирует необходимость наличия объективной информации о субъектах, в правоприменительных актах упоминается фамилия, имя, отчество как основные идентифицирующие признаки человека, для принятия в качестве доказательств переписки [4]. Более того, в связи с допустимостью использования псевдонимов и иных вымышленных «никнов» и отсутствием законодательной обязанности подтверждать профиль посредством сервиса «Госуслуги», участники переговоров должны убедиться путем обязательного запроса и проверки реквизитов в открытых источниках в личности контрагента и наличии у него полномочий на совершение юридически значимых действий.

Отдельно обратим внимание на платформы мгновенных сообщений, которые применяются повсеместно, и представляют собой цифровую коммуникационную службу с поддержкой мультимедийного контента, которая через Интернет или мо-

бильные сети обеспечивает текстовое и голосовое общение между отдельными лицами или группами в режиме реального времени, чем и отличается от таких асинхронных методов связи, как электронная почта и SMS-сообщения. Следует обозначить позицию некоторых арбитров, которые признают общение в мессенджерах «сложившимся в современных условиях обычаем» в рамках статьи 5 ГК РФ, при условии непротиворечия законодательным нормам и положениям договора [5], а также деловой «практикой, установившейся во взаимоотношениях сторон» [6].

Однако некоторые возможности, которые предоставляют технологии мгновенного обмена, в частности, удалять или изменять сообщения, имеют как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, пользователи могут исправлять опечатки, грамматические ошибки или неточности, что помогает поддерживать более достоверную коммуникацию, более того, подобная функция позволяет защищать свою частную жизнь в случае случайной отправки конфиденциальной информации. С другой стороны, указанная опция приводит к возможности избежать неблагоприятных последствий при направлении оскорбительного или иного контента, а также фальсифицировать доказательства. Так, в 2019 году в Санкт-Петербургском городском суде [7] был рассмотрен спор, в рамках которого в качестве доказательства использовалась переписка сторон в Viber, однако все высказывания ответчика были им удалены, и суду пришлось из имеющихся сообщений истца примерно устанавливать содержание беседы.

Несмотря на то, что заключение контракта через мессенджер можно в определенных случаях рассматривать как соблюдение письменной формы сделки, в частности, если можно однозначно идентифицировать стороны [8], ясно и недвусмысленно выражено намерение вступить в правовые отношения, согласованы все существенные условия и т.п., могут возникать вопросы, связанные с подлинностью сообщений или их исчезновением, что, при наличии массового характера злоупотреблений, способно существенно дестабилизировать хозяйственные отношения. Полагаем, что разработчикам приложений необходимо соблюдать баланс при предоставлении возможностей удаления и редактирования сообщений, для личного общения очевидны преимущества подобных функций. Однако в условиях деловой коммуникации заключать соглашение подобным образом представляется недопустимым, поскольку согласно статье 160 ГК РФ письменная форма договора считается соблюденной в случае «возможности воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде», то есть содержание соглашения не должно быть скорректировано или иным образом трансформировано, соответственно названное условие при заключении договора посредством мессенджера может быть невыполнимо. Решением названной проблемы может стать создание специального функционала и установление запрета на преобразование информации в чатах бизнес-аккаунтов.

Не меньшей популярностью пользуются онлайн-платформы и иные агрегаторы для заключения договоров путем присоединения к стандартным условиям. Так, многие цифровые торговые площадки дают возможность сторонам вступать в договорные отношения через свои сайты, наиболее известными в России являются Озон, Вайлдберрис, Яндекс.Маркет, Авито и Сбермаркет, а общий объем рынка розничной интернет-коммерции в 2022 году составил 5,7 трлн рублей. Указанный способ заключения договора представляется наиболее законодательно урегулированным, несмотря на то, что закон об электронной торговле так и не был принят. Предложе-

ние продавцов следует признавать публичной офертой, а оформление заказа – акцептом, в целом указанные отношения регулируются положениями ГК РФ о купле-продаже, в частности нормами о дистанционной торговле, Законом РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей», Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 и т.п.

Согласие потребителя с условиями по общему правилу осуществляется посредством совершения конклюдентных действий, подтверждающих волю на вступление в гражданско-правовые отношения, путем выбора через интерфейс устройства команд «заказать» или «купить» или «оформить заказ», которые свидетельствуют о согласии с правилами пользования торговой площадкой. На современном этапе уровня техники онлайн-сервисы чаще всего используют для этих целей конструкции `clickwrap`, `browsewrap` и `scrollwrap`. В соглашениях `clickwrap` клиенты осуществляют акцепт, нажимая на кнопку «Я согласен» или «Принять» при ознакомлении с условиями. Роспотребнадзор отмечает, что согласие клиента считается явным и осознанно выраженным, при условии предоставления полной, недвусмысленной и достоверной информации об объекте договора, а также при отсутствии предопределенного согласия, то есть не должны быть заранее проставлены «галочки» [9]. В решениях судов ответом о принятии условий оферты признаются проставление отметок (нажатие кнопки «купить билет») [10], ввод кода, направленного на телефонный номер или на электронную почту [11], предоставление отпечатка пальца или распознавание лица, голосовая команда, жест или свайп в определенном направлении и т.п. Кроме того, активно развивается применение QR-кодов для быстрой и удобной идентификации сторон и условий сделки. Например, QR-коды могут содержать информацию о номере договора, дате его заключения, положениях договора и других важных деталях.

Соглашения `scrollwrap` представляют собой разновидность конструкций `clickwrap` в которых, в отличие от `clickwrap`, где для ознакомления с пользовательским соглашением необходимо открыть его самостоятельно, перейдя по гиперссылке, потребители автоматически получают доступ к положениям договора и должны просмотреть условия, прежде чем заявить о своей согласии. Данный способ представляется более соответствующим нормам законодательства о предоставлении информации, поскольку клиенту не нужно совершать дополнительных действий, сведения располагаются удобным способом и в данном случае прочтет их потребитель или нет – зависит только от его желания, соответственно оспорить такую сделку гораздо сложнее.

Соглашения `browsewrap` представляются наиболее спорными, поскольку не требуют от пользователей предпринимать позитивных действий, вместо этого условия обычно предоставляются через гиперссылку на веб-сайте, и дальнейшее использование пользователями страницы считается принятием предложения о заключении договора. Таким образом, субъекты могут не осознавать, что они заключают соглашение, поскольку условия часто скрыты в ссылках или сносках. После прочтения уведомления о существовании правил пользования сайтом пользователь должен либо покинуть сайт, либо прочитать соглашение, в противном случае бездействие может привести к правовым последствиям, наступления которых контрагент не желал. Применяя конструкцию `browsewrap`, компании могут столкнуться со сложностями при доказывании того, что пользователи действительно были знакомы с условиями

и намеревались их соблюдать. На наш взгляд, продолжение использования интернет-ресурсов нельзя отнести к конклюдентным действиям, поскольку последние должны быть направлены на заключение и исполнение договора, подобное поведение с правовой точки зрения можно охарактеризовать как молчание, которое имеет правовые последствия согласно статье 438 ГК РФ только в случаях установленных законом или соглашением сторон.

Кроме того, российские предприниматели все чаще прибегают к применению интеллектуальных систем для автообзвона потенциальных клиентов, зачастую подобные звонки совершаются с целью заключения или изменения соглашения: оферты перейти на новый тарифный план, получить кредитную карту, подключить определенную услугу и т.п. Соответственно, чат-боты и голосовые помощники используются для автоматического заключения сделок. Обычно в подобных обстоятельствах клиента не предупреждают, что беседа ведется с применением искусственного интеллекта, что, на наш взгляд, с учетом статей 1, 10, 178, 307, 434.1 ГК РФ и статей 9, 10 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», представляется недобросовестными действиями и нарушает права потребителей на предоставление информации.

Также отметим, что названным способом автономная система озвучивает оферту, то есть выступает способом объективизации воли участника вступить в сделку, положительный ответ контрагента представляется акцептом. Вместе с тем такой механизм заключения соглашения является устной формой сделки, и участники не должны забывать о необходимости соблюдения письменной формы, если хотя бы одна из сторон является юридическим лицом и в иных случаях, установленных законом.

Завершая настоящее исследование, рассмотрим последний способ установления договорных отношений посредством составления одного документа с использованием электронного документооборота (ЭДО). Системы электронного документооборота (СЭД) представляют собой программные решения, предназначенные для хранения, организации, управления и отслеживания цифровых файлов. СЭД предоставляют централизованное хранилище, упрощая организацию, категоризацию и извлечение файлов на основе метаданных, ключевых слов или других атрибутов, облегчают совместную работу в режиме реального времени, позволяя нескольким пользователям одновременно работать над одним документом, предлагают различные меры безопасности, такие как контроль доступа и шифрование для защиты конфиденциальных сведений от несанкционированного доступа, автоматизируют рабочие процессы, упрощают управление большими объемами цифровых данных, позволяют подписывать документы электронной подписью и передавать их между сторонами и т.п. Наиболее известными СЭД являются Microsoft SharePoint, OpenText Documentum, Box, Google Workspace, в России тоже достаточно развит рынок названных специализированных систем и представлен такими программами, как «Сбис», «Контур.Диалог», «Дело», «1С: Документооборот» и т.п. Также постепенно развивается применение API (Application Programming Interface) – это интерфейс программирования приложений, который позволяет сторонним сервисам взаимодействовать с сервером и может использоваться для автоматической отправки заявок на заключение сделок. Выделяют два вида документов, с которыми могут работать пользователи ЭДО: 1)

стандартизированные, формат которых утвержден ФНС; 2) неформализованные, их формат определяет организация (docx, pdf, jpg и т.д.), главное для придания юридической силы подписать их квалифицированной электронной подписью. Названный способ заключения договора подробно регламентирован законодателем в таких нормативных правовых актах, как Федеральные законы «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, «О бухгалтерском учёте» от 06.12.2011 № 402-ФЗ, «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ, ГК РФ, Налоговый кодекс РФ и т.д. Кроме того, постоянное усовершенствование системы осуществляется в рамках Концепции развития электронного документооборота [12]. Так, во исполнение задач, закрепленных в Концепции, ФНС расширяются типизированные форматы [13] для удобства пользователей, например, в 2022 году помимо XML был введен параметр файла PDF-A/3.

Электронные способы заключения договора имеют ряд преимуществ перед традиционными. Во-первых, они позволяют сократить время и затраты на заключение договора. Во-вторых, электронные документы более удобны в использовании и хранении, так как не занимают много места и могут быть доступны в любое время. В-третьих, электронные подписи более надежны и безопасны, чем собственноручные, так как их сложно подделать или изменить. Поскольку электронная коммуникация продолжает играть значительную роль в бизнесе и повседневных взаимодействиях, частным лицам и предприятиям важно быть осведомленными о юридических последствиях и передовой практике при установлении отношений с помощью мессенджеров или любых других электронных средств. Важно отметить, что, хотя электронные соглашения имеют многочисленные преимущества, они также требуют внимания к кибербезопасности и конфиденциальности данных, кроме того, сторонам следует убедиться, что их цифровые соглашения соответствуют требованиям законодательства для обеспечения их принудительной реализации в случае возникновения споров.

Список литературы:

1. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. – Российская газета от 30.06.2015 № 140. – Текст: непосредственный.
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2022 г. № Ф07-11012/22 по делу № А42-10242/2021; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2022 г. № 03АП-282/22 по делу № А33-13271/2021. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
3. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49. – Российская газета от 11.01.2019 № 4. – Текст: непосредственный.
4. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2022 г. № 10АП-2127/22 по делу № А41-64374/2021, Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 октября 2021 г. № 12АП-8396/21 по делу № А12-5957/2021, Решение Арбитражного суда Московской области от 11 ноября 2021 г. по делу № А41-60409/2021, Решение Арбитражного суда Амурской области от 1 ноября 2021 г. по делу № А04-2872/2021. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 октября 2020 г. № Ф05-15858/20 по делу № А40-93872/2019. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 9 февраля 2021 г. № Ф06-69728/20 по делу № А65-18190/2019, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2021 г. № 17АП-12369/21 по делу № А50-14322/2021, Постановление Пятнадцатого арбитражно-

- го апелляционного суда от 29 сентября 2021 г. № 15АП-13300/21 по делу № А32-60625/2019. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
7. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 23 мая 2019 г. по делу № 33–8035/2019. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27 января 2022 г. № Ф06-12833/21 по делу № А12-5957/2021, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 августа 2021 г. № Ф05-14559/21 по делу № А40-140599/2020, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2021 г. № 15АП-14262/21 по делу № А53-34994/2020. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
9. Об особенностях click-wrap-соглашений: Информация Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 5 ноября 2020 г. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
10. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20 марта 2018 г. по делу № 33–11423/2018. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
11. Решение Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону Ростовской области от 21 декабря 2016 г. по делу № 2–3272/2016. – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
12. Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности: утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 25 декабря 2020 г. № 34). – Справочно-правовая система «Гарант». – Текст: электронный.
13. Об утверждении PDF/A-3 формата представления договорного документа в электронной форме: Приказ Федеральной налоговой службы № ЕД-7-26/236@ от 24.03.2022. – Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) № 0001202204260012 – Текст: электронный.

Sarkisyan V. V. Electronic means of concluding a contract: concept and types // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 185 – 192.

The article is devoted to the problems of legal regulation of electronic methods of concluding a contract. The paper examines three main mechanisms for concluding an agreement in the digital space: by exchanging information, joining the conditions that are defined by one of the parties in standard forms, and concluding a single electronic document. The methods of document exchange via e-mail, SMS messages, messengers and social networks are considered. Legal issues of authentication of participants in the relationship, as well as the ability to delete or change chat messages, are being raised. The variants of acceptance of standardized agreements on online platforms are studied, a legal assessment of clickwrap, browsewrap, scrollwrap designs is given, in addition, the conclusion of an agreement through chatbots and voice assistants is considered, the conclusion is made about the need to inform consumers about the use of artificial intelligence systems. The conclusion of the contract with the help of electronic document management systems is investigated, the types of documents that users can work with are given.

Keywords: offer, acceptance, contract form, exchange of electronic documents, authentication of subjects, e-mail, messengers, aggregators, chatbots, voice assistants, electronic document management systems, clickwrap, browsewrap, scrollwrap.

Spisok literary:

1. O primeneni sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 iyunya 2015 g. № 25. – Rossijskaya gazeta ot 30.06.2015 № 140. – Текст: neposredstvennyj.
2. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 24 avgusta 2022 g. № F07-11012/22 po delu № А42-10242/2021; Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 18 marta 2022 g. № 03AP-282/22 po delu № А33-13271/2021. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Текст: elektronnyj.
3. O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25 dekabrya 2018 g. № 49. – Rossijskaya gazeta ot 11.01.2019 № 4. – Текст: neposredstvennyj.
4. Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 29 marta 2022 g. № 10AP-2127/22 po delu № А41-64374/2021, Postanovlenie Dvenadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 13 oktyabrya 2021 g. № 12AP-8396/21 po delu № А12-5957/2021, Reshenie Arbitrazhnogo suda Moskovskoj oblasti ot 11 noyabrya 2021 g. po delu № А41-60409/2021, Reshenie Arbitrazhnogo suda Amurskoj oblasti ot 1 noyabrya 2021 g. po delu № А04-2872/2021. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Текст: elektronnyj.
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 14 oktyabrya 2020 g. № F05-15858/20 po delu № А40-93872/2019. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Текст: elektronnyj.
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 9 fevralya 2021 g. № F06-69728/20 po delu № А65-18190/2019, Postanovlenie Semnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 19 oktyabrya 2021 g.

№ 17AP-12369/21 по делу № А50-14322/2021, Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 29 sentyabrya 2021 g. № 15AP-13300/21 по делу № А32-60625/2019. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

7. Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 23 maya 2019 g. po delu № 33–8035/2019. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 27 yanvarya 2022 g. № F06-12833/21 по делу № А12-5957/2021, Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 19 avgusta 2021 g. № F05-14559/21 по делу № А40-140599/2020, Postanovlenie Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 7 sentyabrya 2021 g. № 15AP-14262/21 по делу № А53-34994/2020. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

9. Ob osobennostyah click-wrap-soglashenij: Informaciya Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashchity prav potrebitelej i blagopoluchiya cheloveka ot 5 noyabrya 2020 g. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

10. Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Moskovskogo gorodskogo suda ot 20 marta 2018 g. po delu № 33–11423/2018. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

11. Reshenie ZHeleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Rostova-na-Donu Rostovskoj oblasti ot 21 dekabrya 2016 g. po delu № 2–3272/2016. – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

12. Konceptsiya razvitiya elektronnoho dokumentooborota v hozyajstvennoj deyatel'nosti: utv. resheniem prezidiuma Pravitel'stvennoj komissii po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 25 dekabrya 2020 g. № 34). – Spravochno-pravovaya sistema «Garant». – Tekst: elektronnyj.

13. Ob utverzhdenii PDF/A-3 formata predstavleniya dogovornogo dokumenta v elektronnoj forme: Prikaz Federal'noj nalogovoj sluzhby № ED-7-26/236@ ot 24.03.2022. – Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii (www.pravo.gov.ru) № 0001202204260012 – Tekst: elektronnyj.

УДК 342.95

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Кеклис А. Ю., Сидельников М. А.

В статье рассматриваются некоторые аспекты публично-правового регулирования предпринимательской деятельности в области здравоохранения. Указывается, что основными средствами регулирования данной деятельности со стороны государства выступают лицензирование, стандартизация, сертификация, регистрация медицинских изделий. Авторы отмечают, что в последние годы государством предпринят ряд мер по совершенствованию нормативного правового регулирования деятельности в сфере здравоохранения, вместе с тем имеют место не разрешенные вопросы. Так, одной из проблем, связанной с лицензированием, является наличие значительного количества нормативных правовых актов, так или иначе влияющих на процедуру и усложняющих получение лицензии. Решение данной проблемы авторы связывают с включением механизма «регуляторной гильотины». Ещё одной проблемой лицензирования является отсутствие единой системы лицензионных требований к лицензиатам. Проблемой рынка медицинских изделий является запрет на использование изделия с закончившимся сроком действия регистрационного удостоверения, но с действующим сроком годности. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на предпринимаемые государством шаги по регулированию отрасли с тем, ещё достаточно пробелов, которые требуют устранения.

Ключевые слова: здравоохранение, предпринимательская деятельность, государство, правовое регулирование, лицензирование, стандартизация, сертификация, медицинские изделия.

В России право граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи является одним из фундаментальных социальных прав каждого человека и гражданина. Реализация этого права требует наличия эффективных правовых механизмов, способствующих его достижению. В стране, как, справедливо, указывает В. Нечаев: «...происходит процесс уменьшения числа амбулаторно-поликлинических и больничных учреждений в государственном секторе и увеличение количества учреждений здравоохранения в негосударственном...» [1, с. 3]. В связи с этим, необходимо постоянное внимание исследователей и законодателей для разработки взвешенных и концептуально обоснованных решений в данной области, которые будут отвечать потребностям и требованиям практики.

В системе здравоохранения присутствуют отношения, основанные на как на частноправовом, так и на публично-правовом регулировании. Отношения, основанные на публично-правовом регулировании, охватывают широкий спектр взаимодействий между различными субъектами этой системы. Эти отношения основаны на действующем законодательстве, которое определяет права и обязанности участников, а также порядок их взаимодействия. Один из примеров таких отношений – это отношения между медицинскими организациями (государственными и частными больницами, поликлиниками и т.д.) и государственными органами, осуществляющими регулирование в сфере здравоохранения (например, министерствами здравоохранения, региональными ведомствами и т.д.). В рамках этих отношений медицинские организации получают лицензии, сертификаты и другие необходимые разрешительные документы от государственных органов.

Другой пример – это отношения между медицинскими организациями и пациентами. Здесь государство выступает в качестве регулятора отношений, защищая права пациентов, определяя стандарты качества медицинской помощи и контролируя

их соблюдение со стороны медицинских учреждений. Государственные органы также регулируют процесс выплаты компенсаций и страховых выплат пациентам, получившим некачественную медицинскую помощь. Кроме того, в системе здравоохранения имеются и другие отношения, основанные на публично-правовом регулировании, такие как отношения между медицинскими организациями и образовательными учреждениями, научно-исследовательскими институтами и т.д. Все эти отношения являются важной составляющей системы здравоохранения и способствуют ее развитию и улучшению качества медицинской помощи.

Лицензирование организаций, оказывающих медицинские услуги населению, в том числе, и платные, является одним из ключевых инструментов публично-правового регулирования на рынке здравоохранения. Это процесс, при котором государственные органы выдают специальные разрешения, или лицензии, медицинским организациям и медицинским работникам, которые позволяют им осуществлять медицинскую деятельность.

Лицензирование выполняет несколько важных функций. Во-первых, оно обеспечивает контроль и надзор за качеством и безопасностью оказываемых медицинских услуг. При получении лицензии медицинская организация или работник подтверждают свою профессиональную компетентность и соответствие установленным стандартам и требованиям. Это способствует защите прав и интересов пациентов.

Во-вторых, лицензирование позволяет регулировать доступ к медицинским услугам и контролировать количество и качество медицинских организаций. Государственные органы могут устанавливать определенные требования и стандарты, которым должны соответствовать медицинские учреждения для получения лицензии. Это способствует созданию конкурентной среды и обеспечению качественной медицинской помощи для населения.

Кроме того, лицензирование также может включать финансовые и экономические аспекты. Например, для получения лицензии медицинская организация может быть обязана предоставить документы о своей финансовой устойчивости и способности обеспечивать качественную медицинскую помощь на длительный срок. Количество организаций, имеющих лицензию на медицинскую деятельность в РФ на 29 июля 2023 г. составляет 59 316[2].

В Российской Федерации получить лицензию на осуществление медицинской деятельности может юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Установленный порядок обеспечивает надлежащий контроль за предусмотренными рисками оказания ненадлежащей медицинской помощи, а также гарантирует индивидуальную ответственность сотрудников за недобросовестные действия. Однако вопрос о разработке порядка выдачи лицензии врачам все еще остается актуальным, «поскольку фактически, медицинская ошибка, допущенная сотрудником медицинской организации, повлечет возникновение ответственности, прежде всего, для руководителя (директора) юридического лица» [3, с.55]. Процедура получения лицензии на осуществление медицинской деятельности в регулируется Постановлением Правительства РФ от 01.06.2021 № 852, вступившим в силу с 1.09.2021 (далее – Положение о лицензировании), а также административным регламентом по предоставлению государственной услуги по лицензированию медицинской деятельности, утвержденным приказом Росздравнадзора от 28.10.2020 № 9936.

Данные документы привнесли определенные новации в процедуру лицензирования. Основные изменения связаны с введением реестровой модели лицензирования, переходом на цифровую форму лицензирования, также пересмотрены содержание административных процедур, а также сроки их выполнения. Кроме того, значимыми изменениями явились «возможность не переоформлять разрешения для тождественных работ, <...> исключения требований к лицу, осуществляющему руководство медицинской организацией» [4, с.241]. Последняя новация вызвала оживленные дискуссии поскольку отсутствие требований к наличию медицинского образования у руководителя медицинской организации, по мнению, противников реформы вызывает «определенные риски» [5, с.9]. Безусловно, правильность или ошибочность данного решения подтвердит только время, и, учитывая, что Положением о лицензировании предусмотрен мониторинг практики его применения, согласимся с мнением, что будет «проведён анализ, позволяющий определить дальнейшее движение в подходах к управлению медицинской организацией» [5, с.9].

Одной из основных проблем, связанной с лицензированием, является наличие значительного количества нормативных правовых актов, так или иначе влияющих на процедуру и усложняющих получение лицензии. Как, указывает Д. Николаев: «Подзаконная нормативная правовая база составляет более 100 постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации» [6, с. 223, 224]. Решение данной проблемы связываем с включением механизма «регуляторной гильотины», в рамках которой будут признаны утратившими силу ряд документов не играющих существенной роли, но вместе с тем вносящих свою лепту в усложнение процесса лицензирования.

Ещё одной проблемой лицензирования является отсутствие единой системы лицензионных требований к лицензиатам. Опять же согласимся с Д. Николаевым, что ни один из принятых в последние годы документов «не установил обязательных требований к организации и выполнению работ (услуг) в целях лицензирования, то есть обязательных лицензионных требований, предъявляемых к соискателям лицензий, лицензиатам по каждому виду работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность» [6, с.224]. Выходом из данной ситуации является проведение тщательного анализа и создание единой «вертикали» нормативных правовых актов, регулирующих порядок лицензирования медицинской деятельности, и не конкурирующих друг с другом.

В целом, лицензирование играет важнейшую роль в публично-правовом регулировании здравоохранения. Оно способствует обеспечению качества и безопасности медицинских услуг, контролирует доступ к медицинской помощи и создает условия для развития конкурентной среды в сфере здравоохранения. Одной из главных проблем лицензирования является излишнее количество и конфликт нормативных актов, регулирующих данный процесс. Вместе с тем, процесс реформирования отрасли безусловно направлен на совершенствование правоотношений между органами власти и субъектами предпринимательской деятельности, осуществляющими оказание медицинских услуг населению.

Наряду с лицензированием, в сферу организационно-контрольных функций государства входят такие правовые институты, как стандартизация и сертификация [7]. Организация системы стандартизации в здравоохранении включает в себя решение организационно-технических задач и задач нормативного обеспечения. Организа-

ционно-технические задачи связаны с установлением и внедрением стандартов и процедур, которые регулируют процессы в здравоохранении. Это может включать разработку и внедрение стандартов качества, процедур диагностики и лечения, методов организации медицинских услуг и деятельности медицинского персонала. Организационно-технические задачи направлены на обеспечение эффективного и качественного предоставления медицинской помощи, оптимизацию процессов работы и повышение уровня безопасности пациентов.

Задачи нормативного обеспечения включают разработку и утверждение нормативных актов, правил и регламентов, которые регулируют деятельность в сфере здравоохранения. Это могут быть государственные стандарты, законы, постановления, инструкции и другие нормативные документы. Задачи нормативного обеспечения направлены на установление требований и стандартов, которым должны соответствовать медицинские учреждения, медицинский персонал, медицинское оборудование и другие аспекты здравоохранения. Они помогают обеспечить единые правила и стандарты в сфере здравоохранения, установить принципы безопасности и качества оказываемых медицинских услуг.

Организация системы стандартизации в здравоохранении важна для обеспечения единых стандартов и качества медицинской помощи, повышения безопасности пациентов и оптимизации работы медицинских учреждений. Она способствует достижению целей системы здравоохранения и повышению уровня здоровья населения.

Отдельно стоит отметить систему правового регулирования рынка медицинских изделий – отрасли, которая представляет собой значительный коммерческий потенциал. Модернизация системы здравоохранения, развитие медицинской промышленности, а также санкционное давление на страну породили стабильный спрос на отечественную продукцию со стороны покупателей медицинской техники. Современные требования к качеству и эффективности медицинского оборудования и изделий, а также стремление улучшить условия оказания медицинской помощи способствуют росту спроса на инновационные и передовые медицинские технологии.

Коммерческий потенциал медицинских изделий обусловлен также растущим числом медицинских учреждений, включая публичные и частные клиники, больницы и диагностические центры, которые нуждаются в постоянном обновлении своего оборудования и медицинских инструментов. Стремление к современным методам диагностики и лечения, повышение эффективности и безопасности процедур создают спрос на инновационные медицинские решения. Кроме того, государственная поддержка и стимулирование развития медицинской промышленности в России, включая программы модернизации и локализации производства, также способствуют развитию коммерческого сектора в области медицинских изделий.

Таким образом, создание, производство и реализация медицинских изделий обладают значительным коммерческим потенциалом в России, благодаря стабильному спросу на продукцию, модернизации системы здравоохранения и поддержке государства. Это предоставляет возможности для предпринимателей и компаний в сфере медицинской техники для успешного развития и роста на рынке [8, с. 29].

Модернизация медицинского оборудования и технологий является приоритетной задачей государства, и это отражено в его политике. Правительство активно поддерживает сферу медицинской техники, направляя усилия на модернизацию оборудования и повышение его качества. Это осуществляется через различные меры,

включая программы государственных закупок, стимулирование научно-исследовательской и инновационной деятельности в этой области. Одновременно с модернизацией оборудования, государство также уделяет внимание повышению качества медицинского обслуживания населения. Совершенствование медицинской помощи, включая доступность, эффективность и безопасность, является важной составляющей государственной политики в области здравоохранения. Повышение качества услуг способствует удовлетворению потребностей пациентов и улучшению общего здоровья населения.

Локализация крупных производителей и развитие производственной базы в России является важным фактором для развития отечественной медицинской промышленности, способствует снижению зависимости от импорта медицинского оборудования и позволяет удовлетворять растущий спрос на инновационные и высокотехнологичные изделия. Кроме того, наличие таких предприятий способствует созданию рабочих мест, развитию научных и инженерных кадров и стимулирует экономический рост в стране. Рынок медицинских изделий имеет большое количество этических и законодательных регламентаций и ограничений в продвижении продуктов, описываемых в международных и национальных законодательствах и правилах. В Постановлении Правительства РФ от 30.06.2021 № 1066 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обращением медицинских изделий» изложены основные принципы риск-ориентированного подхода к контролю за рынком медицинских изделий. 30.04.2021 принят Федеральный закон от 30.04.2021 № 128-ФЗ, отменивший лицензирование производства медицинских изделий. Теперь работа с медицинскими изделиями для диагностики *in vitro* возможна при наличии у медицинской организации разрешения на применение такого изделия.

Кроме, сертификации самих медицинских изделий, существует сертификация их производства. Как правило, «она сводится к сертификации системы менеджмента качества. Сертификат документально подтверждает, что производитель медицинского изделия выполняет все требования, предъявляемые к качеству этапов проектирования и разработки, производства, хранения и поставок, монтажа, технического обслуживания, окончательного вывода из эксплуатации и утилизации медицинских изделий» [9]. Наличие системы менеджмента качества при производстве медицинских изделий по ГОСТ ISO 13485-2017 «Изделия медицинские. Системы менеджмента качества. Требования для целей регулирования» необходимо, в первую очередь, для выхода на зарубежный рынок. Вместе с тем, целью внедрения данного стандарта является предотвращение ошибок, которые могут повлиять на итоговое качество продукции [10, с.74]

Регистрация медицинских изделий является государственной процедурой, предназначенной для обеспечения доступа к рынку только высококачественных, эффективных и безопасных изделий. Она разработана с целью защиты интересов пациентов и обеспечения безопасного и эффективного применения медицинских изделий.

Процесс регистрации медицинских изделий включает в себя предоставление соответствующих документов и информации о продукте, проведение экспертизы и оценку его качества, эффективности и безопасности. Государственные органы, ответственные за регистрацию, проводят тщательное исследование и проверку всех необходимых аспектов, чтобы убедиться, что изделие соответствует установленным стандартам и требованиям.

Регистрация медицинских изделий включает оценку и анализ таких аспектов, как конструкция и дизайн изделия, его безопасность, функциональность, производственные процессы, а также клиническую информацию, доказывающую его эффективность и пользу для пациентов. Также могут проводиться испытания и исследования для подтверждения соответствия изделия установленным стандартам и требованиям. Регистрация медицинских изделий имеет важное значение для обеспечения безопасности и качества медицинской помощи. Она помогает предотвратить использование некачественных и опасных изделий, а также обеспечивает информированность пациентов о продукте, его применении и возможных рисках, в связи с чем «к обращению на рынке допускаются исключительно те товары, которые прошли процедуру государственной регистрации» [11, с. 125].

Регулярный контроль и надзор за зарегистрированными медицинскими изделиями также являются важными аспектами, чтобы гарантировать их безопасное и эффективное использование в практике здравоохранения. Правила государственной регистрации медицинских изделий определяются Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416. Кроме того, Постановлением Правительства РФ от 1.04.2022 № 552 установлены особенности использования медицинских изделий «в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера». Помимо обязательной государственной регистрации, производитель медицинских изделий имеет возможность пройти добровольную сертификацию. Добровольная сертификация является процедурой, при которой производитель добровольно представляет свои изделия на проверку соответствия определенным стандартам и требованиям, установленным в отрасли здравоохранения.

Цель добровольной сертификации заключается в подтверждении качества, безопасности и соответствия изделий установленным нормам и стандартам. Это дает производителю возможность продемонстрировать, что его изделия соответствуют высоким стандартам качества и безопасности, а также повысить доверие потребителей и улучшить конкурентоспособность на рынке.

Процесс добровольной сертификации обычно включает анализ технической документации, проведение испытаний и проверку соответствия изделий требованиям, установленным соответствующими нормативными органами. В результате успешной сертификации производителю выдается сертификат, подтверждающий соответствие его изделий определенным стандартам и требованиям. Добровольная сертификация имеет ряд преимуществ для производителей медицинских изделий. Она позволяет повысить доверие к продукции со стороны клиентов и потребителей, улучшить репутацию компании, расширить рынок сбыта и повысить конкурентоспособность. Также, сертификация способствует повышению уровня качества производства и обеспечению безопасности для пациентов и здравоохранения в целом.

Добровольная сертификация не является обязательной, но многие производители стремятся пройти эту процедуру для установления высоких стандартов и подтверждения качества своих изделий на рынке медицинской техники.

Порядок добровольной сертификации регулируется Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании». Порядок и правила добровольной сертификации регламентируются ГОСТ Р 54659-2011 «Оценка соответствия. Правила проведения добровольной сертификации услуг (работ)».

Одной из проблем, рынка медицинских изделий является запрет на использование изделия с закончившимся сроком действия регистрационного удостоверения, но с действующим сроком годности. В настоящий момент проблема имеет временное решение – Постановлением Правительства РФ от 3.04.2020 № 430 использование таких изделий разрешено в рамках владеющей ими организации, но только до 1.01.2025. Согласно с коллективом авторов, указывающих, что данный вопрос требует постоянного разрешения [11, с. 128].

Таким образом, рассмотрев особенности публично-правового регулирования предпринимательской деятельности в области здравоохранения, можно резюмировать, что органы государственной власти стараются выстроить ясную и прозрачную систему правового регулирования правоотношений в области здравоохранения. Вместе с тем, ещё достаточно пробелов, которые требуют принятия новых решений, как законодательными, так и исполнительными органами власти.

Список литературы:

1. Нисан, Б. А. Научное обоснование организационных подходов к государственно-частному партнерству в здравоохранении : специальность 14.02.03 "Общественное здоровье и здравоохранение" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Нисан Белла Александровна. – Москва, 2014. – 48 с.
2. Количество организаций, имеющих лицензию на медицинскую деятельность // <https://statprivat.ru/licenses?r=12> (дата обращения: 29.07.2023)
3. Березин, И. Г. Актуальные вопросы лицензирования деятельности медицинских организаций / И. Г. Березин // Матрица научного познания. – 2022. – № 2-2. – С. 53-60.
4. Сулимин, В. В. Особенности лицензирования медицинской деятельности в разрезе предпринимательского права / В. В. Сулимин // Вестник Академии знаний. – 2023. – № 2(55). – С. 238-242.
5. Пивень, Д. В. Новое положение о лицензировании медицинской деятельности: на что обратить внимание руководителям медицинских организаций / Д. В. Пивень, И. С. Кицул, И. В. Иванов // Менеджер здравоохранения. – 2021. – № 7. – С. 4-10. – DOI 10.21045/1811-0185-2021-7-4-10. – EDN YIQQFS.
6. Николаев, Д. С. Актуальные вопросы правового регулирования лицензионных требований в сфере медицинской деятельности / Д. С. Николаев // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 3А. – С. 222-231.
7. Данилочкина, Ю. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности на рынке медицинских услуг : специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Данилочкина Юлия Валерьевна. – Волгоград, 2003 // <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002649591?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 29.07.2023).
8. Кшнякин, П. А. Инструменты совершенствования экосреды инновационного предпринимательства отрасли медицинских изделий / П. А. Кшнякин, А. В. Балановская, К. Б. Герасимов // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 27-36.
9. Сертификация медицинских изделий // <https://kc-prof.ru/sertifikatsiya-meditsinskih-izdelij/>
10. Разина, И. С. Практика разработки и внедрения системы менеджмента качества на предприятии медико-технического профиля по требованиям ISO 13485:2016 / И. С. Разина, С. Н. Иванова, И. В. Жукова // Наука и бизнес: пути развития. – 2021. – № 7(121). – С. 74-76.
11. Современное состояние проблемы регистрации медицинских изделий и их эксплуатации на территории Российской Федерации / М. И. Чубирко, В. П. Косолапов, Ю. М. Чубирко, Г. В. Сыч // Вестник новых медицинских технологий. – 2021. – Т. 28, № 4. – С. 124-128.

Keklis A. Y., Sidelnikov M. A. Regulation of business activity in the field of healthcare: public-legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 193–200.

This article discusses some aspects of public law regulation of entrepreneurial activity in the field of healthcare. It is indicated that the main means of regulating this activity on the part of the state are licensing, standardization, certification, registration of medical devices. The authors note that in recent years the state has taken a number of measures to improve the regulatory legal regulation of activities in the field of healthcare, however, there are unresolved issues. So, one of the problems associated with licensing is the presence of a significant number of regulatory legal acts that somehow affect the procedure and complicate obtaining a license. The authors associate the solution of this problem with the inclusion of the "regulatory guillotine" mechanism. Another licensing problem is the lack of a unified system of licensing requirements for li-

censees. The problem of the medical devices market is the ban on the use of a product with an expired registration certificate, but with a valid expiration date. The authors conclude that, despite the steps taken by the state to regulate the industry, there are still enough gaps that need to be addressed.

Keywords: healthcare, entrepreneurship, government, legal regulation, licensing, standardization, certification, medical devices.

Spisok literatury:

1. Nisan, B. A. Nauchnoe obosnovanie organizacionnyh podhodov k gosudarstvenno-chastnomu partnerstvu v zdavoohranenii : special'nost' 14.02.03 "Obshchestvennoe zdorov'e i zdavoohranenie" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora medicinskih nauk / Nisan Bella Aleksandrovna. – Moskva, 2014. – 48 s.
2. Kolichestvo organizacij, imeyushchih licenziju na medicinskuyu deyatel'nost' // <https://statprivat.ru/licenses?r=12> (data obrashcheniya: 29.07.2023)
3. Berezin, I. G. Aktual'nye voprosy licenzirovaniya deyatel'nosti medicinskih organizacij / I. G. Berezin // Matrica nauchnogo poznaniya. – 2022. – № 2-2. – S. 53-60.
4. Sulimin, V. V. Osobennosti licenzirovaniya medicinskoj deyatel'nosti v razreze predprinimatel'skogo prava / V. V. Sulimin // Vestnik Akademii znaniy. – 2023. – № 2(55). – S. 238-242.
5. Piven', D. V. Novoe polozhenie o licenzirovanii medicinskoj deyatel'nosti: na chto obratit' vnimanie rukovoditelyam medicinskih organizacij / D. V. Piven', I. S. Kicul, I. V. Ivanov // Menedzher zdavoohraneniya. – 2021. – № 7. – S. 4-10. – DOI 10.21045/1811-0185-2021-7-4-10. – EDN YIQQFS.
6. Nikolaev, D. S. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya licenziionnyh trebovanij v sfere medicinskoj deyatel'nosti / D. S. Nikolaev // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12, № 3A. – S. 222-231.
7. Danilochkina, YU. V. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti na rynke medicinskih uslug : special'nost' 12.00.03 "Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Danilochkina YUliya Valer'evna. – Volgograd, 2003 // <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002649591?page=1&rotate=0&theme=white> (data obrashcheniya: 29.07.2023).
8. Kshnyakin, P. A. Instrumenty sovershenstvovaniya ekosredy innovacionnogo predprinimatel'stva otrasli medicinskih izdelij / P. A. Kshnyakin, A. V. Balanovskaya, K. B. Gerasimov // Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. – 2021. – T. 12, № 4. – S. 27-36.
9. Serifikaciya medicinskih izdelij // <https://kc-prof.ru/sertifikatsiya-meditsinskih-izdelij/> (data obrashcheniya: 29.07.2023).
10. Razina, I. S. Praktika razrabotki i vnedreniya sistemy menedzhmenta kachestva na predpriyatii mediko-tekhničeskogo profilya po trebovaniyam ISO 13485:2016 / I. S. Razina, S. N. Ivanova, I. V. Zhukova // Nauka i biznes: puti razvitiya. – 2021. – № 7(121). – S. 74-76.
11. Sovremennoe sostoyanie problemy registracii medicinskih izdelij i ih ekspluatcii na territorii Rossijskoj Federacii / M. I. Chubirko, V. P. Kosolapov, YU. M. Chubirko, G. V. Sych // Vestnik novyh medicinskih tekhnologij. – 2021. – T. 28, № 4. – S. 124-128.

УДК 347.763.3

**ОБЯЗАННОСТЬ ПЕРЕВОЗЧИКА ПО ДОСТАВКЕ ГРУЗА К МЕСТУ
ИСПОЛНЕНИЯ В ДОГОВОРЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мартынов А. С., Рышкова Л. В.

Статья посвящена отдельным особенностям договора перевозки грузов железнодорожным транспортом, в частности одной из обязанностей перевозчика по доставке груза к месту назначения. Данные отношения регулируются значительным количеством нормативных правовых актов. К ним можно отнести Гражданский кодекс Российской Федерации, Устав железнодорожного транспорта и множество подзаконных нормативных правовых актов, среди которых значительный объем составляют приказы Министерства транспорта Российской Федерации. В статье сделан вывод о том, что особенностью данного договора является то, место его заключения и место исполнения не могут совпадать. Кроме этого обоснован вывод, что переадресация груза может быть сделана только на основании указания грузоотправителя. Данные выводы в статье обоснованы материалами судебной практики.

Ключевые слова: договор перевозки грузов, железнодорожный транспорт, груз, багаж, Гражданский кодекс, Устав железных дорог.

Как известно, обязанность перевозчика по доставке груза железнодорожным транспортом, являются сложной и подчиняется ряду требований.

На сегодняшний день, указанная обязанность перевозчика регулируется различными актами. Среди них стоит отметить следующие акты: Гражданский кодекс Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [1], Федеральным законом «Устав железнодорожного транспорта» (далее по тексту – УЖТ РФ) [2], Правилами перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения [3], Правилами перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом [4] и другими подзаконными нормативными правовыми актами.

Важно понимать, что исполнение обязанности по доставке груза подчиняется общим и специальным требованиям о надлежащем месте исполнения обязательства.

В ст. 316 ГК РФ закреплены некоторые требования, которые предъявляются к месту исполнения обязательства. Так, существует общее правило, согласно которому место исполнения обязательства должно быть определено в законе, в ином правовом акте или в договоре, а также вытекать из обычаев делового оборота или из существа обязательства. Если же место исполнения обязательства не вытекает из указанных оснований, то на этот счет есть дополнительные правила, которые призваны устранить пробелы и урегулировать договорные отношения. То есть, в том случае, когда место исполнения невозможно определить при помощи указанных правил, оно будет определяться в зависимости от типа обязательства. Так, в обязательствах передать недвижимое имущество, местом их исполнения будет место

нахождения имущества. Для того, чтобы уточнить место исполнения обязательства по перевозке грузов следует изучить другие нормы ГК РФ, а также положения иных нормативно-правовых актов. Во-первых, обратимся к определению договора перевозки груза в ст.785 ГК РФ, в котором указано место исполнения соответствующего обязательства, каковым является в данном случае пункт назначения. Таким образом, здесь действует общее правило ст.316 ГК РФ в той части, в которой говорится о том, что место исполнения обязательства определяется *сущностью обязательства*. Необходимо иметь в виду, что место заключения договора перевозки груза и место исполнения обязательства по перевозке *не могут совпадать*. Это обусловлено спецификой отношений по перевозке грузов. Ведь суть договора перевозки груза, который является реальным, сводится к тому, чтобы обеспечить перемещение груза из пункта “А” в пункт “Б”. Таким образом, выделяется место *заключения* договора (то место, где грузоотправитель передает груз вместе с транспортной накладной перевозчику, а перевозчик принимает груз выдает квитанцию о приеме), и место *исполнения* договора перевозки груза, определяемое пунктом назначения. Во-вторых, место исполнения обязательства по перевозке груза вытекает из определения договора, закрепленного в нормах транспортных кодексов и уставов. Так, например, в ст.25 УЖТ РФ закреплено, что в соответствии с договором перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему груз *на железнодорожную станцию назначения* с соблюдением условий его перевозки и выдать грузополучателю. Таким образом, из данного определения следует, что местом исполнения договора перевозки груза будет железнодорожная станция назначения. Железнодорожная станция назначения должна быть определена в документах, которые призваны оформить и упорядочить перевозочный процесс. Основным документом является транспортная накладная, в которой определяются условия доставки груза, при этом одним из обязательных реквизитов транспортной накладной является указание “станции назначения”. Все это важно, поскольку в транспортных уставах и кодексах, как правило, устанавливается ответственность за искажение данных (в том числе сведений о месте, куда груз должен быть доставлен). Применительно к месту исполнения обязательств по перевозке грузов хотелось бы указать еще на одну особенность, которая отличает эту группу обязательств от других. Итак, существует ряд договоров, которые, как правило, исполняются одномоментно и непосредственно в месте их заключения. Например, по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью (см. ст.492 ГК РФ). Здесь можно предположить, что договор (т.е. основание возникновения обязательства по передаче товара в собственность) заключается в месте, где товар и предлагается для покупателя (автомат, торговая площадь, рынок, павильон, буфет и др.), поэтому место исполнения обязательства совпадает с местом заключения договора. В договоре перевозки груза это исключается в принципе, что является одной из особенностей данного договора.

При рассмотрении вопроса о месте исполнения обязательства по перевозке груза не следует забывать о выраженных в доктринальных источниках мнениях различных авторов, исследующих эту проблематику. Все авторы, которые в той или иной степени рассматривали вопрос о договоре перевозки грузов, предлагали свои опре-

деления этого договора. Так, по мнению О.С.Иоффе, это “договор, в силу которого одна сторона, перевозчик, обязуется доставить вверенный ей груз в назначенное место и выдать его грузополучателю, а другая сторона, грузоотправитель, обязуется уплатить за это перевозчику вознаграждение в виде провозной платы [5]. По мнению Т.А.Фадеевой, по договору перевозки грузов транспортная организация (перевозчик) обязуется доставить вверенный ей груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату [6]. Легальное определение договора перевозки груза подвергнуто анализу в исследованиях В.В. Витрянского [7], а также В.А. Егиазарова [8] и др. Таким образом, анализируя доктринальные определения договора перевозки груза, можно прийти к такому же выводу: место исполнения обязательства по перевозке груза не совпадает с местом заключения договора перевозки груза. Предложенные определения договора перевозки груза лишь подтверждают, что здесь действует общее правило ст. 316 ГК РФ: место исполнения обязательства может обуславливаться *сущностью обязательства*.

Завершить вопрос о месте исполнения обязательства по перевозке грузов, хотелось бы, раскрыв еще одну особенность этих отношений. Она заключается в том, что в процессе перевозки конкретного груза может возникнуть ситуация, когда потребуется изменить либо станцию (пункт) назначения, либо получателя перевозимого груза. Речь в данном случае идет о так называемой *переадресовке*, то есть об изменении места исполнения обязательства, причем изменение места исполнения может происходить, в том числе, *по инициативе грузополучателя*. Например, при простое вагонов до получения указания о переадресовке грузов, будет иметь важное значение по чьей вине был допущен простой. При отсутствии вины перевозчика, в задержке перевозке при условии переадресовке грузов по заявлению грузоотправителя, ответственность за простой лежит на грузоотправителе. При этом суд исходит из того, что с силу статей 30, 31, 35 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации за время простоя вагонов в ожидании переадресовки грузов по независящим от перевозчика обстоятельствам, грузополучателем вносится плата за пользование вагонами, перевозчик имеет право на списание с лицевого счета фактического грузополучателя сумму денежных средств за перевозку грузов. Такие обстоятельства были предметом рассмотрения дела № А55-15677/2005-13 Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по иску ЗАО «Самарские мельницы» к Открытому акционерному обществу «Российские железные дороги» в лице филиала – «Куйбышевская железная дорога» [9].

В ст. 31 УЖТ РФ закрепляется, что переадресовка груза осуществляется по письменному заявлению грузоотправителя. Однако конкретных сроков подачи заявления не установлено ни в ст.31 УЖТ РФ, ни в приказе МПС РФ от 27 июля 2020 г. № 256 “Об утверждении Правил перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения.

Тем не менее, анализируя содержание указанных статьи и приказа, следует отметить, что переадресовка груза возможна в пути, то есть в любой момент, когда груз перевозится, либо он может быть переадресован уже со станции назначения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на изменение первоначального места назначения – в данном случае совпадения места заключения договора (место сдачи груза к перевозке) и места исполнения договора не может произойти. С учетом большого разнообразия предпринимательских отношений может возникнуть ситуация, когда покупатель может отказаться от отправленного в его адрес груза, а отправитель (он же продавец) в этот момент найдет нового покупателя в каком-либо ином городе. После заключения договора или хотя бы выражения намерения на заключение договора в отношении того груза, который в данный момент перевозится, у продавца возникнет необходимость данный груз переадресовать другому лицу (новому покупателю). Не исключается и возможность, когда после отправки груза в адрес получателя (покупателя по договору купли-продажи) договор будет расторгнут. В данном случае отправитель груза при отсутствии нового покупателя будет вынужден переадресовать груз в пункт отправления в отношении себя. Это можно было считать единственным возможным исключением, когда место заключения договора и место его исполнения могут совпасть, но не следует забывать, что договор перевозки груза расторгается и об исполнении говорить невозможно.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410. - Текст: непосредственный.
2. Федеральный закон от 10.01.2003 N 18-ФЗ "Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170. - Текст: непосредственный.
3. Приказ Минтранса России от 27.07.2020 N 256 "Об утверждении Правил перевозок грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, содержащих порядок переадресовки перевозимых грузов, порожних грузовых вагонов с изменением грузополучателя и (или) железнодорожной станции назначения, составления актов при перевозках грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, составления транспортной железнодорожной накладной, сроки и порядок хранения грузов, контейнеров на железнодорожной станции назначения" // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2023). – Текст: электронный.
4. Приказ Минтранса России от 19.12.2013 N 473 "Об утверждении Правил перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом" // Российская газета. 2014. № 172. - Текст: непосредственный.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 560. - Текст: непосредственный.
6. Фадеева Т.А. Договор перевозки груза: Учеб.-методич. пособие. Ленинград,1971.С.20. - Текст: непосредственный.
7. Витрянский В.В. // Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн.4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М.: Статут, 2003. С. 760. - Текст: непосредственный.
8. Егизаров В.А. Транспортное право: Учеб. пособие. М., 2002. С. 48. - Текст: непосредственный.
9. Определение ВАС РФ от 14.08.2007 N 9570/07 по делу N А55-15677/2005-13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 04.04.2023). – Текст: электронный.

Martynov A.S., Ryshkova L.V. The obligation of the carrier to deliver the goods to the place of performance in the contract for the carriage of goods by rail under the legislation of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 201 – 205.

The article is devoted to the features of the contract for the carriage of goods by rail, in particular, one of any carriers for the delivery of goods to the destination. These relations are regulated by the proportions of normative legal acts. These include the Civil Code of the Russian Federation, the Charter of Railway Transport and many by-laws of regulatory legal acts, among which there is an excess of the volume of the order of the Ministry of Transport of the Russian Federation. The article concluded that the peculiarity of this agreement is that the place of its conclusion and the place of execution cannot coincide. In addition, the con-

clusion is substantiated that the redirection of cargo can be made only on the basis of the instructions of the consignor. These conclusions in the article are substantiated by the materials of judicial practice.

Keywords: contract for the carriage of goods, railway transport, cargo, baggage, Civil Code, Charter of Railways.

Spisok literaturey:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 5. St. 410. - Tekst: neposredstvennyj.
2. Federal'nyj zakon ot 10.01.2003 N 18-FZ "Ustav zheleznodorozhnogo transporta Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. № 2. St. 170. - Tekst: neposredstvennyj.
3. Prikaz Mintransa Rossii ot 27.07.2020 N 256 "Ob utverzhdenii Pravil perevozok gruzov, porozhnykh gruzovykh vagonov zheleznodorozhnym transportom, sodержashchih poryadok pereadresovki perevozimyh gruzov, porozhnykh gruzovykh vagonov s izmeneniem gruzopoluchatelya i (ili) zheleznodorozhnoj stancii naznacheniya, sostavleniya aktov pri perevozkah gruzov, porozhnykh gruzovykh vagonov zheleznodorozhnym transportom, sostavleniya transportnoj zheleznodorozhnoj nakladnoj, sroki i poryadok hraneniya gruzov, kontejnerov na zheleznodorozhnoj stancii naznacheniya" // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://consultant.ru/> (data obrashcheniya: 04.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
4. Prikaz Mintransa Rossii ot 19.12.2013 N 473 "Ob utverzhdenii Pravil perevozok passazhirov, bagazha, gruzobagazha zheleznodorozhnym transportom" // Rossijskaya gazeta. 2014. № 172. - Tekst: neposredstvennyj.
5. Ioffe O.S. Obyazatel'stvennoe pravo. M., 1975. S. 560. - Tekst: neposredstvennyj.
6. Fadeeva T.A. Dogovor perevozki gruza: Ucheb.-metodich. posobie. Leningrad, 1971. S. 20. - Tekst: neposredstvennyj.
7. Vitryanskij V.V. // Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kn.4. Dogovory o perevozke, buksirovke, transportnoj ekspedicii i inyh uslugah v sfere transporta. M.: Statut, 2003. S. 760. - Tekst: neposredstvennyj.
8. Egiazarov V.A. Transportnoe pravo: Ucheb. posobie. M., 2002. S. 48. - Tekst: neposredstvennyj.
9. Opredelenie VAS RF ot 14.08.2007 N 9570/07 po delu N A55-15677/2005-13 // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: <http://consultant.ru/> (data obrashcheniya: 04.04.2023). – Tekst: elektronnyj.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340.1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БОРЬБЫ И УНИЧТОЖЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Акименко Е. С., Володина О. В., Сушицкий А. И.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации*

Актуальность выбранной темы статьи обусловлена критическим положением дел в области борьбы с терроризмом и его проявлениями. Терроризм трансформируется и приобретает до настоящего момента неизвестные миру формы своего выражения, способы совершения. Важной составляющей освещенной в статье проблематике является организация мероприятий, направленных на согласованные действия представителей силовых ведомств в области противодействия терроризму как явлению, террористических угроз и их реальному воплощению. Статья посвящена значению и роли деятельности государства по выработке эффективных средств и методов по стабилизации обстановки и пресечению террористических угроз. В научном труде исследуется объективная оценка состояния, перспектив и характера террористических рисков. Авторы раскрывают проблемы и предлагают способы решения законодательного обеспечения противодействия терроризму.

Ключевые слова: безопасность граждан, противодействие терроризму, деятельность правоохранительных органов, контртеррористическая операция, правовое регулирование, специальная военная операция.

Создание безопасных условий жизни граждан, обеспечение безопасности и неприкосновенности личности – это первостепенная задача любого современного государства, стремящегося к сохранению общества, его населяющего.

На современном этапе в рамках межгосударственного взаимодействия между Россией и странами – партнёрами в сфере противодействия терроризму сформирована прочная база для международного и регионального сотрудничества, и в связи с этим довольно остро стоят вопросы наполнения стратегических планов тактическим содержанием, дифференцирования и изучения отдельных направлений, а также практической реализации предпринятых мер.

Невозможно встретить человека, которому была бы безразлична угроза терроризма, вопросы собственной безопасности не могут не беспокоить граждан во всем мире. Руководство современного государства – противника терроризма, в свою очередь, напрямую заинтересовано в выработке эффективных средств и методов по стабилизации обстановки и пресечению террористических угроз. Террористы, преследуя конкретные преступные цели, с особой жестокостью и цинизмом выбирают объектом своих преступных посягательств граждан, оказывающихся беззащитными перед их действиями. Пострадавшие граждане от террористических актов дают зачастую ожидаемые негативные оценки деятельности правоохранительных органов по нейтрализации террористических угроз [8, с. 6]. Зачастую информация о террористических актах аккумулируется и публикуется в средствах массовой информации, которые в погоне за рейтингами играют на руку террористам, заинтересованным в дестабилизации обстановки.

В настоящее время обществу требуется объективная и адекватная оценка состояния, перспектив и характера террористических рисков. На современном этапе в международном терроризме явно наметилось несколько новых тенденций.

Во-первых, терроризм стал отождествляться с профессиональной деятельностью, что заставляет пересмотреть форматы стратегического и тактического планирования деятельности правоохранительных органов, принимающих участие в противодействии терроризму.

Во-вторых, произошли изменения в комплектовании террористических ячеек, пополнение которых стало осуществляться за счёт лиц, прошедших обучение в «горячих» точках мира, их идейных вдохновителей. Примером может служить террористическая деятельность запрещенного в Российской Федерации «Исламского государства Ирака и Леванта» [6, с. 191].

Не секрет, что идеологи терроризма, занимающиеся вербовкой сторонников для осуществления террористической деятельности на территории РФ, определенным образом изменили формат подготовки кандидатов на исполнение террористических актов. Отныне они ориентированы на лиц славянского типа внешности, новых приверженцев религии, так называемых «неофитов». Завербованные лица из числа «неофитов», оказавшись на стороне террористических организаций, представляют серьезную угрозу, поскольку их сложно идентифицировать как террористов. Их внешний вид не вызывает никаких подозрений, они не имеют каких-либо языковых проблем, а также имеют возможность оформить трудовые отношения в различных сферах деятельности с целью реализации преступных замыслов.

В-третьих, терроризм стал формой военных действий. Организованная террористическая деятельность, государственный терроризм заставили силовые структуры ряда государств перейти от формы контртеррористических операций к форме полномасштабных боевых действий.

В-четвертых, в террористическом «сообществе» создаются альтернативные или параллельные сети террористических организаций. К примеру, запрещенная в России «Исламское государство Ирака и Леванта» развивалось по методу сетевого маркетинга. Совершенно не случайно в национальные перечни Российской Федерации, Казахстана, Киргизии, помимо «Исламского государства Ирака и Леванта», входят такие террористические сообщества, как, «Аль-Каида», «Имарат Кавказ», «Хизбут- Тахрир-аль-Ислами», «Джебхат ан –Нусра» и другие [7, с. 62].

Как правило, данные организации маскируются под ортодоксальные религиозные объединения, и отсутствие контроля и надзора за ними может вызвать серьезные последствия в сфере безопасности общества.

Высокие темпы роста терроризма в современном мире приводят к эскалации террористических угроз на территории РФ и сопредельных государств, в т.ч. стран Средней Азии [9, с. 58]. Главной тенденцией по уничтожению террористических проявлений становится подготовка РФ к региональным войнам на территории современной России, либо на территории наших военно-политических союзников в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также Организации Договора о коллективной безопасности. Ярким примером наметившейся тенденции являются январские события 2022 г. в Казахстане и проводимая с февраля 2022 г. специальная военная операция на территории Украины.

Законодательство Российской Федерации строится на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах РФ, федеральном законодательстве, указах Президента и постановлениях Правительства России, а также на других нормативных правовых актах. Актуальной необходимостью сегодня является объединение усилий мировым сообществом в сфере ключевых направлений, таких как совершенствование и преобразование нормативно-правовой базы противодействия террористической деятельности, а также модернизации систем обоюдной правовой помощи [1].

К числу проблем законодательного обеспечения противодействия терроризму авторы отмечают низкий уровень правового регулирования и недостатки организационного обеспечения противодействия терроризму в современной России.

В первую очередь – это громоздкая структура государственной системы противодействия терроризму, а именно: Национальный антитеррористический комитет, который был создан во исполнение Указа Президента России от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму», Федеральный оперативный штаб, антитеррористические комиссии различных уровней, оперативные штабы в субъектах и морских районах Российской Федерации. Сегодняшнее организационное обеспечение противодействия терроризму осуществляется на ведомственном уровне [4]. Например, ответственность за противодействие терроризму возложена на ФСБ России, руководителем Национального антитеррористического комитета является директор ФСБ России. Собственно личный состав данного комитета сформирован из представителей этой же службы, таким образом налицо ведомственный подход в решении государственных задач. Выходом из положения могло бы быть создание независимого государственного органа, ответственного за противодействие терроризму и подчиненного, к примеру, заместителю председателя Правительства Российской Федерации, ответственного за борьбу с преступностью, в том числе с терроризмом.

Кроме того, отсутствует четкое законодательное разграничение компетенции министерств и служб Российской Федерации, участвующих в контртеррористической операции. В частности, формулировка статьи 12 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» недостаточно четко разграничивает компетенцию ФСБ России и МВД России в этом вопросе, так как до недавнего времени она противоречила пункту 9 Указа Президента России от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [3]. В частности, в вышеупомянутом пункте было достаточно четко сказано, что первичные действия в отношении пресечения террористического акта могли проводиться сотрудниками органов внутренних дел в муниципальных образованиях Российской Федерации, в которых отсутствуют специальные подразделения ФСБ России. В настоящее время данный пункт указа отменён, однако, учитывая, что таких муниципальных образований в нашем государстве более половины, то факт невозможности оперативного использования сотрудниками органов внутренних дел инструментов контртеррористической операции с целью пресечения террористического акта до начала функционирования оперативных штабов снижает эффект наступательности, а также ведет к утрате

оперативности. Если ранее начальник территориального органа внутренних дел до момента формирования и начала работы оперативного штаба мог осуществлять первоначальные мероприятия по пресечению данного террористического акта, то в настоящее время данный вопрос остается без должного нормативного регулирования [5, с. 20-22].

Также стоит упомянуть неудачно сформулированное понятие «терроризм» в ст. 3 Федерального закона от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В настоящее время терроризм – это идеология и практика воздействия на международное сообщество и государства в целях достижения террористических целей. Таким образом, законодатель разделяет понимание терроризма на идеологический и криминальный аспекты. Такое положение запутывает правоприменителя, так как одни правоохранители понимают терроризм как идеологию, и, следовательно, для противодействия терроризму нужно противопоставить контридеологию. При этом необходимо отметить, что лица, причастные к террористической деятельности, могут брать на вооружение и использовать разнообразные идеи и таким образом пропагандой может стать любое проявление инакомыслия. Другие правоприменители понимают терроризм как преступное действие, для пресечения которого необходимо применять силу и проводить контртеррористическую операцию. Другим недостатком определения «терроризм» является то, что оно не совпадает с уголовно-правовым понятием, данным в ст. 205 разд. 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК Российской Федерации. Добавим, что в уголовно-правовом понятии «терроризм» отсутствует такая цель субъективной стороны, как устрашение населения – главный квалифицирующий признак собственно терроризма как преступления и его отличия от иных тяжких и особо тяжких преступлений по законодательству РФ. Полагаем целесообразным ст. 205 УК РФ дополнить определением цели, ради которой и совершается деяние – «нарушение общественной безопасности» [2].

К организационным недостаткам отметим следующее: в субъектах Российской Федерации созданы две самостоятельные структуры, осуществляющие противодействие терроризму: антитеррористические комиссии и оперативные штабы. Недостаток такого построения заключается в том, что единая правовая материя предупреждения и пресечения терроризма разделяется на две самостоятельные: антитеррористические комиссии занимаются предупреждением, а оперативные штабы созданы для руководства силами и средствами для пресечения террористического акта. Такое положение противоречит теории оперативно-розыскной деятельности, а именно: выявление, предупреждение, расследование, раскрытие и пресечение преступлений должно находиться в одном государственном органе, руководимом профессиональным компетентным сотрудником, сосредотачивающим в своих руках вопросы раннего пресечения и эффективного предупреждения замышляемых и подготавливаемых преступлений террористической направленности. Усложненный порядок взаимодействия и распределения полномочий не может привести к требуемому в настоящее время усилению эффективности организационных мер по противодействию терроризму.

Также, в настоящее время существует много вопросов, касающихся разграничения понятийного аппарата, используемого в современном

законодательстве России в сфере противодействия терроризму, так как под террористической деятельностью понимаются не только сами террористические акты, но и публичные призывы к их осуществлению, пропаганда террористических идей.

Совершенствование современного законодательства в связке с сегодняшними принципами противодействия преступлениям террористической направленности и необходимостью его совершенствования не может осуществляться без комплексного подхода к проблематике, а именно модернизации уголовного, гражданского, процессуального, финансового, административного законодательства.

Проблема необходимости совершенствования законодательства в сфере противодействия терроризму напрямую связана и не может решаться отдельно от проблем материально-технического обеспечения данной сферы и обеспечения достаточным количеством высококвалифицированных специалистов, ведь по состоянию на сегодняшний день лица, причастные к террористической деятельности, располагают широким набором так называемых «нестандартных методов» осуществления своих преступных замыслов. Локальные конфликты в различных частях планеты способствуют попаданию в руки террористов высокотоксичных веществ, радиоактивных материй, вредоносных биологических культур, а также ультрасовременных компьютерных и высокотехнологических комплексов, к противодействию которым на высоком уровне не подготовлены даже самые развитые страны. Предприятия, специализирующиеся на переработке и добыче сырья, промышленности в сфере электроэнергетики, металлургии, топливной сфере, машиностроении в современном мире попадают в зону заинтересованности террористов как потенциальные источники экологических катастроф. Данная разновидность террористической деятельности пока еще не получила широкого распространения, однако именно поэтому риск ее проявления в скором будущем не позволяет нам не задумываться о возможных последствиях.

Безусловно, стоит рассмотреть вопрос актуальности отнесения к числу уголовно-наказуемых деяний, связанных с распространением информации, источников, информационных носителей, способных оказать методическое и тактическое обеспечение диверсионно-террористической деятельности. В ряде информационных источников, в том числе в сети Интернет, с использованием непопулярных браузеров можно получить алгоритмы изготовления и применения самодельных взрывных и зажигательных устройств. В настоящее время на сайте Министерства юстиции имеется перечень запрещенных источников и литературы, однако он далеко не исчерпывающий, в том числе вследствие того, что лингвистические экспертизы и исследования делятся порядка шести месяцев, что является недопустимым и отнюдь не способствует оперативному мониторингу сети с целью отыскания новых материалов. Существует мнение, что необходимо пересмотреть принцип презумпции невиновности в таких случаях, обязав лицо осуществляющее или отвечающее за наполнение проверяемого источника объяснить и доказать необходимость размещения тех или иных материалов.

В Российской Федерации терроризм не носит таких размахов, как в ряде западных и ближневосточных стран, однако события, происходившие и происходящие на территории Северо-Кавказского региона, Казахстана и Украины

не позволяют останавливать процесс противодействия террористической угрозе на государственно-стратегическом уровне. Таким образом, противодействие терроризму – проблема, которая требует создания специальных организационных подразделений и новых тактических мер, исходя из террористических угроз в Российской Федерации и мире в целом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. О противодействии терроризму. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. О мерах по противодействию терроризму (вместе с Положением о Национальном антитеррористическом комитете) (ред. от 25.11.2019) Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Луценко, В. В. Теоретические основы разработки правовых средств, применяемых в деятельности, связанной с противодействием терроризму, на современном этапе развития права / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 20-22.
6. Никонов, Д. А. Правовые ограничения как средство обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях режима контртеррористической операции / Д. А. Никонов, В. В. Луценко, М. М. Вишняков // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе : Сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 17–18 февраля 2022 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – С. 190-195.
7. Захарцев, С. И. Правовой режим контртеррористической операции как особый порядок правового регулирования общественных отношений, возникающих в условиях террористической угрозы / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С. 60-68.
8. Луценко, В. В. Противодействие терроризму в условиях революционных движений 1905-1907 гг. (историко-правовой аспект) / В. В. Луценко // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 3(20). – С. 5-7.
9. Луценко, В. В. Режим контртеррористической операции как особый комплексный правовой институт / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военное право. – 2021. – № 4(68). – С. 56-60.

Akimenko E.S., Volodina O.V., Sushitsky A.I. Special legal regime for combating and destroying terrorist manifestations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 206 – 212.

The relevance of the chosen topic of the article is due to the critical state of affairs in the field of combating terrorism and its manifestations. Terrorism is being transformed and is acquiring forms of its expression unknown to the world until now, ways of committing. An important component of the problems covered in the article is the organization of events aimed at coordinated actions of representatives of law enforcement agencies in the field of countering terrorism as a phenomenon, terrorist threats and their real embodiment. The article is devoted to the significance and role of the state's activity in developing effective means and methods for stabilizing the situation and suppressing terrorist threats. Scientific work explores an objective assessment of the state, prospects and nature of terrorist risks. The authors reveal the problems and offer ways to solve the legislative support for countering terrorism.

Key words: safety of citizens, countering terrorism, activities of law enforcement agencies, counter-terrorism operation, legal regulation, special military operation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [sajt]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 10.07.2023) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [sajt]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. O protivodejstvii terrorizmu. Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 10.07.2023) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [sajt]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. O merah po protivodejstviyu terrorizmu (vmeste s Polozheniem o Nacional'nom antiterroristicheskom komitete) (red. ot 25.11.2019) Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 fevralya 2006 g. № 116 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [sajt]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

5. Lucenko, V. V. Teoreticheskie osnovy razrabotki pravovyh sredstv, primenyaemyh v deyatelnosti, svyazannoj s protivodejstviem terrorizmu, na sovremennom etape razvitiya prava / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // *Voенно-yuridicheskij zhurnal*. – 2023. – № 3. – S. 20-22.
 6. Nikonov, D. A. Pravovye ogranicheniya kak sredstvo obespecheniya konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah rezhima kontrterroristicheskoy operacii / D. A. Nikonov, V. V. Lucenko, M. M. Vishnyakov // *Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremennom etape : Sbornik nauchnyh statej I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 17–18 fevralya 2022 goda*. – Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I.K. Yakovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 190-195.
 7. Zaharcev, S. I. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoy operacii kak osobyj poryadok pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij, vznikayushchih v usloviyah terroristicheskoy ugrozy / S. I. Zaharcev, V. V. Lucenko // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2022. – № 10. – S. 60-68.
 8. Lucenko, V. V. Protivodejstvie terrorizmu v usloviyah revolyucionnyh dvizhenij 1905-1907 gg. (istoriko-pravovoj aspekt) / V. V. Lucenko // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. – 2022. – № 3(20). – S. 5-7.
 9. Lucenko, V. V. Rezhim kontrterroristicheskoy operacii kak osobyj kompleksnyj pravovoj institut / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // *Voенное pravo*. – 2021. – № 4(68). – S. 56-60.
- .

УДК 342.924

**ДЕЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ В
ОБЛАСТИ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО И АНТИТАБАЧНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ, СОВЕРШАЕМЫХ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

Баграмян С. Л., Мерказова В. А.

В статье рассмотрены проблемы административного регулирования нарушений несовершеннолетних, установленных законодательством РФ правил оборота спирта и спиртосодержащей продукции, а также употребления табака и табачных изделий. Отечественное законодательство, в частности Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция РФ) не только наделяет граждан и организации определенными правами, но также и предусматривает меры ответственности за нарушение этих прав, а также за иные виды различных посягательств. Одним из видов таких деликтов выступают правонарушения, связанные с приобретением алкогольной продукцией и ее употреблением (в том числе и в общественных местах), а также нарушения антитабачного законодательства.

Ключевые слова: деликтологическая характеристика, правонарушения в области алкогольного законодательства, правонарушения в области антитабачного законодательства, несовершеннолетние, алкогольная и спиртосодержащая продукция, психоактивные вещества, одурманивающие вещества, вовлечение, общественное место, алкогольная или табачная продукция.

В условиях современной действительности общественная опасность правонарушений, предметом которых выступает алкогольная продукция и табачные изделия, выражается не только в том, что такие проступки могут повлечь за собой совершение новых правонарушений, а в худшем случае и совершение действий, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством РФ, но и то, что в их совершение могут легко вовлекаться дети – наиболее незащищенная и несформировавшаяся как личность категория граждан. Такое положение, по нашему мнению, самым губительным образом влияет на здоровье подрастающего поколения, имеет далеко идущие негативные последствия в вопросе формирования экономического, духовного, интеллектуального и даже оборонного потенциала государства и общества.

Говоря о деликтологической характеристике рассматриваемой категории правонарушений, в первую очередь стоит рассмотреть особенности личности правонарушителя, в нашем случае - несовершеннолетнего лица, как субъекта правонарушений в области антиалкогольного и антитабачного законодательства РФ.

В соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН относительно осуществления судопроизводства в отношении несовершеннолетних 1985 г. («Пекинские правила») несовершеннолетний – это ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому [1].

В тоже время, следует отметить, что мнение исследователей по поводу того, почему к несовершеннолетним в административной практике особое отношение - разделяется.

Так, часть исследователей считает, что специальное отношение к подросткам связано с тем, что у них имеются, в силу возраста, психологические особенности поведения.

Вторая группа исследователей объясняют особенное отношение не только в силу их психологических черт характера, но и в силу социального статуса несовершеннолетнего [2].

С нашей точки зрения, в данном вопросе, прежде всего, следует обратить внимание на то, что несовершеннолетние лица в принципе характеризуются неустойчивостью психики, отсутствием сформировавшегося правового сознания, подверженностью негативному влиянию, отсутствию должного уровня критического мышления и глубокого анализа поступающей информации. Совершение же правонарушений в области антиалкогольного и антитабачного законодательства РФ, может повлечь за собой наложение огромного отпечатка на дальнейшее развитие данных субъектов. Более того, совершение противоправного деяния в столь раннем возрасте может предопределить характер отношений правонарушителя с законом в будущем. Здесь имеется в виду наличие в дальнейшем рецидива совершения посягательств, которые могут из административных перерасти в уголовные. Согласимся с мнением Юшиной Ю. В. указывающей на то, что одним из показательных элементов преступности несовершеннолетних является критерий выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступные деяния в состоянии опьянения, так как внушительной части несовершеннолетних лиц, совершивших уголовно-наказуемые правонарушения присущи антисоциальные привычки (употребление алкоголя, наркотиков, токсических веществ), склонность к попрошайничеству, бродяжничеству и др. Зачастую подобные виды девиантного поведения у молодежи возникают в связи с влиянием старших по возрасту лиц, ведущих подобный образ жизни и склоняющих подростков к нему [3].

Также следует иметь в виду, что поскольку подростковый период является так называемым «переходным периодом» в жизни человека, во время которого он стремится доказать свою значимость и самостоятельность, совершая при этом общественно опасные поступки, в том числе и правонарушения, то, к несовершеннолетнему необходимо проявлять особое внимание не только со стороны родителей, но и со стороны общественности и государства, характеризующееся специфическими административными и воспитательными мерами.

Законодатель, в свою очередь, регламентируя особые положения административного воздействия, обязан учитывать вышеуказанные особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя, в целях предупреждения рецидива, а также воспитания законопослушного члена общества.

Рассматривая непосредственно состав правонарушений в части употребления несовершеннолетними алкогольной продукции, следует отметить, что административное законодательство Российской Федерации регламентирует вопросы привлечения виновных к ответственности в данной области посредством совокупности статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [4]. (далее – КоАП РФ).

В частности, ст. 6.10. КоАП РФ регламентирует ответственность лиц, вовлекших несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих ве-

ществ. Под «вовлечением» в данной статье следует понимать одно или несколько действий, направленных на возникновение у несовершеннолетнего желания употребить или употребление такой продукции, выражающиеся в уговорах, угощении, обещании какой-либо выгоды, угрозе, обмане и т.д. И хотя на первый взгляд, по данной статье не возникает никаких вопросов относительно субъекта правонарушения, и по смыслу диспозиции ч.1 ст.6.10 КоАП РФ таким лицом должен быть совершеннолетний гражданин, за пределами правового регулирования остаются ситуации, когда в качестве «вовлекающего» в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции выступает также несовершеннолетний.

В ст. 20.22 КоАП РФ законодатель устанавливает в качестве объективной стороны правонарушения деяние в виде возможных двух вариантов действий: либо нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до шестнадцати лет; либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции. При этом не имеет значение место совершения указанных действий.

В то же время анализ законодательства об административной ответственности несовершеннолетних дает возможность утверждать о наличии целого ряда пробелов и недостатков, которые в современных условиях создают существенные препятствия в борьбе с девиантным поведением несовершеннолетних [5].

В качестве проблематики правоприменительной практики указанных статьей КоАП РФ следует отметить, что до сегодняшнего дня законодательно не утверждено четкое определение такого действия как «потребление (распитие)» алкогольной продукции. Такое положение, в некоторых случаях, затрудняет установление завершенности противоправного деяния, и, соответственно, виновности лица. Также стоит обратить внимание, что в ст. 20.22 КоАП РФ санкция статьи предусматривает наказание за данное правонарушение родителям или законным представителям несовершеннолетнего, в случае если правонарушение было совершено лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

В указанных составах речь идет непосредственно о несовершеннолетних, но также стоит отметить, что несовершеннолетними гражданами могут быть совершены и другие правонарушения, например, по ст. 20.20 КоАП РФ, то есть употребление алкогольной продукции в общественных местах. Также имеют место случаи появления несовершеннолетних лиц в состоянии опьянения в общественных местах и ответственность за данное правонарушение предусмотрена ст. 20.21 КоАП РФ.

Таким образом, проведенный нами анализ показывает, что на настоящий момент в КоАП РФ отсутствует специальная норма, которая была бы посвящена непосредственно административной ответственности несовершеннолетних возрастом до 16 лет, за некоторые нарушения антиалкогольного законодательства и употребление алкогольной продукции в общественных местах и, в каждом случае будет квалифицироваться индивидуально, в зависимости от возраста лица, совершившего правонарушение.

Также стоит учитывать, что в КоАП РФ содержатся в большей мере отсылочные нормы, которые вызывают необходимость обратиться к иным законодательным актам. Так, в сфере антиалкогольного законодательства основным нормативным документом, которым пользуется правоприменитель, выступает Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении

потребления (распития) алкогольной продукции» [6]. (далее – Закон № 171-ФЗ). Как следует из обозначенного нормативного акта, в отношении всех несовершеннолетних граждан устанавливается запрет на употребление алкогольной продукции. Одной из основных норм в Законе № 171-ФЗ является та, в которой отражен перечень общественных мест, в пределах территории которых употребление алкогольной продукции лицами, в том числе и несовершеннолетними, не допускается. К числу данных мест относятся:

- территории школ, детских садов, интернатов и других учреждений сферы образования;
- общественный транспорт, а также вокзалы, аэропорты и автобусные станции;
- рынки, вблизи торговых объектов и других общественных местах;
- территории военных городков и другой инфраструктуры Минобороны РФ;
- места общего пользования многоквартирных домов;
- места массового отдыха граждан (кроме загородных пикников).

Крайне важно обратить внимание на тот факт, что, устанавливая на законодательном уровне запрет на употребление алкоголя несовершеннолетними лицами, для граждан, достигших восемнадцатилетнего возраста уже предусмотрены исключения. Иными словами, совершеннолетние лица могут употреблять алкогольную продукцию, но не в тех местах, которые признаются общественными. Несовершеннолетний же не имеет права ни в каком случае осуществлять употребление спирто-содержащей продукции.

Что касается нарушений несовершеннолетними лицами антитабачного законодательства, то здесь необходимо подчеркнуть следующий момент: одной из обязанностей граждан в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака является забота о формировании у детей отрицательного отношения к потреблению табака, а также о недопустимости их вовлечения в процесс потребления табака.

Недопущение потребления табака детьми и подростками является одним из принципов реализации Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351 и направленной на создание условий для роста численности населения, повышения качества и продолжительности жизни [7]. Федеральным законом от 23.02.2013 № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Закон № 15-ФЗ) признано недопустимым потребление табака несовершеннолетними [8].

С 15 ноября 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 21 октября 2013 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О рекламе» в связи с принятием Федерального закона «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», которым установлена административная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака (ст.6.23 КоАП РФ).

Вместе с тем стоит отметить, что несовершеннолетние могут совершать и иные правонарушения в части несоблюдения антиалкогольного и антитабачного законодательства. Например, одним из видов правонарушений выступает нарушение, предусмотренное ст. 6.24 КоАП РФ, выраженное в нарушении установленного фе-

деральным законом запрета курения табака, потребления никотинсодержащей продукции или использования кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах, поскольку к административной ответственности за данное правонарушение могут быть привлечены лица уже начиная с шестнадцатилетнего возраста.

Действующим законом Российской Федерации установлен запрет продажи табачной продукции несовершеннолетним и несовершеннолетними, вовлечения детей в процесс потребления табака путем покупки для них либо передачи им табачных изделий или табачной продукции, предложения, требования употребить табачные изделия или табачную продукцию любым способом.

За вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака предусмотрена административная ответственность по ст. 6.23. КоАП РФ. Законодатель определил, что вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака может осуществляться путем покупки для подростков либо передачи, продаже им табачных изделий или табачной продукции, предложения, требования употребить табачные изделия или табачную продукцию любым способом. Указанные действия составляют объективную сторону данного правонарушения. Субъектом правонарушения может быть любое лицо, достигшее 16 лет.

По общему правилу, продажа табачной продукции и табачных изделий осуществляется без высказывания требования о предъявлении документа, удостоверяющего личность. Однако положения ч. 2 и ч. 3 статьи 20 Федерального закона № 15-ФЗ возлагают на продавца обязанность убедиться в возрасте покупателя.

Особое внимание в процессе выявления и установления фактов нарушения несовершеннолетними антиалкогольного и антитабачного законодательства стоит уделять именно вовлечению несовершеннолетних в совершение правонарушений, поскольку зачастую проблема заключается именно в том, что лица, не достигшие возраста 18 лет, употребляют алкогольную или табачную продукции вследствие недобросовестных действий иных лиц.

В правовой доктрине на данный момент криминологами выделяется такой подход, что при употреблении несовершеннолетними алкогольной и табачной продукции, а также в случаях вовлечения подростков в употребление указанной продукции, влечет за собой криминализацию несовершеннолетних. Иными словами, употребляя алкоголь, повышается риск совершения другого правонарушения, которое в отдельных случаях может обладать высокой степенью общественной опасности и квалифицироваться уже как преступление. Поведение подростков в состоянии алкогольного опьянения характеризуется повышенной жестокостью, цинизмом и довольно часто внешней немотивированностью. Таким образом, употребление алкоголя выделяется как одна из основных причин высокого уровня преступности в стране [9].

Для определения направлений организации комплексной профилактики употребления несовершеннолетними алкогольной и табачной продукции следует исследовать механизм ее детерминации, как еще один элемент криминалистической характеристики правонарушения. Нельзя также не отметить, что вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольной продукции или табакокурение происходит по причине снижения качества жизни граждан, а также повышения числа случаев употребления рассматриваемой продукции взрослыми гражданами, имеющими детей. Если же говорить о вовлечении в употребление несовершеннолетних,

совершенное не со стороны родителей подростков, то нередкими являются ситуации по продаже алкоголя и сигарет несовершеннолетним, поскольку со стороны соответствующих лиц – продавцов данных товаров, не соблюдается требование по удостоверению возраста лица, приобретающего соответствующую продукцию.

Помимо всего прочего, к числу детерминант употребления несовершеннолетними гражданами алкоголя и табака, относятся и тяжелые материальные условия семей с детьми, многие семьи относятся к числу малоимущих которым в силу низкого дохода сложно организовать досуг для ребенка. Соответственно, ситуация складывается таким образом, что дети могут находиться в компании лиц, злоупотребляющих алкоголем, что в конечном итоге приведет первоначально – к свыканию и некритичному восприятию ситуации, а затем к заинтересованности и желанию воспроизведения (копирования) дивиантного поведения взрослых. При этом, следует отметить, что сформировавшееся у подростка антиобщественное поведение довольно сложно поддается коррекции и несовершеннолетние уже выполняют те действия, которые посчитают нужными, не прислушиваясь, в частности, к мнению родителей или иных взрослых лиц.

Рассматривая современное состояние численности правонарушений в области несоблюдения несовершеннолетними гражданами антиалкогольного и антитабачного законодательства, стоит рассмотреть также и статистические данные. Показательным в рассматриваемой теме является проводимое сотрудниками кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России исследование особенностей алкоголизации несовершеннолетних [10]. В качестве опрашиваемых выступали сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних из различных субъектов нашего государства. В анкете содержались вопросы относительно мотивов, которыми руководствуется несовершеннолетний при употреблении алкоголя и табака, причин употребления, предпринимаемых мер профилактики и т.д.

С учетом полученных опрашиваемыми лицами данных, было установлено, что проблема употребления алкогольной и табачной продукции характерна для всех регионов, но где-то в большей, где-то в меньшей степени. Также стоит отметить, что 70 % опрашиваемых указали на высокий уровень частоты случаев нарушения антиалкогольного и антитабачного законодательства, поскольку практически каждый сотрудник ПДН в процессе своей деятельности сталкивался с подростками, злоупотребляющими алкоголем.

Что касается среднего возраста несовершеннолетних правонарушителей, то по результатам исследования было установлено, что он несколько разнится в зависимости от пола подростка. Так, если это девочки, то средний возраст начала употребления – 12,9 лет. Мальчики же начинают употреблять запрещенные напитки и применять табачную продукцию еще раньше – в 12,5 лет. Более того, в 1,6 % случаев встречается также и то, что алкоголь употребляется лицами по достижении десятилетнего возраста. Столь раннее употребление алкогольной и табачной продукции, бесспорно, приводит к повышению количества случаев совершения в дальнейшем данными лицами других правонарушений, включая и более опасные.

Таким образом, как видно из представленных данных, возраст употребления алкогольной и табачной продукции находится на критично низком уровне, что говорит о необходимости решения данной проблемы и совершенствования деятельности правоохранительных органов направленной на изменение сложившейся негативной

ситуации в виде раннего употребления несовершеннолетними гражданами алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также табака и табачных изделий.

Подводя итог отметим, что в настоящее время административное регулирование нарушений несовершеннолетними установленных правил оборота спирта и спиртосодержащей продукции, а также употребления табака и табачных изделий, требует совершенствования. В нашей статье мы постарались не только дать деликтологическую характеристику правонарушений антиалкогольного и антитабачного законодательства РФ, совершаемых несовершеннолетними, но и осветить некоторые правовые пробелы, касающиеся законодательного разъяснения и закрепления элементного состава объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны правонарушений несовершеннолетних в данной области. Выявленные проблемы, а также предложенные возможные пути их разрешения, бесспорно способствуют совершенствованию процесса выявления и профилактики правонарушений в рассматриваемой области, а также исправления лиц их совершивших. Указанные дилеммы, как и в целом проблематика правонарушений несовершеннолетних, по нашему мнению, требуют самого пристального внимания со стороны законодателя, так как непосредственно влияют на уровень общественной безопасности как в настоящий момент времени, так и в будущем.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29.11.1985 // СПС «Консультант Плюс».
2. Пышнова Е.С. Особенности правового статуса несовершеннолетних в уголовном праве // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69. С. 92.
3. Юшина, Ю. В. Характеристика преступности несовершеннолетних на территории Республики Крым / Ю. В. Юшина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 203-211.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Пономарев, А. В. Проблемы применения и перспективы совершенствования административного воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних / А. В. Пономарев, С. Ю. Русанова, Э. А. Османов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 280-287. – EDN LMBDJW.
6. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
7. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
8. Федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.
9. Тутинас Е. В., Лукьянцева А. К вопросу об усилении юридической ответственности за вовлечение несовершеннолетних в употребление алкогольных напитков и табакокурение // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 249.
10. Белоусова А. Н. Криминологические аспекты организации комплексной профилактики пьянства и алкоголизма среди несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 206.

Bagramyan S.L., Merkazova V.A. Delictological characteristics of offenses in the field of anti-alcoholic and anti-tobacco legislation of the Russian Federation committed by minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 213 – 220.

The article deals with the problems of administrative regulation of violations of minors, the rules established by the legislation of the Russian Federation for the circulation of alcohol and alcohol-containing

products, as well as the use of tobacco and tobacco products. Domestic legislation, in particular the Constitution of the Russian Federation, adopted on December 12, 1993 (hereinafter referred to as the Constitution of the Russian Federation) not only gives citizens and organizations certain rights, but also provides for liability measures for violation of these rights, as well as for other types of various encroachments. One of the types of such delicts are offenses related to the purchase of alcoholic products and its use (including in public places), as well as violations of anti-smoking legislation.

Keywords: delictological characteristics, offenses in the field of alcohol legislation, offenses in the field of anti-tobacco legislation, minors, alcoholic and alcohol-containing products, psychoactive substances, intoxicants, involvement, public place, alcoholic or tobacco products.

Spisok literatury:

1. Minimal'nyye standartnyye pravila Organizatsii Ob"vedinennykh Natsiy, kasayushchiesya otravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskiye pravila) ot 29.11.1985 // SPS «KonsultantPlyus».
2. Pyshnova Y.S. Osobennosti pravovogo statusa nesovershennoletnikh v ugovnom prave // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 69. S. 92.
3. Yushina, U. V. Kharakteristika prestupnosti nesovershennoletnikh na territorii Respubliki Krym / Y. V. Yushina // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2022. – T. 8, № 1. – S. 203-211.
4. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1.
5. Ponomarev, A. V. Problemy primeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya administrativnogo vozdeystviya, primenyayemogo v otnoshenii nesovershennoletnikh / A. V. Ponomarev, S. YU. Rusanova, E. A. Osmanov // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2020. – T. 6, № 4. – S. 280-287. – EDN LMBDJW.
6. Federal'nyy zakon ot 22.11.1995 № 171-FZ (red. ot 26.03.2022) «O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noy i spirtosoderzhashchey produktsii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol'noy produktsii» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 1995. № 48. St. 4553.
7. Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351 (red. ot 01.07.2014) «Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2007. № 42. St. 5009.
8. Federal'nyy zakon ot 23.02.2013 № 15-FZ (red. ot 30.12.2020) «Ob okhrane zdorov'ya grazhdan ot vozdeystviya okruzhayushchego tabachnogo dyma, posledstviy potrebleniya tabaka ili potrebleniya nikotinsoderzhashchey produktsii» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2013. № 8. St. 721.
9. Tutinas Ye V., Luk'vantseva A. K., Voprosu ob usilenii yuridicheskoy otvetstvennosti za vovlecheniye nesovershennoletnikh v upotrebleniye alkogol'nykh napitkov i tabakokureniye // Elektronnyy vestnik Rostovskogo sotsial'no-ekonomicheskogo instituta. 2016. №. 1. S. 249.
10. Belousova A. N. Kriminologicheskiye aspekty organizatsii kompleksnoy profilaktiki p'vanstva i alkogolizma sredi nesovershennoletnikh // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. №. 1. S. 206.

УДК 34:338.48(1-924.71)

ЭКСТРЕМИЗМ КАК УГРОЗА ТУРИСТИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы организационного и правового обеспечения криминологической безопасности объектов туристской инфраструктуры в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе. Дана подробная характеристика туристической отрасли в современных условиях, детально описаны положительные и негативные факторы, оказывающие влияние на курортную и инвестиционную привлекательность Крымского полуострова, и их возможные последствия. Особое внимание обращено на реальные и потенциальные угрозы, внутренние и внешние вызовы экстремистского характера, представляющие риски для туристической и информационной безопасности на региональном и федеральном уровнях. Также разработаны отдельные рекомендации для развития внутреннего туризма в Российской Федерации формирования и повышения медиакультуры в обществе, информационной грамотности населения, совершенствования контрэкстремистской деятельности правоохранительных и других государственных органов по обеспечению туристической и информационной безопасности Крымского полуострова.

Ключевые слова: внутренний туризм, вызовы экстремистского характера, информационные угрозы, курортная и инвестиционная привлекательность, туристическая безопасность.

Туристская сфера – одна из важнейших составляющих социально-экономической стратегии государства, направленная на формирование и развитие образовательного, культурного и духовного уровней жизни населения, удовлетворение эстетических потребностей, обеспечение восстановления жизненных сил и трудового потенциала граждан, рационального, интересного и полезного времяпрепровождения и саморазвития. Во всем мире туризм приобрел огромное значение как важнейший фактор сближения народов, социализации, выстраивания мирного диалога между различными этносами и конфессиями, содействия ознакомлению с историческим и культурным наследием, природными богатствами нашей планеты, средство физического и духовного развития личности, катализатор повышения качества жизни населения, роста экономического благополучия стран и формирования их положительного имиджа на международной арене.

Сегодня туризм стал одним из наиболее динамично развивающихся секторов в сфере оказания услуг на различных уровнях – от локального до международного. В Российской Федерации абсолютное большинство регионов всевозможными способами, с разной интенсивностью и эффективностью старается развивать свой туристский рынок, но распределение туристических потоков происходит неравномерно в связи с нестабильной геополитической и эпидемиологической обстановкой, сезонностью, природными поясами и климатическими зонами, меняющимися запросами, желаниями и потребностями контрагентов, а также эскалацией напряженности в локациях пребывания, приграничных регионах и соседних странах. Кроме того, на развитие туризма существенное влияние оказывают конкуренция и реклама, логистика, коммуникации и инфраструктура,

гостеприимство и ценовая доступность, природно-климатические явления и экология, состояние криминогенной обстановки и уровень безопасности населения в целом и туристов в частности.

В последние годы взрывному росту и интенсификации внутреннего туризма способствовали, с одной стороны, эскалация напряженности и ухудшения во взаимоотношениях с рядом зарубежных стран в синергии с их попытками осуществить международную изоляцию Российского государства, финансированием марионеточных правительств в странах постсоветского пространства и «оппозиции» в РФ, а с другой, – государственная поддержка внутреннего туризма, в первую очередь благодаря программам туристического кэшбэка, субсидированным авиа и железнодорожным перевозкам, развитию соответствующей инфраструктуры и социальной рекламе.

После воссоединения с Россией для удовлетворения максимального спроса и вариативных интересов потребителей туристских продуктов или услуг в Республике Крым активно развиваются культурно-познавательный, событийный (в том числе и фестивальныи), пешеходный, велосипедный, автомобильный, подводный (дайвинг), конный, этнографический, природоведческий, гастрономический (включая винный), религиозный (паломнический), патриотический, детский, сельский, спелеологический, спортивный и развлекательный (в том числе экстремальный) и другие виды туризма (более 440 видов туристических маршрутов).

Несмотря на то, что начиная с 2014 г. туристический поток на Крымский полуостров ежегодно возрастал, в том числе во многом благодаря развитию транспортной инфраструктуры и интересу к новому региону под хэштегом «Крым наш!», с 2022 г. он значительно снизился. Безусловно, это связано с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, что сопутствовало закрытию воздушного сообщения с полуостровом, совершенными террористическими актами и ракетными атаками на Крымский мост, рядом осуществленных диверсий и информационно-психологических операций, распространяемыми паническими настроениями и слухами, прежде всего из-за рубежа и в интернет-пространстве, о небезопасности пребывания в регионе. Именно поэтому приоритетными задачами уполномоченных субъектов на государственном и региональном уровнях становятся не только обеспечение физической безопасности местных жителей и прибывающих на экскурсии, отдых, лечение или соревнования граждан, но и информационной и ментальной безопасности реальных и возможных туристов. При этом нельзя забывать о логистической доступности гостиничных и рекреационных комплексов, туристских услуг, туристических объектов, высоком уровне индустрии гостеприимства, комфорта и сервисного обслуживания в различных ценовых сегментах, сочетании традиций и инноваций, развитии культуры радушия, доброжелательности и отзывчивости, единстве в продвижении идей Русского мира.

Другими словами, туризм сегодня тесно связан с политической, социальной, экономической, культурной и другими сферами жизни человека, а туристская безопасность граждан – обеспечивается гарантированными им правами и свободами, реализацией законных интересов. Поскольку туризм и право человека на него в первую очередь ассоциируются со свободой передвижения в целях отдыха, просвещения, оздоровления, досуга, приобщения к истории, культуре, религии, природе и

т. д., приоритетным заданием уполномоченных субъектов становится обеспечение туристской безопасности граждан в регионе и на объектах временного нахождения. При этом данную проблему следует рассматривать не только в контексте обеспечения безопасности участников туристского движения, но и жителей туристического региона, конкретной локации и рекреационной местности в целом.

Повышенное внимание к переосмыслению феномена экстремизма в нынешних условиях обусловлено прежде всего модификацией и интенсификацией его проявлений, форсируемыми извне враждебностью (нетерпимостью) к традиционным духовным и семейным ценностям, устоявшимся моральным и нравственным ориентирам, непрекращающимися попытками свергнуть «диктатуру» лидера нации, назначив на его место проевропейски настроенного вассала, сменить «авторитарный» («тоталитарный») режим на «демократический», разделив нашу страну на части по принципу свободной конфедерации. Исследования экстремизма как социального явления и объекта правоохранительной деятельности проводятся в РФ уже не первый год, но его вариации и модусы, сопряженные с изменениями криминогенной обстановки и геополитической ситуации, обуславливают необходимость дальнейшей научной разработки данной проблемы [1]. В частности, в рамках нашего исследования затронуты вопросы противодействия экстремистской деятельности в информационной плоскости, а также предупреждения ее возможных последствий для туристической отрасли РК и города федерального значения Севастополя.

Безусловно, эффективность противодействия тому или иному негативному социальному явлению в значительной мере зависит от правильного понимания его генезиса, семантики и сущности. Именно поэтому институциональная характеристика экстремизма становится чрезвычайно важной как в теоретическом, так и практическом аспектах и приобретает определяющее значение при выработке мер по противодействию этому феномену, поскольку от корректного его понимания напрямую зависит формирование стратегии, реализация тактики и актуальность повестки контрэкстремистской деятельности, постановка целей, определение средств и методов для ее достижения и т. д.

Следовательно, очевидна потребность в модернизирующемся законодательном и комплексном научно-методическом обеспечении организационно-тактической и информационно-технической систем противодействия экстремистской деятельности, функционирующей и развивающейся с учетом актуальных правовых и социально-экономических реалий, разработки и апробации инновационных приемов, методов и средств реагирования на новые формы и виды угроз и вызовов экстремистского и террористического характера. Не секрет, что интенсивная информатизация и виртуализация абсолютно всех сфер жизнедеятельности общества сегодня является одним из определяющих глобальных факторов и драйверов дальнейшего социально-экономического, интеллектуального и ментального развития человечества. В то же время в III тысячелетии мировое сообщество перешло на новый этап своего развития, который можно назвать эрой информационных войн. В частности, информационная составляющая стала ключевым элементом широкомасштабной гибридной войны, ведущейся против России. Однако с учетом комбинированности и экстерриториальности информационных угроз, прежде всего в киберпространстве, попыток изоляции РФ от мирового сообщества (продвижение «культуры отмены»), санкции уголовного закона стали бесперспективными и малоэффективными. Имен-

но поэтому национальная безопасность в целом и ее информационная компонента в частности требуют формирования безопасного информационного пространства, последовательного и системного внедрения организационного, правового, психологического и технического инструментария превентивного характера.

В условиях дальнейшего развития информационного общества и ИТ-технологий все большую важность приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности, то есть предупреждение и устранение вариативными формами и методами угроз, рисков и вызовов человеку, обществу и государству в информационной сфере. Однако в современном многогранном и динамичном мире проблемы обеспечения информационной безопасности приобретают принципиально новые черты, поскольку они выходят далеко за пределы противодействия войнам и вооруженным конфликтам. В настоящее время они стали их основой, первоисточником и главным оружием, используемым точно, адресно, для целевой аудитории либо массового поражения.

Иначе говоря, изменения парадигмы обеспечения национальной безопасности с реактивной на проактивную для России становятся чрезвычайно важными, поскольку позволяют правильно определить стратегические приоритеты, консолидировать и оптимизировать усилия по обеспечению информационной безопасности во всех сферах жизнедеятельности социума и на всех этапах развития индивидуума. Вместе с тем глобальная сеть Интернет и различные интернет-площадки в нынешних условиях стали основным театром военных действий, ареной противостояния разных сил и средств, форсированным технологиями искусственного интеллекта, что требует кардинально нового уровня обеспечения национальной безопасности от вариативных угроз информационного опосредования. Кроме того, экстремистские организации успешно маскируют проявления своей противоправной деятельности в информационном пространстве позитивными и социально значимыми лозунгами, риторикой добра и мира, благотворительностью, декламацией и продвижением идей всеобщего процветания и благополучия.

Именно поэтому актуальной проблемой в сфере обеспечения безопасности на коллективных, национальных и региональных площадках остается своевременное (как утопия – превентивное) и симметричное реагирование, оперативная ликвидация (чаще минимизация) существующих и возможных рисков, угроз и вызовов различным сферам жизнедеятельности социума. Успешное решение данной проблемы в контексте глобальных трансформаций, масштабных природных катаклизмов, продуцирования штаммов для пандемий, эпизоотий и эпифитотий, ведения гибридных войн и отстаивания гегемонии однополярного мира невозможно в рамках использования традиционных, «классических» подходов к прогнозированию угроз, редуцированию и избежанию их последствий. То есть агрессивность и враждебность информационного (прежде всего кибернетического) пространства вынуждает постоянно видоизменять содержание и корректировать направления деятельности региональных и федеральных антиэкстремистских структур.

Поскольку научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие внесли кардинальные и тотальные изменения в методы урегулирования геополитических, военных, социальных и экономических (включая торговые войны) конфликтов, территориальных споров и других противоречий, силовые методы все больше уступают место информационным. Развитие современного общества

в информационной плоскости сопряжено с использованием киберпространства как сферы осуществления не только социальных, политических и экономических процессов, но и преступной деятельности и даже плацдарма для ведения боевых действий и военных операций. Другими словами, увеличивающаяся в геометрической прогрессии зависимость от информационно-телекоммуникационных ресурсов и технологий делает социум более уязвимым перед возможными негативными последствиями противоправного использования информационного пространства. Поэтому фактически безграничный и растущий потенциал киберпространства и информационных ресурсов используется правительствами отдельных стран, их военно-политическими блоками и временными союзами в военных конфликтах (гибридных войнах) как в целях оптимизации и расширения функциональных возможностей собственных сил и средств обеспечения безопасности и обороны, так и создания новых структур и ресурсов, включая информационное оружие, для экспансии собственных геополитических и военных интересов.

Такое противоборство характеризуется трансграничностью, экстерриториальностью, разветвленностью, многоканальностью, виртуальностью, децентрализованностью, асимметричностью, неопределенностью, амбивалентностью, аморфностью, низкой прогнозируемостью ожидаемых действий и предсказуемостью их последствий, обезличенностью или скрытностью принадлежности сил и средств сторон конфликта (инцидента), в том числе использованием прокси-сил, при отсутствии классических фронта и тыла, каких-либо правил и обычаев. В свою очередь константное развитие информационных технологий и увеличение технического потенциала дает возможность осуществлять атаки по-новому, с применением инновационных способов причинения ущерба или увеличения его размера, ставить другие цели и определять новые объекты для посягательств в кинетическом мире и киберпространстве. Поэтому исследование угроз национальной безопасности, появление и мутации которых связаны с обострением информационного противоборства, а также механизмов противодействия таким вызовам, в нынешних условиях становится одним из наиболее актуальных предметов и объектов научных изысканий, в первую очередь в сфере контрэкстремистской деятельности.

Повторимся, что нормативная правовая неурегулированность (коллизийность, пробельность) информационного, прежде всего кибернетического, пространства вызывает беспокойство не только практиков, но и ученых. Исходя из анализа современных научных исследований, можно сделать вывод о том, что состояние национальной безопасности напрямую зависит от обеспечения информационной безопасности. Причем благодаря научно-техническому прогрессу и эволюционному развитию информационно-телекоммуникационных технологий данная зависимость будет только возрастать. Но законодательное регулирование общественных отношений в киберпространстве не может не только опередить развитие и предугадать рост противоправных действий в этом секторе, но и даже идти с ним в ногу. Это касается и технологического уровня противодействия таким угрозам и вызовам, реальным и потенциальным. Как видится, целесообразно смещать акценты на контентный уровень противодействия негативному информационному воздействию.

Подчеркнем, что в современных реалиях на информационно-коммуникационные технологии и ресурсы также оказывается милитаристское влияние, которое постоянно интенсифицируется. Учитывая это, не сложно спрогнозировать дальнейшее

совершенствование методов ведения информационно-психологической войны и расширение сфер применения соответствующих технологий, что на глобальном уровне может существенно отразиться на стратегическом балансе сил и повлиять на изменения в нынешних критериях его оценки на основе соотношения геополитических, экономических и военных показателей.

Не углубляясь в ретроспективный анализ применения различных информационно-пропагандистских приемов, агитационных средств и манипуляций, с одной стороны, для деморализации, ослабления мобилизационной и боевой готовности (неотвратимость поражения, бессмысленность сопротивления), создания негативного имиджа реального и гипотетического противника (в том числе на международной арене), инспирирования принятия ошибочных управленческих решений, подрыва доверия к военно-политическому руководству оппонента, провоцирования паники (смуты) среди населения, дестабилизации обстановки и эскалации напряженности, с другой – для укрепления морального и боевого духа собственных войск (сил), отметим, что благодаря тотальному распространению и повсеместному использованию мобильных телефонов и сети Интернет значительно усилились мультипликативность, масштабность, вариативность, наглядность и образность средств идеологического и психологического воздействия как на целевую аудиторию, так и на неограниченное количество потребителей контента, их чувства, мотивацию, убеждения, эмоции, реакции, сознание, мышление, нарративы и поведение. Иными словами, наблюдается конвергенция объектов противоправных посягательств и деструктивного воздействия, к которым относятся интересы государства и гражданского общества, права и свободы человека, национальная и ментальная безопасность. Подчеркнем, что последствия информационной агрессии заинтересованных акторов, их доминирование на различных интернет-площадках увеличиваются на порядок не только в случае уязвимости физических объектов посягательств, информационных систем и критической инфраструктуры, но и недостаточной медиакультуры общества. Конечной целью такой негативной и деструктивной деятельности считается сохранение или достижение информационного господства (преимущества, монополии) над побежденной страной вследствие взлома и изменения культурного кода нации, включая историческую, духовную, социальную, психологическую и национальную память, нравственные идеалы, патриотические традиции, семейные ценности и мировоззренческие приоритеты. Другими словами, это классическая социальная инженерия в информационном пространстве. В то же время не менее значимой для информационного агрессора задачей является недопущение достижения аналогичных целей контрагентами в его информационном поле.

То есть благодаря использованию современных и инновационных информационных технологий, новое тысячелетие дало возможность применять новаторские способы ведения войн с отсутствием фактических, материальных повреждений и минимальным количеством человеческих жертв (или вообще без таковых), но в физическом, а не ментальном смысле. При этом осуществляется целенаправленная, скоординированная и широкомасштабная модерация информационных процессов, систем и моделей для изменения существующей или создания новой, альтернативной картины мира для потребителей информационных продуктов в результате продуцирования, тиражирования, модификации, навязывания, блокирования и удаления определенного контента или ресурсов. Так, к приоритетным заданиям кибервойн,

ведущихся в российском информационном пространстве, русскоязычном сегменте Интернета или с доктриной Русского мира, можно отнести: формирование нигилизма, атмосферы аморальности и бездуховности; отказ от традиционных ценностей и жизненных ориентиров; индифферентное или негативное отношение к историко-культурному наследию и героическому прошлому; нивелирование или стыдливость чувств патриотизма, гражданственности, любви к Родине; манипуляции индивидуальным, групповым и коллективным сознанием, символами и эмоциями, распространение мифологем и симулякров в целях создания нестабильности и напряженности в обществе, подрыва авторитета лидера нации, доверия органам власти и веры в успех специальной военной операции; ретрансляция неуверенности, сомнений, фобий, беспокойства, недоверчивости и подозрительности, инициирование и провоцирование этнонациональных, социальных, политических и экономических конфликтов; изменение направления, приостановление развития или деградация каких-либо общественных отношений, социальных процессов, «размытие» и нивелирование значимости каких-либо дат, фактов, событий, достижений и личностей.

Как следствие, перечисленные выше вмешательства и манипуляции прямо или опосредованно, шоково или поэтапно, разово или длительно и пролонгированно могут воздействовать на коллективное бессознательное через новостную, коммуникативную, образовательную, научную и культурную сферы. Соответственно, уполномоченные субъекты должны учитывать реальные и вероятные уязвимости и болевые точки в сознании и подсознании целевых аудиторий. При этом при наличии мощных и неконтролируемых информационных потоков крайне сложно противодействовать информационным угрозам ограничительными или запретительными методами. Контрмеры будут эффективными лишь при наличии в социуме критической массы духовно-интеллектуальных ресурсов, умений и навыков оптимально и продуктивно использовать и потенциал в контексте обеспечения информационной безопасности человека, общества и государства. Интересно отметить, что украинский исследователь А.А. Верголяс указывает, что методология информационных (электронных) войн широко применяется в «цветных» революциях, когда, не прибегая к боевым действиям, заинтересованная сторона выполняет поставленные ей политические или идеологические задачи [2, с. 41]. Однако автор почему-то не иллюстрирует свой тезис успешно реализованными на Украине западными кукловодами «оранжевой революцией» (2004), «евромайданом» (2014), последующей гражданской войной и террором мирного населения на юго-восточных рубежах своей страны.

Опасность, реальность, масштабность и эффективность проявлений информационной войны также могут обеспечиваться суггестивностью своего воздействия, латентным или закамуфлированным характером, точечностью и адресностью распространяемых данных, в том числе интенсифицируемыми благодаря недоверию официальным и традиционным медиа (по принципу «нет пророка в своем отечестве»), превращая различные информационно-телекоммуникационные ресурсы и площадки для целевой аудитории в иммерсивный театр. Таким образом эти угрозы с помощью информационных технологий, ресурсов и коммуникаций оказывают прямое либо косвенное воздействие на информационные системы или социальные процессы, вследствие которого проблематично или невозможно защитить национальные интересы, реализовать стратегические приоритеты государства и гарантировать эффек-

тивность функционирования системы обеспечения национальной безопасности. В качестве наглядного примера в информационном поле для нашего региона можно привести такие недостоверные и заведомо ложные сведения, распространяемые украинскими пропагандистами, иноагентами и некоторыми зарубежными изданиями, как: ожидаемое контрнаступление ВС Украины и неминуемое «освобождение» («деокупация») Крымского полуострова; уничтожение Крымского моста, других объектов инфраструктуры и российских военнослужащих благодаря военной помощи стран ЕС и США; преподнесение неофициальными медиа и блогосферой техногенных аварий и происшествий как следствие активности партизанского движения «украинских патриотов» в регионе; неизбежность привлечения к уголовной ответственности или физической ликвидации «оккупантов» и «коллаборантов»; наличие в регионе украинского подполья (включая «ждунов») с разветвленной сетью и безграничными возможностями, широко поддерживаемого местным населением. Безусловно, это сказывается не только на спокойствии и настроениях крымчан, но и на курортной и инвестиционной привлекательности РК и г. Севастополя, их туристическом функционале, рынке недвижимости, дальнейшем развитии гостиничного бизнеса, сферы обслуживания, технологий гостеприимства и рекреационной инфраструктуры, экономическом благополучии региона в целом.

Итак, использование информационной компоненты технического, технологического, идеологического и психологического характера в гибридных войнах XXI в., включая киберинциденты, DDoS-атаки, тенденциозную активность в видеохостингах, социальных сетях и мессенджерах агентов влияния, лидеров мнений, блогеров, троллей, ботов и «оппозиции», поисковых систем и новостных агрегаторов с разветвленным инструментарием, может приводить к росту миграционных процессов, протестных и панических настроений, военным конфликтам и поражению в них, дезорганизовывать работу органов государственной власти и публичного управления, функционирование банковской и финансовой систем, транспортной инфраструктуры и средств коммуникации [3; 4]. А в случае с нашим регионом – еще и к значительному снижению количества туристов и отдыхающих. Соответственно, чем выше уровень цифровизации, экономического развития и благополучия общества, тем больше оно нуждается в обеспечении кибербезопасности, поскольку абсолютное большинство интересов человека удовлетворяется с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. А учитывая тот факт, что под воздействием экзистенциальных и семантических манипуляций, фабрикации фактов, информационных спекуляций, шума и триггеров в синергии с определенными алгоритмами нейросетей могут легко видоизменяться мировоззрение и мировосприятие отдельных граждан, их категорий и социума в целом (программирование), навязываться чуждые, аморальные, асоциальные или противоправные интересы, увлечения, ценности, ориентиры и поведенческие паттерны (деформация, демонтаж и перекодировка сознания), главными задачами субъектов противодействия таким угрозам – государства и общества – становятся разработка механизмов выявления и предупреждения данных рисков, уязвимостей и вызовов, устранения их последствий и скорейшего восстановления (реабилитации) после них, а также создание качественного информационного продукта, вызывающего интерес и внушающего доверие у его потребителей, с одновременным сознательным неприятием и отторжением

вредного и опасного контента, в том числе благодаря сформированной в обществе медиакультуре.

В то же время нельзя оставить без внимания и обратную сторону медали – попытки отдельных жителей и гостей Крымского полуострова завоевать сиюминутную популярность, «хайпануть» на происшествии, беде, трагедии благодаря социальным сетям и мессенджерам, выложив на различные интернет-площадки фото и (или) видеосъемки соответствующего содержания. Такое измененное сознание граждан в совокупности с их асоциальной, антигражданской или даже преступной позицией (оставляя за скобками угрозу их собственной безопасности и неоказание помощи пострадавшим), может приводить к расшифровке позиций ВС РФ, органов безопасности и правопорядка для последующих атак и «контрнаступления». Именно поэтому глава РК С.В. Аксенов в августе 2023 г. выступил с правильной инициативой – на федеральном уровне внести изменения в законодательство в части ужесточения ответственности за распространение в публичном поле, на различных интернет-ресурсах, в социальных сетях, мессенджерах фотографий и видеозаписей расположения и работы военных и стратегических объектов, ПВО и других оборонных систем, а также результатов террористических атак, совершенных киевским режимом. Несомненно, медиа уже давно не играют роль общественно-политического медиатора, удовлетворяющего интересы социума, а выполняют функции проводника политических сил и элит. Тем не менее, нужны не только запреты, ограничения и ужесточение санкций, а информатизация общества, развитие и популяризация критического отношения к информации, неизвестным, сомнительным или новым источникам и каналам данным, способные создать у граждан барьеры и фильтры для вредного и опасного контента, обезопасить общество и государство от информационных вмешательств, манипуляций, вбросов и кибератак.

В продолжение затронутой проблемы обратим внимание на то, что на протяжении исторического развития общества в целом и региона исследования в частности наблюдались разнообразные переплетения национальных интересов, смешения этнических стереотипов, культурных традиций, религиозных обычаев, ментальных норм и, как следствие, борьба за их восстановление и самобытность [5]. Вместе с тем менталитет имеет естественные и онтологические детерминанты, поскольку человек может по своему усмотрению самоопределяться, самостоятельно принимать решения, менять привычки и образ жизни. Но современный мир отдает предпочтение не общечеловеческим моральным, а национальным ценностям, в частности менталитету. Сформированный менталитет приобретает значимость и важность, когда государство, заботясь о духовном и материальном развитии своих граждан, обеспечивает природно-правовую гармонию с превалированием духовной компоненты. Безусловно, специфика развития мирового сообщества в новом тысячелетии связана с формированием развитой интеллектуальной среды, которая, в свою очередь, становится канвой для прогрессивного развития во всех сферах жизни социума. Только в такой среде могут быть подготовлены и реализованы эффективные управленческие решения, разработаны и внедрены успешные технологические процессы в частности и гарантированы устойчивое развитие общества и его безопасность в целом [6].

Обеспечение национальной безопасности в информационной сфере требует формирования и реализации научно и методически обоснованной государственной

политики, взвешенной и последовательной стратегии и наступательной тактики в информационной сфере, определения системы национальных ценностей, жизненно важных интересов человека, общества и государства в этой сфере, мониторинга, выявления и нейтрализации реальных и потенциальных угроз информационной безопасности, поиска результативных мер для обеспечения последней, защиты от киберугроз и создания качественных информационных продуктов. Обеспечение информационной безопасности сейчас видится приоритетным направлением внутренней и внешней государственной политики, от которого напрямую зависит состояние национальной безопасности страны, ее социально-экономическое развитие и место на международной арене. Безусловно, это касается и регионов, в первую очередь становящихся объектами преступных посягательств со стороны Украины.

Именно в современных условиях феномен информационных технологий, приобретаемая мультиотраслевое значение, все чаще рассматривается как эффективный инструмент агрессии и информационное оружие, используемое в совокупности со средствами техногенного, коммуникативного и информационно-психологического влияния и методами дистанционного информационного управления, а отношения между технологически развитыми странами обладают всеми признаками информационного противоборства. Кибернетические войны, психологические и информационные операции, социальный инжинеринг, нейропсихология, нанотехнологии – все эти явления усиливают роль информационных технологий, особенно в условиях вооруженных конфликтов или даже при ведении агрессивной внешней политики. То есть популярность и привлекательность информационного продукта часто зависят от его технологичности, а применение информационных технологий становится абсолютным и практически неуязвимым оружием массового поражения.

Рассмотренная выше проблематика базируется на понимании феномена рисков и вызовов, ставшими неотъемлемыми атрибутами жизнедеятельности граждан, с широким спектром модусов и масштабами, связанными с социально-историческим развитием общества, и отражением его интенсивности. Поэтому отличительной особенностью государственной политики в этой сфере должны стать: концептуальное изменение философии управления, с возможностью перехода от координации деятельности уполномоченных субъектов к оперативному управлению ими; развитие государственно-частного партнерства, в том числе в части предоставления бизнесу и общественности реальных рычагов влияния в этой сфере; реализация бизнес-проектов в направлении дальнейшего совершенствования устойчивости информационной и телекоммуникационной инфраструктуры; повышение осведомленности и информационной грамотности граждан на всех просветительских и образовательных уровнях (развитие культуры безопасности).

Подытоживая изложенное, отметим, что в начале XXI в. бурное и стремительное развитие и глобальное интенсивное распространение интернет-технологий обусловили появление самостоятельного виртуального информационно-коммуникационного пространства со специфическими принципами и собственными закономерностями функционирования. Ведущую роль в коммуницировании как на индивидуальном, так и на социально-политическом уровнях играют именно информационные технологии. Это существенно влияет на процессы управления общественным сознанием, позволяя субъектам коммуникационного влияния эффективно конструировать восприятие социумом объективной реальности и существующей

действительности. Другими словами, глобальная коммуникационная среда обладает значительным манипулятивным потенциалом, который дает возможность технологически подготовленным субъектам осуществлять транзит и популяризацию идей, догм, образов, ценностей и смыслов в сегменты информационного пространства определенных социальных групп, государств и дестабилизировать социально-политическую обстановку, эскалировать напряженность в региональном, национальном и (или) глобальном масштабах благодаря информационной интервенции.

Список литературы:

1. Нагорный А.П., Попов А.Н. Экстремизм – прямая угроза России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 330–335.
2. Верголяс А.А. Правовое обеспечение специальных информационных операций: дис. ... канд. юрид. наук. К., 2020. 287 с.
3. Никитина Л.Н., Коноплева А.А., Чудина-Шмидт Н.В. Детерминанты формирования радикального сознания молодежи // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (2). С. 195–207.
4. Иванов С.И. Признаковая характеристика объектов поиска в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 4. С. 203–208.
5. Родителева Я.Н. Разновидности экстремизма и их влияние на социально-политическую жизнь России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 441–208.
6. Костюченко Н.И. Проблемы государственного управления, связанные с соотношением понятий «муниципальное» и «государственное» управление // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 36–42.

Butkevich S.A. Extremism as a threat to tourist and information security of the Crimean Peninsula (criminological aspects) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 221 – 231.

The article deals with topical issues of organizational and legal support of criminological security of tourist infrastructure facilities in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. A detailed description of the tourism industry in modern conditions is given, positive and negative factors that affect the resort and investment attractiveness of the Crimean Peninsula, and their possible consequences are described in detail. Particular attention is paid to real and potential threats, internal and external extremist challenges that pose risks for tourism and information security at the regional and federal levels. Separate recommendations have also been developed for the development of domestic tourism in the Russian Federation, the formation and improvement of media culture in society, the information literacy of the population, the improvement of the counter-extremist activities of law enforcement and other government agencies to ensure tourism and information security of the Crimean Peninsula.

Key words: domestic tourism, extremist challenges, information threats, resort and investment attractiveness, tourist security.

Spisok literatury:

1. Nagornyy A.P., Popov A.N. Ekstremizm – pryamaya ugroza Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 2. S. 330–335.
2. Vergolyas A.A. Pravovoe obespechenie special'nykh informacionnykh operacij: dis. ... kand. yurid. nauk. K., 2020. 287 s.
3. Nikitina L.N., Konopleva A.A., CHudina-SHmidt N.V. Determinanty formirovaniya radikal'nogo soznaniya molodezhi // Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. № 3 (2). S. 195–207.
4. Ivanov S.I. Priznakovaya harakteristika ob'ektov poiska v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2018. № 4. S. 203–208.
5. Sm.: Roditeleva YA.N. Raznovidnosti ekstremizma i ih vliyanie na social'no-politicheskuyu zhizn' Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 2. S. 441–208.
6. Kostyuchenko N.I. Problemy gosudarstvennogo upravleniya, svyazannye s sootnosheniem ponyatij «municipal'noe» i «gosudarstvennoe» upravlenie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2019. T. 5. № 3. S. 36–42.

УДК 343.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Даниленко Ю. А.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье рассматриваются способы, особенности и основные способы совершения преступлений, связанных с применением искусственного интеллекта. Среди основных преимуществ использования самообучаемых программ в противоправных целях стоит выделить их широкую географию, физическую безопасность преступников и трудности их выявления. Изучены основные проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. Раскрывается проблематика определения места и роли искусственного интеллекта в конструкции составов различных преступлений. Проанализированы субъективные и объективные признаки составов преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, преступление, состав преступления, самообучаемая программа, преступник.

Термин «искусственный интеллект» выступает относительно новым явлением не только в области права, но и в других науках.

Естественно, существенной трудностью, связанной с установлением юридических норм, регулирующих использование искусственного интеллекта (ИИ), является отсутствие четкого определения понятий, тесно связанных с данной технологией. Например, термин «носитель искусственного интеллекта» может охватывать различные виды технических систем, созданных на основе ИИ, и не имеет универсального юридического толкования. Данная ситуация связана с особенностями функционирования ИИ, которые характеризуются высокой степенью абстракции и сложностью алгоритмов обработки информации.

Например, «носителем искусственного интеллекта» может выступать «какой-либо предмет, управление которого полностью или частично зависит от самообучаемого программного обеспечения» [1]. Кроме этого, стоит обратить и на первопричину функционирования искусственного интеллекта, а именно функционирование компьютерных самообучаемых программ, которые позволяют взаимодействовать искусственному интеллекту с окружающим миром. К таким программам, может относиться, например, «какой-либо предмет, управление которого полностью или частично зависит от самообучаемого программного обеспечения» [2].

Для того, чтобы найти значение термина «искусственный интеллект», стоит обратиться внимание на действующее законодательство Российской Федерации. Впервые определение данного термина было сформулировано Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», а впоследствии закреплено Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Под искусственным интеллектом понимают «комплекс техноло-

гических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [3]. Указанное определение позволяет охватить и исследовать различные подходы к построению архитектуры искусственного интеллекта. Однако, для того, чтобы создать полноценную правовую базу, детально регламентирующую все общественные отношения, необходимо использовать все приемы юридической техники с точными формулировками и отсутствием коллизий.

Далее, стоит обратить внимание на уголовно-правовые аспекты толкования искусственного интеллекта. В действующем уголовном законодательстве содержится достаточное количество определений тех или иных терминов. Однако, применение данной терминологии исключительно зависит от сферы уголовного права. То есть, определения таких преступлений, как кража, разбой, грабеж устанавливаются соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ, а, к примеру определение мотива преступления в законодательстве отсутствует. Это обуславливается широкой трактовкой понятия «мотив» в том числе с позиции психологического подхода. В данной статье проведен анализ совершения противоправных деяний при помощи искусственного интеллекта. Стоит обратить внимание, что уникальной способностью ИИ (искусственного интеллекта) является его возможность к самообучению и самосовершенствованию, в том числе с последующей автономизацией, что существенным образом усложняет его правовое регулирование.

Развитие технологий влечет за собой совершенствование способов совершения преступлений. На сегодняшний день количество преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий и электронной информации, постоянно возрастает. На первый план выходят высокотехнологичные методы совершения преступных деяний. Искусственный интеллект (ИИ) – это технология, которая может упростить жизнь людей, однако, как и любая другая технология, она может быть использована и в преступных целях. На сегодняшний день преступники нашли несколько способов использования ИИ в своих целях. Один из способов – использование ИИ для социальной инженерии. Это может включать создание фейковых аккаунтов в социальных сетях, чтобы запутать пользователей и выманить их личную информацию. При использовании ИИ преступники могут собирать большое количество данных о потенциальных жертвах и использовать эту информацию для мошенничества, фишинга, кражи личных данных и других преступлений. Другой способ использования ИИ – это создание и распространение вирусов и вредоносных программ. ИИ может использоваться для создания вирусов и других вредоносных программ, которые могут атаковать компьютеры и сети. Преступники могут использовать эти программы для кражи личных данных, вымогательства, шантажа, а также для получения доступа к банковским счетам и другой конфиденциальной информации.

Третий способ использования ИИ – это создание «фейковых новостей» и распространение их через социальные сети. Используя ИИ, преступники могут создавать фальшивые новости, которые могут использоваться для манипулирования общественным мнением. Это может быть полезно во время выборов или других политических процессов, чтобы повлиять на результаты.

Кроме того, ИИ может использоваться для взлома систем безопасности, таких как системы видеонаблюдения, охранной сигнализации и других устройств, используемых для обеспечения безопасности в обществе. Преступники могут использовать ИИ, чтобы обойти существующие системы безопасности и получить доступ к защищенной информации. Однако, существует ряд технологий и методов, которые могут помочь бороться с использованием ИИ преступниками. Например, машинное обучение может использоваться для обнаружения и блокировки вредоносных программ. Также существуют технологии, которые могут помочь в обнаружении фальшивых новостей.

Научная проблематика данного явления напрямую связана с отсутствием единого подхода к пониманию места искусственного интеллекта в теории уголовного права. Отсутствие закрепления норм, регулирующих использование искусственного интеллекта (ИИ) в уголовном законодательстве, обусловлено наличием недостаточного количества преступлений, связанных с применением технологий нейронных сетей. Данное обстоятельство может быть объяснено отсутствием уголовно-правовых критериев, регулирующих деятельность ИИ в общественной сфере. Кроме того, в силу сложности технологических процессов, связанных с функционированием ИИ, разработка универсальных правовых норм в этой области также представляется непростой задачей. Тем не менее, необходимость установления юридических ограничений на использование ИИ в уголовном процессе становится все более актуальной в свете последних научных и технологических достижений. Однако, тенденция роста количества преступлений данной направленности является очевидной и требует к себе соответствующего внимания с целью предупреждения возникновения неблагоприятных ситуаций.

Специфика правового регулирования использования искусственного интеллекта связана с тем, что он может самостоятельно причинять вред человеку, не являясь при этом орудием или средством совершения преступления. Примером может служить «случай причинения смерти человеку беспилотным транспортным средством, которое во время испытания, передвигаясь в автономном режиме, не смогло или не пыталось вовремя затормозить, что привело к наезду на пешехода» [4]. Создатели программного обеспечения для данного транспортного средства сознательно не желали наступления таких последствий, что позволяет рассмотреть эту конкретную ситуацию как случай максимального приближения искусственного интеллекта к статусу субъекта преступления.

Вышеуказанное подтверждает довод о том, что существует необходимость определения места искусственного интеллекта в уголовном праве путем его соотношения с отдельными элементами состава преступления.

Стоит также обратить внимание на тот факт, являются ли отношения, которые возникают при использовании искусственного интеллекта, объектом преступного посягательства или нет. Теория уголовного права традиционно выделяет общий, родовой, видовой и непосредственный объекты. В современных условиях, сопоставимым по объему с общественными отношениями, которые возникают в результате использования искусственного интеллекта, является только непосредственный объект. На это и указывает наличие в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации соответствующей главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» [5]. Учитывая, что, по своей сути, искусственный

интеллект является компьютерной программой, он в том числе и обеспечивает безопасность, анонимность и сохранность тех средств, которые используются для обработки соответствующей информации.

Вопрос изучения искусственного интеллекта в качестве предмета преступления является довольно дискуссионным. Сторонники одной точки зрения полагают, что предметом преступления являются лишь вещи, а также различные материальные образования. С другой стороны, с позиции теории уголовного права к предмету также относятся информация, атмосферный воздух, продукты интеллектуального труда, то есть, невещественные образования [6]. Согласно позиции С. В. Склярова и К. Н. Евдокимова, «компьютерная информация, средства ее создания, хранения, обработки и передачи, информационно-телекоммуникационные сети не только являются предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления» [7]. На этом утверждении стоит остановиться подробнее, ввиду того, что использование компьютерной информации в преступных целях становится все более распространенным.

Использование нейросетей существенным образом расширяет возможности и облегчает способы совершения преступлений. Например, создание и распространение вредоносной информации, возложенное на компьютерную программу, позволяет осуществлять все намного быстрее и в больших объемах. Основными направлениями развития преступной деятельности с использованием технологии искусственного интеллекта постепенно становятся: а) ведение мошеннических переговоров в интернете с использованием измененного или клонированного голоса; б) совершение хищений денежных средств с банковских счетов; в) получение доступа к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну; г) нарушение авторских и смежных прав и др. В этой связи, использование искусственного интеллекта виновным лицом может являться орудием или средством совершения преступления.

Искусственный интеллект, который использован в качестве средства совершения преступления, выступает высокотехнологичным инструментом, поскольку для достижения желаемого преступного результата преступнику необходимо обладать навыками в сфере компьютерных и иных электронных систем. Ввиду этого, совершение противоправных деяний с использованием современных компьютерных технологий и самообучаемых программ существенным образом повышает их общественную опасность. Также вероятность привлечения преступника к уголовной ответственности существенно снижается в связи с «дистанционным» способом совершения преступления. Таким образом, возникает необходимость быстрого реагирования на возникновение новых преступлений в связи с активным развитием компьютерных технологий. Данная проблема связана с глобальным характером технологических процессов, ведущих к распространению ИИ в различных сферах человеческой деятельности, и вызывает растущую необходимость в обеспечении безопасности и справедливости в использовании данной технологии.

Зарубежные ученые отмечают, что «с увеличением интенсивности использования искусственного интеллекта растет и уровень противоправной деятельности» [8]. В 2023 г. широкое распространение получил чат-бот Chat GPT, созданный в ноябре 2022 г. на базе искусственного интеллекта и позволяющий вести диалог в режиме реального времени, даже в виде спора, обладающий

способностью обнаруживать ошибки в коде и быстро создавать сценарии, стихи и иной контент в виде текста. Таким образом, можно сделать вывод, что в будущем искусственный интеллект будет только расширяться, внедряться во все сферы деятельности человека и эта тенденция будет только расти. Активное развитие данных технологий и расширение области их применения без соответствующего контроля со стороны государства может повлечь за собой практически непредсказуемый рост общественного опасных деяний, связанных с использованием искусственного интеллекта.

Как ранее уже было упомянуто, в медиапространстве была подробно освещена ситуация, в которой «автомобиль, управляемый автопилотом, во время испытаний сбил насмерть пешехода, переходившего дорогу в неполюженном месте. Одними из причин данного происшествия являлись: ошибка оператора; несовершенство программного обеспечения; действия пешехода, которые привели к невозможности избежать столкновения» [9].

Стоит отметить, что данный конкретный случай не является доказательством того, что искусственный интеллект всегда будет нацелен на нанесение вреда общественным отношениям. Тем не менее, можно привести ряд случаев, которые подтверждают возможность создания нейронной сети, которая «специально обучена мыслить с уклоном на разрушение и психические расстройства» [10]. Данная система носит экспериментальный характер, она лишена возможности причинять реальный вред, но это не исключает возможности ее использования в будущем преступниками для реализации своего преступного умысла. Согласно ст. 8 Уголовного кодекса РФ, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [5]. Соответственно, сделать вывод о том, может ли искусственный интеллект выступать субъектом преступления, возможно только в случае, если данная система в принципе обладает возможностью совершить такое противоправное деяние. Спектр применения искусственного интеллекта в преступных целях довольно широк – это использование нейросетей для взлома компьютерных систем, отслеживание банковских переводов с целью хищения безналичных денежных средств, подбор паролей для получения доступа к информации, носящей конфиденциальный характер, сбой информационного обеспечения, необходимого для функционирования объектов инфраструктуры государства и т.д.

Искусственный интеллект (ИИ) – это компьютерная технология, способная обрабатывать данные и делать выводы, которые ранее могли быть сделаны только человеком. Несмотря на то, что ИИ пока не обладает самосознанием, свободой воли или эмоциями, существует ряд вопросов, связанных с тем, можно ли ИИ рассматривать как субъекта уголовного права.

Сегодня большинство стран мира не предусматривает ответственности ИИ как субъекта уголовного права, так как ИИ не является юридическим или физическим лицом. Однако, существуют некоторые исключения. Например, в Японии в 2017 г. был создан закон о регистрации ИИ как субъекта права собственности. Этот закон позволяет зарегистрировать ИИ как субъекта права на интеллектуальную собственность, такую как патенты и авторские права, что может защитить права владельцев ИИ. Кроме того, в 2019 г. Европейский парламент проголосовал за резолюцию, в которой призывалось регулировать ответственность ИИ в рамках правовой систе-

мы. В этой резолюции предлагается ввести стандарты безопасности и этические нормы, которые должны соблюдаться при разработке и использовании ИИ, а также определить, кто несет ответственность за причиненный вред, если он был вызван действиями ИИ. Также стоит отметить, что вопросы ответственности ИИ будут становиться все более актуальными с развитием технологий. Например, если автоматизированное транспортное средство, оснащенное ИИ, причинит аварию, кто будет нести ответственность за причиненный вред – производитель, владелец или оператор?

В целом, можно сказать, что на сегодняшний день ИИ не рассматривается как субъект уголовного права, но ситуация может измениться в будущем. Однако, важно учитывать, что разработка ИИ должна соответствовать этическим и юридическим нормам, чтобы избежать потенциальных проблем, связанных с ответственностью владельца.

Одним из последних современных способов совершения данного рода преступлений выделяют «использование мошенниками поддельного голоса, который был обучен с использованием искусственного интеллекта с целью осуществления платежей на счет преступников» [11]. По мнению европейских специалистов, мошенники будут подделывать голос все чаще. Этому способствует и то, что программы, которые позволяют имитировать чужой голос, сейчас продают многие компании. При этом для их использования не нужны какие-то специальные навыки. «С помощью искусственного интеллекта можно и голос подделать, даже видео сделать — реалистичные изображения, которых в природе не существует, но их не отличить от настоящих. Это сделать несложно» [12].

Данные факты использования искусственного интеллекта в противоправных целях подтверждают его общественную опасность и возможность наносить ущерб охраняемым законом общественным отношениям. Принимая во внимание юридическую оценку каждой конкретной ситуации «выделяют ряд субъектов, деятельность которых при использовании искусственного интеллекта позволяет привлечь их к уголовной ответственности» [1].

Во-первых, ключевым субъектом является производитель искусственного интеллекта. В случае умышленного деяния указанным лицом, как правило, не требуется дополнительного толкования, тогда как в случае неосторожности могут возникнуть проблемы, связанные с оценкой обстоятельств, умысла и прочих факторов, которые могут повлиять на характер и квалификацию деяния.

Например, в случае неправильной диагностики, основанной на использовании системы поддержки принятия врачебных решений (СППВР), что привело к летальному исходу, ответственность может быть возложена на разработчика программного обеспечения, если установлено наличие недостатков в конструкции СППВР или нарушений правил его эксплуатации, которые могли привести к неправильной диагностике, но только в том случае, если он «при необходимой внимательности и предусмотрительности мог предвидеть эти последствия» [1]. Данное преступление попадает под действие п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, как «выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, если они повлекли по неосторожности причинение смерти человека» [5]. Также субъектами могут являться и третьи стороны. «Поскольку искусственный интеллект остается пусть и сложной, но все же

компьютерной программой – это означает возможность противоправного вмешательства в его код, например, со стороны представителей киберпреступности. Думается, что с дальнейшей эволюцией систем искусственного интеллекта, в этом направлении будет развиваться и данный вид преступности» [1]. В этой связи, «практически любые общественные отношения могут выступать в качестве объекта посягательства» [1]. В связи с расширением применения искусственного интеллекта для нанесения ущерба критической информационной инфраструктуре государства в УК РФ есть соответствующая ст. 274¹ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» [5].

Также преступники используют нейросети как один из высокотехнологичных способов облегчить совершения преступления. Данные деяния попадают под действие ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ» [5]. Вышеперечисленные примеры наглядно демонстрируют, что в противоправных деяниях, которые совершались при помощи искусственного интеллекта, субъектом преступления выступает конкретное физическое лицо, которое осуществляло управление и обучение алгоритмов, либо распространяло программное обеспечение. Однако, допустима ситуация, в ходе которой сама программа является причинителем вреда охраняемым законом интересам. Сам создатель данной программы не имел умысла на ее противоправное использование, своими действиями исключил подобное поведение, а также не имело место быть вмешательство посторонних лиц. Любая самообучаемая программа имеет риск стать непредсказуемой в процессе применения, этого не следует исключать. «В настоящий момент, следует признать, что реализация уголовной ответственности по отношению к системе искусственного интеллекта нецелесообразна, поскольку последняя еще не столь значительно отличается от иных программ, и не обладает должным уровнем самосознания» [1]. В существующих условиях, вред, который был причинен искусственным интеллектом, трактуется как невиновный, что влечет за собой отсутствие основания для привлечения к уголовной ответственности. В свою очередь, возмещение вреда при отсутствии вины причинителя вреда, допускается только с позиции действующего гражданского законодательства, а именно ч. 2 ст. 1074 ГК РФ.

Вопрос в отношении того, может ли искусственный интеллект в перспективе стать субъектом преступления остается дискуссионным.

Сторонники одной точки зрения склоняются к тому, что самообучаемая программа действует в рамках алгоритма, заданного людьми, и соответственно вина должна быть возложена только на создателя, то есть на физическое лицо. Ключевым обстоятельством будет являться то, осознавал ли правонарушитель, что результаты его действий могут стать противоправными, и все же решил не останавливаться. Нейросеть в данном случае выступает скорее инструментом, который нуждается в эффективном контроле даже с учетом внесудебных ситуаций. Создатель программы несет ответственность и может стать виновным в случае, если «действие, совершенное роботом, является уголовным преступлением, установленным законом» [13].

Сторонники другой точки зрения склонны утверждать, что в будущем «искусственные мыслительные процессы не только сравниваются с человеческими, а превзойдут их» [14]. С учетом неуклонного расширения области применения

искусственного интеллекта с целью нарушения критически важной информационной структуры РФ, проведенные исследования в этой области привели к формулированию важных выводов. В первую очередь, следует отметить, что уголовно-правовые нормы не всегда могут регулировать общественные отношения, связанные с применением самообучаемых программ, в то время как количество преступлений, в которых используются соответствующие компьютерные программы, неуклонно растет. На втором месте стоит обратить внимание на то, что неуправляемое развитие искусственного интеллекта может стать общественной угрозой и представлять опасность для отношений, защищаемых уголовным законодательством. В-третьих, в некоторых случаях нейронные сети могут полностью реализовывать объективную сторону состава преступления, что может привести к возникновению новых видов преступлений, не регулируемых существующим уголовным законодательством.

В четвертой части данного исследования отмечается, что в настоящее время субъективная сторона искусственного интеллекта отражает содержание интеллектуальных и волевых элементов жизнедеятельности человека, и это сходство может быть усилено с развитием компьютерных технологий. Из этого следует, что поведение искусственного интеллекта может проявлять субъективную противоправность.

В дополнение к этому, создатели самообучаемых программ, производители продукции, оснащенной искусственным интеллектом, пользователи такой продукции и другие лица могут стать возможными субъектами преступлений, в которых используется искусственный интеллект. В перспективе, если искусственный интеллект будет обладать всеми свойствами личности и если такой статус будет законодательно закреплён, он может стать полноправным субъектом преступления.

Список литературы:

1. Мосечкин, И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : [монография] / И. Н. Мосечкин. – Киров : Вятский государственный университет, 2020. – С. 44.
2. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. 2019. No 1 (37). С. 42–50.
3. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 N 123-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (29.03.2023)
4. Artificial intelligence // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (29.03.2023).
6. Воробьев В. В. О предмете преступления, его месте в составе преступления и особенностях в компьютерных преступлениях // Символ науки. 2015. No 6. С. 221–223.
7. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. No 2. С. 322–330.
8. CerkaP., GrigienėJ., Širbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31. I. 3. P. 376–389.
9. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. No 3. С. 461–476
10. Norman // Norman MIT. URL: <http://norman-ai.mit.edu/> (date of the application 03.07.2022).

11. Даниленко, Ю. А. Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Международной научно-практической конференции, Мисхор (Большая Ялта), 26–27 сентября 2019 года. – С. 37-39.
12. Проект всестороннего исследования проблем киберпреступности Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. - Австрия., V.13-80699 — февраль 2019 года. - [Электронный ресурс] URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf
13. Sunde, I. M. A new thing under the sun?: Crime in the digitized society. NSfK's 58. Research Seminar: New challenges in criminology: Can old theories be used to explain or understand new crimes? / under ed. I. A. Kinnunen. Bifrost : Scandinavian Research Council for Criminology P. 60–79.
14. Radutny O. E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of Legality. 2017. I. 138. P. 132–141.

Danilenko Y.A. The use of artificial intelligence for criminal purposes: criminal and legal characteristics // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 232 – 240.

The article discusses the methods, features and main methods of committing crimes related to the use of artificial intelligence. Among the main advantages of using self-learning programs for illegal purposes, it is worth highlighting their wide geography, the physical safety of criminals and the difficulty of identifying them. The main problems of criminal law protection of public relations associated with the use of artificial intelligence have been studied. The problem of determining the place and role of artificial intelligence in the design of various crimes is revealed. Subjective and objective signs of crimes committed using artificial intelligence are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, crime, corpus delicti, self-learning program, criminal.

Spisok literatury:

1. Mosechkin, I. N. Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation : [monograph] / I. N. Mosechkin. – Kirov : Vyatka State University, 2020. – p. 44.
2. Kamyshansky V. P., Koretsky A.V. The concept and legal status of an artificial intelligence carrier // The Power of Law. 2019. No. 1 (37). pp. 42-50.
3. Federal Law "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of artificial intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow and Amendments to Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" dated 04/24/2020 N 123-FZ (latest edition) [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (03/29/2023).
4. Artificial intelligence // Britannica. URL: <https://www.britanica.com/technology/artificial-intelligence>
5. Federal Law of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (ed. of 14.04.2023) [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (03/29/2023).
6. Vorobyov V. V. About the subject of the crime, its place in the composition of the crime and features in computer crimes // Symbol of Science. 2015. No. 6. pp. 221-223.
7. Sklyarov S. V., K Evdokimov N. N. Modern approaches to the definition of the concept, structure and essence of computer crime in the Russian Federation // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. No. 2. pp. 322-330.
8. Cherkap., Grigieney., Sirbikite G. Liability for damage caused by artificial intelligence // Review of computer law and security. 2015. Volume 31. I. 3. pp. 376-389.
9. Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal responsibility: problems of the formation of a new type of subject of crime // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2019. Vol. 10. No. 3. pp. 461-476.
10. Norman // Norman Massachusetts Institute of Technology. URL: <http://norman-ai.mit.edu/>
11. Danilenko, Yu. A. Problems of investigation of certain types of cybercrimes committed using artificial intelligence / Yu. A. Danilenko // Problems of obtaining and using evidentiary and criminalistically significant information : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Mishor (Greater Yalta), September 26-27, 2019. – pp. 37-39.
12. Project of a comprehensive study of cybercrime problems of the United Nations Office on Drugs and Crime. - Austria., V. 13-80699 — February 2019.
13. Sunde, I. M. What's new under the sun?: Crime in a digital society. NSfC - 58. Research Seminar: New Challenges in Criminology: Is it possible to use old theories to explain or understand new crimes? / edited by Ya A. Kinnunen. Bifrost : Scandinavian Research Council on Criminology, pp. 60-79.
14. Radutny O. E. Criminal liability of artificial intelligence // Problems of legality. 2017. I. 138. pp. 132-141.

УДК 343.721

РАЗЛИЧИЯ В КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТАТЬЯМ 159³ И 159 УК РФ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Евтушенко И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,

Рассматриваются теоретические и практические вопросы квалификации таких преступлений как мошенничество с использованием электронных средств платежа и основного состава мошенничества. На основе изучения материалов судебной практики после изменений, внесенных в УК РФ и в разъяснения ПП ВС РФ в 2021 году, делается вывод о наличии случаев неверной квалификации мошеннических действий с использованием электронных средств платежа. Недопонимание механизма совершения мошенничеств с использованием электронных средств платежа и существующего подхода к определению места предмета преступления в системе элементов и признаков состава преступления приводит к существенным ошибкам в определении признаков предмета преступления. В связи с чем автором приводятся типовые случаи дистанционных мошеннических действий и дается рекомендация по разграничению квалифицированного и основного составов мошенничеств.

Ключевые слова: мошенничество с использованием электронных средств платежа, безналичные денежные средства, цифровой рубль, электронное средство платежа, основной состав мошенничества, пластиковая карта.

Длительное время в теории и практике квалификации дистанционных хищений не было единства мнений по вопросу о соотношении хищений с банковского счета, с использованием электронных средств платежа, электронных денежных средств. Часть правоприменителей настаивала на квалификации этих деяний как квалифицированного вида кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Другая часть квалификацию осуществляла по ст. 159³ УК РФ как привилегированному составу мошенничества с использованием электронных средств платежа, опираясь в мотивировочной части процессуальных решений на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части необходимости установления обмана работника торговой или иной организации.

Однако конец спорам положил Конституционный Суд РФ (Определение от 09.07.2021 № 1374-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани») и соответствующие ему обновленные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 29.06.2021 № 22. И действительно, по данным официальной уголовной статистики внесенные изменения отразились на квалификации таких деяний, приведя к снижению количества мошенничеств с использованием электронных средств платежа и одновременном увеличении дистанционных квалифицированных краж. Однако отсутствие в Постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» прямого указания, какие же именно ситуации должны квалифицироваться по ст. 159³ УК РФ, привело к тому, что в целях улучшения статистики и снижения доли мошенничеств, совершаемых с использованием электронных средств платежа, дела по ст. 159³ УК

РФ практически исчезли из правовой реальности, но не исчезли из объективной действительности. Так, в частности, мошенничества, совершенные с помощью банковских карт, с использованием интернет-банкинга, когда потерпевший сам по указанию преступника перечисляет ему денежные средства дистанционно, квалифицируются по основному составу ст. 159 УК РФ. И такой подход отразился на статистических показателях основного состава мошенничества: +2,7% в общей структуре преступности. А в структуре преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, доля основного мошенничества выросла на 4,8%, а ст. 159³ УК РФ – напротив, снизилась на 29% [12]. Поэтому мы согласны с мнением Е.В. Хромова, который отмечает, что «несмотря на значительное количество решений высшей судебной инстанции о правилах квалификации хищений с банковского счета, в судебной практике не находят однозначного решения многие вопросы квалификации безличных денежных средств, связанные с соотношением с иными квалифицирующими признаками кражи, предметом и средствами преступления, соучастием, стадиями совершения преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ» [13].

Изучение вынесенных приговоров, размещенных в ГАС «Правосудие» с июля 2021 г. по настоящее время показал, что в разрезе субъектов РФ подход к квалификации действий по ст. 159³ УК РФ не одинаков: в РК таких приговоров не выносилось, регистрация уголовных дел по этой статье не осуществлялась, так как все случаи дистанционных мошенничеств квалифицировались по основному составу ст. 159 УК РФ в зависимости от суммы – по ее частям 1-4. В других субъектах РФ такие приговоры встречаются, но в половине случаев суды переквалифицировали действия виновного со ст. 159³ УК РФ на основной состав мошенничества – ст. 159 УК.

Как мошенничества с использованием электронных средств платежа по ст. 159³ УК РФ на наш взгляд суд правильно квалифицировал следующие деяния. Злоумышленница размещала на сайте бесплатных объявлений информацию о продаже различных вещей (шубы, шторы, куртки), которых у нее не было. Потерпевшие, используя сеть Интернет посредством мобильного телефона через онлайн приложение банка, осуществляли переводы денежных средств со своего расчетного счета на электронный кошелек или расчетный счет, открытый на имя злоумышленницы в другом банке. Свои обязательства перед потерпевшими она не выполняла, так как заведомо не имела возможности и не намеревалась их исполнять [3].

В другом случае суд также согласился с квалификацией деяний по ст. 159³ УК РФ. В частности, Исаев, реализуя преступный умысел о хищении денежных средств потерпевших, через приобретенный им чужой аккаунт на сайте бесплатных объявлений, разместил информацию о продаже мужских сапог. Согласно договоренности, потерпевший перечислил посредством мобильного приложения «Сбербанк онлайн», установленного в его мобильном телефоне, на указанный Исаевым счет банковской карты, принадлежащей третьему лицу – В, в качестве предоплаты денежные средства в сумме 7000 р. Данная банковская карта, оформленная на третье лицо, использовалась Исаевым как электронное средство платежа. После чего Исаев, не имея намерения исполнять взятые на себя обязательства, денежными средствами распорядился по своему усмотрению, обналечив их в банкомате [4]. Аналогично квалифицированы действия Семенова, который за период с 2020 по 2022 годы совершил несколько аналогичных эпизодов мошенничеств: используя свою страницу в социальной сети «ВКонтакте» под ником «Николай Николаев» отправлял потерпевшим

сообщения о якобы выигрыше ими сотовых телефонов, за которые необходимо оплатить оформление данного выигрыша. Потерпевшие посредством программы интернет-банкинга переводили денежные средства со своего банковского счета на банковский счет Семенова, который распорядился деньгами по своему усмотрению. Действия Семенова были и следствием, и судом квалифицированы по ч. 1 ст. 159³ УК РФ – мошенничество, с использованием электронных средств платежа [5].

Однако в другом деле в приговоре не пояснен вывод суда о необходимости переквалификации действий Даниленко со ст. 159³ УК РФ за совершение дистанционных мошенничеств на ст. 159 УК РФ основного состава преступления. В период с 2017 г. по август 2023 г. под предлогом продажи несуществующего товара через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» она подыскала виртуальную карту электронного средства платежа НКО «Юмани», оформленные на имя неосведомленной о ее преступных намерениях родственницы, а также неустановленный следствием мобильный телефон с абонентским номером, зарегистрированным на неустановленное следствием лицо, посредством ранее созданного профиля «EXP.SHOP» в социальной сети «Инстаграм», разместила заведомо ложное объявление о продаже пары зимних женских ботинок стоимостью 15 900 руб., не имея в наличии указанного товара. Потерпевшие, используя мобильное приложение интернет-банкинга со своего банковского счета переводили деньги на карту электронного средства платежа НКО «Юмани», открытого на имя родственницы Даниленко. После чего Даниленко переводила денежные средства на свою карту и по своему паспорту обналичивала деньги в банке. Соответственно, взятые на себя обязательства по продаже и отправке пары женских зимних ботинок она не выполнила, денежными средствами распорядилась по своему усмотрению, потратив на личные нужды. В итоге суд, посчитав что диспозиции ст. 159 и 159³ УК РФ отличаются только способом, а не наказанием, посчитал возможным без возвращения дела на доследование, переквалифицировать действия Даниленко на ст. 159 УК РФ ч. 1 и ч. 2 соответственно совершенным эпизодам мошенничества. Что именно не устроило суд в квалификации, предложенной следствием из приговора осталось не понятным [6].

В связи с приведенным примером, стоит отметить тот факт, что в первоначальной редакции ст. 159³ УК РФ выступала как привилегированный состав преступления. Однако после внесенных в нее изменений в апреле 2018 г. санкция статьи была ужесточена и в настоящий момент по отношению к ч. 1 ст. 159 УК РФ, ч. 1 статьи 159³ УК РФ выступает как специальная норма с квалифицирующим признаком и предусматривает наказание до трех лет лишения свободы, что на 1 год больше, чем санкция ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Приговором от 31 мая 2022 г. по делу № 1-87/2022 (1-554/2021) Куйбышевский районный суд г. Омска вынес аналогичное решение, обосновав переквалификацию тем, что «диспозицией части 1 статьи 159³ УК РФ предусмотрена ответственность за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа. По смыслу закона, действия лица подлежат квалификации по статье 159³ УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платеж-

ной картой. Таким образом, признак «с использованием электронных средств платежа» неразрывно связан с незаконным использованием виновным лицом при совершении преступления (квалифицирующегося как мошенничество или как кража) принадлежащей другому лицу или поддельной платежной карты или электронных носителей информации». Таким образом, по мнению суда, действия подсудимого «не содержат указанного признака преступления, предусмотренного диспозицией ст. 159³ УК РФ, а подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ, поскольку хищения денежных средств осуществлялись путем обмана и злоупотребления доверием, однако подсудимый при выполнении своих преступных действий не использовал какое-либо поддельное или принадлежащее другому лицу электронное средство платежа, в том числе кредитную, расчетную или иную платежную карты, в том числе для обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Сам по себе тот факт, что потерпевшие, будучи введенными в заблуждение, осуществляли перевод денежных средств со своих счетов, к которым привязаны их собственные банковские карты, на счет, использовавшийся подсудимым, к которому также привязана его банковская карта, не свидетельствует о наличии в действиях признака преступления «с использованием электронных средств платежа», поскольку данные действия заключались исключительно в переводе самими потерпевшими денежных средств с одного банковского счета на другой, не были связаны с осуществлением подсудимым обмана, в ходе которого использовалось электронное средство платежа, поддельное или принадлежащее другому лицу, и не повлияли на характер общественной опасности совершенных преступлений» [7].

То есть суд применил расширительное толкование текста ст. 159³ УК РФ, в которой сказано о мошенничестве с использованием электронных средств платежа, и ничего не сказано о поддельных или принадлежащих третьим лицам платежных картах. Полагаем, что суд вышел за пределы своей компетенции, наделив таким образом норму закона иным смыслом, нежели она буквально записана в тексте УК РФ. Отметим также, что диспозиция ст. 159³ УК РФ поменялась еще в 2018 г., а событие преступления происходило в сентябре 2021 г., то есть уже после изменений статьи 159³ УК РФ и текста Постановления Пленума ВС РФ № 48 в июле 2021 г.

Но в эту логику не укладывается другой пример, когда Заводской районный суд г. Саратова действия виновных в серии мошенничеств, квалифицированных органами следствия первоначально по ст. 159³ У РФ (согласно карточке дела в ГАС «Правосудие»), квалифицировал как групповое мошенничество по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Соучастник 1, используя абонентское устройство, должно было осуществлять звонки гражданам Российской Федерации и, представившись сотрудником службы безопасности банка, сообщать заведомо ложную информацию о предотвращенной попытке хищения денежных средств с их банковских счетов и предложить гражданам перевести деньги со своих банковских счетов на якобы защищенный счет, в роли которого выступал счет абонентского номера телефона, находящегося в пользовании Соучастника 2. Последний должен был с использованием электронных средств платежа осуществить безналичный перевод поступивших денежных средств со счета абонентского номера на счета банковских карт с последующим обналичиванием денежных средств через банкоматы, расположенные в г. Саратов [8].

Приведенные примеры из опубликованной судебной практики на наш взгляд наглядно демонстрируют непонимание некоторыми судами квалифицирующего

признака «с использованием электронных средств платежа», указанного в диспозиции ст. 159³ УК РФ и поименованного в ФЗ «О национальной платежной системе». В итоге, при конкуренции норм, суды отдают предпочтение не специальному составу преступления (ст. 159³ УК РФ), а основному ст. 159 УК РФ, чем нарушают принцип справедливости, устоявшиеся правила квалификации уголовно-наказуемых деяний и стабильность судебной практики.

Полагаем, что в действующей редакции статья 159³ УК РФ устанавливает в ч. 1 более строгую ответственность исходя из повышенной степени общественной опасности дистанционных мошенничеств, поскольку способ их совершения по-прежнему затрудняет их раскрытие (раскрываемость дистанционных мошенничеств колеблется в районе 20-25%) и возвращение похищенных средств. О наличии аналогичной несправедливой ситуации по соотношению ст. 158 и 159³ УК РФ говорили мы и другие ученые, практики [1; 2; 10; 11].

В приведенных примерах неверной на наш взгляд квалификации деяний суды недооценивали влияние такого признака объективной стороны деяния как средство совершения преступления, которым в ст. 159³ УК РФ выступают электронные средства платежа. Учитывая, что последнее время все больше и больше финансовых операций совершаются именно в безналичной форме, с использованием не только пластиковых банковских карт, но и интернет-банкинга в мобильных устройствах, СБП, электронных кошельков, абонентских счетов мобильной связи, которые позволяют в последующем денежные средства со счета абонентского номера телефона выводить через банк-партнер в наличную форму (например, МТС-Банк). И вновь мы видим, что на практике происходит подмена понятий «предмет преступления» и «способ совершения преступления» [9]. На данную проблему обращает внимание и Е.В. Хромов [13], приводя примеры неверной квалификации при хищении банковской карты. В этом случае предмет (банковская карта) не характеризует объект посягательства, не опосредует воздействие на него, а выступает средством совершения преступления, т.е. относится к характеристике объективной стороны преступления.

Очевидно, что именно неточность формулировок в ГК РФ и ФЗ «О национальной платежной системе» относительно объектов имущественных прав и средств платежа приводит к данной путанице. В одних случаях денежные средства в безналичной форме на банковском счете, электронные денежные средства, электронные средства платежа, цифровые права (цифровой рубль) выступают в качестве предмета обязательства и преступления, а в других – средства его совершения. Например, можно одолжить тысячу цифровых рублей, а можно с их помощью оплатить покупку. Поскольку развитие информационных технологий происходит стремительно, то многие граждане и правоприменители не совсем понимают различия в них и механизм совершения преступлений с различного рода электронными имущественными правами. На практике такое непонимание привело к тому, что однородные и даже тождественные деяния органами следствия и судами квалифицируются по-разному.

Деньги как вид имущества существуют как в наличной, так и в безналичной форме согласно ФЗ от 27.11.2011 № 161. С 1 октября 2019 г. вступили в силу поправки в ст. 128 ГК РФ, согласно которым «имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)» обозначены как самостоятельный объект гражданских правоотношений. Изменения, внесенные в ст. 140 ГК РФ 24.07.2023 № 339-ФЗ, поставили точку в спорах о том,

чем являются безналичные деньги – предметом или средством. По новой редакции этой статьи «платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями». То есть предмет хищения – это чужое имущество в виде денег, которые могут быть как в наличной осязаемой форме, так и в виде записи на счете, то есть безналичной форме – электронной (цифровой). А вот средства доступа к чужим деньгам в безналичной форме – это все, что позволяет эту запись на счете изменять: терминал, устройство для считывания карт, сама пластиковая карта, приложение мобильного банка в телефоне, компьютер у операциониста в банке. И даже при обналличивании денег с чужой похищенной банковской карты или при оплате ею покупок в магазине, через платежный или банковский терминал подается сигнал финансовой системе эти записи на счете потерпевшего изменить – списать, перевести, выдать. Именно поэтому в действующей редакции Пленуму ВС РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» обналличивание денежных средств через банкомат является квалифицированным видом кражи по п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ, а именно – с банковского счета.

Получается при квалификации деяний по ст. 159³ УК РФ не требуется, чтобы именно преступник, держа в руках свою или чужую банковскую карту, совершал мошенничество. Поскольку в механизме совершения мошенничеств предполагается обман или злоупотребление доверием потерпевшего, причем происходит это именно дистанционно и в отношении денежных средств, имеющих у потерпевшего в безналичной форме (на банковском счете, счете номера телефона, электронном кошельке, в иной платежной системе), то достаточно того, что именно потерпевший производит расчеты с использованием электронных средств платежа – интернет-банкинга, пластиковый карт через платежный терминал, со своего счета у мобильного оператора, через электронные кошельки или платежные сервисы – все такие ситуации должны квалифицироваться по ст. 159³ УК РФ, а не ст. 159 УК РФ, поскольку именно преступник, будучи *получателем* перечисляемых безналичных денежных средств *использует эти же электронные средства платежа* для неправомерного своего обогащения или обогащения третьих лиц.

Список литературы:

1. Архипов А.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 5].
2. Адамович, В. В. Особенности квалификации хищений чужого имущества, совершенных с банковского счета, а равно электронных денежных средств. Отличие от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : Сборник научных статей международной научно-теоретической конференции курсантов, слушателей и студентов, проводимой в рамках I Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума "Северная Пальмира: территория возможностей", Санкт-Петербург, 30 ноября 2021 года / Сост.: Е.А. Маркова, Т.В. Колпакова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 473-481.
3. Дело № 1-417/2022 Индустриальный районный суд г. Перми (Пермский край) // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
4. Дело № 1-349/2021 Центральный районный суд г. Омска // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/>
5. Дело: 1- 1-140/2022 Вольский районный суд Саратовской области // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
6. Дело № 1-254/2022 Железнодорожный районный суд города Красноярска // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
7. Дело № 1-87/2022 (1-554/2021) Куйбышевский районный суд г. Омска // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
8. Дело № 1-33/2022 (1-549/2021) Заводской районный суд города Саратова // Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие». Интернет-портал [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).
9. Евтушенко И. И. Понятие и место предмета преступления в конструкции состава преступления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 326-333
10. Евтушенко И.И. Вопросы разграничения смежных составов хищений имущественных прав и их квалификация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 330-341.
11. Евтушенко И.И. Мошенничества с цифровыми правами: вопросы квалификации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 1. С. 132-140.
12. Состояние преступности в РФ за январь-декабрь 2022 г. // Режим доступа: <https://мвд.рф/>
13. Хромов Е.В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2023, №2. DOI 10.52390/20715870_2023_1_44 EDN BGKGVO УДК 343.721 ББК 67.408.1

Evtushenko I. I. Differences in the qualification of acts according to articles 159.3 and 159 of the criminal code of the Russian federation: questions of theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 241 – 248.

Theoretical and practical issues of qualification of such crimes as fraud with the use of electronic means of payment and the main composition of fraud are considered. Based on the study of the materials of judicial practice after the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation and the explanations of the RF Supreme Court in 2021, it is concluded that there are cases of incorrect qualification of fraudulent actions using electronic means of payment. Misunderstanding of the mechanism of seduction of frauds using electronic means of payment and the existing approach to determining the location of the subject of the crime in the system of elements and signs of the corpus delicti leads to significant errors in determining the signs of the subject of the crime. In this connection, the author provides typical cases of remote fraudulent actions and gives a recommendation on the differentiation of qualified and basic fraud compositions.

Keywords: fraud using electronic means of payment, non-cash funds, digital ruble, electronic means of payment, the main component of fraud, plastic card.

Spisok literaturey:

1. Arhipov A.V. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha (st. 159.3 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2019. № 5].
2. Adamovich, V. V. Osobennosti kvalifikacii hishchenij chuzhogo imushchestva, sovershennyh s bankovskogo scheta, a ravno elektronnyh denezhnyh sredstv. Otlichie ot moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty :

- Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii kursantov, slushatelej i studentov, provodimoy v ramkah I Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Severnaya Pal'mira: territoriya vozmozhnostej", Sankt-Peterburg, 30 noyabrya 2021 goda / Sost.: E.A. Markova, T.V. Kolpakova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. – S. 473-481.
3. Delo № 1-417/2022 Industrial'nyj rajonnyj sud g. Permi (Permskij kraj) // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/>
 4. Delo № 1-349/2021 Central'nyj rajonnyj sud g. Omska // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/>
 5. Delo: 1- 1-140/2022 Vol'skij rajonnyj sud Saratovskoj oblasti // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/> (data obrashcheniya: 28.09.2023).
 6. Delo № 1-254/2022 ZHeleznodorozhnyj rajonnyj sud goroda Krasnoyarska // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/>
 7. Delo № 1-87/2022 (1-554/2021) Kujbyshevskij rajonnyj sud g. Omska // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/>
 8. Delo № 1-33/2022 (1-549/2021) Zavodskoj rajonnyj sud goroda Saratova // Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema RF «Pravosudie». Internet-portal [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.ru/>
 9. Evtushenko, I. I. Ponyatie i mesto predmeta prestupleniya v konstrukcii sostava prestupleniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 1. – S. 326-333
 10. Evtushenko I.I. Voprosy razgranicheniya smezhnyh sostavov hishchenij imushchestvennyh prav i ih kvalifikaciya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 1. – S. 330-341.
 11. Evtushenko I.I. Moshennichestva s cifrovymi pravami: voprosy kvalifikacii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 1. S. 132-140.
 12. Sostoyanie prestupnosti v RF za yanvar'-dekabr' 2022 g. // Rezhim dostupa: <https://mvd.rf/>
 13. Hromov E.V. Problemy kvalifikacii hishcheniya denezhnyh sredstv s bankovskogo scheta // Ugolovnoe pravo. 2023, №2. DOI 10.52390/20715870_2023_1_44 EDN BGKGVO UDK 343.721 BBK 67.408.1
- .

УДК 343.231

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И СОБСТВЕННОСТИ

Колычева А. Н., Зоз В. А.

Институт специальных знаний принято считать неотъемлемой частью в уголовного судопроизводства и криминалистики. С помощью таких познаний сотруднику следственных органов удаётся более оперативно и рентабельно, затрачивая, как можно меньше времени, сделать выводы и вынести итоговое решение по расследованному преступлению. В статье рассматриваются порядок и основные направления использования специальных знаний при расследовании преступлений против личности и собственности. Обозначена роль специальных знаний, используемых при расследовании преступлений; а также нормы уголовно-процессуального законодательства и иных подведомственных актов, регламентирующие деятельность указанных участников. Указаны самые распространённые виды экспертиз и вопросы к ним, проводимые по преступлениям, затрагивающих охраняемые общественные отношения в сфере личности и собственности.

Ключевые слова: специальные познания, преступление, экспертиза, личность, собственность, расследование, специалист, эксперт.

Специальные познания на современном этапе играют неотъемлемую часть при расследовании преступлений. Их роль значима, прежде всего тем, что с каждым годом все больше совершенствуются новые технологии, методы и способы совершения криминальных деяний. В нашей стране основными и самыми распространёнными преступлениями являются те, что посягают на личность и его собственность. Это связано с тем, что именно жизнь, здоровье человека, его имущество и свобода берётся за основу прав, считаясь высшей ценностью.

Рассматривая уголовное законодательство можно заметить, что особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации начинается с разделов преступлений, посягающих на личность и тем самым собственность. Исходя из такого расположения статей, можно подчеркнуть, что конкретно законодатель ставит их на первое место и считает первоочередным.

Также преступления, затрагивающие собственность, не остаются в стороне. Это такие деяния, которые выполняются в форме действия или бездействия, направленные на причинение материального и имущественного ущерба потерпевшему, лишая возможности его владеть, пользоваться и распоряжаться своей вещью или иным принадлежащим ему имуществом. Глава 21 УК РФ содержит в себе большое количество преступлений, которые требуют от сотрудников следствия и дознания в этой области эффективного расследования.

Сотрудники органов предварительного расследования, не обладая специальными на то надлежащими познаниями, привлекают к участию по таким видам преступлений работников специалистов и экспертов, которые в свою очередь, окажут квалифицированную помощь в раскрытии и расследовании преступлений.

Назначение и производство судебной экспертизы считается весьма значимой процессуальной формой использования специальных знаний, потому как по окончании

такого использования получают доказательства, которые характеризуются высокой степенью объективности ввиду особенностей источника их получения.

Существование обилия таких особых познаний, требующиеся для разрешения возникающих вопросов при расследовании опасного вида правонарушений, обуславливает присутствие большого количества видов и родов судебной экспертизы. При этом появляются новые методики, средства производства судебных экспертиз, расширяется перечень вопросов, решение которых обеспечивает проведение экспертных исследований.

Расследование особо тяжких преступлений против личности довольно часто осложняется такими обстоятельствами, что преступник предпринимает попытки уничтожить свои следы. Но в теории и практике существует такой след, уничтожение которого затрудняется без специальных на то знаний, – это запаховый след [1, с. 53]. Такого вида следы всегда присутствуют на орудиях противоправного посягательства, на одежде, а иногда и на кожных покровах тела трупа.

Современные на сегодняшний день возможности экспертизы запаховых следов человека достаточно обширны и имеют ряд важных преимуществ и перспектив, наравне с ДНК-исследованиями биологических следов и объектов [2, с. 153].

Назначив экспертизу тканей и выделений человека (одорологическую экспертизу), следователь сможет получить большую информацию о субъекте преступления, то есть, каким лицом мог быть оставлен след, каков его возраст (пожилой возраст или ребёнок) и пол. Но перед этим специалист-криминалист обязан надлежаще изъять такого вида след, чаще всего, в виде упаковки используют банки; а сами пробы запаха можно отобрать с помощью полиэтиленовых колб, шприца и других всасывающих приборов.

Конечно, одним из приоритетных видов экспертиз при расследовании против личности считается судебно-медицинская, ведь именно она отразит сведения о том:

- 1) в какой промежуток времени произошла смерть потерпевшего;
- 2) какова локализация и механизм телесных повреждений;
- 3) степень тяжести причинения вреда здоровью, которая определяется согласно критериев, содержащихся в Постановлении Правительства № 522 [3] и многое другое в этой сфере.

Медицинская экспертиза живого лица в большинстве случаев проводится врачом единолично, то есть он сам проводит исследование и дает соответствующее заключение [4, с. 14]. Иногда, когда требуется помощь иных специалистов медицинской деятельности (офтальмолог, невролог, рентгенолог), он имеет право привлекать их к участию. Если дело относится к частному обвинению (например, побои – ст. 116 УК РФ), то эксперт обычно сам направляет освидетельствуемого к консультанту, получает от него письменное заключение, которое использует для составления собственных на то выводов.

Очевидно, также, чтобы правильно определить степень тяжести вреда здоровью при причинении физического вреда, судебные медики также руководствуются нормативно-правовой базой. Так, к примеру, если в результате хулиганских действий, обвиняемый нанес жертве телесные повреждения в область шеи и в результате произошел перелом, то такие действия будут расцениваться, как причинение тяжкого вреда здоровью [5, с. 14].

Следователь обращается к лицам, обладающим специальными знаниями, для оказания помощи при расследовании преступлений, а точнее при производстве следственных действий [6, с. 277]. Одним из самых информативных следственных действий, одновременно требующее значительного объема специальных знаний, является осмотр места происшествия. Роль специалистов при осмотре места происшествия довольно высока, поскольку в данной ситуации сотрудникам приходится иметь дело с большим количеством следов, которые они не всегда могут изъять и приобщить к материалам уголовного дела. Специалист-криминалист выступает лицом, которое может не только произвести изъятие каждого следа по отдельности, но и оценить их во всей совокупности. [7, с. 50] Во время такого возможно отыскать следы папиллярного узора пальцев рук, и в этом аспекте следователь или дознаватель назначают дактилоскопическую экспертизу, и отправляет на исследование в экспертно-криминалистическое подразделение. Наиболее частыми вопросами, которые ставятся эксперту в такой области, будут:

1. Пригодны ли для идентификации личности предоставленные следы папиллярных узоров?
2. Какими пальцами рук оставлены такие следы? Имеются ли какие-то повреждения (царапины, ссадины, шрамы)?
3. Какое расположение и локализация оставленных следов?
4. Не принадлежат ли конкретному лицу предоставленные на исследование следы?

То есть эксперт, со своей компетентной стороны, даст обширную информацию о таком следе и установит причинную связь между возникновением следов кожных узоров и действиями преступника в момент совершения им общественно-опасного деяния.

Особенно часто при кражах в сельской местности остаются следы ног, в ходе чего можно сделать вывод о направлении и темпе движения человека, о росте и особенностях походки, а также об особенностях обуви. Тогда проводится трасологическая экспертиза, которая также имеет свои особенности и характерные черты назначения и производства.

Обычно, если совершаются кражи конкретных вещей, следователь в целях определения стоимости и причиненного ущерба потерпевшему, целесообразно назначить товароведческую экспертизу. Она представляют собой группу исследований характеристик товара и особенностей процесса его изготовления, которая позволяет определить фактическое состояние объекта и соответствие нормативным предписаниям, выявить дефекты и механизм их проявления.

Рассмотрим такой пример. Преступник, взломав дверной замок квартиры совершил тайное хищение чужого имущества – смартфона Samsung GT-7878 X и ноутбук марки MACCBOOK 200T, тем самым причинив потерпевшей материальный ущерб. В целях определения размера такого материального ущерба, следователь назначает товароведческую судебную экспертизу. При её проведении необходимо разрешить следующие задачи:

- 1) точно выбрать свойства и показатели ассортимента и качества продукции;
- 2) установить сходство оригинальности бренда и компании;
- 3) выявить соответствие фактических значений показателей установленным требованиям;
- 4) определить оценочные значения качественных показателей;

5) оценить полученные данные, сформировать вывод и рекомендации для сотрудников следствия и дознания.

Таким образом, экспертиза такого типа осуществляется компетентными на то лицами, которые имеют возможность ответить на ясно поставленные вопросы сотрудников, расследовавшим уголовное дело, и вынести тем самым обоснованное заключение [8, с. 107].

Нередко сотрудники следствия при расследовании преступлений обходят стороной наличие на месте происшествия частиц различного вида микрообъектов (например, волос, текстильных волокон и материалов). Это объясняется тем, что, допустим, в сельской местности, участники следственно-оперативной группы не осведомлены о возможности назначения соответствующей экспертизы, а также обуславливается это низкой материальной и технической обеспеченностью и отсутствием надлежащего обнаружения, фиксации и изъятия такого рода микрообъектов [9, с. 13]. А исходя из полученных объектов, следователь, в свою очередь, сможет заполучить колоссальную информацию о содеянном опасном деянии.

Но важно учесть, что эксперты согласно законодательству РФ, проводя исследование и вынося обоснованное заключение, несут уголовную ответственность, согласно ст. 307 УК РФ, которая предусматривает санкции за заведомо вынесенное ложное заключение. О таком предупреждении обязан сообщить следователь, как ведущий участник расследования уголовного дела под роспись в самом постановлении о назначении судебной экспертизы [10, с. 69].

Таким образом, исходя из вышеперечисленного, возможно сделать вывод, что при расследовании преступлений против личности и собственности, помощь и поддержку оказывают специалисты и эксперты разных специальностей, владеющие особыми навыками, умениями профессионального уровня. Перечень экспертиз довольно широк и разнообразен и, в зависимости от конкретного преступления, его раздела и статьи назначаются судебные экспертизы определенной специальности. Сам следователь решает вопрос о выборе той или иной экспертизы, и именно от его четко сформулированных вопросов будет зависеть результат проведенного исследования, какие сведения о преступлении он получит.

Список литературы:

1. Бадиков Д.А. К вопросу об использовании запаховых следов человека в практике раскрытия и расследования преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийской научно-практической конференции. Орел: ОрЮИ МВД России им.В.В. Лукьянова, 2015. С. 53.
2. Едомский Е.А. Современные возможности экспертизы запаховых следов человека в расследовании преступлений против личности // Закон и право. – 2021. - №12. – С. 153.
3. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 №522 (ред. 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС «Консультант Плюс»
4. Судебно-медицинская экспертиза тяжести вреда, причиненного здоровью человека : учебное пособие / И. В. Алексеев ; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра судебной медицины с основами правоведения. – Иркутск : ИГМУ, 2017. – С. 14.
5. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 №194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (Зарегистрировано в Минюсте РФ от 13.08.2008 №12118) // СПС «Консультант Плюс»
6. Бадиков Д.А., Лагуточкин А.В. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 276–281.
7. Морозова Н.В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. Орел. 2021. №4(89). С. 48-52.

8. Яфесова А.А., Буранбаева Л.З. Товароведческая экспертиза: теория и практика // Цифровая наука. 2020. – №.5. – С.107
9. Агафонов А.С. Особенности использования специальных знаний при расследовании квартирных краж в сельской местности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. - №.1 (5). – С. 13.
10. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью : руководство / [В. А. Клевно и др.] ; под ред. проф. В. А. Клевно. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – С. 69.

Kolycheva A.N., Zoz V.A. Special knowledge used in the appointment of forensic examinations on crimes against the person and property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 249 – 253.

The Institute of Special Knowledge is considered to be an integral part in criminal proceedings and criminalistics. With the help of such knowledge, an employee of the investigative authorities manages to draw conclusions more quickly and cost-effectively, spending as little time as possible, and make a final decision on the investigated crime. The article discusses the procedure and the main directions of using special knowledge in the investigation of crimes against the person and property. The role of special knowledge used in the investigation of crimes is indicated; as well as the norms of criminal procedure legislation and other subordinate acts regulating the activities of these participants. The most common types of examinations and questions to them conducted on crimes affecting protected public relations in the sphere of personality and property are indicated.

Keywords: special knowledge, crime, expertise, personality, property, investigation, specialist, expert.

Spisok literatury:

1. Badikov D.A. K voprosu ob ispol`zovanii zapaxovy`x sledov cheloveka v praktike raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij// Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orel: OrYul MVD Rossii im.V.V. Luk`yanova, 2015. S.53.
2. Edomskij E.A. Sovremennye vozmozhnosti e`kspertizy` zapaxovy`x sledov cheloveka v rassledovanii prestuplenij protiv lichnosti // Zakon i pravo. – 2021. - №.12. – S.153.
3. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 17.08.2007 №522 (red. 17.11.2011) «Ob utverzhdenii Pravil opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov`yu cheloveka» // SPS «Konsul`tant Plyus»
4. Sudebno-medicinskaya e`kspertiza tyazhesti vreda, prichinennogo zdorov`yu cheloveka : uchebnoe posobie / I. V. Alekseev ; FGBOU VO IGMU Minzdrava Rossii, Kafedra sudebnoj mediciny` s osnovami pravovedeniya. – Irkutsk : IGMU, 2017. – S.14.
5. Prikaz Minzdravsocrazvitiya RF ot 24.04.2008 №194n (red. ot 18.01.2012) «Ob utverzhdenii Medicinskikh kriteriev opredeleniya stepeni tyazhesti vreda, prichinonno go zdorov`yu cheloveka» (Zaregistrirvano v Minyuste RF ot 13.08.2008 №12118) // SPS «Konsul`tant Plyus»
6. Badikov D.A., Lagutochkin A.V. Uchenye zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – S. 276–281.
7. Morozova N.V. Obshheteoreticheskie aspekty` provedeniya osmotra mesta proisshestiya pri rassledovanii prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. Orel. 2021. №4(89). S. 48-52.
8. Yafesova A.A., Buranbaeva L.Z. Товароведческая экспертиза: теория и практика // Цифровая наука. 2020. – №.5. – С.107
9. Агафонов А.С. Особенности использования специальных знаний при расследовании квартирных краж в сельской местности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. - №.1 (5). – С. 13.
10. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью : руководство / [В. А. Клевно и др.] ; под ред. проф. В. А. Клевно. – М. : GE`OTAR-Media, 2009. – С. 69.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Морозова Н. В., Лагуточкин А. В.

В статье исследованы сущность и проблемы производства следственного эксперимента, как одного из достаточно «молодых» следственных действий, явившимся результатом развития следственной практики. Автор отмечает несомненную важность указанного следственного действия, которое помогает наиболее точно установить все обстоятельства по делу, формирует доказательственную информацию, которая впоследствии напрямую может повлиять на достоверность результатов других следственных и процессуальных действий. Особое внимание в статье уделяется проблемным аспектам производства следственного эксперимента, а также автором проанализированы объективные и субъективные причины, оказывающие влияние на эффективность его производства.

Ключевые слова: следственный эксперимент, условия, производство, следственные действия, расследование преступлений, проблемы.

Одной из важнейших основ уголовного судопроизводства России является наличие такого элемента как презумпция невиновности, который гласит о том, что ни одно обвиняемое в совершении преступления лицо не может считаться виновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [1].

Данное положение содержится в статье 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ). Так как бремя доказывания ложится на сторону обвинения, то следователю необходимо получать доказательства не только вины обвиняемого лица, но и те факты, которые подтверждают его невиновность. Следует отметить, что доказательства требуется не только собрать, но и проверить соответствующим образом, а именно: с помощью осуществления следственных действий.

Институт следственных действий, по всеобщему мнению достаточно изучен и регламентирован, и, казалось бы, дискуссии, связанные с этим уже не актуальны. Однако на практике определенную сложность и проблематичность вызывает производство некоторых следственных действий, особенно носящих комплексный характер в основе которых лежат различные познавательные приемы [2]. К таким следственным действиям можно как раз и отнести следственный эксперимент.

Однозначно отметим, что следственный эксперимент способен помочь проверить и оценить должным образом доказательства, собранные во время расследования по уголовному делу, опытным путем. С помощью данного следственного действия возможна проверка всех выдвигаемых следователем версий по поводу совершенного общественно – опасного деяния, тех выводов, которые были построены в период следствия.

Однако представляется интересным мнение И.С. Тройниной, отмечающей, что такая цель не специфична для следственного эксперимента, т.к. присуща очной ставке, предъявлению для опознания, проверке показаний на месте и назначению экспертизы. Следовательно, дискуссионным вопросом является суждение о том, что целью следственного эксперимента является получение новых доказательств, ибо эта цель присуща всем следственным действиям. По ее мнению цель следственного

эксперимента можно свести к уточнению отдельных обстоятельств, относящихся к действиям лица на месте преступления и способность совершения лицом определенных действий [3].

Также отметим, что следственный эксперимент на сегодняшний день является одним из самых сложных следственных действий. Сложность его производства обусловлена, в первую очередь, широким трактованием законодателя сущности и задач, так как в статье, посвященной следственному эксперименту, говорится о том, что следователь может проводить данное следственное действие в случаях, когда необходимо проверить, уточнить данные, имеющие значение для уголовного дела путем воспроизведения действий, обстановки и других обстоятельств. В данной формулировке отсутствует четкий порядок действий по производству данного следственного действия, что способствует, с одной стороны, положительному развитию практики осуществления следственного эксперимента, но с другой стороны, отсутствует четкая правовая регламентация, что создает свободу действий в осуществлении данного мероприятия.

Проблемным аспектом является производство следственного эксперимента при расследовании некоторых преступлений, например убийств, если само преступление было совершено в квартире, которая не принадлежит ни подозреваемому, ни погибшему лицу. Иначе говоря, если собственник жилого помещения не дает своего согласия на производство на его жилой площади, то на законодательном уровне данный вопрос не урегулирован. Согласно ст. 25 Конституции Российской Федерации никто не вправе проникать в жилище против воли лиц, в нем проживающих, не иначе как в случаях, установленных законом [4]. Но дело в том, что следственный эксперимент не относится к тем следственным действиям, которые могут быть произведены в жилище лица против его воли.

Так, согласно пп. 4 и 5 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, суд может принять решение только лишь о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, и о производстве обыска или выемки в квартире.

Из данного анализа можно сделать вывод о том, что производство следственного эксперимента невозможно в жилище, собственник которого против осуществления данного следственного действия у него в квартире даже по решению суда. Также, в связи с тем, что убийство может быть совершено в ночное время суток, а условия при производстве следственного эксперимента должны быть максимально приближены к реальности, то существует иногда необходимость производства данного следственного действия в период времени с 22:00 до 06:00. Но, опять же, на законодательном уровне урегулирован вопрос о недопустимости производства следственного действия в ночное время за исключением случаев, которые не терпят отлагательств, а производство следственного эксперимента не относится к таким случаям.

Также практика производства следственных экспериментов при расследовании дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) сталкивается с множеством проблем организационного и тактического характера.

Как показывает статистика расследование в большинстве случаев не обходится без производства следственного эксперта, который позволяет дать следствию исходную информацию об обстановке совершения ДТП, однако и здесь встречается немало проблем, например создание идентичной обстановки в момент ДТП. Это связано с тем, что обстановка в момент происшествия практически всегда связана с

погодными, природными, территориальными условиями. При этом эксперт, следователь, иные лица, обладающие знаниями, сталкиваются с такими случаями, как осадки, температура воздуха, наличие тумана, от которых зависит видимость на дороге, в связи с этим воспроизвести указанные погодные условия не представляется возможным, и тогда приходится действовать согласно срокам, предусмотренным УПК РФ. Если следственный эксперимент будет проведен без учета этих факторов, то его результаты в соответствии со статьей 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации необходимо будет признать недопустимыми для объективного расследования по делу о ДТП, так как не была воспроизведена полная картина произошедшего в момент ДТП [5].

Помимо процессуальных и тактических проблем, есть ряд объективных причин, которые не зависят ни от лица, осуществляющего предварительное расследование, ни от других участников уголовного судопроизводства. К таким проблемам следует отнести:

1. Ограниченность финансовых ресурсов органов предварительного расследования. Итак, при расследовании убийства, совершенного в парке культуры и отдыха специальным топором для дров, необходимо приобрести манекен, который по росту, телосложению, другим физическим особенностям смог походить на потерпевшее лицо, необходимо изготовить муляж самого топора, чтобы понять, каким именно образом подозреваемый наносил удары потерпевшему, а также, необходимо и доехать до места производства следственного эксперимента, что тоже требует материальных затрат на бензин;

2. Время производства предварительного расследования ограничено, а производство следственного эксперимента очень продолжительное по времени мероприятие.

3. Особую сложность представляет воспроизводство погодных условий при расследовании убийств в туманную погоду. Итак, если свидетель убийства дал показания о том, что на расстоянии 100 метров видел, как конкретный человек убегал от места совершения преступления, то следователю необходимо дожидаться погодных условий, максимально приближенных к тем, которые были в тот день, что также затратно по времени и силам.

К субъективным причинам, вызывающим проблемы производства следственного эксперимента, касающимся как следователя, так и подозреваемого, можно отнести следующие:

1. Наиболее типичной особенностью при расследовании, например, убийств является тот факт, что следственный эксперимент применим в основном в тех случаях, когда необходимо установить положение преступника и потерпевшего в момент преступления [6]. В связи с подготовкой к такому эксперименту, следователю необходимо изучать детально судебно-медицинские документы погибшего лица, чтобы понять характер всех травм, обнаруженных на теле погибшего, что тоже является времезатратным занятием.

2. Также, следователь сталкивается в процессе расследования преступления с такой проблемой, что в ходе производства других следственных действий, таких как допрос, подозреваемый сознается в совершенном общественно опасном деянии, но сознательно преуменьшает роль совершенных действий.

Иначе говоря, подозреваемый пытается выдать умышленное причинение смерти за убийство по неосторожности.

3. Следует учитывать и психологическое состояние лица в момент совершения преступления. Так, на практике нереализуемо состояние аффекта и в этом состоит основная сложность проведения следственного эксперимента с лицом, который причинил смерть в состоянии сильного душевного волнения.

4. Присутствие посторонних людей в момент производства следственного эксперимента также может помешать чистоте его проведения. В таком случае следователю стоит задуматься о том, что при напряженном эмоциональном состоянии лица, участвующим в следственном эксперименте, следует привлекать специалиста в области психологии.

5. Неверное осуществление планирования следственного эксперимента самим следователем. Иначе говоря, следователь не придерживается правил сохранения максимально похожей обстановки совершения преступления, не отмечает при каких условиях и в каком порядке должны быть совершены опытные действия.

6. Подозреваемый в преступлении намеренно проявляет инициативу производства следственного эксперимента с целью осуществления побега от следствия и суда. В таком случае следователь должен предвидеть такое развитие событий и пригласить для участия в следственном действии как минимум одного конвойного, чтобы тот следил за подозреваемым и не давал ему сбежать.

7. Важным проблемным аспектом осуществления организации следственного эксперимента при расследовании преступлений является также обеспечение безопасности участвующих в нем лиц. Следователю необходимо убедиться что ни погодные условия, ни иные обстоятельства не приведут к угрозе жизни и здоровья участников следственного эксперимента [7]. Также необходимо учитывать и тот факт, что преступники зачастую агрессивны и хитры, поэтому следует быть готовым к этому и предварительно оцепить район, где будет производиться следственное действие с той целью, чтобы хотя бы изначально обезопасить окружающих лиц, проходящих мимо. Затем, следует всегда наготове держать специальные средства и огнестрельное оружие, чтобы самому быть в безопасности и в случае непредвиденных обстоятельств оказать достойное сопротивление.

Так, например, известный серийный маньяк Александр Пичушкин позволял себе высказывать оскорбительные выражения в адрес сотрудников правоохранительных органов, мог угрожать расправой и даже предпринимал попытки оказывать физическое сопротивление сотрудникам полиции, но благодаря высокому профессионализму и психологической устойчивости, Пичушкину не удалось посягнуть на жизнь ни одного участника следственного эксперимента. Таким образом, следователю необходимо при производстве следственного эксперимента руководствоваться законодательством РФ, а именно – УПК РФ, в котором представляется возможным сделать дополнение о том, чтобы закрепить точную процедуру подготовки и производства следственного эксперимента, которое решило бы возникшие пробелы, касающиеся ст. 181 УПК РФ. Важно помнить, что следственный эксперимент сложный и важный элемент в расследовании, который, к сожалению, не всегда используют, но при правильном производстве и закреплении которого возможно получить важную доказательственную информацию, которая впоследствии напрямую может повлиять на достоверность результатов других следственных и процессуальных действий: судебных экспертиз, допросов, проверок показаний на месте, являющихся

инструментом доказывания в рамках исполнения требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

Список литературы:

1. Обеспечение прав человека : Учебник / М. И. Акатнова, А. А. Амирханов, Ю. В. Анохин [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2020. – С. 526.
2. Калкаманулы, Д. Следственный эксперимент: цели и порядок производства / Д. Калкаманулы // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 34-3. – С. 10-15.
3. Тройнина, И. С. Некоторые особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетних / И. С. Тройнина // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч., Воронеж, 23 мая 2019 года. Том Часть 2. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2019. – С. 34-35.
4. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.П. Рыжаков. - Электронный ресурс. - М.: Издательство «Директ-Медиа», 2013.
5. Бадиков, Д. А. Отдельные аспекты производства предварительного расследования по уголовным делам о ДТП / Д. А. Бадиков, В. Р. Волкова // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2022. – № 1(42). – С. 9-12.
6. Чаплыгина, В. Н. Особенности расследования серийных убийств / В. Н. Чаплыгина, В. Р. Волкова // Актуальные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях : Сборник статей по материалам круглых столов, Орел, 25 сентября 2019 года. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2020. – С. 64-69.
7. Давыдов, М. В. Некоторые особенности проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных преступлений / М. В. Давыдов // Наука и практика. 2014. – № 3(60). – С. 39-41.

Morozova N.V., Lagutochkin A.V. Some problematic aspects of the production of an investigative experiment // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 254 – 258.

In the article, the author explores the essence and problems of the production of an investigative experiment, as one of the rather "young" investigative actions that resulted from the development of investigative practice. The author notes the undoubted importance of this investigative action, which helps to establish all the circumstances of the case most accurately, forms evidentiary information that can subsequently directly affect the reliability of the results of other investigative and procedural actions. Special attention is paid in the article to the problematic aspects of the production of an investigative experiment, and the author analyzes the objective and subjective reasons that affect the efficiency of its production.

Keywords: investigative experiment, conditions, production, investigative actions, investigation of crimes, problems.

Spisok literatury:

1. Obespechenie prav cheloveka : Uchebnik / M. I. Akatnova, A. A. Amirhanov, YU. V. Anohin [i dr.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Барнаул : Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Barnaul'skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii", 2020. – S. 526.
2. Kalkamanuly, D. Sledstvennyj eksperiment: celi i poryadok proizvodstva / D. Kalkamanuly // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2018. – № 34-3. – S. 10-15.
3. Trojnina, I. S. Nekotorye osobennosti provedeniya sledstvennogo eksperimenta s uchastiem nesovershenoletnih / I. S. Trojnina // Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenij UIS : sbornik materialov Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 ch., Voronezh, 23 maya 2019 goda. Tom CHast' 2. – Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr "Nauchnaya kniga", 2019. – S. 34-35.
4. Ryzhakov A.P. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / A.P. Ryzhakov. - Elektronnyj resurs. - M.: Izdatel'stvo «Direkt-Media», 2013.
5. Badikov, D. A. Otdel'nye aspekty proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya po ugovolnym delam o DTP / D. A. Badikov, V. R. Volkova // Pravoohranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2022. № 1(42). S. 9-12.
6. CHaplygina, V. N. Osobennosti rassledovaniya serijnyh ubijstv / V. N. CHaplygina, V. R. Volkova // Aktual'nye voprosy osushchestvleniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah : Sbornik statej po materialam kruglyh stolov, Orhel, 25 sentyabrya 2019 goda. – Orhel: Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii imeni V.V. Luk'yanova, 2020. S. 64-69.
7. Davydov, M. V. Nekotorye osobennosti provedeniya sledstvennogo eksperimenta pri rassledovanii dorozhno-transportnyh prestuplenij / M. V. Davydov // Nauka i praktika. – 2014. – № 3(60). – S. 39-41.

УДК 343.2.7

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ДИВЕРСИИ

Пикина Т. В.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В настоящей статье автор рассматривает проблемы квалификации преступлений диверсионной направленности, обусловленные современной ситуацией в мире. В настоящий момент угрозы безопасности Российской Федерации требуют решительных и законных действий направленных на обеспечение безопасности граждан нашего государства, безопасности и обороноспособности государства в целом. Это обусловлено тем, что в приграничных с Украиной областях Российской Федерации участились случаи диверсионной деятельности, что требует применения новых уголовно-правовых средства противодействия диверсии. При этом автором анализируются изменения, внесённые в действующее уголовное законодательство, направленные на противодействие диверсионной деятельности. Введение новых составов преступлений на наш взгляд было необходимым, но недостаточно проработанным законодателем, что может привести к сложностям в квалификации рассматриваемых преступлений и к изменениям уголовного закона. Автором отмечаются противоречия между статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, отсутствие в законе чётких разграничений между преступлениями террористической направленности и диверсионной деятельности, проводится анализ состава преступления диверсионной направленности. Обозначенные автором проблемные вопросы квалификации преступлений террористического характера и диверсионной направленности предлагается решить с помощью внесения изменений, действующее уголовное законодательство, а также путем разработки нового федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности». Автором предлагается авторское видение основных понятий закона, которые ранее не использовались в нормативных правовых актах и научной литературе.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, диверсия, диверсионная деятельность, террористическая деятельность, квалификация преступления, состав преступления.

Современное нарушение миропорядка, вторжение внешних сил во внутренние дела государства, стремление западных стран сохранить однополярный мир заставляют Российскую Федерацию разрешать возникающие новые угрозы, посягающие на конституционный строй, территориальную целостность и права граждан. Проведение специальной военной операции привело к активизации правоприменительной практики норм уголовного закона, которые ранее не были востребованы и современные события становятся основой для внесения изменений в уголовный закон.

Так, Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в главу 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Данные изменения внесли ряд новых составов преступлений, предусматривающих ответственность за диверсионную деятельность. Внесение в УК РФ новых составов преступлений, направленных на борьбу с преступлениями диверсионного характера обусловлено участвовавшими случаями совершения диверсионных действий, ущербом для обороноспособности страны, экономической безопасности и формирование новых преступных деяний, способствующих совершению диверсии.

За более чем 40 лет диверсия фигурировала в статистических отчетах не более чем 25 случаях, при этом более половины из них на наш взгляд предполагали квалификацию как террористический акт. Об осложнении ситуации свидетельствует и

то обстоятельство, что если в 2021 году в Российской Федерации было зарегистрировано всего 1 преступление, квалифицированное по статье 281 УК РФ как диверсия, то в 2022 году было зарегистрировано уже 21 такое деяние [9].

Как отмечает А.В. Куликов «в современных условиях проведения Российской Федерацией военной спецоперации по демилитаризации и денацификации Украины обострилась вероятность совершения диверсионных актов» [3, с. 95-98]. О высокой степени опасности совершения диверсий на территории РФ во время проведения специальной военной операции свидетельствует и заявление руководителя Главного управления разведки (ГУР) Минобороны Украины К. Буданова о том, что «на территории России действуют агенты украинских спецслужб, целью которых является подготовка диверсий» [10].

Вышеуказанные обстоятельства указывают на необходимость поиска дополнительных мер противодействия диверсионной деятельности, в том числе уголовно-правовых. Как справедливо отметили О.А. Коряковцева и И.А. Семенцова «вопросы совершенствования законодательного противодействия диверсионным преступлениям являются важным направлением, как для ученых, так и для правоприменителей, поскольку наряду с изменениями в обществе изменяется преступность, возникают новые формы и способы совершения преступлений, в том числе и диверсионного характера» [4, с. 90-94].

В своем исследовании И.В. Пикин, И.А. Тараканов, С.А. Пичугин, отмечают, что в статьях 205 УК РФ и 281 УК РФ «одинаковы не только категории преступлений, но и санкции указанных (отметим совпадение слово в слово), включая виды и сроки предусмотренных за совершение деяний наказаний. Тем самым, характер общественной опасности сопоставленных преступлений, связанных с осуществлением террористической и диверсионной деятельности, законодатель признает одинаковым. Отличия же заключаются, кроме объекта, в целях совершения преступлений, а также в возрасте субъекта преступлений» [5, с. 55-61]. В своем исследовании авторы указывают на недостаточную проработку вопросов относительно отсутствия в части 5 статьи 35 УК РФ действий организаторов и участников, организованных групп и преступных сообществ, указания на статью 281.3 УК РФ.

Указанные несовпадения и противоречия говорят о необходимости внесения изменений в статьи о диверсии, при равном характере общественной опасности террористической и диверсионной деятельности. Возможно, нужно было проработать вопрос о разграничении между диверсией и террористической деятельностью, но тогда бы потребовалось расширения понятия о террористической деятельности. В соответствии с указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации «следовало включить указание на статью 281 УК РФ в п. 2 Примечаний к статье 205.2 УК РФ, учитывая, что диверсия также может быть отнесена к числу преступлений террористического характера при наличии её связи с террористической деятельностью» [2].

Отметим, что действующее уголовное законодательство под диверсией в соответствии со ст. 281 УК РФ понимает совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва

ва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации [1].

Отметим, что действия, характеризующие диверсию направлены в отношении конкретного предмета преступления, в качестве которых выступают предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения, а также компоненты природной среды. Обязательным условием является то, что преступные действия в отношении предмета преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ подрывают важные инфраструктурные объекты, объекты жизнеспособности населения, природной среды и экономики страны.

Альтернативные способы совершения преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ предполагают совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предметов преступления, а также совершение иных действий, способных повлечь за собой подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны.

Особенность юридической конструкции объективной стороны диверсии предполагает совершение любого из указанных в ней альтернативных действий (совершения взрыва, поджога, иных действий) независимо от наступления общественно опасных последствий для признания данного преступления оконченным.

Таким образом, при квалификации преступлений диверсионной направленности отличают такой элемент состава преступления, как конкретные действия, направленные на подрыв важных объектов инфраструктуры, жизнеспособности населения, природной среды и экономики страны.

Отметим, что до настоящего момента спорные вопросы относительно квалификации между составами преступлений, предусмотренных статьями 205 УК РФ и 281 УК РФ, весьма актуальны. Это связано в единообразном изложении способов совершения преступлений, предусмотренных указанными статьями. Например, последствия террористического акта в виде разрушения или повреждения предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств также характерны для 281 УК РФ. В подобных случаях цель совершения преступлений позволяет разграничить данные составы, но на практике с определением цели преступления также могут возникать сложности, так как они могут быть замаскированы и скрывать истинные намерения.

Как справедливо отмечают А.М. Плешаков и Г.С. Шкабин «диверсия – это своеобразная «война в миниатюре», то есть тайные боевые операции в невоенное время» [6, с. 274]. Поэтому, оценивая общественную опасность диверсионных преступлений и наступления «длительных» последствий вплоть до паралича деятельности органов государственной власти, необходимо разделять квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных статьями 205 УК РФ и 281 УК РФ.

С внешней стороны диверсия в описании российского уголовного закона идентична террористическому акту и состоит в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения. При этом отмечается цель совершения диверсии, которая направлена на дестабилизацию установленного порядка и деятельность государственной власти.

Целью террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений (целью угрозы терактом может быть только воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями, что наряду с мотивом позволяет отграничить данный состав от заведомо ложного сообщения об акте терроризма). Как справедливо отмечает И.А. Тихонин «цель диверсии заключается в подрыве экономической безопасности и обороноспособности государства, его ослаблении, дестабилизации общественно-политической обстановки» [7, с. 480]. Таким образом, именно цель является определяющим элементом при квалификации рассматриваемых преступлений.

Также согласимся с мнением Тутукова А.Ю. и Татарова Л.А в том, что «диверсия по своей сути это тайные и скрытые действия, которые ни в коем случае не подлежат широкой огласке до момента осуществления действий изложенных в диспозиции статьи 282 УК РФ. Террористы наоборот стараются действовать как можно более демонстративно, открыто выдвигая свои требования» [8, с. 170].

При этом хотелось бы отметить, что вопросы противодействия террористической деятельности в России достаточно четко регулируются как федеральным законодательством в виде федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее – Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ), где дается понятие широкому кругу общественных отношений, возникающих в процессе противодействия террористической деятельности.

Например, в соответствии с частями 1 и 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ законодатель дает основные понятия относящиеся к терроризму, а именно: терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий; террористическая деятельность - деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Все изложенные в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ критерии определения террористической деятельности, позволяют квалифицировать преступления, соотнося их с террористическими. Однако, особенности диверсионной деятельности, понятие диверсии с особенностями квалификации цели диверсии, перечень противоправных действий, которые нужно квалифицировать как диверсионный акт современным законодательством не регламентированы.

Полагаем, что проблемные вопросы квалификации связанные с разграничением диверсии и террористического акта (при сходстве способов совершения террори-

стического акта и диверсии), возможно решить путем издания нормативного правового акта в виде федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности», в рамках которого законодатель детально изложит и разграничит вопросы связанные с диверсией.

В данном случае выразим свою точку зрения относительно основных понятий, связанных с внесением в УК РФ новых составов преступления, направленных на борьбу с диверсионной деятельностью. На наш взгляд, ситуация в приграничных с Украиной территориях говорит о необходимости издания федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности», в котором будут содержаться такие понятия как диверсия, диверсионная деятельность, акт диверсии. Действия данного закона будут регулировать круг общественных отношений, направленных на противодействие диверсии на территории Российской Федерации по типу Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ. На наш взгляд круг сил и средств, направленных на противодействие диверсионной деятельности, несколько шире, чем при антитеррористической деятельности.

В целях разработки проекта федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности» и в целях урегулирования, рассмотренных в настоящей статье вопросов, предлагаем следующее содержание статьей федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности»:

Статья 1. Правовая основа противодействия диверсии

Правовую основу противодействия диверсии составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, настоящий Федеральный закон и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

Статья 3. Основные понятия

В настоящем федеральном законе используются следующие основные понятия:

1) диверсия – деятельность противника, направленная на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации совершенная любым из возможных способов.

2) диверсионная деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию диверсионного акта;

б) подстрекательство диверсионной деятельности;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации диверсионной деятельности на территории Российской Федерации;

г) склонение вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации диверсионной деятельности;

3) противодействие диверсии – деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждение диверсионной деятельности, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению диверсионных актов (профилактика диверсии);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию диверсионной деятельности (борьба с диверсионной деятельностью);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений диверсии;

5) контрдиверсионная операция – комплекс специальных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению диверсионной деятельности на территории Российской Федерации;

б) антидиверсионная защищенность объекта (территории) – состояние защищенности зданий, предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо причинения вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Предложения по разработке положений федерального закона «О противодействии диверсионной деятельности» должны восполнить пробелы в законодательстве по разграничению преступлений диверсионной направленности и преступлений террористического характера.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25 – ст. 2954.
2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
3. Куликов А.В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ред. Э.В. Фомин. Чебоксары, 2022. С. 95-98.
4. Коряковцева О.А., Семенцова И.А. Меры совершенствования антидиверсионного законодательства (ст. 281 УК РФ): политико-правовые аспекты и пути предупреждения диверсии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 90-94.
5. Пикин, И. В. Специфика и перспективы совершенствования уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности / И. В. Пикин, И. А. Тараканов, С. А. Пичугин // Вестник военного права. – 2023. – № 1. – С. 55-61.
6. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. № 2 (66). – С. 274.
7. Тихонин И.А. отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. – С. 480.
8. Тутуков А.Ю., Татаров Л.А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 170.
9. Путин подписал закон о пожизненном наказании за диверсии [Электронный ресурс] // РБК. 29.12.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/29/12/2022/63ada6b09a79472cd6960178?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 02.02.2023).
10. На Украине признали присутствие в России готовящих диверсии агентов [Электронный ресурс] // Лента. 31.01.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/31/diversii/> (дата обращения: 31.01.2023).

Pikina T.V. Problematic aspects of the qualification of crimes for committing sabotage // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – T. 9 (75). № 4. – P. 259 – 265.

In this article, the author examines the problems of qualification of subversive crimes caused by the current situation in the world. At the moment, threats to the security of the Russian Federation require decisive and legitimate actions aimed at ensuring the security of citizens of our state, the security and defense capability of the state as a whole. This is due to the fact that cases of sabotage activity have become more frequent in the regions bordering Ukraine of the Russian Federation, which requires the use of new criminal legal means of countering sabotage. At the same time, the author analyzes the changes made to the current criminal legislation aimed at countering subversive activities. In our opinion, the introduction of new elements of crimes was necessary, but insufficiently elaborated by the legislator, which can lead to difficulties in the qualification of the crimes under consideration and to changes in the criminal law. The author notes the contradictions between the articles of the Criminal Code of the Russian Federation, the absence of clear distinctions in the law between crimes of a terrorist orientation and sabotage, the analysis of the composition of the crime of a sabotage orientation is carried out. The problematic issues identified by the author of the qualification of crimes of a terrorist nature and sabotage orientation are proposed to be solved by introducing amendments to the current criminal legislation, as well as by developing a new federal law "On countering sabotage activities". The author offers the author's vision of the basic concepts of the law, which were not previously used in regulatory legal acts and scientific literature.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, sabotage, sabotage activity, terrorist activity, qualification of a crime, *corpus delicti*.

Spisok literatury:

1. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-FZ (ред. от 12.10.2023)//Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25 – ст. 2954;
2. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, исползуемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Kulikov A.V. Diversiya kak opasnejshee prestuplenie sovremennosti: problemy razgranicheniya s terroristicheskim aktom // Pravo, ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Red. E.V. Fomin. CHEboksary, 2022. S. 95-98;
4. Koryakovceva O.A., Semencova I.A. Mery sovershenstvovaniya antidiersionnogo zakonodatel'stva (st. 281 UK RF): politiko-pravovye aspekty i puti preduprezhdeniya diversii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2022. № 9 (148). S. 90-94;
5. Pikin, I. V. Specifika i perspektivy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovogo protivodejstviya diversionnoj deyatel'nosti / I. V. Pikin, I. A. Tarakanov, S. A. Pichugin // Vestnik voennogo prava. – 2023. – № 1. – S. 55-61.
6. Pleshakov A.M., SHkabin G.S. ugovolnaya otvetstvennost' za diversiyu s ispol'zovaniem zhivotnyh // Voennoe pravo. 2021. № 2 (66). – S. 274;
7. Tihonin I.A. otgranichenie terroristicheskogo akta (st. 205 UK RF) ot diversii (st. 281 UK RF) // Voprosy rossijskoj yusticii. 2022. № 19. – S. 480;
8. Tutukov A.YU., Tatarov L.A. Pravil'naya kvalifikaciya terroristicheskogo akta i ego otgranichenie ot diversii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 6. S. 170;
9. Putin podpisal zakon o pozhiznennom nakazanii za diversii [Elektronnyj resurs] // RBK. 29.12.2022. – URL: https://www.rbc.ru/politics/29/12/2022/63ada6b09a79472cd6960178?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya: 02.02.2023);
10. Na Ukraine priznali prisutstvie v Rossii gotovyashchih diversii agentov [Elektronnyj resurs] // Lenta. 31.01.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/31/diversii/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЖКХ

Тимова К. А., Топчиева Т. В.

В статье рассматриваются основные аспекты, связанные с особенностями тактики проведения отдельных следственных действий по делам о преступлениях в сфере ЖКХ. Отмечается, что по таким делам проводятся разные следственные действия, но в статье анализируются отдельные следственные действия, касающиеся допроса и особенности назначения проведения судебно-бухгалтерской и строительно-технической экспертизы. Предложены отдельные рекомендации, которые позволят повысить эффективность деятельности должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по делам о преступлениях в сфере ЖКХ.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), преступления в сфере ЖКХ, следственные действия, допрос, назначение и производство судебной экспертизы, расследование уголовного дела, следователь, доказательства.

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее – ЖКХ) является крупным сектором экономики России, включающий в себя множество отраслей и обеспечивающий необходимыми услугами и ресурсами.

Одной из главных задач данной сферы является создание необходимых, комфортных условий для проживания и жизнедеятельности общества.

В настоящее время указанная область отношений продолжает оставаться источником постоянного социального напряжения. Несмотря на предпринимаемые попытки со стороны государства стабилизировать ситуацию в данном секторе, все же еще прослеживается непрозрачность финансовых процедур, установление завышенных тарифов, недействительных счетов за коммунальные услуги и т.д. Как верно отмечает А.Д. Балабаева, ЖКХ остается достаточно «криминальной» сферой [1, с. 66]. Стоит согласиться с С.И. Кельм считающей, что преступления в сфере ЖКХ обладают повышенной латентностью, существенным материальным вредом [2, с. 89].

Как показало исследование, более половины расследуемых органами предварительного следствия в системе МВД России преступлений в сфере ЖКХ составляют уголовные дела о неправомерном использовании и хищениях денежных средств, выделяемых на выполнение ремонтно-строительных работ, осуществление «виртуальных платежей», получение «откатов», заключение фиктивных договоров и др.

Качественное расследование дел о преступлениях, связанных с хищениями, злоупотреблениями в сфере ЖКХ во многом зависит от качества проведенной следственной проверки, а также своевременности и обоснованности возбуждения уголовных дел, предварительного расследования и тактики проведения отдельных следственных действий.

Термин «следственные действия» в ст. 5 УПК РФ не раскрывается, что создает определённые сложности относительно его понимания. Проанализируем мнения ученых-процессуалистов на этот счет.

Так, по мнению Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева следственные действия представляют собой урегулированные уголовно-процессуальным законодательством действия, которые направлены на выявление, закрепление, оценку доказательств [3, с. 87].

М.Х. Гельдибаев считает, что «следственные действия – это строго регламентированные Уголовно-процессуальным кодексом процессуальные действия следователя (дознателя), направленные на собирание, закрепление и проверку доказательств, как уличающих, так и оправдывающих лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и производимые в целях установления истины по делу» [4, с. 78].

Данные авторы при толковании термина «следственные действия», называют два элемента, которые входят в процесс доказывания, – собирание и проверка доказательств, но умалчивают о еще одном элементе процесса доказывания, который имеет существенное значение в осуществлении процессуальных действий. Данный элемент процесса доказывания формулируется в определении, которое разработали Б.С. Тетерин и Е.З. Трошкин. Они считают, что «следственные действия – это уголовно-процессуальные действия, совершаемые следователем или дознавателем в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, по обнаружению, закреплению, проверке и оценке доказательств в целях раскрытия преступлений и решения других задач предварительного расследования» [5, с. 38].

Полагаем, что наиболее полное определение сформулировал С.А. Шейфер. Он определяет следственное действие как «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [6, с. 5].

Следует отметить, что для каждого процессуального действия законодатель устанавливает свои специфические условия, наличие которых позволяет правильно подобрать необходимое действие в конкретном случае. К ним относятся, в первую очередь, основания для производства следственных действий: наличие информации о том, что следует получить доказательства определенного вида с помощью соответствующих действий.

В ходе расследования уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений в сфере ЖКХ, планируют и проводят разные следственные и процессуальные действия. Остановимся более подробно на некоторых из них: допрос, назначение и производство судебной экспертизы.

Уголовные дела в сфере ЖКХ обладают определённой спецификой, которую следует учитывать следователю, особенно тогда, когда он планирует проведение допроса подозреваемого (обвиняемого) лица. Необходимо тщательно подготовиться к его проведению, тем более, что допрос направлен на получение криминалистически значимой информации от лица, который может обладать теми или иными сведениями, имеющие значение для расследования уголовного дела. Так, ему следует детально изучить личность допрашиваемого лица, его взаимоотношения с возможными свидетелями и другими очевидцами преступления. Следует собрать письменные характеристики, заверенные соответствующим образом с печатью и подписью должностных лиц. Как правило их получают с места жительства лица, работы, учебы. Направляется запрос в ГИАЦ МВД России для получения справки о судимости.

Далее рекомендуется составить примерный перечень вопросов, это позволит не упустить из внимания важные детали, затронуть проблемные, «неудобные» вопросы для лица. Например, как долго лицо работает в должности; что входит в круг его должностных обязанностей; какие строительные объекты подвергались ремонту в последнее время; какие конкретно работы были произведены (ремонт кровли, фасадов зданий, замена лифтов, укладка плитки, асфальта, покраска стен в подъездах многоквартирных домов; кто принимал объекты; кто подписывал акты-приемки объектов; были ли выявлены дефекты и какие; с кем заключались договоры подряда; кем была разработана преступная схема, кто еще мог знать о ней; какую цель, мотив преследовал; как были получены денежные средства, были ли они потрачены и на что и т.д. Следует выяснить вопросы, касающиеся функционирования предприятия, организации сферы ЖКХ (форма организации предприятия сферы ЖКХ, УК, ТСЖ; особенности учета и отчетности, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность данной сферы и др.). При проведении допроса данных лиц применяются соответствующие тактические приемы в зависимости от складывающихся следственных ситуациях допроса.

Так в бесконфликтной ситуации, подозреваемый (обвиняемый) признает свою вину полностью и даёт показания по делу. Следователь подробно фиксирует в протоколе допроса полученные данные. Если необходимо, может задавать уточняющие, конкретизирующие вопросы.

Приведем пример. Мухтаров Нариман Исмаил-Оглы, являясь на основании приказа № 1 общества с ограниченной ответственностью «Скат+» (далее ООО «Скат+») от 15 марта 2017 г. и трудового договора от 16 марта 2017 г., заключенного между ООО «Скат+» с одной стороны и Мухтаровым Нариманом Исмаил-Оглы с другой стороны, директором ООО «Скат+», действующим на основании Устава ООО «Скат+» от 15 марта 2017 г., а также лицензии Д 890442 от 25 июля 2017 г. на строительство зданий и сооружений I и II уровней ответственности в соответствии с государственным стандартом, совершил хищение денежных средств, принадлежащих муниципальному казенному унитарному предприятию «Управление жилищно-коммунального хозяйства» г. Рубцовска, путем не выполнения в полном объеме всех видов работ необходимых при осуществлении капитального ремонта кровли жилого многоквартирного дома № 413 по ул. Пролетарской в г. Рубцовске, чем причинил муниципальному казенному унитарному предприятию «Управление жилищно-коммунального хозяйства» г. Рубцовска (далее МКУП «УЖКХ») , ущерб в крупном размере, при следующих обстоятельствах.

В ходе допроса вину признал и показал следующее, что 10 сентября 2018 г. Мухтаров являясь директором общества с ограниченной ответственностью «Скат+», юридический адрес: 658200 РФ Алтайский край, г. Рубцовск, ул. Алтайская, 19-2, с одной стороны и муниципальное казенное унитарное предприятие «Управление жилищно-коммунального хозяйства», юридический адрес: 658213 РФ Алтайский край, г. Рубцовск, пр-т Ленина, 21 в лице директора Бацунова Ивана Григорьевича, действующего на основании Устава № 2577 от 30.08.2014, а также в соответствии со срочным трудовым договором № 9 от 11.04.2018 заключенным с администрацией города Рубцовска, с другой стороны заключили договор на капитальный ремонт кровли (устройство кровли плоской трехслойной из рулонных кровельных материа-

лов на битумно-полимерной мастике) жилого многоэтажного дома № 413 по ул. Пролетарской в г. Рубцовске на сумму 452 400 руб. 44 коп., с приложенным к нему локальным сметным расчетом на капитальный ремонт кровли (устройство кровли плоской трехслойной из рулонных кровельных материалов на битумно-полимерной мастике) жилого многоэтажного дома № 413 по ул. Пролетарской в г. Рубцовске, с заложенными в него всеми видами работ, необходимых для осуществления капитального ремонта кровли жилого многоэтажного дома, с использованием расценок как при новом строительстве. Согласно, письма директора МКУП «УЖКХ» И.Г. Бацунова № 1333 от 18.09.2018 денежные средства, поступившие на счет МКУП «УЖКХ» направлены на счет ООО «Скат+» в сумме 135 720 руб. 13 коп. Назначение платежа «30% предоплата за капитальный ремонт кровли (устройство кровли плоской трехслойной из рулонных кровельных материалов на битумно-полимерной мастике) по договору на капитальный ремонт от 10.09.2018 года». Денежные средства в сумме 135 720 руб. 13 коп. поступили на расчетный счет ООО «Скат+» № 40702810702530010338 в ОСБ № 270 г. Рубцовска, были зачислены на расчетный счет ООО «Скат+» по платежному поручению № 15649 от 23.09.2018 и перечислены ООО «Скат+» с расчетного счета МУП «Расчетно-кассовый центр». В последствии обязательства выполнены не были, денежные средства присвоены и растрачены [7].

Общеизвестно, что бесконфликтная ситуация не является гарантом откровенности. Допрашиваемое лицо может добросовестно заблуждаться, ошибаться, неправильно трактовать те или иные события. Необходимо помнить, что в каждом случае следователь избирает индивидуальный подход и применяет существующие тактические приемы, которые непосредственно разработаны и представлены наукой криминалистикой.

Допросы подозреваемых (обвиняемых) по делам о хищениях в сфере ЖКХ могут проходить и в конфликтных ситуациях. В таком случае данные лица не содействуют следствию, отрицают причастность к совершению хищения. Следует отметить, что выбранная линия поведения является умышленной, создает конфликтность. От следователя зависит как она будет разрешаться, не усилится ли ее конфликтность. Только тактически правильно проведенный допрос поможет, во-первых, расположить лицо к беседе; во-вторых, получить правдивые показания. Следует отметить, что в такой ситуации допрос должен проводиться в соответствии с принципами законности, соблюдении прав и свобод человека и гражданина, возможно использование технических средств (видео фиксация).

Итак, по делам о хищениях в сфере ЖКХ допрашиваемые лица в конфликтной ситуации могут: а) категорически отрицать свою причастность к имевшему месту хищению, а равно давать ложные показания; б) признавать свою вину частично, только в части эпизодов; в) отказываться от дачи показаний.

При допросе зачастую допрашиваемые лица пользуются ст. 51 Конституции РФ. Как быть следователю в данной ситуации? Отвечая на данный вопрос следует отметить, что эта ситуация, с одной стороны, ставит следователя в тупиковую ситуацию, но с другой - заставляет искать другие выходы. В любом случае первоначально необходимо выяснить причины отказа от сотрудничества со следствием и предпринять попытки установить психологический контакт, убедить в важности дачи показаний; сконцентрироваться на имеющихся доказательствах по уголовному делу, ко-

торые предъявить на допросе. Как верно утверждает А.А. Быстров, кроме допросов доказательственную информацию можно получить путем проведения обысков, выемок, осмотра места происшествия и др. [8, с. 120]. В ситуации, если допрашиваемый признает свою вину полностью или частично, но продолжает отказываться от дачи показаний, следователю необходимо продолжить работу, направленную на убеждение того, что дача показаний поможет ему смягчить ответственность.

В случае, когда допрашиваемый не признает себя виновным, категорически отрицает свое участие в хищении, а равно дает ложные показания, следователю целесообразно задавать вопросы на выяснение причин отрицания его участия в хищении. Возможно, во время ответов на эти вопросы допрашиваемый предъявит какие-либо документы, подтверждающие его невиновность, а также укажет на лиц, которые могут это подтвердить. Через такие показания следователь может доказать причастность (непричастность) допрашиваемого к хищению и опровергнуть его доказательства о виновности (невиновности). Параллельно необходимо продолжать проводить следственные действия, направленные на поиск, обнаружение и закрепление вещественных доказательств. Так по уголовному делу были проведены выемки у заместителя директора ООО «Сочи ТрансСтрой» З. в ходе которой были изъяты документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность ООО «Сочи ТрансСтрой» по взаиморасчетам с АО «САХ по уборке города» в том числе: договор № СТС/12/17-юр/17 по оказанию услуг по транспортировке отходов для размещения от 01.03.2017, приложение № 1 к договору № СТС/12 по оказанию услуг по транспортировке отходов для размещения от 01.03.2017, дополнительное соглашение к договору № СТС/12/17-юр/17 по оказанию услуг по транспортировке отходов для размещения от 01.03.2017, дополнительное соглашение № 1 к договору № СТС/12 по оказанию услуг по транспортировке отходов для размещения от 01.03.2017, датированное 06.04.2017, дополнительное соглашение № 2 к договору № СТС/12 по оказанию услуг по транспортировке отходов для размещения от 01.03.2017, датированное 06.04.2017, акт о контрольном взвешивании 20.03.2017, акт сверки за март 2017, УПД № 197 от 20.04.2017 на сумму 33 581 200 руб., УПД № 204 от 30.04.2017 на сумму 14 337 580 руб., УПД № 244 от 31.05.2017 на сумму 33 475 457,50 руб., копия УПД № 132 от 31.03.2017 на сумму 26 125 850 руб., копия лицензии № 023 00 431 лот 06.12.2016 [9]. Это позволило следователю доказать причастность подозреваемого в совершении преступления.

Полученные новые доказательства, указывающие на причастность подозреваемого (обвиняемого) лица к преступлению, необходимо применять при повторных допросах. Они могут побудить лицо дать правдивые показания. Применяя различные тактические приемы допроса, анализируя полученные показания, можно объективно доказать причастность подозреваемого (обвиняемого) в совершении хищений. Так, допрошенный в качестве обвиняемого Ф. показал следующее, что он являясь председателем правления ТСЖ «Дом на Бабушкина», имея умысел на хищение чужого имущества путем обмана, с использованием своего служебного положения, заключил с индивидуальным предпринимателем Володько И.В. (ИНН 231108392600), не осведомленным о преступных намерениях Ф., договор возмездного оказания услуг № 19/1 от 19.04.2016, согласно условиям которого ИП Володько И.В. обязуется оказать для ТСЖ «Дом на Бабушкина» консультационные услуги по проведению маркетингового исследования выявления

эффективности работы ТСЖ г. Краснодара. Несмотря на то, что фактически услуги ИП Володько И.В. оказаны не были, поскольку представленный ИП Володько И.В. отчет, являющийся результатом выполнения услуг по вышеуказанному договору, представляет собой сшив материалов справочного характера, большая часть из которых ориентирована на деятельность управляющей компании, а не маркетинговое исследование, между сторонами были подписаны акты сдачи-приемки работ № 2 от 20.04.2016 на сумму 43 100 руб., № 3 от 13.05.2016 на сумму 108 000 руб. и № 5 от 04.06.2016 на сумму 162 000 руб., на основании которых с расчетного счета ТСЖ «Дом на Бабушкина» № 40703810803300000047, открытого в Краснодарском РФ АО «Россельхозбанк», на расчетный счет ИП Володько И.В. были перечислены денежные средства: 20.04.2016 в сумме 43 100 руб., 13.05.2016 в сумме 108 000 руб., 09.06.2016 в сумме 162 000 руб.

Указанные денежные средства в общей сумме в общей сумме 313 100 рублей Володько И.В. в неустановленном следствии месте, в неустановленное следствие время, неустановленным следствием способом передал Ф, который, осознавая противоправный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения имущественного вреда ТСЖ «Дом на Бабушкина» и желая их наступления, распорядился ими денежными по своему усмотрению, тем самым похитив их. Таким образом, Федоров Д.В., в период с 20.04.2016 по 04.03.2019, осуществляя свой единый преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, путем обмана похитил при вышеуказанных обстоятельствах принадлежащие ТСЖ «Дом на Бабушкина» денежные средства в общей сумме 4 091 930 рублей, чем полностью реализовал свой преступный умысел, причинив ТСЖ «Дом на Бабушкина» имущественный ущерб в особо крупном размере. Таким образом, следователю удалось доказать его причастность к хищению, несмотря на его «оправдывающие» показания [10].

По нашему мнению, эффективных результатов как при расследовании уголовных дел в сфере ЖКХ, а также и при производстве следственных действий по ним, следователь может добиться в случае, если умело применяет тактические приемы производства, верно определяет основания и условия их проведения.

Анализ и обобщение следственной и судебной практики показали, что в ходе расследования преступлений, связанных с неправомерными действиями в сфере ЖКХ, нередко возникает необходимость в назначении и производстве ряда судебных экспертиз. Рассмотрим некоторые из них.

Зачастую следователям, исходя из материалов уголовного дела, требуется проведение строительно-технической экспертизы. Она проводится для установления следующих конкретных обстоятельств: вида и объема произведенных ремонтно-строительных работ; вида, объемов и стоимости материалов, использованных для проведения ремонтно-строительных работ; фактической стоимости строительства, указанной в актах выполнения работ и др. Как правило объектами экспертизы являются: здания, строения, сооружения или их части (строительные объекты), участки местности, где расположены строительные объекты, оборудование и строительные материалы, а также строительно-техническая документация, которая направляется эксперту для проведения данной экспертизы.

Следователь выносит постановление на проведение строительно-технической экспертизы и ставит на разрешение следующие вопросы: 1) каков объем и стои-

мость фактически выполненных строительно-ремонтных работ? 2) соответствуют ли объемы фактически выполненных работ проектно-сметной документации? 3) какие отступления от проектно-сметной документации были допущены при выполнении строительно-ремонтных работ? и др.

Следователь также, как показывает анализ судебной практики по уголовным делам в сфере ЖКХ, назначает судебную бухгалтерскую экспертизу. Она проводится для того, чтобы определить правильность ведения операций учета и отчетности, расходования материальных ценностей и денежных средств в сфере ЖКХ.

На проведение судебной бухгалтерской экспертизы направляются в распоряжение эксперта следующие объекты: приходный и расходный кассовый ордер, журнал регистрации приходных и расходных кассовых документов, кассовая книга, книга учета принятых и выданных кассиром денежных средств, расчетно-платежные и платежные ведомости и др.; акт о приемке выполненных работ, справка о стоимости выполненных работ и затрат, журнал учета выполненных работ, акт приемки законченного строительством объекта и др.; платежное поручение и др.

Как правило типовыми вопросами, которые ставят следователи в постановлении для экспертов являются следующие: 1) Первичные учетные документы соответствуют требованиям правил ведения бухгалтерского учета? 2) Регистрировались ли данные бухгалтерского учета в соответствующих регистрах бухгалтерского учета? 3) Какие записи в регистрах бухгалтерского учета не подтверждаются первичными учетными документами? 4) Не нарушены ли правила бухгалтерского учета при оформлении первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета по конкретным операциям в определенном периоде? Если да, какие правила и каким образом нарушены? 5) Отражена ли в бухгалтерском учете определенная операция, осуществленная в конкретное время? и др.

Таким образом, эффективность производства следственных действий по делам о преступлениях в сфере ЖКХ напрямую зависит от тактических приемов, обеспечивающих получение максимальных результатов с учетом складывающейся следственной ситуации по уголовному делу.

Список литературы:

1. Балабаева А.Д. Коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства: основные схемы и причины совершения // Молодой ученый. – 2019. - № 51 (289). – С. 65-66.
2. Кельм С.И. Состояние, структура и динамика преступности в сфере ЖКХ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2021. - № 2(90). - С. 84-90.
3. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. - Воронеж, 1980. – 252 с.
4. Гельдибаев М.Х. Уголовный процесс: учеб. пособие. - СПб., 2001. – 719 с.
5. Тетерин Б.С., Трошин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. -М., 1997. – 532 с.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. -М., 2001. – 153 с.
7. Архив Рубцовского городского суда Алтайского края. Дел № 12-174-2018.
8. Быстров А.А. Место и роль допроса в системе следственных действий // Электронно-научное издание «Парадигма». – 2019. - № 1. - С. 119-123.
9. Уголовное дело № 0000, находящееся в производстве в СУ УВД по г. Сочи.
10. Уголовное дело № 00000, находящееся в СУ УМВД России по г. Краснодару.

Titova K. A., Topchieva T.V. Features of conducting individual investigative actions in cases of crimes in the sphere of housing and communal services // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 266 – 273.

The article discusses the main aspects related to the specifics of conducting individual investigative actions in cases of crimes in the housing sector. It is noted that various investigative actions are carried out in such cases, but the article analyzes individual investigative actions related to interrogation and the specifics of

the appointment of a forensic accounting and construction and technical expertise. Separate recommendations are proposed that will improve the efficiency of the activities of officials conducting preliminary investigations into cases of crimes in the housing and communal services sector.

Keywords: housing and communal services (HCS), crimes in the field of housing and communal services, investigative actions, interrogation, appointment and production of a forensic examination, investigation of a criminal case, investigator, evidence.

Spisoc literatury:

1. Balabaeva A.D. Corruptionnye prestupleniya v sfere zhilichno-communalnogo hozjajstva: osnovnye shemy i prichiny soverceniya // Molodoy uchonyj. – 2019. - № 51 (289). – С. 65-66.
2. Kel'm S.I. Sostoyanie, struktura i dinamika prestupnosti v sfere ZHKKH // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. - № 2(90). - S. 84-90.
3. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. Oчерk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogogo processa. - Voronezh, 1980. – 252 s.
4. Gel'dibaev M.H. Ugolovnyj process: ucheb. posobie. - SPb., 2001. – 719 s.
5. Teterin B.S., Troshin E.Z. Vozbuzhdenie i rassledovanie ugolovnyh del. - M., 1997. – 532 s.
6. SHEjfer S.A. Sledstvennye dejstviya. Sistema i processual'naya forma. - M., 2001. – 153 s.
7. Arhiv Rubcovskogo gorodskogo suda Altajskogo kraya. Del № 12-174-2018.
8. Bystrov A.A. Mesto i rol doprosa v sisteme sledstvennyh dejstvij // «Paradigma». – 2019. - № 1. – S. 119-123.
9. Ugolovnoe delo № 0000, nahodyashcheesya v proizvodstve v SU UVD po g. Sochi.
10. Ugolovnoe delo № 00000, nahodyashcheesya v SU UMVD Rossii po g. Krasnodaru.

УДК 343.9

СУБЪЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Факов А. М.

*Северо-Кавказский институт МВД России (филиал) Краснодарского университета
МВД РФ*

В работе рассматривается круг субъектов, осуществляющих противодействие финансированию террористической деятельности. Исходя из того, что финансирование террористической деятельности как элемент системы террористической деятельности обеспечивает ее самоорганизацию, функционирование и развитие, учитывая физическую и экономическую природу, масштабность, системный характер и разнообразие субъектов и используемых ими технологий финансирования террористической деятельности, т.е. совокупности методов и инструментов сбора и/или предоставления средств либо оказания финансовых услуг с целью осуществления террористической деятельности, определен широкий круг различных (по уровню, полномочиям и пр.) субъектов противодействия данной деятельности. Установлено, что в соответствии с национальным законодательством целесообразно выделить следующие основные группы субъектов, деятельность которых направлена (как непосредственно - специализированные субъекты, так и опосредованно неспециализированные субъекты) на противодействие финансированию террористической деятельности: правоохранительные органы и суд; Росфинмониторинг и иные органы государственного управления; кредитные организации и иные финансовые институты; граждане и иные лица.

Ключевые слова: преступность, терроризм, террористическая деятельность, финансирование, субъекты противодействия, финансовый контроль, финансовый мониторинг.

Являясь реакцией самоорганизации общества на объективно существующие и искусственно сконструированные явления и феномены социального бытия, конструирующие преступность, противодействие последней представляет собой поливариативное, многоуровневое, разнонаправленное системное социальное образование [1, с. 158-160]. С практической стороны противодействие преступности представляет собой систему различных видов деятельности и комплексных мероприятий (осуществляемых обществом и государством), направленных на предупреждение, устранение, нейтрализацию и ограничение (ослабление) факторов, детерминирующих преступность и минимизацию массового, системного, криминального поведения членов общества [2, с. 133-141]. Главная цель противодействия преступности - создание в обществе условий минимизации преступности до оптимально возможного (соответствующего со стоянию политического, социально-экономического и культурного развития общества в данный момент) уровня - достигается посредством реализации системы различных по содержанию мер: политических, идеологических, экономических, правовых, организационно-управленческих, культурно-воспитательных, медицинских, технических и прочих [3, с. 151-152]. Сложное разнообразие системы мер противодействия преступности определяет разнообразие субъектов данной деятельности.

Круг субъектов противодействия преступности определяется как уровнем воздействия (общесоциальный, специальный, индивидуальный), так и спецификой конкретного вида преступности.

Существование терроризма как идеологии насилия и практики ее реализации в мировом масштабе, качественно-количественные характеристики его распространенности, указывают на невозможность функционирования данного вида системной организованной преступной деятельности (подсистемы преступности), без надлежащего экономического обеспечения. Именно финансирование террористической деятельности как элемент системы террористической деятельности обеспечивает ее самоорганизацию, функционирование и развитие, выполняя функции самовоспроизводства и самодетерминации, а также преобразовательную функцию [4, с. 130-134]. Поскольку интенсивность террористической деятельности напрямую зависит от уровня ее финансирования и материально-технической оснащенности, то пресечение каналов финансирования террористической деятельности и блокирование активов террористических организаций является одним из важнейших инструментов борьбы, как с внутренним, так и с международным терроризмом [5, с. 4].

Финансирование террористической деятельности, с точки зрения системного подхода, следует рассматривать необходимо рассматривать как масштабную системную преступную деятельность, образующую самостоятельную криминальную практику. С физической точки зрения финансирование террористической деятельности представляет собой специфический процесс обмена и распределения материальных средств и ресурсов. С экономической точки зрения финансирование террористической деятельности представляет собой процесс и результат поиска и обеспечения финансовыми ресурсами (денежными средствами) [6, с. 169-174]. С технологической точки зрения, т.е. совокупности методов и инструментов сбора и/или предоставления средств либо оказания финансовых услуг с целью осуществления террористической деятельности, рассматриваемая преступная деятельность предполагает использование различных технологий сбора средств с целью осуществления террористической деятельности, технологий предоставления средств с целью осуществления террористической деятельности, а также технологий оказания финансовых услуг с целью осуществления террористической деятельности. При этом конкретные виды и специфику используемых технологий определяет источник происхождения средств, как один из основных элементов системы финансирования террористической деятельности [7, с. 253-257].

Таким образом, масштабность, системный характер и разнообразие субъектов и используемых ими технологий финансирования террористической деятельности определяют широкий круг различных (по уровню, полномочиям и пр.) субъектов противодействия данной деятельности. Как справедливо отмечает С.Ю. Никольский, сложность и многоплановость проблем функционирования государственной системы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма обусловлена широким спектром решаемых в этой сфере вопросов, в том числе связанных с формированием адекватного современным условиям механизма координации и взаимодействия всех элементов системы [5, с. 4].

Противодействие финансированию террористической деятельности принято рассматривать как составную часть противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Под противодействием легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма предлагается понимать совокупность мер правового и

организационного характера, а также деятельность федеральных органов государственной власти, организаций и физических лиц по предупреждению легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма, по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма [8, с. 9].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 7.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», предметом регулирования данного нормативного акта являются «отношения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, иностранных структур без образования юридического лица, адвокатов, нотариусов, доверительных собственников (управляющих) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительных органов личного фонда, имеющего статус международного фонда (кроме международного наследственного фонда), лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторских организаций, индивидуальных аудиторов, государственных органов, Центрального банка Российской Федерации, адвокатских и нотариальных палат субъектов Российской Федерации, саморегулируемых организаций аудиторов в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма и финансированием распространения оружия массового уничтожения, а также отношения юридических лиц и федеральных органов исполнительной власти, связанные с установлением бенефициарных владельцев юридических лиц» [9].

Исходя из анализа данной нормы можем выделить отдельные группы субъектов, деятельность которых направлена (как непосредственно – специализированные субъекты, так и опосредованно) на противодействие финансированию террористической деятельности.

1. Правоохранительные органы и суд.

Поскольку финансирование террористической деятельности является проявлением преступного поведения, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством, в качестве ключевых субъекта противодействия данной деятельности необходимо выделить правоохранительные органы (МВД России, ФСБ России, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Федеральную налоговую службу и иные), полномочия которых охватывают функции предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

Эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с терроризмом в целом и его финансированием в частности требует совершенствования взаимодействия МВД России с ФСБ России, СВР России, ФСО России, Министерством обороны Российской Федерации, иными федеральными органами, а также правоохранительными органами стран СНГ [10, с. 126].

Стратегическими целями совершенствования национальной системы предупреждения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма должны стать: сокращение масшта-

бов организованной преступности и нелегальной предпринимательской деятельности; устранение причин и условий, способствующих созданию и восстановлению материальной базы террористических организаций, организованной преступности, наркобизнеса и коррупции; предупреждение незаконного вывода денежных средств за границу; создание условий для обеспечения возвращения денежных средств, полученных преступным путем и незаконно выведенных за границу; обеспечение эффективности реализации полномочий правоохранительных и других государственных органов, участвующих в предупреждении и противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, оптимизация механизмов координации их деятельности и взаимодействия между ними [11, с. 80].

Суд, исходя из материально-правовой концепции наказания как уголовно-правового инструмента борьбы с преступностью, выступает одним из субъектов противодействия преступности [12, с. 24-26]. Роль суда в противодействии террористической деятельности в целом и такой ее форм, как финансирование в частности, трудно переоценить, что связано с широким спектром превентивных функций, реализуемых судом: назначение наказания, судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскной деятельности и предварительным расследованием, реализация гражданско-правовых мер противодействия преступности [13, с. 91-95], принятие мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений террористического характера, признание организации террористической и ее ликвидация (запрет ее деятельности) и пр.

2. Росфинмониторинг и иные органы государственного управления.

Одним из ключевых инструментов противодействия финансированию террористической деятельности со стороны органов государственного управления выступает финансовый мониторинг. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, как указывает М.М. Прошунин, предполагает систему законодательно закрепленных информационных, контрольных и правоохранительных процедур, осуществляемых органами и агентами (субъектами финансового мониторинга), цель которых заключается в предотвращении использования финансовой системы для легализации преступных доходов и финансирования терроризма (публичный аспект) и минимизации риска причастности агентов финансового мониторинга к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (частный аспект) [14, с. 11-12].

Ключевым звеном государственной национальной системы финансового мониторинга и системы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма выступает Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Росфинмониторинг является институционально сложной структурой, имеющей статус федерального органа исполнительной власти, находящегося под юрисдикцией Правительства РФ и осуществляющего функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и координации деятельности иных федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Росфинмониторинг имеет международный статус национального подразделения финансовой

разведки административного типа, осуществляющего функции противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма на внутригосударственном и международном уровнях [5, с. 10].

Специфика деятельности Росфинмониторинга позволяет рассматривать этот орган исполнительной власти как элемент системы органов государственного финансового контроля, который решает задачи обеспечения финансовой безопасности РФ и формирует основы единого аналитического пространства в сфере обеспечения финансовой безопасности. Росфинмониторинг не является субъектом оперативно-розыскной деятельности. Он обладает, прежде всего, контрольно-финансовым инструментарием в сфере ПОД/ФТ. Природа его полномочий не правоохранительная, а информационно-аналитическая. Но при этом Росфинмониторинг обладает административными полномочиями, которые наиболее выражены в рамках административной юрисдикции. Таким образом, Росфинмониторинг представляет собой подразделение финансовой разведки административного типа и, в этом смысле, является самостоятельным административным органом. Наряду с реализацией нормотворческих, контрольных, административно-принудительных, информационно-методических полномочий, обеспечением взаимодействия с иными органами власти и организациями, с гражданами и организациями, международным сотрудничеством, Росфинмониторинг осуществляет оценку угроз национальной безопасности, возникающих в связи с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, представляет Президенту РФ ежегодный доклад о таких угрозах и мерах по их нейтрализации [8, с. 27-30].

В качестве специфического субъекта государственного управления в сфере противодействия финансированию террористической деятельности следует выделить Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

Банк России выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Он не является органом государственной власти, вместе с тем его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения. Функции и полномочия, предусмотренные Конституцией РФ и Федеральным законом «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Банк России осуществляет независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Независимость статуса Банка России отражена в ст. 75 Конституции РФ, а также в ст. 1 и 2 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [15]. Роль Банка России в противодействии финансированию террористической деятельности определяется его специальной компетенцией и, прежде всего, реализацией функций банковского регулирования и банковского надзора.

Одна из основных задач Банка России в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма заключается в анализе организации деятельности банков по снижению риска совершения операций с подозрительными клиентами, сомнительными средствами, т. е. насколько существенен вклад кредитных организаций в защиту экономики, общества от развития негативных процессов, связанных с деятельностью теневого и криминального секторов, концентрация усилий аналитических, надзорных и инспекци-

онных подразделений банка и его территориальных учреждений на кредитных организациях, стремящихся получать весомые доходы от организации и проведения финансовых операций с сомнительными клиентами и средствами [16, с. 10].

3. Кредитные организации и иные финансовые институты.

Объем и содержание правосубъектности кредитных организаций и организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, позволяет, как отмечает В.В. Харченко, рассматривать их в качестве субъектов выявления и предупреждения, а также в отдельных случаях пресечения преступных деяний в сфере легализации (отмывания) доходов и финансирования терроризма. При этом комплекс прав, обязанностей и ограничений, которыми наделены указанные организации в данной сфере, по существу, напрямую не связан с обеспечением их собственной безопасности, хотя в отношении кредитных организаций в установленных случаях является критерием оценки их финансовой стабильности [8, с. 31].

Следует учитывать, что сложившиеся системы услуг по переводу денег и других ценностей несовершенны и допускают злоупотребления со стороны лиц, финансирующих терроризм, особенно, когда их операции осуществляются через неформальные системы, охватывающие небанковские финансовые учреждения или другие юридические лица, не подчиняющиеся обязательствам, вытекающим из рекомендаций ФАТФ. В этой связи государственный надзор в этой области должен быть гибким, эффективным и пропорциональным риску злоупотреблений [17, с. 7]. Но и сами финансовые организации должны выступать активным субъектом противодействия финансированию террористической деятельности, не допускать вовлечения и использования их в данной преступной деятельности.

4. Граждане и иные лица.

Как уже отмечалось ранее, в соответствии с содержанием ст. 2 Федерального закона от 7.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», субъектами отношений в данной сфере являются в том числе граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, адвокаты, нотариусы, адвокатские и нотариальные палаты субъектов Российской Федерации, лица, осуществляющее предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторские организации, индивидуальные аудиторы, саморегулируемые организации аудиторов, а также доверительные собственники (управляющих) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительные органы личного фонда, имеющего статус международного фонда (кроме международного наследственного фонда).

Следует согласиться с В.В. Харченко в том, что «качество нормативного закрепления установленных обязанностей для так называемых иных лиц, а равно связанная с этим конструкция их правового статуса в механизме ПОД/ФТ не бесспорны и вызывают ряд возражений. В частности, нотариусы и адвокаты являются специальным субъектом правоотношений, регулируемых законодательством о ПОД/ФТ, на которых распространяются положения ст.ст. 7 и 7.1 Закона № 115. При этом никаких указаний в Законе об адвокатуре и в Основах законодательства о нотариате, на ПОД/ФТ нет. Соотношение обязанности адвокатов и нотариусов информировать Росфинмониторинг с правом на адвокатскую тайну так же, как и в отношении нотариальной тайны, вызывает достаточное количество вопросов. Вообще при наличии

отдельных положительных высказываний, вопросы нормативного опосредования профессиональной тайны в связи с ПОД/ФТ вызывают в большинстве случаев резкую критику, которая может быть признана даже обоснованной, поскольку законодательство по сему поводу отличается противоречиями» [8, с. 32-33]. В качестве одного из специфических субъектов противодействия финансированию террористической деятельности следует указать саморегулируемые организации.

Социально-правовая природа саморегулируемых организаций состоит в их участии в императивных правоотношениях связанных с регулированием (в том числе с созданием нормативных регуляторов, носящих обязательный характер, и контролем над их исполнением) видов деятельности значимых для государства, а потому закрепленных в нормах права, – с одной стороны, а с другой, – в участии в диспозитивных частноправовых правоотношениях, в пределах определенных нормой права. Основной функцией саморегулируемых организаций является обеспечение саморегулируемости профессиональной и предпринимательской деятельности в рамках сферы невмешательства государства. При этом реализация частного, в том числе корпоративного, интереса в деятельности данных организаций, должна находиться в сбалансированном сочетании с реализацией публичного интереса и регулирующей ролью последнего. Саморегулируемые организации обладают комплексной правосубъектностью, включающей компетенцию по созданию нормативных регуляторов, осуществлению контроля над их соблюдением, формированию механизмов обеспечения ответственности за деятельность своих членов и так далее [18, с. 8-10].

Хотя саморегулируемые организации, как отмечают исследователи, в рамках российской системы ПОД/ФТ не являются субъектами правоохранительной деятельности или финансового мониторинга и играют вспомогательную роль, они могут разрабатывать рекомендации по исполнению организациями требований законодательства в сфере ПОД/ФТ, а также обеспечивать обучение для сотрудников организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом [8, с. 33]. На наш взгляд, роль саморегулируемых организаций в противодействии финансированию террористической деятельности заключается не только в создании соответствующих нормативных регуляторов, выработке рекомендаций и проведении тренингов по их реализации, но и обеспечении контроля за их соблюдением и ответственности членов данных организаций в случае их нарушения.

С учетом изложенного можем прийти к следующим выводам. Одним из основных элементов системы противодействия финансированию террористической деятельности являются субъекты данной деятельности. В соответствии с отечественным законодательством круг данных субъектов довольно обширен и разнообразен. Необходимо выделить следующие основные группы субъектов, деятельность которых направлена (как непосредственно – специализированные субъекты, так и опосредованно неспециализированные субъекты) на противодействие финансированию террористической деятельности: 1) правоохранительные органы и суд; 2) Росфинмониторинг и иные органы государственного управления; 3) кредитные организации и иные финансовые институты; 4) граждане и иные лица. Функциональная взаимосвязь и комплексное взаимодействие указанных субъектов, наделённых широким спектром разнообразных полномочий и функционирующих на различных организационных уровнях, позволяют осуществлять системное противодействие финансированию террористической деятельности.

Список литературы:

1. Игнатов А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 6 (23). – С. 157–168.
2. Игнатов А.Н., Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А. Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 133-141.
3. Игнатов А.Н. Совершенствование механизма противодействия преступности как составляющей обеспечения национальной безопасности // Власть Закона. – 2016. – № 4 (28). – С. 147-156.
4. Факов А.М. Финансирование террористической деятельности в системе террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. С. 130-134.
5. Никольский С.Ю. Росфинмониторинг в системе противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма: административно-правовой аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2011. – 27 с.
6. Факов А.М. Методологические основы исследования финансирования террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 3. – С. 169-174.
7. Факов А.М. Понятие и виды технологий финансирования террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 12. – С. 253-257.
8. Харченко В.В. Административно-правовой механизм противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2014. – 38 с.
9. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (Часть I). – Ст. 3418.
10. Чирков Д.К. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства, направленного на улучшение качества работы правоохранительных органов и заинтересованных ведомств по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Актуальные проблемы экономики и права. – 2007. – № 4. – С. 125-130.
11. Ладыга А.И., Калядина М.Ю. Взаимодействие налоговых и правоохранительных органов в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансировании терроризма // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 2. № 7. С. 78-81.
12. Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура - как институт общего надзора // Российская юстиция. – М.: Юрид. лит., 2002, № 1. – С. 24-26.
13. Игнатов А.Н., Семенова Е.Г. Гражданско-правовые меры в системе мер противодействия преступности // Общество и право. – 2018. – № 1 (63). – С. 91-95.
14. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма : российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14.т– Москва, 2010. – 45 с.
15. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ от 15 июля 2002 г.– № 28. – Ст. 2790.
16. Мельников В.Н. Деятельность Банка России по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма в банковской системе // Деньги и кредит. – 2005. № 2. – С. 10-12.
17. Хаминский Я.М. Международно-правовые меры противодействия финансированию терроризма: На примере ФАТФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва, 2004. – 21 с.
18. Третьякова С.Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2013. – 26 с.

Fakov A.M. Subjects Of Countering The Financing Of Terrorist Activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 274 – 282.

The work examines the range of entities involved in countering the financing of terrorist activities. Based on the fact that the financing of terrorist activities as an element of the system of terrorist activities ensures its self-organization, functioning and development, taking into account the physical and economic nature, scale, systemic nature and diversity of subjects and the technologies they use to finance terrorist activities, i.e. a set of methods and tools for collecting and/or providing funds or providing financial services for the purpose of carrying out terrorist activities, a wide range of different (in terms of level, powers, etc.) subjects of countering this activity has been identified. It has been established that, in accordance with national legislation, it is advisable to distinguish the following main groups of entities whose activities are aimed (both directly - specialized entities, and indirectly - non-specialized entities) to counter the financing of terrorist activities: law enforcement agencies and the court; Rosfinmonitoring and other government bodies; credit organizations and other financial institutions; citizens and other persons.

Key words: crime, terrorism, terrorist activity, financing, counteraction subjects, financial control, financial monitoring.

Spisok literatury:

1. Ignatov A.N. Strategiya protivodejstviya kri minal'nomu nasiliyu v sovremennom obshchestve // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2015. – № 6 (23). – S. 157–168.
2. Ignatov A.N., Vishneveckij K.V., Kashkarov A.A. Konceptual'nye osnovy, napravleniya i mery protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (42). – S. 133-141.
3. Ignatov A.N. Sovershenstvovanie mekhanizma protivodejstviya prestupnosti kak sostavlyayushchej obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Vlast' Zakona. – 2016. – № 4 (28). – S. 147-156.
4. Fakov A.M. Finansirovanie terroristicheskoy deyatel'nosti v sisteme terroristicheskoy deyatel'nosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2022. – № 6. S. 130-134.
5. Nikol'skij S.YU. Rosfinmonitoring v sisteme protivodejstviya otmyvaniyu deneg i finansirovaniyu terrorizma: administrativno-pravovoj aspekt: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. – Rostov-na-Donu, 2011. – 27 s.
6. Fakov A.M. Metodologicheskie osnovy issledovaniya finansirovaniya terroristicheskoy deyatel'nosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2022. – № 3. – S. 169-174.
7. Fakov A.M. Ponyatie i vidy tekhnologij finansirovaniya terroristicheskoy deyatel'nosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2022. – № 12. – S. 253-257.
8. Harchenko V.V. Administrativno-pravovoj mekhanizm protivodejstviya legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. – Rostov-na-Donu, 2014. – 38 s.
9. Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SZ RF. – 2001. – № 33 (CHast' I). – St. 3418.
10. CHirkov D.K. K voprosu o sovershenstvovanii dejstvuyushchego zakonodatel'stva, napravlennogo na uluchshenie kachestva raboty pravoohranitel'nyh organov i zainteresovannyh vedomstv po protivodejstviyu legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnyh putem, i finansirovaniyu terrorizma // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2007. – № 4. – S. 125-130.
11. Ladyga A.I., Kalyadina M.YU. Vzaimodejstvie nalogovyh i pravoohranitel'nyh organov v protivodejstvii legalizacii (otmyvanii) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovanii terrorizma // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire. – 2014. – T. 2. – № 7. – S. 78-81.
12. Naumov A. Sud kak organ bor'by s prestupnost'yu, a prokuratura - kak institut obshchego nadzora // Rossijskaya yusticiya. – M.: YUrid. lit., 2002, № 1. – S. 24-26.
13. Ignatov A.N., Semenova E.G. Grazhdansko-pravovye mery v sisteme mer protivodejstviya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2018. – № 1 (63). – S. 91-95.
14. Proshunin M.M. Finansovyj monitoring v sisteme protivodejstviya legalizacii prestupnyh dohodov i finansirovaniyu terrorizma : rossijskij i zarubezhnyj opyt: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.14.t– Moskva, 2010. – 45 s.
15. Federal'nyj zakon ot 10 iyulya 2002 g. N 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» // SZ RF ot 15 iyulya 2002 g.– № 28. – St. 2790.
16. Mel'nikov V.N. Deyatel'nost' Banka Rossii po protivodejstviyu legalizacii prestupnyh dohodov i finansirovaniyu terrorizma v bankovskoj sisteme // Den'gi i kredit. – 2005. № 2. – S. 10-12.
17. Haminskij YA.M. Mezhdunarodno-pravovye mery protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma: Na primere FATF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10. – Moskva, 2004. – 21 s.
18. Tret'yakova S.B. Samoreguliruemye organizacii kak sub"ekty rossijskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Moskva, 2013. – 26 s.

УДК 343.985:004

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ховавко С. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются тенденции современных процессов цифровизации, а также их влияние на оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел. Приводятся статистические данные о структуре и динамике совершения киберпреступлений. Проводится ретроспективный анализ уголовного законодательства в части усиления ответственности за совершение преступлений с использованием сети Интернет. Дается характеристика особенностей совершения киберпреступлений, а также описываются новые и перспективные методики проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий в условиях цифровизации. Делаются выводы об основных направлениях повышения эффективности противодействия киберпреступности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, киберпреступления, сеть Интернет, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия.

Цифровизация — одно из приоритетных направлений развития России на ближайшие годы. К 2024 г. все государственные информационные системы будут переведены на единую цифровую платформу. Цифровизация – это процесс превращения аналоговых данных и рабочих процессов в цифровой формат. В настоящее время интернет и цифровые технологии активно внедряются во все сферы социально-экономической деятельности и повседневный быт. Вместе с тем, глобальная цифровизация и развитие информационных технологий привело к увеличению количества киберпреступлений. В соответствии с официальной статистикой правоохранительных органов почти две трети из них было совершено с использованием сети Интернет и более трети с применением мобильной связи. Мошенничества составили 43%, а кражи 31%. В 2022 г. количественные показатели противоправных деяний в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличились на 28,7%, при этом их удельный вес в общих количественных показателях преступности возрос до 32,9%, а по тяжким и особо тяжким до 56,4%. Больше совершено дистанционных мошенничеств и краж. Раскрываемость киберпреступлений составила 29,9%, в том числе совершенных с использованием сети Интернет 28,8%, расчетных (пластиковых) карт – 35,7% [1; 2]. В 2021 и 2022 гг. общий суммарный ущерб от киберпреступлений в России превысил 300 млрд. руб. Эксперты признают причиной роста киберпреступности низкую цифровую грамотность граждан. Кроме того, Сеть используется злоумышленниками для распространения незаконного контента, в первую очередь это касается экстремистской идеологии и порноматериалов.

Расширение масштабов цифровизации и лавинообразный рост интернет-контента обусловило законодательные инициативы в части усиления уголовно-правовой защиты граждан и организаций. В 2018 г. ужесточена ответственность за совершение краж денежных средств с банковского счета, которые караются лишением свободы на срок до 6 лет (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Ранее законодателем введен специальный состав мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа (статья 159.3 УК РФ), к которым в соответствии с ФЗ «О национальной

платежной системе» относятся средства и (или) способы, позволяющие составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, иных технических устройств. При этом правомерный оборот данных средств платежа (незаконное их изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а равно сбыт) относится к тяжким преступлениям и влечет наказание до 6 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 187 УК РФ). В отдельный состав преступления выделено мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), связанное с хищением чужого имущества путем получения доступа к компьютерной системе и совершения определенных действий (ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства). Повышенная уголовная ответственность также установлена за совершение с использованием сети Интернет таких преступлений, как доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ), сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов (ст. 242 УК РФ), призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности (ст. 205.2 и 280 УК РФ), и ряда других преступлений.

В настоящее время законодатель также планирует ужесточить санкции статей УК РФ, предусматривающих ответственность за незаконное использование информационно-коммуникационных технологий, путем дополнения перечня наказаний конфискацией имущества. К таким преступлениям отнесены: правомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения обработки или передачи компьютерной информации, правомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру. Перевод ряда преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, в категорию тяжких дает полномочия для оперативных подразделений проводить в целях выявления и документирования этих преступлений оперативно-розыскные мероприятия судебного санкционирования [3], тем более, что такие оперативно-розыскные мероприятия, как «получение компьютерной информации», «снятие информации с технических каналов связи», «прослушивание телефонных переговоров» являются неотъемлемой частью методики документирования рассматриваемых преступлений. Появление в 2016 г. такого оперативно-розыскного мероприятия, как «получение компьютерной информации» было обусловлено именно фактором цифровизации [4]. Методика таких оперативно-розыскных мероприятий, как «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации», постоянно совершенствуется с учетом современного состояния и перспектив развития технологий.

Цифровизация дает возможности оперативным подразделениям разрабатывать и внедрять в оперативную работу новые методики проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, например, проведение оперативно-розыскного мероприятия «отождествления личности» стало возможным в сети Интернет, как непосредственно свидетелями или потерпевшими, так и с применением цифровых технологий распознавания лица или голоса; также стало возможным проведение в сети Ин-

тернет или с использованием средств мобильной связи оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в залегендированной форме, в том числе с использованием технологии изменения голоса. Перевод данных в цифровой формат позволяет интегрировать различные базы данных и получать к ним удаленный доступ, что существенно облегчает и ускоряет проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как «наведение справок». Технологии Big Data и нейросети позволяют осуществлять поиск лиц и фактов, представляющих оперативный интерес на качественно новом уровне [5]. Обстоятельства подготовки и совершения киберпреступлений имеют свои особенности, которые обуславливают сложность и специфику их раскрытия. К таким специфическим особенностям совершения и раскрытия рассматриваемых преступлений следует отнести следующие: территориальная распределенность злоумышленника и жертвы преступления (зачастую злоумышленники находятся за пределами РФ); отсутствие реального фактического контакта между злоумышленником и жертвой преступления (общение происходит в виртуальной среде или посредством мобильной связи); высокая виктимность киберпреступлений вследствие цифровой безграмотности определенной части населения; доступность для злоумышленников орудий и средств совершения киберпреступлений; предметом преступного посягательства в большинстве случаев являются цифровые данные; формирование в процессе подготовки и совершения преступления электронных следов.

Для создания препятствий правоохранительным органами в раскрытии данных преступлений злоумышленники используют различные способы конспирации, меняют номера сотовых телефонов, адреса своего местонахождения, оформляют сим-карты и открывают счета в банках на подставных лиц, используют электронные кошельки. Особенностью киберпреступлений также является регулярное обновление способов совершения конкретных преступлений, что обусловлено расширением масштабов цифровизации в государстве.

С целью усиления мер противодействия киберпреступности в структуре органов внутренних дел созданы подразделения по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, к основным задачам которых относятся предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений в сфере IT-технологий, а также координация этой деятельности в системе МВД России; анализ данных, содержащихся в информационно-телекоммуникационных сетях, в целях выявления запрещенного контента и противодействия преступности [6; 7]. Таким образом, повышению эффективности противодействия киберпреступности в условиях цифровизации могут способствовать следующие меры правового и организационного характера: усиление мер юридической ответственности за совершение киберпреступлений; правовая и техническая возможность доступа оперативных подразделений к цифровым базам данных государственных органов; межрегиональное и международное взаимодействие оперативных подразделений по противодействию киберпреступности; совершенствование методик оперативно-розыскных мер «снятие информации с технических каналов связи» и «получение компьютерной информации»; разработка новых методик проведения оперативно-розыскных мероприятий в виртуальной среде; более активное осуществление оперативного поиска в сети Интернет с применением технологии Big Data; анализ оперативной обстановки по линии киберпреступности с целью своевременного выявления новых

криминальных тенденций и способов совершения преступлений; повышение квалификации сотрудников вновь созданных подразделений по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий; достаточная техническая оснащенность и программное обеспечение подразделений специальных технических мероприятий и подразделений по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий; внедрение новых форм виктимологической профилактики киберпреступлений, в том числе с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Список литературы:

1. Статистические данные МВД РФ. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics>
2. Статистические данные Генпрокуратуры РФ. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>
3. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.2023 № 144-ФЗ. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/10104229/>
4. Лагуточкин А.В. Получение компьютерной информации: вопросы теории и практики // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 1 (35). С. 75-81.
5. Лагуточкин А.В. Сущность, формирование и перспективы использования нейросетевых технологий в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 354-365.
6. Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/406374891/>
7. Об утверждении Перечня оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность : Приказ МВД России от 31.03.2023 N 199. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/407540201/>

Khovavko S.M. The influence of the digitization factor on the operational investigative activities of internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 283 – 286.

The article examines the trends of modern digitalization processes, as well as their impact on the operational investigative activities of internal affairs bodies. Statistical data on the structure and dynamics of cybercrimes is provided. A retrospective analysis of criminal legislation is carried out in terms of strengthening liability for crimes committed using the Internet. Characteristics of the peculiarities of committing cybercrimes are given, and new and promising methods for carrying out individual operational investigative activities in the context of digitalization are described. Conclusions are drawn about the main directions for increasing the effectiveness of combating cybercrime in the context of digitalization.

Key words: digitalization, cybercrime, Internet, operational investigative activities.

Spisok literatury:

1. Statisticheskie dannye MVD RF. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics>
2. Statisticheskie dannye Genprokuratury RF. Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result>
3. Ob operativno-rozysknoj deyatelnosti : Federal'nyj zakon ot 12.08.2023 № 144-FZ. SP «Garant.ru».
4. Lagutochkin A.V. Poluchenie komp'yuternoj informacii: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2023. № 1 (35). S. 75-81.
5. Lagutochkin A.V. Sushchnost', formirovanie i perspektivy ispol'zovaniya nejrosetevyh tekhnologij v operativno-rozysknoj deyatelnosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2022. T. 8. № 4. S. 354-365.
6. Ob utverzhdenii Polozheniya ob Upravlenii po organizacii bor'by s protivopravnym ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii : Prikaz MVD Rossii ot 29.12.2022 № 1110. SP «Garant.ru». URL: <https://base.garant.ru/406374891/>
7. Ob utverzhdenii Perechnya operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, pravomochnyh osushchestvlyat' operativno-rozysknuyu deyatelnost' : Prikaz MVD Rossii ot 31.03.2023 N 199. SP «Garant.ru». URL: <https://base.garant.ru/407540201/>

УДК 343.9

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Шишова О. П.

ООО «Научно-исследовательский центр проектирования и историко-культурных экспертиз»

Статья посвящена определению понятия культурного наследия как объекта, охраняемого государством уголовно-правовыми средствами. Действующее уголовное законодательство не определяет культурное наследие в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Отдельные его нормы, устанавливающие ответственность за преступления, посягающие на объекты культурного наследия и культурные ценности в целом, являются бланкетными. При этом несовершенство и противоречивость положений бланкетных нормативно-правовых актов приводит к трудностям квалификации такого рода деяний и ошибкам в правоприменительной практике. На основании системного анализа законодательства в сфере культуры установлено, что государственная охрана направлена на нематериальные (духовное культурное наследие) и материальные объекты культурного наследия. В качестве объекта уголовно-правовой охраны выступает не все культурное наследие, как элемент культурных ценностей, а только его материальная составляющая. Сделан вывод, что под культурным наследием, как объектом уголовно-правовой охраны, следует понимать совокупность объектов материального культурного наследия (движимых, недвижимых и иных объектов, возникших в результате исторических событий и имеющих культурную ценность) и общественных отношений, возникающих в связи с их сохранением и использованием. Предложенное определение позволяет установить конкретный круг объектов и связанных с ними общественных отношений, подлежащих охране со стороны государства уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: культурные ценности, культурное наследие, уголовно-правовая охрана, объект, преступление.

Значение культуры для существования и устойчивого развития любого общества сложно переоценить. Как справедливо указывает Л.Р. Клебанов, «сбережение, уважение и преумножение национальной культуры является стратегически важной задачей обеспечения национальной безопасности России, однако разрушительный потенциал угроз национальной безопасности в сфере культуры в настоящее время в России недооценивается» [1, с. 9]. Без знания прошлого и сбережения культурного наследия у общества нет будущего.

Безусловная ценность культурного наследия для общества определяет необходимость его защиты от различных противоправных посягательств. Общественная опасность преступлений, посягающих на культурное наследие, определяется тем потенциальным вредом, который в результате их совершения может быть причинен как самому культурному наследию, так и общественным отношениям, складывающимся в сфере его сохранения.

Категория объект уголовно-правовой охраны имеет общесоциальное значение, определяя общий представлении о круге общественных отношений, подлежащих охране и защите уголовным законом [2, с. 64-65]. Объект уголовно-правовой охраны может существовать и независимо от фактически совершаемых преступных посягательств, в отличие от объекта преступления, характеризующего то, на что посягает деяние, предусмотренное конкретной уголовно-правовой нормой [3, с. 243]. Объект уголовно-правовой охраны выступает то, что охраняет государство уголовно-

но-правовыми средствами [4, с. 15]. Конкретные общественные отношения как объект преступления, т.е. то, на что посягает лицо при совершении преступления, определяются указанием на них в названиях разделов, глав и отдельных статьях уголовного закона. Четкое определение культурного наследия как объекта уголовно-правовой охраны позволяет установить конкретный круг объектов и связанных с ними общественных отношений, подлежащих охране со стороны государства уголовно-правовыми средствами.

Уже два десятка лет ученые указывают на необходимость охраны духовной культуры и культурного наследия с помощью норм отдельной, самостоятельной главы УК РФ [5, с. 25]. Действующее уголовное законодательство не выделяет культурное наследие в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, при этом содержит ряд норм, направленных на защиту культурного наследия от различного рода посягательств [6, с. 13]. При этом, все нормы об ответственности за преступные посягательства на культурные ценности являются бланкетными, а несогласованность бланкетных нормативных актов не позволяет эффективно использовать весь арсенал уголовно-правовых средств защиты культурных ценностей, приводит к противоречащим друг другу решениям правоприменительных органов [1, с. 20]. Учитывая значимость культурного наследия для общества, соответственно, общественную опасность и разнообразие данных посягательств, необходимым является определение понятия культурного наследия как объекта уголовно-правовой охраны.

В отечественной уголовно-правовой доктрине существуют различные точки зрения относительно определения предмета преступлений, посягающих на объекты культуры, а также определения объекта уголовно-правовой охраны в данной сфере в целом. Так, например, исследуя проблему уголовной ответственности за посягательства на объекты культурного наследия, взятые государством под охрану, Е.Д. Болотова в качестве унифицированного понятия (общей видовой категории), характеризующего все предметы данных преступлений, предлагает использовать понятие «культурное наследие», охватывающее по своему объему такие термины, как «объекты культурного наследия», а также «культурные ценности». При этом предлагается признать тождественными понятия «культурные ценности» и «предметы, имеющие историческую и культурную ценность» и применять их исключительно в отношении движимых вещей (относительно предмета преступлений, предусмотренных ст. 164 УК РФ, ст. 190 УК РФ и ст. 226.1 УК РФ). В отношении предмета преступлений, предусмотренных ст.ст. 243-243.4 УК РФ, предлагается использовать понятие «объекты культурного наследия» [6, с. 15]. Однако такой подход вступает в противоречия с положениями действующего законодательства в сфере культуры.

В соответствии со ст. 3 Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» наиболее общей категорией, характеризующей объекты культуры является категория «культурные ценности», под которыми следует понимать «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и

объекты» [7]. Таким образом к категории культурных ценностей следует относить объекты духовного и материального мира, имеющие ценность для мировой культуры, так и культуры конкретного общества (народа, национальной группы).

В свою очередь культурные ценности, созданные в прошлом (возникшие в результате исторических событий), составляют категорию «культурного наследия». В соответствии приведенной выше нормой, культурное наследие народов Российской Федерации определяется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [7]. Несмотря на то, что имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты данной закон относит к категории культурных ценностей, а при определении понятия культурного наследия памятники и историко-культурные территории и объекты выносятся как самостоятельные объекты за объем понятия «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом», анализ данной нормы позволяет утверждать, что культурное наследие составляют объекты духовного и материального мира, имеющие ценность для культуры, созданные в прошлом.

Нормативно-правое регулирование в сфере сохранения духовного и материального культурного наследия получило свое отражение в различных законодательных актах.

Отношения, связанные с духовными культурными ценностями, выступают предметом правового регулирования Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», принятого в целях реализации конституционного права каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Данный закон содержит понятие «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (нематериальное этнокультурное достояние)» под которым понимается «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения» [8].

В соответствии со ст. 5 данного ФЗ к объектам нематериального культурного наследия следует относить: 1) устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации; 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического); 3) традиции, выраженные в обрядах, праздниках, обычаях, играх и других формах народной культуры; 4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих

на определенной территории; 5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния [8].

Необходимо учитывать, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступает не все культурное наследие, как элемент культурных ценностей, а только его материальная составляющая.

Единым предметом всех преступлений, посягающих на культурные ценности, как фундамент всякой культуры, как указывает Л.Р. Клебанов, являются материальные культурные ценности, под которыми следует понимать «материальные движимые и недвижимые предметы религиозного или светского характера, созданные человеком либо природой или человеком и природой, имеющие особую историческую, научную, архитектурную, художественную, археологическую, палеонтологическую, анатомическую, минералогическую, документальную, градостроительную, нумизматическую, филателистическую и иную культурную значимость для части общества, всего общества и государства независимо от формы собственности на них и времени их создания, защищенные средствами уголовного права Российской Федерации» [1, с. 10-11].

Что же касается непосредственно охраны материальных объектов культурного наследия, т.е. объектов материального мира, имеющих ценность для культуры, созданных в прошлом, то необходимо отметим следующее.

Закон РФ от 15.04.1993 N 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» имеет своей целью сохранение культурного наследия многонационального народа Российской Федерации и направлен как на развитие международного культурного сотрудничества, так и предотвращение незаконных вывоза и ввоза культурных ценностей, содействие возвращению незаконно вывезенных и незаконно ввезенных культурных ценностей. Следует учитывать, что положения данного закона распространяются на в т.ч. на государственные органы, осуществляющие функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина (правоохранительные органы) и должностных лиц данных органов [9]. В соответствии со ст. 5 данного закона культурные ценности определены как «движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение», в свою очередь культурные ценности, имеющие особое значение, определены как «культурные ценности, отнесенные в соответствии с критериями, установленными Правительством Российской Федерации, к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение» [9].

Таким образом, культурные ценности как предмет незаконных вывоза и ввоза следует рассматривать как движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение. То есть данный закон направлен в т.ч. на охрану движимых объектов материального культурного наследия.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия) относятся «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и

иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [10]. При этом, в соответствии с данным законом объекты культурного наследия подразделяются на такие виды, как: 1) памятники; 2) ансамбли; 3) достопримечательные места.

Анализ положений указанного закона позволяет сделать вывод, что к материальным объектам культурного наследия, помимо движимых объектов, относится довольно широкий круг объектов: от зданий, сооружений и иных объектов недвижимого имущества до наскальных изображений, остатков древних каналов и судов, а также захоронений, произведений монументального искусства, фрагментов исторических планировок и застроек поселений, произведений ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства и культурных и природных ландшафтов.

С учетом указанного, позиция, согласно которой объектами культурного наследия являются исключительно «объекты недвижимого имущества, представляющие собой ценность с точки зрения истории, архитектуры, градостроительства, искусства, техники, являющиеся свидетельством эпох и развития культуры» [11, с. 12], противоречит действующему законодательству.

Несмотря на все разнообразие и разнородность объектов, относимых законодательством к культурному наследию, интегрирующими характеристиками данных объектов наряду с культурной ценностью выступает их историческая природа (возникновение в результате исторических событий). При этом, культурное наследие, как справедливо отмечает А.В. Пянкевич, явление многоаспектное, в понятии «культурное наследие» заключено множество значений, что позволяет выделять внутри него самостоятельные категории [12, с. 16-17].

Анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны выступает не все культурное наследие, а только его материальная составляющая. Конкретные материальные объекты культурного наследия являются предметом разнообразных преступлений. Уголовно-правовой охране подлежат следующие виды объектов культурного наследия: 1) движимые объекты материального культурного наследия (предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность; иные культурные ценности) (ст. 164 УК РФ, ст. 190 УК РФ, ст. 226.1 УК РФ, ч. 1 ст. 243 УК РФ, ст. 243.3 УК РФ, ч. 1 ст. 356 УК РФ, ст. 356.1 УК РФ); 2) недвижимые объекты материального культурного наследия (объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) (ст. 243 УК РФ, ст. 243.1 УК РФ); 3) иные объекты материального культурного наследия (ч. 1 ст. 243 УК РФ, ч. 2 ст. 243 УК РФ, ст. 243.2 УК РФ, ст. 243.4 УК РФ).

Таким образом, на основании анализа законодательства в сфере культуры, а также доктрины и норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за конкретные посягательства на объекты культуры, можем сделать вывод, что под культурным наследием, как объектом уголовно-правовой охраны, следует

понимать совокупность объектов материального культурного наследия (движимых, недвижимых и иных объектов, возникших в результате исторических событий и имеющих культурную ценность) и общественных отношений, возникающих в связи с их сохранением и использованием.

Список литературы:

1. Клебанов Л.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 – Москва, 2012. – 47 с.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО Центр «ЮрИнфоР», 2001. – 559 с.
3. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. Т. 2 Уголовное право. – 591 с.
4. Титов С.Н. Объект преступления и объект уголовно-правовой охраны в сфере интеллектуальной собственности // Юридические исследования. – 2019. – № 12. – С. 12-25.
5. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Саратов, 2003. – 54 с.
6. Болотова Е.Д. Уголовная ответственность за посягательство на объекты культурного наследия, взятые под охрану государством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2022. – 30 с.
7. Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета от 17 ноября 1992 г. – № 248.
8. Федеральный закон от 20 октября 2022 г. N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СЗ РФ от 24 октября 2022 г. – № 43. – Ст. 7265.
9. Закон РФ от 15 апреля 1993 г. N 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета от 15 мая 1993 г. – № 92.
10. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СЗ РФ от 1 июля 2002 г. – № 26. – Ст. 2519.
11. Малинина К.В. Методология управления развитием территорий с объектами культурного наследия: на примере Санкт-Петербурга: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук: 08.00.05. – Санкт-Петербург, 2007. – 29 с.
12. Пянкевич А.В. Находки поисковых отрядов как объект культурного наследия: музейные и внемузейные практики интерпретации: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.03. – Санкт-Петербург, 2021. – 27 с.

Shishova O.P. The concept of cultural heritage as an object of criminal law protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 287–293.

The article is devoted to determining the concept of cultural heritage as an object protected by the state by criminal law means. The current criminal legislation does not determine the cultural heritage as an independent object of criminal law protection. Its individual norms, establishing the responsibility for crimes encroaching on cultural heritage objects and cultural values as a whole, are blankets. At the same time, the imperfection and inconsistency of the provisions of blanket regulatory legal acts leads to the difficulties of qualifying such acts and errors in law enforcement practice. Based on a systemic analysis of legislation in the field of culture, it was established that state protection is aimed at intangible (spiritual cultural heritage) and material objects of cultural heritage. Not all cultural heritage, as an element of cultural values, but only its material component, acts as an object of criminal law protection. It was concluded that the cultural heritage, as an object of criminal law protection, should be understood as a set of objects of material cultural heritage (movable, immovable and other objects that arose as a result of historical events and having cultural value) and social relations arising in connection with their preservation and use. The proposed definition allows you to establish a specific circle of objects and related public relations to be protected by the state by criminal law means.

Key words: cultural values, cultural heritage, criminal law protection, object, crime.

Spisok literaturey:

1. Klebanov L.V. Uголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08 – Москва, 2012. – 47 с.
2. Gauhman L.D. Kvalifikacija prestuplenij: zakon, teorija, praktika. – M.: AO Centr «JurInfoR», 2001. 559 s.

3. Zhalinskij A.Je. Izbrannye trudy: v 4 t. / sost. K.A. Barysheva, O.L. Dubovik, I.I. Nagornaja, A.A. Popov; otv. red. O.L. Dubovik; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – M.: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2015. T. 2 Ugolovnoe pravo. – 591 s.
4. Titov S.N. Ob#ekt prestuplenija i ob#ekt ugolovno-pravovoj ohrany v sfere intellektual'noj sobstvennosti // Juridicheskie issledovanija. – 2019. – № 12. – S. 12-25.
5. Verina G.V. Differenciacija ugolovnoj otvetstvennosti za prestuplenija protiv sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. – Saratov, 2003. – 54 s.
6. Bolotova E.D. Ugolovnaja otvetstvennost' za posjagatel'stvo na ob#ekty kul'turnogo nasledija, vzjatye pod ohranu gosudarstvom: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. – Moskva, 2022. – 30 s.
7. Zakon RF ot 9 oktjabrja 1992 g. N 3612-I «Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture» // Rossijskaja gazeta ot 17 nojabrja 1992 g. – № 248.
8. Federal'nyj zakon ot 20 oktjabrja 2022 g. N 402-FZ «O nematerial'nom jetnokul'turnom dostojanii Ros-sijskoj Federacii» // SZ RF ot 24 oktjabrja 2022 g. – № 43. – St. 7265.
9. Zakon RF ot 15 aprelja 1993 g. N 4804-I «O vyvoze i vvoze kul'turnyh cennostej» // Rossijskaja gazeta ot 15 maja 1993 g. – № 92.
10. Federal'nyj zakon ot 25.06.2002 N 73-FZ «Ob ob#ektah kul'turnogo nasledija (pamjatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii» // SZ RF ot 1 ijulja 2002 g. – № 26. – St. 2519.
11. Malinina K.V. Metodologija upravljenija razvitiem territorij s ob#ektami kul'turnogo nasledija: na primere Sankt-Peterburga: avtoref. dis. ... d-ra jekonom. nauk: 08.00.05. – Sankt-Peterburg, 2007. – 29 s.
12. Pjankevich A.V. Nahodki poiskovyh otrjadov kak ob#ekt kul'turnogo nasledija: muzejnye i vnemuzejnye praktiki interpretacii: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.03. – Sankt-Peterburg, 2021. – 27 s.

УДК 340.14

ВОПЛОЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аникушин С. В.

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

В статье автором предпринята попытка исследования практики реализации организационных принципов права в качестве источников права в правотворческой деятельности. Актуальность изучения реализации принципов права в качестве источников права в правотворческой деятельности обусловлена необходимостью познания сущности самой правотворческой деятельности, ее социальной основы, которая в наиболее общем виде воплощается в принципах права. Целью научной статьи является исследование механизма и форм реализации организационных принципов права в качестве источников права в правотворческой деятельности. При написании научной статьи автором применяются системный, диалектический и формально-юридический методы научного исследования. В результате автор приходит к выводу о том, что результативность воздействия норм позитивного права на общественные отношения во многом зависит от того, в какой мере они сочетают в себе как общесоциальные начала, обуславливающие необходимость их принятия, так и, собственно, юридические, обеспечивающие внешнюю определенность и общеобязательность всей системы правового регулирования, что находит свое выражение в принципах права.

Ключевые слова: право, принципы права, источники права, организационные принципы права, правотворческая деятельность, единство системы публичной власти, равноправие и самоопределение народов в пределах территориальной целостности, принцип разделения властей.

При исследовании права важно понимать, что оно не является раз и навсегда установленным социальным институтом, а изменяется вместе с изменениями общества, реагируя даже на самые незначительные социальные трансформации. Но если общественная динамика носит, на первый взгляд, спонтанный и неорганизованный характер, то любые изменения в праве являются результатом сознательной деятельности, в наиболее общем виде именуемой правотворчеством [1, с. 114]. Оно является одной из важных форм реализации деятельности государства, направленной на создание и изменение действующей системы правового регулирования общественных отношений.

Следует отметить, что формирование права представляет собой достаточно трудоемкий процесс, в результате которого в действующую систему правового регулирования вводятся новые (а также изменяются или отменяются уже существующие) юридические нормы. При этом любое государство, реализуя правотворческую деятельность, стремится к выполнению определенных функций, решению конкретных социальных задач. И, напротив, в случае если конечный результат правотворческой деятельности – нормативный правовой акт, исходящий от государства, реально не помогает государству в решении наиболее острых социальных проблем, то он остаётся лишь памятником права. Следовательно, главными требованиями к правотворческому процессу и его результатам является отражение в них общественных потребностей, которые в наиболее обобщенном виде могут быть выражены через принципы права.

Соблюдение принципов права в правотворческом процессе позволяет его субъектам избежать многих системных ошибок при принятии правовых актов и норм, повысить доверие населения к праву и в конечном итоге способствует росту уровня правосознания и правовой культуры в обществе.

При изучении правотворчества исследуются различные аспекты данного правового института, что находит свое отражение в юридической литературе, однако, у теоретиков права все еще отсутствует единство взглядов на решение ряда методологических проблем, связанных с правотворческим процессом. Как полагает автор, к числу наименее исследованных аспектов правотворческой деятельности может быть отнесено влияние на нее принципов права. Принципы правовой системы – это основополагающие начала, ориентиры, приоритеты, правила поведения и др., которые, обладая свойствами социально-правовой значимости, выражают закономерности возникновения, развития и функционирования правовой системы, выполняют регулятивную и иные функции в контексте ее существования и действия [2 с. 38].

А.В. Коновалов отмечает, что «принципы права – объективная категория, их востребованность никак не влияет на авторитет их содержания. Реализация принципов права, напротив, – категория субъективная, ценность которой обусловлена степенью ее соответствия объективному первоисточнику [3, с. 135].

С.Д. Дмитриев под принципом права понимает «норму-идею, характерную для правового сознания правоприменителя, обеспечивающую диалектическое единство объективного права и фактических общественных отношений, формирующуюся как результат широкого, устойчивого воспроизводства общей практики разрешения юридических дел» [4, с. 39]. Несмотря на широкое применение в качестве идеи, категория «принцип» используется в правоведении для характеристики самых разных юридических явлений [5, с. 13], что с одной стороны, отражает ее фундаментальность и многоаспектность, а с другой свидетельствует об отсутствии у этой категории определенного места в системе юридического знания.

В юридической науке под принципами права в правотворческом процессе, как правило, понимаются лишь базовые положения, исходные идеи, на основании которых осуществляется данный вид деятельности, но никак не возможные формы существования и выражения общих закономерностей организации общественной жизнедеятельности, на основе которых следовало бы осуществлять правотворческую деятельность. При подобном понимании в качестве принципов права в правотворческом процессе обычно рассматриваются, в основном, законность, справедливость, демократизм. Использование лишь названных принципов позволяет сформировать представление о процессе принятия, изменения или отмены той или иной правовой нормы, но не способствует познанию сущности самой правотворческой деятельности, ее социальной основы по причине своей оторванности от реальных общественных проблем и государственной политики.

Для того, чтобы принципы права эффективно воздействовали на правотворческий процесс, они должны иметь определенное социальное основание, поскольку положительное воздействие на общественные отношения правовых предписаний предполагает, что они в равной мере сочетают в себе как общесоциальные начала права, обуславливающие необходимость их принятия, так и, собственно, юридические, обеспечивающие внешнюю определенность и общеобязательность всей системы правового регулирования.

В целях формирования целостного представления о системе принципов права автором предлагается данное понятие классифицировать в зависимости от целей правового воздействия на организационные (единство системы публичной власти, равноправие и самоопределение народов в пределах территориальной целостности, разделение властей), нормативные (правовая определенность, единство прав и обязанностей субъектов права), а также принципы права, определяющие правовое положение личности в обществе (признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, возможность восстановления и защиты прав и свобод человека и гражданина, недопустимость принятия правовых предписаний, ухудшающих правовой статус личности).

В научной статье автором предлагается исследовать реализацию организационных принципов права в качестве источников права в правотворческой деятельности.

Принцип единства системы публичной власти представляет собой совокупность положенных в основу системы построения и функционирования государственной власти РФ, ее субъектов и органов местного самоуправления фундаментальных идей о федеративном правовом, социальном характере российского государства.

Функционирование всей системы публичной власти в стране предопределено не столько необходимостью подчинения органов власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления соответствующим федеральным органам власти, сколько обеспечением эффективной реализации функций государства в интересах населения.

Принцип единства системы публичной власти в полной мере был реализован при подготовке Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6], и, прежде всего, при регулировании вопросов: о возможности создания на территории РФ федеральных территорий и установления организации публичной власти на таких территориях; о закреплении полномочий Президента РФ по формированию Государственного Совета РФ; о единой системе публичной власти и о вхождении в эту систему органов местного самоуправления; об осуществлении местного самоуправления в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом; об участии органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления.

Данный принцип реализуется также в Федеральном законе от 8.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», в котором определяются основы функционирования публичной власти, статус и организационно-правовые основы формирования и деятельности Госсовета РФ. Рассматриваемый принцип как источник права был применен законодателем при подготовке Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [7], в ст. 2 которого указано, что деятельность органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте РФ, осуществляется в соответствии с принципом единства системы публичной власти.

Принцип равноправия и самоопределения народов в пределах территориальной целостности следует рассматривать как организационно-правовую основу территориального устройства России в форме федерации, предполагающую предоставление всем без исключения народам, народностям и этническим группам, проживающим на территории РФ: равных возможностей для реализации гражданских, социальных,

экономических прав и свобод, включая права: на свободное использование, изучение, сохранение и развитие их родного языка; на национальное развитие; на развитие национальной культуры; на свободное вероисповедание; на свободное пользование природными ресурсами; гарантий самоопределения и выбора политического устройства на территории субъекта проживания в пределах РФ; гарантий реализации государственной политики с учетом их интересов.

В Российской Федерации принцип равноправия и самоопределения народов в пределах территориальной целостности как источник права *находит свое выражение в ст.ст. 5, 68 Конституции Российской Федерации* [8], *нормах Федеральных законов «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»* [9], *«О национально-культурной автономии»* [6], *в соответствии с которыми в Российской Федерации устанавливаются правовые основы гарантий равноправия и самоопределения народов (этносов), проживающих на ее территории.*

Принцип равноправия и самоопределения народов в пределах территориальной целостности был реализован законодателем при установлении правовых основ гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов РФ, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, что нашло свое закрепление в Федеральном законе от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Следовательно, принцип равноправия и самоопределения народов в пределах территориальной целостности как источник права предполагает признание равенства возможностей народов, народностей и этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, при реализации своих прав, запрет дискриминации по национальному признаку, а также устанавливает, что пределы его реализации определяются суверенитетом многонационального народа страны.

Принцип разделения властей как источник права является одновременно одной из важнейших организационных основ построения правового государства и конституционного строя РФ. Поэтому для понимания его смысла и содержания в правотворческой деятельности необходимо проанализировать природу власти, характер ее осуществления в контексте признания и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, и установления демократических ценностей. Конституция РФ определяет принцип разделения властей в качестве важнейшего, неотъемлемого элемента конституционного строя нашей страны, закрепив в ст. 10, что государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Сущность принципа разделения властей заключается в том, чтобы распределить все государственно-властные полномочия между органами различных ветвей государственной власти и должностными лицами таким образом, чтобы не только не допустить возможности сосредоточения власти в одном органе или у одного должностного лица, но и обеспечить такой баланс ветвей власти, при котором ни для одной из них не стало бы возможным подчинить себе другие из них, обеспечив тем самым самостоятельное и независимое функционирование всех ветвей власти и их конструктивное взаимодействие.

Данный принцип выступает также основой для осуществления государственной политики в РФ как на федеральном уровне, так и на уровне ее субъектов, поскольку содержание данного принципа предполагает, что государственная власть в субъек-

тах РФ должна быть построена на тех же началах, что и федеральная государственная власть, но с учетом особенностей развития того или иного субъекта. При этом в субъектах РФ также не должен нарушаться принцип независимости ветвей власти.

Принцип разделения властей как источник права нашел применение при подготовке Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в части, касающейся регулирования вопросов: о внесении изменений в конституционный статус и полномочия Совета Федерации и Государственной Думы в ст. 95 (ч. 2, 3, 5 и 6), 100 (ч. 3), 102 (пункты «е», «ж», «з», «и», «к», «м» части 1), 103 (п. «а», «а.1», «г.1», «д», «з» части 1) и 103.1 Конституции РФ; о внесении изменений в главы 4, 5 и 7 Конституции РФ, в соответствии с которыми изменился порядок назначения прокуроров; о введении института конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом РФ по запросу Президента РФ в отношении принятых в порядке, предусмотренном ст. 107 (ч. 2 и 3) и 108 (ч. 2) Конституции РФ, законов до их подписания Президентом РФ; о предельном числе сроков полномочий (сроков полномочий подряд), в течение которых возможно занятие должности главы государства; о существенном расширении возможностей Федерального Собрания в сфере формирования исполнительной власти и контроля.

Таким образом, в современных условиях принцип разделения властей представляет собой совокупность положенных в основу системы построения и функционирования органов государственной власти Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления фундаментальных идей о демократическом, правовом, социальном характере российского государства. Принцип разделения властей, выступая в качестве организационной основы построения правового государства и современного конституционного строя Российской Федерации, является одной из гарантий признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, построения правового демократического государства.

Реализация данного принципа способствует обеспечению баланса государственной власти в стране и созданию механизма контроля за ее деятельностью.

Список литературы:

1. Аникушин, С. В. Соблюдение общеправовых принципов в правотворческой деятельности как условие формирования правопорядка // Российская полиция: три века служения отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Под редакцией Н.С. Нижник. 2018. С. 114-120.
2. Вилкова, Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты: монография / Т.Ю. Вилкова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 192 с. – Текст: непосредственный.
3. Коновалов, А. В. Принципы права: монография / А.В. Коновалов. – Москва: Норма, 2022. – 792 с. – Текст: непосредственный.
4. Дмитриев, С. Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дисс. ... канд. юрид. наук / Дмитриев Сергей Дмитриевич; ФГБОУ «Самарский государственный экономический университет». – Самара, 2012. – 215 с. – Текст: непосредственный.
5. Принципы права: коллективная монография / Захаров А.Л., Захарова К.С., Ревина С.Н. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – 599 с. – Текст: непосредственный.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
7. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонская область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013
9. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
10. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (в ред. от 1 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2965.

Anikushin S. V. Implementation of organizational principles of law as sources of law in law-making activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – С. 294 – 299.

In the scientific article, the author attempts to study the practice of implementing organizational principles of law as sources of law in law-making activities. The relevance of studying the implementation of the principles of law as sources of law in law-making activity is due to the need to know the essence of law-making activity itself, its social basis, which is most generally embodied in the principles of law. The purpose of the scientific article is to study the mechanism and forms of implementation of organizational principles of law as sources of law in law-making activities. When writing a scientific article, the author uses systematic, dialectical and formal-legal methods of scientific research. As a result, the author comes to the conclusion that the effectiveness of the impact of the norms of positive law on public relations largely depends on the extent to which they combine both general social principles that determine the need for their adoption, and, in fact, legal ones that provide external certainty and the general obligation of the entire system of legal regulation, which finds its expression in the principles of law.

Keywords: law, principles of law, sources of law, organizational principles of law, law-making activity, unity of the system of public power, equality and self-determination of peoples within territorial integrity, the principle of separation of powers.

Spisok literatury:

1. Anikushin, S. V. Soblyudeniye obshchepравovykh principov v pravotvorcheskoj deyatel'nosti kak uslovie formirovaniya pravoporyadka // Rossijskaya politsiya: tri veka sluzheniya otechestvu: materialy yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu rossijskoj politsii. Pod redakciej N.S. Nizhnik. 2018. S. 114-120.
2. Vil'kova, T. YU. Principy ugolovnogo sudoproizvodstva v sisteme principov nacional'nogo prava: obshchepравovoj i mezhotraslevoj aspekty: monografiya / T.YU. Vil'kova. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2020. – 192 s. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Kononov, A. V. Principy prava: monografiya / A.V. Kononov. – Moskva: Norma, 2022. – 792 s.
4. Dmitriev, S. D. Obshchepравovye principy: teoreticheskie problemy konkretizacii i realizacii: special'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»: diss. ... kand. yurid. nauk / Dmitriev Sergej Dmitrievich; FGBOU «Samarskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet». – Samara, 2012. – 215 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Principy prava: kollektivnaya monografiya / Zaharov A.L., Zaharova K.S., Revina S.N. – Samara: OOO «Ofort», 2010. – 599 c. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti».
7. Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 g. № 414-FZ «Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii».
8. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g., s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Oficial'nyj tekst Konstitucii, vklyuchayushchij novye sub"ekty Rossijskoj Federacii – Doneckuyu Narodnuyu Respubliku, Luganskuyu Narodnuyu Respubliku, Zaporozhskuyu oblast' i Hersonskaya oblast', opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii (www.pravo.gov.ru), 6 oktyabrya 2022 g., № 0001202210060013
9. Federal'nyj zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-FZ «O garantiyah prav korennykh malochislennykh narodov Rossijskoj Federacii» (v red. ot 13 iyulya 2020 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1999. – № 18. – St. 2208.
10. Federal'nyj zakon ot 17 iyunya 1996 g. № 74-FZ «O nacional'no-kul'turnoj avtonomii» (v red. ot 1 aprelya 2022 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1996. – № 25. – St. 2965.

УДК 342.56

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ
АСПЕКТОВ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Анохин А. Н.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье исследуются организационные и функциональные аспекты правотворческой деятельности Правительства РФ в контексте действия общей системы органов публичной власти РФ. Акцент сделан на рассмотрении организации правотворчества Правительства РФ как единства его законотворческой деятельности и подзаконного правотворчества. Показано взаимодействие Правительства РФ с другими субъектами права законодательной инициативы, координация их участия в обеспечении плановых основ законотворческой деятельности Правительства РФ. Подчеркнута особая значимость согласования работы Правительства РФ с Президентом РФ, Государственной Думой Федерального Собрания РФ, Советом Федерации Федерального Собрания РФ, органами государственной власти субъектов РФ

Ключевые слова: система органов публичной власти, правотворческая деятельность Правительства РФ, организационные и функциональные аспекты правотворческой деятельности.

В современной науке конституционного права особую актуальность приобретает комплекс проблем, связанных с исследованием системы органов публичной власти Российской Федерации. Закрепление в 2022 г. на конституционном уровне терминов «система публичной власти» (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ) [1] и «органы публичной власти» (п. «е» 5 ст. 83 Конституции РФ), позволило комплексно подойти к рассмотрению данных нормативных конструкций. Этому же способствовала фиксация в ст. 2 Федерального закона от 08.12.2020 № 394 «О Государственном Совете РФ» [3] понимания содержания системы публичной власти, в котором особый акцент сделан на принципе ее согласованного функционирования и организационно-правовом, функциональном взаимодействии органов, входящих в эту систему.

Необходимо далее указать, что в теории государства и права в качестве правовых форм реализации государственной (публичной) власти традиционно выделяют правотворчество и правоприменение. Исходя из этого, под «правотворчеством», в таком аспекте, следует понимать реализацию системой органов публичной власти своих правотворческих полномочий, что основывается на их организационно-правовом и функциональном взаимодействии.

Соответственно, весь комплекс действующих нормативных правовых актов представляет собой итоговый результат реализации рассматриваемой системой органов установленных для них властных правотворческих полномочий. Исследование правотворчества под таким углом зрения позволяет анализировать его содержательную сторону с позиций осуществления организационных и функциональных связей и отношений, отражающих базовые структурные характеристики данной системы. В юридической литературе предпринимались попытки изучения правотворчества с позиций системного подхода [6; 7; 8, с. 80-86], однако авторы пытались разработать общие теоретические конструкции, имеющие концептуальный характер. Поэтому цель статьи – исследовать с учетом приведенных выше методологиче-

ских положений организационные и функциональные аспекты правотворческой деятельности Правительства РФ.

Важно указать, что в классической модели разделения государственной власти, исполнительная власть должна заниматься исполнением законов и собственным подзаконным правотворчеством в установленных пределах. Но это узкое, догматическое понимание статуса исполнительной власти. Учитывая системное построение государственного аппарата, общие цели и задачи, стоящие перед государственным аппаратом и государством в целом, можем констатировать, что реальный конституционный статус Правительства РФ и параметры его правотворческой деятельности выходят за пределы имеющей место в теории государства узкой трактовки принципа разделения государственной власти.

Исходя из этого, правовые формы деятельности Правительства РФ могут быть подразделены на правотворчество и правоприменение. Правотворческая деятельность может быть подразделена на законотворческую деятельность и подзаконное правотворчество. Законотворческая деятельность подразделяется на законопроектную деятельность Правительства РФ (в том числе на этапе прохождения законопроекта в Государственной Думе Федерального Собрания РФ) и деятельность Правительства РФ на этапе обсуждения уже принятого Государственной Думой Федерального Собрания РФ закона в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, а также деятельность на этапе подписания закона Президентом РФ и последующий мониторинг действующего закона.

С учетом такого широкого понимания законотворческой деятельности Правительства РФ, следует выделить три ее направления:

- 1-е направление: связано с деятельностью Правительства РФ как субъекта права законодательной инициативы. В рамках данного права Правительство РФ разрабатывает законопроекты, вносит их в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, участвует в обсуждении этих законопроектов, участвует в обсуждении уже принятых законов в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, участвует в обсуждении законов на этапе их подписания Президентом РФ. Далее Правительство РФ организует работу по мониторингу действия законов в сфере правоприменительной деятельности. Но последний этап относится только к законам, законопроекты которых разрабатывались Правительством РФ в качестве субъекта права законодательной инициативы.

- 2-е направление: Правительство РФ дает заключения на законопроекты; дает официальные отзывы на законопроекты; вносит законопроект о поправке в отношении законов и законопроектов, которые разрабатывались иными субъектами права законодательной инициативы.

- 3-е направление: координация законотворческой деятельности субъектов права законодательной инициативы. Данное направление имеет место и в законотворческой деятельности Президента РФ. Если для Президента РФ данное направление характерно в полном объеме (он главный координатор законотворчества в РФ), то Правительство РФ в ограниченной степени осуществляет данную координацию (в основном в вопросах функциональных направлений исполнительной власти).

Правительство РФ при осуществлении законотворческой деятельности привлекает для выполнения отдельных ее направлений иные органы и подразделения исполнительной власти. Прежде всего следует отметить Министерство юстиции РФ

(это одно из направлений его деятельности); Комиссию Правительства РФ по законопроектной деятельности; Аппарат Правительства РФ; Департамент сопровождения законопроектной деятельности и нормативно-правового регулирования Правительства РФ; Институт законодательства и сравнительного правоведения Правительства РФ. Кроме данных подразделений, Правительство РФ привлекает для своей законопроектной деятельности все иные органы исполнительной власти РФ в пределах их правовых статусов. В таком качестве Правительство РФ замыкает иерархию всей законотворческой деятельности исполнительной власти РФ. В этом и проявляется его интегративная функция в законотворческой деятельности рассматриваемой ветви власти.

Процессуальная регламентация законопроектной деятельности Правительства РФ осуществляется рядом нормативных правовых актов: Регламентом Правительства РФ, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 [4]; Положением «О законопроектной деятельности Правительства РФ», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30 апреля 2009 года № 389 [5].

В соответствии с положениями Регламента Правительства РФ (пункты 53 – 87) могут быть выделены следующие стадии законотворческого процесса с участием Правительства РФ:

1-я стадия – социологическая: начинается с планирования законопроектной деятельности. Данной деятельностью занимается Министерство юстиции РФ. Министерство юстиции РФ формирует проект плана законопроектной деятельности Правительства РФ. Правительство РФ на своем заседании утверждает проект плана, и он становится планом законопроектной деятельности Правительства РФ на следующий календарный год. Утвержденный план законопроектной деятельности Правительства РФ направляется Президенту РФ, в палаты Федерального Собрания РФ, а также в законодательные (представительные) органы субъектов РФ (пункты 76 – 78 Регламента Правительства РФ; пункты 1 – 8 Положения «О законопроектной деятельности Правительства РФ»). И далее на основе этого плана формируются планы законопроектной деятельности федеральных органов исполнительной власти. Эти планы также составляются на один год. Они находятся в системной связи с общим планом законопроектной деятельности Правительства РФ. Эти связи позволяют рассматривать всю законопроектную деятельность федеральных органов исполнительной власти с системных позиций.

2-я стадия – юридическая. После того, как план утвержден, начинается разработка законопроектов, предусмотренных данным планом. По каждому законопроекту создаются, как правило, рабочие группы. В состав рабочих групп входят представители федеральных органов исполнительной власти, ученые, представители иных организаций. Группы формируются на основе соответствующего органа исполнительной власти. Этот орган называется «головной исполнитель законопроекта». Эти группы осуществляют экспертно-правовое сопровождение законопроекта (закона) на всех этапах законодательного и правоприменительного процессов (мониторинг) (пункты 13 – 24 Положения «О законопроектной деятельности Правительства РФ»).

Подобный уровень планирования законопроектной деятельности Правительства РФ позволяет говорить о важности координации этой деятельности с законопроектной деятельностью иных субъектов права законодательной инициативы.

В Регламенте Правительства РФ данным вопросам уделено особое внимание. В соответствии с пунктом 81 Регламента Правительство РФ рассматривает в установленном порядке предложения палат Федерального Собрания РФ по подготовке законопроектов и координирует с ними свою законопроектную деятельность. То есть плановые основы позволяют Правительству РФ координировать свою деятельность с Федеральным Собранием РФ.

Правительство РФ информирует Президента РФ о своей законопроектной деятельности, а также о ходе исполнения Правительством РФ поручений и указаний Президента РФ по подготовке законопроектов (п. 80 Регламента Правительства РФ).

Законопроекты, вносимые Правительством РФ в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, направляются Аппаратом Правительства РФ для согласования в Администрацию Президента РФ (пункт 69 Регламента Правительства РФ).

Правительство РФ участвует в законопроектной деятельности палат Федерального Собрания РФ, а также Президента РФ (пункт 83 Регламента Правительства РФ).

По предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ Правительство РФ координирует свою законопроектную деятельность с органами государственной власти субъектов РФ (пункт 82 Регламента Правительства РФ). 3-я стадия – юридическая. После разработки законопроекта рабочей группой он вносится в Правительство РФ и на заседании Правительства РФ он утверждается и решается вопрос о направлении законопроекта в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Законопроект направляется в Государственную Думу Федерального Собрания РФ вместе с соответствующими материалами, согласно требованиям Регламента Правительства РФ. И для прохождения законопроекта (а далее закона) в палатах Федерального Собрания РФ, назначается «ответственный представитель Правительства РФ», который сопровождает прохождение законопроекта на всех стадиях законодательного процесса в палатах Федерального Собрания РФ. Для защиты позиций Правительства РФ по заключениям, официальным отзывам и поправкам в отношении законопроектов иных субъектов права законодательной инициативы, поручением Председателя Правительства РФ может быть направлен «специальный представитель», полномочия которого определяются в поручении (п. 87 Регламента Правительства РФ). Особая роль принадлежит подзаконному правотворчеству Правительства РФ, обусловленному законотворчеством (ч. 1 ст. 115 Конституции РФ).

Данные конституционные положения находят свою конкретизацию и развитие в ст. 5 Федерального конституционного закона «О Правительстве РФ» [2]. В п. 1 указанной статьи устанавливается, что Правительство РФ на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов, распоряжений и поручений Президента РФ издает постановления и распоряжения, а также обеспечивает их исполнение. Согласно п. 3 ст. 5 данного Закона, порядок принятия актов Правительства РФ устанавливается Правительством РФ в соответствии с Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами, распоряжениями и поручениями Президента РФ. Анализ приведенных нормативных положений позволяет вывести правила. Во-первых, Правительство РФ занимается подзаконным правотворчеством в рамках своего конституционно-правового статуса. Правительство РФ, устанавливая порядок осуществления подзаконного правотворчества, не вправе вторгаться в предметы ведения иных субъектов публичной власти. Во-вторых, нормативные правовые акты

Правительства РФ не должны противоречить нормативным правовым актам более высокой юридической силы. Данные требования выступают нормативными параметрами (границами) подзаконного правотворчества Правительства РФ, назначение которого состоит в комплексном подходе к конкретизации нормативных правовых актов более высокой юридической силы.

В соответствии с пунктом 91 (1-6) Регламента Правительства РФ вместе с решением вопроса о направлении законопроектов в Государственную Думу Федерального Собрания РФ решается организационный вопрос о необходимости разработки подзаконных нормативных правовых актов, направленных на реализацию федеральных законов. Планы-графики подготовки указанных проектов нормативных правовых актов утверждаются Заместителем Председателя Правительства РФ.

Подобные процессуальные действия обусловлены тем, что к моменту вступления в юридическую силу федерального закона будут разработаны проекты подзаконных нормативных правовых актов, связанных с его реализацией. Для этого определяются федеральные исполнительные органы, которые будут заниматься разработкой указанных проектов актов. Как правило, это органы исполнительной власти, разработавшие соответствующие проекты законов.

В отношении законопроектов, внесенных в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, иными субъектами права законодательной инициативы, пунктом 91(2, 3) Регламента Правительства РФ также предусмотрены процессуальные положения, направленные на необходимость разработки проектов подзаконных нормативных правовых актов, направленных на реализацию федеральных законов.

Предусматривается, что после принятия в первом чтении проекта федерального закона, внесенного в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, иным субъектом права законодательной инициативы, Председатель Правительства РФ или Заместитель Председателя Правительства РФ – Руководитель Аппарата Правительства РФ может давать федеральным органам исполнительной власти поручения о подготовке в соответствии со сферами ведения в установленный срок проектов нормативных правовых актов, необходимых для реализации соответствующего федерального закона. После принятия во втором чтении проекта федерального закона и при отсутствии поручения, данного федеральным органам исполнительной власти в соответствии с пунктом 91(2) настоящего Регламента, Заместителем Председателя Правительства РФ дается поручение федеральным органам исполнительной власти внести в Правительство РФ проект плана-графика подготовки нормативных правовых актов, необходимых для реализации соответствующего федерального закона.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правотворческая деятельность Правительства РФ отражает и конкретизирует в динамике комплекс связей в рамках организации и функционирования системы органов публичной власти РФ. Это относится как к внутренним аспектам данной деятельности Правительства РФ, так и к взаимодействию с иными (внешними) субъектами.

Правотворчество как самостоятельная правовая форма деятельности Правительства РФ структурно подразделяется на законотворчество и подзаконное правотворчество. В свою очередь, законотворчество, составляя важную часть правотворчества Правительства РФ, организационно обеспечивается Минюстом РФ и рядом вспомогательных подразделений, действующих при Правительстве РФ. Данная вспомогательная деятельность распространяется также и на взаимодействие в законодатель-

ном процессе Правительства РФ с другими субъектами права законодательной инициативы, а также на координацию их участия в формировании планов и программ законопроектной деятельности Правительства РФ. Особое значение имеет координационное взаимодействие Правительства РФ с Президентом РФ, палатами Федерального Собрания РФ, органами государственной власти субъектов РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. - Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 №4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». - Доступ из справ. – правовой системы Консультант Плюс. – Текст электронный.
3. Федеральный закон от 8.12. 2020 г. № 394 – ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». – Доступ из справ. – правовой системы Консультант Плюс. – Текст: электронный.
4. Регламент Правительства РФ: утвержден Постановлением Правительства РФ от 01.06.2004 г. №260 «О Регламенте Правительства РФ и Положении об Аппарате Правительства РФ». - Доступ из справ. – правовой системы Консультант Плюс. – Текст электронный.
5. Положение «О законопроектной деятельности Правительства РФ»: утверждено Постановлением Правительства РФ от 30.04.2009 №389 «О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства РФ». - Доступ из справ. – правовой системы Консультант Плюс.
6. Фральцев В. С. Правотворческая деятельность как системный процесс (на примере субъекта РФ): автореф... дис. ...кан. юрид. наук. – М.: 2008. – 26 с.
7. Синюков С.В. Механизм правотворчества: автореф...дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов: 2013. – 24 с.
8. Трофимов В.В. Правотворческая система государства как категория и алгоритм политико-правового действия в условиях современных вызовов (постановка проблемы) // Правотворчество в XXI в.: эволюция доктрины и практики: сборник научных статей /отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма: 2022. 344 с.

Anokhin A.N. On the study of organizational and functional aspects of the legislative activity of the Government of the Russian Federation / A.N. Anokhin // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 300 – 305.

The article studies organizational and functional aspects of the law-making activity of the Government of the Russian Federation in the context of the general system of public authorities of the Russian Federation. It shows interaction of the Government of the Russian Federation with other subjects of the law of legislative initiative of the Russian Federation, coordination of its participation in ensuring the planned basis of legislative activity of the Government of the Russian Federation. The special importance of coordinating the work of the Government of the Russian Federation with the President of the Russian Federation, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, state authorities of the subjects of the Russian Federation is emphasized.

Keywords: system of public authorities, legal activity of the Government of the Russian Federation, organizational and functional aspects of legal creative activity.

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii: [prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrja 1993 g. s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01 ijulja 2020 g.]. - Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Konsul'tantPljus. – Tekst: jelektronnyj.
2. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 06.11.2020 №4-FKZ «O Pravitel'stve Rossijskoj Federacii». - Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tant Pljus. – Tekst jelektronnyj.
3. Federal'nyj zakon ot 8.12. 2020 g. № 394 – FZ «O Gosudarstvennom Sovete Rossijskoj Federacii». – Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tant Pljus. – Tekst : jelektronnyj.
4. Reglamente Pravitel'stva RF: utverzhden Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 01.06.2004 g. №260 «O Reglamente Pravitel'stva RF i Polozhenie ob Apparate Pravitel'stva RF». - Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tant Pljus. – Tekst jelektronnyj.
5. Polozhenie «O zakonoproektnoj dejatel'nosti Pravitel'stva RF»: utverzhdeno Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 30.04.2009 №389 «O merah po sovershenstvovaniju zakonoproektnoj dejatel'nosti Pravitel'stva RF». - Dostup iz sprav. – pravovoj sistemy Konsul'tant Pljus. – Tekst jelektronnyj.
6. Fral'cev V.S. Pravotvorcheskaja dejatel'nost' kak sistemnyj process (na primere sub#ekta RF): avtoref... dis. ...kan. jurid. nauk. – M.: 2008. – 26 s.
7. Sinjukov S.V. Mehanizm pravotvorchestva: avtoref...dis. ...kand. jurid. nauk. – Saratov: 2013. – 24 s.
8. Trofimov V.V. Pravotvorcheskaja sistema gosudarstva kak kategorija i algoritm politiko-pravovogo dejstvi-ja v uslovijah sovremennyh vyzovov (postanovka problemy) //Pravotvorchestvo v HH1 veke: jevoljucija doktriny i praktiki: sbornik nauchnyh statej /otv. red. V.V. Lazarev. – M.: Norma: 2022. – 344 s.

УДК 342.565

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РСФСР В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Видашев И. И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается судебная реформа в РСФСР в период начала новой экономической политики до момента образования СССР. Автор обоснованно констатирует, что после завершения революции советское государство нуждалось в экономической реформе с целью развития государства и упорядочивания экономических отношений. С этой целью проводились фундаментальные законодательные реформы, в том числе связанные с судостроительством и судопроизводством, кодификацией законодательства и формирования профессионального судебного корпуса. В статье анализируется изменение системы правосудия в период новой экономической политики, выделяются его ключевые особенности и отличительные черты. Автор приходит к выводу, что, несмотря на то, что в период новой экономической политики сформировались новые институты судебной власти, в их основе также лежала зависимость судебной власти от исполнительной власти, требование основываться при вынесении судебных решений не только на нормах действующего законодательства, но и на революционном правосознании. Имеет место обоснованное мнение автора о том, что многие основы судебной реформы 1921 года актуальны до сих пор, например территориальный принцип судостроительства, наличие специализированных судов, возможность привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: правосудие, суд, трибуналы, судебная система, судостроительство, новая экономическая политика, народные судьи.

В связи с окончанием Гражданской войны молодое советское государство столкнулось с необходимостью проведения экономических реформ, направленных на преодоление последствий военного времени. При этом военный коммунизм не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой, на что указывал, в том числе, и В.И. Ленин [1].

В марте 1921 г. состоялся X съезд Коммунистической партии, на котором было принято решение о переходе к новой экономической политике (НЭП) и замене продразверстки продналогом, отказе от политики «военного коммунизма».

При этом новая экономическая политика вернула к жизни многие гражданско-правовые институты, существовавшие до революции, что потребовало от государства перестройки системы функционирования органов власти, в том числе судебной системы [2].

Решением XI конференции РКП(б) об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства, положившим начало реформированию судебной системы в период НЭПа и принятым в декабре 1921 г., указывалось на необходимость установления во всех областях жизни строгие начала революционной законности, защиты в судебном порядке новых форм отношений, созданных в процессе революции, поднятия на соответствующий уровень работы судебных учреждений Советского государства [3].

11 ноября 1922 г. Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета утверждено Положение о судостроительстве РСФСР, которым были ликвидированы революционные трибуналы, создана единая система судебных учре-

ждений из народного суда в составе одного народного судьи либо народного судьи и двух народных заседателей, губернского суда, ВС РСФСР и его коллегии.

Также создавались специализированные суды категорий: по делам о военных преступлениях – военные трибуналы; по делам об особо важных преступлениях, угрожающих транспорту – военно-транспортные трибуналы; по делам о преступлениях по нарушению КЗоТ – особые трудовые сессии народных судов; по делам земельным – земельные комиссии; по делам о спорах об имущественных правах между государственными органами – состоящие при СТО и губернских экономических совещаниях центральная и местные арбитражные комиссии.

Народный суд учреждался в уездах и рассматривал основную массу уголовных и гражданских дел, губернский суд, который являлся первой инстанцией по ряду категорий дел, ранее отнесенных к компетенции трибуналов, кассационной инстанцией для народных судов, выполнял функции по руководству народными судами, Верховный суд республики выступал в качестве первой инстанции по особо важным делам, в качестве кассационной инстанции для губернских судов, осуществлял судебный контроль над всеми судами республики и давал им разъяснения по всем вопросам судебной практики [4].

При этом народный судья, действующий единолично или совместно с двумя народными заседателями, был прообразом современного районного суда, губернский суд – суда субъекта РФ, Верховный суд РСФСР – Верховного суда РФ.

Разделение судов на местные суды и революционные трибуналы, установленное Декретом № 1 о суде, было ликвидировано, создана единая система судов, состоящая из народных судов, губернских судов, Верховного суда РСФСР [5]. Декретом ВЦИК от 1 февраля 1923 г. общее руководство, организация и инструктирование всех действующих на территории РСФСР судебных учреждений закреплялось за народным комиссариатом юстиции [6].

Параллельно созданы специальные судебные учреждения для рассмотрения дел особых категорий, к которым были отнесены военные и военно-транспортные судебные учреждения РСФСР, организация и надзор за деятельностью военных и военно-транспортных судебных учреждений, состоящих при военных и транспортных трибуналах, возлагался на военную и военно-транспортную коллегию Верховного Суда, трудовые сессии народных судов, которые образовывались при каждом губернском суде в составе одного постоянного народного судьи и двух постоянных членов суда, земельных и арбитражных комиссий, подчинявшихся Народному комиссариату юстиции и пленарным заседаниям губернских судов и прокурорскому надзору, Верховному Суду и Прокурору Республики.

В процессе проходившей реформы нормативно-правовой базы была проведена масштабная кодификация, вынесение судебных решений стало основываться на принципах нормативизма, проведена кодификация законодательства, при этом в основе судейского усмотрения оставался принцип революционного правосознания.

В отличие от послереволюционного периода начало периода НЭПа характеризовалось формированием требований к квалификации судей, морального облика, гражданства, возраста, стажа работы [7]. Также одной из особенностей указанного периода является коллегиальное рассмотрение дел в суде [8].

Народным судьей мог быть гражданин или гражданка, которые имеют право избирать и быть избранным в советы, не менее двухгодичного трудового стажа ответ-

ственной политической работы в общественных, профессиональных или партийных рабочих организациях или трех лет стажа практической работы в органах советской юстиции, на должностях не ниже народного следователя, не исключенные из общественных организаций за порочащие поступки [9].

Народными заседателями могли быть любые граждане, которые могли избирать и быть избранными в местные советы, не опороченные по суду, не исключенные из общественных и профессиональных организаций, при этом один народный заседатель не мог принимать участия в судебных заседаниях более, чем в течение шести дней в году, при этом список народных заседателей формировался ежегодно, требования к образованию и профессиональной подготовке отсутствовали [10].

К губернским судьям, осуществляющим непосредственный надзор за деятельностью подведомственных ему народных судов, предъявлялись дополнительные требования в виде не менее трех лет стажа практической судебной работы по должности народного судьи или члена революционного трибунала, стажа работы не менее двух лет в указанных должностях [11].

Руководили губернскими судами председатель и два его заместителя (один по рассмотрению уголовных дел, один по гражданским делам), которые несли ответственность за всю работу губернского суда и во всех подчиненных ему учреждениях. Для народных заседателей губернского суда уже требовался как минимум двухгодичный стаж работы в общественных и профессиональных организациях [12].

При этом какие-либо дополнительные требования к судьям Верховного Суда РСФСР в составе президиума Верховного Суда; пленарного заседания Верховного Суда; кассационных коллегий Верховного Суда по уголовным и гражданским делам; судебной коллегии, военной и военно-транспортной коллегии Верховного Суда; дисциплинарной коллегии Верховного Суда не предъявлялись, председатель и члены Верховного Суда утверждались Президиумом ВЦИК.

Таким образом, зависимость судебной власти от власти исполнительной сохранялась, судьи избирались исполнительными комитетами сроком на 1 год с правом переизбрания. Также закреплялся механизм дисциплинарной ответственности судей и порядок привлечения их к ответственности, при инициировании которой возбуждалось дисциплинарное производство в отношении судей [13].

Начало судебной реформы РСФСР завершилось в декабре 1922 г. конференцией полномочных представителей делегаций независимых республик РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР, на которой были одобрены проекты Декларации и Договора об образовании СССР. В дальнейшем развитие и совершенствование судебной системы продолжилось уже в рамках вновь созданного государства.

Список литературы:

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - 5-е изд. - Москва : Госполитиздат, 1958-1965.
2. Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность судей: исторические связи и современность (краткий историко-правовой анализ) // Вестник ЗабГУ. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsiplinarnaya-otvetstvennost-sudey-istoricheskie-svyazi-i-sovremennost-kratkiy-istoriko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 06.02.2023).
3. Пустынников А.Ю. К вопросу о предпосылках судебной реформы 1921-1922 гг. // ИСОМ. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predposylkah-sudebnoy-reformy-1921-1922-gg> (дата обращения: 12.02.2023).

4. Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период нэпа: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 172 с.
5. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса. М.: Юридическое издательство НАРКОМЮСТА РСФСР, 1927. 64 с.
6. Козлов А. Ф. Организация народных судов в истории Советского государства. Правоведение. 1967. № 3. С. 32-33.
7. Щедрина Ю.В. — Принадлежность судей к политическим партиям и вопросы обеспечения судебской независимости в России: историко-правовой аспект // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 5. – С. 99 - 111. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.20718 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20718.
8. Смыкалин А. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 65-66.
9. Ковалев Н. Народное участие в отправлении правосудия в странах СНГ: суд присяжных или шеффенов? СКО. 2006. №2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-uchastie-v-otpravlenii-pravosudiya-v-stranah-sng-sud-prisyazhnyh-ili-sheffenov> (дата обращения: 12.02.2023).
10. Казарин В.Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // Глаголь правосудия. 2013. №2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stanovleniya-sudebnoy-sistemy-v-irkutskoy-oblasti-1918-1920-e-gg> (дата обращения: 12.02.2023).
11. Данилевская И.Л. Первые шаги по созданию судебных основ пролетарского государства // Труды Института государства и права РАН. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-shagi-po-sozdaniyu-sudebnyh-osnov-proletarskogo-gosudarstva> (дата обращения: 12.02.2023).
12. Кутафин О.Е. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. М., 2003.
13. Смыкалин А.С. История судебной системы: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М., 2010.
14. Шейфер С.А. Досудебное производство России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: Монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 192 с.
15. Халиуллина Л.Г. Реформа института предварительного расследования в России (период 1917 - 1924 гг.) // Российский следователь. 2015. N 3. С. 52–56.

Vidashev I.I. The judicial system of the RSFSR in the early years of the new economic policy // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 306–310.

The article examines the judicial reform in the RSFSR during the beginning of the new economic policy until the formation of the USSR. The author justifiably states that after the end of the revolution, the Soviet state needed economic reform in order to develop the state and streamline economic relations. To this end, fundamental legislative reforms were carried out, including those related to the judicial system and judicial proceedings, the codification of legislation and the formation of a professional judicial corps. The article analyzes the change in the justice system during the period of the new economic policy, highlights its key features and distinctive features. The author comes to the conclusion that, despite the fact that new judicial institutions were formed during the period of the new economic policy, they were also based on the dependence of the judiciary on the executive branch, the requirement to base judicial decisions not only on the norms of current legislation, but also on the revolutionary sense of justice. There is a reasonable opinion of the author that many of the foundations of the judicial reform of 1921 are still relevant, for example, the territorial principle of the judicial system, the availability of specialized courts, the possibility of bringing judges to disciplinary responsibility.

Keywords: justice, court, tribunals, judicial system, judicial system, new economic policy, people's judges.

Spisok literatury:

1. Lenin V. I. Complete works / Institute of Marxism-Leninism at the Central Committee of the CPSU. - 5th ed. - Moscow : Gospolitizdat, 1958-1965.
2. Aulov V.K., Tuganov Yu.N. Disciplinary responsibility of judges: historical connections and modernity (brief historical and legal analysis) // Bulletin of ZabGU. 2010. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distiplinarnaya-otvetstvennost-sudey-istoricheskie-svyaziisovremennost-kratkiy-istoriko-pravovoy-analiz> (accessed: 06.02.2023).

3. Pustynnikov A.Yu. On the question of the prerequisites of judicial reform in 1921-1922. // ISOM. 2011. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predposylkah-sudebnoy-reformy-1921-1922-gg> (date of appeal: 12.02.2023).
4. Vinnichenko O.Yu., Filonova O.I. Modernization of the judicial system during the NEP period: monograph. Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2013. 172 p.
5. Vyshinsky A.Ya. Course of criminal procedure. M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927. 64 p.
6. Kozlov A. F. Organization of people's courts in the history of the Soviet state. Jurisprudence. 1967. No. 3. pp. 32-33.
7. Shchedrina Yu.V. — Belonging of judges to political parties and issues of ensuring judicial independence in Russia: historical and legal aspect // Genesis: historical research. — 2016. — No. 5. — PP. 99-111. DOI:10.7256/2409-868X.2016.5.20718 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20718
8. Smykalin A. Judicial reform of 1922 // Russian Justice. 2002. No. 4. pp. 65-66.
9. Kovalev N. People's participation in the administration of justice in the cis countries: a jury trial or a scheffen trial? SKO. 2006. No.2 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-uchastie-v-otpravlenii-pravosudiya-v-stranah-sng-sud-prisyazhnyh-ili-sheffenov> (accessed: 12.02.2023).
10. Kazarin V.N. Features of the formation of the judicial system in the Irkutsk region. 1918-1920-ies. // The verb of justice. 2013. No.2 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stanovleniya-sudebnoy-sistemy-v-irkutskoy-oblasti-1918-1920-e-gg> (date of appeal: 12.02.2023).
11. Danilevskaya I.L. The first steps to create the judicial foundations of the proletarian state // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2011. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-shagi-po-sozdaniyu-sudebnyh-osnov-proletarskogo-gosudarstva> (date of appeal: 12.02.2023).
12. Kutafin O.E. Judicial power in Russia: history, documents: In 6 volumes / O.E. Kutafin, V.M. Lebedev, G.Yu. Semigin. M., 2003.
13. Smykalin A.S. History of the judicial system: textbook. manual for university students studying in the direction of "Jurisprudence". M., 2010
14. Shafer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power: Monograph. M.: Norm; INFRA-M, 2013. 192 p.
15. Khaliullina L.G. Reform of the institute of preliminary investigation in Russia (period 1917 - 1924) // Russian investigator. 2015. N 3. pp. 52-56.

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА РОССИИ В ТРУДАХ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹

Зарубина К. А.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

В работе анализируются институциональные основы охранительной правовой доктрины России XIX – начала XX вв. Установлено, что одним из основоположников отечественного консервативного учения был известный русский историк Н.М. Карамзин. Позднее в «теории официальной народности» его идеи развил министр народного просвещения Российской империи С.С. Уваров. Он считал, что православие, самодержавие и народность составляют основу национальной идеи России. Идеальной формой правления, по мнению С.С. Уварова, была монархия. Значительный вклад в формулирование положений концепции отечественного охранительства в исследуемый период также внесли М.П. Погодин, В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров и др. В заключении определено, что несмотря на отсутствие официальной государственной идеологии в современной России, многие ценности, разработанные сторонниками охранительной правовой доктрины, и сегодня актуальны для российского государства. Эти идеи базируются на национальных правовых традициях и архетипических правовых образах национальной памяти, обосновывая особый путь развития России, как самобытного, сильного, суверенного и неделимого государства-цивилизации, сохранившего традиционные духовно-нравственные ценности и национальную идентичность.

Ключевые слова: охранительная доктрина, охранительство, традиционные ценности, национальная идея, консерватизм, православие, самодержавие, народность, «теория официальной народности», С.С. Уваров.

Сегодня Россия находится в поиске национальной идеи, способной стать объединяющей российское общество силой и устремляющей государство к новым высотам развития. В связи с этим особо актуальны политико-правовые исследования, целью которых является разработка устойчивых инвариантных констант, составляющих основу идеологической, политической, социально-экономической подсистем институциональной матрицы российской государственности. Это необходимо для прогнозирования направлений устойчивого и стабильного развития России как самобытного суверенного государства-цивилизации, его внутривнутриполитического курса и геополитической перспективы в условиях становления справедливого мироустройства, многополярной системы международных отношений.

В последнее время интерес многих исследователей, занимающихся разработкой рассматриваемой проблемы, прикован к консервативной правовой доктрине российского государства, имеющей глубокие исторические корни. Несмотря на то, что понятия «консерватизм», «охранительство» чаще всего отождествляются с регрессией, упадком, застоём в развитии, консервативная или охранительная правовая доктрина, на самом деле, не обладает негативной смысловой нагрузкой и в действительности имеет позитивное содержание. Более детальный анализ данных понятий показывает, что охранительство в России, на самом деле, не преследует цель возвращения к более низшей стадии развития, чему-то старому и неподвижному, а выполняет функцию укрепления духовно-нравственных основ, обеспечения гармонич-

¹ **Финансирование.** Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030».

ного развития общества без отказа от национальных традиций и утраты собственной национальной культуры и идентичности [1, с. 2–10]. Ведь, как справедливо замечал Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на заседании клуба «Валдай» в октябре 2014 г.: «Здоровый консерватизм предполагает использование всего лучшего, нового, перспективного для обеспечения поступательного развития» [2]. И для нормального существования общества необходимо подерживать вещи, выработанные человечеством за столетия, а не бездумно отказываться от своих национальных устоев в погоне за чем-то новым и прогрессивным.

Так, консервативную правовую мысль нельзя оценивать, как крайне негативное, реакционное течение, сдерживающее развитие общества и государства. И даже в условиях современности охранительная доктрина имеет право не только на научно-теоретическое существование, но и на претворение некоторых её идей в жизнь, поскольку именно это направление развития правовой мысли имеет теснейшую связь с эволюцией российской государственности и права.

Отечественная консервативная доктрина проверена многовековой историей развития России, как самобытного государства-цивилизации, обладающего уникальным опытом сохранения, сбережения и развития человеческого потенциала, обеспеченного гармоничным сосуществованием различных народов и наций на общей территории. При этом для комплексного анализа основных идей отечественной охранительной правовой доктрины необходимо изучить истоки русской консервативной мысли, аккумулирующей исторический опыт построения ценностных основ идеологического, политического, экономического суверенитета российского государства, его национальной идентичности.

Активное развитие консервативной правовой мысли в России началось в XIX в. в период правления императора Александра I (хотя предпосылки возникновения русского консерватизма, по справедливому замечанию отдельных исследователей [3, с.31–34], обнаруживались ещё в эпоху Екатерины II). Одним из первых исследователей, сформулировавших отечественные охранительные идеи, стал известный русский историк Н.М. Карамзин, противопоставлявший самобытность и уникальность российского государства «унифицированному» и индивидуалистическому Западу [4, с. 94–99].

В «Записке о древней и новой России» 1811 г., названной позднее манифестом русского консерватизма, учёным была обоснована идея о единственно возможном для России политическом строе – самодержавии. Историк называет его «палладиумом России». Николай Михайлович подчёркивает, что самодержавие необходимо понимать, как надклассовую силу, способную обеспечить движение русского общества вперед. При этом самодержавное правление вовсе не означает непреложность. По мере развития государства, по утверждению Н.М. Карамзина, самодержавие стало более «разумным» и мягким. Также историк заключает, что для лучшего развития страны необходимо придерживаться традиционных устоев, и «всякая новость в государственном порядке есть зло». Особо отметим и то, что Николай Михайлович при устройстве государства использовать «более мудрости охранительной, нежели творческой» руководствоваться не юридическим законом, а «единой совестью», «живой» волей [5, с.12–13].

Позднее идеи отечественной консервативной мысли развил министр народного просвещения России, видный государственный и общественный деятель С.С. Ува-

ров. В 1833 г. Сергей Семёнович представил императору Николаю I известную Записку «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (далее – Записка), в которой обосновал особый исторический путь развития российского государства-цивилизации, сохранившего христианскую мораль, способного обеспечить себе независимое от Европы развитие, противостоять индивидуалистическому Западу.

Основной идеей Записки становится формулирование триады – «Православие, Самодержавие, Народность», отражающей базовые начала российской государственности. По утверждению С.С. Уварова, православная вера издревле объединяла русских людей, поэтому отнять у русского человека веру было бы равносильно смерти. Самодержавие названо Сергеем Семёновичем идеальной формой правления России, краеугольным камнем, на котором стоит «русский Колосс». Именно вокруг самодержавия строилась вся концепция развития государства. Объединяющим церковью и трон началом определена народность, выражающаяся в приверженности традиционным устоям российского общества. Государству и праву, по мнению С.С. Уварова, принадлежала роль охраны общины, веры, традиционных духовно-нравственных ценностей от «рукотворных» проявлений человеческого зла – преступлений, войн, внедрения различных богопротивных идей и т.п. [6, с. 111–123]

Сергей Семёнович называл выведенные константы национальными ценностями России, подчёркивая, что следование им – это единственный путь к цивилизационной зрелости [7]. Русский историк, теоретик и идеолог панславизма [8, с.204–212] М.П. Погодин, выдвинувший концептуальные тезисы, теоретически обосновывающие «уваровскую» триаду [9, с. 18–31], в свою очередь, отмечал, что именно константы «теории официальной народности» сохраняют в России «лучший порядок вещей» и являются «коренными началами Русской жизни» [10, с. 3]. «Проводниками» данной теории также были такие исследователи, как Н.В. Кукольник, С.П. Шевырев, Н.Г. Устрялов, О.И. Сенковский, Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, М.Н. Загоскин и некоторые другие [11, с. 4–11]. При этом в целом ранний российский консерватизм характеризовался эклектичностью [12, с. 172–183].

Большое влияние концепция С.С. Уварова оказала на славянофилов – последователей религиозно-философского течения русской общественной мысли, оформившейся в России в 1830-х-40-х гг. и ориентированной на выявление самобытности российского государства, его отличий от Запада. Государственно-правовые воззрения славянофилов перекликались с идеями отечественной консервативной правовой доктрины, в первую очередь, с позиции обоснования особого пути развития России. Однако в основе учения славянофилов, напоминающего «уваровскую» формулу, лежали несколько иные методологические установки. Так, например, в концепции С.С. Уварова ключевую роль играло самодержавие, названное им идеальной формой правления для российского государства, в то время как в концепции славянофилов главное место занимало православие, как духовная сила, определяющая единое начало государства и национальное самосознание [13, с.122–134]. Народность также воспринималась славянофилами и сторонниками «уваровской» теории по-разному. Если первые считали народность совокупностью характерных свойств народов России, сформированных в процессе эволюции государства и общества и призванных обеспечивать поступательное развитие страны, то «уваровцы» полагали, что народность должна сдерживать пагубное влияние Запада и сохранять суще-

ствующую систему управления [14, с. 183–190]. При этом многие исследователи справедливо подчёркивают, что несмотря на наличие противоречий в восприятии «уваровской» теории славянофилами, последователи этого течения русской религиозно-философской мысли в своих учениях распространяли идеи, свойственные отечественному консерватизму [15, с. 300–321; 16, с. 53–62].

Значительный вклад в формирование и развитие концепции российского охранительства внесли такие учёные, государственные и общественные деятели, как В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Л.А. Тихомиров и некоторые другие. Вслед за Н.М. Карамзиным, М.П. Погодиным и С.С. Уваровым эти мыслители ставили под сомнение ценность проводимых в стране либеральных реформ, отрицали необходимость европеизации российского государства, поддерживали традиционные духовно-нравственные устои, существовавшие в стране. Так, сторонник «теории официальной народности» русский публицист, один из сторонников контрреформ Александра III М.Н. Катков считал, что правительству в России нельзя давать инициативу, поскольку его политика идёт вразрез с царской, вследствие чего нарушается принцип централизации власти и создаётся барьер между народностью и самодержавием. Поддерживая эту позицию, другой видный правовед и государственный деятель Российской империи К.П. Победоносцев, подчёркивал, что консерватизм в России противопоставляется либерализму, развивающему излишнее самолюбие и свободу в людях, угрожающую основам государственного строя. «Теорию официальной народности» же Константин Петрович считал мощным оружием в борьбе с демократией – «лживым политическим началом», построенном на ложных представлениях о совершенстве человеческой природы, дающей возможность «всех и каждого уразуметь и осуществить» подлинное народовластие [17, с. 270–279].

При этом стоит отметить, что сторонники отечественной консервативной правовой мысли в исследуемый период не были полностью единодушны во мнениях. К примеру, русский социолог, культуролог и геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории Н.Я. Данилевский и русский философ, публицист и дипломат К.Н. Леонтьев выступали против отмены крепостного права, частично оправдывая его, а известный консерватор К.П. Победоносцев вовсе выступал против славянофильства. Однако выявленные противоречия носили частный характер, в то время как в принципиальных вопросах у видных консерваторов России XIX – начала XX вв. наблюдалось согласие.

В целом можно заключить, что общие идеи отечественной консервативной правовой мысли в этот период формировались в контексте преодоления дихотомии «реформа» и «контрреформа» [18, с. 70–73], раскрывались в таких категориях, как: идеократический характер государственности; признание самодержавия идеальной формой правления; идея государственной власти, как нравственного подвига; обоснование доверительных, патриархальных отношений между народом и монархом; концепция государственно-правовой самобытности страны; первенство духовно-нравственных ценностей; своеобразие отечественных государственных идеалов и т.д.

Юридические взгляды консерваторов в это время, как правило, сводились к признанию приоритета традиционных и религиозно-нравственных норм и институтов,

первенства среди иных источников права правовых обычаев и нравственно-правовых начал [6, с.111–123].

С началом революционного 1917 г. многие русские мыслители, сторонники охранительной правовой доктрины уехали из страны, другие ушли в подполье. В эмиграции оформились два новых течения русского консерватизма: «белый» консерватизм, сторонники которого считали события 1917 г. разрывом с традициями российской цивилизации, и «пореволюционный» консерватизм, представители которого признавали необходимость совмещения завоеваний Октябрьской революции и отечественных национальных идей. Так, «белые» консерваторы воспринимали революционные события 1917 г., как катастрофу, а «пореволюционные» консерваторы – как надежду на светлое будущее. Непосредственно в России консервативная научная мысль, поддерживающая монархический строй, фактически прекратила своё существование. При этом большинство новых поколений исследователей стали резко отрицательно характеризовать консервативную правовую доктрину, связывая её исключительно с охранительной функцией государства.

Как бы подытоживая развитие отечественной консервативной правовой мысли в России в дореволюционный период, известный русский политический и религиозный деятель, социолог и философ Н.А. Бердяев в 1904 г. писал: «...Никогда еще в истории власть консервативных начал, начал реакционного государственного позитивизма не заходила так далеко, не давила так духовную культуру, как у нас в России. Всю эту систему беспощадно критиковали и лучшие русские люди. <...> Наша консервативная система есть организованное, нигилистическое в самом точном смысле этого слова отрицание культуры, отрицание религии, философии, науки, литературы, искусства, нравственности, права, всего духовного содержания человеческой жизни. Консерваторы наши превратились в настоящих нигилистов и поддерживают заговор против всякого творчества в жизни...» [19].

Таким образом, охранительные идеи известного русского историка Н.М. Карамзина послужили основой для развития национальной консервативной правовой доктрины, призванной сдерживать в России навязываемую Европой модель управления страной. Позднее умозаключения Николая Михайловича получили развитие в «теории официальной народности» С.С. Уварова, отражением которой стала формула «Православие, Самодержавие, Народность», продолжительное время используемая в качестве ориентира для выстраивания курса во внешней и внутренней политики страны. В дальнейшем эти идеи были восприняты многими русскими мыслителями, в том числе славянофилами и их последователями. Воззрения отечественных консерваторов XIX – начала XX вв. обосновывали приверженность русского народа принципам христианской морали, общинности, монархическим правовым традициям и т.п. Несмотря на то, что в настоящее время ценности, разработанные отечественной консервативной правовой доктриной, более не воспринимаются российским государством, как основа национальной идеологии, внутренняя и внешняя политика современной России, по-прежнему, во многом опирается на идеи отечественных консерваторов, отражающие органический, естественный, самобытный путь развития государства и права. Эти идеи и сегодня базируются на национальных правовых традициях и архетипических правовых образах национальной памяти, не допускают социально-правовых экспериментов, реализации «ультра» реформаторских проектов, что позволяет России уже много веков идти своим особым пу-

тём развития сильного, независимого и неделимого государства, сохранившего и приумножившего традиционные национальные ценности, свою собственную самобытность и идентичность и уникальность многоконфессиональной и многонациональной евразийской державы, сплотившей множество народов, составляющих культурно-цивилизационную общность Русского мира.

Список литературы:

1. Васильев А.А. Охранительная концепция права в России: монография – Москва: Юстицинформ, 2013. – 440 с.
2. Путин: Россия не собирается себя «законсервировать» [электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/1531106> (дата обращения 06.09.2023).
3. Комова Н.Б. Стратегии российского государственного строительства: доктринально-правовые и культурно-исторические основы // *Философия права*. 2011. №1. С. 31–34
4. Комова Н.Б. Монархическая идея в отечественном государственно-правовом консерватизме // *Философия права*. 2011. №6. С. 94–99.
5. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
6. Васильев А.А. Сущность охранительной правовой доктрины // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2011. №1. С. 111–123.
7. Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 1833 г. [электронный документ] URL: <http://museumreforms.ru/node/13652> (дата обращения 18.08.2023).
8. Соловьев В.М. М.П. Погодин и славянский съезд 1867 г. // *Вестник науки и творчества*. 2016. №11 (11). С. 204–212.
9. Рясенцев К.В., Ширинянц А.А. М.П. Погодин и поиски русской национальной идеи. 1830 – 1840-е гг. // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2007. №1. С. 18–31.
10. Барсуков М.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Книга 4. – 450 с.
11. Нуреева С.В. Константы государственности в России в XIX веке // *Актуальные проблемы российского права*. 2012. №3. С. 4–11.
12. Арефьев М.А., Осипов И.Д. Идеи истоки и ценности русского консерватизма // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. 2013. №2. С. 172–183.
13. Мьёр К.Й. Образ России в учении славянофилов // *История философии*. 2019. №1. С. 122–134.
14. Бобровских Е.В. Теория «официальной» и «неофициальной» народности: С.С. Уваров и славянофилы // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2015. № (5). С.183–190.
15. Голиков А.К. Русский консерватизм XIX - начала XX века в контексте западноевропейского консерватизма // *ПОЛИТЭКС*. 2006. №1. С. 300–321.
16. Мурзанова Л.А. Соотношение охранения и модернизации в консервативной мысли // *Философия и общество*. 2016. №4 (81). С. 53–62.
17. Асонов Н.В. «Теория официальной народности» в политическом дискурсе второй половины XIX - начала XX века // *Социально-гуманитарные знания*. 2011. №2. С. 270–279.
18. Мордовцев А.Ю., Шулькина А.Л. Консервативное правовое сознание и реформирование российской государственности второй половины XIX века // *ЮП*. 2012. №2 (51). С. 70–73.
19. Бердяев Н.А. Судьба русского консерватизма [электронный документ] URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1904_sudba_russkogo_konservatizma.shtml (дата обращения 08.09.2023)

Zarubina K.A. The protective legal doctrine of Russia in the works of Russian conservatives of the XIX – early XX centuries // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 311– 317.

The study analyzes the institutional foundations of the protective legal doctrine of Russia of the XIX – early XX centuries. It is established that one of the founders of the Russian conservative doctrine was the famous Russian historian N.M. Karamzin. Later, his ideas in the «theory of official nationality» were developed by the Minister of Public Education of the Russian Empire, S.S. Uvarov. He believed that Orthodoxy, autocracy and nationality form the basis for the establishment of the national idea of Russia. The ideal form of government, according to S.S. Uvarov, was the monarchy. M.P. Pogodin, V.V. Rozanov, K.N. Leontiev, K.P. Pobedonostev, M.N. Katkov, L.A. Tikhomirov, and others also made a significant contribution to the formation of the concept of domestic protection in the period under study. In conclusion, it is determined that despite the absence of an official state ideology in modern Russia, many values developed by supporters of the protective legal doctrine are still relevant for the Russian state today. These ideas are based on national legal traditions and archetypal legal images of national memory, substantiate a special way

of development of Russia as an original, strong and indivisible state-civilization, preserving traditional spiritual and moral values.

Keywords: protective doctrine, protection, traditional values, national idea, conservatism, Orthodoxy, autocracy, nationality, «theory of official nationality», S.S. Uvarov.

Spisok literaturey:

1. Vasil'ev A.A. Ohranitel'naja koncepcija prava v Rossii: monografija – Moskva: Justicinform, 2013. – 440 s.
2. Putin: Rossija ne sobiraetsja sebja «zakonservirovat'» [jelektronnyj resurs] URL: <https://tass.ru/politika/1531106> (data obrashhenija 06.09.2023)
3. Komova N.B. Strategii rossijskogo gosudarstvennogo stroitel'stva: doktrinal'no-pravovye i kul'turno-istoricheskie osnovy // Filosofija prava. 2011. №1. S. 31–34.
4. Komova N.B. Monarhicheskaja ideja v otechestvennom gosudarstvenno-pravovom konservatizme // Filosofija prava. 2011. №6. S. 94–99.
5. Karamzin H.M. Zapiska o drevnej i novej Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991. – 127 s.
6. Vasil'ev A.A. Sushhnost' ohranitel'noj pravovoj doktriny // Vestnik VGU. Serija: Pravo. 2011. №1. S. 111–123.
7. Uvarov S.S. O nekotoryh obshhix nachalah, mogushhix sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshhenija. 1833 g. [jelektronnyj dokument] URL: <http://museumreforms.ru/node/13652> (data obrashhenija 18.08.2023).
8. Solov'ev V.M. M.P. Pogodin i slavjanskij s#ezd 1867 g. // Vestnik nauki i tvorchestva. 2016. №11 (11). S. 204–212.
9. Rjasencev K.V., Shirinjanc A.A. M.P. Pogodin i poiski russskoj nacional'noj idei. 1830-1840-e gg // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2007. №1. S. 18–31.
10. Barsukov M.P. Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. SPb., 1891. Kniga 4. – 450 s.
11. Nureeva S.V. Konstanty gosudarstvennosti v Rossii v XIX veke // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2012. №3. S. 4–11.
12. Aref'ev M.A., Osipov I.D. Idejnye istoki i cennosti russskogo konservatizma // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2013. №2. S. 172–183.
13. M'ER K.J. Obraz Rossii v uchenii slavjanofilov // Istorija filosofii. 2019. №1. S. 122–134.
14. Bobrovskih E.V. Teorija «oficial'noj» i «neoficial'noj» narodnosti: S.S. Uvarov i slavjanofily // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki. 2015. № (5). S.183–190.
15. Golikov A.K. Russskij konservatizm XIX - nachala XX veka v kontekste zapadnoevropejskogo konservatizma // POLITJeKS. 2006. №1. S. 300–321.
16. Murzanova L.A. Sootnoshenie ohraneniya i modernizacii v konservativnoj mysli // Filosofija i obshhestvo. 2016. №4 (81). S. 53–62.
17. Asonov N.V. «Teorija oficial'noj narodnosti» v politicheskom diskurse vtoroj poloviny XIX - nachala HH veka // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2011. №2. S. 270–279.
18. Mordovcev A.Ju., Shul'kina A.L. Konservativnoe pravovoe soznanie i reformirovanie rossijskoj gosudarstvennosti vtoroj poloviny XIX veka // JuP. 2012. №2 (51). S. 70–73.
19. Berdjaev N.A. Sud'ba russskogo konservatizma [jelektronnyj dokument] URL: http://az.lib.ru/b/berdjaev_n_a/text_1904_sudba_russskogo_konservatizma.shtml (data obrashhenija 08.09.2023). .

УДК 342.5

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСОРГАНОВ ПО
БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В
ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ СССР (1943–1955 гг.)**

Мутигуллин А. В.

*Санкт-Петербургский военного ордена Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации*

В статье на основе анализа историко-правовых документов и литературы кратко раскрываются отдельные вопросы, связанные с правовым регулированием деятельности государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР. При этом отмечается, что в рассматриваемых исторических условиях в СССР (1943–1955 гг.) существенную роль в борьбе с «политическим» бандитизмом сыграли военно-полевые суды, Особое совещание при НКВД СССР, органы и войска НКВД, а также проводимая ими административная операция по выселению из прибалтийских республик семей бандитов и националистов. Показана деятельность войск НКВД в борьбе с политическим бандитизмом и его подпольем, а также приводятся примеры ухищрений националистов, применяемые в целях противодействия войскам НКВД.

В заключении автор высказывает мнение, что в современных военно-политических условиях денацификация общества с использованием исторического опыта борьбы с националистическими бандформированиями и защита исторической правды должны относиться к основным задачам России.

Ключевые слова: правовое регулирование, фашистско-националистическое подполье, «политический» бандитизм, фальсификация истории, уголовная ответственность, войска НКВД, Особое совещание.

В современной России в условиях ведения борьбы с националистическими формированиями в рамках проведения специальной военной операции на Украине неоценимую помощь может оказать исторический опыт, который позволит не повторять в будущем ошибки прошлого, учитывать и использовать позитивные наработки, в том числе в сфере правового регулирования деятельности государственных органов в вооруженной борьбе с национализмом, который, к сожалению, возведен в соседней стране в ранг государственной политики.

На протяжении всей истории нашей страны, бандитизм оставался и продолжает быть одним из наиболее серьезных преступлений, представляющих значительную угрозу для общества. Более того, с развитием антисоветской деятельности фашистско-националистического подполья на освобожденных территориях СССР с 1944 г. наблюдался стабильный рост бандитизма. Этот рост не ограничивался только уголовными проявлениями и включал в себя политический аспект. Самым эффективным средством борьбы с политическим бандитизмом и фашистско-националистическим подпольем в годы войны являлся хорошо отлаженный для этих целей государственно-правовой механизм [1, с. 102]. Особое место в нем занимали войска НКВД, обладающие правовым положением, позволяющим им вести успешную борьбу с националистами [2, с. 69].

Наиболее весомый вклад в борьбу пособниками фашистов и националистическими бандформированиями внесли внутренние войска и войска НКВД по охране тыла Действующей армии [3, с. 278]. Только в 1941 году войсками НКВД охранявшими войсковой тыл было задержано контрреволюционного

элемента – 1427; ставленников и пособников врага – 1019; шпионов, диверсантов, агентов и террористов – 1001; бандитов – 56 [4, с. 27]. В свою очередь националисты проявляли исключительную жестокость и террор по отношению к советским войскам и органам, использовали различные ухищрения для дискредитации НКВД перед местным населением. Так переодевшись в форму военнослужащих войск НКВД и Красной Армии, националистические бандформирования «уничтожали низовой партийный состав, сотрудников советских органов, военнослужащих и членов их семей, запугивали местное население» [5, с. 67]. За годы Великой Отечественной войны НКВД во взаимодействии с другими силовыми структурами смог «разгромить основные банды ОУН-УПА и их подполье, ликвидировать многих руководителей националистов. Однако, как показало время, полностью истребить нацизм на Украине не удалось» [6, с. 91]. После окончания войны войска НКВД обеспечивали общественный порядок и безопасность и не дали националистическим бандформированиям и другим преступным элементам помешать проведению выборов в органы государственной власти СССР [7, с. 178].

Особая ситуация с бандитизмом сложилась на освобожденных территориях Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики в 1944–1950-х гг. [8, с. 80]. Здесь более всего выделяется националистическая ориентация банд, которые ставили перед собой задачу причинения ущерба в первую очередь советской власти и ее государственным учреждениям на освобождаемых территориях. Следовательно, противодействие разнообразным националистическим организациям, которые однозначно признавались бандитскими и рассматривались как наиболее опасные виды преступности, занимало одно из ключевых мест в деятельности государственных органов СССР в последний период Великой Отечественной войны и в послевоенное десятилетие.

Деятельность государственных органов СССР по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах советского государства регламентировалась нормативно-правовыми актами, которые опирались на общую нормативно-правовую базу – Конституцию СССР 1936 г. и Конституцию РСФСР 1937 г. Если рассматривать законодательные акты, которые в указанный период устанавливали состав преступления, связанного с бандитизмом, уголовную ответственность за бандитизм, а также составы других преступлений, совершенные при организации деятельности фашистско-националистического подполья, то следует подчеркнуть значение Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1926 г. [9, с. 34]. «В УК РСФСР бандитизму отводилась статья 59.4, в которой организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, останки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась, влекли за собой расстрел и конфискацию всего имущества. Пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления, наказывались теми же мерами социальной защиты с допущением понижения до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет с конфискацией имущества» [9, с. 35].

Именно под статью 59.4 УК РСФСР подпадала деятельность фашистско-

националистического подполья. Как видно, основными наказаниями за совершенные преступления участников подполья были смертная казнь и лишение свободы, т.е. наказания были крайне суровыми, но это редко останавливало бандитов, поскольку они, во-первых, были сознательными врагами советской власти, а во-вторых, яркими националистами.

Система организации преступной антисоветской деятельности фашистско-националистического подполья, а равно с ней «политического» бандитизма, была отражена в тексте Инструкции, выпущенной организацией «Народно-освободительной революции», и в Директиве от руководства Украинской повстанческой армии (далее – УПА) от 25 ноября 1944 г. «О реорганизации частей УПА и переходе их к партизанским методам борьбы», в которых четко определялось, «что врагом является НКВД и НКГБ СССР. С ними необходимо настроить организованные кадры и широкие массы на беспощадную борьбу. Удары акций должны быть организованы против руководящих людей, советского режима и его слабых мест» [10, с. 246].

Изменения в уголовном законодательстве СССР, произведенные в годы Великой Отечественной войны, как показывает их анализ, характеризовались, в основном, последовательным ужесточением мер уголовной репрессии за преступления против советской власти. В частности, после того, как войска Красной Армии начали освобождение временно оккупированных территорий, возник вопрос о наказании тех, кто предал Родину и сотрудничал с фашистами, совершая преступления во время оккупации. В свете этого был выпущен Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» [11, с. 145]. Соответственно, этот нормативный правовой акт применялся и к лицам, участвовавшим в преступной деятельности националистических бандформирований. Они обвинялись, как правило, в нескольких преступлениях, каждое из которых предусматривало смертную казнь.

Для противодействия националистическому подполью использовались как юридические, так и административные меры. Так, в 1949 г. Советом Министров СССР было принято постановление о перемещении за пределы Литвы, Латвии и Эстонии групп, включая кулаков, членов семей бандитов и националистов, а также лиц, находящихся в нелегальном статусе, осуждённых лиц, ранее признанных бандитами и продолжавших действовать против государства, и их семей, а также семей тех, кто поддерживал бандитов и был подвергнут репрессиям.

Согласно данному постановлению из Прибалтийских республик было выселено около 100 000 лиц, причастных к кулацкому движению, националистическим группам и бандам. Эти цифры были приведены в отчете от уполномоченного МВД СССР В. Рогатина заместителю министра внутренних дел СССР В. Рясному о выполнении операции по перемещению населения в 1949 году [12, с. 341].

Следует отметить, что в исторических условиях в СССР во второй половине 1940-х гг. в рамках борьбы с вооруженным националистическим подпольем данная административная операция, проведенная советскими властями, существенно подорвала социальную базу «лесных братьев» и во многом способствовала прекращению развернутого ими террора против советской власти.

В контексте исследуемой темы следует обратить внимание, что среди судебных органов, которые рассматривали дела в отношении участников националистического подполья, главенствующее положение занимали военные трибуналы. На освобожденных территориях дела, связанные с преступлениями пособников фашистов и участников бандформирований, подвергались судебному рассмотрению военно-полевыми судами. Военно-полевые суды создавались при дивизиях действующей армии в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника особого отдела, заместителя командира по политической части с участием военного прокурора дивизии. Приговор утверждался командиром и приводился в исполнение незамедлительно. Суд занимался рассмотрением обвинений в фашистских преступлениях, включая насилие над гражданским населением, а также дела, связанные со шпионажем, изменой и соучастием в таких преступлениях. Судопроизводство осуществлялось при соблюдении основных процедур [13, с. 27].

Особое совещание (далее – ОСО) – компетентный орган вне судебных инстанций, который также рассматривал дела в отношении участников националистических банд. ОСО представлялась возможность использования административных мер, включая депортацию, отправление в исправительно-трудовые лагеря и высылку за границу СССР.

После создания этого органа его полномочия постоянно увеличивались. Так, на основании решения ГКО СССР «О порядке приведения в исполнение приговоров в отношении лиц, осужденных к высшей мере наказания, и предоставлении Особому совещанию при НКВД СССР права выносить соответствующие меры наказания по делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях» [14, с. 176] было предоставлено право ОСО на вынесение смертных приговоров и приведение их в исполнение. Это решение было закреплено распоряжением, вынесенным НКВД СССР 21 ноября 1941 г., касающимся компетенции особого совещания при НКВД.

Во второй половине 1940-х гг. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено новое Положение об Особом совещании при министре государственной безопасности СССР, согласованное с министром юстиции и Генеральным прокурором СССР. Упразднение Особого совещания произошло в 1953 году, с принятием соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Необходимо отметить, что, начиная со второй половины 1980-х гг. в отечественной науке и публицистике появилось значительное количество материалов, в которых деятельность ОСО как внесудебного органа рассматривалась исключительно в негативном ключе. Но то, что его решения, направленные на привлечение к ответственности фашистских пособников и активных деятелей националистических бандформирований в западных регионах СССР, сыграли немалую роль в борьбе с фашистско-националистическим подпольем, у авторов не вызывает сомнений.

Бандитизм в западных регионах СССР носил антисоветский, политический характер, еще одной его отличительной особенностью был крайне националистический уклон. Для советской власти, достижение мирной жизни стало одной из главных задач, и борьба с фашистско-националистическим подпольем явилась неотъемлемой частью этого процесса [15, с. 101]. С этой целью

принимались специальные законы, определяющие ответственность участников подполья, проводились административные операции органами и войсками НКВД, а впоследствии и МВД по очищению территорий от преступных националистических элементов. При этом часть нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на освобожденных от оккупации территориях СССР и ответственность за совершенные преступления, была принята ещё в 1930-х гг., однако, в годы Великой Отечественной войны и послевоенные года соответствующая нормативно-правовая база развивалась и совершенствовалась.

Современная военно-политическая обстановка настоятельно требует, «следуя урокам Нюрнберга, вести решительную, в том числе и вооруженную, борьбу против пришедших к власти на Украине политических и военных преступников, которые не без помощи враждебной Российской Федерации западной коалиции возрождают национализм и фашизм в этой стране» [16, с. 20]. Для достижения этих целей России необходимо использовать комплексные меры, включающие в себя правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны [17, с. 125] и «научную составляющую, направленные на совершенствование нравственно-патриотического воспитания российского общества, развитие у него гордости за свою Родину и уважения к памяти защитников Отечества, развитие критического мышления в оценке истории Великой Отечественной войны» [18, с. 861]. Для эффективной борьбы с националистами в первую очередь представители силовых структур как «продолжатели дел, входящих ранее в полномочия войск НКВД, должны знать истину об их деятельности для отождествления себя с благородными примерами предков» [16, с. 34].

Таким образом, важнейшими задачами российского государства в настоящее время являются денацификация общества как внутри страны, так и за ее пределами, с использованием исторического опыта борьбы с политическими бандформированиями, а также защита истории России от фальсификации, направленной на героизацию националистов и очернение советских государственных органов, эффективно борющихся с ними.

Список литературы:

1. Бутов С. В. Правовое положение военнослужащих войск НКВД СССР в государственно-правовом механизме борьбы с фашистско-националистическим подпольем на Украине в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2023. – № 1. – С. 102–106.
2. Бутов С. В. Особенности правового положения военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 3-2. – С. 69–72.
3. Лысенков С. Г. Правовое обеспечение деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Яковлевские чтения : Сборник научных статей I Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием, Новосибирск, 22–23 марта 2022 года. Том часть 1. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – С. 278–283.
4. Лысенков С. Г. Советское военное законодательство о войсках НКВД СССР по охране тыла действующей армии: ответ фальсификаторам истории Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права : Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный орден Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 22–29.

5. Лысенков С. Г. Войска НКВД или ОУН-УПА: миф о злодеяниях на Украине / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С. 65-67.
6. Бутов С. В. Борьба военнослужащих войск НКВД СССР и органов НКГБ СССР с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин, Е. Р. Симончук // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2(177). – С. 89–91.
7. Бутов С. В. Исторический опыт применения войск НКВД СССР в обеспечении общественной безопасности при проведении выборов в органы государственной власти / С. В. Бутов // Свобода, выбор, ответственность, Брянск, 14 апреля 2022 года. – Брянск: Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022. – С. 178–184.
8. Мутигуллин А. В. Борьба с бандитизмом на Украине в годы Великой Отечественной войны, как функция обеспечения общественной безопасности советского государства // Актуальные вопросы административного законодательства: материалы всероссийского круглого стола (Санкт-Петербург, 27 апреля. 2023 г.) / Редколлегия: И. С. Назарова (пред.), В. И. Кайнов (отв. ред.). СПб.: СПВИ войск национальной гвардии, 2023. – С. 79–84.
9. Упоров И. В. Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943–1953 гг.): моногр. М.: Изд-во Юрлитинформ, 2015. – 216 с.
10. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) // Сборник документов. Составители: Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.
11. Климов А. А. Деятельность внутренних войск МВД СССР по обеспечению общественной безопасности на территории западных областей Украинской ССР (1944–1953 гг.) (Историческое исследование): дис. канд. истор. наук. Москва, 2005. – 196 с.
12. От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы: в 2 т. / под общ. ред. А. В. Репникова. М.: Политическая энциклопедия, Том 1, 2018. – 437 с.
13. Козинцев А. Я. Компетенция военных трибуналов советских оккупационных войск в Германии (1945–1955 гг.) // Военно-юридический журнал. – 2011. – № 6. – С. 26–31.
14. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 2. Начало. Кн. 2 (1 сентября – 31 декабря 1941 года) / председатель ред. коллегии Н. П. Патрушев. М.: Руть, 2000. – 680 с.
15. Мутигуллин А. В., Никонов Д. А., Яковлев М. В. Фальсификация истории деятельности вооруженного националистического подполья на Западной Украине в 1940-х – 1950-х гг. // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права. Сборник материалов круглого стола (Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 г.). СПб.: СПВИ войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 98–103.
16. Лысенков С. Г. Справедливое возмездие за преступные цели и средства в войне против мира и человечности (к 77-й годовщине Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками) / С. Г. Лысенков, Г. Н. Крижановская, С. В. Бутов // Решения Нюрнбергского трибунала как источник международного гуманитарного права : Сборник научных статей межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 23 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 15-21.
17. Лысенков С. Г. Правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10(173). – С. 125-127.
18. Бутов С. В. О научно-правовых средствах борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны (на примере войск НКВД СССР) / С. В. Бутов, А. А. Дерюгин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 5. – С. 858-863.
19. Бутов С. В. Сохранение исторической правды о деятельности войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны как важное условие духовно-нравственного воспитания курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации / С.В. Бутов, Е. Р. Симончук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 29-36.

Mutigullin A.V. Legal regulation of the activities of government bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR (1943–1955) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 318 – 325.

Based on the analysis of historical and legal documents and literature, the article briefly reveals certain issues related to the legal regulation of the activities of government bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR. It is noted that in the historical conditions under consideration in the USSR (1943–1955), military courts, the Special Meeting of the NKVD of the USSR, the bodies and troops of the NKVD, as well as the administrative operation carried out by them, played a significant role in

the fight against “political” banditry on the eviction of families of bandits and nationalists from the Baltic republics. The activities of the NKVD troops in the fight against political banditry and its underground are shown, and examples of the tricks of nationalists used to counter the NKVD troops are given.

In conclusion, the author expresses the opinion that in modern military-political conditions, denazification of society using the historical experience of fighting nationalist gangs and protecting historical truth should be among the main tasks of Russia.

Keywords: legal regulation, fascist-nationalist underground, “political” banditry, falsification of history, criminal liability, NKVD troops, Special Meeting.

Spisok literatury:

1. Butov S. V. Pravovoe polozhenie voennosluzhashhikh vojsk NKVD SSSR v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme bor'by s fashistsko-natsionalisticheskim podpol'em na Ukraine v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. V. Butov, A. V. Mutigullin // *Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki*. Seriya: *E'konomika i pravo*. – 2023. – # 1. – S. 102–106.
2. Butov S. V. Osobennosti pravovogo polozheniya voennosluzhashhikh vojsk NKVD v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. V. Butov // *Sovremennaya nauka: aktual'ny'e problemy` teorii i praktiki*. Seriya: *E'konomika i pravo*. – 2022. – # 3-2. – S. 69–72.
3. Ly'senkov S. G. Pravovoe obespechenie devatel'nosti vojsk NKVD SSSR po okhrane ty'la deystvuyushhej armii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 godov / S. G. Ly'senkov, S. V. Butov // *Yakovlevskie chteniya : Sbornik nauchny'kh statej I Mezhdvoststvennaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodny'm uchastiem*, Novosibirsk, 22–23 marta 2022 goda. Tom chast' 1. – Novosibirsk: Novosibirskij voenny'i institut imeni generala armii I.K. Yakovleva vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federaczii, 2022. – S. 278–283.
4. Ly'senkov S. G. Sovetskoe voennoe zakonodatel'stvo o vojskakh NKVD SSSR po okhrane ty'la deystvuyushhej armii: otvet fal'sifikatoram istorii Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. G. Ly'senkov, S. V. Butov // *Resheniya Nyurnbergskogo tribunala kak istochnik mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava : Sbornik nauchny'kh statej mezhdvuzovskogo kruglogo stola*, Sankt-Peterburg, 23 noyabrya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij voenny'j ordena Zhukova institut vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federaczii, 2023. – S. 22–29.
5. Ly'senkov S. G. Vojska NKVD ili OUN-UPA: mif o zlodeyaniyakh na Ukraine / S. G. Ly'senkov, S. V. Butov, A. V. Mutigullin // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2022. – # 11(174). – S. 65–67.
6. Butov S. V. Bor'ba voennosluzhashhikh vojsk NKVD SSSR i organov NKGB SSSR s banditizmom na Ukraine v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. V. Butov, A. V. Mutigullin, E. R. Simonchuk // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2023. – # 2(177). – S. 89–91.
7. Butov S. V. Istoricheskij opyt primeneniya vojsk NKVD SSSR v obespechenii obshhestvennoj bezopasnosti pri provedenii vy'borov v organy` gosudarstvennoj vlasti / S. V. Butov // *Svoboda, vy'bor, otvetstvennost'*, Bryansk, 14 aprelya 2022 goda. – Bryansk: Bryanskij filial Rossijskoj akademii narodnogo khozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente Rossijskoj Federaczii, 2022. – S. 178–184.
8. Mutigullin A. V. Bor'ba s banditizmom na Ukraine v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`, kak funkciya obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti sovetskogo gosudarstva // *Aktual'ny'e voprosy` administrativnogo zakonodatel'stva: materialy` vserossijskogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 27 aprelya, 2023 g.) / Redkollegiya: I. S. Nazarova (pred.), V. I. Kajnov (otv. red.)*. SPb.: SPVI vojsk natsional'noj gvardii, 2023. – S. 79–84.
9. Uporov I. V. Gosudarstvennaya politika SSSR po bor'be s banditizmom na by'vshikh v okkupaczii sovetskikh territoriyakh (1943–1953 gg.): monogr. M.: Izd-vo Yurlitinform, 2015. – 216 s.
10. NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhenny'm natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoj Ukraine, v Zapadnoj Belorussii i Pribaltike (1939–1956) // *Sbornik dokumentov*. Sostaviteli: Vladimirczev N. I., Kokurin A. I. M.: Ob'edinennaya redakciya MVD Rossii, 2008. – 640 s.
11. Klimov A. A. Devatel'nost` vnutrennikh vojsk MVD SSSR po obespecheniyu obshhestvennoj bezopasnosti na territorii zapadny'kh oblastej Ukrainskoj SSR (1944–1953 gg.) (Istoricheskoe issledovanie): dis. kand. istor. nauk. Moskva, 2005. – 196 s.
12. Ot natsionalizma k kollaboracionizmu: Pribaltika v gody` Vtoroj mirovoj vojny`: dokumenty`: v 2 t. / pod obshh. red. A. V. Repnikova. M.: Politicheskaya e'nciklopediya, Tom 1, 2018. – 437 s.
13. Kodinczev A. Ya. Kompetenciya voenny'kh tribunalov sovetskikh okkupacionny'kh vojsk v Germanii (1945–1955 gg.) // *Voенно-yuridicheskij zhurnal*. – 2011. – # 6. – S. 26–31.
14. Organy` gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne: sb. dokumentov. T. 2. Nachalo. Kn. 2 (1 sentyabrya – 31 dekabrya 1941 goda) / predsedatel` red. kollegii N. P. Patrushev. M.: Rus', 2000. – 680 s.
15. Mutigullin A. V., Nikonov D. A., Yakovlev M. V. Fal'sifikaciya istorii devatel'nosti vooruzhennogo natsionalisticheskogo podpol'ya na Zapadnoj Ukraine v 1940-kh – 1950-kh gg. // *Resheniya Nyurnbergskogo tribunala kak istochnik mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava*. Sbornik materialov kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 23 noyabrya 2022 g.). SPb.: SPVI vojsk natsional'noj gvardii Rossijskoj Federaczii, 2023. – S. 98–

103.

16. Ly`senkov S. G. Spravedlivoe vozmezdие za prestupny`e czeli i sredstva v vojne protiv mira i chelovechnosti (k 77-i godovshhine Nyurnbergskogo proczessa nad glavny`mi naczistskimi prestupnikami) / S. G. Ly`senkov, G. N. Krizhanovskaya, S. V. Butov // Resheniya Nyurnbergskogo tribunala kak istochnik mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava : Sbornik nauchny`kh statej mezhvuzovskogo kruglogo stola, Sankt-Peterburg, 23 novabrya 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk naczional`noj gvardii Rossijskoj Federaczii, 2023. – S. 15-21.

17. Ly`senkov S. G. Pravovy`e sredstva bor`by` s fal`sifikaciej istorii Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. G. Ly`senkov, S. V. Butov // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2022. – # 10(173). – S. 125-127.

18. Butov S. V. O nauchno-pravovy`kh sredstvakh bor`by` s fal`sifikaciej istorii Velikoj Otechestvennoj vojny` (na primere vojsk NKVD SSSR) / S. V. Butov, A. A. Deryugin // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. – 2023. – T. 33, # 5. – S. 858-863.

19. Butov S. V. Sokhranenie istoricheskoi pravdy` o deyatel`nosti vojsk NKVD SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` kak vazhnoe uslovie dukhovno-nravstvennogo vospitaniya kursantov vojsk naczional`noj gvardii Rossijskoj Federaczii / S.V. Butov, E. R. Simonchuk // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T. 9, № 3. – S. 29-36.

УДК 340.5

ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Киреев К. П.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В данной статье на основе историко-сравнительного метода осуществлен анализ законодательства советского периода развития Российского государства с целью систематизации легализованного материала о многообразии наблюдателей в различных правоотношениях. В качестве итогов автором представлено видовое многообразие наблюдателей, статус которых формализован законодательством советского периода. В частности, установлены индивидуальная и коллективная формы наблюдения; на основе критерия юридической природы дана характеристика наблюдателям от общественности в органах государственной власти; исключительно представителям государственной власти; наблюдателям, представляющим и органы государственной власти, и общественность; в зависимости от сферы деятельности наблюдателей указан универсальный и специальный государственный контроль, а также народовластный и избирательный процессы.

Ключевые слова: наблюдатель, наблюдательные комиссии, избирательный процесс, референдум, исправительно-трудовые учреждения.

В юридической науке [13, с. 154-165; 14, с. 53-60; 15, с. 235-242; 19, с. 44-52] традиционно и на основе действующего законодательства [11] наблюдателей сопоставляют с избирательным процессом. Однако современные нормативные правовые акты регламентируют участие наблюдателей и в иных общественных отношениях [9, 10, 12].

Словари называют наблюдателем «того, кто следит глазами за кем-либо или чем-либо, смотрит что-либо; того, кто профессионально следит за текущими событиями, чтобы дать им оценку и предсказать, что может произойти в будущем» [18]. Полагаем, такая содержательно широкая трактовка наблюдателей позволяет сделать вывод, как минимум, о реализации ими прогнозирующей и контрольной функций. При обращении к конкретным правовым нормам, к примеру, Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ, может быть сделан вывод и о правозащитной функции наблюдателей в рамках избирательного процесса [11].

Такая распространенность наблюдателей в различных видах правоотношений, на наш взгляд, актуализирует систематизацию знаний о них. В этой связи первоочередным шагом может стать анализ на основе историко-сравнительного метода (предполагает сравнение различных государственных и правовых институтов на конкретных этапах исторического развития [17]) законодательства советского периода на предмет выявления в нем норм, легализующих индивидуальные и коллективные формы наблюдения. Далее представим полученные результаты с учетом хронологического порядка нормативных правовых актов.

Итак, функционал наблюдателя «за своевременным и правильным представлением государственными, кооперативными и частными предприятиями статистической отчетности» [7] был отведен за органами рабоче-крестьянской инспекции (в последующем отменен) [7]. Уточним, что Рабоче-крестьянская инспекция являлась разновидностью органов государственного контроля; учреждена Декретом ВЦИК от 08.02.1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Инспекции» [1]. «Именно масштабное вовле-

чение в контрольную работу представителей рабочего и крестьянского классов объясняет специфическое наименование данного органа – «Рабоче-Крестьянская Инспекция» [16, с. 249-257].

В 1930 г. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР в военно-исправительных частях Рабоче-крестьянской красной армии были организованы наблюдательные комиссии «в составе председателя – командира военно-исправительной части и двух членов – представителей военного трибунала и соответствующего политического органа Рабоче-крестьянской красной армии» [2].

Наблюдательным комиссиям, в частности, предоставлялись права:

а) условно-досрочного освобождения лиц, содержащихся в военно-исправительных частях;

б) перевода указанных лиц в общие места заключения в случаях увольнения их с непрерывной службы в частях Рабоче-крестьянской красной армии, а также в тех случаях, когда содержание этих лиц в военно-исправительных частях будет признано комиссией нецелесообразным» [2].

Отметим, в отличие от предыдущей функции наблюдения, в Рабоче-крестьянской красной армии наблюдательные комиссии формировались из представители руководящего состава и структурных подразделений соответствующего государственного образования.

В 1975 г. были учреждены наблюдательные комиссии при исполнительных комитетах районных и городских советов депутатов трудящихся в целях усиления общественного контроля за деятельностью исправительно-трудовых учреждений [3]. Такие комиссии создавались «из представителей советских, профсоюзных и комсомольских организаций (в том числе представителей органов здравоохранения, просвещения, культуры и др.) под председательством членов исполнительных комитетов районных или городских Советов депутатов трудящихся» [3]. Как видим, состав заявленных комиссий был смешанным – представители государственных органов и общественности.

К числу основных задач наблюдательных комиссий было отнесено:

а) осуществление постоянного контроля за соблюдением социалистической законности в деятельности исправительно-трудовых учреждений;

б) наблюдение за выполнением мероприятий, предусмотренных Положением об исправительно-трудовых учреждениях, по перевоспитанию заключенных на основе приобщения их к общественно полезному труду, правильной организации труда, улучшению быта, культурного обслуживания, производственно-технического обучения и повышению общеобразовательного уровня заключенных, а также оказание помощи администрации исправительно-трудовых учреждений в проведении этой работы;

в) привлечение общественности к участию в перевоспитании заключенных;

г) содействие лицам, освобожденным из мест заключения, в трудоустройстве» [3] и др.

Заявленный нами контрольный функционал подтверждают правовые нормы исследуемого хронологического периода. Так, «наблюдательные комиссии осуществляли контроль за начислением рабочих дней заключенным, производимым администрацией исправительно-трудовых учреждений (п. 8)» [3].

Уточним, что деятельность наблюдательных комиссий характеризовалась всесторонним взаимодействием с субъектами, управомоченными в данной сфере. В частности, «на заседания наблюдательных комиссий приглашались прокуроры, осуществляющие надзор за местами заключения, а также администрация и представители общественных организаций исправительно-трудовых учреждений» (п. 12).

В 1965 г. Положение о наблюдательных комиссиях было обновлено [8]. Число членов комиссии теперь устанавливалось в зависимости от объема работы комиссии. Состав комиссии был расширен, в него «входили депутаты Советов, представители профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, трудовых коллективов (из числа опытных воспитателей, ветеранов труда, пенсионеров – учителей, медицинских работников, офицеров запаса и других)» (ст. 3) [8].

Отдельно отмечалось, что в состав наблюдательной комиссии «не могли входить работники органов внутренних дел (милиции), прокуратуры, судов, а также адвокаты» (ст. 4) [8].

По сравнению с Положением о наблюдательных комиссиях 1957 г. в рассматриваемом Положении 1965 г. существенно были обновлены основные задачи наблюдательных комиссий при исполнительных комитетах районных, городских (без районного деления), районных в городах Советов народных депутатов. В частности:

«а) осуществление постоянного общественного контроля за деятельностью исправительно-трудовых учреждений, воспитательно-трудовых профилакториев и органов, исполняющих приговоры судов;

б) осуществление контроля за организацией и проведением воспитательной работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, где работают лица, переданные на поруки, осужденные условно или к наказанию и др.;

в) учет и общественное наблюдение за поведением в быту и на производстве лиц, неоднократно судимых, по отбытии ими наказания;

г) привлечение общественности к оказанию помощи администрации исправительно-трудовых учреждений, воспитательно-трудовых профилакториев и органов, исполняющих приговоры судов в работе по исправлению и перевоспитанию осужденных;

е) оказание необходимой помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы, воспитательно-трудовых профилакториев, от ссылки и высылки, а также другим лицам, освобожденным от отбывания наказания» (ст. 8) [8].

В деятельности наблюдательных комиссий также сохранялся формат всестороннего взаимодействия с субъектами, управомоченными в данной сфере. К примеру, «на заседание наблюдательной комиссии приглашались прокурор, осуществляющий надзор за местами лишения свободы и органы, исполняющие приговоры судов, и в зависимости от характера рассматриваемых вопросов – представители администрации исправительно-трудовых учреждений, воспитательно-трудовых профилакториев и органов, исполняющих приговоры судов...» (ст. 13) [8].

Уточним, что в заявленный хронологический период установлены нормы, легализовавшие статус наблюдателей в рамках отдельных предприятий (например, наблюдатели в организациях и предприятиях гидрометеорологической службы [6]).

В заключении отметим традиционный формат наблюдения для народовластного и избирательного процессов. Так, в 1991 г. постановлениями Президиума Верховно-

го Совет РСФСР был введен институт наблюдателей за проведением референдумов СССР и РСФСР 17.05.1991 г. на территории РСФСР [4]; за проведением выборов Президента РСФСР [5]. Так, «для оказания организационной и методической помощи ... был предоставлен статус и права официальных наблюдателей Президиума Верховного Совета РСФСР ... народным депутатам РСФСР» (п. 1) [4, 5].

Официальным наблюдателям Президиума Верховного Совета РСФСР было рекомендовано «оказывать комиссиям по проведению референдумов / выборов содействие в реализации возложенных на них задач» (п. 2), а также возлагались обязанности содействовать соблюдению законодательства о референдуме / выборах.

В аспекте контрольных полномочий надлежит отметить предоставленный официальным наблюдателям Президиума Верховного Совета РСФСР доступ ко всем материалам комиссий референдумов / выборов в любой момент работы комиссий, в том числе и расположенным в воинских частях (по выборам Президент) [5]. У наблюдателей в рамках народовластного процесса было право обжалования решений комиссий в Центральную комиссию РСФСР по проведению референдумов СССР и РСФСР [4].

Подводя итоги осуществленного исследования, отметим, что в заявленном хронологическом периоде выявлены правовые нормы, легализующие индивидуальную и коллективные формы наблюдения. В аспекте юридической природы установлены наблюдатели от общественности в органах государственной власти; исключительно представители государственной власти; наблюдатели, представляющие и органы государственной власти, и общественность. Что касается сферы, в которой наблюдатели реализуют деятельность, здесь отмечен универсальный государственный контроль, контроль в отдельных сферах, в частности, в рамках народовластного и избирательного процессов; за исправительно-трудовыми учреждениями и т.п.

Список литературы:

1. Декрет ВЦИК от 08.02.1920 г. «О Рабоче-Крестьянской Инспекции» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М. 1943. С. 123-125.
2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30.05.1930 г. «Об организации наблюдательных комиссий в военно-исправительных частях Рабоче-крестьянской красной армии» // СЗ СССР. 1930. № 27. Ст. 299.
3. Постановление Совмина РСФСР от 24.05.1957 г. № 349 «Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях при исполнительных комитетах районных и городских Советов депутатов трудящихся» // СП РСФСР. 1958. № 3. Ст. 22.
4. Постановление Президиума ВС РСФСР от 04.03.1991 г. «О введении института наблюдателей Президиума Верховного Совета РСФСР за проведением референдумов СССР и РСФСР 17 марта 1991 года на территории РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 10. Ст. 274.
5. Постановление Президиума ВС РСФСР от 20.05.1991 г. «О введении института наблюдателей Президиума Верховного Совета РСФСР за проведением выборов Президента РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 715.
6. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 26.03.1969 г. № 119/8 «О дополнении Типового Положения о премировании рабочих-повременщиков, наблюдателей, руководящих и инженерно-технических работников организаций и предприятий гидрометеорологической службы» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1969. № 6.
7. Постановление СТО СССР от 03.06.1927 г. «Об освобождении органов рабоче-крестьянской инспекции от обязанности наблюдать за своевременным и правильным представлением статистической отчетности государственными, кооперативными и частными предприятиями» // СЗ СССР. 1927. № 41. Ст. 423.
8. Указ Президиума ВС РСФСР от 30.09.1965 г. «Об утверждении Положения о наблюдательных комиссиях» // Ведомости ВС РСФСР. 1965. № 40. Ст. 990.
9. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

10. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
11. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
12. Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // 2016. № 26 (Часть I) Ст. 3855.
13. Григоревский В.А. Правовые проблемы назначения наблюдателей на выборах // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3 (13). С. 154-165.
14. Исраелян В.Б. Правовые основы статуса общественного наблюдателя на выборах Президента Российской Федерации и на выборах мэра города Москвы // Российское государственное управление. 2018. № 4. С. 53-60.
15. Кондрашенко Д.А. Проблемы и перспективы развития правового статуса наблюдателей на выборах в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. № 2. С. 235-242.
16. Султанмуратов Д.Ю. Рабоче-крестьянская инспекция: правовые основы деятельности и особенности осуществления контрольно-ревизионной работы // Вопросы студенческой науки. 2020. Выпуск № 12 (52). С. 249-257.
17. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.
18. Толковый словарь русского языка Д.В. Дмитриева. 2003; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2476/%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C?ysclid=lnwxk1qdt6577986804> (дата обращения 11.09.2023 г.).
19. Чепкасов Р.А. Наблюдатель на выборах как институт общественного контроля за избирательным процессом // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 8-1. С. 44-52.

Kireev K. P. Formalization of observers in the legislation of the soviet period // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 326 – 331.

In this article, based on the historical and comparative method, the analysis of the legislation of the Soviet period of the development of the Russian state is carried out in order to systematize the legalized material about the diversity of observers in various legal relations.

As a result, the author presents the species diversity of observers whose status is formalized by the legislation of the Soviet period. In particular, individual and collective forms of observation are established; on the basis of the criterion of legal nature, a characteristic is given to observers from the public in state authorities; exclusively representatives of state authorities; observers representing both state authorities and the public; depending on the scope of the observers' activities, universal and special state control, as well as people's and electoral processes are indicated.

Keywords: observer, supervisory commissions, electoral process, referendum, correctional labor institutions.

Spisok literatury:

1. Dekret VCIK ot 08.02.1920 g. «O Raboche-Krest'yanskoj Inspekcii» // Sobranie zakonov i rasporyazhenij Pravitel'stva za 1920 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR M. 1943. S. 123-125.
2. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 30.05.1930 g. «Ob organizacii nablyudatel'nyh komissij v voenno-ispravitel'nyh chastyah Raboche-krest'yanskoj krasnoj armii» // SZ SSSR. 1930. № 27. St. 299.
3. Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 24.05.1957 g. № 349 «Ob utverzhdenii Polozheniya o nablyudatel'nyh komissiyah pri ispolnitel'nyh komitetah rajonnyh i gorodskih Sovetov deputatov trudyashchih» // SP RSFSR. 1958. № 3. St. 22.
4. Postanovlenie Prezidiuma VS RSFSR ot 04.03.1991 g. «O vvedenii instituta nablyudatelej Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR za provedeniem referendumov SSSR i RSFSR 17 marta 1991 goda na territorii RSFSR» // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 10. St. 274.
5. Postanovlenie Prezidiuma VS RSFSR ot 20.05.1991 g. «O vvedenii instituta nablyudatelej Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR za provedeniem vyborov Prezidenta RSFSR» // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 21. St. 715.
6. Postanovlenie Goskomtruda SSSR, Sekretariata VCSPPS ot 26.03.1969 g. № 119/8 «O dopolnenii Tipovogo Polozheniya o premirovanii rabochih-povremenshchikov, nablyudatelej, rukovodyashchih i inzhenerno-tehnicheskikh rabotnikov organizacij i predpriyatij gidrometeorologicheskoy sluzhby» // Byulleten' Goskomtruda SSSR. 1969. № 6.
7. Postanovlenie STO SSSR ot 03.06.1927 g. «Ob osvobozhdenii organov raboche-krest'yanskoj inspekcii ot obyazannosti nablyudat' za svoevremennym i pravil'nyim predstavleniem statisticheskoy otchetnosti gosudarstvennymi, kooperativnymi i chastnymi predpriyatiyami» // SZ SSSR. 1927. № 41. St. 423.

8. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 30.09.1965 g. «Ob utverzhdenii Polozheniya o nablyudatel'nyh komissiyah» // Vedomosti VS RSFSR. 1965. № 40. St. 990.
9. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28.06.2004 g. № 5-FKZ «O referendume Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2004. № 27. St. 2710.
10. Federal'nyj zakon ot 15.07.1995 g. № 103-FZ «O sodержanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij» // SZ RF. 1995. № 29. St. 2759.
11. Federal'nyj zakon ot 12.06.2002 g. № 67-FZ «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» (red. ot 31.07.2023 g.) // SZ RF. 2002. № 24. St. 2253.
12. Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 g. № 186-FZ «O Chrezvychnom i Polnomochnom Posle Rossijskoj Federacii v inostrannom gosudarstve i Postoyannom predstavitele (predstavitele, postoyannom nablyudatele) Rossijskoj Federacii pri mezhdunarodnoj organizacii (v inostrannom gosudarstve)» // 2016. № 26 (CHast' I) St. 3855.
13. Grigorevskij V.A. Pravovye problemy naznacheniya nablyudatelej na vyborah // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2019. № 3 (13). S. 154-165.
14. Israelyan V.B. Pravovye osnovy statusa obshchestvennogo nablyudatelya na vyborah Prezidenta Rossijskoj Federacii i na vyborah mera goroda Moskvy // Rossijskoe gosudarstvovedenie. 2018. № 4. S. 53-60.
15. Kondrashchenko D.A. Problemy i perspektivy razvitiya pravovogo statusa nablyudatelej na vyborah v Rossijskoj Federacii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2023. T. 23. № 2. S. 235-242.
16. Sultanmuratov D.YU. Raboche-krest'yanskaya inspekciya: pravovye osnovy deyatel'nosti i osobennosti osushchestvleniya kontrol'no-revizionnoj raboty // Voprosy studencheskoj nauki. 2020. Vypusk № 12 (52). S. 249-257.
17. Teoriya gosudarstva i prava / pod red. A.S. Pigolkina. M.: Gorodec, 2003. 544 s.
18. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka D.V. Dmitrieva. 2003; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2476/%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C?ysclid=lnwxk1qdt6577986804> (data obrashcheniya 11.09.2023 g.).
19. CHepkasov R.A. Nablyudatel' na vyborah kak institut obshchestvennogo kontrolya za izbiratel'nym processom // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2022. T. 12. № 8-1. S. 44-52.

УДК 342

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Шкляр Т. А.

Верховный Суд Республики Крым, г. Симферополь

В статье рассматриваются процессуальные особенности разрешения административных споров, связанных с оспариванием нормативных правовых актов, процессуальные сложности, возникающие у судов, исследуются вопросы исполнения судебных решений по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов и предлагается механизм их исполнения, основанный на добровольности под контролем суда. при использовании данной меры воздействия, установленной общими нормами КАС РФ, судебная инстанция наделена всеми необходимыми рычагами по контролю за исполнением решения, которым на административного ответчика возложена обязанность принять заменяющий нормативный акт. Полагаем, данная норма логично завершает конструктивный и современный способ приведения в исполнение решений суда при оспаривании нормативных правовых актов, предлагаемый механизм может быть эффективным при защите нарушенного права. Вместе с тем, примеров реализации указанной нормы на момент подготовки статьи мы не встретили, в связи с чем хотелось поставить на обсуждение практиков и теоретиков предложенное толкование в самом широком спектре, что, с нашей точки, зрения, способствовало бы развитию данной формы судебного контроля в рамках административной процессуальной формы.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, механизм исполнения решения суда по административному делу, исполнительное производство, исполнительный лист.

Процессуальный порядок рассмотрения административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, установленный Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, с учетом отдельной главы, посвященной именно данной категории споров, разъяснений, содержащихся в Постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, достаточно подробно регламентирован.

Вместе с тем, в процессе каждодневного применения процессуальных норм при рассмотрении споров исследуемой группы административных дел возникают вопросы применения норм процессуального права, обсудить которые предлагается в настоящей статье.

Так, можно выделить сложности при применении правил родовой подсудности. Это случаи, когда административные истцы настаивают на разрешении спора судом субъекта РФ в качестве суда первой инстанции, несмотря на то, что оспариваемый нормативный акт принят администрацией муниципального района или главой сельского поселения, которые относятся к исполнительным органам местного самоуправления [1-7], в то время как к подсудности областных и равных им судов в качестве суда первой инстанции отнесены исключительно споры об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований.

Имели место противоположные случаи, когда районными судами были приняты к производству и рассмотрены по существу административные иски об оспаривании нормативных правовых актов, принятых в пределах полномочий представительны-

ми органами муниципальных образований, как-то городскими советами, городскими думами, или органами государственной власти субъектов, как-то департаментом природных ресурсов области, советом министров республики, что послужило основанием для отмены судебных актов [8-11].

В части субъектного состава судами практически не высказываются проблемы. Административным истцом является лицо-участник регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом отношений, которым может выступать также носитель публичных полномочий, орган местного самоуправления, глава муниципального образования как в связи с нарушением их компетенции, так и по иным основаниям, реализуя право на судебную защиту как одну из гарантий местного самоуправления, предоставленных Конституцией Российской Федерации [12].

В качестве яркой иллюстрации данного правила можно привести Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации по административному исковому заявлению контрольного органа городского округа о признании недействующим решения Думы о снижении надбавок лицам, замещающим должности муниципальной службы в данном органе, в котором Верховный Суд Российской Федерации указал, что оспариваемый муниципальный правовой регулирует отношения, субъектом которых административный истец не является, следовательно, его нормы не затрагивают права и законные интересы названного органа местного самоуправления, связанные с его деятельностью по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля, не касаются его полномочий, установленных федеральным законодательством, Уставом области и Положением о Контрольном органе. Оспариваемые административным истцом положения затрагивают права муниципальных служащих Контрольного органа, связанные с размером их денежного содержания, при этом Контрольный орган полномочиями по обращению в суд с административным исковым заявлением в защиту прав работников этого органа законом не наделен [13].

Глубокому осмыслению тематика, связанная с оспариванием нормативных правовых актов, подвергается со стороны теоретиков.

В частности, С.Н. Никитин, при рассмотрении проблем правового регулирования порядка рассмотрения таких административных дел выделяет в качестве предмета судебного оспаривания нормативные правовые акты, которые имеют публичный характер [14, с. 163], и настаивает, что признание нормативного правового акта недействующим может означать установление запрета на его дальнейшее применение, в связи с чем суды должны признавать незаконные нормативные правовые акты недействующими с момента вступления решения в законную силу, о чем указывать в резолютивной части решения [15, с. 36-37].

Иного мнения придерживаются другие авторы [16-19], в частности, Э.Ю. Ермаков, предлагая новую редакцию ч. 1 ст. 216 КАС РФ, согласно которой положения признанного недействующим акта не могут применяться со дня принятия такого нормативного правового акта [20].

Конституционный Суд Российской Федерации отмечает в качестве последствия признания судом нормативного правового акта недействующим его исключение из системы правового регулирования, обеспечиваемое доведением такого решения суда до сведения широкого круга лиц в надлежащем порядке [21].

Опираясь на данную правовую позицию, с учетом принципа разделения властей, значения последующего судебного контроля заметим, что компетенция суда ограничивается возможностью, не отменяя нормативный правовой акт, лишить его силы, признав его недействующим, «обездвиженным», что, по общему правилу, можно сделать только на будущее.

Попробуем проанализировать и обобщить, каким образом реализуется судебными инстанциями предоставленное законодателем полномочие признавать оспариваемый акт недействующим как со дня вступления решения суда в законную силу, так и со дня его принятия или с иной определенной судом даты.

В первую очередь, по административным искам о признании недействующими документов территориального планирования в большинстве случаев суды признают недействующими нормативные акты именно с даты вступления в силу решения суда. В ходе мониторинга мы выявили решения судов о признании недействующими Правил пользования водными объектами для плавания на маломерных судах, Правил благоустройства территории, постановлений об арендной плате за использование участков, находящихся в муниципальной собственности, которые были признаны недействующими также с даты вступления в силу решения суда [22-47].

Со дня принятия нормативного правового акта преимущественно судами признавались недействующими акты об установлении тарифов, об утверждении Перечня объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость на соответствующий год, об утверждении границы государственного природного заказника [48-62].

Допустимо лишение действия нормативного акта также с иных моментов, к примеру, с даты, когда административный истец стал участником правоотношений, регулируемых данным актом.

Обозначим также случаи признания недействующим нормативного правового акта со дня вступления его в силу. Такие решения принимались судами главным образом при признании недействующими постановлений об утверждении Перечня объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость [63-65].

Решение суда в полном объеме или сообщение о принятом решении, независимо от момента, с которого признан недействующим оспоренный нормативный правовой акт или его отдельные положения, должно быть опубликовано в официальном печатном издании органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, уполномоченной организации или должностного лица, в котором был опубликован или должен быть опубликован такой акт, о чем также должно быть указано в резолютивной части [66].

Как показывает анализ административных дел, исполнительные листы при этом судами не выдаются.

Надо отметить, что в большинстве случаев указанная обязанность выполняется законотворческими органами ответственно. Со стороны административных ответчиков, в частности, городских советов, в адрес суда не позднее месяца со дня вступления в силу решения суда поступают означенные сообщения о публикации решения ли сообщения в печатном издании и обнародовании на сайте совета [67].

Но в случае, если последствием признания оспоренного нормативного правового акта недействующим является необходимость принятия заменяющих правил пове-

дения, о чем указано в резолютивной части решения суда, выполнение данной обязанности при реализации решения суда вызывает определенные вопросы.

Исследование судебных решений свидетельствует, что к выводу о необходимости принять заменяющий акт суды приходят с целью обеспечения стабильности и исключения возникновения правовой неопределенности в уже существующих отношениях, когда выявлена недостаточная правовая урегулированность административных и иных публичных правоотношений и существует опасность нарушения прав неограниченного круга лиц. При этом соответствующее правомочие суда при принятии судебного акта не зависит от того, заявлялись ли указанные требования административным истцом [68].

Например, когда отсутствие заменяющих актов лишает административного истца возможности взыскания с абонентов задолженности, образовавшейся в период регулирования оспоренного приказа об установлении тарифов на питьевую воду и водоотведение [69].

В связи с изложенным, предлагается осмыслить детали исполнения, реализации судебных решений по рассматриваемым спорам, которые в практической плоскости вызывают сложности, и высказываются различные мнения: в случае, если последствием признания нормативного правового акта недействующим является возложение на носителя властных полномочий обязанности принять заменяющий нормативный акт, подлежит ли выдаче исполнительный лист или нет, надлежит ли указывать срок, в течение которого должна быть выполнена такая обязанность или нет?

Указанные проблемы носят прикладной характер, но, думается, что они могут представлять интерес в ходе исследования общих вопросов, связанных с исполнимостью решений неимущественного характера.

В частности, при рассмотрении административного дела об оспаривании нормативного правового акта об установлении регулируемой цены, которым признан недействующим со дня принятия приказ комитета по ценам и тарифам об установлении тарифов на услуги по обеспечению заправки воздушных судов авиационным топливом с возложением на тарифный орган обязанности принять новый нормативный правовой акт, заменяющий признанный недействующим, столкнулись с таким казусом: соответствующий тарифный орган после вступления в силу решения суда отказался принимать заменяющий нормативный правовой акт [70].

При рассмотрении конкретного дела, касающегося признания недействующим Правил землепользования и застройки, в рамках обстоятельств, имеющих значение для его разрешения, было высказано суждение высшей судебной инстанцией о том, что выдача исполнительного листа на основании решения суда по делу о признании недействующим нормативного правового акта не требуется [71].

В рамках административно-процессуальной формы попытаемся типизировать ситуации, когда не требуется выдача исполнительного листа и предложить для обсуждения тезис, согласно которому по административным делам об оспаривании нормативных правовых актов, в том числе в случае возложения обязанности принять заменяющий акт, контроль за исполнением судебного акта осуществляет непосредственно суд, и в большинстве ситуаций не требуется выдавать исполнительные листы не потому, что речь идет об исках о признании, а потому, что презюмируется добровольность исполнения судебного решения органом иной ветви власти.

Отправной точкой для рассуждения послужит разъяснение, содержащееся в Пленуме Верховного Суда РФ, о важности разумности срока, в течение которого реализуется решение суда, о том, что право на исполнение судебного акта в разумный срок является неперменной составляющей права на судебную защиту, реализуемого посредством создания государством процессуальных условий, а также организации и обеспечения своевременного и эффективного исполнения судебных актов [72].

Право на исполнение судебного акта, вопросы соотношения и взаимосвязи права на исполнение судебного акта и права на справедливое судебное разбирательство неизменно пребывают в фокусе внимания исследователей, но именно в публичной сфере право на исполнение судебного решения авторы выделяют как значимый аспект в реализации права на справедливое судебное разбирательство [73].

Исполнимость требований неимущественного характера определяется как программная категория и связывается с механизмом принудительного исполнения [74].

Рядом авторов категория исполнимости судебного акта рассматривается через призму классификации исков на иски о признании и иски о присуждении, в связи с чем для рассматриваемой категории споров предлагается вывод об отсутствии специального исполнительного производства [75].

Не возражая против мнения ведущих процессуалистов, рассмотрим данные обстоятельства под другим углом.

Существует ли обязательная зависимость исполнимости судебных решений по именованным выше административным делам от механизма принудительного исполнения?

Каким образом обеспечивается исполнение судебных актов по главе 21 КАС РФ? Процессуальные изъятия для данной категории споров процессуальным правом не установлены, в связи с чем подлежат применению общие положения, позволяющие предположить следующий механизм исполнения рассматриваемых решений.

Вступившие в законную силу судебные акты по административным делам являются обязательными для органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, комиссий референдума, организаций, объединений, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 16 КАС РФ).

При этом принудительное исполнение судебного акта на основании выданного судом исполнительного листа производится только в случае необходимости (ст. 352 КАС РФ).

Положения Федерального закона «Об исполнительном производстве» позволяют сделать вывод, что исполнительный лист выступает исполнительным документом, на основании которого решение суда приводится к исполнению принудительно [76].

Применительно к нашему обсуждению, полагаем, что очень важный посыл содержит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21, согласно которому суд самостоятельно осуществляет контроль за исполнением носителем публичных полномочий возложенной на него обязанности устранить допущенные нарушения прав, свобод граждан и организаций [77].

Безусловно, данные разъяснения даны применительно к проверке законности решений, действий (бездействия) органов и лиц, наделенных публичными полномо-

чиями, вместе с тем, считаем, что в данной части они актуальны при оспаривании нормативных правовых актов.

Неисполнение вступившего в законную силу решения суда носителем публичных полномочий априори незаконно, действующий процессуальный закон дает возможность контролировать исполнение решения суда, не требуя дополнительного правового инструментария, предлагаемого Законом РФ «Об исполнительном производстве».

Очевидно, что такой вывод не противоречит разъяснениям, сформулированным в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 N 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», согласно которым принудительная процедура исполнения решения суда на основании исполнительного листа возможна, в случае, если оно не исполнено в соответствии с частями 8 и 9 статьи 227 КАС РФ.

Справедливым в этой связи представляется мнение ученых о том, что контроль за исполнением судебных актов по административным делам в случае возложения обязанности на носителя властных полномочий в большинстве случаев должен осуществляться судом [78], из чего следует вывод, что не требуется оформление исполнительных листов при вступлении в силу решения о возложении принять заменяющий нормативный акт не столько потому, что это иск о признании, а потому что, не отказывая такому судебному акту в наличии свойства исполнимости, он должен исполняться добровольно под контролем суда.

Конструкция общих правил исполнительного производства при этом, с нашей точки зрения, не претерпевает кардинальной перестройки.

По общему правилу, содержащемуся в статьях 178, 187 КАС РФ, суд при необходимости устанавливает порядок и срок исполнения решения, при этом вправе указать предельные сроки исполнения решения суда в соответствии с характером соответствующих требований.

При изучении практики, связанной с подобными ситуациями, можно отметить, что в ряде случаев суды указывают срок, в течение которого должен быть принят заменяющий акт, преимущественно по делам, связанным с оспариванием нормативных актов в сфере регулирования тарифов [79].

В среднем, данный срок составляет от одного до трех месяцев с даты вступления в силу решения суда, при этом мы не встретили четкого алгоритма мотивации, почему судами определен именно тот или иной срок. Определенным ориентиром по тарифным делам, к примеру, в указанном вопросе могут быть правила относительно сроков определения тарифов, содержащиеся в Правилах регулирования тарифов в соответствующей сфере, например, водоснабжения и водоотведения, которые утверждаются Постановлением Правительства РФ.

При этом достаточно значительный объем судебных актов, которые не содержат указания на срок, в течение которого должен быть принят заменяющий акт [80]. Зачастую, это дела о признании недействующими Генерального плана и Правил землепользования и застройки.

Возможно, ответ лежит в сфере законодательных процедур.

Определенный вектор задан Верховным Судом РФ в Апелляционном определении, согласно которому, устанавливая срок для принятия заменяющих нормативных актов следует учитывать длительность законодательных процедур, установленную

нормативно, в частности, требования Градостроительного кодекса РФ в части продолжительности проведения публичных слушаний, согласований, утверждения и иных процедур при осуществлении процедуры утверждения Генерального плана и Правил землепользования и застройки [81].

Если исходить из позиции, что исполнительный лист не подлежит выдаче, то определение срока исполнения позволяет суду действительно осуществлять контроль за исполнением возложенной на орган государственной власти и местного самоуправления обязанности по принятию заменяющего нормативного акта и привлекать к процессуальной ответственности за неисполнение судебного решения.

Так, судебные штрафы налагаются судом исключительно в случаях, предусмотренных настоящим КАС РФ [82].

При этом специальные процессуальные нормы, содержащиеся в гл. 21 КАС РФ, содержат только один такой случай для наложения штрафа: в случае неявки представителей органа государственной власти, иного государственного органа, органа местного самоуправления, принявших оспариваемый нормативный правовой акт, когда их неявка признана судом обязательной (часть 6 ст. 213 КАС РФ).

Некий правовой вакуум был устранен в июле 2023 г. федеральным законом, вступившим в силу 4 августа 2023 г. [83], которым введена ответственность в виде штрафа за неисполнение или несообщение об исполнении судебного акта органами государственной власти, органами местного самоуправления, другими органами, организациями, должностными лицами, государственными и муниципальными служащими и иными лицами, наделенными публичными полномочиями.

Таким образом, при использовании данной меры воздействия, установленной общими нормами КАС РФ, судебная инстанция наделена всеми необходимыми рычагами по контролю за исполнением решения, которым на административного ответчика возложена обязанность принять заменяющий нормативный акт.

Полагаем, данная норма логично завершает конструктивный и современный способ приведения в исполнение решений суда при оспаривании нормативных правовых актов, предлагаемый механизм может быть эффективным при защите нарушенного права.

Вместе с тем, примеров реализации указанной нормы на момент подготовки статьи мы не встретили, в связи с чем хотелось поставить на обсуждение практиков и теоретиков предложенное толкование в самом широком спектре, что, с нашей точки зрения, способствовало бы развитию данной формы судебного контроля в рамках административной процессуальной формы.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.02.2023 по делу №66а-536/2023.
2. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.01.2022 по делу №66а-55/2022.
3. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.03.2017 по делу №33А-1057/2017; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 03.10.2017 по делу №33а-33369/2017.
4. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 15.06.2017 по делу №33а-10124/2017.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.12.2021 по делу №33а-6314/2021.
6. Определение Кемеровского областного суда от 15.05.2019 по делу №33а-5227/2019.
7. Определение Ленинградского областного суда от 15.06.2021 №9а-55/2021 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

8. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 по делу №88а-9413/2021.
9. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2020 г. по делу №88а-10230/2020.
10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2022 №88а-19972/2022; Апелляционное определение Московского областного суда от 28.06.2017 по делу №33а-19659/2017.
11. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15.05.2018 по делу №33аа-611/2018; Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 23.10.2018 по делу №33а-7719/2018 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
12. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2023 №117-КАД23-1-К4 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
13. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2019 №45-АПА19-28 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
14. Никитин С.В. Административное судопроизводство // Учебник под ред. С.В. Никитина – М.:РГУП, 2018. С.163.
15. Никитин С.В. Совершенствование правового регулирования порядка рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов // Российское правосудие. 2016. №10. С. 36-37.
16. Гаджиев Г.А. Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками - эффективный способ защиты прав предпринимателей. Комментарий к Постановлению КС РФ от 06.07.2018 N 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. N 12. С. 63 - 71.
17. Бурков А. Л. Акты судебного контроля как источник административного права: автореф. дис. ... канд. юр. наук: Тюмень. 2005. С. 17.
18. Изварина А.Ф. Специфика судебных решений по делам об оспаривании законности нормативных правовых актов // Юридический вестник. 1999. N 3. С. 44.
19. Приходько И.А. Доступность правосудия в суде первой инстанции: основные проблемы. СПб., 2005. С. 528.
20. Ермаков Э.Ю. Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования // Российский судья. 2020. №7.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.07.2018 N 29-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
22. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2023 №88а-2431/2023;
23. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2021 №88а-28848/2021;
24. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2023 №88а-10332/2023;
25. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2022 №88а-18937/2022;
26. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 15.12.2020 №66а-1274/2020;
27. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 №88а-29995/2022;
28. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 №88а-31465/2022;
29. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.05.2021 №88а-13930/2021;
30. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2021 №88а-15846/2021;
31. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.06.2023 №88а-10375/2023;
32. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2021 №88а-23466/2021;
33. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.10.2021 №88а-17994/2021;
34. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 №88а-5982/2021;

35. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.06.2022 №88а-17724/2022;
36. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2023 №88А-14057/2023;
37. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 №88а-15685/2022; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.08.2023 №88а-18145/2023;
38. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 №88а-31357/2022;
39. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.11.2022 №88а-27290/2022;
40. Апелляционное определение Ярославского областного суда от 09.09.2022 №33а-5468/2022;
41. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2023 №88а-22476/2023;
42. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2023 №88а-9276/2023;
43. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2022 №88а-22128/2022; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2023 №88а-9449/2023;
44. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2023 №88а-8471/2023;
45. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.05.2023 №88а-7521/2023;
46. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2022 №88а-32955/2022 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
47. Решение Красноярского краевого суда от 21.07.2022 №3а-419/2022
48. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.07.2023 №88а-24279/2023
49. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 №88а-18307/2023
50. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 №88А-291/2023.
51. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2023 №88а-13530/2023.
52. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.08.2023 №88а-27341/2023
53. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20.03.2023 №88а-9847/2023.
54. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2022 №88а-9439/2022
55. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2021 №88а-21263/2021
56. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2023 №88а-21913/2023
57. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2023 №88а-17602/2023
58. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 27.04.2023 №66а-645/2023 (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.08.2023 №88А-7940/2023).
59. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 №88а-23193/2023.
60. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.07.2023 №88а-23844/2023
61. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2023 №88а-4093/2023 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
62. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.07.2023 №88а-17253/2023 (Решение Московского городского суда от 09.09.2022 №3А-3071/2022).
63. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 №88а-11450/2022 (Решение Новгородского областного суда от 03.12.2021 №03а-37/2021)
64. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 №88а-123/2023; Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 09.09.2022 по делу №66а-1330/2022 (оставлено без изменений Кассационным определением Восьмого кассацион-

- ного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 №88А-24250/2022) // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
65. См.: пункт 2 части 4 статьи 215 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1391.
66. Решение Верховного Суда Республики Крым от 07.04.2022 №2а-36/2022; Решение Верховного Суда Республики Крым от 24.06.2022 № 2а-95/2022; Решение Верховного Суда Республики Крым от 24.03.2022 № 2а-47/2022; Решение Верховного Суда Республики Крым от 19.05.2023 №2а-137/2023 // Архив суда. 2022-2023.
67. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.03.2018 №41-АПГ18-1 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
68. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2019 №12-АПА19-2 (Решение Верховного Суда Республики Марий Эл от 22.04.2019 №3А-21/2019) // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
69. Решение Верховного Суда Республики Крым от 17.02.2023 по делу №2а-61/2023 (2а-225/2022) // Архив суда. 2022.
70. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2023 №АКПИ23-206 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
71. Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 №11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5.
72. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации: монография // Москва: Статут, 2022. 336 с.
73. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.
74. Невский И.А. Исполнимость судебных постановлений как внутреннее проявление результата судебной деятельности // Исполнительное право. 2006. №3; Бурков А.Л. Исполнение актов правосудия о признании нормативных актов незаконными // Гражданин и право. 2002. №11/12; Исаенкова О.В., Гришина Я.С. Судебные акты по делам, возникающим из публичных правоотношений: законная сила и исполнимость // Исполнительное право. 2006. №1.
75. См.: статья 1, 12 Федерального закона от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
76. Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 №21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2022. № 9.
77. Опалев Р.О., Котельников А.Г. Контроль суда за исполнением судебных актов по административным делам. // Журнал «Судья». Ноябрь 2021 г. № 11.
78. См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 22.08.2018 №35-АПГ18-8; Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2023 №88а-18307/2023; Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2022 №88а-22128/2022; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2023 №88а-6464/2023; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2023 №88А-291/2023; Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2023 №88а-18725/2023; Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.08.2022 №66а-1650/2022; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2022 №88а-8669/2022; Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.06.2020 №66а-932/2020; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 №88а-14652/2023; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 №88а-10788/2023; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2022 №88А-15006/2022; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 №88А-10564/2022; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 №88а-11839/2022; Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 №88а-117182022 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
79. См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 24.01.2018 №44-АПГ17-28; Решение Верховного Суда РФ от 27.04.2017 №АКПИ17-144; Решение Верховного Суда РФ от 06.12.2018 №АКПИ18-927; определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.10.2018 №18-АПГ18-30; определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 17.05.2018 №70-АПГ18-2; Решение

Вологодского городского суда Вологодской области от 17.06.2022 №2а-32/2022; Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 31.07.2023 № 88а-24279/2023; Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 №88а-6617/2023; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2022 №88а-13165/2022; Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 06.07.2022 №66а-668/2022; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2021 № 88а-14942/2021; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 №88а-23539/2022; Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2021 №88а-10096/2021; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.07.2023 №88А-14937/2023 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

80. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.08.2019 №75-АПА19-9 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

81. Статья 122 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. N 10. ст. 1391.

82. Федеральный закон от 24.07.2023 №349-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. №31 (Часть III). Ст. 5775.

Shklyar T. A. Certain procedural issues, arising during consideration of administrative cases on contesting normative legal acts // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 332 – 345.

The article considers procedural peculiarities of resolution of administrative disputes connected with contestation of normative legal acts, procedural difficulties arising at courts, the questions of execution of court decisions on administrative cases on contestation of normative legal acts are investigated and the mechanism of their execution based on voluntariness under the control of the court is offered. When using this measure of influence established by the general norms of the CAS of the Russian Federation, the court is endowed with all the necessary levers to control the execution of the decision, which obliges the administrative defendant to adopt a replacement normative act. We believe that this rule logically completes a constructive and modern way of enforcing court decisions when challenging regulatory legal acts; the proposed mechanism can be effective in protecting the violated right. At the same time, we had not encountered any examples of the implementation of this norm at the time of preparation of the article, and therefore we wanted to put the proposed interpretation in the widest range for discussion among practitioners and theorists, which, from our point of view, would contribute to the development of this form of judicial control in within the administrative procedural form.

Keywords: administrative legal proceedings, administrative cases on contesting normative legal acts, mechanism of execution of court decisions on administrative cases, enforcement proceedings, writ of execution.

Spisok literatury:

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.02.2023 по делу №66а-536/2023.
2. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.01.2022 по делу №66а-55/2022.
3. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 29.03.2017 по делу №33А-1057/2017; Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 03.10.2017 по делу №33а-33369/2017.
4. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 15.06.2017 по делу №33а-10124/2017.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.12.2021 по делу №33а-6314/2021.
6. Определение Кемеровского областного суда от 15.05.2019 по делу №33а-5227/2019.
7. Определение Ленинградского областного суда от 15.06.2021 №9а-55/2021 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
8. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2021 по делу №88а-9413/2021.
9. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2020 г. по делу №88а-10230/2020.
10. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2022 №88а-19972/2022; Апелляционное определение Московского областного суда от 28.06.2017 по делу №33а-19659/2017.
11. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15.05.2018 по делу №33аа-611/2018; Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 23.10.2018 по делу №33а-7719/2018 // Документы опубликованы не были. Источник – СПС «Консультант-Плюс».
12. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2023 №117-КАД23-1-К4 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант-Плюс».

13. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.10.2019 №45-APA19-28 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
14. Nikitin S.V. Administrativnoe sudoproizvodstvo // Uchebnik pod red. S.V. Nikitina – M.:RGUP, 2018. S.163.
15. Nikitin S.V. Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya poryadka rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnyh pravovyh aktov // Rossijskoe pravosudie. 2016. №10. S. 36-37.
16. Gadzhiev G.A. Normokontrol' v sochetanii s deliktными iskami - effektivnyj sposob zashchity prav predprinimatelej. Kommentarij k Postanovleniyu KS RF ot 06.07.2018 N 29-P // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2018. N 12. S. 63 - 71.
17. Burkov A. L. Akty sudebnogo kontrolya kak istochnik administrativnogo prava: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk: Tyumen'. 2005. S. 17.
18. Izvarina A.F. Specifika sudebnyh reshenij po delam ob osparivanii zakonnosti normativnyh pravovyh aktov // YUridicheskij vestnik. 1999. N 3. S. 44.
19. Prihod'ko I.A. Dostupnost' pravosudiya v sude pervoj instancii: osnovnye problemy. SPb., 2005. S. 528.
20. Ermakov E.YU. YUridicheskie posledstviya sudebnogo normokontrolya trebuyut dal'nejshego sovershenstvovaniya // Rossijskij sud'ya. 2020. №7.
21. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.07.2018 N 29-P «Po delu o provere konstitucionnosti punkta 1 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Al'batros» // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
22. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17.01.2023 №88a-2431/2023;
23. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 30.11.2021 №88a-28848/2021;
24. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.06.2023 №88a-10332/2023;
25. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 09.11.2022 №88a-18937/2022;
26. Apellyacionnoe opredelenie Vtorogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.12.2020 №66a-1274/2020;
27. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 22.09.2022 №88a-29995/2022;
28. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 13.09.2022 №88a-31465/2022;
29. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 20.05.2021 №88a-13930/2021;
30. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.06.2021 №88a-15846/2021;
31. Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21.06.2023 №88a-10375/2023;
32. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17.09.2021 №88a-23466/2021;
33. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 20.10.2021 №88a-17994/2021;
34. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21.04.2021 №88a-5982/2021;
35. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 28.06.2022 №88a-17724/2022;
36. Kassacionnoe opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 06.07.2023 №88a-14057/2023;
37. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 07.09.2022 №88a-15685/2022; Kassacionnoe opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 22.08.2023 №88a-18145/2023;
38. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.01.2023 №88a-31357/2022;
39. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 30.11.2022 №88a-27290/2022;
40. Apellyacionnoe opredelenie YAroslavskogo oblastnogo suda ot 09.09.2022 №33a-5468/2022;
41. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.07.2023 №88a-22476/2023;

42. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 13.03.2023 №88a-9276/2023;
43. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.08.2022 №88a-22128/2022; Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 24.05.2023 №88a-9449/2023;
44. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 17.05.2023 №88a-8471/2023;
45. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 10.05.2023 №88a-7521/2023;
46. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 05.12.2022 №88a-32955/2022 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
47. Reshenie Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 21.07.2022 №3a-419/2022
48. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 31.07.2023 №88a-24279/2023
49. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 05.06.2023 №88a-18307/2023
50. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.01.2023 №88A-291/2023.
51. Kassacionnoe opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.06.2023 №88a-13530/2023.
52. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 28.08.2023 №88a-27341/2023
53. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 20.03.2023 №88a-9847/2023.
54. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 12.05.2022 №88a-9439/2022
55. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 01.12.2021 №88a-21263/2021
56. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 18.07.2023 №88a-21913/2023
57. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 02.06.2023 №88a-17602/2023
58. Apellyacionnoe opredelenie Tret'ego apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 27.04.2023 №66a-645/2023 (Kassacionnoe opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 09.08.2023 №88A-7940/2023).
59. Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 01.08.2023 №88a-23193/2023.
60. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 31.07.2023 №88a-23844/2023
61. Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 31.01.2023 №88a-4093/2023 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
62. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 12.07.2023 №88a-17253/2023 (Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 09.09.2022 №3A-3071/2022).
63. Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 13.07.2022 №88a-11450/2022 (Reshenie Novgorodskogo oblastnogo suda ot 03.12.2021 №03a-37/2021)
64. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.01.2023 №88a-123/2023; Apellyacionnoe opredelenie Pyatogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 09.09.2022 po delu №66a-1330/2022 (ostavleno bez izmenenij Kassacionnym opredeleniem Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21.12.2022 №88A-24250/2022) // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
65. Sm.: punkt 2 chasti 4 stat'i 215 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ // SZ RF. 09.03.2015. N 10. st. 1391.
66. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 07.04.2022 №2a-36/2022; Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 24.06.2022 № 2a-95/2022; Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 24.03.2022 № 2a-47/2022; Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 19.05.2023 №2a-137/2023 // Arhiv suda. 2022-2023.
67. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14.03.2018 №41-APG18-1 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
68. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25.09.2019 №12-APA19-2 (Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Marij El ot 22.04.2019 №3A-21/2019) // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».

69. Reshenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 17.02.2023 po delu №2a-61/2023 (2a-225/2022) // Arhiv suda. 2022.
70. Reshenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.05.2023 №AKPI23-206 // Dokument opublikovan ne byl. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
71. Punkt 1 Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.03.2016 №11 «O nekotoryh voprosah, voznykayushchih pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj srok» // Byulleten' VS RF. 2016. № 5.
72. Kuznecov E.N. Pravo na ispolnenie sudebnyh aktov v Rossijskoj Federacii: monografiya // Moskva: Statut, 2022. 336 s.
73. Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva / D.B. Abushenko, K.L. Branovickij, S.K. Zagajnova i dr.; pod red. V.V. YArkova. Moskva: Statut, 2021. 460 s.
74. Nevskij I.A. Ispolnimost' sudebnyh postanovlenij kak vnutrennee proyavlenie rezul'tata sudebnoj deyatel'nosti // Ispolnitel'noe pravo. 2006. №3; Burkov A.L. Ispolnenie aktov pravosudiya o priznanii normativnyh aktov nezakonnymi // Grazhdanin i pravo. 2002. №11/12; Isaenkova O.V., Grishina YA.S. Sudebnye akty po delam, voznykayushchim iz publicznyh pravootnoshenij: zakonnaya sila i ispolnimost' // Ispolnitel'noe pravo. 2006. №1.
75. Sm.: stat'ya 1, 12 Federal'nogo zakona ot 02.10.2007 №229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» // SZ RF. 2007. № 41. St. 4849.
76. Punkt 31 Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2022 №21 «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami polozhenij glavy 22 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii i glavy 24 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten' VS RF. 2022. № 9.
77. Opalev R.O., Kotelnikov A.G. Kontrol' suda za ispolneniem sudebnyh aktov po administrativnym delam. // ZHurnal «Sud'ya». Noyabr' 2021 g. № 11.
78. Sm.: Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 22.08.2018 №35-APG18-8; Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 05.06.2023 №88a-18307/2023; Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.08.2022 №88a-22128/2022; Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 09.03.2023 №88a-6464/2023; Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.01.2023 №88a-291/2023; Kassacionnoe opredelenie CHetvertogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 08.06.2023 №88a-18725/2023; Apellyacionnoe opredelenie CHetvertogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 24.08.2022 №66a-1650/2022; Kassacionnoe opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 12.04.2022 №88a-8669/2022; Apellyacionnoe opredelenie CHetvertogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26.06.2020 №66a-932/2020; Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 01.08.2023 №88a-14652/2023; Kassacionnoe opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 27.06.2023 №88a-10788/2023; Kassacionnoe opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 25.08.2022 №88a-15006/2022; Kassacionnoe opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 16.06.2022 №88a-10564/2022; Kassacionnoe opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.12.2022 №88a-11839/2022; Kassacionnoe opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 14.12.2022 №88a-117182022 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
79. Sm.: Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 24.01.2018 №44-APG17-28; Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 27.04.2017 №AKPI17-144; Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 06.12.2018 №AKPI18-927; opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 25.10.2018 №18-APG18-30; opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 17.05.2018 №70-APG18-2; Reshenie Vologodskogo gorodskogo suda Vologodskoj oblasti ot 17.06.2022 №2a-32/2022; Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 31.07.2023 № 88a-24279/2023; Kassacionnoe opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 16.02.2023 №88a-6617/2023; Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.06.2022 №88a-13165/2022; Apellyacionnoe opredelenie Vtorogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 06.07.2022 №66a-668/2022; Kassacionnoe opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 01.09.2021 № 88a-14942/2021; Kassacionnoe opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 15.11.2022 №88a-23539/2022; Kassacionnoe opredelenie SHestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 26.05.2021 №88a-10096/2021; Kassacionnoe opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 19.07.2023 №88a-14937/2023 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
80. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 01.08.2019 №75-APA19-9 // Dokumenty opublikovany ne byli. Istochnik – SPS «Konsul'tant-Plyus».
81. Stat'ya 122 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ // SZ RF. 09.03.2015. N 10. st. 1391.
82. Federal'nyj zakon ot 24.07.2023 №349-FZ «O vnesenii izmenenij v Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2023. №31 (CHast' III). St. 5775.

УДК: 342

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Лихачёв С. В., Ракша Н. С.

В статье представлен анализ проблем противодействия коррупции в Российской Федерации. Противодействие коррупции определяется как особый вид социального управления, направление антикоррупционной деятельности, которое заключается в устранении, нейтрализации или ограничении действия факторов (детерминант) коррупции, целенаправленном воздействии с помощью комплекса специально разработанных законных средств на систему общественных отношений, состоящих в сфере реализации публичной власти, имеющих целью стимулирование лиц, уполномоченных на выполнение функций государства и иных субъектов к правомерному поведению в сфере публичной власти, препятствование вступлению их в коррупционные отношения и прекращение таких отношений.

Основной задачей предотвращения коррупции определено создание определенной системы социальных связей, при которой существенно уменьшается вероятность возникновения ситуаций коррумпирования служащих.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, государственный служащий, должностное лицо, предотвращение, усовершенствование.

Одним из стратегических направлений антикоррупционной деятельности государства является предотвращение коррупции – явления, которое препятствует нормальному функционированию общественного механизма, подрывает авторитетность и доверие к власти, пробуждает недоверие общества к государственным институтам и является одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Деятельность по предотвращению коррупции одновременно является также элементом противодействия преступности в целом. Следовательно, указанное базируется на тех общих принципах предотвращения преступности, которые выработаны правовой теорией и практикой противодействия преступности.

Основы и закономерности осуществления предупредительной деятельности в сфере коррупции в принципе такие же, что и для предотвращения преступности в целом, специфическим является лишь содержательная часть антикоррупционной деятельности профилактической направленности [1].

Опираясь на базовые положения теории предотвращения преступности, предотвращение коррупции можно определить как особый вид социального управления, направление антикоррупционной деятельности, которое заключается в устранении, нейтрализации или ограничении действия детерминант коррупции, целенаправленном воздействии с помощью комплекса специально разработанных законных средств на систему общественных отношений, состоящих в сфере реализации публичной власти, имеющей целью стимулирование лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, и других субъектов к правомерному поведению в сфере публичной власти, препятствование вступлению их в коррупционные отношения и прекращение таких отношений.

Следует отметить, что традиционно считается, что профилактическому антикоррупционному влиянию должны подлежать только лица, которые по своему официальному статусу имеют возможность злоупотреблять предоставленной им властью

или своим служебным положением – лица, уполномоченные на выполнение государственных функций.

Такое понимание антикоррупционной профилактики представляется не совсем правильным: объектом профилактики коррупции должны быть также лица, которые не наделены властью и из-за этого не могут даже в принципе стать субъектами служебных злоупотреблений, но которые могут быть субъектами коррупционных отношений, т.е. способствовать совершению коррупционных деяний.

Так, при профилактике взяточничества необходимо принимать профилактические меры не только в отношении должностных лиц, которые могут быть субъектом получения взятки, но и лиц, которые могут выступить взяткодателями, пособниками, посредниками или подстрекателями дачи-получения взятки. Во многих случаях, дача взятки происходит именно по инициативе взяткодателя [2, с. 190].

Круг субъектов предотвращения коррупции составляют практически все субъекты противодействия коррупции, лишь с той особенностью, что: 1) прерогатива в этом виде антикоррупционной деятельности принадлежит органам, основной или одной из основных функций которых является предотвращение коррупции; 2) в профилактической деятельности существенно повышается роль институтов гражданского общества (СМИ, объединений граждан и т.п.); 3) в распоряжении этих субъектов находится значительно более широкий арсенал средств достижения цели по сравнению с субъектами непосредственной правоохранительной деятельности.

Они могут быть разделены на специализированные и неспециализированные. Специализированными являются государственные органы и другие субъекты, основной или одной из основных функций которых является предотвращение коррупции. Неспециализированные – это государственные органы и другие субъекты, в функциональные обязанности которых предотвращение коррупции не входит, но они осуществляют его наряду с осуществлением основных своих функций (например, суд, прокуратура).

Основной задачей предотвращения коррупции является создание такой системы социальных связей, при которой существенно уменьшается вероятность возникновения ситуаций коррумпирувания служащих. Иными словами, речь идет о создании благоприятных условий для честного и законного исполнения служащими своих служебных обязанностей и неблагоприятных условий для злоупотребления ими своими служебными полномочиями. В результате выполнения такой задачи создается система, которая, с одной стороны, предусматривает действенные стимулы к правомерному поведению, с другой, – существенно ограничивает для лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, возможность злоупотреблять властными полномочиями в корыстных и других личных или корпоративных интересах. Это делает коррумпированное поведение социально невыгодным.

Указанное достигается, в частности, путем ликвидации определенных социальных институтов или их реформированием, упрощением процедур принятия управленческих и других решений, уменьшением служебной дискреции, надлежащего материального обеспечения служащих.

Предотвращение коррупции осуществляется двумя основными путями: 1) стимулированием правомерного (некоррупционного) поведения; 2) недопущением коррупционного поведения, благодаря установленным ограничениям, требованиям, ответственностью и т.д.

Предотвращение коррупции является многоаспектным процессом. С одной стороны – это целенаправленное включение лиц, уполномоченных на выполнение функций государства и других субъектов в систему социально позитивных отношений, а с другой – это препятствование вступлению их в коррупционные отношения или прекращение их осуществления.

Для первого аспекта характерным является стимулирование позитивных отношений, связей с помощью мер, преимущественно, не принудительного характера. Препятствование коррупционным отношениям осуществляется, главным образом, посредством принудительных мер (уголовного наказания, административного или дисциплинарного взыскания, процессуальных мер принудительного характера).

Предотвращение коррупции осуществляется по трем основным направлениям: устранение, нейтрализация или ослабление действия факторов коррупции; препятствование осуществлению противоправного намерения конкретного лица по реализации умысла на совершение коррупционного правонарушения; прекращение коррупционной деятельности, которая уже началась, с целью недопущения наступления противоправного (преступного) результата или перерастания коррупционного деяния в более опасное (например, из административного правонарушения – в преступление) [3, с. 59].

Первое направление носит сугубо профилактический характер и преследует цель не допустить возникновения коррупционных ситуаций, а в случае их возникновения – устранить их или локализовать и предусматривает, в частности: создание благоприятных экономических, политических, правовых, морально-психологических и других предпосылок позитивного (некоррупционного) поведения; формирование общественного правосознания в соответствии с антикоррупционными стандартами; мониторинг коррупционных проявлений, коррупциогенных факторов, антикоррупционных мер; создание правового механизма, который бы препятствовал злоупотреблению публичными служащими властью или служебным положением; создание эффективной системы стимулирования правомерного поведения лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, и других субъектов; разработку антикоррупционных стандартов деятельности физических и юридических лиц в различных сферах социальной жизни.

Два других направления связаны с реализацией мер пресечения, в том числе и правоохранительного характера, когда не работают должным образом меры общепрофилактической направленности и у лица возникло намерение совершить коррупционное правонарушение. Эти направления предусматривают применение целенаправленного профилактического воздействия как в отношении определенных явлений и процессов, обуславливающих или способствующих совершению коррупционного правонарушения, так и в отношении конкретных лиц (профилактическая беседа, обнародование определенной информации, которая бы сдержала лицо от неправомерных действий и т.п.), а также принятие мер юридической ответственности [4, с. 2].

Ведущее место в профилактической деятельности принадлежит мерам, направленным на демократизацию общества, стабилизацию политической обстановки, реформирование экономических отношений, решение наиболее острых социальных проблем, обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Характер профилактических мер обуславливается уровнем их научного

обоснования, глубиной выяснения факторов, порождающих преступность на современном этапе развития нашего государства [5, с. 124-130].

Профилактические антикоррупционные меры определяют требования, ограничения и запреты, которые:

1) применяются при поступлении (назначении или избрании) лица на государственную службу или службу в органы местного самоуправления;

2) устанавливаются для служащих во время прохождения ими службы (пребывания на службе);

3) предусматриваются для лиц, уволившихся с государственной службы или службы в органах местного самоуправления (запрет работать на предприятиях, которые они контролировали; запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, баллотироваться на выборные должности и т.д.).

Эти меры в целом имеют профилактическую антикоррупционную направленность, основной целью которой является: недопущение на государственную службу или службу в органы местного самоуправления лиц, которые по своим моральным и деловым качествам не могут находиться на такой службе; ограничение возможностей по использованию власти или служебного положения для противоправного удовлетворения личного интереса или интереса третьих лиц; ограничение возможностей использования полученных во время пребывания на службе конфиденциальной информации, навыков и т.п. в ущерб государству, обществу, отдельных физических и юридических лиц. При этом каждый вид таких профилактических мер направляется на достижение специальной цели [6, с. 16].

Ограничения (запрет) относительно принятия на службу в органы государственной власти и органы местного самоуправления могут быть связаны, в частности, с: 1) определенным правовым статусом лица – его судимостью; 2) наличием соответствующего решения компетентного органа – лишением его в соответствии с законом, права занимать должности в органах государственной власти и их аппарате или в органах местного самоуправления в течение установленного срока; 3) возможностью возникновения недопустимых с точки зрения совместимости выполнения служебных обязанностей ситуаций, если в случае принятия на службу в органы государственной власти или органами местного самоуправления лица будут непосредственно подчинены или подчинены лицам, являющимся близкими родственниками или свояками; 4) моральными качествами лица; 5) правомерностью получения доходов и приобретения имущества и т.д.

Содержание таких ограничений определяется соответствующими законами относительно должностей в тех или иных органах.

Одним из обязательных требований, которые должны предъявляться для лиц, претендующих на занятие должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления, - предоставление по месту будущей службы сведений о доходах и обязательствах финансового характера. Объем таких сведений должен определяться в зависимости от характера будущей деятельности и уровня должности.

Для лиц, претендующих на занятие должностей государственных служащих, а также на занятие должностей в органах местного самоуправления, такое требование

предусмотрено в соответствии ФЗ от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» и законодательстве о местном самоуправлении.

Для кандидатов в депутаты, на должность Президента РФ такое требование устанавливается соответствующими избирательными законами. Однако, на сегодня закон предусматривает предъявление такого требования не ко всем категориям претендентов на занятие должностей в органах государственной власти служебных лиц, что следует признать недостатком системы предотвращения коррупции, который необходимо устранить законодательным путем.

Основное назначение профилактических мероприятий второго вида заключается в: 1) недопущении конфликта государственных или общественных и частных интересов; 2) существенном затруднении или исключении злоупотребления властью или служебным положением; 3) выявлении доходов и имущества, полученных неправомерным путем, и предотвращении дальнейшего коррупционного поведения.

Наибольшее количество таких положений содержит ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором определены специальные ограничения в отношении государственных служащих и других лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, направленные на предупреждение коррупции. Указанный закон определяет меры финансового контроля в отношении лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, который осуществляется путем декларирования ими доходов и имущества, уведомления соответствующие органы об открытии валютного счета в иностранном банке, ежегодного опубликования сведений о доходах и имуществе в официальных изданиях государственных органов РФ.

Следует согласиться, что при установлении антикоррупционных ограничений должен соблюдаться принцип: чем выше служебное положение служащего, тем более жесткими должны быть антикоррупционные ограничения [7]. Такой подход вполне обоснован, учитывая, что: 1) объем и характер полномочий должностного лица определяются его должностью; 2) важность решаемых служащим вопросов напрямую зависит от уровня занимаемой им должности; 3) именно служебные полномочия субъекта являются определяющими при совершении им коррупционного правонарушения – служебный статус лица обуславливает вид коррупционного правонарушения и, что самое главное, характер общественно опасных последствий.

Профилактические меры антикоррупционного характера могут предусматриваться как в специальных антикоррупционных нормативно-правовых актах (например, ФЗ «О противодействии коррупции»), так и в нормативно-правовых актах, которые устанавливают основные принципы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, регулируют порядок прохождения такой службы, компетенцию соответствующих государственных органов и т.п., (например, ФЗ «О государственной гражданской службе», «О полиции», «О прокуратуре РФ»), а также в других нормативно-правовых актах.

Следует подчеркнуть, что не существует каких-либо универсальных средств предотвращения коррупции. Ни одному из существующих антикоррупционных средств не может быть предоставлено абсолютное преимущество над другими. Антикоррупционная деятельность может быть эффективной лишь при сбалансированном сочетании антикоррупционных мер, которые бы учитывали как общую ситуацию с коррупцией в стране (ее уровень, структуру, динамику), так и характер совершаемых коррупционных правонарушений (их вид, обстоятельства совершения,

личность нарушителя). Такого рода меры должны быть адекватными ситуации и соразмерными общественной опасности коррупционного правонарушения.

В последние годы все больше исследователей приходят к выводу о том, что превентивный характер в отношении преступности имеют административно-правовые и другие (дисциплинарные, гражданско-правовые) меры. Это полностью соответствует общей теории предотвращения преступности, согласно которой предотвращение преступности связано с профилактикой других видов антиобщественного поведения [8; 9; 10].

Учитывая это, предотвращение коррупции, в том числе наиболее опасного ее вида – коррупционной преступности, уголовно-правовыми средствами – это лишь один из элементов системы профилактического воздействия на коррупцию. С учетом наличия в отечественном законодательстве специального антикоррупционного закона – ФЗ «О противодействии коррупции», важными элементами такой системы выступают административно-правовые и дисциплинарные средства.

Результатом предупредительной деятельности в сфере противодействия коррупции должно стать ослабление действия коррупционных факторов; уменьшение коррупционных рисков; снижение уровня коррумпированности властных структур; уменьшение коррупционных проявлений; уменьшение влияния коррупции на экономические, политические, социальные и другие процессы.

Список литературы:

1. Мельник М. Власть и коррупция / М. Мельник // Национальная безопасность и оборона / М. Мельник. – 2000. – № 5. – С. 64-71.
2. Астафьев Л.В. К вопросу о понятии коррупции / Л.В. Астафьев // Коррупция в России: состояние и проблемы / Мат. научн.-практ. конф. (26-27 марта 2016 г.). – М.: Московский институт МВД России, 2016. – С. 190.
3. Кабанов П.А. Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания / П.А. Кабанов. – Нижнекамск: НКФ МГЭИ, 2018. – 74 с.
4. Степашин С. Против криминализации России / С. Степашин // Российская юстиция. – 2000. – № 1. – С. 2-3.
5. Голина В.В. Предупреждение коррупции / В.В. Голина // Проблемы борьбы с преступностью. – 2020. – № 2. – С. 124-130.
6. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: учеб. пособ. / Н.В. Щедрин. – Красноярск, 2019. – 58 с.
7. Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Уральс. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2001. – С. 26.
8. Теоретические основы предупреждения преступности. – М.: Юрид. лит., 2017. – С. 65.
9. Лихачёв С.В. Некоторые аспекты антикоррупционной политики Российской Федерации / С.В. Лихачёв // Антикоррупционная деятельность в России: опыт, проблемы, решения: материалы научно-практ. конференции 17 ноября 2016 г. / сост. А.В. Самойлов, М.А. Салихова; Региональный открытый социальный институт. – Курск: РОСИ, 2017 – С. 53-57.
10. Лаврентьев А.Р. Административно-правовые меры профилактики коррупции (на примере Нижегородской области) / А.Р. Лаврентьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 323-324.

Lihachyov S. V., Raksha N. S. Main directions of anti-corruption: a view at the problem // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 346–352.

The article presents an analysis of the problems of combating corruption in the Russian Federation. Prevention of corruption is defined as a special type of social management, a direction of anti-corruption activity, which consists in eliminating, neutralizing or limiting the action of factors (determinants) of corruption, purposeful influence with the help of a set of specially developed legal means on the system of social relations consisting in the implementation of public power, which has the goal is to stimulate persons authorized to perform state functions and other subjects to lawful behavior in the sphere of public authority, to prevent them from entering into corrupt relationships and to terminate such relationships.

The main task of preventing corruption is the creation of a certain system of social connections, which significantly reduces the likelihood of situations of employee corruption occurring.

Key words: corruption, anti-corruption policy, civil servant, official, prevention, improvement.

Spisok literaturi:

1. Melnik M. Power and corruption / M. Melnik // National security and defense / M. Melnik. – 2000. – No. 5. – P. 64-71.
2. Astafiev L.V. On the issue of the concept of corruption / L.V. Astafiev // Corruption in Russia: state and problems / Mat. scientific-practical conf. (March 26-27, 2016). – M.: Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – P. 190.
3. Kabanov P.A. Political corruption in Russia: criminological characteristics and measures of containment / P.A. Kabanov. – Nizhnekamsk: NKF MGEL, 2018. – 74 p.
4. Stepashin S. Against the criminalization of Russia / S. Stepashin // Russian justice. – 2000. – No. 1. – P. 2-3.
5. Golina V.V. Prevention of corruption / V.V. Golina // Problems of fighting crime. – 2020. – No. 2. – P. 124-130
6. Shchedrin N.V. Fundamentals of the general theory of crime prevention: textbook. allowance / N.V. Shchedrin. – Krasnoyarsk, 2019. – 58 p.
7. Shchedrin N.V. Security measures as a means of crime prevention: abstract. Dis... Doctor of Law. Sciences: 12.00.08 / Urals. state legal acad. – Ekaterinburg, 2001. – P. 26.
8. Theoretical foundations of crime prevention. – M.: Legal. lit., 2017. – P. 65.
9. Likhachev S.V. Some aspects of the anti-corruption policy of the Russian Federation / S.V. Likhachev // Anti-corruption activities in Russia: experience, problems, solutions: scientific and practical materials. conference November 17, 2016 / comp. A.V. Samoilov, M.A. Salikhova; Regional open social institute. – Kursk: ROSI, 2017 – Pp. 53-57.
10. Lavrentiev A.R. Administrative and legal measures to prevent corruption (on the example of the Nizhny Novgorod region) / A.R. Lavrentiev // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 4 (40). – Pp. 323-324.

УДК 343

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.

Великая О. С.

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России

Система управления пенитенциарными заведениями Финляндии возникла во второй половине XIX в. с назначением Адольфа Гротенфельта, общенациональным тюремным инспектором, получив свое организационное оформление в 1881 г. в виде особого тюремного управления, подчиняющегося сенату. С обретением в начале XX в. независимости данное управление было ликвидировано с передачей его функций министерству юстиции, в составе которого проблемами пенитенциарной системы занимались различные административные подразделения. Однако, лишь в 2001 г. было создано Агентство по уголовным санкциям, получившее в 2009 г. свое последующее нормативное развитие. Общее стремление к последующему реформированию Агентства привело к принятию нового закона о нем в апреле 2022 г., вступившего в силу с 1.09.2022, параллельно с принятием в июне-августе комплекса нормативно-правовых актов, обозначивших новую реформу пенитенциарной системы Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия, управление пенитенциарной системой, Агентство по уголовным санкциям, закон, постановление правительства, реформа.

Организация управления пенитенциарной системой Финляндии имеет довольно богатую и непростую историю, насчитывающую уже полтора столетия. Первоначально, в шведский период истории Финляндии, да и в первой половине XIX в., когда уже финны оказались в составе Российской империи, самостоятельной системы управления местами заключения не существовало.

Начало реформирования пенитенциарной системы во второй половине XIX в., произошедшей после начала аналогичного процесса в Швеции, привело к пониманию необходимости создания самостоятельного пенитенциарного управления, вместо существовавшего до этого подчинения мест исполнения приговоров различным ведомствам, городам.

В Финляндии считается, что тюремная администрация возникла в 1867 г., когда Адольф Гротенфельт (1828–1892) был назначен общенациональным тюремным инспектором. Это был первый шаг на пути к централизованному управлению тюрьмами. До этого, т.е. в первые десятилетия автономии, ответственность за вопросы, связанные с управлением тюрьмами, была разделена между различными органами власти.

Впрочем, важнейшим событием на пути формирования централизованной системы управления стало создание в 1881 г. специального тюремного управления, с изданием соответствующих нормативных актов:

1) 1881 г. 25 января. «Высочайшее Его Императорского Величества Инструкция Тюремному Управлению в Финляндии» [1, с. 1-10];

2) 1881 г. 3 мая. «Высочайшее Его Императорского Величества Объявление, заключающее в себе правила, связанные с учреждением Тюремного Управления в Финляндии» [2, с. 5-7].

С обретением независимости в истории управления пенитенциарной системы началась новая страница. Так, уже в 1917 г. создана должность инспектора тюрем [3], и издан кодекс его поведения [4]. В 1920 г. принят декрет об обязанностях ин-

спекторов пенитенциарных служб [5], а в 1922 г. закон об упразднении пенитенциарной службы и передаче ее обязанностей министерству юстиции [6]. В 1936 г. издан декрет о департаменте пенитенциарных учреждений [7].

В связи с этим, в начале 1937 г. Департамент тюрем был преобразован в Бюро управления тюрьмами, которое действовало при министерстве юстиции с обширными независимыми полномочиями. Цель реформы заключалась в том, чтобы сократить сроки обработки и обеспечить более гибкое принятие решений. Наиболее значительным изменением стало лишение министра дискреционных полномочий, что дало руководству Бюро тюремной администрации исключительно широкие полномочия по принятию решений.

В феврале 1950 г. был издан указ об упразднении Пенитенциарной службы, и в первый день апреля начал свою деятельность ее преемник – Департамент пенитенциарных учреждений, более неотъемлемый от Министерства юстиции [8].

В 1986 г. принят очередной указ о департаменте исправительных учреждений [9].

В ходе подготовки и вхождения страны в ЕС (1995 г.) в Финляндии происходила трансформация пенитенциарного законодательства в отношении соблюдения требований данной организации, что, однако, не столь существенно, как могло бы показаться, отразилось на формах организации управления пенитенциарной системой.

Постановлением правительства от 22 марта 2001 г. об исполнении приговоров (275/2001) впервые был создано Агентство по уголовным санкциям [10].

В 2006 г. принято постановление Правительства об управлении исполнением штрафных санкций (уголовных наказаний) (и, соответственно, отменено соответствующее постановление от 22 марта 2001 г. об управлении исполнением наказаний).

В соответствии с постановлением правительства о представлении министерства юстиции в Законе от 16 февраля 2001 г. об исполнении наказаний (135/2001), предусмотрено, что законом установлены функции и организация органов по исполнению наказаний и осуществление решающих полномочий в органах по исполнению наказаний, важнейшим из которых стало Агентство по уголовным санкциям.

Спецификой деятельности Агентства стало то, что в каждом отдельном случае Генеральный директор Департамента исправительных учреждений, выступающий в качестве руководителя Агентства по уголовным санкциям, мог зарезервировать за собой полномочия по принятию решений по вопросу, решение которого поручено должностному лицу Агентства по уголовным санкциям, подчиненному ему или ей по закону (пар. 3).

В отношении критерием для претендентов на должности устанавливалось, что Генеральный директор Департамента исправительных учреждений и Генеральный директор Департамента уголовного благосостояния должны были иметь степень магистра и знания системы уголовных наказаний, а также практически проверенный опыт руководства и управления.

Кроме того, в Правилах процедуры Агентства по уголовным санкциям должностное лицо, назначенное на место Генерального директора Департамента исправительных учреждений или Генерального директора Агентства по уголовным делам, должно было иметь степень магистра и практически проверенные лидерские навыки и управленческий опыт (пар. 5) [10].

Новые нормы, существенно изменившие организацию Агентства и конкретизировавшие направления его деятельности были изложены в законе от 2009 г., которым данная организация получила весьма централизованную структуру и, исходя из анализа содержания данного закона, приобрела вид самостоятельного ведомства, деятельность которого распространялась на всей территории страны, а целью ставилось осуществление исполнения и контроля за исполнением различного рода санкций, надзора, приведение в исполнение различного рода приговоров, надзора за условно и досрочно освобожденными [11].

Новый закон Финляндии об Агентстве по уголовным санкциям, был принят 1 апреля 2022 г. и вступил в силу с 1 сентября этого же года. Его основными отличиями от предыдущего нормативного акта является:

- в обязанностях («Задачи» ранее) термин «условно-досрочное» заменен на «условное»; добавлено «надзорные приговоры» и «безусловное тюремное заключение», «комбинированные приговоры»;

- ранее указывалось подчинение министерству юстиции, в новом законе – административное подразделение этого министерства;

В новом законе указано, что «Агентство по уголовным санкциям отвечает за разработку и руководство, процессы работы с клиентами, административные и вспомогательные услуги и оперативную деятельность. Обязанности разделены на единицы. Более подробные положения об ответственности и их обязанностях будут изложены в постановлении правительства.

В целях обеспечения исполнения приговоров и осуществления досудебного содержания под стражей центры уголовных санкций отвечают за оперативную деятельность Агентства по уголовным санкциям. В Центре пробации имеются общинные бюро пробации, тюрьмы и другие подразделения. Постановлением правительства будут изданы более подробные положения о центрах уголовно-правовых санкций и районах их деятельности. Положение о подразделениях Центра уголовных наказаний устанавливается постановлением министерства юстиции». Гл. 1, пар. 3, абз. 2.

Пар. 4 гл. 1 посвящен обязанностям Центра по уголовным санкциям, чего ранее не было.

В нем указано: «В районе своей деятельности Центр уголовных наказаний отвечает за исполнение приговоров и исполнение досудебного содержания под стражей, а также за выполнение других задач, предусмотренных для него законом и правилами процедуры Агентства по уголовным санкциям. Центр по уголовным санкциям отвечает за законность, единообразие и эффективность своей деятельности, а также за разработку исполнения приговоров и осуществление досудебного содержания под руководством Агентства по уголовным санкциям. Центр по уголовным санкциям сотрудничает с другими органами власти и другими субъектами в районе своей деятельности.

В дополнение к положениям подраздела 1, Центр по уголовным санкциям отвечает за выполнение других задач, конкретно возложенных на него зонами ответственности Агентства по уголовным санкциям. Обязанности Агентства по уголовным санкциям могут возлагать задачи другого центра уголовных санкций на центр уголовных санкций, если это необходимо для достижения целей исполнения приго-

воров или исполнения досудебного содержания под стражей, выравнивания работы, специальной экспертизы или других особых причин».

Глава 2, в новом законе, как и ранее посвящена организации управления, однако теперь, вместо директора-исполнителя во главе органа поставлен генеральный директор, обязанности которого в самом документе не раскрываются¹.

Также совершенно новыми стали положения, согласно которым «Зону ответственности Агентства по уголовным санкциям возглавляет руководитель зоны ответственности. Подразделение в зоне ответственности возглавляет начальник подразделения».

Центр по уголовным санкциям возглавляет директор Центра по уголовным санкциям. Начальником этого подразделения возглавляет общинное бюро пробации, пенитенциарное и другие подразделения Центра уголовных наказаний» (гл. 2, пар. 5). Исключены положения о «региональном директоре», его ответственности и полномочиях; также не вошли в новый закон положения о начальнике подразделения и о группе централизованного управления.

Вместо этого в законе установлено, что «Генеральный директор принимает решения по вопросам, касающимся всего Агентства по уголовным санкциям, касающимся сферы ответственности Директора Агентства по уголовным санкциям, Директора Центра по уголовным санкциям Центра по уголовным санкциям и руководителя Группы Центра по уголовным санкциям в отношении этого подразделения, если только они не предусмотрены или если только правила процедуры Агентства по уголовным санкциям или Центра по уголовным санкциям не были предписаны другим должностным лицом».

В отдельном случае Генеральный директор может зарезервировать за собой право принимать решения по вопросу, решение которого не возложено законом на другое должностное лицо учреждения. Директор зоны ответственности, директор центра пробации и начальник подразделения могут в отдельном случае оставить за собой право решать вопрос, решение которого не поручено законом подчиненному ему должностному лицу» (пар. 6).

Не нашла отображения в новом законе ранее выделенная в законе от 2009 г. норма о «Обязанности должностных лиц» (пар. 8).

Несколько изменено положение о разрешении административной жалобы на агентство, что связано с изменением его управленческой структуры (пар. 9 в законе 2009 г.).

Также в новом законе появился параграф 8, посвященный вопросам рассмотрения дел о возмещении ущерба, касающихся Агентства по уголовным санкциям, которые предписывается разрешать в соответствии с Законом о государственной компенсации за ущерб (978/2014).

Не претерпела изменений норма (пар. 10 закона 2009 г.) по вопросам платных услуг для трудовой деятельности заключенных.

Что до параграфа 11 закона 2009 г. о внешних индикаторах, т.е. форме и нагрудном знаке служащих агентства, порядке их использования, то новшеством можно считать то, что законом 2022 г. позволено агентству по уголовным санкциям «из-

¹ Очевидно, подразумевается, что они будут изложены в постановлении правительства или иных актах.

дать более подробные положения об обязанности носить униформу и защитную одежду, об отклонении от обязанности носить ее, об использовании в образовании, ведущем к получению степени в области уголовных санкций, о закупках, о заимствовании и об утилизации униформы и защитной одежды, которые должны быть выведены из употребления» (гл. 1, пар. 10, абз. 3).

Пар. 12 закона 2009 г. «Более подробные положения» в новой версии получил существенно сокращенную редакцию, за счет применения обобщающих указаний: «Постановление правительства устанавливает положения о рассмотрении и разрешении дел, представительстве в судах и других органах власти, персонале, особых требованиях к соответствию для гражданских служащих и требованиях к языковым навыкам, назначении на должность или в отношениях государственной службы, предоставлении отпуска, организации обязанностей между оперативными подразделениями и удостоверении личности» (пар. 11. Гл. 1., 2022).

В тоже время, Раздел 12 «Правила процедуры Агентства по уголовным санкциям и Центра по уголовным санкциям» закона 2022 г. установил новый порядок регулирования данных проблем, в связи с новой структурой и обязанностями данного органа:

- организация работы в Агентстве по уголовным санкциям регулируется правилами процедуры, утвержденными Генеральным директором Агентства по уголовным санкциям. Правила процедуры Агентства по уголовным санкциям предусматривают создание и роспуск подразделений в зоне ответственности Агентства по уголовным санкциям, внутреннюю организацию зон ответственности и их подразделений, центров уголовных наказаний, общинных бюро пробации и тюрем, разделение труда и управления, а также обязанности и их организацию, обязанности должностных лиц, разделение полномочий и заместителей, подготовку и разрешение вопросов, подлежащих решению без предъявления, управленческие группы и другие административные вопросы, необходимые для организации операций, в той мере, в какой эти вопросы не конкретизированы более подробно в правилах процедуры Центра по уголовным санкциям.

Организация работы Центра по уголовным санкциям регулируется правилами процедуры Центра по уголовным санкциям, утвержденными директором Оперативного отдела. Правила процедуры Центра уголовных наказаний устанавливают положения о внутренних задачах Центра уголовных наказаний и его подразделений и их организации, обязанностях должностных лиц, разделении полномочий и заместителей, подготовке и разрешении дел и других вопросах, связанных с внутренним управлением Центра уголовных наказаний, которые необходимы для организации операций» (2022).

Особо новым законом установлено, что: положения остальной части Закона, касающиеся центрального административного подразделения, области уголовных санкций и центра оценки Агентства по уголовным санкциям, а также руководителей центрального административного подразделения, регионального директора, директора центра оценки, директора группы по обеспечению соблюдения, директора учебного центра по уголовным санкциям, директора общинного бюро пробации и директора тюрьмы, применяются к сфере ответственности Агентства по уголовным санкциям, подразделения в области ответственности и центра уголовных санкций,

упомянутого в данном законе, и начальник зоны ответственности, директор Центра уголовных санкций и начальник подразделения.

В тех случаях, когда в каком-либо другом законе или в соответствии с ним делается ссылка на отмененный закон, эта ссылка должна далее толковаться как ссылка на соответствующее положение рассматриваемого нами закона.

Также можно также отметить, что в предыдущем законе (2009 г.) положение о ссылках отсутствовало.

Кроме того, по этим же причинам, законом 2022 г., однако весьма кратко и в общем виде, установлены параграфы 15 «Переходные положения для задач» и 16 «Переходные положения для персонала».

В них, в частности, находим: «Раздел 15. Переходные положения для задач». Им установлено, что после вступления в силу закона «вопросы, находящиеся на рассмотрении в различных оперативных подразделениях Агентства по уголовным санкциям, а также заключенные ими соглашения и обязательства, а также вытекающие из них права и обязанности передаются соответствующим оперативным подразделениям в соответствии с настоящим Законом, как это предусмотрено в Законе и Постановлении Правительства, а также в Регламенте Агентства по уголовным санкциям».

Переходные положения для персонала (Раздел 16) указываю лишь на то, что «Положения о статусе персонала изложены в главе 2 Закона о гражданской службе (750/1994)», а также, что решения об изменении должностей и расстановке персонала принимаются до вступления Закона в силу Генеральным директором или другим должностным лицом Агентства по уголовным санкциям, предусмотренным в Правилах процедуры Агентства по уголовным санкциям», что существенно уже, с одной стороны, нежели в предыдущем соответствующем законе, но с учетом применения закона «О гражданской службе», данная проблема может считаться частично закрытой. Частично же потому, что ранее данный закон в отношении служащих Агентства не применялся.

Свое развитие и конкретизацию данные положения получили в соответствующем постановлении правительства Финляндии [12].

Очевидно, следует также указать, что в развитие и исполнение данного закона в 2022 г. в Финляндии были приняты такие нормативные акты: Приказ Министерства юстиции подразделения Центра пробации и двуязычных отделов тюрем (797/2022) [13]; Приказ Министерства юстиции Униформа, защитная одежда и специальная одежда должностных лиц Агентства по уголовным санкциям (796/2022) [14]; Приказ Министерства юстиции Эмблема и нагрудный знак Агентства по уголовным санкциям (695/2022) [15] и иные нормативно-правовые акты.

Таким образом, можно подытожить, что система управления пенитенциарными заведениями Финляндии возникла во второй половине 19 в. с назначением Адольфа Гротенфельта, общенациональным тюремным инспектором, получив свое организационное оформление в 1881 г. в виде особого тюремного управления, подчиняющегося сенату. С обретением в начале XX в. независимости данное управление было ликвидировано с передачей его функций министерству юстиции, в составе которого проблемами пенитенциарной системы занимались различные административные подразделения. Однако, лишь в 2001 г. было создано Агентство по уголовным санкциям, получившее в 2009 г. свое последующее нормативное развитие. Общее

стремление к последующему реформированию Агентства привело к принятию нового закона о нем в апреле 2022 г., вступившего в силу с 1.09.2022, параллельно с принятием в июне-августе комплекса нормативно-правовых актов, обозначивших новую реформу пенитенциарной системы Финляндии.

Список литературы:

- 1.1881 г. 25 января. №5. Высочайшее ЕИВ Инструкция Тюремному Управлению в Финляндии. – 1881. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. №6. №5, 2 листа, печатан в Гельсингфорсе, 26 сентября 1881 г. С. 1-10.
- 2.1881 г. 3 мая. Высочайшее ЕИВ Объявление, заключающее в себе правила, связанные с учреждением Тюремного Управления в Финляндии. - 1881. Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. №12, 2 листа, печатан в Гельсингфорсе, 11 Февраля 1882 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии, 1882. С. 5-7.
- 3.Указ о создании инспекции в Пенитенциарном совете Финляндии. Принят в Санкт-Петербурге 5/18 августа 1917 г. – URL: Указ об учреждении должности инспектора в финских... 58/1917 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 4.Указ о создании инспекции в Пенитенциарном совете Финляндии. Принят в Санкт-Петербурге 5/18 августа 1917 г. – URL: Указ об учреждении должности инспектора в финских... 58/1917 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 5.Asetus Kurituslaitosten neuvoston tarkastajan viroista. Helsinki 1920. 228/1920. – URL: Справочник законодательных изменений - FINLEX ®
- 6.Laki Kuritushuoneneuvoston lakkauttamisesta ja sen tehtävien siirtämisestä oikeusministeriölle. 1922. - 314/1922. – URL: Справочник законодательных изменений - FINLEX ®
- 7.Asetus kurituslaitoksesta. Helsinki, 1936. - 316/1936 – URL: Справочник законодательных изменений - FINLEX ®
- 8.Asetus kurituslaitoksesta. Helsinki, 1950. 86/1950 – URL: Справочник законодательных изменений - FINLEX ®
- 9.Asetus kurituslaitoksesta. Helsinki. 134/1986. – URL: Первоначальные акты - FINLEX ®
- 10.Hallituksen päätöslauselma rangaistusten täytäntöönpanon hallinnoinnista (rikosoikeudelliset seuraamukset). Helsingissä 26. Tammiukuuta 2006. – URL: 84/2006 Постановление Правительства «Об управлении исполнением наказаний» Текст акта Постановление Правительства о штрафах... 84/2006 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 11.Laki. Asiasta kertoo Rikosseuraamuslaitos. Helsinki, 27. Marraskuuta 2009. – URL: Закон об Агентстве по уголовным санкциям 953/2009 - Первоначальные акты - FINLEX ®
- 12.Valtioneuvoston asetus Rikosseuraamuslaitoksesta (290/2022), annettu 12.4.2022 – URL: Постановление правительства об Агентстве по уголовным санкциям 290/2022 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 13.Oikeusministeriön määräys valvontakeskuksen ja kaksikielisten Vankilaosastojen jaosta (797/2022), päivätty 25. elokuuta – URL: Приказ Министерства юстиции о Службе пробации... 797/2022 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 14.Oikeusministeriön virka-asun, suojavaatteiden ja Rikosseuraamuslaitoksen virkamiesten erityisvaatteiden tilaus (796/2022), päivätty 25.8.2022. – URL: Приказ Министерства юстиции Об Агентстве по уголовным санкциям... 796/2022 - Оригинальные акты - FINLEX ®
- 15.Oikeusministeriön tunnus ja Rikosseuraamuslaitoksen kunniamerkki (695/2022), päivätty 25.8.2022. – URL: Приказ Министерства юстиции Об Агентстве по уголовным санкциям... 795/2022 - Оригинальные акты - FINLEX ®

Velikaya O. S. Reforming the activities of the finnish penal system in the early 2020s. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 353 – 360.

The penitentiary management system in Finland arose in the second half of the 19th century. with the appointment of Adolf Grotenfelt, a nationwide prison inspector, having received its organizational design in 1881 in the form of a special prison administration subordinate to the Senate. With the acquisition at the beginning of the twentieth century. independence, this department was liquidated with the transfer of its functions to the Ministry of Justice, in which various administrative divisions dealt with the problems of the penitentiary system. However, it was only in 2001 that the Criminal Sanctions Agency was created, which received its subsequent regulatory development in 2009. The general desire for the subsequent reform of the Agency led to the adoption of a new law on it in April 2022, which entered into force on September 1, 2022, in parallel with the adoption in June-August of a set of legal acts that outlined a new reform of the penitentiary system in Finland.

Key words: Finland, penitentiary administration, Penal Sanctions Agency, law, government regulation, reform.

Spisok literatury:

- 1.1881 g. 25 yanvarya. №5. Vysochajshee EIV Instrukciya Tyuremnomu Upravleniyu v Finlyandii. – 1881. Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. №6. №5, 2 lista, pechatan v Gel'singforse, 26 sentyabrya 1881 g. S. 1-10.
- 2.1881 g. 3 maya. Vysochajshee EIV Ob'yavlenie, zaklyuchayushchee v sebe pravila, svyazannye s uchrezhdeniem Tyuremnogo Upravleniya v Finlyandii. - 1881. Sbornik postanovlenij Velikago Knyazhestva Finlyandskogo. №12, 2 lista, pechatan v Gel'singforse, 11 Fevralya 1882 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii, 1882. S. 5-7.
- 3.Ukaz o sozdanii inspekcii v Penitenciarном совете Финляндии. Prinyat v Sankt-Peterburge 5/18 avgusta 1917 g. – URL: Ukaz ob uchrezhdenii dolzhnosti inspektora v finskih... 58/1917 - Original'nye akty - FINLEX ®
- 4.Ukaz o sozdanii inspekcii v Penitenciarном совете Финляндии. Prinyat v Sankt-Peterburge 5/18 avgusta 1917 g. – URL: Ukaz ob uchrezhdenii dolzhnosti inspektora v finskih... 58/1917 - Original'nye akty - FINLEX ®
- 5.Ukaz o dolzhnostyah inspektora Soveta penitenciarных uchrezhdenij. Hel'sinki,1920 g. 228/1920. – URL: Spravochnik zakonodatel'nyh izmenenij - FINLEX ®
- 6.Zakon ob uprazhnenii Penitenciarного совета i peredache ego funkcij ministerstvu yusticii. 1922 g. - 314/1922. – URL: Spravochnik zakonodatel'nyh izmenenij - FINLEX ®
- 7.Dekret o penitenciarном uchrezhdenii. Hel'sinki, 1936 g. - 316/1936 – URL: Spravochnik zakonodatel'nyh izmenenij - FINLEX ®
- 8.Dekret o penitenciarном uchrezhdenii. Hel'sinki, 1950 g. 86/1950 – URL: Spravochnik zakonodatel'nyh izmenenij - FINLEX ®
- 9.Dekret o penitenciarном uchrezhdenii. Hel'sinki, 14 fevralya 1986 g. Dekret o penitenciarном uchrezhdenii 134/1986. – URL: Pervonachal'nye akty - FINLEX ®
10. Postanovlenie Pravitel'stva ob upravlenii ispolneniem shtrafnih sankcij (ugolovnyh nakazanij). Hel'sinki, 26 yanvarya 2006 goda. – URL: 84/2006 Postanovlenie Pravitel'stva «Ob upravlenii ispolneniem nakazanij» Tekst akta Postanovlenie Pravitel'stva o shtrafah... 84/2006 - Original'nye akty - FINLEX ®
11. Zakon. Ob agentstve po ugolovnym sankciyam. Hel'sinki, 27 noyabrya 2009 g. – URL: Zakon ob Agentstve po ugolovnym sankciyam 953/2009 - Pervonachal'nye akty - FINLEX ®
12. Postanovlenie pravitel'stva Ob Agentstve po ugolovnym sankciyam (290/2022) ot 12 aprelya 2022 g. – URL: Postanovlenie pravitel'stva ob Agentstve po ugolovnym sankciyam 290/2022 - Original'nye akty - FINLEX ®
13. Prikaz Ministerstva yusticii podrazdeleniya Centra probacii i dvuyazychnyh otdelov tyurem (797/2022), ot 25 avgusta 2022 g. – URL: Prikaz Ministerstva yusticii o Sluzhbe probacii... 797/2022 - Original'nye akty - FINLEX ®
14. Prikaz Ministerstva yusticii Uniforma, zashchitnaya odezhda i special'naya odezhda dolzhnostnyh lic Agentstva po ugolovnym sankciyam (796/2022), ot 25 avgusta 2022 g. – URL: Prikaz Ministerstva yusticii Ob Agentstve po ugolovnym sankciyam... 796/2022 - Original'nye akty - FINLEX ®
15. Prikaz Ministerstva yusticii Emblema i nagrudnyj znak Agentstva po ugolovnym sankciyam (695/2022), ot 25 avgusta 2022 g. – URL: Prikaz Ministerstva yusticii Ob Agentstve po ugolovnym sankciyam... 795/2022 - Original'nye akty - FINLEX ®

УДК 343.322

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ РЕПРЕССИЙ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Фомин А. А.

Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Статья посвящена вопросам применения репрессий в отношении членов семей изменников Родине в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа архивных учетных дел в отношении граждан, репрессированных в силу родства с лицами, признанными виновными в совершении измены Родине в годы войны, автором выделены отдельные особенности практики применения репрессий и реабилитационной работы в контексте нормативной регламентации рассматриваемого института ответственности и с учетом изученных фактических оснований репрессирования. По результатам проведенного исследования автором обосновано теоретическое и практическое значение изучения исторического опыта правового регулирования и применения рассматриваемого вида репрессий, а также практики уголовного преследования лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, измена Родине, изменники Родине, коллаборационисты, ответственность членов семей изменников Родине, применение репрессий, ссылка, конфискация имущества, Особое совещание при НКВД СССР, реабилитация.

Целевое толкование соответствующих норм, составлявших в годы Великой Отечественной войны институт ответственности членов семей изменников Родине, учитывающее политико-идеологические установки руководства советского государства в военный период, позволяет оценивать его в качестве элемента превентивного характера системы мер государственно-правового противодействия коллаборационизму. Его основы были заложены в довоенный период путем установления возможности объективного вменения уголовной ответственности в отношении родственников отдельных категорий изменников Родине. В условиях военного периода он получил широкое нормативное развитие в направлении существенного ужесточения репрессивных мер и расширения оснований их применения [1].

Советским правом не использовался термин «коллаборационист». Наиболее распространенной юридической характеристикой проявлений коллаборационизма являлось отнесение подобной деятельности к измене Родине, т. е. уголовно-правовая квалификация по статьям 58-1 «а» и 58-1 «б» УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик («Измена Родине» и «Измена Родине, совершенная военнослужащим») [2, с. 64–65]. При этом в годы войны был принят ряд чрезвычайных актов, направленных на обеспечение строжайшей дисциплины на фронте и недопущение возможности коллаборации советских военнослужащих с противником. Они нормативно закрепляли новые формы измены Родине, что не противоречило уголовному законодательству, допускавшему возможность отнесения к ней широкого спектра деяний (действия командиров, комиссаров и политработников, самовольно отступивших с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров; сдача в плен без сопротивления; дезертирство, в том числе сопряженное с бандитизмом, вооруженным грабежом и контрреволюционной повстанческой работой) [3].

С 19 апреля 1943 г. советские граждане из числа отдельной категории пособников оккупантов формально не рассматривались в качестве субъектов измены Родине как преступления, предусмотренного ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов других союзных республик. При этом в отношении них применялся нормативно установленный термин «изменники Родине», а их деяния подлежали квалификации в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (далее — Указ от 19 апреля 1943 г.) [4, с. 43].

9 ноября 1943 г. начальник Главного управления военных трибуналов Народного комиссариата юстиции СССР (далее — ГУВТ НКЮ СССР) подписал директиву, согласно которой дела на лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных Указом от 19 апреля 1943 г., или по ст. 58-1 УК РСФСР и соответствующим статьям Уголовных кодексов других союзных республик, должны представляться в ГУВТ НКЮ СССР в тех случаях, когда семьи этих лиц подлежат репрессированию, то есть в случаях осуждения к смертной казни — повешению или расстрелу, и после утверждения и исполнения приговора. При осуждении на каторжные работы либо на лишение свободы, а равно в случаях замены смертной казни другими мерами наказания дела должны направляться на архивное хранение и в ГУВТ НКЮ СССР их представлять не следует [5, с. 532].

Следует отметить, что помимо указанного ведомственного акта, предусматривающего в качестве основания для репрессирования осуждение лица по Указу от 19 апреля 1943 г. к смертной казни через повешение, автору не удалось отыскать иных правовых документов, закреплявших данное основание применения репрессий. Однако наличие подобной директивы прямо свидетельствует о включении пособничества оккупантам, предусмотренного Указом от 19 апреля 1943 г., в перечень деяний, влекущих репрессии в отношении членов семей коллаборационистов. На это указывает и практика их применения, нашедшая отражение в архивных источниках. Так, например, решением Особого совещания при НКВД СССР от 14 октября 1944 г. жительница г. Свердловска С. вместе с тремя малолетними детьми была направлена в ссылку в Тюменскую область на срок 5 лет, а ее имущество было конфисковано [6]. Ее муж, бывший советский военнослужащий, за службу в немецкой армии был осужден 17 августа 1943 г. военно-полевым судом 58 стрелковой дивизии к повешению по ст. 1 Указа от 19 апреля 1943 г. [7].

Недостатки юридической техники построения и неконкретизированный характер ряда норм, предусматривавших основания и порядок применения репрессий, создавали условия для их большего усиления в силу отсутствия единообразного подхода к толкованию и правоприменению. В частности, на практике имели место случаи репрессирования неродных родителей изменников в условиях нормативного закрепления необходимости репрессирования отца и матери наряду с иными родственниками лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине. Так, 11 ноября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена мачеха бывшего красноармейца, осужденного за подготовку к переходу на сторону противнику по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР и расстрелянного 3 мая 1942 г.

по приговору военного трибунала 381 стрелковой дивизии [8]. Также известен случай, когда решением Особого совещания при НКВД в ссылку Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет был направлен отчим изменника Родине вместе с двумя совершеннолетними сестрами и матерью изменника, с которой также следовало шесть несовершеннолетних детей [9].

Вместе с тем в практике встречались и случаи, когда усмотрение правоприменителя смягчало репрессивный подход. Так, 20 ноября 1941 г. военным трибуналом 30-й армии к расстрелу по ст. 58-1 «а» УК РСФСР был осужден гражданин Г., который был завербован немецкой разведкой, а затем переброшен на территорию дислокации частей Красной Армии, где выполнял задания врага по сбору о них сведений, подрыву складов с боеприпасами и агитации красноармейцев о переходе на сторону противника [10]. Согласно заключению следственного отдела УНКВД СССР по Свердловской области от 5 мая 1943 г., его супруга К. в соответствии с нормативными требованиями подлежала репрессированию. Однако заключением 1-го Спецотдела НКВД СССР от 31 мая 1943 г., утвержденным заместителем наркома госбезопасности Б.З. Кобуловым, было принято решение «ссылку к К. не применять», так как она «прожила с изменником Родине Г. всего лишь около 2-х недель» [11]. При том, что каких-либо оговорок о минимальной продолжительности пребывания в браке, достаточной для репрессирования, нормативные правовые акты не предусматривали. Аналогичное решение было принято и в отношении гражданки Ш., муж которой был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» и 58-11 УК РСФСР, и расстрелян по решению Особого совещания при НКВД СССР от 4 ноября 1942 г. Учетное дело в отношении Ш. было прекращено в связи с тем, что она проживала с ним в зарегистрированном браке «всего 3 месяца» [12]. Свидетельство о заключении брака и (или) соответствующая справка из органов ЗАГС не являлись обязательными документами при формировании учетных дел в отношении жен изменников Родине. Факт родства, в том числе иных родственников, первоначально устанавливался исходя из показаний самого изменника и иных лиц, а впоследствии подтверждался справкой местных административных органов и иными материалами дела. В связи с этим на практике репрессии применялись и в отношении женщин, не состоявших в официальном браке, в том числе в случаях, когда об этом было известно правоприменителю.

Так, 22 августа 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР в ссылку в Кустанайскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества была направлена В., муж которой, бывший красноармеец, сдался в плен к немцам, а впоследствии был завербован немецкой разведкой (приговором военного трибунала Ленинградского фронта от 21 апреля 1942 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР) [13]. Согласно заключению УНКВД СССР по Свердловской о необходимости репрессирования его жены, она не состояла в зарегистрированном браке с изменником [14].

В феврале 1943 г. дезертировал красноармеец З. — муж гражданки А. Затем он скрывался в лесах и занимался грабежом местных жителей. В апреле и мае 1943 г. он совершил разбойные нападения на 2-х колхозниц, ударив их металлическим прутом по голове и отобрав у них продукты (приговором военного трибунала Калининского фронта от 1 июля 1943 г. он был осужден к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР) [15]. Согласно заключению УНКГБ СССР по Свердловской о необходимости

сти не применять репрессию в отношении его жены, в качестве основания освобождения от ответственности указывалось «наличие у нее ребенка, не являющегося родным изменнику», несмотря на отсутствия нормативного закрепления такой возможности. В этом же документе указывалось и на отсутствие факта регистрации брака, которое, однако, по мнению сотрудников органов госбезопасности, препятствием для репрессирования не являлось. Несмотря на приведенные доводы, решением Особого совещания от 12 февраля 1944 г. А. была направлена в ссылку в Омскую область на 5 лет [16].

Вместе с тем пробел в правовом регулировании по данному вопросу приводил и к ситуациям, когда органы госбезопасности не применяли репрессии в отношении женщин, не состоявших в официальном браке с изменниками. Так, 2 марта 1943 г. военный трибунал войск НКВД СССР по охране тыла Северо-Кавказского фронта по ст. 58-1 «б» УК РСФСР приговорил к расстрелу 3-х бывших советских военнослужащих, которые, находясь в немецком плену, были завербованы, обучены, снаряжены радиостанциями и всем необходимым и оставлены в г. Георгиевске для последующего ведения шпионской работы при занятии города частями Красной Армии [17]. В отношении жены одного из изменников 15 марта 1945 г. НКГБ СССР принял решение о неприменении репрессий, указав в заключении в качестве одного из оснований этого отсутствие официальной регистрации брака.

Несмотря на то, что репрессии были направлены на совершеннолетних лиц, фактически им подвергались и их несовершеннолетние дети, которые должны были следовать к месту ссылки совместно с родителями. В соответствии с Инструкцией, объявленной приказом НКВД СССР от 10 декабря 1940 года, действовавшей и в годы войны, несовершеннолетние дети репрессированных не подлежали помещению в тюрьму, и до отправки в ссылку для их содержания следовало выделять специальное помещение [18, с. 203-204].

Однако на практике данное правило соблюдалось не всегда. Так, 2 октября 1942 г. военный трибунал 68 морской стрелковой бригады осудил по ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР за покушение на измену Родине и приговорил к расстрелу красноармейца З., который 17 сентября 1942 г., договорившись со своим сослуживцем о переходе к противнику, бросил в лесу оружие и боеприпасы и направился к передовой линии обороны, но был задержан советскими бойцами [19]. Совершеннолетняя дочь и супруга осужденного вместе с двумя малолетними сыновьями красноармейца решением Особого совещания при НКВД СССР от 25 ноября 1943 г. направлены в ссылку в Омскую область на 5 лет с конфискацией имущества [20]. Репрессированная дочь, 1925 г. рождения, в своем обращении к Сталину с просьбой о помиловании ее и членов ее семьи, указывала, что перед тем, как они прибыли к месту пребывания в ссылке, их «посадили в пересылочную тюрьму г. Свердловска, где они просидели 4 дня, затем направили в омскую тюрьму, где они просидели 4 месяца и не могли понять, или же им вольная ссылка назначена, или же тюремное заключение, сидели всей семьей — мама, она, братишка 10-ти лет и братишка 4-х лет» [21].

Репрессивную сущность рассматриваемого института усиливала практика вынесения неправосудных решений в отношении лиц, в действительности не причастных к какой-либо изменнической деятельности, являвшихся основанием для применения мер ответственности в отношении членов семей изменников Родине.

Так, гражданка С. 16 декабря 1941 г. как член семьи изменника была арестована, а 28 февраля 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР гражданка С. была направлена в ссылку в Красноярский край на 5 лет (с исчислением срока с даты ареста). Ее муж, бывший красноармеец, был осужден 5 ноября 1941 г. военным трибуналом 90 Краснознаменной стрелковой дивизии ленинградской группы войск Ленинградского фронта за измену Родине ст. 58-1 «б» УК РСФСР и заочно приговорен к расстрелу. Согласно приговору, он 16 октября 1941 г. перешел на сторону врага, оставив в своем окопе винтовку и патроны [22]. 4 февраля 1946 г. Военная коллегия Верховного суда СССР (далее — Военная коллегия) отменила данный приговор и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, указав, что из материалов дела нельзя установить, что красноармеец С. действительно изменил Родине и перешел на сторону врага: приговор военного трибунала построен на предположениях; никто из свидетелей лично не видел, когда и при каких обстоятельствах С. покинул окоп, в котором он находился; в деле нет никаких других доказательств, хотя бы косвенно свидетельствующих о его переходе на сторону противника. Протоколом Особого совещания при МГБ СССР от 18 декабря 1946 г. решение о репрессировании было отменено [23] (спустя более 10 месяцев после отмены приговора и 2-х дней после истечения срока ссылки). При отсутствии судебного приговора или решения Особого совещания о привлечении к ответственности изменника Родине для заведения учетного дела в отношении членов его семьи достаточно было наличие документа командования воинских соединений, сельсовета, райисполкома или горсовета, прокурора, местного НКВД или Особого отдела соответствующего воинского соединения о факте расстрела изменника с приложением свидетельских показаний, подтверждающих его деятельность.

Так, 30 апреля 1943 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с конфискацией имущества жительница г. Нижний Тагил Н. Поводом для репрессирования послужило постановление следователя особого отдела НКВД 34 армии от 12 декабря 1942 г. о прекращении следственного дела в связи с расстрелом красноармейцев, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 19-58-1 «б» УК РСФСР. Согласно постановлению, муж Н., бывший красноармеец 161 отдельной стрелковой бригады Н., 26 октября 1942 г. и красноармейцы М. и П., будучи часовыми на посту переднего края обороны, по общему сговору, пытались перейти на сторону противника, но снайперским огнем красноармейца Д. были расстреляны, что подтверждается показаниями других красноармейцев [24].

2 декабря 1960 г. Н. обратилась к прокурору Уральского военного округа с заявлением о реабилитации, в котором указала, что ее муж оказался жив и вернулся домой в г. Нижний Тагил, где они проживали до его смерти в 1955 г. [25]. В ходе проверки по факту обращения гражданки Н. последняя показала, что ее муж Н. был призван в Красную Армию в июне 1941 г., вернулся домой в 1948 г., где они встретились с женой после ее возвращения из ссылки. Затем он продолжил работать на Высокогорском руднике, а в 1955 г. умер. Н. говорил супруге, что «он ни в чем не виноват, что он не арестовывался», о своем пребывании на фронте ничего не рассказывал, а она его ни о чем не спрашивала. Предложение жены обратиться по поводу возврата конфискованного имущества Н. отклонил, пояснив, что «в войну людей много пострадало, а они наживут» [26].

В ходе проведенной проверки также было установлено, что один из якобы расстрелянных красноармейцев М. был арестован после войны и осужден 10 декабря 1947 г. по ст. 58-1 «б» УК РСФСР военным трибуналом Горьковского гарнизона к 25 годам лишения свободы за переход на сторону врага совместно с указанными красноармейцами (Н и П.) при указанных обстоятельствах. Определением Военной коллегии от 28 марта 1956 г. наказание осужденному было снижено до 10 лет лишения свободы. М. подтвердил наличие сговора между ними и сам факт перехода, пояснив, что при подходе к проволочному заграждению немцев по ним был открыт пулеметный огонь со стороны подразделений Красной Армии, а он потерял сознания от разрыва мины. О дальнейшей судьбе Н. и П. ему ничего не известно, сам же он после излечения находился в лагерях для военнопленных, затем в рабочей части немецкой армии, а в мае 1945 г. был захвачен советскими войсками [27].

Согласно материалам архивного проверочно-фильтрационного дела в отношении мужа репрессированной Н., он 9 мая 1945 г. в составе группы из 70 военнопленных, входившей во вспомогательное (трудовое) формирование, обеспечивающие нужды немецкой армии (компания № 512/2), был репатрирован и направлен для проведения фильтрации в Восточный ИТЛ МВД СССР (г. Совгань Приморского края), где пребывал до момента освобождения, т. е. до 6 августа 1946 года. Согласно показаниям Н., он 25 октября 1942 г. в ходе выполнения боевого задания был пленен 6-ю нападшими на него немецкими солдатами. В плену он, находясь под охраной в лагерях военнопленных, а с 10 мая 1944 г. — в указанном формировании, привлекался к выполнению различных хозяйственных работ [28].

23 июня 1961 г. определением военного трибунала Уральского военного округа постановление Особого совещания при НКВД СССР о репрессировании Н. было отменено в связи с отсутствием состава преступления. В качестве основного довода своего решения трибунал указал отсутствие доказательств, подтверждающих факт измены Родине со стороны ее мужа, а в качестве его обоснования были использованы исключительно ее показания. При этом, как следует из содержания приговора, обстоятельства, изложенные в документах проверочно-фильтрационного дела, а также в приговоре военного трибунала Горьковского гарнизона и иных материалах проверки, проведенной по обращению репрессированной Н., не стали предметом рассмотрения и оценки военного трибунала Уральского военного округа [29].

В отличие от приведенных примеров, когда решения об отмене репрессий принимались уже после их реализации, на практике встречались и случаи, когда они не были исполнены в полном объеме и даже не применялись вовсе в силу отмены решений в отношении лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине.

Так, 11 июня 1942 г. приговором военного трибунала Уральского военного округа была направлена в ссылку на 5 лет Я., жена бывшего красноармейца, осужденного заочно к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 24 ноября 1941 г. военным трибуналом 339 стрелковой дивизии [30]. Определением Военной коллегии от 19 января 1944 г. приговор военного трибунала был отменен как необоснованный, а затем Военной коллегией понадобилось еще полгода для того, чтобы 11 июня 1944 г. принять решение об отмене приговора и в отношении жены незаконно осужденного красноармейца [31].

30 сентября 1942 г. решением Особого совещания при НКВД СССР была направлена в ссылку в Северо-Казахстанскую область Казахской ССР на 5 лет с

конфискацией имущества В., муж которой был заочно приговорен к расстрелу по ст. 58-1 «б» УК РСФСР 8 февраля 1942 г. военным трибуналом 55 армии. 3 января 1944 г. этот приговор был отменен Военной коллегией, а дело было направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия в связи с «недостаточной полнотой расследования по делу» и отсутствием «бесспорных доказательств» факта перехода осужденного на сторону противника [32]. Решением Особого совещания при НКВД СССР от 11 марта 1944 г. постановление о ссылке В. было отменено [33]. При этом ни в данном решении, ни в иных материалах учетного дела не упоминалось о необходимости возврата либо фактическом возврате В. ранее конфискованного имущества (дома, амбара, конюшни, сарая, козы и 4-х гусей).

3 марта 1942 г. в Управление НКВД СССР по Свердловской области поступила копия приговора военного трибунала Северо-Западного фронта от 9 декабря 1941 г. в отношении капитана Красной Армии Л. для репрессирования членов его семьи. Л. был осужден заочно по ст. 58-1 «б» УК РСФСР за то, что, в июле 1941 г., находясь в составе 84 стрелковой дивизии, попал в окружение противника, дезертировал и остался на территории занятой противником [34]. В ходе мер в рамках учетного дела в отношении его жены выяснилось, что она продолжает получать от него письма, приходящие из штаба одной из армий. В результате последующего неоднократного направления учетного дела в 1-ый Спецотдел НКВД СССР для перепроверки факта измены Родине 30 декабря 1942 г. было установлено, что приговор в отношении капитана Л. был отменен и дело в отношении него было прекращено Военной коллегией 14 декабря 1942 г. Учетное дело в отношении жены Л. было прекращено лишь 9 апреля 1943 года [35]. Таким образом, несмотря на то, что для установления наличия основания репрессирования потребовалось более года, в приведенном примере письма с фронта послужили поводом для дополнительной проверки факта измены Родине и недопущения безосновательного применения репрессий.

По статистическим данным органов госбезопасности, общее число репрессированных членов семей изменников Родине в период с 1942 г. (первый год учета данной категории) по 1952 г. составило 40 056 чел. [36, с. 427]. Однако сопоставление этих данных с количеством лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, а также имеющимися сведениями о масштабе фактических репрессий в отношении членов семей изменников позволяет поставить под сомнение объективность приведенного показателя. С 1941–1945 гг. за измену Родине привлечено к ответственности 243 627 чел., а только в 1946 г. — 39 247 чел. (в этом же году, согласно официальной статистики, было репрессировано лишь 396 членов их семей) [36, с. 427]. Только в ходе одной операции по выселению членов семей украинских националистов, проведенной в октябре 1947 г., было выселено 26 644 семей в составе 77 806 чел. [37, с. 85].

Несмотря на уже проведенную масштабную работу по реабилитации членов семей изменников, исследование практики применения к ним репрессий имеет важное теоретическое и практическое значение. Анализ архивных учетных дел реабилитированных советских граждан, репрессированных в силу родства, позволяет восполнить имеющиеся пробелы историко-правовой науки в отношении не только особенностей регламентации, толкования и правоприменения в рассматриваемой сфере, но и практики уголовного преследования лиц, привлеченных к ответственности за измену Родине, за преступления, действительно ими совершенные либо необоснованно им вмененные. В связи с этим соответствующие архивные материалы могут быть

поводом и источниковой основой как для проведения дополнительной работы по восстановлению прав реабилитированных родственников и по реабилитации лиц, незаконно привлеченных к ответственности в качестве изменников Родине, так и для установления, изучения и оценки обстоятельств действительно совершенных преступлений.

Список литературы:

1. Об этом подробнее см.: Фомин А.А. Институт ответственности членов семей коллаборационистов в советском законодательстве в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2016. № 16. С. 50–55.
2. Трайнин А.Н., Меньшагин В.Д., Вышинская З.А. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. 2-е издание. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. 340 с.
3. Об этом подробнее см.: Фомин А.А. Эволюция правового подхода к оценке деятельности коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С. 23–40. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20220.html.
4. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М. : Республика : Верховный Совет Российской Федерации, 1993. 223 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. Т. 4. Кн. 2: Великий перелом (1 июля – 31 декабря 1943 г.). М. : Русь, 2008. 816 с.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области (далее — ГААОСО). Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 56004. Л. 48.
7. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп.2. Д. 56004. Л. 5–5об.
8. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 61475. Л. 1-2, 12.
9. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 59054. Л. 16–17.
10. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12342. Л. 7–7об.
11. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2 Д. 12342. Л. 21–22.
12. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2 Д. 12539. Л. 20.
13. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 57115. Л. 2, 24.
14. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 57115. Л. 7.
15. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 58510. Л. 4.
16. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 58510. Л. 28, 30.
17. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12826. Л. 2.
18. Лубянка: Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М. : МФД : Материк, 2006. 640 с.
19. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 4.
20. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 23.
21. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 55092. Л. 27.
22. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 17598. Л. 16, 12–12об.
23. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 17598. Л. 16, 21, 24.
24. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 3, 9.
25. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 12–13.
26. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 16–22.
27. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 25–28.
28. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12869. Л. 4–7, 9, 13.
29. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 41630. Л. 37.
30. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 36413. Л. 18, 32.
31. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 36413. Л. 51–52, 55.
32. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 18.
33. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 42554. Л. 27.
34. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12279. Л. 2.
35. ГААОСО. Ф. Р–1. Оп. 2. Д. 12279. Л. 12–15, 35об, 43.
36. Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.) : статистический справочник. М. : ТД Алгоритм, 2016. 448 с.
37. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М. : Наука, 2006. 438 с.

Fomin A. A. On the question of the practice of repression in relation to families members of traitors to the homeland during the great patriotic war // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – Р. 361 - 369.

The article is devoted to the use of repression against family members of traitors to the Motherland during the Great Patriotic war. Based on the analysis of archival records of citizens repressed by virtue of kinship with persons found guilty of committing treason during the war, the author highlights certain features of the practice of applying repression and rehabilitation work in the context of the regulatory regulation of the institution of responsibility under consideration and taking into account the studied factual grounds of repression. Based on the results of the study, the author substantiates the theoretical and practical significance of studying the historical experience of legal regulation and application of the type of repression under consideration, as well as the practice of criminal prosecution of persons held accountable for treason during the war period.

Keywords: the Great Patriotic war, treason to the Motherland, traitors to the Motherland, collaborators, responsibility of family members of traitors to the Motherland, use of repression, exile, confiscation of property, Special Meeting at the NKVD of the USSR, rehabilitation.

Spisok literatury:

1. Ob etom podrobnее sm.: Fomin A.A. Institut otvetstvennosti chlenov semej kollaboracionistov v sovetskom zakonodatel'stve v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoriya gosudarstva i prava. 2016. № 16. S. 50–55.
2. Trajnin A.N., Men'shagin V.D., Vyshinskaya Ž.A. Uголовnyj kodeks RSFSR. Kommentarij / pod red. I.T. Golyakova. 2-e izdanie. M. : Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1946. 340 s.
3. Ob etom podrobnее sm.: Fomin A.A. Evolyuciya pravovogo podhoda k ocenke deyatel'nosti kollaboracionistov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Elektronnyj resurs] // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 23–40. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_20220.html.
4. Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressiyah i rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij. M. : Respublika : Verhovnyj Sovet Rossijskoj Federacii, 1993. 223 s.
5. Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne : sbornik dokumentov. T. 4. Kn. 2: Velikij perelom (1 iyulya – 31 dekabrya 1943 g.). M. : Rus', 2008. 816 s.
6. Gosudarstvennyj arhiv administrativnyh organov Sverdlovskoj oblasti (dalee — GAAOSO). F. R–1. Op. 2. D. 56004. L. 48.
7. GAAOSO. F. R–1. Op.2. D. 56004. L. 5–5ob.
8. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 61475. L. 1-2, 12.
9. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 59054. L. 16–17.
10. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12342. L. 7–7ob.
11. GAAOSO. F. R–1. Op. 2 D. 12342. L. 21–22.
12. GAAOSO. F. R–1. Op. 2 D. 12539. L. 20.
13. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 57115. L. 2, 24.
14. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 57115. L. 7.
15. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 58510. L. 4.
16. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 58510. L. 28, 30.
17. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12826. L. 2.
18. Lubyanka: Stalin i NKVD–NKGB–GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946: Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnnoj i gosudarstvennoj vlasti / pod obshch. red. A.N. Yakovleva; sost. V.N. Haustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M. : MFD : Materik, 2006. 640 s.
19. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 4.
20. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 23.
21. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 55092. L. 27.
22. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 17598. L. 16, 12–12ob.
23. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 17598. L. 16, 21, 24.
24. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 3, 9.
25. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 12–13.
26. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 16–22.
27. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 25–28.
28. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12869. L. 4–7, 9, 13.
29. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 41630. L. 37.
30. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 36413. L. 18, 32.
31. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 36413. L. 51–52, 55.
32. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 42554. L. 18.
33. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 42554. L. 27.
34. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12279. L. 2.
35. GAAOSO. F. R–1. Op. 2. D. 12279. L. 12–15, 35ob, 43.
36. Mozohin O.B. Statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti organov VChK–OGPU–NKVD–MGB (1918–1953 gg.) : statisticheskij spravochnik. M. : TD Algoritm, 2016. 448 s.
37. Ivanova G.M. Istoriya GULAGa, 1918–1958: social'no-ekonomicheskij i politiko-pravovoj aspekty. M. : Nauka, 2006. 438 s.

УДК 343.9

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ

Блохин Я. А.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Специфика детерминации преступности мигрантов как отдельного вида преступности определяется тем, что она детерминирована, с одной стороны, теми же факторами, как и преступность в целом, а, с другой стороны, ей присущи специфические факторы детерминации, связанные непосредственно с сущностью и содержанием миграционных процессов. Субъективные факторы детерминации преступности мигранта во многом взаимосвязаны с процессом их адаптации в регионе пребывания. Успешность адаптации во многом зависит от личности конкретного мигранта, поскольку процесс адаптации мигрантов связан с комплексом психологических проблем, затрагивающих когнитивный, коммуникативный, эмоциональный, мотивационный, поведенческий, и иные компоненты сознательно-волевой сферы человека. Психологическим механизмом избегания трудностей адаптации является обособление мигрантов в среде этнических диаспор и анклавов. Непринятие норм права страны пребывания, прежде всего, в силу психологического восприятия правовых предписания как инструмента ограничения личной свободы или дискриминации референтной группы, приводит деформации правосознания и, как следствие, правовому нигилизму и инфантилизму, а также противоправному поведению мигрантов. Преступное поведение мигрантов может быть детерминировано ложной убежденностью в не преступности (правомерности), а также в ненаказуемости различных форм поведения, формируемой в результате накопленного миграционного опыта. Субъективным фактором детерминации преступного поведения мигрантов может выступать наличие у преступника психических аномалий.

Ключевые слова: преступность, миграция, преступность мигрантов, личность преступника, субъективный фактор, детерминация.

Миграция является не только одной из социально-экономических проблем. Интенсивные массовые потоки мигрантов оказывают значительное влияние на криминологическую ситуацию транзитных регионов, а также регионов пребывания мигрантов, создают существенные дополнительные трудности в оперативно-профилактической деятельности правоохранительных органов [1, с. 819].

Специфика детерминации преступности мигрантов как отдельного вида преступности определяется тем, что она детерминирована, с одной стороны, теми же факторами, как и преступность в целом, а, с другой стороны, ей присущи специфические факторы детерминации, связанные непосредственно с сущностью и содержанием миграционных процессов. В процессе рефлексии феномена преступности учитываются внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, влияющие на его содержание и динамику [2, с. 129-133]. Сложность миграционных процессов определяется разнообразием видов миграции (легальной и нелегальной, добровольной и вынужденной, возвратной и безвозвратной, транзитной и пр.). При этом нередко не только объективные условия пребывания мигранта в принимающем регионе, но и факторы, побудившие лицо к переселению на новое место жительства, трансформируясь детерминируют различные виды преступного поведения лица уже в статусе мигранта [3; 4]. Указное, наряду с личностью преступника определяет значение субъективных факторов в детерминации преступности мигрантов.

Одной из ключевых проблем, характерных для мигрантов, является проблема социальной адаптации личности к условиям жизни на новом месте и сопровождающее

данный процесс трудности, связанные с установлением коммуникации с новыми людьми, усваиванием новых для мигранта норм морали и права, правил и стандартов поведения, интеграцией в новые формальные и неформальные социальные группы [5, с. 133].

Процесс адаптации мигрантов связан с комплексом психологических проблем, затрагивающих когнитивный, коммуникативный, эмоциональный, мотивационный, поведенческий, и иные компоненты сознательно-волевой сферы человека. При этом лица с «плохой социальной приспособляемостью» и испытывающие трудности адаптации хуже усваивают требования нравственных и правовых норм, отчуждены от общества и его ценностей [6].

Таким образом, что успешность адаптации во многом зависит от личности конкретного мигранта. В экстремальных условиях адаптации наиболее проявятся морально-психологические качества личности. В свою очередь, условия адаптации влияют на деформацию морально-психологических качеств личности и обострение наиболее негативных из них.

Успешность адаптации мигрантов, а также непосредственно их криминальная активность, во многом зависит не только от морально-психологических качеств личности, он и от уровня их социально-культурного развития. Низкий уровень культуры, образования и потребительская ориентация личности влияют на формирование антиобщественных установок, деформацию ценностных ориентаций, маргинализацию и проявления деликвентного поведения.

Одними из ключевых особенностей мигрантов, на субъективном уровне детерминирующих совершение ими преступлений, являются: морально-психологическая изолированность, тенденция к соблюдению психологической дистанции между собой и окружающим миром, негативное или безразличное отношение к социальным и правовым нормам [7, с. 239-246], повышенная чувствительность к межличностным отношениям, восприятие внешней среды как враждебной, отсутствие социальных связей, и др.

Субъективные факторы детерминации преступности мигрантов культурологического и духовно-нравственного порядка связаны, прежде всего, с уровнем общей культуры и духовно-нравственного развития личности мигранта, свойственных ему идеалов, ценностных установок и моральных принципов.

Специалисты указывают на культурную обусловленность когнитивных аспектов психологического благополучия и психического здоровья мигрантов, культурно-специфические синдромы, стигматизацию при обращении за психологической помощью, предрасположенность и особенности протекания психических процессов, особенно у лиц с различными расстройствами психики (от ситуативного стресса до серьезных нарушений функционирования психики), способы совладания со стрессом у представителей различных культур, народов и этносов, т.е. обусловленность данных феноменов этнокультурной идентичностью представителей конкретного общества [8-11].

Исследователи отмечают отдельную роль религии в детерминант преступности мигрантов в современных условиях, особенно в регионах, которые в конфессиональном плане представляет собой пограничную зону между православно-христианской и исламской культурами. В данном контексте особое беспокойство оказывает влияние на личность мигранта наличие в регионе скрытой межконфес-

сиальной напряженности, а также деятельность иностранных религиозных миссионеров, представляющих религиозно-экстремистские течения [12, с. 323]. Именно действуя под прикрытием финансируемых из-за рубежа миссионерских и различных просветительских организаций [13, с. 43-48; 14, с. 95-104], используя различные технологии манипулирования сознанием или действуя вполне открыто и играя на социальном положении, морально-психологическом состоянии и религиозных чувствах мигрантов, представители международных преступных организаций вовлекают их в экстремистскую и террористическую деятельность.

Рассматривая роль религии в формировании субъективных факторов детерминации преступного поведения мигрантов, необходимо также учитывать и то, что, как справедливо отмечает С.А. Бучаков, если по месту прежнего проживания мигранта религия выступала для него фактором социального контроля, то в новых условиях религия утрачивает данную функцию, а ее роль в большинстве случаев сводится к культурно-бытовым традициям [15, с. 168]. При этом наступательная позиция относительно демонстрации и защиты своих культурно-бытовых традиций нередко замещает религиозность или выдается за таковую.

Детерминируемые культурными различиями субъективные факторы находят свое проявление как в процессе адаптации мигрантов в регионе пребывания, так и в открытых конфликтах на почве несоответствия культурных установок мигранта социокультурным условиям пребывания. В данном случае духовно-нравственные характеристики личности в зависимости от их качества выступают либо сдерживающим фактором, определяющим базовые личностные стратегии совладания и способствующим адаптации мигранта и его культурному обогащению, либо провоцируют конфликты и девиантное поведение.

При этом, отсутствие постоянного источника доходов, вызванное нежеланием прикладывать трудовые усилия [16], служит причиной возникновения социальной фрустрации и психологического напряжения, провоцируя мигранта на асоциальные действия и поиск криминальных источников выхода из состояния нищеты. Согласно статистическим данным, в структуре миграционной преступности преобладают преступления против собственности, а также преступления против порядка управления [17].

Как показали исследования, для мигрантов, совершающих преступления, характерными являются следующие психологические особенности: они отличаются отсутствием четкой системы взглядов и убеждений, подвижностью ценностных ориентаций, склонностью к авантюрам, более высоким уровнем импульсивности, т.е. склонностью действовать по первому побуждению, и агрессивностью, что сочетается у них с высокой чувствительностью и ранимостью в межличностных взаимоотношениях; их отличает также отчужденность от общества и его ценностей, слабый уровень усвоения требований правовых и нравственных норм; отчужденность от малых социальных групп (семьи, учебного и трудового коллектива и др.), плохая социальная адаптация и приспособляемость и прочее [15, с. 168; 18, с. 271-272]. Из-за повышенной «готовности» к конфликту при малейшем поводе такие лица чаще применяют насилие в различных конфликтных ситуациях [6].

Как известно, уровень социальной адаптации во многом обусловлен семейным статусом преступника, в значительной мере определяющем его социальные роли

[18, с. 95]. Большинство мигрантов либо не имеют семьи, либо находятся в разлуке со своей семьей, что обуславливает, с одной стороны, перманентную тревожность и переживание за родных, психоэмоциональную и сексуальную депривацию, а, с другой стороны, отсутствие социального контроля со стороны родных и близких лиц, авторитетов из социального окружения.

Страх, неуверенность в себе, как следствие, импульсивность и агрессивность являются типичными реакциями мигранта на нетипичные для него условия и проблемы (языковые, культурные и пр.) в межличностной коммуникации, социально-бытовую неустроенность, проблемы с трудоустройством, необходимость соблюдения правил и ограничений, связанных с пребыванием в статусе мигранта, и иные, сопутствующие процессу адаптации, факторы. Хронические депривация и фрустрация могут детерминировать серьезные, порой критические, изменения личности, имеющие криминогенный потенциал.

Рассматривая субъективные факторы детерминации преступности, связанные с личностными особенностями преступника, как справедливо отмечает О.Д. Ситковская, следует исходить из того, что у данную категорию лиц отличает наличие ранее достаточно прочно усвоенных стереотипов бытового и делового поведения. Данные стереотипы в большинстве случаев прямо проносятся на различные жизненные ситуации уже в регионе пребывания [19, с. 27]. Таким образом, процесс адаптации не может не порождать, особенно у лиц старших возрастов со сложившейся системой взглядов и отношений, устоявшимися стереотипами поведения, различных трудностей и конфликтов [12, с. 323]. Необходимо отметить, что во многих случаях молодежь не спешит адаптироваться, находясь в регионе пребывания в этнических анклавах и диаспорах, а трудности и ограничения, связанные с процессом адаптации воспринимают как посягательства на их личную свободу исключительно агрессивно.

Отдельно в детерминации преступности мигрантов следует отметить такой субъективный фактора, как деформация правосознания мигрантов. Сущность данного феномена заключается в том, что в результате противоречия между рациональными и психологическими компонентами правового сознания мигрантов, восприятие ими правовой реальности происходит в искаженном виде, негативно влияя на формирование готовности к юридически значимому поведению. У преступников в наибольшей мере искажен такой элемент правосознания, как отношение к исполнению правовых предписаний, в результате чего лицо допускает нарушение закона, например, при угрозе его личным или групповым ценностям [20, с. 6-9]. Правосознание, ценностные ориентации, национальная самобытность и другие социокультурные особенности мигрантов могут вступать в конфликт с традиционными ценностями принимающего общества. Противоречия норм морали, зафиксированных в сознании мигранта, с нормами права страны пребывания могут выступить в роли условий, при которых психическая реакция организма может выйти за рамки нормы поведения [21, с. 86]. Непринятие норм права страны пребывания, прежде всего, в силу психологического восприятия правовых предписания как инструмента ограничения личной свободы или дискриминации референтной группы, приводит деформации правосознания и, как следствие, правовому нигилизму и инфантилизму, а также противоправному, нередко демонстративному, поведению мигрантов.

Принадлежность к различным этническим сообществам, характеризующимся сплочённостью и конспиративностью, так же способствует совершению преступлений мигрантами, особенно в составе организованных преступных групп [22, с. 156]. Чувствуя настроенность и отчужденность со стороны местных жителей, мигранты стараются обособливаться, что, в свою очередь может сказываться на росте организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу [12, с. 323-324]. В сочетании с нежеланием адаптироваться и приспосабливаться к актуальной социальной среде, в т.ч. нежеланием соблюдать социальные и правовые нормы, такие лица не могут не осознавать общественную опасность совершаемых ими преступных деяний, зачастую ими движут низменные желания и стремления, исключительно криминальная ориентация личности.

Преступное поведение мигрантов может быть детерминировано ложной убежденностью в не преступности (правомерности), а также в ненаказуемости различных форм поведения.

Демографические исследования показали, что миграционное поведение людей различных национальностей зависит не только от особенностей уклада и образа жизни народов и этносов, уровня их образования, традиций и прочих культурных факторов, но и от влияния накопленного миграционного опыта [23, с. 5]. Нередко через средства массовой информации, но, в первую очередь, через коммуникацию с ранее прибывшими в регион соотечественниками мигранты сталкиваются с неточной информацией самого разного плана [24, с. 20]. В результате накопленный миграционный опыт способствует появлению ложных представлений и убеждений в среде мигрантов относительно вседозволенности и безнаказанности в результате невозможности привлечения мигранта к ответственности и т.п.

Рассматривая субъективные факторы детерминации преступного поведения мигрантов, необходимо учитывать такой фактор, как наличие у преступника психических аномалий. Независимо от социального статуса лица, аномалии психики являются признанным криминогенным фактором, также криминологами рассматривается роль в детерминации преступного поведения акцентуаций личности и иных «пограничных» по отношению к норме состояний [25, с. 223-233; 26, с. 29-35; 27, с.471-478; 28, с. 38].

Специалисты отмечают, что криминологический анализ нередких случаев совершения прибывшими на заработки в Россию из стран СНГ мигрантами резонансных преступлений дает основания рассматривать вопрос о психической полноценности данной категории лиц, а пребывание на территории страны трудовых мигрантов с психическими расстройствами в силу их общественной опасности для окружающих представляет собой отдельную криминологическую проблему. При этом, как указывают А.В. Кисляков и М.Н. Ахмедов, «особенного внимания к психосоматическому состоянию здоровья требуют, по нашему мнению, представители стран участниц СНГ, поскольку большинство стран Содружества в течение последних десятилетий испытывают колоссальные отрицательные экономические и социальные перегрузки, толкающие граждан в сопредельное государство – Россию – на поиски работы в целях «выживания» себя и своих близких. Кроме того, часть мигрантов используют возможность пребывания на территории России для совершения различных преступлений» [21, с. 89].

Психологические последствия перенесенных соматических заболеваний, психические заболевания и аномалии психики, акцентуации характера и иные особенности психики человека могут усугубляться и приобретать более сложные и деструктивные формы под влиянием внешних факторов, в том числе характеризующих среду обитания, социальное окружение и образ жизни человека.

Под влиянием экстремальных для личности социальных факторов временные расстройства психики могут трансформироваться в хронические, а пограничные состояния в расстройства и заболевания психики, что в свою очередь является серьезным криминогенным фактором [8; 10; 29]. Процесс адаптации в регионе пребывания безусловно связан с различными стрессами для мигрантов, т.е., с психологической точки зрения, мигранты находятся в экстремальных социальных условиях, связанных как с необходимостью покидания региона исхода, так и с адаптацией в регионе пребывания.

Как отмечают исследователи, к жизненным обстоятельствам, которые могут послужить толчком к возникновению психических расстройств у мигрантов, можно отнести и необходимость трудиться в другой стране [21, с. 86]. Таким образом, экстремальность данных условий может иметь как объективный, так и субъективный характер, т.е. восприниматься таковой исключительно конкретным человеком, что во многом зависит от его морально-психологических и иных личностных характеристик.

Таким образом, к субъективным факторам детерминации миграции следует отнести культурологические, морально-психологические и психофизиологические особенности личности мигранта, непосредственное воздействие на проявление и трансформацию которых оказывает процесс адаптации в регионе пребывания. Психологическим механизмом избегания трудностей адаптации является обособление мигрантов в среде этнических диаспор и анклавов. Непринятие норм права страны пребывания приводит к деформации правосознания и, как следствие, правовому нигилизму и инфантилизму, а также противоправному поведению мигрантов. Нередко накопленный миграционный опыт способствует появлению в среде мигрантов ложных представлений и убеждений относительно не преступности (правомерности) или не наказуемости различных форм поведения, вседозволенности и безнаказанности в результате невозможности привлечения мигранта к ответственности и т.п. Рассматривая субъективные факторы детерминации преступного поведения мигрантов, необходимо учитывать такой фактор, как наличие у преступника психических аномалий.

Список литературы:

1. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма. – 2008.
2. Игнатов А.Н., Ильинович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 129-133.
3. Дядюн К.В. Миграция и преступность: взаимосвязь причин и условий // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – №2 (18). – С. 109-114.
4. Гамаюнова В.П. Субъективные факторы детерминации незаконной миграции // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30.09.2016. – 2016. – Том 2. – С. 20-28.
5. Антонян Ю.М. Социальная среда. Формирование личности преступника. – М., 1975.
6. Торопчанин С.В. Особенности личности преступника мигранта: Научно-практическая интернет-конференция «Противодействие преступности: от теории к практике день за днем», 25.05.2015. – Омск: ЧОУ ВПО «Омская Юридическая Академия», 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <http://conf.omua.ru/content/osobennosti-lichnosti-prestupnika-migranta>.

7. Маммадов Р. Э. Криминологические особенности личности преступника-мигранта и его психологическая характеристика // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – № 3(61). – С. 239-246.
8. Соколова Е.Т. Модели психологической помощи вынужденным мигрантам в контексте проблематики насилия и расстройств самоидентичности // Психологи о мигрантах и миграции в России: Информационно-аналитический бюллетень. – 2001. – № 2. – С. 21-43.
9. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Калинин В.К., Кравцова О.А. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. – М.: Смысл, 2002.
10. Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2018. – № 2. – С. 3-23.
11. Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Долгих А.Г. Этнокультурная обусловленность психического здоровья и психологического благополучия // Поляковские чтения – 2018 (к 90-летию Ю.Ф. Полякова). Научно-практическое издание. Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием (Москва, 15-16 марта 2018 г.) / Под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Роциной, С.Н. Ениколопова. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2018. – С. 364-365.
12. Ардуханова Ф.Х. Детерминанты преступности мигрантов // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 322-325.
13. Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13 марта 2015 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. – Симферополь: ДИАИПИ, 2015. – С. 43-48.
14. Кашкаров А.А. Игнатов А.Н. Основные причины совершения преступлений экстремистского характера в Крыму в современных условиях // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – С. 95-104.
15. Бучаков С.А. Детерминанты преступности мигрантов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2012. – № 1 (30). – С. 164-169.
16. Седова А.А. Особенности личности иностранного мигранта, совершившего преступление на территории Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. – 3А. – С. 229-234.
17. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – №2(44). – С. 214-219.
18. Ширяев А.С. Преступник мигрант как особая разновидность личности преступника // Регулирование миграционных процессов на юге России: политические, юридические и правоохранные аспекты: сборник материалов всероссийской научно-теоретической конференции, 12 октября 2016. – Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2016. – С. 269-272.
18. Игнатов А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2015. – № 4 (39). – С. 93-98.
19. Ситковская О. Д. Психологические проблемы борьбы с преступлениями против иностранных граждан. М., 1995.
20. Аносова С.О. Деформации правового сознания преступников - мигрантов: характеристика и предупреждение // Сравнительное правоведение в России, Монголии, Японии и КНР: Материалы международной студенческой научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2009 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. – С. 6-9.
21. Кисляков А.В., Ахмедов М.Н. Выявление трудовых мигрантов с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, как фактора предупреждения преступности // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 1 (46). – С. 85-91.
22. Лунев Р.С. Преступность среди мигрантов: причины и особенности противодействия // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14.10.2022. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 156.
23. Топилин А.В. Взаимодействие этномиграционных процессов и их последствий: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 1993. – 47 с.
24. Богомолова К.И. Психологические особенности личности преступника-иностранца при осуществлении предупредительных мер преступности мигрантов // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 4 (17). – С. 18-23.
25. Игнатов А.Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. –Т. 9, № 2. – С. 223-233.

26. Стешич Е.С. Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 1 (72). – С. 29-35.
27. Игнатов А.Н. Акцентуированная личность насильственного преступника // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – № 4 (79). – С. 471-478.
28. Нежкина Л.Ю. К вопросу акцентуаций характера в структуре комплексного изучения личности преступника // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 38.
29. Зинченко, Ю.П., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6). – С. 98-111.

Blokhin Ya.A. Subjective factors in the determination of crime in migrants //Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 370 – 378.

The specificity of the determination of migrant crime as a separate type of crime is determined by the fact that it is determined, on the one hand, by the same factors as crime in general, and, on the other hand, it has specific determination factors related directly to the essence and content of migration processes. Subjective factors in determining migrant crime are largely interconnected with the process of their adaptation in the region of residence. The success of adaptation largely depends on the personality of a particular migrant, since the process of adaptation of migrants is associated with a complex of psychological problems affecting the cognitive, communicative, emotional, motivational, behavioral, and other components of the consciousness-volitional sphere of a person. The psychological mechanism for avoiding adaptation difficulties is the isolation of migrants among ethnic diasporas and enclaves. Failure to accept the rules of law of the host country, primarily due to the psychological perception of legal regulations as an instrument of restriction of personal freedom or discrimination of a reference group, leads to deformations of legal consciousness and, as a consequence, legal nihilism and infantilism, as well as illegal behavior of migrants. The criminal behavior of migrants can be determined by a false belief in non-crime (legality), as well as in the non-punishability of various forms of behavior, formed as a result of the accumulated migration experience. A subjective factor in determining the criminal behavior of migrants may be the presence of mental anomalies in the criminal.

Key words: crime, migration, crime of migrants, personality of the criminal, subjective factor, determination.

Spisok literatury:

1. Kriminologiya: uchebnik / pod obshch. red. A. I. Dolgovoij. – 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma. – 2008.
2. Ignatov A.N., Il'yanovich E.B. Metodologicheskie osnovy issledovaniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 2 (52). – S. 129-133.
3. Dyadyun K.V. Migraciya i prestupnost': vzaimosvyaz' prichin i uslovij // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. – 2012. – №2 (18). – S. 109-114.
4. Gamayunova V.P. Sub"ektivnye faktory determinacii nezakonnoj migracii // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 30.09.2016. – 2016. – Tom 2. – S. 20-28.
5. Antonyan Yu.M. Social'naya sreda. Formirovanie lichnosti prestupnika. – M., 1975.
6. Toropchanin S.V. Osobennosti lichnosti prestupnika migranta: Nauchno-prakticheskaya internet-konferenciya «Protivodejstvie prestupnosti: ot teorii k praktike den' za dnev», 25.05.2015. – Omsk: ChOU VPO «Omskaya Yuridicheskaya Akademiya», 2015 [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://conf.omua.ru/content/osobennosti-lichnosti-prestupnika-migranta>.
7. Mammadov R. E. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika-migranta i ego psihologicheskaya harakteristik // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2020. – № 3(61). – S. 239-246.
8. Sokolova E.T. Modeli psihologicheskoy pomoshchi vyzhdenym migrantam v kontekste problematiki nasiliya i rasstrojstv samoidentichnosti // Psihologi o migrantah i migracii v Rossii: Informacionno-analiticheskij byulleten'. – 2001. – № 2. – S. 21-43.
9. Soldatova G.U., Shajgerova L.A., Kalinenko V.K., Kravcova O.A. Psihologicheskaya pomoshch' migrantam: travma, smena kul'tury, krizis identichnosti. – M.: Smysl, 2002.
10. Shajgerova L.A., Shilko R.S., Zinchenko Yu.P., Dolgih A.G., Vahanceva O.V. Kul'turnaya determinaciya psihicheskogo zdorov'ya i psihologicheskogo blagopoluchiya: metodologicheskie voprosy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya. – 2018. – № 2. – S. 3-23.
11. Shajgerova L.A., Shilko R.S., Dolgih A.G. Etnokul'turnaya obuslovlennost' psihicheskogo zdorov'ya i psihologicheskogo blagopoluchiya // Polyakovskie chteniya – 2018 (k 90-letiyu Yu.F. Polyakova). Nauchno-prakticheskoe izdanie. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 15-16 marta 2018 g.) / Pod red. N.V. Zverevoj, I.F. Roshchinoj, S.N. Enikolopova. – M.: OOO «Sam Poligrafist», 2018. – S. 364-365.
12. Arduhanova F.H. Determinanty prestupnosti migrantov // Biznes v zakone. – 2007. – № 4. – S. 322-325.
13. Ignatov A.N. Sovremennye ugrozy kriminologicheskoy bezopasnosti Respubliki Krym // Problemy perekhodnogo perioda: adaptaciya normativno-pravovyh aktov Krymskogo federal'nogo okruga k za-

- konodatel'stvu Rossijskoj Federacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 13 marta 2015 g. / pod obshch. red. S.A. Butkevicha. – Simferopol': DIAJPI, 2015. – S. 43-48.
14. Kashkarov A.A. Ignatov A.N. Osnovnye prichiny soversheniya prestuplenij ekstremistskogo haraktera v Krymu v sovremennykh usloviyah // Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki: monografiya / pod obshchej redakciej S.A. Butkevicha. – Simferopol': Krymskij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2015. – S. 95-104.
15. Buchakov S.A. Determinanty prestupnosti migrantov // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2012. – № 1 (30). – S. 164-169.
16. Sedova A.A. Osobennosti lichnosti inostrannogo migranta, sovershivshego prestuplenie na territorii Rossijskoj Federacii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2018. – Tom 8. – 3A. – S. 229-234.
17. Rashitov L.R. Ponyatie, sostoyanie i struktura prestupnosti migrantov v sovremennoj Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – №2(44). – S. 214-219.
18. Shiryaev A.S. Prestupnik migrant kak osobaya raznovidnost' lichnosti prestupnika // Regulirovanie migracionnyh processov na yuge Rossii: politicheskie, yuridicheskie i pravoohranitel'nye aspekty: sbornik materialov vserossijskoj nauchno teoreticheskoy konferencii, 12 oktyabrya 2016. – Rostov-na-Donu: FGKOU VO RYU MVD Rossii, 2016. – S. 269-272.
18. Ignatov A.N. Social'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya charakteristika lichnosti sovremennogo nasil'stvennogo prestupnika // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Zhurnal Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. – 2015. – № 4 (39). – S. 93-98.
19. Sitkovskaya O. D. Psihologicheskie problemy bor'by s prestupleniyami protiv inostrannykh grazhdan. M., 1995.
20. Anosova S.O. Deformacii pravovogo soznaniya prestupnikov - migrantov: charakteristika i preduprezhdenie // Sravnitel'noe pravovedenie v Rossii, Mongolii, Yaponii i KNR: Materialy mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ulan-Ude, 17 aprelya 2009 g.). – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2009. – S. 6-9.
21. Kislyakov A.V., Ahmedov M.N. Vyyavlenie trudovykh migrantov s psihicheskimi rasstrojstvami, ne iskluchayushchimi vmenyaemosti, kak faktora preduprezhdeniya prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. – 2020. – № 1 (46). – S. 85-91.
22. Lunev R.S. Prestupnost' sredi migrantov: prichiny i osobennosti protivodejstviya // Aktual'nye problemy zakonodatelnogo regulirovaniya migracionnyh processov na territorii gosudarstv-uchastnikov SNG: Materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 14.10.2022. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2023. – S. 156.
23. Topilin A.V. Vzaimodejstvie etnomigracionnyh processov i ih posledstvij: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk. – M., 1993. – 47 c.
24. Bogomolova K.I. Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika-inostranca pri osushchestvlenii predupreditel'nykh mer prestupnosti migrantov // Informacionnaya bezopasnost' regionov. – 2014. – № 4 (17). – S. 18-23.
25. Ignatov A.N. Biologicheskie faktory determinacii nasil'stvennoj prestupnosti // Kriminologicheskij zhurnal Bajkalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – T. 9, № 2. – S. 223-233/
26. Steshich E.S. Akcentuacii haraktera i prestupnoe povedenie (po dannym issledovaniya lichnosti vinovnykh v umyshlennom i neostorozhnom lishenii zhizni) // Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah. – 2018. – № 1 (72). – S. 29-35.
27. Ignatov A.N. Akcentuirovannaya lichnost' nasil'stvennogo prestupnika // Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organah. – 2019. – № 4 (79). – S. 471-478.
28. Nezhkina L.Yu. K voprosu akcentuacij haraktera v strukture kompleksnogo izucheniya lichnosti prestupnika // Baikal Research Journal. – 2022. – T. 13. – № 2. – S. 38.
29. Zinchenko, Yu.P., Soldatova G.U., Shajgerova L.A. Terroristicheskij akt kak ekstremal'naya situaciya v obshchestve riskov // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – 2011. – № 2 (6). – S. 98-111.

УДК: 342

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КРЫМА

Лихачёв С. В., Ракша Н. С.

В статье представлен анализ актуальных проблем экологической безопасности Крыма. Указано, что в современных условиях закономерно растет интерес к теоретическим и практическим проблемам обеспечения экологической безопасности на всей территории Российской Федерации и в конкретных субъектах федерации. Так, Крым – уникальный регион России. Эта уникальность подразумевает не только особое геополитическое положение, но и множество природных и почвенно-климатических факторов, которые обуславливают специфическую экологическую обстановку и социально-экономическое развитие региона. Анализируются понятия экология, экологическая безопасность, экосистема. Экологическая безопасность представлена как составляющая национальной безопасности, является состоянием защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от угроз со стороны опасных природных объектов, загрязненных вследствие аварий, катастроф, хозяйственной деятельности, природных явлений, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Сделан вывод, что в целях экологической безопасности Крыма, необходимо консолидировать все усилия государства и общества по увеличению доли естественных природных территорий, ограничить, а в некоторых случаях и полностью запретить высоко масштабные техногенные воздействия на экосистему Крыма, тем самым, обеспечить его экологическую надежность.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экосистема, окружающая среда, национальная безопасность, усовершенствование.

В современных условиях закономерно растет интерес к теоретическим и практическим проблемам обеспечения экологической безопасности на всей территории Российской Федерации и в конкретных субъектах федерации. Так, Крымский полуостров – уникальный регион России. Эта уникальность подразумевает не только особое геополитическое положение, но и множество природных и почвенно-климатических факторов, которые обуславливают специфическую экологическую обстановку и социально-экономическое развитие региона.

Экологические проблемы регионов постоянно изучаются для выработки концепции экологической безопасности как региона, так и государства в целом. Термин «экология» впервые введен в научный оборот немецким ученым-биологом Э. Геккелем в 1866 г. в труде «Общая морфология организмов» для обозначения учения о взаимоотношениях организмов друг с другом и средой их обитания [1]. Имелась ввиду наука об условиях существования в природе растений и животных, как чисто биологическая дисциплина об общем отношении организма к окружающей природной среде.

К основным положениям в сфере природоохраны и соответственно, экологической безопасности, следует отнести такие понятия, как природа, природные объекты, окружающая природная среда, экологические системы и т.п. Следует отметить, что одним из немногих законов, содержащих требования относительно природы, является Конституция РФ, в которой возлагается на каждого обязанность охранять природу и окружающую природную среду (ст. 58 – каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам) [2].

Вместе с тем, следует признать, что «окружающая природная среда» – одна из

самых фундаментальных категорий современной науки и практики. Окружающая среда, а не природа, является интегрированным объектом правового регулирования общественных отношений по поводу природы на современном этапе согласно национального и международного права [3].

Термин «окружающая среда» был введен в оборот в связи с тем, что на первый план вышла заинтересованность человека в сохранении благоприятного состояния природы как среды жизни людей в условиях стремительного роста научно-технического прогресса, увеличения населения и т.п. [4, с. 243].

ФЗ РФ от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» [5] устанавливается право граждан на благоприятную окружающую среду (окружающую природную среду, условия труда, быта, проживания, отдыха и т.п.), факторы, которые не должны опасно и вредно влиять на организм человека нынешнего и будущих поколений. Экологические и санитарно-гигиенические требования определяют содержание понятия «окружающая среда».

Науке и практике известно еще одно понятие, которое имеет значение для анализа проблемы, – «экосистема». Экологические системы могут быть как природного происхождения (например, лес, река), так и искусственного, возникающие вследствие антропогенного воздействия человека (трансформированные, а также модифицированные, измененные в процессе преобразующей деятельности общества, например, искусственные озера, искусственно посаженный лес). Поэтому взаимосвязь экосистем обязывает всех граждан, коллективные субъекты и государство учитывать экологические последствия своих действий, даже если они не связаны с воздействием на природу. Это позволяет определить понятие «экосистема», выступающее как объект правового регулирования.

Экологическая система – это естественная сфера окружающей среды, наделенная замкнутой системой взаимосвязей ее составных компонентов, которые придают ей устойчивость, взаимосвязанная с другими устойчивыми экологическими экосистемами и имеющая определенную биологическую продуктивность.

Сейчас осложнение экологических проблем в городах и населенных пунктах изменило отношение к благоустройству – требования защиты здоровья населения, создания благоприятных условий для их проживания. Впервые в градостроительных проектах ставится цель рациональной организации территории с учетом экономически безопасного развития, планирования, застройки, реконструкции, благоустройства и озеленения городов, что обеспечивает реализацию прав граждан на укрепление здоровья, их гармоничное физическое и духовное развитие.

Планировка и застройка населенных пунктов должны предусматривать наиболее благоприятные условия проживания населения, в том числе, за счет благоустройства жилых районов, восстановления санитарно-защитных зон, строительства и реконструкции объектов коммунального хозяйства, рационального использования городских земель.

Применяя перечисленное к Крыму, поддерживаем мнение А.Н. Тетиора [6, с. 6-14], что в связи с отсутствием должного контроля, Крым далеко не лучшим образом застроен и освоен: например, выполнена недопустимая с точки зрения экологии застройка берега моря как в городах, так и в случайных местах, подходящих для освоения, например, для «рыбаков», построены поселки для прибывших в Крым, ранее депортированных граждан, с исключительно малой архитектурно-ландшафтной ин-

дивидуальностью и выразительностью, с низким уровнем современной урбанизации. Недопустима пропаганда успешной застройки берега моря. Застройка Крыма ведется зачастую хаотично: частные дома возводят из ракушечника с минимальными архитектурными требованиями, тогда как ряд зданий – гостиниц, объектов отдыха, и пр. – выполняют по оригинальным индивидуальным проектам. В итоге получается эклектика, смешение стилей, и не гармонирующий с природной средой архитектурный образ Крыма.

Степень благоустройства населенных пунктов и других общественных мест вдвойне влияет на окружающую человека среду.

Во-первых, при реализации экологической безопасности большое значение имеет планирование населенных пунктов, размещение культурно-зрелищных учреждений, предприятий торговли и общественного питания, благоустройства улиц и зеленых насаждений, зон отдыха, стоянок автотранспорта. В свою очередь, обеспечение порядка на улицах, площадях, в парках и других общественных местах является одним из необходимых условий поддержания окружающей природной среды.

Во-вторых, состояние благоустройства влияет на формирование общественной морали: засорения улиц, площадей, подъездов домов, парков бытовыми отходами; неудовлетворительное состояние общественных мест, повреждение или уничтожение зеленых насаждений – причиняют вред общественной морали.

На связь благоустройства и экологической безопасности указывает и то, что чистота и порядок в общественных местах способствуют формированию у людей позитивного отношения к общественной нравственности, повышению экологических знаний, необходимых для формирования экологической культуры граждан с целью воспитания бережного отношения к окружающей природной среде. И, наоборот, повреждение или уничтожение зеленых насаждений и садово-паркового оборудования, ограждений парков и газонов и т.п. (повреждение городских насаждений, хождение или проезд по газонам и т.д.) нередко создают благоприятные условия для совершения нарушений в сфере благоустройства, общественного порядка и окружающей природной среды.

Создается своеобразный негативный морально-эмоциональный фон, способствующий развитию криминальной ситуации, который приводит к нарушению экологической безопасности. Таким образом, экология – это комплексная наука, изучающая среду обитания живых организмов, взаимосвязи между ними и средой проживания, обеспечение оптимальных условий, необходимых человеку для жизни и развития, функционирование и взаимодействие с другими компонентами.

Категорию «экологическая безопасность», следует рассматривать в аспекте безопасности в целом. Исходя из того, что безопасность является понятием специфическим и многогранным, его нужно рассматривать с позиции комплексного подхода, с учетом междисциплинарного назначения. Здесь в одинаковой степени важны экономические, политические, экологические и другие аспекты. Поэтому при рассмотрении вопросов безопасности в научных исследованиях и законодательстве используются различные термины: «безопасность», «безопасность государства», «национальная безопасность».

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7] под «национальной безопасностью» понимается остояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от

внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Таким образом считаем, что проблему экологической безопасности стоит рассматривать в рамках более широкой проблемы – национальной безопасности в целом, поскольку национальная безопасность служит крайне важной цели – обеспечению безопасности жизненно важных интересов всего населения страны. Поскольку законодательство является целостной социальной системой, то мы должны исходить из того, что носителем интегрированных потребностей граждан и социальных групп является нация. Поэтому термин «национальная безопасность» точнее отражает сущность вопроса экологической безопасности человека, общества и государства.

В экологической сфере угрозы национальной безопасности РФ создают значительные антропогенные нарушения и техногенная перегруженность территорий; неэффективное использование природных ресурсов, широкомасштабное применение экологически вредных и несовершенных технологий; неконтролируемый ввоз экологически опасных технологий, веществ и материалов; негативные экологические последствия оборонной и военной деятельности.

Так, среди экологических проблем Крыма можно выделить застройку береговых линий, добычу в местных карьерах стройматериалов – песка, известняка; добыча морского песка из пляжей; чрезмерная освоенность территории различными объектами хозяйственной деятельности; неконтролируемая распашка земель; недостаток лесов, водоемов с пресной водой и др.

Поэтому важное значение в этой связи, имеет решение поставленной в Стратегии задачи обеспечения экологически и технологически безопасных условий жизнедеятельности общества, при этом обеспечение национальной безопасности в экологической сфере является актуальным направлением деятельности общества и государства [7].

Управление деятельностью системы обеспечения национальной, в том числе экологической безопасности, определяются полномочиями основных субъектов указанной системы: общества, Государственной Думы, Президента РФ, Совета безопасности РФ, Правительства РФ, Конституционного Суда РФ и т.д.

Это также отражено в федеральном законодательстве об охране окружающей среды, где указано: охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности жизнедеятельности человека – неотъемлемое условие устойчивого экономического и социального развития РФ; а природные ресурсы РФ являются собственностью народа РФ. Государственная система экологической безопасности должна защищать от экологических угроз, которые проявляются в локальных, региональных и глобальных масштабах.

Экологическая безопасность, следует заметить, является необходимым средством реализации государственных устремлений в различных сферах общественной жизни, но существуют еще и другие угрозы объектам безопасности (экономические, военные, технологические, политические, международные и т.п.).

Так, достижения экономической безопасности в рассматриваемой сфере способствуют укреплению экологической безопасности, поскольку предоставление гарантии того, что интересы охраны окружающей природной среды не будут использоваться как повод для экономической и торговой дискриминации, послужат мощным стимулом в природоохранной деятельности. В свою очередь, экологическая безопасность поставит надежный заслон эксплуатации природной среды (эксплуатация природных ресурсов, захоронения на их территории опасных отходов, и др.).

Так, Г.П. Серов определяет экологическую безопасность личности, общества и государства как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в процессе взаимодействия общества и природы от угроз [8, с. 33].

Таким образом, экологическая безопасность как элемент национальной безопасности, является понятием более объемным и является состоянием окружающей природной среды, при котором организационно-правовыми, научно-техническими, экономико-политическими и другими мерами обеспечивается: надлежащее качество окружающей природной среды, т.е. такое состояние окружающей среды, при котором остается неизменной анатомическая целостность организма и при нахождении его в этой среде нормально осуществляются его физиологические процессы; отсутствие угроз для окружающей среды и для человека; предотвращение ухудшения качества окружающей природной среды; охрана, воспроизведение и улучшение природных объектов; устранение существующего негативного влияния на природные объекты.

Следовательно, экологическая безопасность как составляющая национальной безопасности является состоянием защищенности жизненно важных интересов человека, общества и государства от угроз со стороны опасных природных объектов, загрязненных вследствие аварий, катастроф, хозяйственной деятельности, природных явлений, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Касаемо экологической безопасности Крыма, необходимо консолидировать все усилия государства и общества по увеличению доли естественных природных территорий, ограничить, а в некоторых случаях и полностью запретить высоко масштабные техногенные воздействия на экосистему Крыма, тем самым, обеспечить его экологическую надежность.

Список литературы:

1. Геккель Э. Общая морфология организмов / Э. Геккель. – М., 1965. – 329 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Экологическое право : учебник для вузов / С. А. Боголюбов [и др.] ; под ред. С. А. Боголюбова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 304 с.
4. Бондарь, Л.А. Аграрное, земельное и экологическое право: учеб. пособ. / Л.А. Бондарь. – Х., 2005. – 528 с.
5. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
6. Тетиор А.Н. Крым: экосистема требует бережного обращения (необходима программа экологической оптимизации Крыма) / А.Н. Тетиор // Sciences of Europe # 50, (2020). – С. 6-14.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/?ysclid=lm12wcf9h4546820103

8. Серов Г.П. Правовое регулирование экологической безопасности при осуществлении промышленной и иных видов деятельности / Г.П. Серов. – Москва: Ось-89, 1998. – 222 с.

Lihachyov S. V., Raksha N. S. Actual problems of ecological safety of the Crimean peninsula // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 379 – 384.

The article presents an analysis of the current problems of environmental safety of the Crimean peninsula. It is indicated that in modern conditions, interest in theoretical and practical problems of ensuring environmental safety throughout the territory of the Russian Federation and in specific subjects of the Federation is naturally growing. Thus, the Republic of Crimea is a unique region of Russia. This uniqueness implies not only a special geopolitical position, but also a variety of natural and soil-climatic factors that determine the specific ecological situation and socio-economic development of the region. The concepts of ecology, ecological safety, ecosystem are analyzed. Environmental safety is presented as a component of national security, it is a state of protection of vital interests of a person, society and the state from threats from hazardous natural objects contaminated as a result of accidents, catastrophes, economic activities, natural phenomena, natural and man-made emergencies. It is concluded that in order to ensure the ecological safety of the Crimea, it is necessary to consolidate all efforts of the state and society to increase the share of natural territories, limit, and in some cases completely prohibit high-scale man-made impacts on the ecosystem of the Crimea, thereby ensuring the ecological reliability of the peninsula.

Keywords: ecological safety, ecosystem, environment, national security, improvement.

Spisok literaturi:

1. Haeckel E. General morphology of organisms / E. Haeckel. – M., 1965. – 329 p.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Environmental law : textbook for universities / S. A. Bogolyubov [et al.] ; edited by S. A. Bogolyubov. – 7th ed., reprint. and additional – Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. – 304 p
4. Bondar, L.A. Agrarian, land and environmental law: textbook. manual / L.A. Bondar. – H., 2005. – 528 p.
5. About environmental protection: feder. Law No. 7-FZ of 10.01.2002 (latest edition) // Electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
6. Tetior A.N. Crimea: the ecosystem requires careful handling (a program of ecological optimization of the Crimea is needed) / A.N. Tetior // Sciences of Europe # 50, (2020). – Pp. 6-14.
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 // Electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/?ysclid=lm12wcf9h4546820103
8. Serov G.P. Legal regulation of environmental safety in the implementation of industrial and other activities / G.P. Serov. – Moscow: Os-89, 1998. – 222 p.

УДК 341.322.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЕМНИЧЕСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Семенцова И. А., Романенко В. Б.

Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

В статье рассмотрены вопросы международно-правового осмысления наемничества, дан анализ международно-правовых актов определяющих понятие, формы и признаки «наемничества». Авторы системно раскрывают особенности имплементации международно-правовых норм о наемничестве в национальное законодательство зарубежных стран. По итогам исследования сделан вывод о том, что в современных правовых условиях лишь немногие государства следуют предписаниям международного права, хотя и ратифицируют данные нормативно-правовые акты на территории своих государств. Кроме того, анализ уголовных законов стран континентального права свидетельствует о наличии диаметрально противоположных особенностей регламентирования уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с наемничеством.

Ключевые слова: наемничество, преступление, ответственность, государство.

Характеристика юридической природы и содержания наемничества были отражены во многих международных нормативно-правовых актах (Нюрнбергском Уставе Международного военного трибунала (1945), в Уставе Международного Военного Трибунала в Токио (1946), в Европейской конвенции по правам человека (1950) и т. д.

Принятый Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 12 августа 1949 г. [1], закрепил раскрытие терминологической конструкции «наемник». А в 1989 г. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников отразила юридический состав наемничества.

Позже в 1998 г. принятый Римский статут Международного уголовного суда попытался закрепить состав, содержащий элементы наемничества [2]. Тем не менее, указанная норма не коррелировала положениям нормативного акта 1989 г.

Так, Римский статут закрепил ответственность за наемничество в отношении лиц, не достигших 15-летнего возраста. Анализируя законодательство рассматриваемого периода, целесообразно отметить, что формулировка указанной юридической нормы представляется совершенно необоснованной ввиду приравнивания преступлений международного характера и преступлений несовершеннолетних.

Отсутствие корреспондирующих норм, противоречие международно-правовых актов стали причиной появления диаметрально противоположных позиций относительно целесообразности установления уголовной ответственности за совершение преступлений, содержащих элементы наемничества.

Таким образом, одни государства поддержали необходимость установления уголовно-правового запрета за совершение рассматриваемых преступлений международного характера, другие индифферентно отнеслись к положениям Римского статута. Стоит заметить, что в странах, которые восприняли должным образом предписания указанного документа, до сих пор прослеживается тенденция противоречивости относительно интерпретации «наемничества», его состава как преступления, а

также содержательного аспекта. Данный факт обусловлен различным пониманием одних и тех же правовых вопросов с точки зрения правовой системы той или иной страны.

Американская и английская правовые системы характеризуется схожими сочетаниями и взаимодействиями норм общего и статутного права. Тем не менее, для английской правовой системы характерно сохранение средневековых норм, принципов и институтов, что в целом обуславливает отсутствие уголовно-правового регламентирования преступлений, содержащих все элементы наемничества, на современном этапе.

В настоящее время вопрос о запрете преступлений, связанных с наемничеством, является актуальным в Международном кодексе о преступлениях против мира и безопасности человечества. Однако английское королевство не поддерживает этот запрет, исходя из того, что данный тип преступлений не имеет статуса общепризнанных международных преступлений.

В свою очередь, США поддержали возражения Англии, но в качестве аргумента указали на то, что юридическая формулировка наемничества в данном документа сформулирована достаточно неопределенно, поскольку уголовная ответственность наступает не в следствии действий самих наемников, а в результате вербовки, использования, финансирования данных лиц агентами или представителями государства. Несмотря на то, что США в целом были не согласны с формулировкой «наемничества» в указанном международно-правовом акте, уголовная ответственность за совершение рассматриваемых преступлений все же регламентирована законодательством США. Кроме того, декларирование конституционных норм данного государства о верховенстве международно-правовых договоров над внутренним законодательством, о чем свидетельствует раздел 2 ст. 6 Конституции, не соответствует действительности [3].

Стоит отметить, что США не всегда корректно следовали указаниям международного характера. Такое обстоятельство обусловлено правовым дуализмом, т.е. правовыми проблемами разграничения полномочий федерации и штатов. Несмотря на частые попытки урегулировать данный вопрос, надлежащий образом компетенции не урегулированы.

В контексте данного исследования важно заметить, что уголовное законодательство США в сфере наемничества носит репрессивный характер, если проводить сравнительную характеристику уголовной ответственности с другими странами. Так, например, в России устанавливается уголовная ответственность за участие в военных действиях. Такие предписания содержит и международное право. А в США уголовная ответственность может наступить и за поступление на такую службу.

В свою очередь, анализ законодательства континентального права позволяет сделать вывод о том, что для таких государств характерно предусмотрение международных норм на уровне Конституций. Например, в Основной законе Германии общепризнанные нормы международного права признаются частью федерального права, о чем свидетельствует ст. 25. Кроме того, данные нормы обладают преимуществом перед национальным законодательством [4].

Тем не менее, положения УК Германии не соответствуют нормам Международной Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обуче-

нием наемников 1989 г. Так, уголовное законодательство не содержит указаний на то, что данный состав присущ преступлениям, содержащим элементы наемничества. Кроме того, уголовный закон Германии значительно ограничивает терминологическую конструкцию «наемник», поскольку содержательный аспект данного термина позволяет сделать вывод о том, что наемниками могут выступать только граждане Германии.

Еще одним противоречащим моментом в уголовном законодательстве страны выступает нивелирование ответственности за использование, финансирование и обучения наемников. Представляется, что такой пробел в регламентации наемничества не оправдан, поскольку данные противоправные действия несут не меньшую общественную опасность.

Стоит заметить, что УК Германии не содержит норм, посвященных противоправности участия наемника в военных действиях. Кроме того, в данном акте не предусматривается ответственность лиц, отдающих приказ о совершении данных деяний. Как видится, уголовная регламентация УК Германии не корреспондирует международным нормам в сфере регламентации преступлений, содержащих элементы наемничества. Несмотря на ярко выраженную противоречивость международному законодательству, УК Германии в некоторых случаях достаточно расширительно толкует объективную сторону деяний, связанных с наемничеством. Так, данный нормативно-правовой акт предусматривает ответственность за доставку наемника к вербовщикам.

В свою очередь, если обратиться к уголовному законодательству Испании, то можно заметить пример прямого действия международного права. Несмотря на то, что УК данного государства не содержит состава наемничества, в то же время, в статье 614 УК Испании предусмотрена ответственность за совершение или приказ совершить противоправное действие в процессе вооруженного конфликта [5].

Для Конституции Франции также характерна регламентация преимущества международных норм над внутренним законодательством, о чем говорится в ст. 55 Основного закона. Однако, проблемы регламентации наемничества в уголовном законодательстве Франции все же прослеживаются [6, л. 308-347]

Анализ нормативно-правовых актов в сфере правового регулирования наемничества, а также установление прямого запрета на данный вид преступлений показывает, что в современных правовых условиях существует ряд стран, которые законодательно уголовную ответственность за наемничество не закрепляют. Уголовный закон таких стран содержит прямую отсылку к нормам международного права.

Так, например, Польский уголовный закон не содержит интерпретацию «наемничества», тем не менее, уголовная ответственность данным нормативным актом все же предусматривается. Уголовный кодекс Польши является законодательным актом, который напрямую ссылается на нормы международного права в части, касаемой уголовной ответственности за преступления, связанные с наемничеством. В законе нет дублирования положений международного права, которые определяют наемную службу, запрещенную для вербовки, финансирования и обучения наемников. Польский закон идет в ногу с нормами международного права, призванными запретить любые наемные военные службы, запрещенные законом.

Таким образом, положения УК Польши соответствуют международным стандартам, регулирующим уголовную ответственность за преступления, связанные с

наемничеством. Важно отметить, что при определении наемной службы учитываются все запрещенные законом формы этой деятельности.

Поскольку верховенство и преимущество норм международного права над внутренним законодательством безусловно в силу конституционного закрепления не представляется необходимым предусматривать в национальном законодательстве те аспекты, которые регламентированы международным правом. Указанные отсылки к международным нормам содержатся и в уголовном законодательстве Нидерландов.

Данная позиция представляется вполне оправданной, поскольку подтверждение и дублирование норм международного права в сфере уголовно-правовой регламентации преступлений, связанных с наемничеством, в национальном законодательстве не усилит и не сделает более эффективным. Речь идет о том, что сами положения международного права должны быть настолько неукоснительно предусмотрены, что им бы не требовались подтверждения внутреннего законодательства страны, поддерживающую и ратифицирующую их.

Преступления, посягающие на международные отношения, предусматриваются и уголовным законодательством Республики Болгария и Латвийской Республики. Тем не менее, специальным норм в сфере уголовно-правовой регламентации данные нормативно-правовые акты не содержат [7, с. 142].

В свою очередь, УК Республики Беларусь имеет такую же структуру, как и уголовный кодекс Российской Федерации. Но ее Особенная часть начинается с Раздела VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления». Уголовная ответственность за совершение преступлений, связанных с наемничеством, предусматривается ст. 132 и ст. 133 [8].

Таким образом, анализируя вышесказанное, стоит отметить, что на современном этапе максимальное коррелирование внутренних норм и международного права отмечается в уголовном законодательстве Испании, Польши и Республики Беларусь. В уголовных законах указанных стран уголовная ответственность за совершение преступлений, содержащих все аспекты наемничества, удачно регламентирована.

В свою очередь, Основные законы Франции и Германии хотя и предусматривают верховенство и преимущество международного законодательства, но уголовное право указанных стран противоречит предписаниям международных актов. Таким образом, сам факт их существования и ратифицирования показывает противоречивость нормотворчества Франции и Германии, отсутствие корреляции норм как в национальном законодательстве, так и во взаимодействии с международным правом. Однако, в некоторых государствах наемничество вовсе не является общественно опасным и не получило своего закрепления в законодательстве данных стран.

Наиболее ярким примером является Французский иностранный легион, который возник еще в 30-х годах 18 века и продолжает существовать до настоящего времени, формируясь за счет наемников.

Изучение истории Французского иностранного легиона приводит к выводу, что данная организация была создана с целью решения важных задач, представляющих интересы государства. Основным достоинством Французского иностранного легиона можно считать возможность удаления из Франции опасных, революционно настроенных элементов французского гражданского общества. Такой подход обоснован с точки зрения государственной безопасности и гарантирует сохранение стабильности и порядка в обществе.

В сочетании с дипломатией сила оружия легиона была удобным и эффективным механизмом решения различных государственных задач на мировой арене, а также избавления от нежелательных социальных элементов внутри страны [9, с. 83]

По действующему законодательству Франции Французский иностранный легион является официальным действующим воинским подразделением, входящим в состав сухопутных войск данной страны. В тоже время п. 2 ст. 412-7 УК Франции предусмотрена уголовная ответственность за «набор вооруженных сил без приказа или разрешения законных властей» [10].

Как практика показывает, большинство стран мира проводят политику, направленную на борьбу с наемничеством и криминализуют подобные действия в своем уголовном законодательстве. Наемничество рассматривается в качестве преступления, которое приносит вред обороноспособности страны, а также внутренней и внешней безопасности государства.

В современном законодательстве некоторых европейских стран, таких как Швеция, ФРГ и Бельгия, существуют законы, которые содержат определения наемничества в качестве противоправной деятельности, включающей в себя вербовку на службу за границей. При этом вербовка может рассматриваться в различных аспектах и составлять собирательное понятие. Например, согласно законодательству Бельгии, вербовка может включать в себя «побуждение» и «предоставление услуг» в целях материальной выгоды [11]. В кодексе Федеративной Республики Германия под вербовкой понимается «доставка» вербуемого на службу или вербовочное облегчение. А в Уголовном кодексе Швеции состав наемничества может возникнуть в результате незаконного склонения людей к выезду за границу для службы иностранным военным отрядам [12]. Также как и в уголовном законодательстве Франции, уголовные кодексы Бельгии и Швеции признают наемничество преступлением, если вербовка происходит без соответствующего разрешения.

В Российской Федерации понятие «наемничество» получило свое законодательное закрепление в ст. 359 УК РФ, в соответствии с диспозицией которой под «наемничеством» понимается вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях.

В современном мире наемничество становится все более распространенным явлением в военных конфликтах. Наемники – это группа людей, которые участвуют в боевых действиях с целью получения материального вознаграждения, не имеющие гражданство той страны, где происходят военные действия, и не проживают постоянно на ее территории.

Таким образом, на основе анализа действующих норм УК РФ можно сделать вывод, что концепция наемничества и ее разновидности определены в соответствии с принципами, заложенными в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 года [13]. Данная конвенция устанавливает правовые рамки для регулирования проблемы наемничества в мировом сообществе, определяя его как противозаконную деятельность, направленную на осуществление боевых действий по заказу частных или государственных лиц.

Таким образом, проведенный анализ уголовного права зарубежных стран в сфере регламентации наемничества позволяет сделать вывод о том, что в современных

правовых условиях лишь немногие государства следуют предписаниям международного права, хотя и ратифицируют данные нормативно-правовые акты на территории своих государств. Анализ уголовных законов стран континентального права свидетельствует о наличии диаметрально противоположных особенностей регламентирования уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с наемничеством. Кроме того, терминологическая конструкция «наемничество» не раскрывается в нормах уголовного законодательства большинства стран, которые используют бланкетную конструкцию уголовно-правовых норм при характеристике наемничества.

Список литературы:

1. Документы ООН A/32/114: официальный сайт. URL: <http://evolutio.info/ru/docs-un> (дата обращения 01.03.2023г.).
2. Римский статут Международного уголовного суда: официальный сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения 01.03.2023).
3. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. URL: <http://constitution.congress.gov/constitution/> (дата обращения 03.03.2023).
4. Конституция Германии. URL: <http://politsim.ru/threads/konstitucija-germanii-das-grundgesetz-deutschlands.2845/> (дата обращения 03.03.2023).
5. Уголовный кодекс Испании: официальный сайт. URL: <http://espanarusa.com/ru/news/article/260692> (дата обращения 03.03.2023).
6. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 3. Особенная часть: учебник для вузов // Отв. ред. Н. Е. Крылова. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022..
7. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 3. Особенная часть: учебник для вузов /Отв. ред. Н. Е. Крылова. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2022.
8. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 № 275-3 (с изменениями и дополнениям по состоянию на 09.03.2023 г.).
9. Бойко О.О. Становление и роль Французского иностранного в колониальных конфликтах Франции XIX века // Электронный научный журнал «Архонт». 2018. № 5.
10. Уголовный кодекс Франции: официальный сайт. URL: <https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode> (дата обращения 28.02.2023).
11. Уголовный кодекс Бельгии: официальный сайт. URL: <https://www.litres.ru/grigoriy-machkovskiy/ugolovnyy-kodeks-belgii/chitat-onlayn> (дата обращения 28.02.2023).
12. Уголовный кодекс Швеции: официальный сайт. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-shvecii_69209b37c9e.html (дата обращения 28.02.2023).
13. Международная Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (принята резолюцией 44 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 4 декабря 1989) // Действующее международное право. Т. 2. - М.: Московский независимый институт международного права.

Comparative analysis of the institution of responsibility for mercenarism in international criminal law and national legislation of foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 385 – 391.

The article examines the issues of international legal understanding of mercenarism, provides an analysis of international legal acts defining the concept, forms and characteristics of “mercenarism”. The authors systematically reveal the features of the implementation of international legal norms on mercenarism into the national legislation of European countries. Based on the results of the study, it was concluded that in modern legal conditions, only a few states follow the requirements of international law, although they ratify these legal acts on the territory of their states. In addition, an analysis of the criminal laws of continental law countries indicates the presence of diametrically opposed features in regulating criminal liability for crimes related to mercenarism.

Keywords: mercenarism, crime, responsibility, state.

Spisok literatury:

1. Dokumenty OON A/32/114: oficial'nyj sajt. URL: <http://evolutio.info/ru/docs-un> (data obrashcheniya 01.03.2023g.).
2. Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda: oficial'nyj sajt. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (data obrashcheniya 01.03.2023).
3. Soedinennye SHtaty Ameriki. Konstituciya i zakonodatel'nye akty. URL: <http://constitution.congress.gov/constitution/> (data obrashcheniya 03.03.2023).
4. Konstituciya Germanii. URL: <http://politsim.ru/threads/konstitucija-germanii-das-grundgesetz->

deutschlands.2845/ (data obrashcheniya 03.03.2023).

5. Ugolovnyj kodeks Ispanii: oficial'nyj sajt. URL: <http://espanarusa.com/ru/news/article/260692> (data obrashcheniya 03.03.2023).

6. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran v 3 t. Tom 3. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov // Otv. red. N. E. Krylova. - 5-e izd., pererab. i dop. - Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2022..

7. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran v 3 t. Tom 3. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov /Otv. red. N. E. Krylova. - 5-e izd., pererab. i dop. - Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2022.

8. Ugolovnyj Kodeks Respubliki Belarus' ot 9 iyulya 1999 № 275-Z (s izmeneniyami i dopolneniyam po sostoyaniyu na 09.03.2023 g.).

9. Bojko O.O. Stanovlenie i rol' Francuzskogo inostrannogo v kolonial'nyh konfliktah Francii XIX veka // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Arhont». 2018. № 5.

10. Ugolovnyj kodeks Francii: oficial'nyj sajt. URL: <https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode> (data obrashcheniya 28.02.2023).

11. Ugolovnyj kodeks Bel'gii: oficial'nyj sajt. URL: <https://www.litres.ru/grigoriy-machkovskiy/ugolovnyy-kodeks-belgii/chitat-onlayn> (data obrashcheniya 28.02.2023).

12. Ugolovnyj kodeks SHvecii: oficial'nyj sajt. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-shvecii_69209b37c9e.html (data obrashcheniya 28.02.2023).

13. Mezhdunarodnaya Konvenciya o bor'be s verbovkoj, ispol'zovaniem, finansirovaniem i obucheniem naemnikov (prinyata rezolyuciej 44 sessii General'noj Assamblei OON 4 dekabrya 1989) // Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. T. 2. - M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava.

УДК: 341.9

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ КОСВЕННОЙ ЭКСПРОПРИАЦИИ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ АРБИТРАЖЕЙ

Шаблеева В. В., Ульянов А. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В последние годы политическая обстановка между большим количеством стран, привела к значительным изменениям в правовом поле международного взаимодействия. Проблема, которая рассматривается в статье, не возникла недавно, а имеет уже значительную историю. Вопрос экспроприации имущества при невыполнении договорных условий является краеугольным камнем многих отношений, складывающихся в условиях участия в них иностранного элемента. Несмотря на немалую проработанность проблемы экспроприации даже на всемирном правовом уровне, всё ещё возникают затруднения в единообразном разрешении подобных ситуаций не только между участниками отношений, но даже и судебными инстанциями.

В работе приведены примеры возникновения и разрешения рассматриваемых правоотношений, а также рассмотрены доктринальные точки зрения в этой сфере.

Ключевые слова: экспроприация, национализация, международные отношения, коммерческий арбитраж, Хартия экономических прав и обязанностей государств.

Необходимо начать с того, что впервые вопрос о понятии и признаках экспроприации (национализации) возник в первой половине XX века ввиду активного распространения социалистической идеологии и процесса деколонизации. Данный институт в привычном понимании представляет собой прямое изъятие частной собственности органами власти с последующей передачей титула или владения государству либо третьему лицу [9, с. 398]. Однако, как демонстрирует практика международных арбитражных судов, указанное выше определение является весьма узким. Американский юрист Р. Дольцер справедливо отмечает, что процесс принудительного изъятия частной собственности, несмотря на множество существующих резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и академических трудов, с точки зрения международного обычного права остается неясным [10, с. 553], так как приоритетное количество международных актов оставляет урегулирование данного вопроса в пределах национального регулирования. Таким образом, актуальность настоящей работы обусловлена фактом того, что на сегодняшний день, вопреки большому количеству международных договоров (Резолюция ГА ООН «О неотъемлемом суверенитете государств над естественными ресурсами» 1962 г. [1], Хартия экономических прав и обязанностей государств 1974 г. [2] и т.д.) и национальных актов (ст. 242 Гражданского кодекса РФ [3]) в области регулирования процесса национализации, - дефиницию и основные признаки данного института можно выделить лишь при анализе практики международных коммерческих арбитражей.

Как отмечает А. А. Данельян, экспроприация может затрагивать не только материальное имущество, но и широкий спектр нематериальных активов, представляющих интерес для инвестора. Большая часть двусторонних соглашений, регулирующих процесс инвестирования, содержат широкие определения термина «инвестиции». Следовательно, любое имущество, охватываемое данным понятием, может стать предметом не только прямой, но и косвенной экспроприации. А. А. Данельян определяет косвенную национализацию как нарушение права пользования имуществом, в результате которого происходит лишение владельца его имущества полностью, либо лицо в существенной

степени лишается разумно ожидаемого экономического результата от собственности. Учёный также отмечает, что экспроприация может осуществляться как в форме действия (принудительный переход титула), так и в форме бездействия (например, при непредставлении со стороны государства защиты физическим и юридическим лицам) [8, с. 154-155].

В качестве яркого примера, в котором впервые затрагивались вопросы косвенной экспроприации, можно выделить дело норвежской компании «Ship-owners». Спор возник между правительствами Норвегии и США, когда органы последних предприняли ряд юридических мер по национализации судов, строительство которых осуществлялось на верфях Соединённых Штатов по заказу норвежских граждан. Подобные меры со стороны Соединённых Штатов Америки были вызваны необходимостью подготовки флота ко Второй мировой войне. После того как США отказались в добровольном порядке возместить понесенные норвежскими гражданами убытки в результате нарушения их прав по контрактам, правительство Норвегии было вынуждено обратиться с иском в международный арбитраж. Позиция Соединённых Штатов строилась на том, что права заказчика по договору не являются объектом экспроприации в понимании международного права, следовательно, ни о какой компенсации говорить невозможно. Однако суд указал, что действия США в отношении прав норвежских граждан являются национализацией, поскольку последняя может распространяться на любые права, которые могут быть предметом коммерческой сделки [4].

Вторым делом, раскрывающим особенности косвенной экспроприации, является разбирательство между компанией *Revere Correg* и правительством Ямайки. Изначально представитель организации заключил соглашение с публичными органами Ямайки об особом режиме налогообложения в отношении предпринимательской деятельности, осуществляемой в данном государстве. Однако впоследствии правительство отступило от договора путем резкого увеличения налогообложения в отношении компании *Revere Correg*, что в свою очередь лишило последнюю ожидаемых экономических результатов и повлекло нерентабельность бизнеса на территории страны. Корпорация по страхованию зарубежных инвестиций (ОРИС) отказала в страховых выплатах компании, обосновав данное решение тем, что предприниматель не был лишен собственного имущества, т.к. у страхователя продолжала существовать объективная возможность по управлению заводом. По результатам рассмотрения иска к страховой организации арбитражный суд постановил, что в данной ситуации действия органов Ямайки представляют собой акт косвенной экспроприации, поскольку направлены на лишение права владельца получать разумно ожидаемый экономический результат от собственности и вынуждают последнего к отчуждению имущества [5].

Ещё одним интересным примером национализации является дело «*Vilone*», в рамках которого была выработана концепция «ползучей» экспроприации, представляющей собой совокупность направленных действий со стороны государства по изъятию частной собственности. Гражданин Сирии Билоун осуществлял инвестирование в экономику Ганы путем строительства рекреационного комплекса на территории страны. Однако впоследствии публичные органы африканского государства предприняли ряд мер, направленных на лишение инвестора права осуществлять контроль в отношении недвижимости. Изначально правительство Ганы приостановило разрешение на строительные работы (хотя объект был почти готов к сдаче заказчику), а после и вовсе объявило об аресте Билоуна с последующей депортацией из страны. В результате обраще-

ния инвестора в коммерческий трибунал данные действия со стороны правительства африканского государства были справедливо оценены как «ползучая» экспроприация [6].

Также следует отметить решение Арбитража при МЦУИС по делу «Амосо», в котором судебный орган указал, что с точки зрения международного права экспроприация может осуществляться не только в пользу государства, но и в пользу третьих лиц (как физических, так и юридических). «Изъятие частной собственности в данном случае должно быть совершено или инициировано правительством на основании акта либо другого действия, приписываемого правительству» [7].

Подводя итог проделанной работы, необходимо отметить факт отсутствия на международном уровне единого понимания термина «экспроприация», что приводит к различным позициям государств по данному вопросу. На наш взгляд, определение косвенной национализации наиболее точно дано профессором А. А. Данельяном, поскольку позволяет определить конкретный круг разновидностей имущества, которые могут быть предметом принудительного изъятия со стороны публичных органов.

Заключительным пунктом следует выделить определенные признаки косвенной экспроприации, вытекающие из проанализированной судебной практики: 1) высокая степень нарушения имущественных прав (значительная потеря контроля или значительные экономические потери); 2) может осуществляться как в пользу государства, так и в пользу третьих лиц; 3) возможна в результате дискриминации отдельных предпринимателей или иных лиц; 4) осуществляется как в форме действия, так и в форме бездействия; 5) возникает также при комплексе действий со стороны государства, которые сами по себе национализацией не являются.

Также следует иметь в виду, что основным отличием национализации от нарушения договора со стороны государства являются тот факт, что в первом случае публичные органы осуществляют свою суверенную власть, а во втором – выступают контрагентами, которые несут установленную договором ответственность.

Список литературы:

1. Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» (Принята 14.12.1962 на 1194-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) – Доступ из Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739101> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
2. Хартия экономических прав и обязанностей государств (Принята 12.12.1974 Резолюцией 3281 (XXIX) на 2315-ом пленарном заседании 29-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/2541373/> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
3. Гражданский кодекс (часть первая) [принят Государственной Думой Федерального Собрания 21 октября 1994 года]: (последняя редакция) – Доступ из справ.-правовой системы Консультант. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4ad68a20a41c7429791e5942e898312c4569ef46/ (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
4. Norwegian Shipowners' Claims, above n. 26 at. 323. – Доступ с официального сайта Организации Объединенных Наций. – URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_I/307-346.pdf (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
5. Revere Copper, above n 183. – Доступ из Поисковой системы по международному праву и арбитражу. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-revere-copper-and-brass-inc-v-overseas-private-investment-corporation-award-thursday-24th-august-1978> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
6. Biloune, above n 47 at 209. – Доступ из Поисковой системы по международному праву и арбитражу. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-biloune-and-marine-drive-complex-ltd-v-ghana-investments-centre-and-the-government-of-ghana-award-on-damages-and-costs-monday-30th-july-1990> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.
7. Amoco International Finance Corp v Iran, above n 37 at para 108. – Доступ из Поисковой системы по международному праву и арбитражу. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-amoco-international->

finance-corporation-v-the-government-of-the-islamic-republic-of-iran-national-iranian-oil-company-national-petrochemical-company-and-kharg-chemical-company-limited-partial-award-award-no-310-56-3-tuesday-14th-july-1987 (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.

8. Дanel'ян, А. А., Косвенная экспроприация в международном частном праве. – Доступ с официального сайта Московского журнала международного права. – 2012. – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/11> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.

9. Ожегов С. И., Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

10. Dolzer R. New Foundations of the Law of expropriation of alien property // American Journal of international Law 553. – 1981.

Shableeva V.V., Ulyanov A.Yu. The concept and signs of indirect expropriation in the practice of international commercial arbitration // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 392 – 395.

In recent years, the political situation between a large number of countries has led to significant changes in the legal field of international interaction. The problem that is discussed in the article did not arise recently, but already has a significant history. The issue of expropriation of property in the event of non-fulfillment of contractual terms is the cornerstone of many relationships that develop in the context of the participation of a foreign element in them. Despite the considerable elaboration of the problem of expropriation, even at the global legal level, difficulties still arise in uniformly resolving such situations not only between the parties to the relationship, but even among the courts.

The work provides examples of the emergence and resolution of the legal relations under consideration, and also discusses doctrinal points of view in this area.

Key words: expropriation, nationalization, international relations, commercial arbitration, Charter of Economic Rights and Duties of States.

Spisok literary:

1. Rezoljucija 1803 (XVII) General'noj Assamblei OON «Neot#emlemyj suverenitet nad estestvennymi resursami» (Prinjata 14.12.1962 na 1194-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) – Dostup iz Jelektronnogo fonda pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739101> (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

2. Hartija jekonomicheskikh prav i objazannostej gosudarstv (Prinjata 12.12.1974 Rezoljuciej 3281 (XXIX) na 2315-om plenarnom zasedanii 29-oj sessii General'noj Assamblei OON). – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Garant. – URL: <https://base.garant.ru/2541373/> (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

3. Grazhdanskij kodeks (chast' pervaja) [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj Federal'nogo Sobranija 21 oktjabrja 1994 goda]: (poslednjaja redakcija) – Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy Konsul'tant. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4ad68a20a41c7429791e5942e898312c4569ef46/ (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

4. Norwegian Shipowners' Claims, above n. 26 at. 323. – Dostup s oficial'nogo sajta Organizacii Ob#edinennyh Nacij. – URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_I/307-346.pdf (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

5. Revere Copper, above n 183. – Dostup iz Poiskovoj sistemy po mezhdunarodnomu pravu i arbitrazhu. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-revere-copper-and-brass-inc-v-overseas-private-investment-corporation-award-thursday-24th-august-1978> (data obrashhenija: 20.03.2023). Tekst: jelektronnyj.

6. Biloune, above n 47 at 209. – Dostup iz Poiskovoj sistemy po mezhdunarodnomu pravu i arbitrazhu. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-biloune-and-marine-drive-complex-ltd-v-ghana-investments-centre-and-the-government-of-ghana-award-on-damages-and-costs-monday-30th-july-1990> (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

7. Amoco International Finance Corp v Iran, above n 37 at para 108. – Dostup iz Poiskovoj sistemy po mezhdunarodnomu pravu i arbitrazhu. – URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-amoco-international-finance-corporation-v-the-government-of-the-islamic-republic-of-iran-national-iranian-oil-company-national-petrochemical-company-and-kharg-chemical-company-limited-partial-award-award-no-310-56-3-tuesday-14th-july-1987> (data obrashhenija: 20.03.2023). – Tekst: jelektronnyj.

8. Danel'jan, А. А., Косвенная экспроприация в международном частном праве. – Доступ с официального сайта Московского журнала международного права. – 2012. – URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/view/11> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст: электронный.

9. Ozhegov S. I., Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe. – М.: Azbukovnik, 1999. – 944 с.

10. Dolzer R. New Foundations of the Law of expropriation of alien property // American Journal of international Law 553. – 1981.

УДК: 341.9.01

ВОПРОС О ПЕРСПЕКТИВЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИИ КОНТРОЛЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ

Руденко А. В., Подзноев А. И.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Мировая практика давно сформулировала для себя основные подходы к определению права государства, согласно которого регулируется деятельность юридических лиц. Так, в своё время были сформированы теория инкорпорации, теория оседлости, теория центра эксплуатации и теория контроля. Может показаться, что данные критерии установления применимого права являются устоявшимися и несменными, однако политические, социальные и экономические отношения, которые выступают фактором развития для большинства правоотношений, обязуют рассмотреть возможные расширения регулирования в данной сфере. В статье презюмируется возможность введения в законодательство Российской Федерации положений, допускающих расширение определения личного статуса юридического лица при помощи теории контроля, которая позволила бы дополнительно определять пределы отношений с отдельными корпорациями.

Ключевые слова: юридическое лицо, личный закон юридического лица, теория контроля, законодательство РФ.

Вопрос определения личного статуса юридического лица имеет важное значение для теории и практики международного частного права, поскольку позволяет определить принадлежность какой-либо компании к условиям правового регулирования конкретного государства. В правоприменительной деятельности стран англо-саксонской правовой семьи на протяжении XX в. активно формировался особый институт - теория контроля, которая дополнила действующую триаду личных законов юридических лиц и образовал добавочный вариант личного закона юридических лиц наряду с теорией инкорпорации, теорией оседлости и теорией эффективного места деятельности.

Для понимания теория инкорпорации является наиболее простой и лабильной концепцией определения личного закона, поскольку она предопределяет распространение права государства по месту регистрации юридического лица, что с практической точки зрения значительно упрощает его самоопределение и практически исключает коллизионные ситуации. Российская Федерация использует именно эту модель, в чем можно убедиться при буквальном прочтении п. 1 ст. 1202 ГК РФ [1]. Такой же подход можно обнаружить и в других юрисдикциях, к примеру, в Южной Корее (ст. 16 Закона о коллизии законов 1962 г.) [2]. Слабым местом теории инкорпорации можно отметить возможность использования компаниями офшорных зон для регистрации и тем самым ухода от налоговых обязательств перед государством, что не совсем соответствует публичным интересам. По сложившейся мировой практике, каждое из государств выбирает свой путь урегулирования данной проблемы, к которым могут быть как санкции, по отношению к подобным компаниям, так и санкции для государств, предоставляющих подобные условия. Однако, ни одно из государств до нынешнего момента не разработало мер полного искоренения и исключения возможностей обхода инкорпоративного регулирования.

Теория оседлости предполагает определение личного статуса юридического лица правом того государства, в котором расположен административный центр такой компании. Этот подход распространен в странах континентальной Европы, что предписано

ст. 19 Регламента ЕС № 593/2008: «For the purposes of this Regulation, the habitual residence of companies and other bodies, corporate or unincorporated, shall be the place of central administration – "Для целей настоящего Регламента обычным местом нахождения компаний и других организаций, корпоративных или некорпоративных, является место центрального управления"» [3]. Однако нетрудно определить главный недостаток этой системы, который заключается в том, что формальный и фактический административный центр может различаться, что сильно усложняет определение личного статуса юридического лица, что может породить как проблемы в толковании отдельных понятий, так и в глобальном регулировании отношений с корпорацией.

Теория эффективного места деятельности требует применение права того государства, в котором юридическое лицо наиболее активно ведет свою хозяйственную деятельность. В мировой практике с некоторыми оговорками этот подход можно обнаружить в ст. 3083 ГК Квебека: «The status and capacity of a legal person are governed by the law of the State under which it is constituted, subject, with respect to its activities, to the law of the place where they are carried on – «Статус и правоспособность юридического лица регулируются правом государства, в котором оно создано, с учетом его деятельности и права места, где она осуществляется»» [4]. Вместе с тем при реализации этой концепции можно прийти к выводу, что в некоторых случаях судам довольно затруднительно определить основной место деятельности юридического лица, поскольку суммарный объем вложенных экономических и материальных средств компании в деятельность на территории нескольких государств может совпадать, и без сторонних способов определения личного статуса эту коллизию практически невозможно решить.

Наиболее интересной с научной точки зрения является теория контроля, которая сначала сформировалась в английском прецедентном праве, а затем была закреплена в отдельных законодательных актах европейских, американских и африканских юрисдикций.

Параллельно усложнению экономического оборота и рыночных отношений на рубеже XIX и XX столетий сдвинулась и парадигма определения личного статуса юридического лица - английские суды стали отходить от концепций инкорпорации в пользу синергии теории контроля и теории эффективного места деятельности юридического лица. Особенно примечательным делом, символизирующим переход «британского правового локомотива на новые рельсы», является налоговый спор *De Beers Consolidated Mines Ltd v. Howe* (1906), в котором Палата Лордов сформировала следующие тезисы: место формальной инкорпорации не является универсальным критерием для определения личного статуса юридического лица, налоговое резиденство и личный статус должны определяться по праву того государства, откуда юридическое лицо контролируется и где ведет наиболее активную хозяйственную деятельность. Кроме прочего, Палата так же указала, что критерий места инкорпорации может привести к избежанию налогов, что подтверждает тезис о недостатке данной концепции, указанный выше [5]. Схожие позиции можно обнаружить и в других делах, к примеру, *Swedish Central Railway Co., Ltd. v. Thomson* (1925), *Egyptian Delta Land and Investment Co. v. Todd* (1929) и т. д. [6; 7].

Суды видели основные преимущества концепции контроля в транспарентности правового регулирования деятельности юридических лиц, поскольку такая методология

блокировала возможность использования офшорных зон и защищала публичные интересы государства в сфере налогообложения.

Другое неожиданное преимущество проявилось во время Первой мировой войны в хрестоматийном деле *Daimler Co. v. Continental Tyre & Rubber Co.* (1915). Фабула дела была следующей: компания Continental Tyre была инкорпорирована в Британской империи, а все акции юридического лица за исключением одной принадлежали подданным Германской империи. Лордом Паркером была сформирована позиция о том, что компанию следует рассматривать в качестве враждебной в том случае, когда контролирующие ее лица являются подданными соответствующего враждебного государства: «I think that the analogy is to be found in control, an idea which, if not very familiar in law, is of capital importance and is very well understood in commerce and finance. The acts of a company's organs, its directors, managers, secretary, and so forth, functioning within the scope of their authority, are the company's acts and may invest it definitely with enemy character... it must at least be *prima facie* relevant... Certainly I have found no authority to the contrary¹» [8].

Таким образом, государство получило возможность блокировать отношения с враждебной компанией на национальном уровне даже несмотря на ее инкорпорацию и, следовательно, обеспечивать свои публичные интересы не только на уровне законодательства о торговле с врагом, но и на уровне определения личного статуса юридического лица.

Теория контроля продолжила развитие в американском законодательстве в период Второй мировой войны и выполняла те же функции, обеспечивая прозрачность правового регулирования деятельности юридических лиц.

Что касается России, то, как представляется с позиции теоретических изысканий, концепция контроля может быть довольно успешно интегрирована в российское гражданское законодательство, что явно было продемонстрировано рядом введенных в феврале-марте 2022 года мер. [9; 10; 11; 12; 13] Как показывает опыт зарубежных стран, такой подход к определению личного закона юридического лица обладает существенными преимуществами, а судебная практика доказала его эффективность.

Единственными недочетами данной системы могут быть признаны сложности, возникающие при поиске контролирующих органов, поскольку в периметре данной концепции на суд возлагается куда больше работы по определению контролирующих органов. Это закономерно ведет к снижению скорости правосудия по сравнению с другими теориями.

Однако эта проблема может быть устранена субсидиарностью применения доктрины контроля. Вовсе не обязательно устанавливать правовую монополию контроля для определения личного статуса, достаточно включить ее в законодательство как вспомогательную к любой другой. В таком случае суды смогут прибегать к ней как к изъяснительному средству от *iniquum ex* в особенно сложных спорах. Это позволит сохранить

¹ «Я думаю, что аналогию можно найти в контроле, идее, которая, хотя и не очень распространена в юриспруденции, имеет первостепенное значение и очень хорошо понимается в коммерции и финансах. Действия органов компании, ее директоров, менеджеров, секретаря и так далее, действующих в пределах их полномочий, являются действиями компании и могут определенно придать ей враждебный характер... это должно быть, по крайней мере, *prima facie* (с первого взгляда) значимым... Конечно, я не нашел никаких оснований утверждать обратное». (перевод авторов)

все преимущества теории контроля, указанные выше и облегчить работу судов в легких спорах. Именно по такой логике пошли европейские, американские и африканские правовые порядки. Таким образом, что касается российского права, то представляется вполне допустимым сохранение действующей теории инкорпорации в соответствии с п. 1 ст. 1202 ГК РФ и добавление теории контроля как субсидиарной, никаких политико-правовых оснований для обратной логики не имеется.

Однако в данном случае перспективность самой доктрины контроля упирается в ригидность и неповоротливость российского законодательства о международном частном праве. Законодательными и исполнительными органами власти решительно отвергались изменения в VI раздел ГК, предлагаемые Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Соответственно можно предположить, что перспектив для укоренения интеграции теории контроля в российском праве в ближайшем времени нет, однако в то же время никто не может и отрицать подобной возможности в стремительно развивающейся политико-правовой сфере.

Подводя итог, стоит отметить, что доктрина контроля является очень эффективной, что доказано как историей права, так и современной мировой практикой. Теоретически такой подход к определению личного статуса мог бы гармонично уместиться в ГК РФ и лишить российское право целого ряда проблем, однако на практике остается констатировать, что для подобного рода изменений необходимо будет провести значительный по объему пласт работ.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 : Федеральный закон N 146-ФЗ : [принят Государственной Думой 1 ноября 2001 года : Одобрен Советом Федерации 14 ноября 2001 года (последняя редакция)]. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=19y4wdhxo1803694617
2. Законодательство по международному частному праву стран Восточной Азии [электронный ресурс] // URL : <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA?ysclid=19xw5ckt9h749588487>
3. REGULATION (EC) No 593/2008 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [электронный ресурс] // URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0593&from=EN>
4. CIVIL CODE OF QUÉBEC [электронный ресурс] // URL : <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/CCQ-1991>
5. De Beers Consolidated Mines Ltd v Howe (1906) Corporate Residence: An Early Attempt at European Harmonisation [электронный ресурс] // URL : https://www.researchgate.net/publication/331899765_De_Beers_Consolidated_Mines_Ltd_v_Howe_1906_Corporate_Residence_An_Early_Attempt_at_European_Harmonisation
6. The Swedish Central Railway Company, Ltd v Thompson (HM Inspector of Taxes) [электронный ресурс] // URL : <https://vlex.co.uk/vid/the-swedish-central-railway-806543641>
7. Todd v Egyptian Delta Land and Investment Company [электронный ресурс] // URL : Todd v Egyptian Delta Land and Investment Company - Case Law - VLEX 793022305
8. What was Daimler Co. v. Continental Tyre & Rubber Co. (GB) Ltd? [электронный ресурс] // URL : <https://bootcampmilitaryfitnessinstitute.com/2021/05/07/what-was-daimler-co-ltd-v-continental-tyre-and-rubber-co-gb-ltd/>
9. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 // ПГ. – 2022. – 1 марта.
10. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81 (в ред. от 05.03.2022) // ПГ. – 2022. – 3 марта.
11. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-п // URL: www.pravo.gov.ru.

12. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (в ред. от 27.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.
13. О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 // РГ. – 2022. – 9 марта.
14. Асосков, А.В. Реформа раздела VI "международное частное право" гражданского кодекса РФ [электронный ресурс] // URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/78850-reforma-razdela-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-grazhdanskogo-kodeksa?ysclid=19y24mgcf7618059397>

Rudenko A.V., Podznoev A.I. The question about the perspective of integration of the theory of control of a legal entity into the Russian legal field // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 396 – 400.

World practice has long formulated the main approaches to determining the law of the state, according to which the activities of legal entities are regulated. Thus, at one time, the theory of incorporation, the theory of settled life, the theory of the center of exploitation and the theory of control were formed. It may seem that these criteria for establishing the applicable law are well-established and irreplaceable, however, political, social and economic relations, which act as a development factor for most legal relations, oblige us to consider possible expansions of regulation in this area. The article presupposes the possibility of introducing into the legislation of the Russian Federation provisions allowing for the expansion of the definition of the personal status of a legal entity using the theory of control, which would make it possible to further determine the limits of relations with individual corporations.

Key words: legal entity, personal law of a legal entity, theory of control, legislation of the Russian Federation.

Spisok literary:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii chast' 3 : Federal'nyj zakon N 146-FZ : [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 1 nojabrja 2001 goda : Odobren Sovetom Federacii 14 nojabrja 2001 goda (poslednjaja redakcija)]. - URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=19y4wdhxo1803694617
2. Zakonodatel'stvo po mezhdunarodnomu chastnomu pravu stran Vostochnoj Azii [jelektronnyj resurs] // URL : <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA?ysclid=19xw5cckt9h749588487>
3. REGULATION (EC) No 593/2008 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) [jelektronnyj resurs] // URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0593&from=EN>
4. CIVIL CODE OF QUÉBEC [jelektronnyj resurs] // URL : <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/CCQ-1991>
5. De Beers Consolidated Mines Ltd v Howe (1906) Corporate Residence: An Early Attempt at European Harmonisation [jelektronnyj resurs] // URL : https://www.researchgate.net/publication/331899765_De_Beers_Consolidated_Mines_Ltd_v_Howe_1906_Corporate_Residence_An_Early_Attempt_at_European_Harmonisation
6. The Swedish Central Railway Company, Ltd v Thompson (HM Inspector of Taxes) [jelektronnyj resurs] // URL : <https://vlex.co.uk/vid/the-swedish-central-railway-806543641>
7. Todd v Egyptian Delta Land and Investment Company [jelektronnyj resurs] // URL : Todd v Egyptian Delta Land and Investment Company - Case Law - VLEX 793022305
8. What was Daimler Co. v. Continental Tyre & Rubber Co. (GB) Ltd? [jelektronnyj resurs] // URL : <https://bootcampmilitaryfitnessinstitute.com/2021/05/07/what-was-daimler-co-ltd-v-continental-tyre-and-rubber-co-gb-ltd/>
9. O primenenii special'nyh jekonomicheskikh mer v svjazi s nedruzhestvennymi dejstvijami Soedinennyh Shtatov Ameriki i primknvshih k nim inostrannyh gosudarstv i mezhdunarodnyh organizacij: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.02.2022 № 79 // РГ. – 2022. – 1 марта.
10. O dopolnitel'nyh vremennyh merah jekonomicheskogo haraktera po obespečeniju finansovoj stabil'nosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 01.03.2022 № 81 (v red. ot 05.03.2022) // РГ. – 2022. – 3 марта.
11. Ob utverzhenii perechnja inostrannyh gosudarstv i territorij, sovershajushhh nedruzhestvennye dejstvija v otnoshenii Rossijskoj Federacii, rossijskih juridicheskikh i fizicheskikh lic: rasporyzhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 05.03.2022 № 430-r // URL: www.pravo.gov.ru.
12. O porjadke osushhestvlenija inostrannyh investicij v hozjajstvennye obshhestva, imejushhie strategicheskoe znachenie dlja obespečenija oborony strany i bezopasnosti gosudarstva: federal'nyj zakon ot 29.04.2008 № 57-FZ (v red. ot 27.02.2022) // Sобрание zakonodatel'stva RF. – 2008. – № 18. – Ст. 1940.
13. O vremennom porjadke ispolnenija objazatel'stv pered nekotorymi inostrannymi kreditormi: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.03.2022 № 95 // РГ. – 2022. – 9 марта.
14. Асосков, А.В. Реформа раздела VI "международное частное право" гражданского кодекса РФ [электронный ресурс] // URL : <https://wiselawyer.ru/poleznoe/78850-reforma-razdela-mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo-grazhdanskogo-kodeksa?ysclid=19y24mgcf7618059397>

УДК: 347.233+341.92

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Руденко А.В., Бальский А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Право собственности на различных этапах развития законодательства государств, вызывало интерес вследствие социального и государственного значения настоящего института. Как итог, в каждом государстве сформировался свой подход к пониманию права собственности, пределов его защиты и осуществления, что вносит трудности и проблемы при наличии в правоотношениях между субъектами в рамках института собственности иностранного элемента. В настоящей работе предлагается ряд проблем и пути их решения.

Ключевые слова: Международное частное право, гражданское право, про собственность, вещь, владение, вещное право.

Право собственности является основой функционирования гражданского оборота в любом государстве, при этом, невзирая на регламентирование Конвенцией о защите прав человека и основных свобод права собственности как неотъемлемого и естественного блага, присущего каждому индивиду, проблемы в его определении, понимании и содержании доставляют множество проблем не только в рамках межнациональных коммерческих отношений, но и в частности конкретном правопорядке.

В 1868 г. ученым К.П. Победоносцевым в его работе о Курсе гражданского права было определено право собственности как «полнейшее и простейшее из всех прав гражданских» [3, с. 12], однако ретроспективно-компаративный анализ рассматриваемого института может показать обратное. В этом аспекте наиболее близким к существу права собственности является мысль Г. Ф. Шершеневича, утверждавшего, что простота и ясность наших представлений о праве собственности – не более чем иллюзия: «Определение права собственности представляет значительные затруднения, несмотря на видимую его простоту и ясность. До сих пор в науке не установлено точное понятие о нем» [4, с. 4]. Понятие права собственности является одной из немногих проблем в отношениях, осложнённых иностранным элементом, так, содержание, способы приобретения, правомочия собственника, приемы и субъекты защиты права собственности, также несут правовую подвешенность участников гражданского оборота.

В работе не идет речь и не ставится цель типовым способом предложить универсальное определение права собственности, закрепленное на международном уровне и принимаемое как единственно верное, поскольку развитие указанного института показывает интимное отношение каждого конкретного правопорядка и оборота к нему, к способам его приобретения и защиты. Также, при упоминании способов приобретения права собственности в настоящей работе будут рассмотрены исключительно договорные основания в рамках купли-продажи.

Невозможно упрекать наш отечественный правопорядок в качестве определения права собственности, поскольку конечная дефиниция указанного феномена определена под стечением множества исторических событий, но нет цели его

хвалить. Аналогичная концепция придерживается и к зарубежным правовым порядкам, таким как Французскому, Германскому, Нидерландскому, которые наиболее близки к отечественному пониманию.

Любой отдельно взятый правовой порядок формировал подход к пониманию права собственности, способам его приобретения и защиты индивидуально, в зависимости от обычаев и традиций народов, населявших определенную территорию. Римская концепция приобретения права собственности строилась на обычае *mancipatio*, от «конструкции *res mancipi*, когда отчуждаемая вещь в присутствии 5 свидетелей и весовщика передавалась приобретателю при произнесении строго определенных словесных форм и выполнении обряда с весами с медным слитком» [2, с. 367].

Немецкий правовой порядок знал формальную обрядовую процедуру совершения сделок, в ходе которой в присутствии многочисленных свидетелей произносились юридические формулы сделок и передавались из рук в руки куски дерна с земельного участка. Кроме того, при этой процедуре присутствовали мальчики, которых били для того, чтобы сам факт совершения сделки навсегда врезался им в память [1, с. 9].

Следовательно, в основе права собственности заложены исторические ценности каждого государства. К примеру, гражданско-правовым наследием Французской революции и стала ст. 544 ФГК, которая повторяет сказанное Бартолом: «Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами».

Однако, невзирая на различные историко-правовые тенденции, право собственности в государствах с континентально-правовой системой понимается сходно. Выше было приведено определение права собственности Французским правовым порядком, право собственности – это наиболее полное право на вещь, например, так определяется право собственности в п. 1 ст. 5:1 ГК Нидерландов [4, с. 22], § 903 ГГУ определяет право собственности как возможность собственника использовать вещь по своему желанию, поскольку это не нарушает закон и права других лиц, и устранять иных лиц от всякого вмешательства [4, с. 8] Японская доктрина определяет право собственности как полное господство над вещью [7, с. 13]. Но текстуально разные конструкции определения права собственности, все же следует признать, сводятся к трем правомочиям собственника, которые во всей полноте показывают его наиболее полное право на вещь – триада владение, пользование, распоряжение, закрепленная в ст. 209 ГК РФ. В рамках настоящей триады и возникают наиболее существенные различия в определении права собственности, способов его защиты и субъектного состава. Суть указанных проблем проистекает из выбранной российским правовым порядком конструкции *lex rei sitae* при коллизионном регулировании отношений, осложненных иностранным элементом, объектом которых выступает вещь. Согласно данному принципу, в международных частноправовых отношениях применяется право места нахождения вещи. Данный подход закреплен 1205 ст. ГК РФ.

Если с недвижимым имуществом явных проблем не наблюдается вследствие невозможности их перемещения и статично стабильного распространения на них права того государства, в реестре которого они зарегистрированы, то с динамикой движимых вещей все намного сложнее. Так движимая вещь, к примеру,

приобретённая на территории Франции гражданином РФ, подвластна французскому правопорядку, однако до тех пор, пока она не покинула территорию Франци. К примеру, при исполнении договора купли-продажи между указанными субъектами по названным условиям, движимая вещь, условная ваза, в рамках права собственности будет определяться как право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентами, в случае перемещения гражданина РФ с указанной вазой на территорию ФРГ, собственность на ту же самую вазу будет определяться как возможность использовать вещь по своему желанию, поскольку это не нарушает закон и права других лиц, и устранять иных лиц от всякого вмешательства, примеры определения права собственности можно продолжать бесконечно, основная концепция ясна. Но несет ли определение права собственности столь значимые практические последствия для собственника вещи в зависимости от государства, где эта вещь находится?

Ответ является очевидно положительным. Раскрывая сами объекты права собственности, каждое государство исходит из индивидуальной концепции. Исторически известно, что право собственности определяется как самое полное и сильное вещное и абсолютное право, следовательно, это право и вещно-правовые способы его защиты, к примеру, виндикационные или негаторные требования, распространяются исключительно на вещь. Вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара [6, с. 119]. Следовательно, возможность вещно-правовой защиты иного имущества, а не вещей, где второе понятие является элементом и частным составным первого, невозможно. Так, ВС РФ отмечает: «Право собственности, как следует из содержания статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации, может признаваться только на индивидуально определенную вещь, которая реально существует в природе. Иное будет противоречить существу права собственности» [Определение ВС РФ от 23.04.2013 No 5-КГ13-15]. Однако, Конституционный Суд РФ понимает под объектами права собственности еще и иное имущество помимо вещей, к примеру п. 3 Постановления КС РФ от 16 мая 2000 г. No 8-П. Рассмотренные положения ГГУ и ГК Нидерландов распространяют право собственности исключительно на вещи. Следовательно, гражданско-правовые способы защиты права собственности как то виндикация или негаторное требование в одних государствах будут распространены на имущество как широкое понимание объектов гражданских прав, в то время как в других государствах подобная защита будет распространяться исключительно на вещи как узкое понимание объектов гражданских прав. Таким образом, собственник будет получать разное количество способов защиты гражданских прав на движимое имущество в зависимости от государства, где его права нарушены и территории того государства, где данная вещь находилась. К примеру, в одном государстве на один объект будет распространяться виндикация, в то время как правопорядок другого государства такое требование недопустимо.

Наиболее целесообразным будет выбор защиты права собственности по принципу режима наибольшего благоприятствования. Так, имущество, в России приобретённое, но право собственности в дальнейшем на которое нарушено в ФРГ, будет защищено не по принципу *lex rei sitae*, поскольку германский правопорядок

не допускает вещно-правовое способы защиты не вещей, а по принципу наибольшего благоприятствования, то есть правил о защите права собственности Российским порядком, т.к. он в большей мере защищает собственника.

Как отмечалось выше, правомочия собственника не выходят за рамки триады владения пользования и распоряжения вещью, невзирая на попытки в доктрине и гражданских кодексах иных государств выделить иные правомочия, помимо указанных, все же следует признать, что отечественная триада в полной мере раскрывает и защищает отношения собственника к его вещи.

С правомочиями по пользованию и распоряжению коллизионные вопросы не оставляют сомнения в их правильности регулирования. Пользование и распоряжение движимой вещью осуществляется в рамках дозволенного законодательством государства, где эта вещь находится. Подобное решение защищает стабильность и основы гражданского оборота. Однако владение постигла иная участь. Самое владение неоднозначно определялось на протяжении многовековых споров сторонников двух различных концепций владения, концепция Савиньи и концепция Иеринга, концепция владения как права и концепция владение как факта, но всеми признается, что владение есть непосредственное господство лица над вещью. Владению в большей мере, чем собственности, предшествует представление о некоем фактическом, доправовом, или неправовом, естественном состоянии, в котором люди все же владеют вещьми; «...предположим, что правовой порядок совершенно упразднен (это фактически невозможно, но мыслимо), – все-таки владение осталось бы». [5, с. 540].

Для стабильного вещного оборота, владение беспрекословно должно признаваться фактом. Невзирая на явное деление текстуального внимания владению именно как права в рамках раскрытия понятия права собственности ГК РФ, практика показывает на признание владения как факта. Владение не передается, а каждый раз возникает снова, самостоятельно. При этом «владение есть нечто отличное от права. Но оно тем не менее имеет значение для права». Более того, римскому праву известно понятие *ius possessionis*. Даже его буквальный перевод – «право владения» – не дает оснований для далеко идущих выводов хотя бы потому, что римское право не представляло собой строго согласованную систему понятий. Иными словами, упоминание «права владения» не стоит понимать в том смысле, что юристы, употреблявшие его, ввели тем самым владение в число прав. Во всяком случае гражданского иска о защите «права владения» не имеется [5, с. 542]. Наиболее ярко владение с аспекта разных его пониманий выделяется в рамках его защиты.

Так, владение как право, защищается исключительно тогда, когда вещь перешла в непосредственное физическое господство лица на основании определенного титула, к примеру договорного основания в рамках отношений аренды или купли-продажи. В то время как владение как факт защищается вне зависимости от оснований установления физического господства лица над вещью. Таким образом, любое лицо, получившее господство над вещью имеет право на защиту его фактического состояния.

Таким образом, собственник-гражданин РФ все той же вазы, приобретенной на территории Французской Республики будет защищен от посягательства на владение со стороны третьих лиц на территории Франции на основании своего титульного, законного владения но, однако, его товарищ, получивший на хранение эту вещь без

какого либо документально оформленного основания, не сможет получить правомочия судебной защиты владения, в случае выбытия этой вещи из его фактического господства.

Иная конструкция видится на территории Германии и России, где владение указанной вещью будет защищено за любым лицом, обладавшим ею.

Как видно из проведенного анализа, движимая вещь в зависимости от ее перемещения в пространстве между различными государствами может защищаться по-разному, в зависимости от правопорядка того государства, где она находится. И одна и та же ваза может быть определена, защищена и использована одним и тем же лицом совершенно по-разному в зависимости от места ее нахождения, и наиболее правильным решением для защиты интересов собственника будет выбор коллизионной нормы в зависимости от режима наибольшего благоприятствования.

Список литературы:

1. Бевзенко, Роман Сергеевич. Введение в российское право недвижимости. Вып. 3: Государственная регистрация [Электронное издание] / Р. С. Бевзенко. – Москва: М-Логос, 2021. – 210 с.
2. Дождев Д. В. Римское частное право. Учебник для вузов. Под редакцией члена-корр. РАН, профессора В. С. Нерсесянца. - М.: Издательская группа ИНФРА - М-НОРМА, 1996. - 704 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 211.
4. Рыбалов А. О. Право собственности (комментарий к ст. 209 ГК РФ) [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017. – 96 с.
5. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.
6. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
7. Гражданское право Японии. В 2 кн. Кн. 1. Вагацума Сакаэ, Ариидзуми Тору. М.: Прогресс, 1983. С. 163.

Rudenko A.V., Balsky A.V. Main problems of determining property rights in relations complicated by a foreign element // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 401 – 405.

The right of ownership at various stages of development of state legislation aroused interest due to the social and state significance of this institution. As a result, each state has developed its own approach to understanding property rights, the limits of its protection and implementation, which introduces difficulties and problems if there is a foreign element in legal relations between subjects within the framework of the institution of property. This paper proposes a number of problems and ways to solve them.

Key words: International private law, civil law, about property, thing, possession, property law.

Spisok literatury:

1. Bevzenko, Roman Sergeevich. Vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. Vyp. 3 : Gosudarstvennaja registracija [Jelektronnoe izdanie] / R. S. Bevzenko. – Moskva : M-Logos, 2021. – 210 s.
2. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo. Uchebnik dlja vuzov. Pod redakciej chlena-korr. RAN, professora V. S. Nersesjanca. - M.: Izdatel'skaja gruppa INFRA - M-NORMA, 1996. - 704 s.
3. Pobedonoscev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaja chast': Votchinnye prava. M.: Statut, 2002. S. 211.
4. Rybalov A.O. Pravo sobstvennosti (kommentarii k st. 209 GK RF) [Jelektronnoe izdanie]. – M.: M-Logos, 2017. – 96 s.
5. Sklovskii K.I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave. 5-e izd., pererab. – M.: Statut, 2010. – 893 s.
6. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I: Obshhaja chast'. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushhestvennye prava / Otv. red. E.A. Suhanov. – 2-e izd., stereotip. – M.: Statut, 2011. – 958 s.
7. Grazhdanskoe pravo Japonii. V 2 kn. Kn. 1. Vagacuma Sakaje, Ariidzumi Toru. M.: Progress, 1983. S. 163.

УДК 342.95

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТАВЛЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ГРАЖДАН

Родителева Я. Н., Стеценко Н. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется проблематика доставления сотрудниками полиции граждан, обоснованных пробелами в законодательстве и недостатками в практике реализации Федерального закона «О полиции» и Кодекса Российской Федерации об административные правонарушения. Изучение законодательства, практики доставления граждан, учебных и научных публикаций позволило к основным проблемам деятельности полиции в этой сфере относить определение правовой природы доставления в системе мер государственного принуждения и других мер принудительного характера, применяемых непосредственно полицией, а также недостатки процедуры осуществления доставления (его оснований, времени и места, процессуального оформления) и её нормативного закрепления. В статье детализируются основания применения полицией доставления, что позволило отграничить «полицейское» и «административное» доставление; конкретизировать временные границы доставления, перечень мест для доставления, вида документа, фиксирующего процедуру и результаты доставления; определить основные направления цифровых инструментов для установления на месте происшествия личности граждан и проверки иной информации, имеющейся в распоряжении органов внутренних дел и др. С учетом изложенного, предложено доставление лиц рассматривать как самостоятельный подинститут отдельных мер государственного принуждения, применяемых полицией и дополнить ФЗ «О полиции» статьей 14.1 «Доставление», в которой закрепить основания для доставления граждан, перечень мест, куда такое доставление осуществляется, правила учета времени доставления, порядок действий сотрудников полиции при доставлении, их права и обязанности, содержание протокола об доставлении, обязанность полиции вести реестр доставленных в служебные помещения территориальные органы внутренних дел.

Ключевые слова: доставление, установление личности правонарушителя, федеральный закон «О полиции», Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административное принуждение, полиция.

Законодательство о деятельности полиции наделяет её сотрудников полномочиями по применению мер административного принуждения, в том числе целью которых является установление личности правонарушителя и обеспечение оперативности и полноты административного и уголовного производства.

В частности, ч. 1 ст. 13, ч. 3 ст. 28 федерального Закона «О полиции» предоставляет полиции и её сотрудникам право доставлять, то есть осуществлять принудительное препровождение, различные категорий граждан (совершивших правонарушения, разыскиваемых правоохранительными органами, органами дознания, следствия, судом; беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних) в специально установленные помещения и организации (п.13-15 ст. 13; п. 4 ч. 3 ст. 29) [1].

Характеризуя статистические данные о лицах, доставленных в полицию, следует отметить их соразмерность с числом граждан, привлеченных к уголовной ответственности и задержанных полицией в порядке ст. 14 ФЗ «О полиции». Например, в 2022 году ОВД выявлено 818 986 лиц, совершивших преступления, расследование которых осуществлялось ОВД [2]. По различным основаниям в соответствующие помещения было доставлено 168,5 тыс. несовершеннолетних, из них за совершение правонарушений, влекущих административную ответственность, – 89,8

тыс. (-9,4 % по отношению к показателю 2021 г.), в том числе не достигших возраста, с которого наступает административная ответственность, – 33,6 тыс. [3, с. 227]. Как мера административного обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, рассмотренных российскими судами в 2022 г., доставление применялось в отношении 359 166 человек; административное задержание – 378 244 человек; привод – 1034 человек [4]. В тоже время, полная информация о доставленных в полицию, в открытых источниках не приводится. Можно предположить, что ежегодно в полицию доставляется несколько миллионов человек.

Несмотря на наличие в нормах российского законодательства положений, определяющих основание и порядок применения полицией доставления, в правоприменительной практике имеются случаи обжалования действий сотрудников полиции как неправомерных. В частности, к Уполномоченному по правам человека в 2020-2022 гг. обращались граждане, которые сообщали о нарушении их прав и свобод в ходе доставления их сотрудниками полиции в процессе пресечения административных правонарушений: безосновательности доставления, отсутствие в местах пребывания доставленных необходимых условий (например, доступа к питьевой воде, питанию, туалету (особенно в период массовых задержаний во время пресечения незаконных публичных акций), не составление протокола о доставлении, неопределённости статуса доставленных до момента их задержания, освобождения из служебного помещения полиции без составления протокола об административном правонарушении и др. [5, с. 320-322]

Оценка применения полицией доставления, среди других вопросов, осуществлялась национальными и международными судебными институтами. Например, в постановлении Европейского Суда по правам человека по жалобе № 57818/09 (Страсбург, 7 февраля 2017 г.) «Лашманкин и другие (Lashmankin and others) против Российской Федерации» и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 г. № 149-О-О по жалобе Гудимова А.В. и Шуршева А.О. на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и статьей 1100 ГК РФ и др. [6].

Отдельное внимание проблематике доставления уделено в работах отечественных и зарубежных ученых, изучающих актуальные вопросы полицейистики, а также вопросы обеспечения прав и свобод человека в правоохранительной деятельности в целом. Как правило, данная тематика активно рассматривается в трудах ученых административистов и специалистов в области уголовного процесса: Г.Т. Агеенковой, С.В. Бажанова, Ю.П. Гапон, А.Г. Гришакова, О.А. Дизера, А.С. Дугенца, А.И. Каплунова, Н.В. Косаревой, Н.В. Макаренко, С.Н. Махиной, В.А. Мельника, Д.В. Пивоварова, Ю.В. Повоголовой, Ю.Ф. Решетника, С.Б. Россинский, Ю.П. Соловья, В.А. Тюрина, Н.Н. Цуканова и др. Ими рассмотрены общие и отраслевые аспекты доставления, охарактеризованы его разновидности, обосновываются предложения по совершенствованию административного, уголовно-процессуального и другого законодательства, регламентирующего доставления и практики его реализации.

В данной публикации нами предлагается обратить внимание на вопросы, касающиеся определения правовой природы доставления в системе мер государственного принуждения и других мер принудительного характера, применяемых непосред-

ственно полицией и процедуры осуществления доставления (его оснований, времени и места, процессуального оформления) и её нормативного закрепления.

Рассматривая первую группу проблем, необходимо обратить внимание на закрепление в федеральном законе «О полиции» и ряде других законодательных актах нескольких целей доставления: решение вопроса о задержании гражданина; установления личности гражданина; защита гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом; медицинское освидетельствование гражданина для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств; пресечение правонарушений или антиобщественных действий, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, а также оказание им помощи; составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным; другие, предусмотренные федеральным законом.

Несмотря на разнообразие целей доставления, закрепленных в нормативных актах, у большинства авторов не возникает сомнения по поводу его административно-правовой природы. В тоже время, необходимо отметить позицию процессуалиста С.Б. Российского, который настаивает на необходимости рассмотрения доставления и фактического задержания потенциального подозреваемого с позиций «конституционного и межотраслевого» подходов, использование которых, по его мнению, должно обусловить «...формирование некоего единого механизма реализации указанных полномочий (или по крайней мере единообразных подходов к ним) в различных формах юрисдикционной деятельности различными правоохранительными органами в целях решения стоящих перед ними задач и осуществления возложенных на них функций» [7].

Считаем, что такой подход является обоснованным в части определения предназначения доставления (особенно как способа защиты граждан от непосредственной угрозы его жизни и здоровью и оказания им помощи) и процессуальной формы, в рамках которой оно осуществляется. В тоже время, думается, что сами действия сотрудников полиции по доставлению граждан, осуществляются ими в рамках административной деятельности с использованием мер исполнительно-распорядительного характера, в первую очередь, административного принуждения и полицейской помощи.

Что касается принадлежности доставления к тому или иному виду мер государственного принуждения, то по его целям, основаниям и процедуре осуществления оно может быть отнесено к мерам: административного пресечения (например, как совокупность действий по прерыванию события правонарушения путём фактического захвата физического лица и изъятию его места совершения противоправного деяния, пресечение антиобщественных действий); административного предупреждения (например, при защите гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью); обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.2, ст. 27.12.1 КоАП) или уголовного дела (ст. 179 УПК РФ).

Отдельного внимания заслуживает определение места доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться

или ориентироваться в окружающей обстановке, а также лиц, находящихся в жилище в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу.

Считаем, что, определяя вид меры административного принуждения по приведённым выше основаниям, необходимо исходить из целей применения доставления. Так, в первом случае, основной целью доставления граждан является пресечение административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения», а дополнительной – оказание им помощи в медицинской или специализированной организации. Во втором – предупреждение возможного вреда жизни и здоровью граждан, находящихся совместно с таким лицом в жилище, или нанесения ущерба имуществу.

Еще одним аспектом является определение соотношения пределов психического воздействия сотрудников полиции на доставляемое лицо, осуществляемое путём устного требования сотрудника полиции следовать к месту составления протокола об административном правонарушении или проведения процессуальных и иных действий, и физического принуждения путём применения к такому лицу физической силы или специальных средств в случае его неповиновения или противодействия. В этой связи можно согласиться с мнением С.Н. Махиной, которая предлагает дополнить ст. 27.2 КоАП РФ «Доставление» общим (для соответствующих должностных лиц) указанием о полномочиях по применению ими физической силы или социальных средств, в порядке, предусмотренном законодательством [8].

Следующая группа проблем обуславливается особенностями процедуры доставления (его оснований, поводов, места и времени, процессуального оформления) и её нормативного закрепления.

Так, основаниями доставления в зависимости от его целей являются: наличие в действиях лица признаков административного правонарушения, обязательность составления протокола об административном правонарушении (ст. 28.6 КоАП РФ), невозможность составления протокола на месте правонарушения; наличие оснований для задержания лиц, указанных в ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции», невозможность решить вопрос на месте; невозможность установить личность гражданина, обоснованное предположение о возможности пребывания выявленного гражданина в розыске (п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); существование непосредственной (очевидной как сотруднику полиции, так и окружающим) угрозы жизни и здоровью гражданина, его неспособность (например, в силу возраста, состояния здоровья, сильного стресса) позаботиться о себе, невозможность избежать опасности иным, кроме путём доставления, способом (п. 13 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); нахождение гражданина в состоянии опьянения в общественном месте, приведшего к утрате им способности самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, принятие медицинским работником решения о необходимости медицинской эвакуации такого лица (п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», гл. 2 приказа МВД России от 13.04.2021 № 212 «Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции»); нахождение гражданина в состоянии опьянения в жилище, обоснованное предположение со-

трудника полиции и о том, что данное лицо может причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу, высказанная в форме письменного заявления просьба граждан, находящихся совместно с ним в жилище, о его доставлении в медицинские организации, специализированные организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции (п. 14 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции»); совершение несовершеннолетним правонарушения, антиобщественного действия, его нахождение без надзора, потребность в социальной реабилитации (п. 15 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [1].

В тоже время, содержание ряда оснований требуют уточнения. Например, неоднократно в юридической литературе и правоприменительной практике обращалось внимание на проблему определения критериев «невозможности решения вопроса о задержании на месте», «невозможности избежать опасности иным способом» (п. 13 ч.1 ст. 13 ФЗ «О полиции»), «невозможности составления протокола об административном правонарушении на месте выявления административного правонарушения» (ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ).

Вывод о «невозможности решения вопроса на месте» делается сотрудником полиции на основе оценки личности гражданина, обстановки на месте разбирательства, имеющихся в распоряжении сил и средств. При этом, Ю.П. Соловей справедливо указывает, что сотрудником полиции на месте должны быть приняты исчерпывающие меры, которые позволят достичь, установленных в законодательстве целей, без доставления. Например, убедиться в правдивости устного заявления какого-либо лица о совершении правонарушения конкретным гражданином; произвести экспресс-опрос лица, особенности внешнего вида, поведения, совершаемых действий, времени и места нахождения которого дают основания подозревать его в совершении преступления, установить его личность путем проверки документов или при помощи находящихся поблизости свидетелей; произвести на месте личный допрос гражданина при наличии данных о том, что он имеет при себе оружие; получить объяснение лица, совершившего административное правонарушение, составить на месте (в любом пригодном помещении, служебном транспортном средстве) протокол о таком правонарушении и т.п.) [14].

Анализируя примеры практической деятельности сотрудников полиции, основанием осуществления доставления являются и случаи, когда правонарушитель выдаёт себя за иное лицо, путается в показаниях, оказывает давление на дачу достоверных показаний очевидцами, свидетелями, препятствует осуществлению процессуальных действий, в том числе документированию [16].

Отдельные авторы обращают внимание и на недопустимости расширения категорий лиц, которые могут быть доставлены в органы внутренних дел за счёт потерпевшего, очевидца либо иного лица, без которого невозможно составление протокола на месте выявления административного правонарушения.

Считаем целесообразным поддержать предложения теоретиков и практиков о дополнении оснований доставления, перечнем обстоятельств, наличием которых сотрудники полиции наиболее часто мотивируют принятое ими решение : установление личности правонарушителя (другого лица), подтверждения (опровержение) предоставляемых им сведений, проверка лица по учётам органов внутренних дел (при отсутствии возможности такой проверки с использованием информационно-телекоммуникационных систем на месте правонарушения), предотвращение проти-

водействия органам административной юрисдикции, осуществляющим производство по делам об административных правонарушениях. Дальнейшее развитие информационных технологий в России позволит уменьшить число доставлений граждан в полицию для «удостоверения личности» в связи с появившейся у них возможностью представлять сведения, содержащиеся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, либо иных документов, выданных гражданам Российской Федерации государственными органами Российской Федерации, в электронной форме с использованием мобильного приложения федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», что приравнивается в случаях, определенных Правительством РФ по согласованию с ФСБ РФ, к предъявлению указанных документов [9]. Однако такой порядок пока не распространяется на иностранцев и лиц без гражданства.

Также, расширяются возможности применения ОВД технологий на основе искусственного интеллекта, машинного зрения и нейронных сетей, позволяющие дистанционно распознавать лиц, в первую очередь, находящихся в розыске, а также фиксировать обстановку на месте события для дальнейшего использования информации, зафиксированной в такой форме, в процедуре доказывания [10].

Нельзя игнорировать и процессы цифровизации, проникающие в сферу производства по делам об административных правонарушениях, направленные на внедрение системы электронного документооборота. В связи с этим, специалисты предлагают предусмотреть возможность оформления протокола об административном правонарушении в электронной форме [11-12]. Такой опыт более пяти лет существует в Республике Казахстан и более двух в Республике Кыргызстан, в законодательстве которых устанавливается, что «...производство по делам об административных правонарушениях осуществляется в бумажной и (или) электронной формах» (ст. 737-1 КоАП Республики Казахстан и ч. 2 ст. 506 Кодекса Кыргызской Республики об административных правонарушениях) [13; 14].

Определяя время, в течении которого может быть осуществлено, ученые, с целью исключить неопределённость в формулировке термина «возможно короткий срок» (ч. 2 ст. 27.2 КоАП) предлагают закрепить в законодательстве общи срок доставки – до 1 часа, и исключительный – в особых случаях: при сложных метеорологических условиях, совершении правонарушения в отдаленной местности, в условиях чрезвычайной ситуации и др., – до 2 часов.

Соглашаясь в целом с необходимостью указания в законодательстве более точных временных рамок, необходимых сотрудникам полиции, для доставления граждан, отметим, что для различных населенных пунктов и местностей (например, отдаленных, труднодоступных или сельских), он может существенно отличаться. Эта ситуация касается и доставления лиц, в специализированные учреждения, которые создаются в незначительном количестве: центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; специализированные организации, оказывающие помощь лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; организации (или их обособленные структурные подразделения), имеющие лицензию на осуществление медицинской деятельности, предусматривающую выполнение работ

(оказание услуг) по медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического).

Необходимо привести мнение Ю.П. Соловья, который, на основе анализа положений ст. 14 ФЗ «О полиции» указывает, что «...максимальный срок доставления, как и максимальный срок задержания граждан до (без) судебного решения, не может превышать 48 часов». При этом, «...время, затраченное сотрудником полиции на разбирательство с задерживаемым лицом на месте, его доставление в полицию, засчитывается в срок задержания», а «...срок доставления лица, задерживаемого в соответствии с КоАП, в срок административного задержания не включается» [14].

Результаты анкетирования сотрудников полиции, проведенного А.Г. Гришаковым, Ю.А. Прибытько, показали, что 28,5% респондентов таковым определяют время, необходимое для фактического доставления физического лица; 14,2% указывают на время, необходимое для доставления правонарушителя, в зависимости от конкретного случая; 6,2% считают, что «возможно короткий срок» – это время, которое не должно превышать 1 ч; 51,1% избрали оптимальный, на их взгляд, ответ, указав, что это время, не превышающее срок административного задержания (3 часа) [15].

Думается, что окончательное решение вопроса о времени доставления требует учета условий его осуществления, оценка которых предполагает проведение региональных исследований практики доставления граждан сотрудниками полиции, в том числе и с применением метода хронометрирования.

Что касается мест, в которые сотрудники полиции осуществляют доставления граждан в порядке ФЗ «О полиции», то их общим признаком является принадлежность к служебным помещениям (территориальных органов внутренних дел или подразделения полиции, в том числе и центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, муниципального органа), медицинским или специализированным организациям и учреждениям. При этом, перечень «иных служебных помещений» и их принадлежность не установлена.

Более конкретно в законе определены места доставления лиц, совершивших административные правонарушения в порядке ст. 27.2 КоАП РФ, к которым отнесены «...служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения» (п. 2 ч. 1).

В свою очередь, в повседневной полицейской практике сотрудниками ОВД осуществляется доставление граждан и в помещения, которые не имеют статуса служебных помещений ОВД (например, выделяемые участковому уполномоченному полиции, для работы на обслуживаемом административном участке (ч. 7 ст. 48 ФЗ «О полиции»), используемые для размещения временных постов полиции в общественных местах, так называемые, «комнаты полиции», находящиеся на автовокзалах, купе вагонов, предоставленных наряду сопровождения и др.), а также проводится разбирательство с гражданами (вплоть до составления протокола об административном правонарушении) в служебном автотранспорте (например, при выявлении правонарушений в области дорожного движения) или передвижном пункте полиции (специально оборудованном транспорте, предназначенный для обеспечения правопорядка в жилом секторе, зонах отдыха граждан, в местах проведения публичных мероприятий и на иной территории, удаленной от территориального органа МВД России на районном уровне, подразделений на транспорте) [1; 17-19].

Следует также обратить внимание на необходимость обеспечения условий пребывания доставленных в полицию граждан требованиям нормативных актов МВД России. В частности, в приложении № 1 к Приказу МВД РФ от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» установлены правила оборудования служебных помещений, предназначенных для выяснения обстоятельств факта задержания или доставления лиц, доставленных в дежурные части территориальных органов. Думается, что подобные правила целесообразно разработать и для других помещений (мест), в которых могут пребывать доставленные лица.

Для конкретизации перечня мест доставления граждан, совершивших административные правонарушения, предлагается МВД Российской Федерации установить примерный перечень «служебных помещений органов внутренних дел (полиции)», который конкретизировать в нормативных актах территориальных органов внутренних дел. Процессуальное оформление доставления в порядке ФЗ «О полиции» и КоАП РФ также отличаются. Так, в первом случае предусматривается составление: а) протокола в порядке, установленном ч. 14 и 15 ст. 14 ФЗ «О полиции» (п. 13 ч.1 ст. 13); документ в произвольной форме (п. 14 ч.1 ст.13); рапорт или протокол о доставлении (п. 8.1 приказа МВД России от 30.04.2012 № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан»); протокол (о доставлении несовершеннолетнего (п.1 ч. 2 ст. 21 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ). Во втором случае, о доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании (ч. 3 ст.27.2 КоАП РФ). Думается, что оформление доставления граждан в порядке ФЗ «О полиции» должно предусматривать составление протокола о доставлении, в котором, обязательному отражению подлежат: применяемая норма ФЗ «О полиции», время начала и окончания доставления, фиксация оснований доставления, с обоснованием невозможности выполнить необходимые процедуры на месте, ознакомление доставляемого с его обязанностями и правами, отметка о вручении ему копии протокола. Рекомендуемый образец протокола о доставлении предлагается закрепить либо в приказе МВД России от 30.04.2012 № 389, либо в самостоятельном нормативном акте МВД России. В тоже время, составление такого протокола не исключает возможности составления рапорта о действиях сотрудников полиции в процессе доставления, в котором могут отражаться и данные об обоснованности его применения, поведении лица, в отношении которого принято решение о доставлении, применяемых способах преодоления противодействия законному решению сотрудника полиции (в случае необходимости). Подытоживая изложенный материал, доставление лиц в порядке ФЗ «О полиции» может быть рассмотрено как самостоятельный подинститут отдельных мер государственного принуждения, применяемых полицией.

В связи с этим, предлагается дополнить ФЗ «О полиции» ст. 14.1 «Доставление», в которой закрепить основания для доставления граждан, перечень мест, куда такое доставление осуществляется, правила учета времени доставления, порядок действий сотрудников полиции при доставлении, их права и обязанности, содержание

протокола об доставлении, обязанность полиции вести реестр доставленных в служебные помещения территориальные органы внутренних дел.

Список литературы:

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // (в действующей редакции) // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
2. Состояние преступности в России (январь-декабрь 2022 года). – М., МВД России, ФКУ «ГИАЦ». 66 с.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2022 году. – М., 2023. 542 с. С.227.
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (2020, 2021, 2022 гг.): Форма 1-АП // <http://www.cdep.ru/?id=79>.
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. – М., 2023, 468 с. С. 320-322.
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. Дело «Лашманкин и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/71760234/#friends>; Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 149-О-О «По жалобам граждан Гудимова Александра Валерьевича и Шуршева Александра Олеговича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126272/
7. Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. №8 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-pravovoy-prirode-fakticheskogo-zaderzhaniya-i-dostavleniya-podozrevaemogo> (дата обращения: 06.09.2023).
8. Махина С.Н. Доставление и задержание в производстве по делам об административных правонарушениях: проблемы применения и процессуального оформления // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1–1.
9. Указ Президента РФ от 18.09.2023 № 695 «О представлении сведений, содержащихся в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
10. Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022-2024 годы» // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
11. Дудаев А.Б., Ткаченко В.В., Безуглый Э.А. Электронный протокол об административных правонарушениях в деятельности органов внутренних дел на транспорте // СевероКавказский юридический вестник. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-protokol-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-na-transporte> (дата обращения: 19.09.2023).
12. Шурухнова Д.Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-napravleniya-vnedreniya-elektronного-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.09.2023).
13. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V // [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399; Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128 // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164.
14. Соловей Ю.П. Доставление граждан в полицию как мера государственного принуждения, предусмотренная федеральным Законом «О полиции» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. №7 (266). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostavlenie-grazhdan-v-politsiyu-kak-mera-gosudarstvenного-prinuzhdeniya-predusmotrennaya-federalnym-zakonom-o-politsii> (дата обращения: 18.09.2023).
15. Гришаков, А. Г. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции: теория и практика применения / А. Г. Гришаков, Ю. А. Прибытко // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 3(11). – С. 61-64.
16. Шарипова А.Р. Актуальные проблемы при доставлении лиц, совершивших административные правонарушения // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. №2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pri-dostavlenii-lits-sovershivshih-administrativnye-pravonarusheniya> (дата обращения: 01.09.2023).
17. Об утверждении Инструкции по организации работы нарядов полиции линейных управлений (отделов) МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и работников локомотивных и поездных бригад по обеспечению правопорядка в поездах дальнего следования и пригородного сообщения: приказ МВД России и Министерства транспорта РФ от 27 декабря 2013 г. № 1022/487 // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
18. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 // ИПО «Гарант». – URL:

<http://www.garant.ru>.

19. Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах: приказ МВД России от 29.11.2019 № 879 // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.

Roditeleva Ya. N., Stetsenko N. V. Main problems of delivery of citizens by police employees // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 4. – P. 406-416.

The article updates the issue of police officers delivering citizens justified by gaps in legislation and shortcomings in the practice of implementing the Federal Law “On Police” and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The study of legislation, the practice of delivering citizens, educational and scientific publications allowed the main problems of police activity in this area to include the determination of the legal nature of delivery in the system of measures of state coercion and other coercive measures applied directly by the police, as well as the shortcomings of the delivery procedure (its grounds, time and place, procedural design) and its normative consolidation. The article details the reasons for the use of delivery by the police, which made it possible to distinguish between “police” and “administrative” delivery; specify the time boundaries of delivery, the list of places for delivery, the type of document recording the procedure and results of delivery; determine the main directions of digital tools for establishing the identity of citizens at the scene of an incident and checking other information available to internal affairs bodies, etc. Taking into account the above, it is proposed to consider the delivery of persons as an independent sub-institution of individual measures of state coercion applied by the police and to supplement the Federal Law «On Police» with Article 14.1 «Delivery», which establishes the grounds for the delivery of citizens, the list of places where such delivery is carried out, the rules for recording time delivery, the procedure for police officers to act upon delivery, their rights and obligations, the contents of the delivery protocol, the obligation of the police to maintain a register of those delivered to the official premises of the territorial internal affairs bodies.

Key words: delivery, identification of the offender, federal law “On Police”, Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, administrative coercion, police.

Spisok literatury:

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // (в действующей редакции) // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
2. Состояние преступности в России (январь-декабрь 2022 года). – М., МВД России, ФКУ «ГИАЦ». 66 с.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2022 году. – М., 2023. 542 с. S.227.
4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (2020, 2021, 2022 гг.): Форма 1-АП // <http://www.cdep.ru/?id=79>.
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год. – М., 2023, 468 с. S. 320-322.
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. Дело «Lashmankin и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации» // <https://base.garant.ru/71760234/#friends>; Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 149-О-О «По жалобам граждан Гудимова Александра Валерьевича и Шуршева Александра Олеговича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 и статьей 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126272/
7. Россинский С.Б. Размышления о правовой природе фактического задержания и доставления подозреваемого // Lex Russica. 2018. №8 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-o-pravovoy-prirode-fakticheskogo-zaderzhaniya-i-dostavleniya-podozrevaemogo> (дата обращения: 06.09.2023).
8. Maxina S.N. Доставка и задержание в производстве по делам об административных правонарушениях: проблемы применения и процессуального оформления // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1–1.
9. Указ Президента РФ от 18.09.2023 № 695 «О представлении сведений, содержащих сведения в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, с использованием информационных технологий» // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
10. Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифрового преобразования МВД России на 2022-2024 годы» // ИПО «Гарант». – URL: <http://www.garant.ru>.
11. Dudaev A.B., Tkachenko V.V., Bezuglyj E.A. Электронный протокол об административных правонарушениях в деятельности органов внутренних дел на транспорте // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-protokol-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-na-transporte> (дата обращения: 19.09.2023).
12. Shuruxnova D.N. Основы и направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-vnedreniya-elektronnogo-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.09.2023).

13. Kodeks Respubliki Kazaxstan ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 05.07.2014 № 235-V [E`lektronny`j resurs]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399; Kodeks Ky`rgy`zskoj Respubliki o pravonarusheniyax ot 28.10.2021 № 128 // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164.
14. Solovej Yu.P. Dostavlenie grazhdan v policiyu kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya, predusmotrennaya federal'ny`m Zakonom «O policii» // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. 2012. №7 (266). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostavlenie-grazhdan-v-politsiyu-kak-mera-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-predusmotrennaya-federalnym-zakonom-o-politsii> (data obrashheniya: 18.09.2023).
15. Grishakov, A. G. Dostavlenie kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v deyatel`nosti policii: teoriya i praktika primeneniya / A. G. Grishakov, Yu. A. Pribytko // Altajskij yuridicheskij vestnik. – 2015. – № 3(11). – S. 61-64.
16. Sharipova A.R. Aktual'ny`e problemy` pri dostavlenii licz, sovershivshix administrativny`e pravonarusheniya // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2020. №2 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pri-dostavlenii-lits-sovershivshih-administrativnye-pravonarusheniya> (data obrashheniya: 01.09.2023).
17. Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii raboty` naryadov policii linejny`x upravlenij (otdelov) MVD Rossii na zheleznodorozhnom, vodnom i vozdušnom transporte i rabotnikov lokomotivny`x i poezdny`x brigad po obespecheniyu pravoporyadka v poezdax dal`nego sledovaniya i prigorodnogo soobshheniya: prikaz MVD Rossii i Ministerstva transporta RF ot 27 dekabrya 2013 g. № 1022/487 « // IPO «Garant». – URL: <http://www.garant.ru>.
18. O nesanii sluzhby` uchastkovy`m upolnomochenny`m policii na obsluzhivaemom administrativnom uchastke i organizacii e`toj deyatel`nosti: prikaz MVD Rossii ot 29.03.2019 № 205 // IPO «Garant». – URL: <http://www.garant.ru>.
19. Ob utverzhdenii Nastavleniya ob organizacii v organax vnutrennix del Rossijskoj Federacii deyatel`nosti po obespecheniyu pravoporyadka na uliczax i v iny`x obshhestvenny`x mestax: prikaz MVD Rossii ot 29.11.2019 № 879 // IPO «Garant». – URL: <http://www.garant.ru>.

НАШИ АВТОРЫ

Апкаев Д. М.	<i>старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та ВЮИ ФСИН России</i>
Акименко Е. С.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Аникушин С. В.	<i>преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного). Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»</i>
Анохин А. Н.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Баграмян С. Л.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Басос Е. В.	<i>к.ю.н., доц. Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)</i>
Блохин Я. А.	<i>адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя</i>
Бальский А. В.	<i>обучающийся юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Буткевич С. А.	<i>заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе), к.ю.н., доц.</i>
Великая О. С.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, полковник внутренней службы</i>
Видашев И. И.	<i>соискатель, ФГАОу ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИИ «БелГУ»)</i>
Володина О. В.	<i>к.ю.н., преподаватель кафедры гражданского права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации</i>
Галкин А. Г.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВР «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина»</i>
Даниленко Ю.А.	<i>к.ю.н., профессор РАЕ, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Таврической ака-</i>

	<i>демии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Деменков В. А.	<i>обучающийся I курса магистратуры юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», Краснодар</i>
Дуленина О. В.	<i>обучающаяся I курса магистратуры юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», Краснодар</i>
Евтушенко И. И.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; доцент кафедры уголовного права и процесса института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского</i>
Еламков А. А.	<i>слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Ирицян Е. А.	<i>студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»</i>
Журавленко Н. И.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры математического моделирования и информационной безопасности Нефтекамского филиала Уфимского университета науки и технологий</i>
Заброда Д. Г.	<i>к.ю.н., доц., профессор к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Зарубина К. А.	<i>преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»</i>
Зоз В. А.	<i>старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Пикина Т. В.	<i>старший преподаватель к-ры управления и административно-правовых дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы наказания</i>
Росенко М. А.	<i>д.н.гос.упр., проф. к-ры конституционного и административного права Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Росенко М. И.	<i>Юридический институт Севастопольского государственного университета</i>
Романенко В. Б.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного права и криминологии Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)</i>
Рудницкий С. А.	<i>директор по безопасности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>

Рышкова Л. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры административного и финансового права, КрФ ФГБОУВО «РГУП», Симферополь
Рябченко А. Г.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
Саранкина Ю. А.	к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Саркисян В. В.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры гражданского права юридического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» г. Ростов-на-Дону
Семенцова И. А.	к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного права и криминологии Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России); доц. к-ры Уголовно-правовые дисциплины ЧОУ ВО «Южный университет» (ИУБиП)
Сибгатуллин Ф.С.	Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Сидельников М.А.	ООО «Медицинская робототехника», 197022, г. Санкт-Петербург
Сушицкий А. И.	адъюнкт заочной формы обучения (факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования) Санкт-Петербургского ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации
Титова К. А.	к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры административной деятельности органов внутренних дел. Краснодарский университет МВД России
Топчиева Т. В.	к.ю.н., профессор к-ры уголовного процесса. Барнаульский юридический институт МВД России
Казанцева Е. В.	к.ю.н., старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Крымский Филиал Краснодарского университета МВД
Капранов А. В.	к.ю.н., доц. к-ры судебной экспертизы и криминалистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
Каранова Д. А.	Альюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Капранова Ю. В.	к.ю.н., доц. к-ры административного права ФГКОУ ВО

	«Ростовский юридический институт МВД России»
Кеклис М. А.	к.ю.н., доц. к-ры предпримательского права; Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
Кириллова Т. К.	д.ю.н., проф., профессор к-ры гражданского права и процесса ЧУВО «Санкт-Петербургский университет технологий и экономики»
Киреев К. П.	аспирант к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Кодан С. В.	д.ю.н., проф., профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО Уральский государственный юридический университет
Корнев А. В.	д.ю.н., профессор, заведующий кафедры теории государства и права Московский государственный юридический университет имени О.Е Кутафина
Косовский В. Б.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Косовская Д. В.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Колычева А. Н.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
Лагуточкин А. В.	к.ю.н., доц., доцент к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Мартыной А. С.	старший преподаватель к-ры международного права и сравнительного правоведения, ФГБОУ ВО Юридический институт Иркутского государственного университета
Мерказова В. А.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала университета МВД России
Мирзоян М. А.	аспирант Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Морозова Н. В.	к.ю.н., доц., доцент к-ры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
Мокроусова К. А.	аспирант к-ры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Мутигуллин А. В.	<i>Адъюнкт адъюнктуры очного обучения факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного образования) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, майор</i>
Невлев В. В.	<i>к.ю.н., доц., проф. РАЕ, доцент к-ры теории и истории государства и права Белгородского университета кооперации, экономики и права</i>
Никитина А. П.	<i>д.ю.н., доц., доцент к-ры... Севастопольский государственный университет.</i>
Подзноев А.И.	<i>обучающийся юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Родителева Я. Н.	<i>подполковник полиции, ст. преподаватель специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Руденко А. В.	<i>ст. пре.п кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Стеценко Н. В.	<i>подполковник полиции, ст. преподаватель специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Ульянов А. Ю.	<i>обучающийся юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Факов А. М.	<i>к.ю.н., доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД РФ</i>
Фомин А. А.	<i>соискатель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева</i>
Ховавко С. М.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университетат МВД России</i>
Шаблеева В. В.	<i>ст. пре.п кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского</i>
Шишова О. П.	<i>генеральный директор ООО «Научно-исследовательский центр проектирования и историко-культурных экспертиз»</i>
Шкляр Т. А.	<i>Заместитель Председателя Верховного Суда Республики Крым, к.ю.н., Верховный Суд Республики Крым</i>
Яковец Е. Н.	<i>д.ю.н., проф., профессор к-ры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Кодан С. В.	
Развитие правовой организации пенсионного обеспечения лоцманов Дании в конце XIX – первой половине XX в.....	3
Корнев А. В.	
Эволюция общественных отношений организаций лоцманов Дании в XX – начале XIX вв.....	10
Галкин А. Г., Дулепина О. В., Деменков В. А.	
Сравнительно-правовая характеристика законодательства субъектов Российской Федерации.....	19
Журавленко Н. И., Яковец Е. Н.	
Генезис репрессивной политики советской власти в отношении духовенства и верующих граждан.....	26
Росенко М. И.	
Гражданство Российской Федерации: трансформации правовых механизмов..	38
Рудницкий С. А.	
Государственный суверенитет как основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.....	47
Рябченко А. Г., Ирицын В. А.	
Особенности организации уголовно-процессуальной деятельности в Московском государстве в XVII в.....	56
Сибгатуллин Ф. С.	
Понятие механизма реализации правоохранительной функции государства на современном этапе государственного развития.....	61
Кириллова Т. К.	
Правовая организация деятельности торгового мореплавания в Норвегии.....	69
Невлев В. В.	
Юридическая историография становления деятельности центросоюза кооперативных обществ в новой России.....	79
Никитина А. П.	
Административно-правовая организация портов Финляндии.....	88
Яковец Е. Н., Журавленко Н. И.	
Обеспечение экономической безопасности РСФСР в период осуществления новой экономической политики.....	94

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Заброда Д. Г., Еламков А. А.	
Понятие, содержание и субъекты противодействия подростковому «трейнсерфингу» («зацепингу»).....	104
Казанцева Е. В.	
Особенности правового регулирования организации и проведения публичных мероприятий в современной России.....	112
Капранова Ю. В., Капранов А. В.	
Теоретико-правовые основы профилактики жестокого обращения	

с несовершеннолетними в Российской Федерации.....	122
Каранова Д. А.	
Информатизация как фактор криминализации несовершеннолетних.....	132
Косовский В. Б., Косовская Д. В.	
Экстремизм в молодежной среде, проблемы и методы противодействия.....	138
Мирзоян М. А.	
Проблемы правового регулирования и процедуры реализации отдельных процедур внесудебной защиты прав несовершеннолетних.....	145
Мокроусова К. В.	
Организация власти на территориях с особым статусом: конституционно-правовой опыт стран СНГ.....	152

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Апкаев Д. Н.	
Пути совершенствования законодательства о возмещении вреда жизни и здоровью.....	158
Басос Е. В.	
Рынок интеллектуального труда в России как основа развития инновационной экономики.....	166
Галкин А. Г.	
О некоторых аспектах соотношения и взаимосвязи права на иск и права на предъявление иска в Российской правовой системе.....	174
Саранкина Ю. А.	
Трудовой договор как правовая форма обеспечения занятости населения.....	179
Саркисян В. В.	
Электронные способы заключения договора: понятие и виды.....	185
Кеклис А. Ю., Сидельников М. А.	
Регулирование предпринимательской деятельности в области здравоохранения: публично-правовой аспект.....	193
Мартынов А. С., Рышкова Л. В.	
Обязанность перевозчика по доставке груза к месту исполнения в договоре перевозки грузов железнодорожным транспортом по законодательству Российской Федерации.....	201

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Акименко Е. С., Володина О. В., Сушицкий А. И.	
Специальный правовой режим борьбы и уничтожения террористических проявлений.....	206
Баграмян С. Л., Мерказова В. А.	
Деликтологическая характеристика правонарушений в области антиалкогольного и антитабачного законодательства РФ, совершаемых несовершеннолетними.....	213
Буткевич С. А.	
Экстремизм как угроза туристической и информационной безопасности Крымского полуострова (криминологические аспекты).....	221
Даниленко Ю. А.	

Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика	232
Евтушенко И. И. Различия в квалификации деяний по статьям 159 ³ и 159 УК РФ: вопросы теории и практики.....	241
Колычева А. Н., Зоз В. А. Специальные знания, используемые при назначении судебных экспертиз по преступлениям против личности и собственности.....	249
Морозова Н. В., Лагуточкин А. В. Некоторые проблемные аспекты производства следственного эксперимента.....	254
Пикина Т. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений за совершение диверсии	259
Титова К. А., Топчиева Т. В. Особенности тактики проведения отдельных следственных действий по делам о преступлениях в сфере ЖКХ.....	266
Факов А. М. Субъекты противодействия финансированию террористической деятельности.....	274
Ховавко С. М. Влияние фактора цифровизации на оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел.....	283
Шишова О. П. Понятие культурного наследия как объекта уголовно-правовой охраны.....	287

СРОЧНО В НОМЕР

Аникушин С. В. Воплощение организационных принципов права в качестве источников права в правотворческой деятельности.....	294
Анохин А. Н. Об исследовании организационных и функциональных аспектов правотворческой деятельности правительства Российской Федерации.....	300
Видашев И. И. Судебная система РСФСР в первые годы новой экономической политики....	306
Зарубина К. А. Охранительная правовая доктрины России в трудах русских консерваторов XIX – начала XX вв.....	311
Мутингуллин А. В. Правовое регулирование деятельности госорганов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР (1943-1955 гг.).....	318
Киреев К. П. Формализация наблюдателей в законодательстве советского периода.....	326
Шкляр Т. А. Отдельные процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об оспаривании нормативных актов.....	332
Лихачёв С. В., Ракша Н. С.	

Основные направления противодействия коррупции: взгляд на проблему.....	346
Великая О. С. Реформирование деятельности финляндской пенитенциарной системы в начале 2020-х гг	353
Фомин А. А. К вопросу о практике применения репрессий в отношении членов семей изменников Родине в годы Великой Отечественной Войны.....	361
Блохин Я. А. Субъективные факторы детерминации преступности мигрантов.....	370
Лихачёв С. В., Ракша Н. С. Актуальные проблемы экологической безопасности Крыма.....	379
Семенцова И. А., Романенко В. Б. Сравнительный анализ института ответственности за наемничество в международном уголовном праве и национальном законодательстве зарубежных стран.....	385
Шаблеева В. В., Ульянов А. Ю. Понятие и признаки косвенной экспроприации в практике международных коммерческих арбитражей.....	392
Руденко А. В., Подзноев А. И. Вопрос о перспективе интеграции теории контроля юридического лица в российское правовое поле.....	396
Руденко А. В., Бальский А. В. Основные проблемы определения права собственности в отношениях, осложненных иностранным элементом.....	401
Родителева Я. Н., Стеценко Н. В. Основные проблемы доставления сотрудниками полиции граждан.....	406